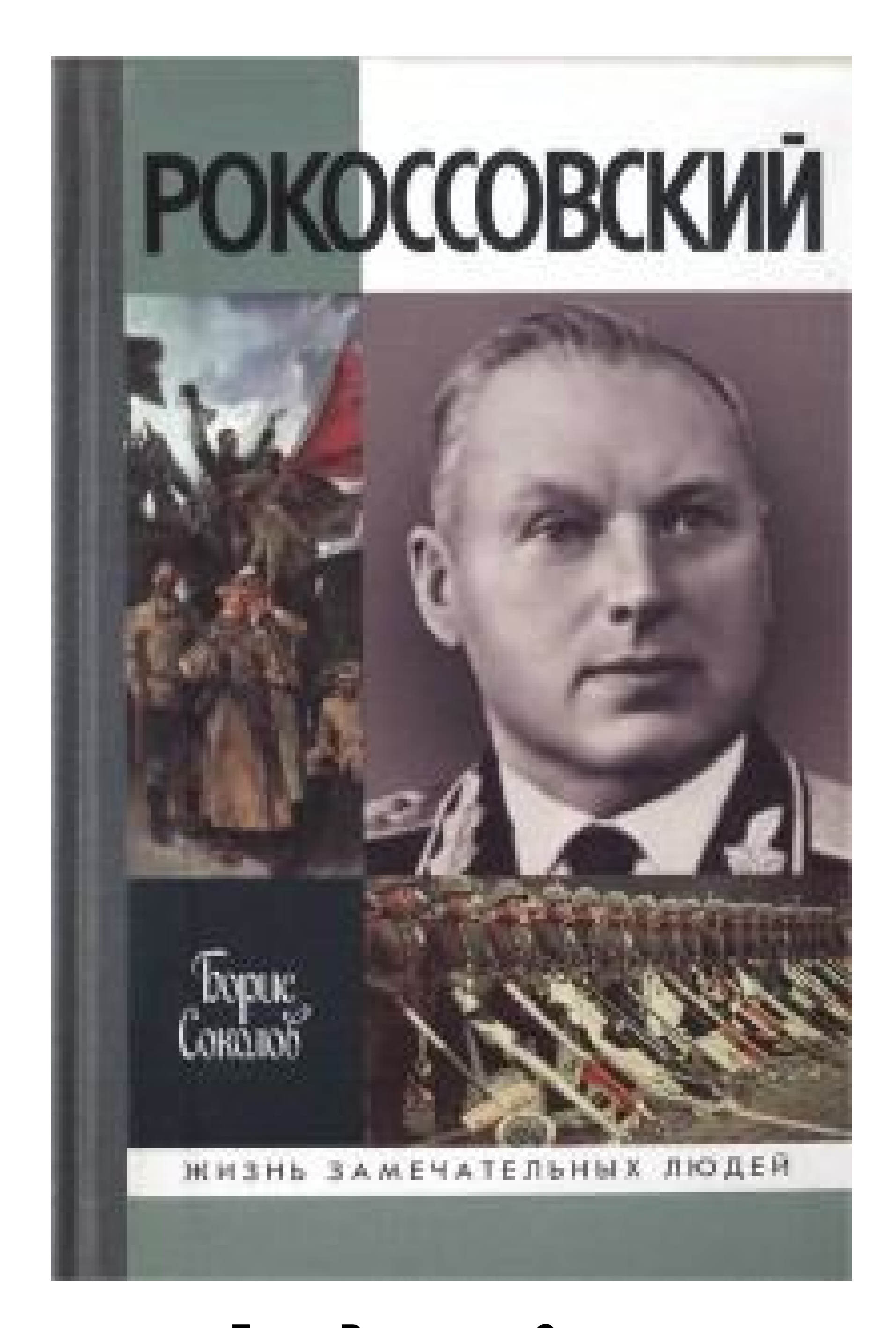
Борис Вадимович Соколов
Рокоссовский

Борис Вадимович Соколов
Рокоссовский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константина Рокоссовского еще сравнительно недавно называли «маршалом двух народов» — советского и польского. В Советском Союзе и во всем мире его признавали одним из величайших полководцев Второй мировой войны. Теперь на родине к маршалу Рокоссовскому относятся, мягко говоря, прохладно и скорее стараются забыть, как все мы стараемся забыть о чем-то неприятном. Его имя напоминает полякам о времени безраздельного советского господства, когда страна с тысячелетней историей фактически была лишена суверенитета. В России же фигура маршала как одного из главных архитекторов победы в Великой Отечественной войне оказалась в тени Сталина и его первого заместителя на посту Верховного главнокомандующего Жукова, которого молва еще в перестроечные времена нарекла «маршалом Победы». Здесь, безусловно, сказалась национальность Рокоссовского. Константин Константинович не раз с горечью говорил, что в России его считают поляком, а в Польше — русским. В обеих странах эта двойственность принесла ему немало неприятностей. В Советском Союзе его польское происхождение стало одной из причин ареста в 1937-м и более чем двухлетнего пребывания в тюрьме. Национальность послужила и главной причиной того, что Рокоссовскому не дали в 1945 году взять Берлин — эта честь досталась его бывшему подчиненному Жукову, коренному русаку. Из-за той же национальности его отправили после войны в Польшу, во многом чужую ему к тому времени страну, и заставили в течение многих лет заниматься в первую очередь не военными, а глубоко чуждыми маршалу политическими вопросами.

В советское время биография Рокоссовского была изрядно мифологизирована и мало чем отличалась от биографий других советских военачальников. В ней об ошибках маршала, а также о печальных событиях 1937 года говорилось вскользь, всячески подчеркивалась преданность Рокоссовского коммунистическим идеям, утверждалось, что именно идейные соображения толкнули его на сторону большевиков. Война и роль в ней Рокоссовского изображались вполне приглаженно, в полном соответствии с официальной концепцией, согласно которой на первом месте были стратегическое искусство советских полководцев, нерушимое единство партии и народа, обеспечившее победу, а страдания народа и поражения Красной армии оттеснялись далеко на второй план. Разумеется, всячески обходились сложности во взаимоотношениях с польским руководством во время пребывания Рокоссовского на посту министра национальной обороны Польской Народной Республики. И уж совсем не уделялось внимание психологии маршала, его внутренним переживаниям. По тогдашним канонам, героям советской истории запрещались всякая рефлексия, всякие сомнения в правильности «единственно верного» курса партии.

Рокоссовский успел оставить мемуары, хотя дописывал их уже в ту пору, когда был тяжело болен. Тот вариант книги, который вышел вскоре после смерти маршала, не слишком выбивался из канонов советской литературы такого рода. О репрессиях тридцатых годов там ничего не говорилось, критика в адрес Ставки Верховного главнокомандования и других советских военачальников звучала достаточно приглушенно. Зато, благодаря посмертной работе редакторов, в книге появились и явно фантастические эпизоды, особенно связанные с участием Константина Константиновича в Гражданской войне. При этом в тексте, принадлежащем перу самого Рокоссовского (помощью литобработчиков маршал не пользовался), в отличие от многих других советских военных мемуаров, например, Жуковских, нет сколько-нибудь существенных искажений фактов.

После того как цензурный гнет ослаб, а затем и вовсе исчез, появилась наиболее полная версия мемуаров Рокоссовского с восстановлением цензурных купюр, касавшихся главным образом критики планов Ставки и действий других советских военачальников. Но никакой критики лично Сталина или его репрессивной политики и в этой версии мемуаров мы не найдем. Упоминания репрессий мы находим только в черновиках мемуаров, и все они аккуратно зачеркнуты самим Константином Константиновичем. Вероятно, это было сделано не только по цензурным соображениям. Дело в том, что Рокоссовский ни разу не критиковал публично Сталина за репрессии даже тогда, когда в разгар хрущевской оттепели критика «культа личности» приветствовалась на самом высоком партийно-государственном уровне. Можно предположить, что маршал всю жизнь был благодарен Сталину за то, что тот вытащил его из тюрьмы (ведь его освобождение не могло произойти без санкции вождя), а потом возвысил до командующего фронтом, маршала, дважды Героя Советского Союза.

Вплоть до наших дней полноценной критической биографии Рокоссовского не появилось. Критической, подчеркну, не по отношению к маршалу, а по отношению к созданным вокруг него и вокруг всей Великой Отечественной пропагандистски-патриотическим мифам. Чего стоят названия недавних биографий Рокоссовского — «Победа не любой ценой», «Гений маневра»… Как мы увидим далее, Рокоссовский платил за победы примерно такую же высокую цену, как и другие советские генералы и маршалы. Сталинская Красная армия по-другому воевать не могла. Это был факт не военного искусства, а социологии. Дело было как в качестве человеческого материала, офицеров и солдат, чей образовательный уровень и дисциплина оставляли желать лучшего, так и в доведенной до своего предела тоталитарной системе управления, значительно ограничивавшей командиров всех уровней, прививавшей стремление действовать по шаблону. Это происходило из-за страха наказания за любые нестандартные действия. Из-за того же страха командиры вынуждены были отправлять ложные донесения, преувеличивающие во много раз потери противника и достижения собственных войск с одновременным значительным приуменьшением своих жертв. Как мы увидим далее, Константин Константинович тоже вынужден был порой направлять в Ставку ложные донесения в попытке отвести сталинский гнев от своих подчиненных.

Нельзя считать Рокоссовского и «гением маневра», поскольку никаких замечательных маневров, имевших стратегическое значение, вроде знаменитого Тарутинского марш-маневра М. И. Кутузова, он не провел. Достоинства Рокоссовского как полководца заключались в умении быстро собрать

отступающие части, заставить их упорно обороняться, а при благоприятных условиях — контратаковать. При отражении наступления противника на заранее подготовленных позициях Константину Константиновичу удавалось лучше других советских полководцев предугадать направление главного удара и сосредоточить там больше пехоты и артиллерии. Танки он предпочитал использовать в тесном взаимодействии с пехотой и не слишком большими массами, хотя это не всегда удавалось. При наступлении же Рокоссовский смело осуществлял двусторонний охват и окружение противника, но по-настоящему успешными окружения его частями больших группировок немецких войск были только во время проведения операции «Багратион» в Белоруссии.

Чем действительно выделялся Рокоссовский среди других советских генералов и маршалов, так это подчеркнутой корректностью в отношениях с подчиненными. В отличие от других Константин Константинович никогда не использовал «матерного» стиля командования, рукоприкладства и угроз расстрелом. Мне не удалось обнаружить ни одного приказа о расстреле конкретных офицеров, подписанного им, тогда как такого рода приказов за подписью Жукова и других «маршалов Победы» сохранилось предостаточно. Он был, без сомнения, самым человечным из всех советских военачальников. Он также старался, когда это было возможно, уменьшить потери своих солдат, но такие возможности представлялись очень редко и на общее соотношение советских и немецких потерь в операциях фронтов и армий, которыми он командовал, практически не влияли.

И еще, без сомнения, Рокоссовский был самым симпатичным из советских маршалов. Галантный красавец почти двухметрового роста, всегда строгий, подтянутый, без малейшего изъяна в форменной одежде, он всегда нравился женщинам. Писать на эту тему в советское время было строго запрещено, а когда появилась мода на такого рода публикации, Рокоссовский был мощно заслонен фигурой Жукова, к личной жизни которого публика питала повышенный интерес. Вообще, значительную часть своего жизненного пути Рокоссовский оказывался как бы в тени Жукова, и, вероятно, Константина Константиновича это до некоторой степени угнетало.

Но в существующих биографиях маршала не прояснены не только вопросы военного искусства Рокоссовского или его психологические переживания. Очень немногое известно о его участии в Первой мировой и Гражданской войнах, о его службе в межвоенный период, о послевоенном пребывании в Польше. Что же касается личной жизни, то Константин Константинович, как кажется, был довольно закрытым человеком и о своих чувствах предпочитал не распространяться даже в кругу родных и близких. Да и время было такое, не располагавшее к откровенности. Поэтому о подробностях жизни маршала мы можем судить только по интервью потомков Рокоссовского, в значительной мере основанным на семейных преданиях, да по немногим более-менее откровенным мемуарам людей, так или иначе знавших маршала. Такие мемуары появились только в эпоху перестройки и гласности, через пару десятилетий после кончины Константина Константиновича.

Жизненный путь Рокоссовского, как оказалось, до сих пор очень слабо документирован. Практически отсутствуют документы о его рождении и первых двадцати годах жизни, вплоть до начала Первой мировой войны. Поэтому даже дату и место рождения маршала мы вынуждены реконструировать только на основании позднейших свидетельств. Опубликовано не так уж много документов о его деятельности в годы Великой Отечественной войны; Жукову и в этом отношении повезло значительно больше. Еще более скудно представлен опубликованный документальный материал по службе маршала в межвоенный период и особенно материалы, связанные с его арестом и следственным делом. Последние были уничтожены еще в начале 1960-х годов. Опубликовано считаное число документов, посвященных службе Рокоссовского в Польше после завершения Великой Отечественной войны. Что же касается последних лет службы маршала в Советском Союзе, то тут можно указать только на его выступление на октябрьском 1957 года Пленуме ЦК КПСС, посвященном разбору дела маршала Жукова. Так что написание академической биографии полководца требует многолетних изысканий в российских и польских архивах и, вероятно, все еще остается делом довольно отдаленного будущего.

Моя задача гораздо скромнее. Я хочу остановиться на ключевых моментах биографии маршала Рокоссовского и, прежде всего, на его профессиональной, военной деятельности, на наиболее интересных моментах проведенных под его руководством операций с привлечением малоизвестных и неопубликованных архивных документов. Я также стремился проникнуть во внутренний мир

маршала, понять, как он жил в условиях тоталитарного режима, насколько разделял его идеологию и ценности. Если германские генералы и фельдмаршалы в полной мере почувствовали железную хватку государства лишь после неудачи антигитлеровского заговора 20 июля 1944 года, то в Советском Союзе высокопоставленные военные испытали на своей шкуре все прелести тоталитаризма еще в 1937 году. Рокоссовский не был участником сталинских репрессий, но был их свидетелем и жертвой, и это не могло не отразиться на его личности.

Я стремился показать Константина Константиновича и как полководца, и как человека, не закрывая глаза и на его ошибки и неудачи. Насколько мне удалась поставленная задача — судить читателю. Не скрываю, что в процессе работы над книгой испытывал все большую симпатию к своему герою, сумевшему в самых непростых условиях сохранить в себе порядочность, справедливость и другие человеческие качества.

Я приношу свою огромную благодарность внуку маршала Константину Вильевичу и правнучке Ариадне Константиновне Рокоссовской. Они оказали мне неоценимую помощь, поделившись материалами семейного архива и рядом идей, касающихся биографии их великого предка, а также взяв на себя нелегкий труд просмотреть рукопись перед публикацией. Приношу также свою искреннюю благодарность польскому историку Томашу Богуну за помощь в поиске фактов биографии Рокоссовского, а также российским историкам Константину Александровичу Залесскому, сделавшему ряд замечаний по рукописи, и Сергею Владимировичу Волкову, обратившему мое внимание на ряд ценных источников по истории Варшавы конца XIX — начала XX века.

Глава первая
ПОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Предки Константина Константиновича, по семейному преданию, происходили из старинного шляхетского рода с гербом Глаубич: в голубом поле плывущая влево золотая (или серебряная) рыба, на шлеме пять страусовых перьев — впервые упоминаемого в 1396 году. Один из предков маршала в XV веке получил во владение поместье Рокосово. *Rokos* по-польски означает «болото, трясина»; вероятно, имение предков маршала находилось в болотистых местах. Оттуда и пошли дворяне Рокосовские, ставшие позже Рокоссовскими. Их фамилия занесена в «Общий гербовник Российской империи» — свод гербов российских дворянских родов, учрежденный указом императора Павла 1 от 20 января 1797 года и включающий более трех тысяч родовых и несколько десятков личных гербов, а также во вторую часть «Гербовника дворянских родов Царства Польского».

Прадед маршала Юзеф Рокоссовский 12 ноября 1811 года был «избран и назначен» подпоручиком Второго кавалерийского полка армии Великого герцогства Варшавского — польского государственного образования, созданного Наполеоном I и находившегося под его личным протекторатом. Юзеф Рокоссовский еще был дворянином, поскольку поступил на службу офицером, но уже его сын Ян Винценты был не шляхтичем, а всего лишь подлесничим (помощником лесничего). Дело в том, что многие польские дворяне в момент присоединения Польши к Российской империи не имели в собственности крепостных, а порой и земли, и по своему положению мало чем отличались от крестьян. При этом шляхта была весьма многочисленна. Уже в XVI веке она составляла 8 процентов населения Речи Посполитой, а в Мазовии и Подляшье — более 20 процентов. Царское же правительство не без оснований полагало, что польское шляхетство сохраняет вольный дух и стремится избавиться от русского господства, что особенно ярко проявилось в восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 годов. Поэтому власти старались всячески уменьшить численность шляхтичей сначала в Западном крае, на территориях Литвы, Белоруссии и Украины, прежде входивших в состав Речи Посполитой, а потом и в царстве Польском, после его присоединения к Российской империи в 1815 году. Согласно указу от 29 марта 1812 года шляхетское звание признавалось только за теми, за кем оно уже было ранее утверждено. На комиссию, проводившую ревизию 1816 года, была возложена обязанность рассмотреть права лиц, называвших себя шляхтою, с точки зрения наличия записи о них в ревизских сказках 1795 года. Тех, кто не смог подтвердить свое шляхетство, записывали вольными хлеборобами, государственными крестьянами либо мещанами.

После восстания 1830–1831 годов Комитет Западных губерний, помимо прочего, занялся решением проблем шляхетского сословия. 19 октября 1831 года был издан закон «О разборе шляхты в Западных губерниях и об упорядочении такого рода людей». Всех шляхтичей, не способных подтвердить свое дворянство документами, зачисляли в специально созданные сословия однодворцев и граждан (горожан) Западных губерний. Шляхетства лишались и те польские шляхтичи, которые не имели земли или, имея землю, не имели крепостных. При этом к православной шляхте подход был гораздо более либеральным. Для подтверждения шляхетства принимались и явно фальшивые дипломы, которые в массовом количестве изготовлялись за умеренную плату на украинских и белорусских землях. В частности, большое количество таких поддельных дипломов было предъявлено во второй половине XVIII века, когда в дворяне старались записаться бывшие украинские вольные казаки. Так, отец писателя Николая Гоголя Василий Яновский имел диплом о даровании шляхетства Могилевскому полковнику Остапу Гоголю в 1674 году польским королем Яном Казимиром. Герольдию, в отличие от последующих исследователей, не смутило, что Ян Казимир отрекся от престола еще в 1668 году.

Указом 19 января 1866 года сословия однодворцев и граждан Западных губерний были упразднены и все польские шляхтичи, не доказавшие своего дворянства, записывались крестьянами либо мещанами. Сам Константин Константинович был записан мещанином. Можно предположить, что предки Рокоссовского лишились шляхетства еще в 1840-х годах, поскольку они жили на территории царства Польского. Скорее всего, они не смогли представить бумаг, подтверждающих их шляхетство, и были записаны в граждане, а потом и в мещане.

По семейному преданию, Ян Винценты рассорился с сыном Ксаверием Юзефом, будущим отцом нашего героя, потому что тот десятилетним мальчишкой сбежал из дома, чтобы принять участие в январском восстании 1863 года за возрождение независимой Польши, и отец с трудом разыскал его в районе Люблина. Сам Ян Винценты, впрочем, тоже не избежал заключения в Варшавской цитадели за сочувствие повстанцам.

Матерью Ксаверия и бабушкой Константина Константиновича была Констанция Холевицкая, состоявшая в родстве со знаменитой солисткой балета Варшавской оперы Хеленой Холевицкой. Можно предположить, что семья Яна Винценты Рокоссовского была достаточно состоятельной. Ксаверий, родившийся в 1853 году, по воспоминаниям его дочери Хелены, был мужчиной среднего роста, худощавым, но физически сильным. Он женился в конце 1880-х или в самом начале 1890-х годов, в возрасте около сорока лет, на учительнице Антонине (Атониде) Овсянниковой, из мещан местечка Телеханы Пинского уезда Минской губернии, которая, скорее всего, была значительно младше супруга. Она была русской и православной. Вероятно, тот факт, что Ксаверий Юзеф женился на русской, отдалил его от его польской родни.

Позднее, уже в советское время, Константин Константинович писал в анкетах и автобиографиях, что его отец был железнодорожным машинистом. Например, в автобиографии, написанной сразу после освобождения из заключения, Рокоссовский написал: «Родился в г. Варшаве в 1896 г. в рабочей семье. Отец — рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 г. Мать — работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году… Окончил четырехклассное городское училище в 1909 г. в г. Варшаве (предместье Прага)».

Здесь, как мы увидим далее, многое искажено. На момент рождения Константина Ксаверий работал на железной дороге ревизором, то есть служащим. Хотя до этого конечно же мог работать машинистом. Нет уверенности и в том, что мать Константина действительно работала на чулочной фабрике. А когда и где родился сам Рокоссовский — вопрос, на который имеются различные варианты ответа.

Рокоссовский во всех анкетах датой своего рождения называл 8(20) декабря 1896 года. Место же своего рождения он определял по-разному: вплоть до 1945 года маршал всегда утверждал, что родился в Варшаве. В 1945 году в анкете, а также в автобиографии, написанной 27 декабря, в качестве места его рождения указаны Великие Луки в Псковской губернии. Затем, когда осенью 1949 года Сталин приказал Рокоссовскому вновь стать поляком и возглавить Войско польское, местом его

рождения опять стала Варшава. После же возвращения Константина Константиновича в Советский Союз семь лет спустя он стал снова указывать местом рождения Великие Луки.

Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский выдвинул интересную гипотезу, почему вдруг в послевоенной автобиографии деда Варшаву как место рождения сменили Великие Луки. В 1945 году Рокоссовский стал дважды Героем Советского Союза. Согласно положению об этом звании, на родине дважды Героя полагалось устанавливать бюст. Как его установишь в Варшаве? Конечно, польское правительство целиком зависит от Москвы, но и ему будет не очень удобно устанавливать в столице бюст в честь героя другой страны, открыто демонстрируя тем самым свою зависимость от СССР. Поэтому в автобиографии Рокоссовский, очевидно, по настоятельной рекомендации сверху, местом рождения указал вполне русские Великие Луки. Возможно, его выбрали потому, что в его окрестностях находилось прежде имение баронов Рокоссовских, дальним родственником которых не без оснований считали советского маршала. Вполне возможно, что место рождения Рокоссовского поменяли по прямому распоряжению Сталина.

Что самое интересное, Рокоссовский, похоже, в какой-то момент пытался убедить себя, что действительно родился в Великих Луках — и после войны, уже в бытность министром национальной обороны Польши, отправил туда запрос, стараясь выяснить собственную родословную. Впрочем, вполне вероятно, что в месте своего рождения Константин Константинович никогда не сомневался, а запрос делался только затем, чтобы его отрицательный результат убедил польских товарищей, что маршал действительно родился в Варшаве. Ведь когда Рокоссовский был отправлен служить в Польшу, в качестве места рождения он опять стал указывать Варшаву. Когда же поляки не слишком деликатно отослали Константина Константиновича обратно в СССР, он снова выбрал местом своего рождения российские Великие Луки.

Стоит обратить внимание на еще одну явную несообразность. И старшая сестра Константина Мария, и младшая Хелена родились в Варшаве или, по крайней мере, на территории царства Польского. Почему вдруг семья железнодорожника, работавшего на Рижско-Орловской железной дороге, обосновалась в Польше? Ведь упомянутая дорога была довольно далека от польских земель. Если же допустить, что в период рождения детей глава семейства трудился уже на Варшавско-Венской железной дороге, то становится абсолютно непонятным, что занесло его на Псковщину, да еще с беременной женой. Ведь ехать из Варшавы в Вену через Великие Луки ни один дурак не будет, а семьи железнодорожников обычно селились на станциях той дороги, где работали. Тем более что железная дорога прошла через Великие Луки только в 1898 году, через два года после принятой в советское время даты рождения Рокоссовского. Но неизвестно, знал ли об этом факте Константин Константинович.

В действительности местом рождения будущего маршала были либо Варшава, либо какой-то другой город на территории царства Польского. Что мы знаем точно, так это то, что при рождении Константин был крещен в православии. Это следует из документов его последующей службы в 5-м драгунском Каргопольском полку, в том числе из представления к награждению солдатским Георгием. Это обстоятельство не должно никого удивлять. Вплоть до 1905 года, согласно действующему законодательству, в случае брака католика, находящегося на государственной службе, с православной, их дети должны были креститься в православной вере, иначе их отец терял должность. Отец Константина Ксаверий был то ли машинистом, то ли ревизором, а следовательно, состоял на госслужбе. Хотя Варшавско-Венская дорога, как и почти все железные дороги Российской империи, находилась в концессии у частного капитала, железнодорожники считались государственными служащими и носили форменные бляхи с имперским гербом — двуглавым орлом.

Вот что сообщал энциклопедический словарь «Гранат» о Варшаве той эпохи, когда там жил Константин Рокоссовский: «Население Варшавы в своем росте очень быстро прогрессирует и в этом отношении отводят ей среди городов России третье место (Петербург, Москва, Варшава). Всех жителей около 785 тысяч (1913 г.), из коих православных 36 тыс., католиков — 400 тыс., протестантов — 20 тыс., евреев — 254 тыс.; остальное население армяно-григориане, магометане и пр. В Варшаве имеются: университет, технологический и ветеринарный институты, 7 мужских гимназий, 2 прогимназии, несколько реальных, коммерческих и средне-технических училищ, кадетский корпус, учительская семинария, институт благородных девиц, 4 женских гимназии и

коммерческое училище; городских училищ свыше 180. Цены на жизненные продукты и в особенности квартиры — петербургские. Православных церквей в городе (с домовыми) более 20». В одной из них, скорее всего, и крестили будущего маршала. Семья Рокоссовских в момент его рождения проживала на правом берегу Вислы, в Праге, на улице Сталёвой, 5.

Как мы видим, православных в Варшаве было не так уж мало — около 5 процентов населения. Однако среди православного населения города преобладали не поляки, а русские — семьи чиновников и офицеров. Большинство поляков относились к соотечественникам, принявшим православие, настороженно, видя в них агентов России — страны, лишившей Польшу независимости и проводившей в конце XIX и в начале XX века политику русификации. Даже преподавание в польских гимназиях долгое время велось исключительно на русском языке. Только после революции 1905 года было частично восстановлено преподавание на польском; тогда же были разрешены частные мужские гимназии.

Следует сказать, что в данных автобиографии маршала 1940 года есть очевидные неточности. Его отец Ксаверий Юзеф умер не в 1905 году, а 17 октября 1902 года и был 20 октября похоронен на Брудновском кладбище в Варшаве. Надгробная гранитная плита, которая и ныне украшает могилу, была установлена маршалом в начале 1950-х годов. По воспоминаниям Хелены Рокоссовской, отец так до конца и не оправился от последствий железнодорожной аварии, в которую попал за несколько лет до смерти. Она помнила фотографию, на которой отец был запечатлен рядом с перевернувшимся поездом.

Еще одна неточность — насчет четырехклассного городского училища, которое Рокоссовский будто бы окончил. На самом деле Константин либо вообще не окончил училище, либо окончил, но выпускных экзаменов не сдал.

Почему я так утверждаю? А вот почему.

В кандидатской карточке на занятие командных должностей в Красной армии, заполненной 22 апреля 1920 года, Рокоссовский записался Константином Константиновичем, избавившись от непривычного для русского уха отчества Ксаверьевич (у поляков-то отчеств вообще нет). Он указал дату и место своего рождения: 8 декабря 1896 года, Варшава. Здесь дата была указана по старому стилю (юлианскому календарю), действовавшему в Российской империи. По новому стилю — это 20 декабря, но впоследствии Рокоссовский праздновал день рождения всегда 21 декабря, то есть 8-го по юлианскому календарю. В той же кандидатской карточке он сообщил, что окончил пять классов гимназии. Ее название написано неразборчиво и читается как «Фронажовска» либо «Бжезинского». Если верно последнее чтение, то Рокоссовский, скорее всего, имел в виду Первую мужскую гимназию, директором которой в 1911 году был действительный статский советник Александр Алексеевич Бжезинский.

На вопрос: «Когда поступил на военную службу и как: по жребию, охотником или вольноопределяющимся или выпущен из училища?» — Рокоссовский ответил: «2 августа 1914 года вольноопределяющимся 5-го драгунского Каргопольского полка». Здесь маршал малость присочинил, поскольку, как показывают документы, в полк он вступил не вольноопределяющимся, а добровольцем (охотником), так как для вольноопределяющегося у него не было необходимого образовательного ценза. Теперь же он этот ценз завысил.

Казалось бы, эта анкета подтверждает не только дату и место рождения будущего маршала, но и его довольно высокий образовательный ценз к моменту поступления на службу в Красную армию. Получалось, что он окончил даже не четыре, а пять классов гимназии, а потому в царскую армию поступил в 1914 году вольноопределяющимся. Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, «желающие поступить на службу вольноопределяющимися должны удовлетворять следующим условиям: 1) иметь не менее 17 лет от роду и, в случае несовершеннолетия, представить согласие от своих родителей или опекунов; 2) соответствовать по своему здоровью и телосложению условиям, установленным для приема в военную службу, и 3) иметь надлежащее свидетельство о полученном образовании».

В той же кандидатской карточке Рокоссовский сообщил, что в последнем полученном воинском звании служил «в старой армии вольноопределяющимся младшим унтер-офицером с 5 августа по октябрь 1917 г.». Здесь он снова покривил душой: служил он «охотником» (простым добровольцем, не имевшим необходимого образовательного ценза и прав вольноопределяющегося), а в младшие унтер-офицеры был произведен только 29 марта 1917 года. Ни в одном списке личного состава 5-го драгунского Каргопольского полка за 1914–1917 годы Константин Ксаверьевич Рокоссовский ни разу не назван «вольноопределяющимся», а только «охотником».

Этот факт может означать только одно: в момент поступления в 5-й Каргопольский полк Константин Рокоссовский не окончил четырехклассного городского училища, что давало бы ему право стать вольноопределяющимся и избавиться хотя бы от такой неприятной армейской повинности, как хозяйственные работы.

С точки зрения версии о том, что Рокоссовский родился в декабре 1896 года, утверждение, будто он поступил на службу вольноопределяющимся, казалось вполне логичным: вольноопределяющихся брали в армию, начиная с семнадцатилетнего возраста, а Рокоссовскому в августе 1914 года должно было исполниться как раз семнадцать. Но вот беда: в приказе по 5-му драгунскому Каргопольскому полку от 5 августа 1914 года назывался совсем другой год рождения. Этот приказ гласил: «Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокосовский (так. — *Б. С.),* родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон».

Нашедший и опубликовавший этот приказ автор первой советской биографии Рокоссовского (вышедшей в 1972 году и по тем временам очень неплохой) Владислав Кардашов попытался объяснить возникшее противоречие так: «Видимо, велико было желание Константина Рокоссовского поступить в полк, раз для этого пришлось прибавить, по совету старшего товарища Вацлава Странкевича, целых два года — на самом деле в августе 1914 года молодому добровольцу не было и 18 лет, а в русскую армию призывались тогда лишь лица, достигшие 21 года». Тут надо добавить, что охотником называлось лицо, поступавшее в армию ранее, чем пришло время их призыва, но не имевшее достаточного образовательного уровня для того, чтобы стать вольноопределяющимся. Поэтому охотников брали в армию с двадцати лет и у них была привилегия выбора рода войск.

Следует обратить внимание на то, что в приказе Рокоссовский был назван «мещанином гмины Комарово». На территории этой гмины он никогда не жил, да это и не требовалось. По существовавшему тогда законодательству к комаровским мещанам были приписаны предки Рокоссовского после того, как их лишили шляхетства. В Островском уезде, в местечке Стоки, в частности, какое-то время проживал дед маршала, Ян Винценты Рокоссовский, там родились некоторые из его детей. Вряд ли Константин Рокоссовский точно знал на память, к какой именно гмине приписаны его отец и он сам. Вернее всего, эти данные были почерпнуты из паспорта Рокоссовского. Не могли же принять в полк человека вообще без документов — ведь он мог оказаться дезертиром, беглым преступником, неприятельским шпионом или просто человеком, уже подлежащим призыву, а потому не имеющим права поступать в полк охотником. То, что год рождения Вацлава Странкевича в приказе не был указан, понятно: командира полка интересовало прежде всего отношение новопринятых охотников к воинской повинности. Странкевич, несомненно, предъявил приписное свидетельство о том, что он в 1911 году зачислен в ратники ополчения 1-го разряда. Эта категория военнообязанных не подлежала первоочередному призыву после объявления всеобщей мобилизации и вообще не подлежала призыву в регулярные войска, а должна была лишь замещать в тылу резервные войска, отправленные на фронт, поэтому Странкевич мог поступить на службу охотником (добровольцем). Рокоссовский же, рожденный в 1894 году, подлежал призыву только в 1915-м, следовательно, имел все права идти в армию охотником.

Но давайте вслед за Кардашовым на мгновение поверим, что Рокоссовский действительно состарил себя на два года, чтобы попасть на войну, и что командир 5-го Каргопольского полка полковник Артур Шмидт и его адъютант поручик Сергей Ломиковский были столь наивны, что не спросили у

новобранца никаких документов. Но все равно Константин Рокоссовский в 1896 году родиться никак не мог — и аргумент тут совершенно железобетонный, точнее, гранитный.

Дело в том, что младшая сестра Константина Хелена Рокоссовская, как свидетельствует гранитная плита на ее могиле на Брудновском кладбище в Варшаве, родилась 16 августа 1896 года и скончалась 22 июля 1982 года. Правнучка маршала Ариадна Константиновна в один из своих приездов в Варшаву сделала цветную фотографию могилы Хелены. И вот на квартире Ады мы вместе с ее отцом, внуком маршала Константином Вильевичем Рокоссовским, рассматриваем в большую лупу надпись на надгробии. Издали дата рождения выглядит как «18 VIII 1898», но при ближайшем рассмотрении достаточно уверенно читается «1896». Для прояснения вопроса я написал моему варшавскому другу историку Томашу Богуну и попросил его сходить на Брудновское кладбище, найти там могилу Хелены и уточнить, какая там стоит дата рождения. И Томаш написал мне 15 января 2009 года, что дата рождения покойной сестры маршала — 16 августа 1896 года (значит, 18 августа мы прочли по фотографии неверно), и она внесена в компьютерную базу данных Брудновского кладбища. Правда, на фотографиях, которые нам прислал из Варшавы, год смерти Хелены на плите теперь читается как 1898. Такое впечатление, что с тех пор, как могилу фотографировала Ариадна Рокоссовская, надпись на плите подновляли, при этом вряд ли заглядывая в картотеку кладбища. Но в архиве Константина Вильевича нашлась фотография похорон Хелены Рокоссовской. Там явственно видна табличка на гробе, на которой отчетливо читается: «Хелена Рокоссовская, жила 86 лет. 24.VII.1982» (24 июля — дата захоронения). Это однозначно указывает на 1896 год как год рождения Хелены.

Таким образом, сомнений не осталось. Хелена Рокоссовская действительно родилась в августе 1896 года. Но это совершенно однозначно доказывает, что будущий маршал ни в коем случае не мог родиться в декабре того же года — законы биологии еще никто не отменял. Можно, конечно, в шутку предположить, что Хелена и Константин были близнецами и Константин просто на четыре с лишним месяца подзадержался в утробе матери, но это будет только шуткой. Можно даже всерьез предположить, что брат и сестра действительно были близнецами, и будущий маршал в действительности родился в один день с сестрой Хеленой, то есть 16 августа 1896 года, но такое предположение наверняка не соответствует истине. Ведь достаточно необычный факт рождения близнецов не мог не запомниться родным будущего маршала, в том числе той же Хелене. Но никаких намеков на это нет ни в ее воспоминаниях, ни в семейных преданиях.

Так когда же все-таки родился Константин Рокоссовский? Если предположить, что на самом деле он был младше сестры Хелены, то самой ранней возможной датой его рождения является конец 1897 года. Однако тогда совершенно непонятно, почему Константин Константинович в начале своей службы в Красной армии делал себя старше, чем он был на самом деле. Ведь он в тот момент уже был настроен на военную карьеру, а с этой точки зрения выгоднее быть моложе, а не старше, чем ты есть в действительности: отдаляется время выхода в запас и в отставку, и ты становишься более перспективным кадром в глазах начальства. В эпоху революции и Гражданской войны очень многие люди, пользуясь возникшей неразберихой, меняли даты своего рождения. Однако делали это, как правило, в сторону омоложения, поскольку это, как им казалось, улучшало их карьерные и брачные перспективы. При этом нередко образовательный ценз занижался, чтобы человека не заподозрили в принадлежности к имущим классам населения, у которых было гораздо больше шансов дать детям образование. В этом случае сдвиг года рождения на более поздний позволял скрыть годы биографии, проведенные в старших классах гимназии. Например, «стальной нарком» Николай Иванович Ежов по этой причине, судя по всему, омолодил себя на два-три года.

Рокоссовский же поступил довольно нестандартно, не занизив, а завысив свой образовательный ценз и произведя себя в вольноопределяющиеся. Это могло заставить бдительных комиссаров усомниться в его пролетарском происхождении, но зато открывало хорошие карьерные перспективы. Ведь Рокоссовский уже с марта 1919 года был членом РКП(б), а среди вступивших в партию командиров Красной армии в то время немногие могли похвастать даже пятью классами гимназии. С таким образованием можно было надеяться, что тебя утвердят на должность командира полка, несмотря на молодость, что и произошло с Рокоссовским.

Тут стоит добавить, что Хелена Рокоссовская всю жизнь считала себя младшей, а не старшей сестрой Константина. Трудно представить, что здесь она могла ошибаться. Поэтому единственно верным остается предположение, что маршал родился раньше, чем его сестра. Тогда наиболее ранней датой его рождения может быть середина 1895 года. Но очень близко к этому времени лежит декабрь 1894 года — думается, Рокоссовскому не было никакого смысла искажать месяц своего рождения. 1894 год, как мы помним, фигурирует и в приказе о зачислении Константина Рокоссовского в 5-й драгунский Каргопольский полк. С ним хорошо коррелирует и тот факт, что старшая сестра Константина, Мария, родилась в 1892 году. Поэтому можно считать, что Константин Ксаверьевич Рокоссовский родился в Варшаве 8(20) декабря 1894 года — на два года раньше даты, указанной во всех словарях и энциклопедиях. Впрочем, и эта дата достаточно условна: в России тогда, а в Польше и сегодня, праздновали чаще всего не день рождения, а день ангела, который обычно приходился на тот же месяц, но редко — на тот же день. Поэтому точного дня своего рождения Рокоссовский мог вообще не помнить.

Абсолютно точно узнать день рождения Константина Рокоссовского удастся в том случае, если будет найдена запись о его рождении в церковно-приходской книге. Следовательно, надо попытаться найти в архивах церковно-приходские книги того православного храма Варшавы, в котором крестили Рокоссовского. В 1894 году в Варшаве были следующие православные храмы: Свято-Троицкий кафедральный собор (Долгая улица, 15), Свято-Троицкая церковь на Подвальной улице, 5; Свято-Успенская церковь (Медовая улица, 14), Мария-Магдалинская церковь на Праге (угол Торговой улицы и аллеи, которая ныне называется аллеей Солидарности), Свято-Владимирская церковь на кладбище (предместье Воля). В одной из них и крестили Рокоссовского, скорее всего — в Свято-Троицкой. Но надеяться на то, что что-нибудь удастся найти в архивах, вряд ли стоит — две мировые войны самым пагубным образом сказались на состоянии польских архивов. Часть из них была эвакуирована в Россию в 1915 году. Многие пострадали во время боев в Варшаве в сентябре 1939 года и восстания 1944 года. Не исключено, что запись о рождении Константина Рокоссовского давно уже превратилась в пепел.

Интересно, что маршал Георгий Константинович Жуков, друг и соперник Рокоссовского, родившийся 19 ноября (1 декабря) 1896 года, всю жизнь был уверен, что тот младше его, хоть и всего на три недели. А на самом деле Рокоссовский был старше его почти на два года.

Скажем теперь несколько слов и о старшей сестре Константина, Марии. О ее судьбе после смерти отца мало что известно. Когда Рокоссовский вскоре после поступления в полк навестил родных, те сообщили ему, что Мария вышла замуж. Она умерла в эвакуации в России в 1915 или 1916 году, о чем Константин сообщил сестре Хелене, когда встретился с ней в 1945 году в освобожденной от немцев Варшаве. Раз она эвакуировалась, можно предположить, что ее муж был русским чиновником или офицером. Напомню, что она, как и другие дети Ксаверия, была православной. Неизвестно, были ли у Марии дети. Быть может, она умерла при родах, что было нередким явлением. Но, как знать, быть может, потомки Марии Рокоссовской живут сейчас в России или где-нибудь во Франции или Америке, если мужу Марии посчастливилось эмигрировать. Впрочем, найти этих родственников знаменитого маршала — дело трудное. Ведь фамилию мужа Марии мы до сих пор не знаем. В советское время Рокоссовский в анкетах наличие у него близких родственников в Польше никогда не указывал (это был довольно-таки опасный пункт, чреватый неприятностями) и до 1945 года ничего о судьбе сестер не знал.

О жизни Константина Рокоссовского вплоть до 1914 года мы знаем, главным образом, по воспоминаниям его сестры Хелены. Она пишет, что после смерти отца его родственники забрали Марию и Константина у матери, дабы воспитывать их в польском духе. Характерно, что в советское время Рокоссовский в анкетах в графе «национальность» писал «поляк», а в графе «родной язык» — «русский». Этот язык он узнал от матери. Лишившись мужа, Антонина была вынуждена пойти работать на трикотажную фабрику на улице Широкой. По другой версии, на фабрике она никогда не работала, а после смерти мужа сразу же уехала вместе с младшей дочерью на родину, в Телеханы, где и жила до самой смерти.

После смерти матери Хелену ее тетка Владислава Иоанна взяла к себе в Петербург, где она была замужем за каким-то чиновником, но у них не было детей. А Константина сразу после смерти отца

взял на воспитание младший брат Ксаверия Александр, владелец престижной стоматологической клиники на Маршалковской, 151. Он был хорошим дантистом, имел обширную практику среди состоятельных варшавян и даже смог купить имение Пулапин, где Константин бывал летом и научился хорошо ездить верхом. За страсть к верховой езде друзья прозвали Рокоссовского «Бедуином». Они дарили ему открытки с фотографиями его любимых жокеев, подписывая: «Нашему Бедуину».

Дядя Александр устроил осиротевшего племянника в престижное частное училище Антона Лагуны (Свентокшийская, 25). Ухаживала за Константином бабушка Констанция, которая жила у своей младшей дочери Стефании Давидовской (Маршалковская, 117). В конце 1906 года Александр Рокоссовский скоропостижно скончался — ему было только сорок восемь лет. После этого заботу о содержании племянника принял на себя самый младший из братьев Рокоссовских Михаил. Он устроил Константина в гимназию Купеческого собрания на углу улиц Валицув и Твардой, воспитанники которой носили форменные фуражки с зеленым околышем. Не исключено, что это и была та гимназия, которую Рокоссовский назвал в кандидатской карточке 1920 года.

В мемуарах Константин Константинович признался, что «с юношеских лет увлекался военно-исторической литературой, отображавшей развитие военного искусства, начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев…». По воспоминаниям Хелены, Константина особенно увлекали военно-исторические романы Валерия Пшиборовского «Шведы в Варшаве» и «Битва под Рашином». Военная романтика в конце концов привела его в русскую кавалерию и определила жизненный выбор.

24 августа 1909 года умер и сорокасемилетний Михаил Рокоссовский. Его похоронили рядом с Александром в фамильном склепе на престижном варшавском кладбище Повонзки. С гимназией Константин был вынужден расстаться. Как мы помним, он не получил образования даже в объеме четырехклассного городского училища. Почему так произошло, до сих пор не ясно. Не исключено, что оставшиеся родственники не сочли возможным оплачивать учебу племянника, хотя среди них были и люди вполне состоятельные, как, например, Стефан Высоцкий (о нем чуть ниже). Но, возможно, продолжать учебу не захотел сам Константин, предпочтя вместо классического образования получить хорошую профессию в мастерской своего дяди, с которой можно было всегда заработать себе верный кусок хлеба с маслом.

Константин перебрался к сестре отца, Софье Высоцкой, которая проживала на улице Конопацкой, 11. В соседний четырехэтажный каменный дом по улице Карбовской переехала тетка Стефания со своим мужем Мечиславом Давидовским. Мысль вернуться к матери у Константина, очевидно, не возникала, хотя та была еще жива. Антонина Рокоссовская умерла только в начале 1911 года, по некоторым данным, от туберкулеза. Вероятно, тогда она уже сильно болела. Не исключено, что между Константином и матерью пробежала какая-то тень. Характерным представляется следующее обстоятельство: после того как в 1945 году Рокоссовский вернулся в Польшу, он поставил памятник на могиле отца, но так и не нашел могилу матери. И мы до сих пор точно не знаем, где похоронена Антонина Рокоссовская. По одной версии — на одном из варшавских кладбищ. По другой, более правдоподобной, она покоится в родной деревне Телеханы. После Второй мировой войны, когда Рокоссовский был в Польше, ему пришло письмо от местных жителей, представившихся родственниками Антонины Овсянниковой (Рокоссовской). Они утверждали, что мать маршала похоронена в Телеханах, но почему-то на католическом кладбище, и указывали конкретную могилу. Они также спрашивали, что маршалу известно о судьбе его матери после смерти отца. Константин Константинович ответил, что в момент смерти отца был слишком мал и поэтому не помнит, что случилось с матерью. По воспоминаниям его внука Константина Вильевича, на кладбище в Телеханах маршал так и не побывал. Очевидно, он сомневался, что там действительно похоронена его мать.

Между тем нельзя исключить, что после смерти мужа Антонина Рокоссовская вторично вышла замуж за поляка или за белоруса-католика, и поэтому ее могила оказалась на католическом кладбище. Если эта гипотеза подтвердится, она может объяснить, почему ее дети оказались у родственников Ксаверия.

Константин пошел работать. Сначала он будто бы был помощником кондитера, потом помощником дантиста, но поссорился с хозяином и пошел рабочим на чулочную фабрику на улице Широкой. Нельзя, однако, исключить, что на этой фабрике, равно как у дантиста и кондитера, Константин на самом деле не работал, а сразу же пошел учеником каменотеса в мастерскую, принадлежащую мужу тетки Софьи Стефану Высоцкому (улица Стшелецкая, 2). В автобиографии 1940 года Рокоссовский отнес это событие к 1911 году. Однако в этой автобиографии, как и во всех других, он сделал себя на два года моложе, чем был на самом деле, и соответствующим образом передвинул и некоторые другие даты, например, смерть отца, которую отнес к 1905 году. Вполне вероятно, что точно таким же образом Константин Константинович сдвинул и время начала своей работы в дядиной мастерской. Вполне логично, что, переехав после смерти Михаила Рокоссовского к Высоцким в конце 1909 года, Рокоссовский тогда же и начал трудиться в каменотесной мастерской. В декабре 1909 года ему как раз должно было исполниться пятнадцать лет, а физически развит он был не по годам. Насчет же чулочной фабрики Константин Константинович мог написать исключительно для подкрепления своей пролетарской родословной.

Если верно мое предположение, что на работу в каменотесную мастерскую Константин устроился в 1909 году, то к моменту поступления на военную службу он проработал каменотесом уже около пяти лет. Неудивительно, что сослуживцы отзывались о нем как об опытном и умелом мастере. Мастерская изготовляла надгробные плиты (именно здесь был сделан гранитный склеп Рокоссовских на кладбище Повонзки), каменные ограды, занималась облицовкой зданий и сооружений. В частности, именно мастерская Высоцкого получила заказ на изготовление каменной облицовки пятисотметрового моста Николая II (ныне мост Понятовского). Но вскоре мастерскую пришлось перевести в местечко Груец (Гроец) в 35 километрах юго-западнее Варшавы, где легче было достать сырье. Вместе с ней в Груец переехали бабушка Констанция и сестра Константина Мария. Некоторое время там же, на улице Варецкой, 12, жила и младшая сестра Хелена. Примерно через год Рокоссовские переехали на Могельницкую, 12 (этот дом до нашего времени не сохранился).

По примеру других мастеров Константин высекал на изготовленных памятниках свои инициалы. Наверное, и сегодня еще сохранились изготовленные им надгробия на кладбищах Варшавы, Груеца, Мрогельницы и Гошчина. Сын Стефана Высоцкого Роман и сестра Константина Елена свидетельствовали, что в семье Высоцких о сиротах Рокоссовских всячески заботились, стремились создать им максимальный уют. По воспоминаниям старожилов Груеца, Константин любил петь, танцевать и неплохо играл на губной гармошке. Можно предположить, что у почти двухметрового красавца-каменотеса не было отбоя от поклонниц.

Существует легенда, впервые появившаяся в биографии маршала, написанной В. И. Кардашовым, будто бы Рокоссовский был арестован за участие в первомайской демонстрации 1912 года в Варшаве, когда он пытался спрятать за пазуху сорванное жандармами красное знамя. Константин будто бы два месяца (по другой версии, озвученной польскими биографами Рокоссовского Тадеушем Конецким и Иренеушем Рушкевичем, — только шесть недель) провел в тюрьме Павиак. Затем его выпустили якобы потому, что ему не было шестнадцати лет, но с трикотажной фабрики уволили. Конецкий и Рушкевич утверждают, будто сыграло роль то, что за Константина поручился его дядя Мечислав Давыдовский.

Эта версия вызывает большие сомнения, хотя ее подтверждает сам маршал. В автобиографии 1940 года Рокоссовский писал, что «за участие в первомайской демонстрации в 1912 году подвергнут месячному тюремному заключению». Однако в той же автобиографии Константин Константинович писал: «Самостоятельно начал работать с 1909 года. Работал рабочим на чулочной фабрике в г. Варшава (предместье Прага) до 1911 года и с 1911 года до августа 1914 года работал каменотесом на фабрике Высоцкого в г. Гройцы Варшавской губернии». Если вся эта информация соответствует действительности, то участие Рокоссовского в первомайской демонстрации становится весьма сомнительным. Получается, что в 1912 году его уже не было в Варшаве и уволить его с чулочной фабрики за участие в демонстрации никак не могли, поскольку он сам ушел оттуда годом ранее. В Груеце, крошечном местечке с населением чуть более пяти тысяч человек, никаких первомайских демонстраций вплоть до 1917 года не происходило. Представить же себе, будто Рокоссовский отправился из Груеца в Варшаву, чтобы принять участие в демонстрации, довольно трудно. У

рабочих большой чулочной фабрики, на которой, вполне возможно, действовали профсоюзы и ячейки революционных партий, участие в демонстрации выглядело вполне естественным как борьба за свои права. Но совершенно другим было положение в каменотесной мастерской. Каменотесы фактически были не рабочими, а ремесленниками. Труд их, несомненно, был тяжелым, но и зарабатывали они очень хорошо, гораздо больше, чем рабочие чулочной фабрики. И бороться им против хозяина не было никакой нужды — с его разорением они теряли выгодное место работы. Ведь в одиночку гораздо труднее было искать заказы и доходы мастеров резко уменьшились бы. Тем более что экономические кризисы на каменотесной мастерской существенно не сказывались — люди ведь все равно продолжали умирать и им требовались надгробия. Для Константина же мастерская была, можно сказать, семейным предприятием: ею владел муж его родной тетки, против которого он вряд ли собирался бороться. Кстати сказать, на точно таком же «семейном» предприятии, у своего дяди-скорняка, перед Первой мировой войной работал Георгий Константинович Жуков, чьим соперником в популярности всегда был Рокоссовский.

Вернее всего, ни в какой демонстрации Рокоссовский не участвовал, а об аресте и заключении, равно как и о работе на фабрике, написал только для улучшения анкетных данных. Потом, в последнем послужном списке, сохранившемся в личном деле Рокоссовского, сведения о начале трудовой биографии были подкорректированы под версию об участии в первомайской демонстрации, аресте и увольнении с фабрики: «1910 — май 1912 — рабочий на чулочной фабрике в предместье Варшавы Праге. Июнь 1912 — август 1914 — каменотес в мастерской Стефана Высоцкого, г. Гроец Варшавской губ.».

Однако нет никаких оснований полагать, будто в автобиографии 1940 года Рокоссовский специально перенес время начала работы в мастерской дяди с 1912 года на более ранний срок. Скорее он, наоборот, сдвинул эту дату на более поздний срок вместе с теми двумя годами, на которые он уменьшил свой возраст.

Окончательно подтвердить или опровергнуть версию об аресте Рокоссовского в 1912 году могут архивные материалы. По счастью, архив Варшавского губернского жандармского управления сохранился и находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве. Желающие могут там найти материалы дознаний по первомайским демонстрациям и установить, был ли среди задержанных Константин Рокоссовский. Если найдут, мы имеем шанс получить хорошую раннюю фотографию будущего маршала — всех арестованных в обязательном порядке фотографировали. Пока что таких фотографий очень мало, как и подробностей польской юности Рокоссовского — довольно обычной и ничего не говорящей о будущей блестящей карьере полководца.

Глава вторая
В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Отметим, что в Первую мировую войну и ранее в русской армии служило немало Рокоссовских. Были среди них офицеры, генералы, дворяне. Трудно сказать, находились ли они в хотя бы отдаленном родстве с нашим героем.

Вот только одна драматическая история. В архиве сохранился «Рапорт о назначении пенсии вдове утонувшего купаясь на войне 26-го мая 1915 года штабс-капитана 1-й Гренадерской артиллерийской бригады барона Алексея Алексеевича Рокоссовского баронессе Анне Павловне Рокоссовской», составленный окружным воинским начальником в Гельсингфорсе 17 июля 1915 года. Вдова проживала в Гельсингфорсе, в доме 15 по Берманской улице. В прошении, поданной Анной Павловной («28 лет, детей нет») на имя окружного начальника 30 июня 1915 года, говорилось: «Муж мой в настоящую войну купаясь утонул от паралича сердца, а потому, представляя при сем нижепоименованные документы и лист дополнительных сведений с проставленными в нем ответами, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о назначении мне причитающейся пенсии…

При определении размера пенсии прошу иметь в виду следующие обстоятельства: 1) Мой муж, служа в канцелярии Финляндского генерал-губернатора, не по призыву, а добровольно перевелся в действующую армию, чтобы отдать свою жизнь за отечество;

2) За боевые отличия он был произведен в штабс-капитаны и награжден орденом Св. Анны с мечами и бантом;

3) В ноябре месяце 1914 года муж мой был во время сражения ранен в руку и ногу, а также контужен, что отразилось серьезными последствиями на его здоровье;

4) Еще далеко не оправившись, он уже в январе месяце 1915 года вновь поступил в строй;

5) Смерть мужа от паралича сердца, несомненно, явилась результатом ранений и контузии его, так как до отправления на войну он обладал крепким и здоровым организмом».

Согласно послужному списку от 15 августа 1915 года, А. А. Рокоссовский родился 1 марта 1886 года. Он происходил из потомственных дворян Петроградской губернии и был православного вероисповедания. Алексей Алексеевич окончил элитный Пажеский корпус, что косвенно свидетельствует, что его родители были людьми состоятельными и с положением в обществе.

23 декабря 1914 года барон Рокоссовский был произведен в штабс-капитаны, а «за отличия в делах с 21 октября по 1 декабря 1914 года» награжден орденом Святой Анны 3-й степени. 26 мая 1915 года он утонул в реке Илжанка. Накануне своей гибели 2-й старший офицер 1-й батареи А. А. Рокоссовский был в командировке в Ивангороде (Модлине) для приемки артиллерии. Не исключено, что его смерть была непосредственно связана с этим. Его гибель во время купания очень напоминает самоубийство. Ведь вода в это время года в польских реках еще слишком холодная для купания. Можно допустить, что барон растратил или проиграл в карты казенные деньги или стал жертвой несчастной любви, а версия несчастного случая устроила всех — и начальство, и родню. Впрочем, вряд ли мы когда-нибудь узнаем подлинные обстоятельства его последней командировки.

А вот то, что в своем прошении вдова Рокоссовского несколько приукрасила реальный послужной список мужа, мы сегодня знаем точно. В его реальном послужном списке от 15 августа 1915 года отмечалось, что 29-летний штабс-капитан «ранен и контужен не был», а 8 ноября 1914 года он был по болезни эвакуирован «внутрь империи» и после выздоровления вернулся в свою бригаду только 10 февраля 1915 года. Неизвестно, то ли, приехав в отпуск домой или в письмах жене, Алексей Алексеевич присочинил насчет ранений и контузии, то ли она сама превратила болезнь в боевое ранение, чтобы выхлопотать себе пенсию побольше. В Военном министерстве заметили это несоответствие, но учли, что Алексей Алексеевич был боевой офицер и, хотя он погиб и не в бою, пенсию вдове в итоге положили повышенную.

Нужно отметить, что бароны Рокоссовские владели имением в районе Великих Лук, что в дальнейшем, по всей вероятности, повлияло на выбор места рождения для советского маршала Рокоссовского. Эта ветвь рода Рокоссовских происходила из Витебской губернии, где они появились, скорее всего, еще в XVII веке. Когда их родоначальнику, Ивану Никитичу Рокоссовскому, в 1778 году потребовалось подтвердить свое шляхетство, он обратился к коронному канцлеру в Варшаву и к познанскому архиепископу, которые подтвердили, что род Рокоссовских издревле известен в Польше и многие его представители занимали высокие государственные должности. Между прочим, каноником архиепископа Познанского тогда был ксендз Юзеф Рокоссовский. Кстати сказать, родной брат погибшего в 1915 году Алексея Алексеевича, барон Платон Алексеевич Рокассовский, служил в чине мичмана во флоте белых в Архангельске, был захвачен в плен и расстрелян красными в 1919 или 1920 году. Так что, теоретически, в сражениях Гражданской войны могли воевать друг против друга и представители рода Рокоссовских.

О прохождении службы в царской армии в кандидатской карточке от 22 апреля 1920 года Рокоссовский написал: «Вольноопределяющийся младший унтер-офицер с 2 августа 1914 г. до декабря 1917 г.». Об участии в боевых действиях Константин Константинович написал: «В германской войне с 2 августа 1914 г. беспрерывного нахождения на фронте». Как мы помним, Рокоссовский поступил добровольцем в 5-й драгунский Каргопольский полк. Вероятно, его прежде всего влекла военная романтика. Быть может, сыграл свою роль и патриотизм — как русский, так и польский. В обнародованном 1/14 августа 1914 года «Воззвании к полякам» Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обещал предоставить

Польше широкую автономию с присоединением польских провинций Австрии и Германии: «Поляки, пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ее с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении». Разумеется, дядя царя не стал уточнять, что тело польского орла терзалось при самом деятельном участии России и ее правителей.

Характерно, что, хотя приказ о зачислении Рокоссовского в полк был датирован 5 августа, в кандидатской карточке он указал днем поступления в царскую армию 2 августа, следующий день после появления «Воззвания к полякам». Константин считал себя поляком по национальности и русским по языку и религии. Без сомнения, будущее Польши он мыслил в тесном единстве с Россией и готов был сражаться против Германии и Австро-Венгрии, в которых искренне видел врагов своей родины.

Но, конечно, в поступлении на военную службу добровольцем (охотником) был и свой расчет. В будущем году Константина Рокоссовского все равно должны были бы призвать в армию. Поступление на службу добровольцем давало важную привилегию выбора рода войск, а Константин хотел служить только в кавалерии.

Воевать Рокоссовскому довелось сначала на Северо-Западном фронте в Польше, а затем на Северном в Прибалтике. Командиром 5-го драгунского Каргопольского полка, когда туда поступил Рокоссовский, был полковник Артур Адольфович Шмидт. Войну Шмидт окончил генерал-майором, командиром 2-й бригады 6-й кавдивизии, а после революции вернулся в родную Ригу.

Вскоре после поступления в полк Константин Рокоссовский совершил свой первый подвиг. В. И. Кардашов описывает его следующим образом: «5-я кавалерийская дивизия медленно двигалась навстречу противнику. 8 августа передовые разъезды Каргопольского полка обнаружили у посада Ново-Място на речке Пилице кавалерийские части противника, но не смогли определить их численности и намерений. Возникала необходимость разведки. Провести ее вызвался молодой драгун. Вечером он в гражданской одежде отправился в местечко, спокойно, будто на прогулке, прошелся по его улицам, поговорил с жителями и сумел выяснить, что занято оно кавалерийским полком немцев. Дерзость разведчика понравилась начальству, сведения, принесенные им, подтвердились, и Константин Рокоссовский получил первую боевую награду — Георгиевский крест 4-й степени за № 9841».

Как хотите, но подвиг получается довольно странный. Выходит, что Рокоссовский действовал как банальный лазутчик. В случае если бы его поймали, то повесили бы как шпиона за нарушение законов войны — ведь разведку он вел в гражданской одежде. Но на самом деле наш герой совершил вполне нормальный боевой подвиг, и в тексте Кардашова правилен только номер креста, который вручили Рокоссовскому. В списке нижних чинов 5-го драгунского Каргопольского полка, представленных к наградам за отличия, выказанные в дальней разведке с 29 июля по 8 августа и бое у посада Ново-Място 11 августа, значится драгун-охотник 6-го эскадрона Константин Рокоссовский, вероисповедания православного, в разряде штрафованных не состоящий, наград не имеющий. Его подвиг, согласно описанию, заключался в следующем: «Будучи дозорным в разъезде и войдя в деревню Ястржем, наткнулся на пехотную заставу, которая стала в него стрелять, а с другой стороны на него бросился немецкий кавалерист; драгун Рокоссовский, выказав под огнем заставы большое хладнокровие, зарубил шашкою подлетевшего к нему немецкого улана и, поскакав к разъезду, вовремя предупредил его об опасности, благодаря чему разъезд избежал ловушки».

Рокоссовский представлялся к Знаку отличия военного ордена (Георгиевскому кресту) 4-й степени с переименованием в ефрейторы на основании пунктов статьи 67-й Георгиевского статута, которые гласили: «17) Кто, будучи разведчиком, с явною личною опасностью, добудет и доставит важное о противнике сведение; 18) Кто, находясь в секрете, в отдельной заставе или на передовом пункте, будучи окружен противником, с явною личною опасностью пробьется и присоединится к своей

части». Однако 30 августа из штаба 5-й кавалерийской дивизии командиру 5-го Каргопольского драгунского полка поступила записка с требованием «список возвратить для пересмотра и вторичного представления согласно личным указаниям начальника дивизии»[1].

Очевидно, второе представление возражений начдива не встретило, и Рокоссовский среди прочих был удостоен солдатского Георгия 4-й степени. В приказе по 9-й армии от 28 октября 1914 года за № 28, подписанном командующим армией генералом от инфантерии П. А. Лечицким, говорилось: «На основании ст. 78 и 152 статута Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, за отличия, разновременно оказанные в делах против австрийцев и германцев, награждаю поименованных в прилагаемом к сему списке нижних чинов Георгиевскими крестами и медалями». В этом списке в разделе, посвященном нижним чинам 5-го драгунского Каргопольского полка, среди награжденных Георгиевскими крестами 4-й степени под № 6 упомянут «охотник Константин Рокоссовский». Здесь был назван и номер креста, ему врученного — 9841. В описании подвига, в отличие от первоначального представления, теперь говорилось: «Будучи дозорным в разъезде, выйдя в д. Ястржем, наткнулся на неприятельскую засаду, был окружен противником, но, зарубив немецкого кавалериста, пробился к своей части и предупредил ее о засаде»[2].

В конце декабря 1914 года эскадрон, в котором служил Рокоссовский, понес большие потери и был отведен на отдых в деревню Гач под Варшавой. Оттуда Константин получил отпуск в Гроец. Там он увиделся с родными и узнал, что его старшая сестра Мария вышла замуж — тогда они с братом увиделись в последний раз. Потери офицерских кадров в ходе «великого отступления» русской армии весной — осенью 1915 года были очень велики. Уже 4 сентября 1915 года в отряде генерал-лейтенанта Н. Н. Казнакова, где тогда служил Рокоссовский, зачитали приказ штаба 5-й армии: «Срочно телеграфируйте, сколько нижних чинов от каждой войсковой части предназначается в школы прапорщиков. Командировать их надлежит теперь же в распоряжение Витебского этапного коменданта с письменными сведениями и документами об образовании, а в случае их утери частью — удостоверением начальника части образовательного ценза. Командированы могут быть только строевые нижние чины, имеющие образование вольноопределяющегося бывшего 2 разряда или дающее право на производство в первый классный чин без экзаменов. Относительно георгиевских кавалеров с меньшим образовательным цензом следует телеграфно испрашивать удостоения командующего армией, указывая степень образования»[3].

У Рокоссовского необходимого образовательного ценза не было. На практике послабления в этом отношении делались только полным георгиевским кавалерам, которых направляли в школы прапорщиков и с меньшим, чем необходимо, образованием, но у Константина Ксаверьевича был только один Георгиевский крест.

Осенью 1915 года в 5-й кавалерийской дивизии, державшей оборону на Западной Двине, был создан партизанский отряд из добровольцев. Им предстояло главным образом производить разведывательные поиски в расположении противника. 30 января 1916 года ефрейтор Константин Савельевич (так переврали в списках Ксаверьевича) Рокоссовский с конем по кличке Арфист числился в составе партизанского отряда 5-й кавалерийской дивизии.

Георгиевскую медаль 4-й степени Рокоссовский получил 20 июля 1915 года за отличие в боях у местечка Трашкуны в бытность в конном отряде генерала Казнакова. Вторично его наградили той же степенью Георгиевской медали приказом по 6-му кавалерийскому корпусу от 25 мая 1916 года за отличие во время разведывательного поиска, но по существующему положению она была заменена Георгиевской медалью 3-й степени. Стоит заметить, что вскоре партизанский отряд вызвал недовольство начальника 5-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского, будущего украинского гетмана. В приказе по дивизии от 8 марта 1916 года он отмечал по результатам смотра: «Партизанский отряд представился неудовлетворительно. Недостаточно одного порыва, но необходимо, чтобы часть, тем более такая, как партизанский отряд, была в руках у начальника. Этого я не видел. Самые элементарные боевые построения выполняются плохо. Отряд недостаточно подготовлен для действия в конном строю. Сотнику Алексееву предписываю настойчиво продолжать работу по всесторонней подготовке отряда». Зато Каргопольский полк Павла Петровича порадовал: «В общем Драгунский полк считаю прекрасно съезженным в руках его командира»[4].

1 марта 1917 года, накануне отречения от престола императора Николая II, согласно полному именному списку 5-го драгунского Каргопольского полка, драгун 4-го эскадрона Константин Рокоссовский, только что окончивший учебную команду, куда его откомандировали в октябре 1916 года, все еще числился предназначенным в дивизионный партизанский отряд. Его двоюродный брат Франц в это время служил в 3-м эскадроне охотником, как и Константин, и был откомандирован в штаб дивизии. 29 марта 1917 года Константина Рокоссовского произвели в младшие унтер-офицеры.

26 сентября 1917 года младший унтер-офицер Рокоссовский был представлен к Георгиевской медали 2-й степени. Суть подвига заключалась в следующем: «В ночь с 23 на 24 августа 1917 г. у м. Кроненберг вызвался охотником ехать в разъезд, высылаемый по Псковскому шоссе. Несмотря на темную ночь, когда противника можно обнаружить, только вызвав огонь на себя с явною личною опасностью, поехал в разведку и обнаружил наступление противника лесом по обе стороны шоссе». 21 ноября 1917 года вышел приказ по 5-му Карго-польскому полку о награждении Рокоссовского Георгиевской медалью 2-й степени. Правда, в нем была оговорка: «№№ георгиевских медалей будут объявлены дополнительно». Не исключено, что в тогдашней неразберихе награду вовсе забыли вручить либо вручили позже.

Это были последние бои Первой мировой войны, в которых участвовал 5-й Каргопольский полк. После выступления главковерха Л. Г. Корнилова против Временного правительства и сдачи немцам Риги фронт фактически начал разваливаться. Солдатам осточертело сидеть в окопах. Цели войны им были непонятны, особенно после того, как в стране победила Февральская революция. От Временного правительства ждали прекращения войны, а оно обязалось продолжать ее до победного конца. Кавалеристам меньше, чем пехотинцам, приходилось сидеть в окопах. Правда, в конном строю им приходилось действовать главным образом во время разведывательных поисков: пулеметы, шрапнель и колючая проволока заставили конницу спешиться. Атаки в конном строю были большой редкостью. Но все-таки кавалерийские дивизии, считавшиеся элитными и ударными соединениями, по сравнению с пехотными дивизиями, больше времени проводили в резерве и меньше — на линии фронта, так что разложение в кавалерии все-таки шло медленнее, чем в пехоте. Так, вплоть до декабря 1917 года в 5-й кавалерийской дивизии не было случаев убийства офицеров.

С помощью кавалерии командование пыталось навести хоть какой-то порядок в войсках. Начальник 5-й кавалерийской дивизии генерал-майор Л. Н. Великопольский, являвшийся начальником гарнизона Вендена (ныне Цесис в Латвии), 30 сентября 1917 года вынужден был издать приказ, где в числе задач перечислил «прекращение насилий и грабежей и задержание дезертиров в занимаемом дивизией районе». Расквартированным непосредственно в Вендене эскадронам 5-го уланского Литовского полка предписывалось «принять энергичные меры к установлению строгого порядка в городе и в особенности на станции во время предстоящей перевозки уволенных со службы солдат… В случае обнаружения ружейной стрельбы сейчас же наряжать поиск и энергичное преследование этих вооруженных мародеров»[5].

В момент Октябрьской революции 5-й кавалерийской дивизией командовал генерал-майор Л. Н. Великопольский, а 5-м драгунским Каргопольским полком — полковник Дараган. После Корниловского мятежа в большинстве солдатских комитетов возобладали большевики и их тогдашние союзники левые эсеры. Некоторые биографы Рокоссовского вслед за В. И. Кардашовым утверждают, будто бы Рокоссовский был в составе эскадронного или даже полкового комитета. Никаких следов того, что Константин Ксаверьевич когда-либо входил в состав хотя бы одного из них, мне в делах 5-го драгунского полка найти пока не удалось. Например, 25 октября 1917 года, когда произошло переизбрание полкового комитета, Рокоссовского не было ни в новом, ни в прежнем его составе. Председателем комитета стал старший унтер-офицер Андрей Михайлович Иванькин, полковой каптенармус, в связи с бегством большинства офицеров принявший также командование полком. Так что вопрос о том, был ли Рокоссовский членом какого-нибудь солдатского комитета, остается открытым. В кандидатской карточке от 22 апреля 1921 года единственной выборной должностью, которую он занимал, будущий маршал назвал должность помощника начальника Каргопольского кавалерийского отряда.

В 5-й кавалерийской дивизии служило немало поляков. После того как стало ясно, что царская армия гибнет, перед ними встал выбор: бороться ли за независимость Польши или присоединиться к одной

из противоборствующих сторон в России. Просто разойтись по домам, как это делали большинство российских солдат, они не могли: Польша была оккупирована австро-германскими войсками. Двоюродный брат Константина Франц Рокоссовский, служивший в 6-м эскадроне, свой выбор сделал — оставил полк и отправился вместе с товарищами в формирующийся в Белоруссии Польский легион. С 27 октября 1917 года Франц Рокоссовский был снят с довольствия. Он был сыном Константина Рокоссовского, родного дяди будущего маршала. По воспоминаниям его двоюродной сестры Хелены, родня не любила Франца, считая его слишком жадным. После возвращения в Польшу Франц служил в полиции. Эту службу он продолжал и во время немецкой оккупации, но за коллаборационизм осужден не был (быть может, поддерживал связи с польским подпольем). После 1945 года двоюродный брат маршала жил во Вроцлаве. После того как Константин Константинович стал министром обороны Польши, Франц обратился к своему именитому брату с просьбой письменно подтвердить их родство, а то соседи, да и власти подозревают его в самозванстве. Неизвестно, откликнулся ли Константин на просьбу брата.

Сам он, в отличие от Франца, предпочел остаться в России и связать свою судьбу с большевиками, в которых увидел единственную политическую силу, способную в будущем возродить армию. Таким образом, он выбрал свою судьбу. Задумаемся на мгновение: что было бы, если бы Константин вслед за братом Францем отправился в Польский легион? Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский в беседе со мной резонно предположил, что в этом случае у Константина Константиновича был бы большой шанс оказаться в одной из катынских могил. В польской армии пределом карьерного роста Рокоссовского к 1939 году был бы полковничий чин, но, вернее всего, он встретил бы войну майором или подполковником — в Войске польском была большая конкуренция за офицерские должности. Приоритетом пользовались те, кто сделал карьеру в легионах Юзефа Пилсудского. Но, кроме них, было немало офицеров-поляков из австрийской и русской армий (в последней было даже несколько генералов, в отличие от прусской, где офицеров из числа поляков было немного). Конкурировать с ними драгунскому унтер-офицеру было очень трудно, какие бы ни обнаружились у него впоследствии военные таланты. В Красной армии же бывших царских офицеров и генералов на командных должностях уже в начале 1930-х годов остались считаные десятки, и унтер-офицер, вступивший в РКП(б), имел гораздо больше шансов сделать военную карьеру.

Если бы Рокоссовский оказался в польской армии и уцелел бы в советско-польской войне 1920 года, то в 1939 году у него могло быть несколько вариантов судьбы. Константин Константинович мог погибнуть в боях с немцами или, что менее вероятно, с советскими войсками. Он также мог попасть в немецкий плен и оставаться в лагере до конца войны. Если бы он выжил в лагере, то либо остался бы в эмиграции в Западной Европе, либо вернулся бы в коммунистическую Польшу. Там Рокоссовского могли арестовать как офицера «буржуазной» польской армии либо разрешить служить в Войске польском, но на второстепенных должностях. В любом случае, вернувшись на родину, полководцем бы он ни в коем случае не стал. Оставшись же в советской России, Константин Константинович сделал блестящую военную карьеру, внес заметный вклад в разгром нацистской Германии, выполнил свое жизненное предназначение и вошел в историю как выдающийся полководец.

В своем решении он был далеко не одинок. Большая часть армии поддержала большевистскую революцию. Популярность Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров росла по мере того, как нарастала ненависть солдат к войне. Но у Константина, как представляется, антивоенные мотивы были отнюдь не на первом плане. Думаю, что он разглядел в большевиках единственную силу, которая, в отличие от разлагающих армейский организм эсеров, сможет создать действительно боеспособные военные формирования. В кандидатской карточке от 22 апреля 1920 года и в последующих анкетах Константин Константинович утверждал, что вступил в Каргопольский красногвардейский отряд 15 декабря (скорее всего, старого стиля) 1917 года, после того, как 2/15 декабря на фронте было заключено перемирие, а 9/22 декабря в Брест-Литовске начались переговоры представителей Совнаркома с немцами о заключении мира. Но, как мы увидим дальше, Рокоссовский, скорее всего, вступил в Красную гвардию значительно позднее, только в марте 1918 года. Этому предшествовали драматические события. 18 февраля, после отказа Троцкого подписать кабальный мирный договор, австро-германские войска начали наступление, после чего большевики

выдвинули лозунг «Социалистическое отечество в опасности!» и создали Красную армию. Таким образом, Рокоссовский пошел служить под патриотическими, а не под коммунистическими лозунгами. Хотя 3 марта был подписан Брестский мир, боевые действия против австро-немецких войск и их союзников — украинских гайдамаков и донских казаков атамана П. Н. Краснова — продолжались вплоть до мая 1918 года.

Настроения солдат дивизии, в которой служил Рокоссовский, склонялись к поддержке большевистского переворота. Вот текст резолюции дивизионного совещания 5-й кавалерийской дивизии, принятой 11 ноября 1917 года (я сохраняю пунктуацию и стиль подлинника):

«Общее собрание полковых комитетов 5-й кавалерийской дивизии, выслушав доклад о перевороте 24 и 25 октября и переходе всей власти Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских депутатов, как в центре, так и на местах, вынесло постановление: С восторгом приветствуем Петроградский гарнизон и рабочих, как борцов за истинные интересы великого Русского трудового народа в лице рабочих и крестьян и их победу считаем огромным шагом к завоеванию свобод, провозглашенных Русской революцией.

Настал момент, когда Русский народ должен сказать: „Я хозяин страны. Я сам хочу строить свою судьбу“. Мы представители дивизии от лица своих полков заявляем: мы поддерживаем власть Советов всем, что они от нас потребуют, о всех восстающих против Советов мы кричим: руки прочь, не сметь посягать на Волю народа, в Центральный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов должны войти представители всех корпусов действующей Армии…

Для спасения страны от полной разрухи и Революции от гибели неотложных мер требуем: 1) Учредительное собрание должно быть созвано в назначенный срок ни на один день для успешной подготовки к выборам требуем полную свободу печати и устной агитации. 2) Требуем объяснения всех договоров, заключенных прежними правительствами, и активного выступления перед всеми воюющими и нейтральными странами с предложением о немедленном заключении справедливого и Демократического мира. 3) Требуем немедленной передачи без выкупа всех земель всему трудящемуся народу, причем как земли, так и живой и мертвый инвентарь переходят в ведение крестьянских земельных комитетов. Леса переходят в ведение лесозаготовительных комитетов, которые должны удовлетворить население топливом в потребной норме. Ненужная же порча лесов должна строго караться законом, а окончательное же распределение должно произойти в Учредительном собрании. 4) Всем генералам, офицерам, чиновникам и духовным лицам давать пенсию не более 500 рублей в год. 5) Тщательный контроль над фабрично-заводской промышленностью, удовлетворение населения хлебом и предметами первой необходимости фабрично-заводской промышленности по строго установленным ценам. 6) Во избежание окончательного разложения Армии требуем немедленного урегулирования транспорта, снабжения армии продовольствием, обувью, обмундированием, пополнением, фуражом, технической частью. 7) Требуем незамедлительной отмены смертной казни на всех, в каких бы случаях это не происходило. 8) Офицеры, которые выявляют вражду к новому строю, по отзывам соответствующих организаций, должны быть разжалованы и отправлены в окопы. 9) Мы требуем, чтобы все части, направляющиеся против Советов, были немедленно возвращены на фронт.

Председатель Дивизионного совещания Младший унтер-офицер Лебедев
Секретарь Младший унтер-офицер Колодкин»[6].

Большевики начали претворять в жизнь свои обещания прекратить войну. 11 ноября 1917 года в 6 часов утра Л. Д. Троцкий разослал телеграмму:

«Полковым, дивизионным, корпусным и армейским комитетам, Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всем, всем, всем!

Бывший верховный главнокомандующий Духонин рассылает по армии ноту представителей союзных держав при Ставке. Начальники всех союзных военных миссий, кроме американской, заявляют в своей ноте протест против всякого нарушения условий договора, заключенного царским правительством с союзниками 23 августа 1914 г. Представители союзных правительств протестуют против сепаратного перемирия России с Германией, но в то же время не дают никакого ответа на

сделанное им Советом Народных Комиссаров предложение перемирия на всех фронтах. В заключение союзные представители угрожают, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия.

По поводу этой телеграммы генерала Духонина, считаю необходимым сделать перед лицом армии и страны следующее заявление:

Обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению Правительства, означало бы с формальной стороны недопустимое вмешательство во внутреннюю жизнь страны с целью вызвать гражданскую войну. По существу же дипломатическая нота, если она не вымышлена, а действительна, означала бы попытку союзных представителей путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Милюкова — Керенского — Терещенко.

Совет Народных Комиссаров с первого дня своего существования открыто заявил, что не считает русский народ связанным старыми договорами, заключенными за спиною народа в угоду буржуазным классам России и союзных стран. Попытка воздействовать мертвой буквой тайных договоров на революционную волю Советской власти заранее обречена на крушение. Товарищи! Прошу обратить внимание, когда договор заключен и кем, и Вы увидите, за неисполнение каких договоров нам угрожают наши союзники. Отметая заключенные в ноте угрозы, которые не могут отклонить нас от пути борьбы за честный демократический мир, мы заявляем, что республиканская власть в лице Совета Народных Комиссаров предлагает не сепаратное, а всеобщее перемирие, и в этом своем предложении она чувствует себя выразительницей подлинных интересов и стремлений народных масс не только России, но всех вообще воюющих стран.

Солдаты! Рабочие! Крестьяне! Ваша Советская власть не допустит, чтобы вас из-под палки иностранной буржуазии снова гнали на бойню. Не бойтесь угроз! Исстрадавшиеся народы Европы с нами. Они все хотят немедленного мира. Наше предложение перемирия звучит для них как благовест спасения. Народы Европы не позволят империалистическим правительствам обрушиться на русский народ, повинный в том, что он хочет мира и братства народов. И пусть знают все, что солдаты, рабочие и крестьяне России не для того низвергали царя и правительство Керенского, чтобы оставаться пушечным мясом союзных империалистов.

Солдаты, продолжайте вашу борьбу за немедленное перемирие! Выбирайте ваших делегатов для переговоров. Ваш главнокомандующий прапорщик Крыленко выезжает сегодня на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие.

Долой старые тайные договоры и дипломатические происки!

Да здравствует честная, открытая борьба за всеобщий мир!»

Текст ноты союзных миссий, о которой говорилось в телеграмме, был следующим:

«Начальники миссий, аккредитованные при Верховном Русском Командовании, действующие на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных представителей в Петрограде, имеют честь заявить самый энергичный протест пред Российским Верховным Командованием против всяких нарушений условий договора от 23 августа (5 сентября) 1914 года держав Согласия, которым союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга ни перемирия, ни приостановки военных действий. Нижеподписавшиеся начальники военных миссий считают также своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой самые тяжелые последствия».

В ответ на обращение Троцкого полковой комитет 5-го драгунского Каргопольского полка принял свое обращение к солдатам:

«Товарищи! Из радиотелеграммы видно, что наши милые союзники чем-то нам угрожают и угрожают тяжелыми последствиями. За что же они нам угрожают? За то, что мы стремимся к миру, что мы желаем мира всему страдающему народу от той ужасной бойни. Товарищи, как бы страшна не была угроза, мы падать духом не должны, ибо бояться нам больше нечего, что может быть страшнее той угрозы, которая приближается к нам? Приближается к нам угроза — голод.

Но характернее всего то в этой угрозе, что маска доброжелательства к нам союзных, а вместе с ними и своих империалистов падает, товарищи, мы теперь должны понять, в чем их любовь заключалась к русскому народу: в крови страдающего народа ради своих захватных замыслов.

Хороши союзники, когда их союзник, идя по тернистому и кровавому пути, измученный, истекший кровью, холодный и умирающий от голода, со смертельной скорбью, тоской о жизни, с мольбой обращается: „Товарищи, я умираю и больше не в силах переносить эти страданья, давайте мириться с нашим соперником!“ Что же мы видим? Мы видим, что эти мнимые союзники и друзья народа над этим страдающим народом заносят ножи и ударом в спину хотят покончить с этим страдальцем.

Товарищи, судите сами, кто наши друзья и кто наши враги. Наши друзья — трудящиеся люди всех стран, и к этим друзьям в последнюю минуту мы должны протянуть свою братскую руку и крикнуть: „Товарищи, спасайте, мы погибаем, наши враги — капиталисты и империалисты всех стран!“

Председатель полкового комитета старший унтер-офицер Иванькин.

За секретаря М. Чикаридзе»[7].

Н. Н. Духонин был смещен с должности и 20 ноября арестован прибывшим в Ставку новым главковерхом прапорщиком Н. В. Крыленко. На перроне Могилевского вокзала Духонина зверски убили солдаты и матросы, возмущенные тем, что он перед прибытием Крыленко освободил из тюрьмы руководителей Корниловского мятежа. Эта расправа спровоцировала новую волну самосудов над еще остававшимися в своих полках офицерами. Докатилась она и до 5-го драгунского Каргопольского полка. Жертвой самосуда стал поручик Ясинский, служивший в том же эскадроне, что и Константин Рокоссовский. Последний, несомненно, присутствовал при этой расправе, зафиксированной в специальном протоколе.

Вот этот красноречивый документ:

«Да здравствует Революция!

Постановление

Общего собрания драгун 4-го эскадрона 5-го Драгунского Каргопольского полка 19 декабря 1917 г. в числе восьмидесяти пяти человек (85) в составе председателя Олейникова, товарища Ермакова и секретаря Дикова.

Порядок дня.

1) О произведенном суде над бывшим поручиком Ясинским.

2) Выборы командира эскадрона и его заместителя.

3) О собственных вещах поручика Ясинского.

4) О вещах невозвратившегося из отпуска тов. Газалиева.

Единогласно постановлено:

1) Настоящим постановлением устанавливаем и подтверждаем свое решение принятое 18 (исправлено из 17. — *Б. С.)* декабря с/года о произведенном суде над бывшим поручиком Ясинским как кардинальную меру пресечь его контрреволюционную деятельность эскадрон признает правильным лишение его жизни, что было приведено в исполнение вышеуказанного числа.

2) Командиром эскадрона выбран тов. Стафеев.

3) Большинством голосов выбран заместителем его тов. Каштанов.

4) Вещи погибшего поручика Ясинского продать и деньги, вырученные от продажи вместе с собственными его деньгами в сумме восемьсот рублей (800 р. 97 к.) препроводить вместе с настоящим постановлением в полковой комитет для направления их в Военно-Революционный комитет на помощь семьям погибших борцов за свободу во время Революции»[8].

Из дальнейших протоколов комитета мы узнаем, что седло поручика Ясинского было продано Ключниковым за 60 рублей, а «вопрос об утере портсигара б. поручика Ясинского не возбуждался». Очевидно, портсигар тихо прикарманил кто-то из драгун.

Рокоссовский, как и другие драгуны эскадрона, одобрил убийство поручика Ясинского. И, судя по всему, никакой жалости к убитому не испытывал. А ведь поручик в своей предсмертной исповеди был искренен: военное дело было смыслом его жизни, ничего другого он делать не умел и не хотел, а большевики, заключив перемирие с немцами, лишили его жизненной цели, поэтому он не хотел и не мог служить им. Вместо того чтобы отпустить несчастного домой, как до этого поступили практически со всеми офицерами полка, в том числе и с эскадронным командиром 4-го эскадрона штабс-ротмистром Газалиевым, драгуны на этот раз предпочли убить поручика. Несомненно, на это решение повлияли уже разгоравшаяся на Дону и на Украине гражданская война и опасение, что Ясинский вольется в ряды антибольшевистских сил. Не проявив милосердия в отношении товарища по службе, в жилах которого тоже текла польская кровь, Рокоссовский вынужден был действовать по железной логике начавшейся Гражданской войны, в которой все офицеры рассматривались как «классовые враги» всех солдат.

В сущности, вся разница между Ясинским и Рокоссовским заключалась в том, что первый окончил кавалерийское училище, а второй, кроме военной профессии, полученной на фронте, еще до войны успел освоить ремесло каменотеса и не раз впоследствии шутил, что в случае увольнения из армии не пропадет: будет мастерить надгробия и ограды.

21 марта 1918 года приказом по 5-му драгунскому Карго-польскому полку «состоящих в командировках и до сего времени не возвратившихся в полк нижепоименованных солдат исключить из списков полка». В этом списке числился находившийся в штабе 5-й кавалерийской дивизии драгун 3-го эскадрона Франц Рокоссовский. Тем же приказом «переведенных в Вологодский Военный отдел и зачисленных в Красную Армию нижеперечисленных драгун и лошадей исключить из списков полка и с довольствия, а лошадей только с фуражного довольствия с 18-го сего марта с. г.». В этом списке из тридцати четырех человек значился драгун 4-го эскадрона Константин Рокоссовский с конем Жемчужным. Следовательно, примерно до 18 марта 1918 года он еще оставался в своем полку.

В апреле 1918 года в Череповце 5-я кавалерийская дивизия была расформирована. Незадолго до этого, как мы видим, Рокоссовский со многими своими товарищами по полку направился на новую войну — Гражданскую.

Глава третья
ГРАЖДАНСКАЯ: БРАТ НА БРАТА

Необходимо подчеркнуть, что боевой путь Константина Рокоссовского в годы Гражданской войны до сих пор очень слабо документирован. Опубликовано лишь незначительное количество документов за его подписью или непосредственно касающихся его боевой деятельности. Недостаток документов с лихвой восполняется беллетризованными рассказами о его подвигах, однако определить степень их достоверности в большинстве случаев не представляется возможным.

О том, как развивалась карьера Рокоссовского в то время и в каких боевых действиях он участвовал, достоверно можно судить прежде всего по его послужным спискам. 22 апреля 1920 года в кандидатской карточке, своем первом послужном списке в Красной армии, о последнем полученном к тому моменту воинском звании Рокоссовский сообщил: «В Красной Армии — командир отдельного кав. эскадрона с 1 мая 1919 г. по 23 января 1920 г.». Прохождение службы в Красной

армии он изложил следующим образом: «Рядовым кавалеристом Каргопольского кавалерийского отряда с 15 декабря 1917 г. по 1 октября 1918 г., помощником начальника Каргопольского кав. отряда, командиром эскадрона в 15-м Уральском кавалерийском полку с 1 октября 1918 г. по 4 декабря 1918 г., врид командира 19-го отдельного кав. дивизиона с 4 по 30 декабря 1918 г., командиром эскадрона в Сводном Уральском имени Володарского конном полку с 30 декабря 1918 г. по 1 апреля 1919 г., пом. командира Сводного Уральского имени Володарского полка с 1 апреля 1919 г. по 1 мая 1919 г., командир 2-го Уральского отдельного дивизиона имени Володарского 1 мая 1919 г. по 23 января 1920 г. Служил беспрерывно». Касаясь участия в боевых действиях, указал: «Участвовал против гайдамаков на Юго-Западном фронте, с июня месяца 1918 г. против чехословаков и армии Колчака на Восточном фронте».

Здесь же Рокоссовский упомянул, что был ранен 7 ноября 1919 года. Он также сообщил, что является членом РКП(б) с 7 марта 1919 года с партийным билетом № 5239. Состояние своего здоровья, несмотря на перенесенное ранение, Рокоссовский оценил как удовлетворительное. Из выборных должностей он назвал только должность помощника начальника Каргопольского кавалерийского отряда с 15 декабря 1917 года по 1 марта 1918 года. На вопрос «на какие должности может быть зачислен кандидатом» Константин Константинович ответил: «Доволен настоящей». Вполне ожидаемым оказалось и принятое решение: «Аттестовать в должности комполка 30 Конного 12 февраля с. г. приказ по 30 стр. дивизии № 5883».

В тот момент Константин Константинович Рокоссовский (именно так он впервые поименовал себя в указанной карточке) еще не знал, что его участие в Гражданской войне далеко не закончено и ему предстоит еще немало испытаний.

В его последнем послужном списке, составленном в 1960-е годы, прохождение службы в Гражданскую войну выглядело так:

«Декабрь 1917 — август 1918

Помощник начальника Красногвардейского Каргопольского кавалерийского отряда. Военный Совет Брянского района, 3 Армия, Восточный фронт.

Август 1918 — май 1919

Командир эскадрона 1-го Уральского им. Володарского кавалерийского полка, 3 армия, Восточный фронт.

Май 1919 — январь 1920

Командир 2 отдельного Уральского кавалерийского дивизиона 30 стрелковой дивизии 3 армии. Восточный фронт.

Январь 1920 — август 1920

Командир 30 отдельного кавалерийского полка 30 стрелковой дивизии 5 армии, Восточный фронт.

Август 1920 — октябрь 1921

Командир 35 отдельного кавалерийского полка 35 стрелковой дивизии 5 армии, Восточный фронт».

Любопытно, что в автобиографии 1940 года Рокоссовский временем своего вступления в Красную гвардию назвал не 15 декабря 1917 года, а октябрь того же года. Он писал: «В октябре 1917 года вступил добровольно в Красную гвардию в Карго-польский красногвардейский отряд рядовым красногвардейцем, а в ноябре 1917 года был избран помощником начальника этого отряда».

Сопоставляя данные послужных списков, можно заключить, что против гайдамаков своего бывшего комдива гетмана Скоропадского в составе войск Брянского района Каргопольский кавалерийский отряд сражался в апреле — мае 1918 года. С июня по август Рокоссовский воевал уже против чехословаков на Волге, а затем — с войсками Уфимской директории в составе 3-й армии Восточного

фронта. В августе Каргопольский отряд влился в состав 15-го Уральского имени Володарского кавалерийского полка. Рокоссовский 1 октября стал там командиром эскадрона. С декабря 1918 года пришлось сражаться уже против армий адмирала А. В. Колчака, свергнувшего 18 ноября 1918 года директорию и провозгласившего себя Верховным правителем России.

В автобиографии 1940 года Рокоссовский писал: «В августе 1918 года отряд (Каргопольский. — *Б. С.)* переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк, в котором я получил назначение командиром 1-го эскадрона. В феврале 1919 года полк переформирован во 2-й Уральский отдельный кавдивизион 30-й стрелковой дивизии — назначен командиром этого дивизиона. 8-го января 1920 года дивизион развернулся в 30-й кавалерийский полк 30-й стрелковой дивизии, я назначен командиром этого полка. В августе 1920 года с должности командира 30-го кавполка переведен на должность командира 35-го кавполка 35-й стрелковой дивизии».

В той же автобиографии 1940 года Рокоссовский следующим образом охарактеризовал свое участие в боевых действиях Гражданской войны: «Участвовал в боях: в составе Каргопольского красногвардейского кавотряда в должности помначотряда — в подавлении контрреволюционных восстаний в районе Вологды, Буя, Галича и Солигалича с ноября 1917 г. по февраль 1918 г. В боях с гайдамаками, анархобандитскими отрядами Ремнева и в подавлении анархистских контрреволюционных выступлений в районе Харьков, Унеча, Михайловский хутор, Карачев — Брянск с февраля 1918 г. по июль 1918 г. С июля 1918 года в составе этого же отряда переброшен на Восточный фронт под Свердловск и участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Свердловском, ст. Шамары и Шаля до августа 1918 года.

С августа 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк — назначен командиром 1-го эскадрона. С августа 1918 г. занимал последовательно командные должности: командира эскадрона, 1-го Уральского им. Володарского кавполка, командира 2-го Уральского отдельного кавдивизиона, командира 30-го кавалерийского полка, находясь на Восточном фронте (3-я и 5-я армии), участвовал в боях до полного разгрома колчаковской белой армии и ликвидации таковой. В 1921 году участвовал в боях против белогвардейских отрядов барона Унгерна до полной их ликвидации, состоя в должности командира 35-го кавполка».

Тут есть некоторая неточность. Как мы помним, расположение 5-го Каргопольского драгунского полка в Череповце Рокоссовский вместе со своими товарищами по красногвардейскому отряду покинул только 18 марта 1918 года, так что он никак не мог драться с гайдамаками в феврале того же года.

Стоит обратить внимание на то, что всю войну, исключая короткий период борьбы с гайдамаками, Рокоссовский провел на Восточном фронте. Здесь качество личного состава белых армий было значительно ниже, чем на Западе. Основная масса офицеров, возвращавшихся с фронтов Первой мировой войны, оседала в рядах Добровольческой армии и других белых формирований на западе страны. На востоке же до 1917 года часто проходили службу далеко не самые достойные представители российского офицерского корпуса, как правило, попавшие в Азиатскую Россию за какие-нибудь служебные проступки. В отличие от западных районов на Восточном фронте ни у белых, ни у красных не было крупных кавалерийских соединений: дивизий, корпусов и армий. Поэтому здесь кавалерийский дивизион и полк, которыми командовал Рокоссовский, представляли собой значительную силу, способную выполнять самостоятельные задачи.

Командиром 30-го отдельного кавполка 30-й стрелковой дивизии Рокоссовский был назначен 23 января 1920 года. Карьеру можно было считать вполне успешной, тем более что Константин Константинович сумел заслужить два ордена Красного Знамени.

Друг и биограф Рокоссовского генерал армии Павел Иванович Батов так характеризовал его боевой путь в Гражданской войне: «Первую свою командную должность в революционных войсках Рокоссовский занял еще в грозовом семнадцатом году: солдаты избрали его помощником начальника Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда. Двадцатилетний юноша был своим среди красногвардейцев — сын рабочего и сам рабочий, с четырнадцати лет зарабатывавший себе на хлеб, солдат, сражавшийся на фронте всю Первую мировую войну. Константин Константинович с

благодарностью вспоминал начальника отряда большевика Адольфа Казимировича Юшкевича. В девятнадцатом году К. К. Рокоссовский и сам стал большевиком.

Рассказы сослуживцев, архивные документы помогают нам представить Константина Рокоссовского молодым красным командиром. Он был высоким, стройным, физически сильным и натренированным. Умом, задором и отвагой светились глаза. Он был скуп на слова и щедр на дружбу. Простой, скромный и отчаянно смелый.

В районе Ишима отдельный кавалерийский дивизион под его командованием внезапно атаковал село Виколинское, занятое крупными силами белогвардейцев. В стане врага возникла паника. Однако малейшая задержка атаки — и враг придет в себя, поймет, что силы атакующих невелики. Вон на околице уже разворачивается для боя артиллерийская батарея противника. Решение созрело мгновенно. Рокоссовский берет двадцать всадников и с шашками наголо — на батарею. Она открывает огонь. Свистит картечь. Но красные конники прорываются к орудиям. Рокоссовский спрыгивает с коня возле поднявшего руки белого унтер-офицера и голосом, в котором звучит угроза и приказ, говорит:

— Видите — казаки? Огонь по ним! Будете стрелять — будете жить.

И орудия повернулись и открыли беглый огонь по казакам.

За этот бой Рокоссовский получил свой первый орден Красного Знамени».

В представлении Рокоссовского к этому ордену было дано описание его подвига: «4 ноября 1919 года в бою под селом Виколинское… тов. Рокоссовский, действуя в авангарде 262-го стрелкового полка и непосредственно управляя вверенным ему дивизионом, прорвал расположение численно превосходящего противника. В конном строю с 30 всадниками атаковал батарею противника и, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия, лихим ударом взял батарею в плен в полной исправности…» Далее следовал краткий вывод: «Ходатайствовать перед высшим командованием о представлении тов. Рокоссовского к ордену Красное Знамя».

В. И. Кардашов в своей биографии Рокоссовского следующим образом описал бой под Омском 7 ноября 1919 года:

«…Бригада Ивана Грязнова следовала за отступающим врагом по пятам. Канун второй годовщины Великой Октябрьской революции они отметили освобождением станции Мангут в 85 верстах к востоку от Ишима. От пленных, захваченных на станции 262-м полком, комбригу стало известно, что неподалеку от Мангута, в станице Караульной, размещается колчаковский штаб, по-видимому, не предполагающий, что красные так близко. Решено было послать в тыл врага кавалеристов Рокоссовского, которые меньше устали во время перехода к Мангуту.

Получив задание, Рокоссовский незамедлительно выступил с основными силами дивизиона. Ночь на 7 ноября дивизион провел в пути. Через вражеские порядки прошли удачно, и в первую очередь потому, что имелись хорошие проводники — пленные колчаковские солдаты. К рассвету дивизион тихо и незаметно подошел к Караульной. Над станицей господствовала тишина. Рокоссовский решил еще раз использовать пленных, сохранивших погоны: нацепив их, бывшие колчаковцы направились в станицу и вскоре возвратились, ведя за собой снятых вражеских часовых. Они подтвердили, что в Караульной действительно находится штаб колчаковской дивизии и нападения красных никто не ожидает. После этого станицу можно было атаковать безбоязненно. Развернув эскадроны, Рокоссовский бросил их в бой.

Молча конники ворвались в станицу, и через несколько минут она была в их руках. Сопротивления красные кавалеристы не встретили: взяться за оружие никто не успел, да колчаковские солдаты и не хотели драться. Столкновение произошло лишь в одном месте.

Рокоссовский с группой всадников мчался вдоль улицы. Внезапно из ворот большого каменного дома выскочили две повозки, битком набитые офицерами: их было человек пятнадцать.

— Сдавайтесь! — крикнул во весь голос командир дивизиона, но в ответ раздались выстрелы. Окруженные со всех сторон кавалеристами, офицеры не подняли рук, не бросили оружия. Они, стреляя, соскакивали с повозок, пытаясь как-то организовать оборону. Рокоссовский, сопровождаемый товарищами, не медля, пришпорил лошадь и погнал ее прямо на врагов.

Первым на его пути оказался высокий, стройный офицер в распахнутом полушубке. Он, не целясь, выстрелил в Рокоссовского из нагана и промахнулся. Второго выстрела он уже не успел сделать, получив смертельный удар шашкой по голове. Еще миг — и конь Рокоссовского вздыбился над другим колчаковцем. Единственное, что успел заметить комдивизиона, — надвинутая на лоб папаха, щеточка усов над ощеренным ртом и дуло нагана, направленное на него, Рокоссовского. Мгновение, и, перегибаясь через лошадь, командир дивизиона наносит страшный удар. В ту же секунду звучит выстрел и Рокоссовский ощущает сильный толчок в плечо. Лошадь проносит его вперед, наконец он останавливает ее и оборачивается.

Все кончено, только трое колчаковских офицеров, вовремя бросивших оружие, остались в живых. Из соседних дворов кавалеристы выгоняют охрану штаба дивизии, не вылезавшую из домов во время схватки. Около убитых врагов несколько кавалеристов рассматривают только что зарубленного Рокоссовским офицера.

— Как ты его… — говорит один из них, Николай Шаблинский, обращаясь к медленно подъезжающему Рокоссовскому. — Да что с тобой?

— Ничего, думаю, страшного, ранил он вот меня, — придерживая плечо другой рукой, отвечает тот и, обращаясь к пленным, спрашивает: — Кто это?

— Генерал Воскресенский, начальник нашей дивизии, — цедит сквозь стиснутые зубы уцелевший колчаковский офицер».

Об этом же пишет и сам Рокоссовский в мемуарах: «Во время атаки при единоборстве с командующим омской группой генералом Воскресенским я получил от него пулю в плечо, а он от меня — смертельный удар шашкой».

Но этот эпизод ничего общего с действительностью не имеет. У Колчака не было начальника дивизии (или командующего омской группировкой) по фамилии Воскресенский, и ни один генерал с такой фамилией не погиб ни 7 ноября 1919 года, ни в близкие к этой дате дни. Был только один генерал-майор Владимир Воскресенский. Однако он никак не мог погибнуть 7 ноября 1919 года, поскольку 11 ноября того же года был назначен командующим артиллерией Читинского военного округа, за тысячи километров от Омска, а в мае — июле 1920 года находился на излечении в Харбине. Правда, по некоторым данным, в 1945 году генерал Воскресенский был захвачен в Харбине советскими войсками, а в 1946 году то ли расстрелян, то ли умер в лагере.

Существует версия, что Рокоссовский, а вслед за ним Кардашов просто спутали фамилию генерала. Будто бы речь идет о генерал-майоре Вознесенском, начальнике 15-й Омской Сибирской стрелковой дивизии. Однако генерала с такой фамилией в колчаковской армии тоже не было. Был полковник Николай Саверьянович Вознесенский, закончивший Первую мировую войну подполковником, в 1918 году командовавший в Омске 1-м Степным полком, а в мае 1919 года возглавивший 15-ю Омскую Сибирскую стрелковую дивизию. По утверждению радиосводки советского агентства РОСТА от 9 ноября 1919 года, он был зарублен в бою 7 ноября в бою южнее станции Мангут. Согласно сообщению газеты «Красный Урал» от 14 ноября 1919 года и радиосводки РОСТА от 7 ноября, в 12 километрах северо-восточнее станции Мангут был захвачен в плен 59-й Саянский полк 15-й Сибирской дивизии вместе со штабом дивизии, причем начальник дивизии, отказавшийся сдаться, был расстрелян на месте. Отметим, что деревня Караульная (в дальнейшем село Караульное), где был ранен Рокоссовский, находится не к югу, а к северо-востоку от станции Мангут, так что он, в принципе, мог убить 7 ноября полковника Вознесенского.

Кстати сказать, начальником 15-й дивизии вплоть до 22 февраля 1920 года был генерал-майор Иннокентий Семенович Смолин, который мирно умер на Таити в 1973 году. Однако, поскольку с мая

1919 года Смолин одновременно командовал 3-м Степным Сибирским армейским корпусом, полковник Вознесенский мог быть его заместителем по 15-й дивизии.

Нельзя также исключить, что весь этот героический эпизод добавил в мемуары маршала уже после его смерти кто-то из редакторов.

В справке о ранении, выданной 15 декабря 1919 года командиру 2-го Уральского кавалерийского дивизиона Константину Рокоссовскому врачом Юрковым 15 декабря 1919 года, указывалось, что он был ранен в деревне Караульная Ишимского уезда Тобольской губернии револьверной пулей в плечо правой руки. Ранение было слепое, в результате была ограничена подвижность верхней части ключицы. Пулю извлекать не стали, ограничившись перевязкой. Эта пуля так и осталась в теле Рокоссовского памятью о братоубийственной Гражданской войне.

Кстати сказать, раз Рокоссовский был ранен в правое плечо, в результате чего подвижность руки была ограничена, он никак не мог зарубить полковника Вознесенского ударом шашки. Ведь Константин Константинович не был левшой. Застрелить полковника, выхватив левой рукой револьвер, он еще мог, а вот зарубить — никак. Так что, по крайней мере, описание конкретных обстоятельств гибели Вознесенского явно вышло из-под пера безвестного редактора, ориентировавшегося на штампы героической романтики советской литературы о Гражданской войне, а не самого Рокоссовского.

В середине 1920 года в карьере Рокоссовского возникли первые сложности. В аттестации, составленной на него по итогам дивизионных учений комиссаром 30-й дивизии Романовым, отмечалось: «К общему делу организации Красной Армии относится как коммунист. Характер мягкий. В работе энергичный. Среди красноармейцев, комсостава и партийных организаций большим авторитетом пользуется. Смелый боевик, показывающий в наступлении пример храбрости… Занимаемой должности не вполне соответствует. Отсутствует умение правильно распределить силы полка… По занимаемой должности оставляет желать лучшего». Возможно, на такую характеристику повлияло ЧП в полку Рокоссовского. В 4-м эскадроне составился заговор из казаков, служивших у белых. В нем участвовали и два поляка, служивших ранее в Польском легионе в Сибири. 60 человек дезертировали и перешли границу Монголии. Не исключено также, что у Рокоссовского возник какой-то конфликт с комиссарами полка и дивизии.

8 августа 1920 года был подписан приказ о перемещении Рокоссовского на должность командира кавалерийского полка в 35-й стрелковой дивизии, также входившей в состав 5-й армии. В начале сентября 1920 года пришел приказ о переброске дивизии на Западный фронт. Рокоссовский просил оставить его в дивизии. Ему хотелось поучаствовать в большой войне. 2 сентября 1920 года начдив 30-й И. К. Грязнов направил телеграмму в штаб 5-й армии: «Комполка 30 кавалерийского тов. Рокоссовский согласно приказа войскам армии № 1254 долженствующий отправиться в распоряжение начдива 35 для вступления в должность комполка 35 кавалерийского, в связи с новым назначением дивизии ходатайствует, как старый доброволец, коммунист польской национальности, об оставлении его в дивизии и отправке с дивизией на Западный фронт. Подтверждая ходатайство тов. Рокоссовского, прошу об оставлении его в кавполку, независимо от командирования на должность комполка тов. Троицкого». На телеграмме имеется карандашная резолюция начальника штаба армии: «Сообщить начальнику 30 стрелковой дивизии, что приказ по армии за № 1254 остается без изменения».

Из этого донесения следовало, что Константин Константинович без всяких сомнений готов был воевать против своих соотечественников. Для него они были «белополяками». Нет сведений, что он испытывал какую-либо рефлексию по поводу того, что ему придется сражаться против соотечественников. Однако инцидент в 4-м эскадроне с участием поляков мог вызвать у командования настороженное отношение к Рокоссовскому. Тем более что советские войска после разгрома под Варшавой безнадежно отступали и планы по формированию польской Красной армии были оставлены. Эта армия, насчитывавшая всего около тысячи человек, так и не вступила в бой и вскоре после отступления из-под Варшавы была распущена. Да и служили там по преимуществу не этнические поляки, а белорусы и евреи. Так что надобность в «коммунистах польской национальности» для советизации Польши в начале сентября уже была не актуальна. Кстати сказать,

30-й дивизии так и не удалось повоевать против поляков. Когда в конце сентября она прибыла в Европейскую Россию, с Польшей уже шли переговоры о мире, и дивизию бросили на врангелевский фронт.

Но повоевать Константину Константиновичу все-таки пришлось. В мае в советское Забайкалье из Монголии вторглась Азиатская конная дивизия барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга, которая пыталась овладеть Троицкосавском. 2 июня 1921 года на подступах к городу, в бою с бригадой Азиатской дивизии под командованием генерала Б. П. Резухина, у станицы Желтуринской, в Забайкалье, Рокоссовский контратакой спас от уничтожения пехотный батальон, был тяжело ранен в ногу, но остался в строю до конца схватки. За это его наградили вторым орденом Красного Знамени.

Константин Константинович вспоминал: «В июне 1921 года Красная Армия добивала барона Унгерна на границе с Монголией. У станицы Желтуринская 35-й кавполк, которым я командовал, атаковал прорвавшуюся через нашу пехоту унгерновскую конницу. В этом бою я был ранен второй раз, в ногу с переломом кости». Ранение было пулевое.

В. И. Кардашов писал: «Рана оказалась очень серьезной. Пуля перебила кость. В тот же день, сдав дивизион своему заместителю — Ивану Константиновичу Павлову, Рокоссовский отбывает в госпиталь. Расположен был этот госпиталь все в том же Мысовске. Здесь он пробыл июнь и июль 1921 года…

Рокоссовский, узнав, что городу грозит нападение Унгерна, не стал ожидать приказа или тем более эвакуации, на которую имел полное право. По его требованию медицинские сестры прибинтовывают еще не выздоровевшую ногу к двум палкам, Рокоссовский берет костыли и садится в тачанку. В кратчайший срок из тыловиков и выздоравливающих красноармейцев 35-й стрелковой дивизии и 5-й Кубанской кавалерийской бригады Рокоссовский формирует сводный отряд — около 200 конных и 500 пеших бойцов. Отряд хорошо вооружен, в его распоряжении оказываются даже два орудия. Часть бойцов удается посадить на подводы, и с этим достаточно подвижным отрядом Рокоссовский выступает через хребет Хамар-Дабан, все тот же Хамар-Дабан, навстречу врагу.

Бойцы в отряде подобрались боеспособные, командир у них был опытный, поэтому не мудрено, что Унгерн после небольшого столкновения с отрядом Рокоссовского не стал наступать на Мысовск, а повернул на северо-восток, по направлению к Ново-Селенгинску и Верхнеудинску (ныне город Улан-Удэ). Возникла угроза захвата Верхнеудинска, так как в распоряжении командования 5-й армии не было свободных сил. Теперь Рокоссовский получает распоряжение срочно, прикрыв частью сил дорогу на Мысовск с юга по пади Удунга, погрузиться в эшелон на станции Мысовск и прибыть в Верхнеудинск, где выгрузиться и обеспечить город с юга от возможного проникновения туда унгерновских частей.

Константин Рокоссовский выполнил и это поручение. Вернувшись в Мысовск, он грузит свой отряд в состав и отправляется в Верхнеудинск. Не медля ни минуты, из Верхнеудинска он выступает походным порядком навстречу врагу в Тарбагатай. И все это на костылях. Невольно приходишь в восхищение от решительности, энергии и самоотверженности этого необыкновенного человека!»

Тут действительно есть чему удивиться, особенно если учесть, что никто не собирался отправлять тяжело раненного Рокоссовского в находящийся за сотни километров от места боя Мысовск (ныне Бабушкин), когда под боком находился более крупный город Троицкосавск с хорошим госпиталем. Там и оставался Рокоссовский все время, пока эпопея Унгерна подходила к своему бесславному концу. Не стоит приписывать Константину Константиновичу какие-то сказочные подвиги — у него вполне достаточно настоящих.

Ранением в бою под Желтуринской Гражданская война для Рокоссовского фактически закончилась. Но, как члена партии, молодого перспективного командира подходящего пролетарского происхождения, да еще с двумя орденами Красного Знамени, его оставили в армии, несмотря на широкомасштабные сокращения. Ему пришлось еще на десятилетие задержаться на Востоке России.

Глава четвертая

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

В октябре 1921 года, вскоре после выписки из госпиталя в Троицкосавске (ныне Кяхте), Рокоссовский получил очередное повышение. Ему теперь пришлось командовать кавбригадой, правда, только один год. В автобиографии 1940 года он писал: «В октябре 1921 года переведен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. В октябре 1922 года в связи с переформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады». В аттестации 1921 года о Рокоссовском говорилось: «Занимал последовательно должности командира кавдивизиона и кавполка. За всю свою службу показал себя с лучшей стороны. Полк во всех отношениях подготовлен хорошо. Конский состав полка, несмотря на тяжелые условия, пройденные в Монгольской операции, находится на должной высоте. Личное мужество, умение руководить в бою, богатая инициатива т. Рокоссовского отмечена двукратным награждением его орденом „Красное знамя“. Обучать красноармейцев и командный состав, как по условиям военным, так и мирного времени, может вполне успешно. Аттестован на должность командира бригады».

27-й кавполк дислоцировался в Забайкалье. Летом 1922 года в Троицкосавске, старинном купеческом городке на самой монгольской границе, Рокоссовский познакомился с местной уроженкой — красивой молодой учительницей женской гимназии Юлией Петровной Барминой, происходившей из семьи купцов и работавшей также городским библиотекарем. Отец Юлии сначала был против ее брака с красным командиром, но потом сдался. 30 апреля 1923 года они с Константином поженились. Юлии тогда было двадцать три года. В 1925 году у них родилась единственная дочь Ариадна (Ада).

Вот аттестация командира 27-го кавполка 5-й отдельной Кубанской кавбригады Рокоссовского, данная в конце 1923 года:

«Обладает твердой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчиненным, равно как и к себе, требователен. Заботлив. Пользуется любовью и популярностью. Военное дело любит. Состояние здоровья удовлетворительное, но требует постоянной поддержки вследствие ряда ранений. Походную жизнь переносит легко. Обладает незаурядными умственными способностями, с любовью относится к своей работе, уделяя больше внимания работе боевой, организационной и административной работе уделяет менее внимания. Член РКП. Образование имеет пять классов гимназии. Специального военного образования не имеет, но, любя военное дело, работает над собой в области самоподготовки. Обладает большим практическим стажем и боевым опытом в Красной Армии, равно как и боевым опытом империалистической войны. Полученный опыт с пользой применяет в обстановке мирной жизни, стараясь его обосновать и теоретически. Награжден двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать на курсы. В должности комполка вполне соответствует.

Комбриг 5-й кав. Писарев. Воен. комиссар бригады Хрусталев».

На аттестации командующий 5-й армией И. П. Уборевич 3 декабря 1923 года написал следующее: «Заслуживает выдвижения на должность комбрига кав. бригады вне очереди».

Столь же блестящей была и позднейшая аттестация: «Энергичный, инициативный и решительный командир. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Хорошо разбирается в оперативной обстановке. Имеет большой опыт империалистической и гражданской войны. К делу относится с любовью. Пользуется большим авторитетом. Обладает незаурядными умственными способностями. Аттестован на должность командира кав. бригады».

Рокоссовский по-прежнему утверждал, что окончил пять классов гимназии; это помогало ему удержаться на посту командира полка. Характерно, что уже в этой, одной из первых аттестаций Константина Константиновича в Красной армии отмечались его незаурядные умственные способности. Не приходится сомневаться, что Рокоссовский при своей любви к военному делу путем самостоятельной работы сравнительно легко восполнил недостатки своего формального

образования, которое, скорее всего, не превышало трех классов городского училища. Вне всякого сомнения, будущий маршал был прирожденным полководцем, и даже все недостатки Красной армии, ставшие очевидными в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны, не могли помешать проявиться его военному таланту.

В 1923–1924 годах Рокоссовскому приходилось сражаться против остатков отрядов атамана Г. М. Семенова, окопавшихся в Забайкалье или приходивших из-за китайской границы. В тот период его 27-й кавполк был признан лучшим в Сибирском военном округе. В сентябре 1924 года он был направлен в Ленинград в Высшую кавалерийскую школу, вскоре преобразованную в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. При этом время обучения сократили с первоначально планировавшихся двух лет до одного года. Там же, на курсах, в 1925 году Рокоссовский окончил и кружок марксистско-ленинской подготовки, что должно было свидетельствовать об идеологической благонадежности. Здесь он преуспел не только в занятиях с планами и картами, но и в конноспортивных соревнованиях, а в свободное время увлекался фехтованием на саблях и эспадронах. Нередко они сходились в поединке с будущим маршалом Георгием Жуковым, причем чаще верх брал Рокоссовский.

По воспоминаниям учившихся вместе с ним товарищей, именно тогда Константин Константинович увлекся трудами выдающегося немецкого военного теоретика XIX века Карла Клаузевица. Маршал И. Х. Баграмян, познакомившийся с Рокоссовским на курсах в Ленинграде, свидетельствовал: «Особую симпатию в группе вызывал к себе элегантный и чрезвычайно корректный Константин Константинович Рокоссовский. Стройная осанка, красивая внешность, благородный, отзывчивый характер и великолепная спортивная закалка, без которой кавалерист не кавалерист, — все это притягивало к нему сердца товарищей. Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы». В другом варианте своих мемуаров Иван Христофорович добавил дополнительные штрихи к портрету Рокоссовского: «Константин Константинович выделялся своим почти двухметровым ростом. Причем он поражал изяществом и элегантностью, так как был необычайно строен и поистине классически сложен. Держался он свободно, но, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка, освещавшая его красивое лицо, притягивала к себе. Эта внешность как нельзя лучше гармонировала со всем душевным строем Константина Константиновича, в чем я вскоре убедился, крепко, на всю жизнь сдружившись с ним».

По утверждению Рокоссовского, на ленинградских курсах у него завязалась дружба и с Жуковым: «С Г. К. Жуковым мы дружим многие годы. Судьба не раз сводила нас и снова надолго разлучала. Впервые мы познакомились еще в 1924 году в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде. Прибыли мы туда командирами кавалерийских полков: я — из Забайкалья, он — с Украины. Учились со всей страстью. Естественно, сложился дружеский коллектив командиров-коммунистов, полных энергии и молодости. Там были Баграмян, Синяков, Еременко и другие товарищи. Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — всё ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего. В самом начале тридцатых годов наши пути сошлись в Минске, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией в корпусе С. К. Тимошенко, а Г. К. Жуков был в этой же дивизии командиром полка. Накануне войны мы встретились в ином качестве: генерал армии Жуков командовал округом, а я, в звании генерал-майора, — кавалерийским, а затем механизированным корпусом. Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

В начале сентября 1925 года, успешно окончив курсы, Рокоссовский вернулся в Забайкалье и 6 сентября вступил в командование своим прежним полком, который был теперь переименован в 75-й. Об этом периоде его службы сохранились воспоминания генерала армии Г. И. Хетагурова. В 1926 году Хетагуров служил в Даурии командиром батареи в 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригаде, которой командовал Рокоссовский. Он так описал встречу с комбригом:

«— Наконец-то прибыл! — радушно встретил меня командир дивизиона И. П. Камера. — У нас уже три месяца батарея без командира, а ты где-то по лесам блукаешь. Я тебя присмотрел еще на учениях в районе Сретенска. Вижу, лихо командуешь горной батареей, и давай уговаривать Рокоссовского, чтобы тебя к нам взяли. Разве кто откажет в просьбе нашему комбригу?.. Ну что же, идем, джигит, представлю тебя ему…

Через пять минут мы были в кабинете К. К. Рокоссовского. Рослый, стройный комбриг крепко пожал мне руку, пригласил присесть, стал расспрашивать, откуда я родом, где служил, какое имею образование.

Услышав, что мне довелось командовать взводом в 28-й дивизии имени В. М. Азина, Рокоссовский заметил:

— Знаменитая дивизия. Я хорошо знал товарища Азина. Вместе воевали в Поволжье. Геройский был начдив! — И вдруг поинтересовался: — А коней вы любите?

— Люблю, товарищ комбриг. И прибыл со своим конем.

— Превосходно, — одобрил он… — Что же, Иван Павлович, — обратился Рокоссовский к Камере, — познакомьте товарища Хетагурова с батареей, и пускай он немедленно вступает в командование…»

На этот раз командовать полком Константину Константиновичу довелось недолго. С июля 1926-го по июль 1928 года Рокоссовский служил инструктором отдельной Монгольской кавдивизии в Улан-Баторе. Перед командировкой в Монголию он получил очередную аттестацию. Теперь, когда Сталину пришлось бороться с внутрипартийной оппозицией, а также в связи с тем, что Рокоссовского посылали за границу, упор в аттестации был сделан на политическую благонадежность: «Политически развит хорошо. Крепкий, выдержанный член партии. Несмотря на то, что тов. Рокоссовский в течение ряда лет аттестуется на должность комбрига, но ввиду неблагоприятных обстоятельств остается на должности командира полка. Имеет большой тактический кругозор и с успехом руководит кавбригадой. Будучи чрезвычайно скромным и лишенный всяких карьеристских целей, он безусловно мирится со своим положением. Однако учитывая его боевые заслуги, большой командный стаж, отличное знание дела, крупный тактический кругозор и незаурядные способности — считать его достойным продвижения на должность командира отдельной кавбригады вне очереди и на должность командира кавдивизии в очередном порядке».

Столь же высокую оценку получила деятельность Рокоссовского в Монголии. 18 ноября 1927 года «за успешное выполнение особых заданий во время нахождения в командировке» он был награжден золотыми часами с надписью «От Революционного Военного Совета Сибирского военного округа». После возвращения Рокоссовский получил повышение. Его назначили командиром-комиссаром 5-й отдельной Кубанской кавбригады, дислоцировавшейся в Даурии. Но перед этим, в январе 1929 года, Рокоссовский был командирован в Москву на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС). Занятия на курсах продолжались всего два месяца, и уже в апреле Рокоссовский вернулся в Забайкалье. В это время назревал военный конфликт с Китаем, ставший неизбежным после того, как в июле войска маньчжурского военного губернатора Чжан Цзолина захватили Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся в совместном владении Китая и СССР, и арестовали советских служащих. 17 июля последовал разрыв советско-китайских дипломатических отношений.

Г. И. Хетагуров так вспоминал о боях на КВЖД:

«К началу сентября 1929 года Особая Дальневосточная армия завершила развертывание своих сил. Войска были разделены на две оперативные группы: Приморскую и Забайкальскую. Приморская группа сосредоточивалась на никольско-уссурийском направлении. Забайкальская выдвигалась на чжалайнор-маньчжурское направление… 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада, включенная в состав Забайкальской группы, сосредоточилась в поселке Абагайтуевский.

К нам приехал член Реввоенсовета СССР — начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов. Выступая перед командным составом бригады, он обратил наше внимание на то, что Советское правительство сделало все, чтобы предотвратить вооруженный конфликт на Дальнем Востоке, однако китайские милитаристы и их союзники белогвардейцы наглеют с каждым днем. Мы и сами это чувствовали, своими глазами видели, как они обстреливали советские пограничные села, убивали мирных жителей, уничтожали скот, срывали уборку урожая.

Терроризированные частыми огневыми налетами, жители станицы Олочинская обратились с письмом к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, требуя защиты и возмездия. В качестве меры возмездия и был предпринят удар по китайской крепости Шивей (Шивейсян). Наносился он 73-м кавалерийским полком при поддержке моей батареи.

Стояла поздняя дождливая осень. Нам пришлось совершить изнурительный марш по затопленной долине Аргуни. Люди и лошади выбивались из сил. Отсырели дистанционные трубки шрапнелей; по прибытии в станицу Олочинская мы вынуждены были спешно менять в них порох.

Для огневых позиций батареи я облюбовал заросшую гаоляном высотку, чуть правее станицы. Правда, надо было приложить немалые усилия, чтобы затянуть туда пушки. Зато крепость противника была как на ладони. Она представляла собой четырехэтажное сооружение, увенчанное наблюдательной вышкой. На каждом из этажей виднелись пулеметные амбразуры. Обнаружили мы и бомбометную батарею.

— Велик ли гарнизон крепости? — спросил я начальника нашей погранзаставы.

— В недалеком прошлом не превышал взвода, но в последние дни увеличился, наверное, до батальона: в крепость проследовало несколько конных и пеших отрядов.

— Где их лошади?

— Вероятно, во дворе.

С наступлением темноты орудийные расчеты собственными руками стали вкатывать пушки на высоту. Всю ночь на руках же подносили боеприпасы. Перед рассветом батарея была готова к открытию огня. И тут появился командир бригады.

— Молодцы! — похвалил он. — Хорошо устроились.

Из крепости, очевидно, заметили передвижение наших конников и обстреляли Олочинскую из пулеметов.

— Ну что же, товарищ Хетагуров, — повернулся ко мне Рокоссовский, — пора и вам начинать.

Батареи ударили по амбразурам крепости, затем по наблюдательной вышке. Били мы зажигательными снарядами, и после первых же залпов над крепостью возникло зарево пожара.

— С пламенным приветом! — шутили батарейцы. А я продолжал подавать команды:

— Первому и второму орудиям — по бомбометам, третьему и четвертому — шрапнелью по двору!

В крепости началась паника. Уцелевшие чанкайшисты выскакивали из нее, пытались спастись бегством. Но два эскадрона 73-го кавполка уже переправлялись вплавь через холодную и бурную Аргунь…

В разгромленной крепости было подобрано 77 трупов, захвачено 62 раненых, и только пять человек попали в плен невредимыми. В числе наших трофеев оказались 2 орудия, 6 бомбометов, 10 пулеметов, 300 винтовок, более 1000 мин, 720 артснарядов, 20 ящиков ручных гранат, 120 ящиков винтовочных патронов, значительные запасы муки, пшена, риса. Оружие мы передали пограничникам, продовольствие — населению Олочинской. А крепость взорвали.

Рокоссовский поблагодарил всех участников этого боя за успешное выполнение поставленной задачи, особо отметив заслуги артиллеристов. От него пошло и название высоты, на которой располагались наши огневые позиции: с тех пор она именуется Батарейной.

Но нас уже поджидало более сложное боевое дело. За поражение под Фукдином и Мишаньфу китайские милитаристы явно стремились взять реванш в Забайкалье, и вся наша Забайкальская группа войск под командованием комкора С. С. Вострецова была наготове. Группу эту составляли: три стрелковые дивизии (21-я Пермская имени С. С. Каменева, 35-я Сибирская и 36-я Забайкальская

Краснознаменные), 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада, Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион, два бронепоезда, бронедивизион и Читинский авиаотряд. Суммарно тут имелось: чуть более шести тысяч штыков и 1600 сабель, 88 орудий разных калибров, 330 станковых и 166 легких пулеметов, 9 танков, 32 самолета.

Противник же к началу ноября сосредоточил на чжалайнор-маньчжурском направлении шесть пехотных бригад, кавдивизию, два бронепоезда, саперные и другие технические подразделения, а также несколько отрядов, сформированных из русских белогвардейцев. В целом эта группировка насчитывала 28 450 штыков и сабель, 96 пулеметов, 96 бомбометов, 42 орудия, 2 бронепоезда и 5 самолетов.

Из приведенных данных видно, что китайская сторона имела большое численное превосходство в живой силе, но уступала нам в техническом оснащении. Командующий войсками противника на чжалайнор-маньчжурском направлении генерал-лейтенант Лян Чжуцзян хвастал: „Я не сомневаюсь в том, что мы разобьем Красную Армию и дойдем до Читы“. А действовавший под его эгидой агитационно-пропагандистский отряд многочисленные свои листовки с призывом к „уничтожению СССР“ дополнял географической картой, на которой советское Приморье, Приамурье и Забайкалье, так сказать, авансом были включены в границы Китая.

Дальнейшее промедление с нашей стороны становилось опасным, и Реввоенсовет Особой Дальневосточной армии принял решение об упреждении удара противника. Замысел Чжалайнор-Маньчжурской операции, спланированной под руководством В. К. Блюхера, сводился к следующему: надежно прикрывая главными силами Читу, предпринять глубокий обходный маневр, прорваться севернее города Маньчжурия к городу Чжалайнор, рассечь таким образом группировку противника и уничтожить ее по частям.

В состав обходящей подгруппы включались: 35-я Сибирская Краснознаменная стрелковая дивизия, 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада и Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион.

Операция началась 17 ноября 1929 года. Под покровом ночи наша бригада вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега Аргуни, в тыл чжалайнорской группировке противника. Стоял крепкий мороз. Дул сильный встречный ветер. Даже полушубки не согревали людей.

Километрах в семи от Абагайтуевской был объявлен короткий привал. Последовало распоряжение обмотать кошмой копыта лошадей и колеса орудий, зарядных ящиков, повозок, чтобы бесшумно переправиться по льду через Аргунь.

Лед был еще очень тонок: нет-нет да пробьет его лошадь копытом или продавит колесо орудия. И все-таки к рассвету мы оказались на китайской территории, а еще через несколько часов передовые эскадроны и моя батарея вышли к железной дороге Чжалайнор — Харбин.

Специально выделенный полуэскадрон конников уже рвал телеграфные и телефонные провода, когда со стороны Чжалайнора появился курьерский поезд. И тут же я увидел рядом с собой, верхом на коне, комбрига К. К. Рокоссовского.

— Товарищ Хетагуров, надо остановить поезд. Только не стреляйте по вагонам, — приказал он.

Я развернул батарею и открыл огонь по насыпи железной дороги. Прогремел первый залп. Небольшой перелет. При втором залпе — прямое попадание. Паровоз прополз еще несколько метров по развороченным шпалам и остановился, сдерживая налезавший на него почтовый вагон. Из других вагонов высыпали китайские солдаты и офицеры. Беспорядочно стреляя, они бросились в разные стороны. Их атаковали сабельные эскадроны, которые затем моментально окружили весь железнодорожный состав. В числе сдавшихся в плен оказался и генерал, судорожно прижимавший к груди пухлый портфель. Генерала привели к Рокоссовскому. Из портфеля пленного были извлечены важные документы, раскрывавшие авантюристические планы китайских милитаристов по захвату советского Забайкалья…

Перевалив через железную дорогу, части 5-й Кубанской кавбригады вышли на тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Чжалайнорский узел сопротивления. Начались контратаки. Одновременно открыла сильный огонь вражеская артиллерия.

Пока наш 73-й кавполк отражал контратаку китайской пехоты, на фланге его развернулись крупные силы неприятельской конницы.

— Хетагуров, выручай! — крикнул мне командир полка Макар Якимов.

Батарея ударила по китайской коннице картечью и буквально скосила тех, кто мчался впереди. Остальные некоторое время еще продолжали движение и тоже „отведали“ нашей картечи. Возникшим у противника замешательством не замедлил воспользоваться 73-й кавполк: он довершил бой лихим сабельным ударом. Враг оставил на поле боя до двухсот убитых и раненых. Из уцелевших китайских конников тридцать девять человек сдались в плен.

Гораздо драматичнее развивались события на участке 75-го кавполка, действовавшего против белогвардейской конницы. Мне до того никогда не приходилось видеть такой яростной рубки. Велики были потери белогвардейцев, но и 75-й кавполк потерял при этом свыше семидесяти человек, в том числе лучшего командира эскадрона, кавалера двух орденов Красного Знамени, близкого моего друга Ф. И. Пилипенко. Он был тяжело ранен разрывной пулей и скончался на операционном столе.

Были потери и в нашей батарее, которая помогала 75-му кавполку: четверо ездовых получили ранения, из строя выбыли двадцать лошадей.

Только к вечеру 5-я Кубанская кавбригада вместе с подошедшими частями 36-й Забайкальской стрелковой дивизии овладела станцией Чжалайнор и прилегающим к ней железнодорожным поселком. Главные силы бригады заняли рубеж Фазан, Нос, Кривая, выдвинув заслоны в направлении крепости Любенсянь.

А тем временем 36-я стрелковая дивизия вышла на южный участок Маньчжурского укрепленного района и соединилась там с 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизией, блокировавшей этот же укрепрайон с запада и юго-запада. Таким образом, в окружении наших войск оказалась вся чжалайнор-маньчжурская группировка противника. Ей были отрезаны все пути отхода.

Во избежание напрасного кровопролития комкор С. С. Вострецов предъявил окруженным ультиматум о безоговорочной капитуляции. Однако командующий китайскими войсками генерал Лян Чжуцзян капитулировать отказался.

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. Частью сил противник попытался прорваться из окружения в направлении села Нос, где располагался Бурят-Монгольский кавдивизион. Сюда же подошла и наша батарея. Развернувшись, она дала четыре залпа шрапнелью. Китайцы бросились врассыпную, часть из них залегла.

В этом бою отличился командир Бурят-Монгольского кавдивизиона Бусыгин: несмотря на 30-градусный мороз, он приказал своим конникам снять полушубки и повел их в атаку в одних гимнастерках.

— Что он делает? Заморозит же людей! — возмущался К. К. Рокоссовский, прибывший на мой наблюдательный пункт.

Потом Бусыгину пришлось оправдываться:

— Какая, товарищ комбриг, была бы рубка в полушубках? Мы же их из земли выковыривали клинками.

Константин Константинович не сдержал улыбки. Ему явно нравился этот ухарь-кавалерист. Дерзкая атака удалась: противник потерял до четырехсот человек убитыми и ранеными.

В ночь на 19 ноября чанкайшисты попытались прорваться из окружения еще более значительными силами. Но и эта их попытка была сорвана. Советские войска умело использовали свое огневое превосходство.

Утром многочисленные отряды китайской конницы и пехоты в третий раз хлынули из города Маньчжурия на юг. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Ровное, как стол, поле покрылось вражескими трупами. И противник опять был повернут вспять. На его плечах 5-я Кубанская кавбригада, части 35-й и 36-й стрелковых дивизий ворвались на городские окраины. Но генерал Лян продолжал хитрить: уклоняясь от немедленной капитуляции, он ссылался на то, что ему трудно за короткий срок собрать разбежавшихся солдат.

С. С. Вострецов проявил твердость: чанкайшистам было объявлено, что через два часа последует приказ об обстреле города артиллерией. Лишь после этого они сложили оружие. Сдался в плен со своим штабом и генерал Лян Чжуцзян, мечтавший дойти до Читы.

Завершив таким образом Чжалайнор-Маньчжурскую операцию, войска Забайкальской группы разделились на два оперативных отряда. Один из них, в составе усиленной 36-й стрелковой дивизии, двинулся на Хайлар и вышел к этому важному стратегическому пункту через четырнадцать часов, преодолев расстояние 150 километров. Хайларский гарнизон, не приняв боя, поспешно покинул город и бежал за перевалы через Большой Хинган.

Второму оперативному отряду, составленному из 5-й Кубанской кавбригады и Бурят-Монгольского кавдивизиона, предстояло преследовать белогвардейскую конницу, отходившую к монгольской границе. Бои проходили в условиях суровой зимы, в отрыве от баз снабжения. Лошади были изнурены настолько, что ни наши кавалеристы, ни белогвардейцы не могли уже ходить в конные атаки. При сближении решающую роль играла артиллерия. Благо, у нас хорошо был налажен подвоз боеприпасов. И все же окончательно добить белогвардейцев не удалось. Часть их сил проскользнула в Монголию, где и была интернирована.

В конце декабря мы вернулись в город Маньчжурия. Китайское правительство вынуждено было пойти на мирные переговоры. 20 декабря полномочные представители Советского Союза и Китая подписали соглашение о ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД. Права нашей страны на пользование этой дорогой восстанавливались. Около трех тысяч советских граждан было освобождено из Сумбейского концлагеря.

За боевые успехи ЦИК СССР наградил орденом Красного Знамени Особую Дальневосточную армию, пограничную охрану Дальневосточного края и Амурскую военную флотилию. Высоких правительственных наград были удостоены многие бойцы, командиры и политработники. Я тоже был награжден орденом Красного Знамени».

По официальным советским данным, Красная армия в конфликте на КВЖД потеряла 199 убитых, 27 умерших от ран, 22 умерших от болезней, 32 пропавших без вести и 729 раненых, контуженных и обмороженных. Кавбригада Рокоссовского потеряла 9 убитых и 7 раненых. Все эти данные кажутся значительно преуменьшенными, если, по свидетельству Хетагурова, только в одной атаке бойцы Рокоссовского потеряли убитыми и ранеными 70 человек.

Из мемуаров Хетагурова видно, что Рокоссовский хорошо организовывал взаимодействие конницы и артиллерии. А вот утверждения мемуариста о том, что китайские генералы вынашивали план завоевания советского Забайкалья, надо, скорее всего, отнести на счет пропаганды военного времени, которая должна была объяснить бойцам и командирам, почему они должны действовать на китайской территории. Ведь китайская армия ни в коем случае не могла на равных тягаться с Красной армией. Дело было не только в советском превосходстве в вооружении и технике, но и, прежде всего, в превосходстве в подготовке и моральных качествах личного состава. Китайские войска в то время набирались преимущественно из деклассированных элементов, солдаты регулярно не получали жалованья и жили за счет грабежа. Победить такое войско было не столь уж сложно, что продемонстрировал еще поход Унгерна в Монголию в 1920–1921 годах.

Кстати сказать, наиболее опасным противником во время конфликта на КВЖД, как признает Хетагуров, были служившие в войсках Чан Кайши русские белогвардейцы. Утверждение мемуариста о том, что отряды белых ушли в Монголию, где были интернированы, вызывает сомнения. В Монголии правило просоветское правительство и находились части Красной армии. Для белогвардейцев сдаваться монгольским коммунистам означало верную смерть. Скорее всего, они просто ушли в Маньчжурию через безлюдные монгольские степи.

Хетагуров так описал возвращение бригады в места постоянной дислокации:

«Обратный марш в Даурию не отличался легкостью. Стояла очень холодная и ветреная зима. Колючий снег бил в лицо. Но настроение у нас было праздничным. Мы возвращались на Родину победителями.

Даурия встретила нас торжественно. При въезде в военный городок возвышалась триумфальная арка. Повсюду флаги, радостные улыбки.

Вечером для участников похода был устроен праздничный ужин. Выступая здесь, наш комбриг К. К. Рокоссовский призвал всех глубоко осмыслить полученный боевой опыт и настойчиво совершенствовать свою выучку.

А через некоторое время к нам в Даурию прибыл В. К. Блюхер. Обходя в сопровождении К. К. Рокоссовского казармы бригады, он заглянул и в расположение моей батареи. Батарея была на занятиях. На месте находился лишь суточный наряд.

Вечером дежурный доложил мне о разговоре командарма ОКДВА с комбригом.

— Это та самая батарея, которая учинила разгром крепости Шивейсян? — спросил В. К. Блюхер.

— Она, — ответил Рокоссовский.

— Я наблюдал ее действия под Чжалайнором, — сказал командарм. — Хорошо бы на очередных учениях разыграть чжалайнорский эпизод…»

После этого Хетагурова откомандировали в Новочеркасск, на кавалерийские курсы усовершенствования комсостава. Провожая его, Рокоссовский сказал: «Учитесь прилежно. Помните, курсы эти находятся под опекой нашего выдающегося кавалерийского начальника Семена Михайловича Буденного».

За боевые действия на КВЖД Рокоссовского 13 февраля 1930 года наградили третьим орденом Красного Знамени. Незадолго перед этим радостным событием, в январе, его перевели на должность командира-комиссара 7-й кавдивизии имени Английского пролетариата 3-го кавкорпуса, дислоцировавшейся в Белорусском особом военном округе.

Аттестация 1930 года, сделанная по первым итогам деятельности на посту комдива, звучала в целом вполне благоприятно для Рокоссовского, хотя кое-какая критика здесь уже появилась: «Оперативная и тактическая подготовка хорошая. В самой сложной обстановке ориентируется быстро и хорошо. Способный командир, энергичный и решительный. Обладает сильной волей и большим самолюбием, которое иногда порождает упрямство. Дисциплинирован. Знает кавалерийское дело. Как командир дивизии единоначальник подготовлен теоретически хорошо, работу дивизии охватывает, но еще чувствуется мало практики в командовании дивизией. За сравнительно короткое пребывание в корпусе установил авторитет командира единоначальника, как в дивизии, так и перед командованием корпуса. Дивизия во всех отношениях подготовлена хорошо. Внимание мобработе уделял, но недостаточно, отчасти объясняется тем, что работал без штаба дивизии. Заметно много работает над собой и имеет все предпосылки выработать в себе лучшие качества, необходимые большому кавалерийскому начальнику. По натуре человек весьма скромный. Может быть командиром высшего механизированного соединения».

Вскоре все отмеченные недостатки были Рокоссовским исправлены, и из аттестации 1931 года критика исчезла. Там отмечалось: «В дивизии имеются большие достижения во всех областях боевой

подготовки. Хорошо сколочен штаб дивизии, подготовка его положительно сказалась на помощи низшему звену. На маневрах обеспечены успехи в управлении войсками на сложной задаче дивизии — оборона на широком фронте. Дивизия имеет первенство по целому ряду состязаний окружного масштаба, а также первенство на всесоюзных состязаниях. Командный состав сколочен, и тов. Рокоссовский много работает над воспитанием комначсостава. Грамотный командир, учит и воспитывает правильно. Настойчивый, волевой командир. Знает тактику и применение других родов оружия. Энергичен, четок и дисциплинирован. Хорошо организовывает и проводит занятия с начсоставом дивизии. Очень внимателен, никогда не вводит в заблуждение старших, справедлив. Должности комдива вполне соответствует».

То, что Рокоссовский не вводил в заблуждение старших начальников, достойно быть отмечено особо. Ложные доклады наверх, преувеличивающие успехи своих войск и преуменьшавшие их потери, стали настоящим бичом Красной армии, особенно в годы Великой Отечественной войны. Наоборот, успехи неприятеля обычно преуменьшались, а его потери многократно преувеличивались. С этим, как мы увидим дальше, пришлось неоднократно сталкиваться и Константину Константиновичу. Хотя следует признать, что в годы Великой Отечественной и Рокоссовский в этом отношении оказался небезгрешным: иной раз ему приходилось искажать истинное положение, чтобы отвести сталинский гнев от подчиненных.

Кратко коснувшись в мемуарах начала 1930-х годов, Рокоссовский вспомнил: «3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С. К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени Английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того — любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность». Здесь, помимо прочего, вероятно, содержалась скрытая благодарность за то, что Семен Константинович хлопотал за него в 1940 году, добиваясь освобождения из заключения.

В феврале 1932 года Рокоссовский получил очередное повышение — стал командиром отдельной кавдивизии. Его назначили командиром и комиссаром 15-й отдельной Кубанской кавалерийской дивизии, входившей в состав Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). Дальний Восток стал привлекать особое внимание советского руководства после того, как в 1931 году японские войска оккупировали Маньчжурию.

Однако у Константина Константиновича на этот раз не сложились отношения с командующим ОКДВА В. К. Блюхером, обладавшим тяжелым характером и все чаще прикладывавшимся к бутылке. В 1932 году Рокоссовскому вновь дали более критическую аттестацию: «Боевая подготовка дивизии: тактическая — хорошо, огневая — отлично, физподготовка — удовлетворительно. Техника конного дела не получила должного внимания. Недостаточно сколочен штаб дивизии и штабы полков. В марксистско-ленинской учебе начсостав подготовлен неудовлетворительно. Имеется большой сдвиг в подготовке спецчастей, и особенно мехполка. Конский состав в хорошем состоянии. Отмечаются положительные стороны тов. Рокоссовского, но наряду с ними отмечено, что т. Рокоссовский был настроен перевестись в другой округ, что явилось результатом недооценки военной опасности на Дальнем Востоке. За последнее время это настроение заметно изживается».

Очевидно, из-за конфликта с Блюхером Рокоссовский и хотел перевестись в другой военный округ. Однако на этот раз ему пришлось прослужить под командованием Василия Константиновича целых четыре года. Блюхер тогда был одним из любимцев Сталина, который старался во всем идти ему навстречу. К тому же Дальний Восток рассматривался как один из главных театров будущей войны, где Красной армии придется схватиться с японской императорской армией. Тогда с легкой руки наркома обороны К. Е. Ворошилова говорили, что, когда на Дальнем Востоке Блюхер, там можно иметь на два корпуса меньше. Это уже позднее, осенью 1938 года, после бездарно проведенной операции против японцев в районе озера Хасан, Блюхер утратит расположение Сталина, будет арестован и умрет от побоев во время следствия.

Вероятно, Рокоссовскому со временем удалось наладить отношения с Блюхером, который, в свою очередь, не мог не оценить командных и организационных качеств Константина Константиновича. В итоге аттестация 1934 года звучала куда благоприятнее для Рокоссовского: «Хороший строевой

командир, знающий кавалерийское дело. Лично дисциплинированный и исполнительный, но в отношении подчиненных недостаточно требователен. Честный и прямолинейный командир. Пользуется авторитетом у всех подчиненных. Организовывать боевую подготовку умеет, хорошо знает все ее детали. Хороший воспитатель, метод личного показа применяет. Тактически и оперативно подготовлен, обладает боевой инициативой. Отлично владеет конным делом. Недостаточно занимается подготовкой спецчастей. Мало занимается административно-хозяйственными вопросами и вопросами материально-бытового обслуживания частей. Дивизия подготовлена по всем видам боевой подготовки хорошо. Аттестован на должность командира кавкорпуса».

Приказом наркома обороны СССР № 2484 от 26 ноября 1935 года Рокоссовскому было присвоено персональное военное звание «комдив». В обращении с подчиненными он был человеком мягким, что вышестоящее начальство легко могло принять за мягкотелость и отсутствие требовательности. На самом деле Константин Константинович умел добиваться того, чтобы его распоряжения и приказы выполнялись по возможности точно и в срок. Административно-хозяйственными вопросами, строго говоря, должен заниматься не комдив, а начальник тыла. И не совсем понятно, почему двумя годами ранее Рокоссовского хвалили за хорошую подготовку спецчастей, а теперь они оказались не на высоте.

Выдвижения командиром корпуса Рокоссовскому пришлось ждать почти два года. Только в феврале 1936 года его назначили командиром и комиссаром 5-го кавалерийского корпуса, входившего в Ленинградский военный округ. Штаб корпуса располагался в Пскове. Вот как звучала аттестация того года: «Тов. РОКОССОВСКИЙ хорошо подготовленный командир. Военное дело любит, интересуется им и все время следит за развитием его. Боевой командир, с волей и энергией. Дисциплинирован, выдержан и скромен. За полгода пребывания в округе на должности комкора показал умение быстро поднять боевую подготовку вновь сформированных дивизий. На маневрах дивизии действовали удовлетворительно (то есть не „хорошо“ и тем более не „отлично“, но Рокоссовскому это справедливо в вину не поставили — другого и нельзя было ожидать от только что сформированных дивизий. — *Б. С.).* Сам комкор РОКОССОВСКИЙ показал вполне хорошее уменье разобраться в оперативной обстановке и провести операцию. Менее внимания уделяет хозяйственным вопросам». Ну, хозяйственные вопросы, повторю, — это все-таки компетенция прежде всего начальника тыла.

Однако независимо от всех похвал и поощрений по службе к Рокоссовскому, как и ко многим другим советским офицерам, подступала опасность, получившая позже название «Большой террор». 22 мая в Куйбышеве был арестован маршал М. Н. Тухачевский, а 26 мая после многочасовых допросов с интенсивными избиениями он дал первые признательные показания о наличии в Красной армии разветвленного заговора. Сразу после этого во всех военных округах начались аресты комсостава, достигшие невиданных масштабов как из-за служебного рвения чинов НКВД, так и из-за доносов, которые красные командиры в изобилии писали друг на друга.

5 июня 1937 года на имя наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова пришло из Забайкалья письмо, зарегистрированное Секретариатом под номером 19а. В нем говорилось:

«Считаем совершенно необходимым серьезно проверить через органы НКВД следующих лиц из состава войск Забайкальского военного округа по подозрительным связям с контрреволюционными элементами:

1. РОКОССОВСКИЙ К. К. — быв. командир 15 кавдивизии, ныне командир 5-го кавкорпуса, был тесно связан с Чайковским и Горбуновым. Поляк. Требуется серьезная проверка социального происхождения. Имел тягу на заграничную работу…

Комвойсками ЗабВО комкор Грязнов
Член Военного Совета ЗабВО корпусной комиссар Шестаков».

Вскоре подписавшие письмо И. К. Грязнов и В. Н. Шестаков были арестованы и расстреляны, как до этого комдив М. А. Горбунов и комкор К. А. Чайковский. Спасти собственные головы чужими шеями им не удалось. Что понималось под тягой Рокоссовского к заграничной работе, не совсем

ясно. Скорее всего, он хотел еще раз съездить в командировку в Монголию. А быть может, Константин Константинович рвался добровольцем в Испанию, на помощь республиканцам?

Родившийся в 1893 году комкор Кассиан Александрович Чайковский происходил из дворян и был большим другом Тухачевского. Вместе с Михаилом Николаевичем они сидели в германском плену в Ингольштадтской крепости. До того, как стать заместителем начальника Управления боевой подготовки РККА, он вплоть до февраля 1936 года командовал 11-м механизированным корпусом в Забайкалье, рядом с которым дислоцировалась 5-я кавалерийская дивизия, которой командовал Рокоссовский. Чайковский был арестован еще 21 мая, почти одновременно с Тухачевским, а расстрелян, согласно так называемым «сталинским спискам», 10 июня 1938 года в Чите. Потом, после реабилитации в 1956-м, родным сообщили, что он будто бы умер в заключении от острой сердечной недостаточности 23 апреля 1938 года.

13 июня 1937 года Рокоссовский был отстранен от командования корпусом и направлен в распоряжение Наркомата обороны. 27 июня дивизионная парторганизация исключила его из партии «за потерю политической бдительности». В августе бывший комкор был арестован НКВД по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58–1 «б» (измена Родине, совершенная военнослужащим) — имелось в виду участие в антисоветском заговоре в армии. С 17 августа 1937 года Константин Константинович содержался во внутренней тюрьме УГБ НКВД Ленинградской области — знаменитых «Крестах». В судьбе Рокоссовского, как отмечал он сам, сыграла отрицательную роль его национальность. Имея за плечами печальный опыт тюремного заключения, позже он в автобиографии 1948 года писал, что считает себя русским, так как «…родился в России и все годы своей сознательной жизни провел в России, кроме того, и мать у меня русская».

Имелись на Рокоссовского и другие показания. Вот что сообщил на допросе начальник санитарного отдела ЗабВО, военврач 1-го ранга К.: «Рокоссовский, бывший командир 15 кавалерийской дивизии, своей вредительской работой разлагал дивизию, не руководил боевой подготовкой, превратил территорию гарнизона в сплошной мусорный захламленный очаг. Гарнизон остался без бани, воды и электричества». Чайковский 13 июля 1937 года на следствии показал: «В кавалерии в троцкистскую организацию входили… Рокоссовский К. К., бывший командир 15 кавдивизии, в данное время командир кавкорпуса в Пскове. Завербован Грязновым». На Рокоссовского дал показания и бывший начальник штаба Забайкальского военного округа комдив Я. Г. Рубинов. 5 июля 1938 года он заявил, что Чайковский говорил ему, что Рокоссовский причастен к шпионской организации. Кассиан Александрович к тому времени уже был расстрелян, но Яков Григорьевич об этом, вероятно, не знал. Та же участь постигла его самого несколькими месяцами позже, 2 октября.

А вот что поведал начальник разведотдела штаба округа, майор Ю. Г. Рубэн на допросе 6 января 1938 года: «В японскую резидентуру в ЗабВО, руководимую Рубиновым, входили… Рокоссовский К. К., бывший командир 15 кд. В беседе Чайковский сообщил мне, что по шпионской работе он связан с Рокоссовским… Позднее, в 1935 году, у меня на квартире был Чайковский, Рокоссовский и Слуцкий (А. Б. Слуцкий, командир 6-й механизированной бригады, также арестованный и расстрелянный. — *Б. С.),* МК (из механизированного корпуса. — *Б.* С.), полковник. В беседе с Чайковским в присутствии других лиц он (вероятно, здесь описка, и имеется в виду Чайковский. — *Б. С.)* повторно сообщил, что Рокоссовский, Слуцкий и Проффен (Г. Г. Проффен, майор, начальник разведотдела штаба 11-го механизированного корпуса. — *Б. С.)* по контрреволюционной и шпионской работе связаны с ним. В подтверждение этого Рокоссовский сказал: „Да, вместе работать, вместе ответ держать…“ Мне известно, что Рокоссовский еще в 1932 г. по шпионской работе был лично связан с начальником японской военной миссии в Харбине — полковником Комацубара, по словам Рокоссовского, встречался он с Комацубара в Даурии во время официального приезда последнего для разрешения вопросов, связанных с интернированием войск китайского генерала Су Бинь-Бьеня».

Георгий Георгиевич Проффен, расстрелянный в июне, 2 января 1938 года тоже дал показания на Рокоссовского: «В конце 1935 года, говоря о Рокоссовском, Чайковский сказал, что это прекрасный человек, с которым он установил дружеские отношения, и что Рокоссовский является своим человеком, которому можно верить». Наверняка командиры-танкисты и кавалеристы дружили и

частенько собирались на совместные вечеринки, но обсуждали они там явно не заговорщицкие и шпионские дела.

С помощью подобного рода лживых показаний, данных под сильнейшим нажимом следствия, вплоть до применения физической силы, было сфабриковано дело так называемой «антисоветской военно-троцкистской организации 11-го мехкорпуса ЗабВО», в рамках которого и арестовали Рокоссовского.

Единственно, что, возможно, соответствовало истине в показаниях — фраза Рокоссовского о том, что «вместе работать, вместе ответ держать». Но она наверняка была вырвана из контекста. Скорее всего, речь шла о том, что кавалеристы и танкисты вместе занимались боевой подготовкой, вместе участвовали в маневрах, и теперь должны вместе отвечать за результаты. Также Чайковский вполне мог говорить Проффену, что Рокоссовский — прекрасный человек, что у него сложились с ним дружеские отношения и что он «свой» — то есть коммунист, так же как и остальные, заботящийся о совершенствовании подготовки Красной армии к будущей войне.

Рокоссовского, равно как и командующего войсками Белорусского военного округа командарма 1-го ранга И. П. Белова, комкоров И. К. Грязнова и Н. В. Куйбышева, также оговорил на следствии командарм 2-го ранга М. Д. Великанов как участников военно-фашистского заговора в РККА. Великанов был расстрелян, равно как и все вышеназванные.

На предварительном следствии Рокоссовский отверг все обвинения и отказался подписывать протоколы допроса, включая признание в шпионаже в пользу польской и японской разведок. Следователям одного военного заговора было мало, им непременно надо было сделать обвиняемых шпионами, чтобы показать, что все заговоры — это результат козней проклятых империалистов.

Бывший адъютант Рокоссовского Борис Николаевич Захацкий утверждал: «На него был написал дикий донос: будто он является польским и японским шпионом. Следователи не смогли выбить из Рокоссовского каких-либо признаний. Судя по всему, он над ними даже издевался. Называл фамилии, а когда дело доходило до проверки показаний, выяснялось, что названные люди погибли еще до 1917 года. Поясню, что это не я называл эти фамилии; меня же пытались заставить их произнести. В ответ я съязвил, что, мол, „у вас и мертвые, выходит, дают показания“». Захацкий также утверждал: «Однажды пришло письмо от бывшего следователя НКВД, который когда-то вел дело Рокоссовского. Маршал поставил на нем резолюцию „Оставить без внимания“. В письме была просьба о встрече, чтобы объясниться, почему следователь так вел себя, видно, его это мучило. Вскоре пришло повторное письмо. И снова Константин Константинович расписал: „Оставить без внимания“. Ему было неприятно возвращаться к этой теме. К тому же он считал, что перед ним извинились. Ведь в марте 1940 года после освобождения Рокоссовского маршал Тимошенко (тогдашний нарком обороны) попросил забыть его о трех годах заключения как о досадном недоразумении и сообщил, что его восстановили в партии, в звании и должности».

В автобиографии, датированной 4 апреля 1940 года, Рокоссовский писал очень кратко: «С августа 1937 по март 1940 г. находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела». Вполне естественно, что он не любил вспоминать о времени, которое провел в заключении. По свидетельству внука маршала Константина Вильевича, он никогда не говорил о времени своего заключения даже с самыми близкими людьми: «Только один раз, когда мама спустя много лет после войны спросила его, почему он всегда носит с собой пистолет, сказал: „Если за мной снова придут, живым не дамся“. От людей, которые общались с ним в тот период времени, мы знали, сколько ему пришлось вынести, знали, что он держался достойно, никого не оклеветал, ничего не подписал. (Выходит, Рокоссовский чуть ли не до последних лет жизни не исключал, что незаконный арест может повториться. И, видно, в тюрьме ему пришлось пережить нечто настолько страшное, что он готов был дорого продать свою жизнь, лишь бы не оказаться там вновь. — *Б. С.)*

Что же касается жизни семьи в тот период, маме с бабушкой также пришлось нелегко. Перед арестом дед командовал 5-м кавалерийским корпусом в Пскове, был по должности начальником Псковского гарнизона. Так как Псков в то время был приграничным городом, сразу же после ареста деда мама и бабушка, как члены семьи врага народа, были оттуда высланы и поселились в Армавире, у знакомых.

Бабушка перебивалась случайными заработками, постоянной работы найти не могла. Как только узнавали, что ее муж находится под арестом, стремились от нее избавиться под любым предлогом. Когда не было работы, жили тем, что занимали в сберкассе деньги под залог облигаций Государственного обязательного займа, на которые дедушка подписывался, как и все руководящие работники в то время. Мама рассказывала мне дикий случай, произошедший с ней в школе, когда директор, узнав, что дед „сидит“, пришла на урок и заявила: „Дети, я хочу, чтобы вы все знали, что среди вас находится дочь врага народа. Ада, встань, чтобы все могли тебя видеть!“ Больше в эту школу мама уже не ходила. Впрочем, такими были тогда далеко не все. Были и добрые, отзывчивые люди, не боявшиеся, несмотря ни на что, помочь и поддержать попавших в беду…

Мама рассказывала, как они с бабушкой, после долгого отсутствия вестей от деда, решили проверить, жив ли он. На Лубянку для арестованного можно было передавать одну посылку в месяц. Если передачу принимали, это означало, что арестант еще жив, не принимали — увы. Бабушке нельзя было выезжать в Москву, так как ей каждый день нужно было отмечаться на работе, и она решила отправить в столицу маму. Конечно, риск был большим, ведь могли узнать, что мама — дочь врага народа. Чего доброго, отправили бы ее в лагерь под видом бегства из ссылки. Но ей повезло — в поезде маме попались хорошие люди, которые рассказали, как в Москве добраться до Лубянки. Передачу приняли — дед был жив.

Насчет пыток ничего не знаю, но бабушка рассказывала, что били деда здорово и из тюрьмы он вышел без передних зубов. Пришлось делать протезирование… Я гордился дедом: несмотря на побои, он держался, в делах, заведенных на других его соратников, нет его показаний против них, он не проронил ни слова. Насколько известно, за деда заступился нарком обороны маршал Тимошенко, и его выпустили».

В мемуарах Рокоссовский о репрессиях 1937–1938 годов говорил завуалированно, мимоходом. И, судя по всему, дело было не только в цензуре. Когда в годы перестройки увидели свет те фрагменты мемуаров, которые при жизни маршала встретили цензурные препятствия, о репрессиях там не было сказано ни слова. Видно, маршал стремился забыть об аресте и последующем заключении как о страшном сне. В «Солдатском долге» Константин Константинович писал: «В конце тридцатых годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск». Получилось вполне в советском стиле: в целом все хорошо, есть только отдельные недостатки, от которых пострадали наши военные.

В черновиках остались более пространные рассуждения маршала на эту тему:

«К описываемому времени была проведена и проводилась целая реформа, способствующая укреплению воинской дисциплины в войсках и установлению должного воинского порядка. Смутные 1937–1939 годы наложили тяжелую поправку на вооруженные силы Красной Армии. От старых кадров, особенно (зачеркнуто: высшем) звене высшего командного состава, сохранились буквально единицы. У молодых в своем большинстве отсутствовал практический командный опыт для занимаемых ими должностей. Все это усугублялось потерей самоуверенности и боязнью ответственности. А самым страшным оказалась широко распространившаяся подозрительность и недоверие друг к другу. Пышным букетом расцвели такие пороки, как карьеризм, угодничество, клевета и подсиживание.

Как замещались высшие кадры молодыми, привожу такой пример:

В июле 1937 г. (зачеркнуто: вернувшему) вновь назначенным командующим войсками Ленинградского военного округа Дыбенко, прибывшим вместо т. Шапошникова, был собран высший командный состав округа, в числе коего довелось быть и мне — командиру 5-го кавкорпуса.

На этом собрании Дыбенко приказал нам подобрать каждому из нас себе по 2 лейтенанта и в течение трех месяцев подготовить их в качестве своих заместителей.

Чудес в природе не бывает. Как бы талантливым ни был такой офицер, не пройдя практически последовательно большого командного стажа, — не может быть полноценным командиром, и особенно в военное время».

В другом месте рукописных черновиков своих мемуаров Константин Константинович писал: «Руководимая Коммунистической партией (зачеркнуто: бурными темпами) расцветала наша страна. Бурными темпами развивалось народное хозяйство. И промышленность была уже в состоянии оснащать наши вооруженные силы соответствующей требованиям времени новой боевой техникой.

Но враг не дремал. И ему удалось, путем гнусной провокации, возбудить в нашей стране психоз подозрительности и недоверия, повлекшие за собой в 1937–1938 годы массовые репрессии ни в чем не повинных советских людей.

Особенно чувствительно это отразилось на наших вооруженных силах, которые лишились в эти годы большинства своего лучшего и наиболее опытного высшего и старшего командного состава».

Этот черновик был перечеркнут. Вместо него маршал написал другую редакцию данного эпизода:

«В это же время руководствуясь необоснованными подозрениями, этот командный состав, в своем подавляющем большинстве, был репрессирован или отстранен от руководства подготовкой вооруженных сил. К руководству войсками были привлечены молодые кадры, не обладавшие достаточным жизненным и командным практическим опытом — по должностям, на которые они назначались. Как это происходило, сошлюсь только на один пример, как очевидец. В июле 1937 года, сменивший маршала Советского Союза Шапошникова, командовавшего в то время Ленинградским военным округом, генерал Дыбенко созвал весь высший командный состав войск округа и объявил нам о том, чтобы мы, вернувшись во вверенные нам войска, каждый, выбрал бы себе по 2-х лучших лейтенантов и в течение 2–3 месяцев подготовить из них себе заместителей на занимаемые нами должности. На заданный с нашей стороны вопрос — что же нам после этого делать, — последовал с его стороны ответ, что для нас место найдется. И действительно, такое место почти для всех нас было найдено (зачеркнуто: а потом за нами всеми последовал и сам Дыбенко)».

В другом черновике, озаглавленном «Начало 2-й главы», Рокоссовский писал:

«После тридцатимесячного срока пребывания в заключении — под следствием был освобожден и полностью реабилитирован. Вышел на свободу, задавая себе не разрешенный вопрос — кому и для какой цели понадобилось все то, что было проделано в 1937 году.

Ведь удар был нанесен по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной Армии, своими делами и кровью доказавшими свою безграничную преданность Коммунистической партии, Советской власти и социалистической Родине.

Последствия (зачеркнуто: истреблен) проделанной черной работы сказались уже в финскую кампанию. Красная Армия оказалась к моменту назревавших событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой военных кадров была сведена к нулю. На руководящих постах в звене высшего командного состава, за исключением единиц, оказались мало опытные, не подготовленные к руководству в военное время, кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно».

Вместе с Рокоссовским в ленинградских «Крестах» сидел Владимир Вацлавович Рачинский, в дальнейшем — известный ученый-физик, заведующий кафедрой Тимирязевской сельскохозяйственной академии и, как и Константин Константинович, поляк по национальности. Он был арестован 24 ноября 1937 года и помещен в «Кресты» как член семьи изменника Родины. Именно в этот день расстреляли его отца, учителя математики Вацлава Яковлевича Рачинского, а ему самому предъявили обвинение в шпионаже и антисоветской агитации. В. В. Рачинский вспоминал:

«Мне было 17 лет, и меня бросили в этот ад. Я ни в чем не был виноват. Но когда я пришел в камеру, камеру № 6, следственной тюрьмы УНКВД в Ленинграде, то оказалось, что там сидят все, абсолютно все, невиновные. Никто не считал себя в чем-либо виновным перед Советским государством. Это был какой-то кошмар, какая-то западня на честных, невинных людей. В камере № 6 площадью около 100 $м^2$ было битком набито около 100 человек, спали в два этажа, один на полу, плечо к плечу, второй из деревянных откидывающихся к стене кроватей и досок на козлах.

Что это были за люди, сидящие в камере? Большинство — интеллигенция, врачи, учителя, партийные работники, государственные работники, инженеры, военные, артисты и т. д. Сидели даже чистильщики сапог — асоры, такая персидская народность, которая у нас имела вроде монополии на чистку сапог.

В камере сидели крупные руководители Ленинграда, например, зам. председателя Ленгорисполкома; крупные инженеры, например, инженер-конструктор военных кораблей Бржезинский; крупные военачальники, например, К. К. Рокоссовский; крупные артисты, например, солист Театра оперы и балета Ленинграда баритон Терт.

Можно было бы написать целую повесть под названием „Камера № 6“.

Сколько людей, столько характеров и судеб. И все это „варилось в одном котле“. Для меня это была первая, хотя и очень драматичная, школа жизни, мой первый жизненный университет. Хотя лучше бы его не было. Но коль так случилось, то и из этого была извлечена мною какая-то жизненная школа. К. К. Рокоссовский мне говорил: „Владимир, тебе все это пойдет на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов“. Он рассматривал все эти репрессии как предательство со стороны органов НКВД и тоже наивно считал, что Сталин не виноват, что виновато его предательское окружение.

Люди ко всему привыкают и приспосабливаются.

Даже в тех тяжелых условиях, чтобы как-то скоротать время, сидящие в камере устраивали беседы, лекции, играли в самодельные домино, сделанные из хлеба. Даже я прочитал ряд лекций по строению материи, атомной и ядерной физике. К. К. Рокоссовский вел рассказы о своих военных подвигах в гражданскую войну, в частности, в Сибири и на Дальнем Востоке. Этому прославленному полководцу было о чем рассказать. Каждый, кто что-либо знал, рассказывал всем. Подследственных из камеры вызывали на допросы. Все уже знали, что на допросах их избивают и мучают. С допросов приводили истерзанных, избитых людей. Некоторых заставляли сутками стоять, — и такая была пытка. Всех заставляли подписывать клеветнические на самих себя и других ложные протоколы допроса. Тех, кто отказывался подписать ложный протокол, избивали до тех пор, пока ложный протокол не был подписан. Были стойкие люди, которые упорно не подписывали. Но таких было относительно мало. К. К. Рокоссовский, пока он сидел со мной в одной камере, так и не подписал ложный протокол. Но это был мужественный и сильный человек, высокого роста, плечистый. Его тоже били».

Добавим, что вскоре Рачинского перевели в Ивановскую тюрьму у Финляндского вокзала. Он так и не признал своей вины и был освобожден 31 января 1939 года в рамках так называемой «бериевской оттепели» за недоказанностью обвинений. Рокоссовскому же свободы пришлось ждать еще больше года. Может быть, дело было в том, что Рачинский был простым студентом-первокурсником, а Рокоссовский — комдивом, командиром корпуса, и на его освобождение требовалась санкция самого Сталина.

В. В. Рачинский также вспоминал, как уже после своего освобождения из газет узнал, что «Рокоссовского освободили. Как потом, уже сравнительно недавно выяснилось, что он был освобожден позднее меня, в 1940 году. Я увидел его портрет в газете „Правда“, когда целой плеяде военачальников Советской Армии были присвоены воинские звания генералов. Очень рад я был этой новости об освобождении К. К. Рокоссовского. Скажу, что я никогда за всю свою жизнь не использовал знакомства с К. К. Рокоссовским. Во-первых, я не хотел ему напомнить камеру № 6, а во-вторых, неизвестно, как была бы истолкована кое-кем из „стражей“ моя попытка установить контакт с таким крупным человеком. Я уже не был наивным мальчиком. В душе я всегда думал, что он меня бы не оттолкнул. Поэтому я всегда хранил и храню святую память об этом великом Человеке».

Я склонен доверять Владимиру Вацлавовичу. Сидя в переполненной камере «Крестов», Константин Константинович действительно мог думать, что все происходящее — результат злоупотреблений со стороны сталинского окружения, а великий Сталин ничего о репрессиях не знает. По воспоминаниям

генерала И. В. Балдынова, который находился в заключении вместе с Рокоссовским, Константин Константинович, возвращаясь в камеру после допросов, каждый раз упорно повторял: «Ни в коем случае не делать ложных признаний, не оговаривать ни себя, ни другого. Коль умереть придется, так с чистой совестью».

«Били… Вдвоем, втроем, одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что если подпишу — верная смерть», — вспоминал Константин Константинович на встрече со слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе в апреле 1962 года.

В личном деле маршала хранится справка:

«Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, происходящему из граждан б. Польши, г. Варшава, о том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во Внутренней тюрьме УГБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела. Следственное дело № 25 358 1937 г.

Начальник тюрьмы УГБ (подпись)
Начальник канцелярии (подпись)
Верно: пом. начальника 1-го отдела (подпись)
4 апреля 1940 г.».

В автобиографии, составленной в тот же день, Рокоссовский, указывая свою партийность, отметил, что в РКП(б) вступил в марте 1919 года в парторганизацию 2-го Уральского отдельного кавдивизиона 30-й стрелковой дивизии, и подчеркнул: «Партийным взысканиям не подвергался. В других партиях не состоял и никогда от генеральной линии партии не отклонялся и не колебался. Был стойким членом партии, твердо верящим в правильность всех решений ЦИКа, возглавляемого вождем тов. Сталиным».

Следственное дело Рокоссовского было уничтожено в начале 1960-х годов по распоряжению Хрущева. Поскольку никаких публикаций на эту тему не было, рождались разнообразные слухи. Говорили, будто Константин Константинович все-таки был осужден на десять лет и какое-то время провел в лагерях, то ли в Воркуте, то ли в Забайкалье, то ли в Норильске. Находились даже люди, будто бы видевшие его в лагерях или в пересыльной тюрьме в Минусинске. На самом деле, как явствует из цитированной выше справки, ни в какие лагеря Рокоссовский отправлен не был, а оставался под следствием в «Крестах». Оттуда его лишь однажды привезли в Москву на заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Тогда ему пришлось некоторое время провести в Бутырской тюрьме, о чем он впоследствии говорил своему шоферу С. И. Мозжухину. Рокоссовского обвиняли в том, что в качестве польского шпиона его завербовал в середине 1920-х годов его бывший сослуживец по 5-му драгунскому Каргопольскому полку и бывший командир Сводного Уральского полка Красной армии Адольф Юшкевич. Их боевые пути разошлись в мае 1919 года, когда Юшкевич был серьезно ранен и после госпиталя в свой полк не вернулся. На заседании суда Рокоссовский заявил, что Юшкевич никак не мог завербовать его, поскольку еще 28 октября 1920 года героически погиб в бою с врангелевцами в Северной Таврии, и сослался на номер газеты «Красная звезда», где описывался этот бой. В результате заседание суда закончилось без вынесения приговора и дело вернули на доследование. Суд происходил в начале 1939 года, уже в период «бериевской оттепели», и этим можно объяснить, что Военная коллегия не стала проштамповывать заранее заготовленный смертный приговор. Рокоссовского вернули в «Кресты».

Существуют также слухи, будто Рокоссовский уцелел потому, что согласился быть внутрикамерной «наседкой», то есть стукачом. Заметим, что никаких подтверждений этого в документах или в воспоминаниях бывших заключенных или чинов НКВД до сих пор не обнаружено. Между тем в имеющихся свидетельствах сокамерников Рокоссовского есть факты, которые прямо противоречат версии о «наседке». И Рачинский, и Балдынов подтверждают не только, что Рокоссовского били, но и то, что он призывал сокамерников ни в коем случае не делать ложных признаний. Обычно «наседки» ведут себя иначе, советуя признать хоть что-нибудь, чтобы следователи перестали тебя бить. К тому же самих «наседок» обычно побоям не подвергали.

Необходимо также указать, что согласие на стукачество обычно не гарантировало смягчения приговора, особенно если речь шла о людях достаточно высокопоставленных и обвиняемых по «расстрельным» статьям. Например, известный драматург и один из лидеров РАППа В. М. Киршон, близкий друг главы НКВД Г. М. Ягоды, после ареста согласился сотрудничать со следствием и был помещен в камеру Ягоды в качестве «наседки», о чем сохранились соответствующие донесения с подробными записями их разговоров. Сотрудничество с органами, однако, не спасло Киршона от расстрела. Рокоссовскому по занимаемой должности и тяжести предъявленных обвинений также светил расстрел.

С другой стороны, некая загадка дела Рокоссовского остается. Почему следствие тянулось так долго — два с половиной года? Ведь обычно чекисты укладывались в полгода-год, а иногда и в три месяца. История с Юшкевичем сама по себе столь длительной затяжки не объясняет. Не исключено, что в разное время следствие предполагало пустить Рокоссовского по разным делам — то ли по забайкальской военно-троцкистской организации, то ли по заговору в Пскове, то ли вообще по «польской линии». Биография Рокоссовского в этом отношении открывала целый ряд возможностей, и не исключено, что следователи перебирали их последовательно, что и затянуло следствие. Кроме того, после замены в ноябре 1938 года Ежова Берией следователи, скорее всего, сменились, что тоже могло затянуть дело. Остается надеяться, что когда-нибудь в архивах ФСБ найдутся какие-либо материалы, связанные с делом Рокоссовского и могущие пролить свет на то, почему Рокоссовскому повезло больше, чем многим другим.

В марте 1940 года Рокоссовского освободили и назначили командовать тем же 5-м кавалерийским корпусом, которым он командовал до ареста. Большинство освобожденных оставили в прежних званиях — комбриг, комдив и др. Рокоссовскому же, в знак особого доверия, в мае 1940 года было присвоено нововведенное звание «генерал-майор». Поскольку его корпус той весной перебрасывался на Украину, к западным границам, новый нарком обороны Тимошенко направил Рокоссовского в распоряжение командующего Киевским военным округом Г. К. Жукова. У Рокоссовского с Тимошенко были давние приятельские отношения (в начале 1930-х будущий нарком командовал 3-м кавалерийским корпусом, а Рокоссовский — 7-й Самарской имени Английского пролетариата кавдивизией, входившей в этот корпус). Именно Тимошенко, командовавший советскими войсками при прорыве линии Маннергейма и попавший в фавор у Сталина, назвал имя Рокоссовского среди тех, кого необходимо освободить из заключения. Позже бытовала легенда, что Сталин при встрече попросил у Рокоссовского прощения за два с половиной года в «Крестах», но это всего лишь легенда — не таким был Иосиф Виссарионович, чтобы у кого-нибудь публично просить прощения.

В черновиках мемуаров Рокоссовский писал:

«Должен сказать, что Сталин был хорошим психологом. Он понимал состояние командующего в тяжелой обстановке и своим теплым отношением, выраженным словами, умел подбодрить, успокоить и воодушевить, а самое ценное, что можно было вынести из разговора с ним, — это чувство большого с его стороны доверия к человеку. Это производило на меня огромное впечатление. Обычно после каждого такого разговора следовало и усиление армии различного рода средствами и людьми. Помощь иногда была очень скромной, но тогда мы были всему рады. Было действительно очень тяжело».

Этот фрагмент мемуаров доказывает, что Константин Константинович понимал, что все в стране, в том числе и применительно к Красной армии, делается по приказу Сталина. Вряд ли в годы войны он продолжал верить, что НКВД мог самостоятельно, без ведома генсека, сфабриковать дело против него, высокопоставленного командира Красной армии.

Теперь Рокоссовский оказался в подчинении у Жукова, который еще в начале 1930-х годов был его подчиненным. Наверное, Константину Константиновичу было немного обидно. Он мог представить себе, каких бы высот достиг, если бы не арест и два с половиной года в тюрьме. Вполне возможно, что он, а не Жуков возглавил бы советские войска в сражениях на Халхин-Голе, благо, что у него был большой опыт службы как в Монголии, так и в пограничных с ней районах советского Дальнего Востока. А после этой победы он вполне мог стать, по примеру Жукова, командующим Киевским особым военным округом или начальником Генштаба. Быть может, после начала Великой

Отечественной войны было бы лучше для армии и страны, если бы на месте М. П. Кирпоноса или Г. К. Жукова оказался Рокоссовский. Константин Константинович был уверен, что лучше бы справился с соответствующими обязанностями, чем эти генералы. Не исключено, например, что, в отличие от Кирпоноса, он в начале сентября 1941 года рискнул бы начать отступление войск Юго-Западного фронта из киевского «котла» даже без санкции Ставки и тем самым спас бы значительную часть их от уничтожения. Правда, при этом у Константина Константиновича все равно были бы большие шансы погибнуть, как Кирпонос, или попасть в плен. А на посту начальника Генштаба он, быть может, сумел бы отстоять перед Сталиным ту точку зрения, что не стоит наносить на второй день войны плохо подготовленные контрудары по вторгшимся германским войскам, да еще в условиях господства в воздухе неприятельской авиации. В мемуарах Рокоссовский жестко критиковал решение Сталина и Жукова о нанесении таких контрударов, считая, что они привели только к неоправданным потерям в людях и технике.

Но в целом, я думаю, если бы Рокоссовский оказался бы в начале Великой Отечественной войны на месте Жукова, это не имело бы существенного влияния на общий ход войны. Ведь поражения Красной армии в начальный период войны определялись скорее общим уровнем ее подготовки и особенностями сталинской стратегии, а не военными талантами отдельных полководцев. А ближе к концу войны все равно сработал бы «польский фактор» в биографии Рокоссовского, и его отстранили бы с нацеленного на Берлин фронта, поскольку столицу должен был брать представитель коренной национальности. Уже не за горами было время «споров о русском приоритете» и преследования «безродных космополитов».

Рокоссовский вспоминал:

«Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом».

На этот раз кавкорпусом пришлось командовать в течение полугода. В ноябре Константин Константинович принял формируемый 9-й механизированный корпус. Он состоял из трех дивизий: 131-й моторизованной полковника Н. В. Калинина, 35-й танковой генерал-майора Н. А. Новикова и 20-й танковой полковника М. Е. Катукова. Последний перед началом Великой Отечественной войны заболел, и в бой 20-я танковая дивизия вступила под командованием его заместителя полковника В. М. Черняева. Начальником штаба корпуса был генерал-майор А. Г. Маслов.

Корпус подчинялся непосредственно штабу Киевского особого военного округа. Как и другие соединения, он усиленно готовился к войне. Рокоссовский вспоминал:

«Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта „оттяжка“ продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования…

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба (то есть, фактически, рекогносцировку. — *Б. С.*). В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель…

Невольно вспоминалась мне служба в Приморье и в Забайкалье в 1921–1935 годах. При малейшей активности „соседа“ или в случае передвижения его частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы дать достойный отпор. Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил; он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре.

В Киевском Особом военном округе этого, на мой взгляд, недоставало.

Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И. И. Федюнинский, С. М. Кондрусев, Ф. В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой.

Делалось все, что было в пределах наших сил и прав, начиная с систематического наблюдения за разработкой мобилизационных документов. В частности, проверили народнохозяйственный автотранспорт, приписанный к корпусу. К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й мехкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.)

И самое тревожное обстоятельство — истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков.

21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз.

Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове…»

С какой стати «по линии погранвойск» (!) будут сообщать о немецком перебежчике в механизированный корпус, расположенный достаточно далеко от границы? Вернее предположить, что предупреждение поступило по линии штаба КОВО, тем более что, как известно из воспоминаний Жукова, об этом перебежчике был осведомлен и нарком обороны. Вероятно, в данном случае Рокоссовскому надо было подчеркнуть, что все меры по повышению боеготовности войск он предпринимал самостоятельно, без приказа из штаба округа. Однако на этот счет позволительно усомниться.

Существует довольно убедительная версия, по которой Сталин действительно собирался напасть на Гитлера летом 1941 года. И главный удар предполагалось наносить как раз на юго-западном направлении. Еще на плане стратегического развертывания Красной армии от 11 марта 1941 года в разделе, посвященном юго-западному направлению, заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин, явно со слов Сталина, наложил резолюцию: «Наступление начать 12.06». Однако к 12 июня не успели сосредоточить войска, технику и необходимые запасы, и наступление перенесли на июль. В рамках подготовки этого наступления 15 мая Генеральным штабом был подготовлен план превентивного удара, предусматривающий нанесение главного и единственного удара Юго-Западным фронтом с последующим окружением основных сил вермахта в Польше (на остальных фронтах предполагалось ведение оборонительных действий). 4 июня 1941 года Политбюро ЦК приняло решение о сформировании к 1 июля 1941 года 238-й стрелковой дивизии Красной армии из поляков и лиц, знающих польский язык. Эта дивизия должна была стать прообразом будущего Войска польского, полностью подконтрольного СССР, и обеспечить большевикам преобладание в послевоенной Польше. Не исключено, что как раз в связи с предстоящим нападением на Германию перебрасывалась к границе артиллерия соединений КОВО. Рокоссовскому свою артиллерию удалось отстоять, что очень помогло 9-му мехкорпусу в первые дни войны.

К началу Великой Отечественной войны личным составом 9-й механизированный корпус был укомплектован почти полностью, танков же и автомашин имел лишь треть от нормы — несколько более трехсот машин. Материальная часть была сильно изношена. Во фрагменте мемуаров, опубликованном только в годы перестройки, маршал свидетельствовал:

«Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа…

Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наша печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны».

Рокоссовский совершенно правильно догадался, что советские войска готовились к прыжку вперед, а немецкого нападения не ожидали, несмотря на сосредоточение у границы немецких войск. Сталин, Тимошенко и Жуков полагали, что немецкие войска стянуты сюда лишь для отражения возможного советского удара, который немцы, дескать, ожидают, в случае, если последует высадка немецкого десанта на Британские острова. Главный же удар вермахт нанесет по Англии. В этом убеждала и статья Геббельса «Крит как пример», появившаяся в германском официозе «Фёлькишер Беобахтер» 13 июня 1941 года. В статье делался прозрачный намек, что недавний захват Крита немецкими парашютистами — это лишь репетиция гораздо более крупного десанта на Британские острова. Номер был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы часть тиража достигла нейтральных стран и расположенных в Берлине иностранных посольств. Это было тщательно подготовленное дезинформационное мероприятие, призванное прикрыть переброску к советским границам основной части танковых и моторизованных дивизий и главных сил люфтваффе. Ответом

на статью Геббельса стало известное заявление ТАСС от 14 июня, где опровергались слухи о возможной войне между СССР и Германией и утверждалось, что обе страны неукоснительно соблюдают Договор о ненападении. Когда Гитлер и Геббельс прочли Заявление ТАСС, они пришли к выводу, что Сталин не ожидает в ближайшее время германского нападения. Они не знали, что статья Геббельса стала причиной ускорения подготовки советского нападения. Сталин стремился ударить прежде, чем немецкие войска высадятся в Англии, поскольку боялся, что тогда они успеют сокрушить британское сопротивление, а потом, сдержав советское наступление посредством эластичной обороны, обрушатся всей своей мощью на Красную армию.

Рокоссовский ничего об этом не знал. План нападения на Германию из соображений секретности не довели не только до командиров корпусов, но даже и до командующих армиями и приграничными военными округами. По всей вероятности, кроме Сталина, об этом плане знали только нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, некоторые высокопоставленные офицеры Генштаба, а также некоторые члены Политбюро, включая Молотова, Ворошилова и Берию. Но 22 июня этот план стал достоянием истории, так и не начав реализовываться.

Глава пятая
ОГНЕННОЕ ЛЕТО 1941-ГО

В 4 часа утра 22 июня 1941 года Рокоссовского разбудил посыльный из штаба корпуса. Он принес телефонограмму с приказом заместителя начальника оперативного отдела штаба 5-й армии немедленно вскрыть особый секретный оперативный пакет. По существующему положению, сделать это можно было лишь по распоряжению председателя Совнаркома или наркома обороны. Но связи не было ни с Москвой, ни с Киевом. Рокоссовский взял на себя ответственность и вскрыл пакет.

Содержавшаяся в нем директива Генштаба предписывала немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно — Луцк — Ковель. Для пополнения запасов продовольствия, боеприпасов и прочей амуниции Рокоссовский приказал вскрыть расположенные поблизости центральные склады, опять взяв ответственность на себя. Он также реквизировал под расписку гражданский автотранспорт для переброски в заданный район мотострелковой дивизии. Впоследствии маршал говорил, что в день начала войны он написал больше расписок, чем за все предшествующие годы.

Рокоссовский вспоминал:

«Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. Нами не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы. Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30–35 км, что повлекло за собой замедление и выдвижение вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий. Мотострелковая дивизия, имевшая возможность принять свою пехоту, хотя и с большой перегрузкой, на автотранспорт и танки, следовала нормально к месту назначения, к исходу дня, оторвавшись на 50 км вперед, достигла района Ровно».

В мемуарах Константин Константинович признавался: «Я запретил выдавать командирам и сержантам защитного цвета петлицы и знаки различия. Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Солдаты должны его видеть. И сам он должен чувствовать, что за его поведением следят, равняются по нему». Правда, таким образом командиры становились более заметной целью для немецких снайперов и пулеметчиков.

По свидетельству Рокоссовского, «несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни

повозок, ни коней. Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг».

Уже в первый день проявились такие качества Рокоссовского, как решительность и самостоятельность. Он не побоялся взять ответственность на себя и сделал все возможное, чтобы корпус как можно скорее был введен в бой.

Тогдашний начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта И. Х. Баграмян вспоминал:

«Подходил к концу третий день войны. На Юго-Западном фронте складывалась все более тревожная обстановка. Угроза, в частности, нависла над Луцком, где 15-й механизированный корпус генерала И. И. Карпезо нуждался в срочной поддержке, иначе танковые клинья врага могли рассечь и смять его. Ждали помощи и окруженные врагом вблизи Луцка части 87-й и 124-й стрелковых дивизий. И вот когда мы в штабе фронта ломали голову, как выручить луцкую группировку, туда подоспели главные силы 131-й моторизованной и передовые отряды танковых дивизий 9-го мехкорпуса, которым командовал К. К. Рокоссовский. Читая его донесение об этом, мы буквально не верили своим глазам. Как это удалось Константину Константиновичу? Ведь его так называемая моторизованная дивизия могла следовать только… пешком. Оказывается, решительный и инициативный командир корпуса в первый же день войны на свой страх и риск забрал из окружного резерва в Шепетовке все машины — а их было около двухсот, — посадил на них пехоту и комбинированным маршем двинул впереди корпуса. Подход его частей к району Луцка спас положение. Они остановили прорвавшиеся танки противника и оказали этим значительную помощь отходившим в тяжелой обстановке соединениям».

По свидетельству Рокоссовского, еще по дороге к фронту

«мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие — в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам.

Ну, а их маскарад объяснялся просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их. Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде — в белье (немцы расстреливали их как партизан, которых подозревали в любых красноармейцах, переодевшихся в гражданское. Впрочем, расстреливали участников этого примитивного, вызванного страхом маскарада и свои. *— Б. С.).*

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительства и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою…

Для розыска и установления связи с 19 и 22 МК, части которых должны находиться где-то впереди или в стороне от нас, были разосланы разведгруппы, возглавляемые офицерами штаба корпуса, в нескольких направлениях. С одной из таких групп выехал начальник штаба корпуса. Возвратившись, он доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом

М. А. Пуркаевым. Никакой информации о положении на фронте сообщено не было, из чего следовало, что начштаба фронта сам, по-видимому, на то время ничего не знал. Это и понятно, поскольку связь с войсками была нарушена противником с первого часа нападения. Для разрушения проводной связи он применял мелкие авиабомбы, имевшие приспособление в виде крестовины на стержне. Задевал провода, они мгновенно взрывались. „Бомбочки“ пачками сбрасывались с самолетов. Кроме того, провода разрушались и диверсантами, подготовленными для этой цели, возможно, еще до начала войны.

Продолжая движение в район сосредоточения, мы неоднократно наблюдали бомбежку немецкими самолетами двигавшихся по шоссе Луцк — Ровно колонн как войсковых частей, так и гражданского населения, эвакуировавшегося на восток. Беспорядочное движение мчавшихся поодиночке и группами машин больше напоминало паническое бегство, чем организованную эвакуацию. Неоднократно приходилось посылать наряды для наведения порядка и задержания военнослужащих, пытавшихся под разными предлогами (необоснованными) уйти подальше от фронта».

9-й механизированный корпус сначала нанес неудачный контрудар на Илынув, а затем сумел задержать продвижение двух немецких танковых и одной моторизованной дивизии к шоссе Луцк — Ровно, но и сам понес значительные потери, в том числе в повторном контрударе по прорвавшимся частям противника в районе Ровно. Из трехсот с небольшим танков, имевшихся в нем к началу войны, 7 июля осталось в строю чуть больше половины — 164 танка. А к 15 июля, в момент, когда Рокоссовский перестал командовать корпусом, в нем оставалось в строю только 32 танка, в том числе семь БТ и 25 Т-26. Многие танки вышли из строя по техническим причинам — из-за выработки моторесурса, слабости ремонтных и эвакуационных служб, а также из-за неумения экипажей устранять даже мелкие поломки и низкого уровня подготовки механиков-водителей, совершавших многочисленные аварии. Немалые потери понес корпус и от вражеской авиации. В этом отношении он не отличался от других механизированных корпусов Красной армии в тот период. Уровень подготовки танкистов и особенно танковых командиров оставлял желать много лучшего.

7 июля, после отхода к линии старых укрепрайонов, 9-й корпус был выведен в резерв фронта. К 9 июля в корпусе осталось не более 10 тысяч бойцов, не более трети от его первоначальной численности, и 30–35 танков. Характерно, что за два дня марша количество боеспособных танков уменьшилось более чем на 130 машин, то есть почти на столько же, насколько и в период интенсивных боевых действий. Приходилось платить за отсутствие должного ухода за техникой.

В то же время результаты боевых действий 9-го мехкорпуса были лучше, если сравнивать их с результатами других мехкорпусов Юго-Западного фронта. Например, самый мощный из них, 4-й механизированный корпус под командованием генерал-майора А. А. Власова, размещался в районе Львова и насчитывал к началу войны 979 танков, в том числе 414 Т-34 и КВ, которых в корпусе Рокоссовского не было ни одной штуки. Тем не менее к 7 июля в 4-м механизированном корпусе осталось только 126 танков.

В целом итоги приграничного сражения оказались плачевными для Юго-Западного фронта. Перед началом сражения его войска имели значительное превосходство над противостоявшими им 6-й и 17-й немецкими армиями и 1-й танковой группой. Всех танков в войсках фронта насчитывалось 4201. Одних новейших Т-34 и КВ было 761, что превышало общее число танков в группе армий «Юг» — 750. Против 31 дивизии группы армий «Юг» Юго-Западный фронт мог выставить 58 дивизий. Но Кирпонос и находившийся в штабе фронта начальник Генштаба Жуков неправильно определили направление главного удара противника, и в результате контрудары механизированных корпусов, в том числе и корпуса Рокоссовского, пришлись почти что по пустому месту.

К 30 июня Юго-Западный фронт безвозвратно потерял 2648 танков — почти две трети тех, что он имел к началу войны. А к 9 июля потери возросли до 3464 машин, и танков в строю у советской стороны почти не осталось. Немецкие же танковые дивизии группы армий «Юг» хотя и понесли потери, но полностью сохранили боеспособность.

В этих боях Рокоссовскому порой лично приходилось наводить порядок, не останавливаясь перед угрозой применения оружия. Он вспоминал, как в районе Клевани

«мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спороли знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому „окруженцу“, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово „полковник“ он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса».

В дни приграничного сражения Рокоссовский писал жене и дочери, о местонахождении которых после эвакуации семей комсостава из Новограда-Волынского еще ничего не знал:

«Дорогая Люлю и милая Адуся! Как мне установить с вами связь — не знаю. Я здоров, бодр, и никакая сила меня не берет. Я за вас беспокоюсь. Как вы там живете? Забирайтесь куда-нибудь в маленький городишко подальше от больших городов, там будет спокойнее. До свидания, мои милые, дорогие, незабвенные. Заботьтесь о себе и не беспокойтесь за меня излишне. Еще увидимся и заживем счастливой жизнью. Целую крепко-крепко, безгранично любящий вас Костя. 8 июля 1941-го».

О том, что происходило с семьей Рокоссовского после начала войны, внук маршала Константин Вильевич рассказывал со слов матери:

«Штаб корпуса, которым командовал Рокоссовский, располагался в небольшом приграничном городке. 22 июня мама встала очень рано и побежала к Дому культуры, откуда должна была отправляться машина с участниками самодеятельности. Они собирались давать концерт в одной из частей. На полдороге мама встретила деда, который быстро шел к дому. Он велел ей немедленно возвращаться домой, сказал: „Война, дочура“. Через несколько минут он уехал в дивизию, и до самой осени они не знали, где он и что с ним. Адъютант деда посадил маму с бабушкой в Киеве на поезд, который должен был везти их в Москву к родственникам. Но на подъезде к столице поезд повернули и всех пассажиров направили в эвакуацию в Казахстан. Оттуда они решили уехать к бабушкиному брату в Новосибирск. К тому моменту, когда дедушкино письмо нашло их, они жили в очень стесненных условиях — бабушка с мамой, сестры и брат бабушки, их дети — все в одной комнате. Когда, наконец, стало известно, что бабушка — жена того самого Рокоссовского, громившего немцев под Москвой, им выделили небольшую квартиру…

В Новосибирске бабушка работала при военкомате — искала людей, которые могли бы работать вместо тех, кто уходил на фронт. Мама еще училась в школе.

После возвращения из эвакуации бабушка стала работать в совете жен фронтовиков при Советском районном военкомате Москвы. Они собирали посылки для фронтовиков, организовывали концерты для раненых, лечившихся в московских госпиталях.

Маме было тогда семнадцать лет, и, как и многие юные девушки, она хотела попасть на фронт. Чтобы ее удержать, бабушка написала деду, и тот потребовал, чтобы сначала мама выучилась военному делу. Тогда она пошла на курсы радистов при Центральном штабе партизанского

движения. Выпускников этих курсов готовили для заброски в тыл врага. Понятно, что, когда в 1943 году мама окончила эти курсы, такая участь для единственной дочери не порадовала Рокоссовского. В то время как большинство ее соучеников действительно были отправлены к партизанам или стали радистами при диверсионных группах, маму, несмотря на ее отчаянные попытки присоединиться к друзьям, оставили в Москве при Центральном штабе. Она ужасно переживала, ссорилась с дедом, и в итоге ему пришлось-таки забрать ее на фронт, пристроить на подвижной радиоузел. Мама была боевой девушкой, характер у нее был мужской и, хотя она и обещала не подвергать себя опасности, держать слово не особенно старалась. Дед ужасно волновался, особенно когда обострялась обстановка на мамином участке».

Но вернемся в 1941 год. 14 июля Рокоссовский был отозван с Юго-Западного фронта в Москву, откуда его направили под Смоленск, где сложилось критическое положение. Вот его впечатления о действиях командующего Юго-Западным фронтом в первые недели войны. Утром 15 июля он

«представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: „Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает… Безобразие!“ Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным. С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 г. он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его.

В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?..

Приходилось слышать и читать во многих трудах военного характера, издаваемых у нас в послеоктябрьский период, острую критику русского генералитета, в том числе и русского Генерального штаба, обвинявшегося в тупоумии, бездарности, самодурстве и пр. Но, вспоминая начало первой мировой войны и изучая план русского Генерального штаба, составленный до ее начала, я убедился в обратном.

Тот план был составлен именно с учетом всех реальных особенностей, могущих оказать то или иное влияние на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. Им предусматривались сравнительные возможности России и Германии быстро отмобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого исходили при определении рубежа развертывания и его

удаления от границы. В соответствии с этим определялись также силы и состав войск прикрытия развертывания. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж приграничных крепостей. Вот такой план мне был понятен.

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?»

Константин Константинович был явно не в восторге от того, что его корпусу пришлось участвовать в плохо подготовленных и поспешно проведенных контрударах, заранее обреченных на неудачу. Его возмущало, что и Генштаб, то есть Жуков, и командование Юго-Западного фронта действовали против всяких законов тактики и оперативного искусства, лишь бы отчитаться перед Сталиным о принятых мерах. Рокоссовский совершенно справедливо полагал, что прежде необходимо было выяснить обстановку, затем создать из механизированных корпусов ударные группировки и ударить мощными танковыми кулаками по наиболее уязвимым местам противника, не останавливаясь перед потерей части территории.

Но главные причины поражения Юго-Западного фронта заключались все-таки не в недостаточной укомплектованности механизированных корпусов. Даже в таком виде они по числу танков значительно превосходили противостоявшие им немецкие танковые соединения. Главные причины лежали в более низком уровне подготовки личного состава и организации управления в советских бронетанковых соединениях, а также в господстве в воздухе немецкой авиации, которая особенно эффективно действовала по танкам во время марша, когда сломавшиеся машины часто останавливали движение всей колонны. Советские механизированные корпуса, которые по штату имели более тысячи танков, были слишком громоздки, с учетом того, что командиры имели слишком малое число радиостанций. Кроме того, механики-водители, да и остальные танкисты, были плохо подготовлены, не умели ни соблюдать дисциплину марша, ни быстро устранять поломки. В результате основные потери механизированные корпуса понесли не в боях, а во время маршей.

Остается добавить, что за умелое руководство боевыми действиями 9-го механизированного корпуса Рокоссовский 23 июля 1941 года был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В процитированном фрагменте мемуаров Константин Константинович крайне низко оценивал способности командующих двумя главными советскими фронтами в начале войны — М. П. Кирпоноса и Д. Г. Павлова. Чувствовалось, что он как бы примерял происходящее на себя и приходил к выводу, что окажись он во главе одного из двух фронтов, исход приграничных сражений не был бы столь катастрофическим для советской стороны. Рокоссовский наверняка еще раз пожалел, что основная масса командиров высшего звена была уничтожена в ходе репрессий, а пришедшие им на смену почти не имели опыта командования корпусами и армиями. Ведь даже он, Рокоссовский, два с половиной года отсидевший в тюрьме, к началу войны в общей сложности около двух с половиной лет находился на посту командира корпуса. А тот же Кирпонос, перед тем как стать командующим сначала Ленинградским, а потом Киевским военным округом, успел покомандовать корпусом всего два месяца. А Павлов, ставший командующим Белорусским военным округом после должности начальника Автобронетанкового управления РККА, вообще никогда не командовал не только корпусом, но даже дивизией. Неудивительно, что столь неопытные командующие растерялись после внезапного нападения противника и не смогли эффективно руководить армиями своих фронтов.

Рокоссовский, оценивая действия Красной армии в первые месяцы войны, писал: «Всем памятны действия русских войск под командованием таких полководцев, как Барклай-де-Толли и Кутузов в 1812 г. А ведь как один, так и другой тоже могли дать приказ войскам „стоять насмерть“ (что особенно привилось у нас и чем стали хвастаться некоторые полководцы!). Но этого они не сделали, и не потому, что сомневались в стойкости вверенных им войск. Нет, не потому. В людях они были уверены. Все дело в том, что они мудро учитывали неравенство сторон и понимали: умирать если и надо, то с толком. Главное же — подравнять силы и создать более выгодное положение… В течение первых дней Великой Отечественной войны определилось, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить противника представлялось возможным лишь где-то в глубине, сосредоточив для этого необходимые силы путем отвода соединений, сохранивших свою боеспособность или еще

не участвовавших в сражении, а также подходивших из глубины по плану развертывания. Войскам, ввязавшимся в бой с наседавшим противником, следовало поставить задачу: применяя подвижную оборону, отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение. Такое решение соответствовало бы сложившейся обстановке на фронте. И если бы оно было принято Генеральным штабом и командующими фронтами, то совершенно иначе протекала бы война и мы бы избежали тех огромных потерь, людских, материальных, которые понесли в начальный период фашистской агрессии».

Именно мобильную, эластичную оборону, позволяющую сберечь солдатские жизни, применял маршал, когда к такому решению были объективные предпосылки. В его архиве сохранилась запись: «О длительной обороне на одном месте не может быть и речи. Удар, преследование, остановка и опять удар…» Он так и старался воевать, применяя ту же тактику, что и немцы, и западные союзники. Но это не всегда получалось.

Еще 11 июля Рокоссовского назначили командующим 4-й армией вместо арестованного и впоследствии расстрелянного А. А. Коробкова. Из него, как и из Д. Г. Павлова и некоторых других генералов, сделали козла отпущения за поражения первых дней войны. Рокоссовский прибыл в штаб Западного фронта 17 июля, но в связи с ухудшением обстановки в районе Смоленска был оставлен организовывать оборону в районе Ярцева.

В Москве Рокоссовский узнал, что под Ярцевом «образовалась пустота» в результате высадки противником крупного воздушного десанта. На самом деле никакого десанта не было, а был прорыв немецких танков и мотопехоты. Но советские военачальники предпочитали говорить о десантах, чтобы не признавать перед вышестоящим начальством, что противник сумел прорваться через позиции их войск.

Группа Рокоссовского должна была прикрыть направление на Вязьму и помочь 16-й и 20-й армиям прорваться из смоленского котла. По словам маршала, его группа пополнялась

«за счет накапливавшихся на сборном пункте бойцов, отставших от своих частей, вышедших из окружения. К сожалению, последние, вернее большинство из них, приходили без оружия, и нам с большим трудом удавалось вооружать их. Причем делать это приходилось во время боев, не прекращавшихся ни днем ни ночью. Люди познавали друг друга, можно сказать, сразу же в горячем деле.

В те дни текучесть личного состава была огромной.

В непрерывных боях со все усиливавшимся на ярцевском направлении противником было много случаев проявления героизма как со стороны отдельных лиц (красноармейцев, офицеров), так и подразделений и частей.

К великому прискорбию, о чем я не имею права умалчивать, встречалось немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя.

Вначале появились так называемые „леворучники“, простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться „праворучники“, проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой.

Случалось членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки.

Тогда же вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, „самострел“, неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление шкурникам становилось не только излишним, но и вредным».

Как легко убедиться, несмотря на мягкость характера, Рокоссовский без колебания приказывал расстреливать дезертиров и «самострельщиков».

Ночью 17 июля, по распоряжению Ставки Константин Константинович прибыл в район Ярцева. Вскоре он подчинил себе 38-ю стрелковую дивизию полковника М. Г. Кириллова, потерявшую связь со штабом 19-й армии. Реально это была не вся дивизия, а только ее штаб, разведбат, 48-й стрелковый полк, один батальон 29-го стрелкового полка и спецчасти. Кроме того, из резерва прибыла 101-я танковая дивизия полковника Г. М. Михайлова с 87 танками, в том числе семью КВ. Рокоссовскому была также подчинена 69-я моторизованная дивизия полковника П. Н. Домрачева, 18 июля переформированная в 107-ю танковую и отправленная в распоряжение фронта Резервных армий, сражавшегося под Ельней. Штаб группы Рокоссовского возглавил подполковник С. П. Тарасов, командующий артиллерией 19-й армии генерал-майор И. П. Камера стал начальником артиллерии группы. Затем в состав группы генерала Рокоссовского был включен сводный отряд полковника А. И. Лизюкова из двух сильно потрепанных полков с пятнадцатью танками, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, а также остатки 7-го механизированного корпуса, штаб которого во главе с полковником Михаилом Сергеевичем Малининым с 1 августа стал штабом группы Рокоссовского. Начальником артиллерии группы стал бывший начальник артиллерии 7-го мехкорпуса генерал-майор Василий Иванович Казаков. С ними потом Рокоссовский провоевал почти всю войну. Потом в группу еще добавился батальон московских коммунистов. Им противостояла 7-я танковая дивизия немцев, захватившая Ярцево и форсировавшая реку Вопь.

Рокоссовский утверждал в мемуарах, что

«наша активность, видимо, озадачила вражеское командование. Оно встретило отпор там, где не ожидало его встретить; увидело, что наши части не только отбиваются, но и наступают (пусть не всегда удачно). Все это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством».

В действительности никакого превосходства у немцев здесь уже не было. Воздушный десант, повторю, вообще был чистой фантазией, призванной скрыть факт прорыва фронта. По свидетельству бывшего командующего 3-й танковой группой Германа Гота, «для прикрытия от ударов противника с севера и востока тыла войск, удерживающих кольцо окружения в районе Смоленска, первоначально была выделена только часть сил 7-й танковой дивизии, действовавшей западнее Ярцево, и 20-я танковая дивизия, подошедшая к населенному пункту Устье на реке Вопь». Тот же Гот писал командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу Федору фон Боку между 22 и 26 июля: «Потери в танках составляют в настоящее время около 60 %». Так что даже если бы под Ярцевом к тому времени сосредоточилась вся 7-я танковая дивизия, танков у нее должно было быть меньше, чем в 101-й танковой дивизии Михайлова и в группе Лизюкова. К тому же у Рокоссовского было некоторое число танков КВ и Т-34, равных которым немцы в то время не имели.

Маршал В. И. Казаков вспоминал:

«Первая моя встреча с К. К. Рокоссовским произошла глубокой ночью 22 июля 1941 года, когда штаб 7-го механизированного корпуса, начальником артиллерии которого я был, получил приказ войти в подчинение Рокоссовского и составить штаб группы войск, которой он тогда командовал.

Немало поплутав по окрестным лесам в районе Ярцево, мы, наконец, разыскали своего нового командующего в расположении 58-й стрелковой дивизии. Нельзя сказать, чтобы Рокоссовский очень заботился о своих удобствах. Мы застали его спящим в своей легковой машине ЗИС-101.

Первая встреча с Рокоссовским произвела на нас очень сильное впечатление. В противоположность некоторым военачальникам, у которых можно было наблюдать нервозность, некоторую растерянность и даже неуверенность в своих действиях, Рокоссовский, несмотря на очень сложную и напряженную обстановку, был сдержан, уравновешен и все, о чем бы он ни говорил, звучало твердо, хотя он и не повышал голоса. О создавшейся обстановке он говорил даже чуть задумчиво, но выводы делал ясные, определенные и неопровержимые по своей логике. В такого командующего можно было верить, и это первое впечатление не обмануло нас. Внешность Константина Константиновича была также примечательной и далеко не заурядной: высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью.

Группа Рокоссовского просуществовала недолго, но мы успели достаточно близко познакомиться. В августе К. К. Рокоссовский был назначен командующим 16-й армией и добился назначения на должность начальника штаба армии полковника М. С. Малинина (бывший начальник штаба 7-го механизированного корпуса), а на должность начальника артиллерии армии — меня. С тех пор мы трое были неразлучны до ноября 1944 года.

С первых же дней боевых действий армии мы не раз имели возможность убедиться в том, что наш командующий — личность примечательная. К. К. Рокоссовский в те тяжелые для нас месяцы не раз сам попадал в критическое положение и должен был принимать решения в крайне сложной и запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек, поражаясь его самообладанию. Эти его качества благотворно влияли на весь личный состав штаба, создавая в нем атмосферу уверенности в правильности всех действий, которая была нам особенно нужна в наиболее тяжелые месяцы суровых испытаний».

Константин Константинович вспоминал:

«По данным разведки и опроса захваченных в боях за Ярцево пленных, стало известно, что готовится новое наступление с целью во что бы то ни стало отрезать пути возможного отхода 16-й и 20-й армий. Для этого противная сторона намеревалась силами 7-й и 20-й танковых дивизий нанести удар по обороне наших войск в районе Ярцево.

Эти сведения помогли нам своевременно принять надлежащие меры противодействия. И успеха противник не добился. Он понес большие потери в танках и живой силе, а смог лишь незначительно потеснить на некоторых участках наши части. Его наступление последних чисел июля захлебнулось. Решающую роль сыграла артиллерия, умело организованная в этом бою генералом В. И. Казаковым.

Танки КВ произвели на врага ошеломляющее впечатление. Они выдержали огонь орудий, которыми были вооружены в то время немецкие танки. Но машины, вернувшиеся из боя, выглядели тоже не лучшим образом: в броне появились вмятины, у некоторых орудий были пробиты стволы. Хорошо показали себя танки БТ-7: пользуясь своей быстроходностью, они рассеивали и обращали в бегство неприятельскую пехоту. Однако много этих машин мы потеряли — они горели как факелы».

На самом деле 20-я танковая дивизия против группы Рокоссовского не действовала.

Разбить 7-ю танковую дивизию Рокоссовскому не удалось, зато 1 августа войска его группы сумели соединиться с прорывающимися на восток из-под Смоленска остатками 16-й и 20-й армий. Рокоссовский так описал этот прорыв: «Собрав все, что можно, на участок Ярцева, мы нанесли удар. Противник его не ожидал: накануне он сам наступал, был отбит и не предполагал, что мы после тяжелого оборонительного боя способны двинуться вперед. Элемент неожиданности мы и хотели использовать. Ударили в основном силами 38-й стрелковой и 101-й танковой дивизий, придав им артиллерию и танки, в том числе десять тяжелых КВ. В результате наши части овладели Ярцево, форсировали Вопь и захватили на западном ее берегу очень выгодные позиции, на которых и закрепились, отбив все контратаки». Этому помогло то, что оборона переправ в конце июля была усилена частями 44-го стрелкового корпуса комдива В. А. Юшкевича, куда так же был включен отряд Лизюкова.

8 августа Рокоссовский был назначен командовать 16-й армией, включившей соединения его группы и вырвавшиеся из окружения части 16-й армии. В Смоленском сражении он действовал очень грамотно. Он смог из разрозненных отрядов отходивших без приказа бойцов и командиров создать в районе Ярцева боеспособную группу войск, упорной обороной остановившей продвижение немцев. Она так и называлась — группа войск генерала Рокоссовского. С прибытием нескольких свежих дивизий Рокоссовский отбил у врага Ярцево, не допустив тем самым полного окружения оставшихся в Смоленске войск.

Он стал одним из инициаторов возвращения от системы стрелковых ячеек к системе траншей. В необходимости этого его убедил опыт боев под Смоленском. Константин Константинович вспоминал:

«Еще в начале боев меня обеспокоило, почему наша пехота, находясь в обороне, почти не ведет ружейного огня по наступающему противнику. Врага отражали обычно хорошо организованным артиллерийским огнем. Ну а пехота? Дал задание группе товарищей изучить обстоятельства дела и в то же время решил лично проверить систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков.

Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе. Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но увы! Война показала другое…

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времен первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему».

А как виделись действия войск Рокоссовского с немецкой стороны? По утверждению немецкого историка Вернера Хаупта,

«в первые дни фронт окружения под Смоленском, естественно, был неплотным. Под Ярцево фронтом на восток стояла одна 7-я танковая дивизия на большой дороге, ведущей в Москву. 12-я танковая и 20-я пехотная (моторизованная) дивизии пытались закрыть 80-километровый рубеж между Демидовом и Рудней в направлении Смоленска и создать фронт окружения. 16 июля восточнее Смоленска находились еще 18-я пехотная (моторизованная), 20-я танковая дивизии и 900-я учебная бригада. В самом городе более или менее успешно закрепилась 29-я пехотная (моторизованная) дивизия.

Шесть немецких дивизий 18 июля вели бои против двенадцати окруженных русских дивизий!..

Начались жестокие бои на северном участке кольца окружения. Там между Ярцево и Торопцом советские войска пытались прорваться через реку Вопь. Третья танковая группа была вынуждена наскоро отразить своими дивизиями эти опасные атаки, а затем в несколько дней спешным порядком перебрасывать все свои танковые соединения в северо-восточном направлении.

Протяженность фронта по реке Вопь составляла 50 километров. Семь советских стрелковых дивизий и одна танковая бригада почти непрерывно атаковали пять немецких пехотных дивизий, занявших

оборону по реке. Советская артиллерия применила здесь впервые новые реактивные минометы, которые немецкие солдаты окрестили „сталинскими органами“. Эти установки залпового огня могли за 30 секунд выпустить более 320 реактивных снарядов…

Инициатива полностью перешла к Красной Армии. Несмотря на прежние огромные потери, советскому командованию удалось развернуть на фронте новые войска. С 20 июля вдоль всего фронта между Ярцево на севере и Ельней на юге последовали новые мощные удары четырех армий, поддержанных 138 самолетами».

В дни Смоленского сражения Рокоссовский писал семье:

«Дорогие, милые Люлю и Адуся! Пишу вам письмо за письмом, не будучи уверенным, получите ли вы его. Все меры принял к розыску вас. Неоднократно нападал на след, но, увы, вы опять исчезали. Сколько скитаний и невзгод перенесли вы! Я по-прежнему здоров и бодр. По вас скучаю и много о вас думаю. Часто вижу во сне. Верю, верю, что вас увижу, прижму к своей груди и крепко-крепко расцелую.

Был в Москве. За двадцать дней первый раз поспал раздетым, в постели. Принял холодную ванну — горячей воды не было. Ну вот, мои милые, пока все. Надеюсь, что связь установим. До свидания, целую вас бесконечное количество раз, ваш и безумно любящий вас Костя. 27 июля 1941-го».

В этот же день командующий Западным фронтом С. К. Тимошенко докладывал в Ставку: «Ярцево твердо удерживается Рокоссовским».

16-я армия, которой с 8 августа командовал Рокоссовский, прикрывала автомагистраль Смоленск — Вязьма, по которой пролегал самый удобный путь на Москву. Константин Константинович вспоминал: «Армия представляла внушительную силу: шесть дивизий — 101-я танковая полковника Г. М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А. И. Лизюков, 38-я полковника М. Г. Кириллова, 152-я полковника П. Н. Чернышева, 64-я полковника А. С. Грязнова, 108-я полковника Н. И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части». Членом военного совета 16-й армии остался дивизионный комиссар Алексей Андреевич Лобачев, а начальником штаба был назначен М. С. Малинин. Артиллерией армии командовал В. И. Казаков, бронетанковыми войсками — полковник Г. Н. Орел. Весь этот сплоченный командирский коллектив, за исключением А. А. Лобачева, оставался с Рокоссовским до конца 1944 года.

Во время Смоленского сражения Рокоссовский впервые приобрел всесоюзную популярность. Он вспоминал: «Заговорила о нас столица. В сводках Совинформбюро часто упоминалась ярцевская группа войск, а затем 16-я армия. К нам стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций, бывали партийные работники и политические деятели, зачастили писатели, корреспонденты, и артисты выступали в частях. Дорогие и прочные связи!..»

Особенно тепло отозвался в мемуарах Рокоссовский о члене военного совета 16-й армии:

«Считаю своим товарищеским долгом сказать доброе слово о генерале Алексее Андреевиче Лобачеве. Мы с членом Военного совета армии жили душа в душу. Он любил войска, знал людей, и от него я всегда получал большую помощь. Таков был этот человек, что ощущалась потребность общения с ним. Мы жили в одной землянке, позже обычно выбирали домик, где можно устроиться вдвоем. Когда вместе с другими корреспондентами у нас стал бывать Владимир Ставский — тоже крепкий большевик, интересный писатель, не чуждый военному делу, — мы жили втроем. Бывали задушевные часы!..»

В первые месяцы войны Рокоссовский показал себя энергичным, самостоятельным, грамотным военачальником, не боящимся брать ответственность на себя. Его заслуги были отмечены четвертым орденом Красного Знамени (а тогда награды давали довольно скупо) и выдвижением на пост командарма. Войска Рокоссовского, как и другие части Красной армии, в тот период терпели поражения. Однако Константину Константиновичу удавалось гораздо удачнее многих других

советских военачальников организовывать отступление, удерживать свои позиции и проводить контрудары. Но впереди Рокоссовского и его армию ждали тяжелые испытания.

Глава шестая
БИТВА ЗА МОСКВУ

Войска германской группы армий «Центр» 2 октября начали реализацию плана «Тайфун» — генерального наступления на Москву. Командование Западного фронта и Ставка Верховного главнокомандования неправильно определили наиболее вероятное направление вражеского удара, что во многом способствовало последовавшей катастрофе.

А между тем у советского командования имелись все необходимые данные для того, чтобы сделать правильный вывод о планах противника. Как пишут российские военные историки Михаил Ходаренок и Борис Невзоров,

«в штабе Западного фронта, например, имелись довольно точные сведения о группировке противника. Было установлено, что против восьми дивизий 30-й и 19-й армий немцы развернули 17 своих дивизий. В полосах других армий число противостоящих друг другу дивизий было примерно равным. Эти данные разведки прямо указывали на вероятное направление вражеского удара. Но поскольку Ставка считала, что главный удар противник будет наносить на смоленско-вяземском направлении, оборонявшемся 16-й и 20-й армиями, командующий Западным фронтом генерал Иван Конев не решился отстаивать перед Сталиным свою точку зрения. Он сосредоточил главные силы не там, где этого требовала обстановка, а там, где указал Главковерх.

Не было в то время у Конева умения предвидеть ход событий, противодействовать их неблагоприятному развитию. Не поощрял он этих качеств и у подчиненных. Так, 27 сентября ему на утверждение был представлен план обороны 16-й армии. В нем Рокоссовский предусматривал вариант действий своих соединений в случае вынужденного отхода. Но молодой 44-летний командующий войсками фронта не мог допустить даже в мыслях ведения обороны с возможным отходом вверенных ему войск. Они должны были, по его мнению, стоять насмерть. И Конев тут же приказывает командарму 16-й: „Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить… В соответствии с этим переработать план обороны“».

Об этом писал в своих мемуарах и Рокоссовский:

«Во второй половине сентября штаб тщательно разработал план действий войск армии на занятом ею рубеже. Мероприятия, предусмотренные в нем, обеспечивали решительный отпор противнику. В то же время имелся вариант на случай, если, несмотря на все наши усилия, противнику все же удастся прорвать оборону. Этот вариант определял, как должны отходить войска, нанося врагу максимальный урон и всемерно задерживая его продвижение. Мысли, руководившие нами: враг еще намного сильнее нас, маневреннее, он все еще удерживает инициативу, поэтому нужно быть готовым и к осложнениям.

Этот план был представлен командующему Западным фронтом И. С. Коневу. Он утвердил первую часть плана, относившуюся к обороне, и отклонил вторую его часть, предусматривавшую порядок вынужденного отхода».

Таким образом, Константин Константинович гораздо точнее предвидел возможное развитие событий, чем командование Западного фронта. Однако сделать он ничего не мог. Конев запретил даже думать об отступлении, а тем более заранее разрабатывать планы возможного отхода. Впрочем, как мы увидим далее, Рокоссовскому уже в первые дни сражения пришлось вместе со штабом отбыть из расположения своей 16-й армии, и он при всем желании не мог организовывать ее отход и прорыв из окружения.

Накануне начала немецкого наступления Рокоссовский наконец-то смог установить адрес своей семьи. 30 сентября 1941 года штаб 16-й армии выдал следующую справку: «Предъявительница сего гражданка Рокоссовская Юлия Петровна является женой Командующего 16 армией — генерал-лейтенанта тов. Рокоссовского Константина Константиновича.

Вместе с ней в гор. Новосибирске по улице Добролюбова № 91 проживает их дочь Ада Константиновна Рокоссовская.

Генерал-лейтенант Рокоссовский Константин Константинович за боевые заслуги награжден четырьмя орденами „Красное Знамя“ и орденом Ленина.

На основании существующего законоположения члены семьи генерал-лейтенанта Рокоссовского пользуются льготами как семьи орденоносца».

Главный удар немцы наносили по флангам Западного фронта, а не по магистрали Смоленск — Москва, где его ожидало советское командование. На участке 16-й армии немцы лишь демонстрировали наступление, и его удалось без особого труда отразить. Но после полудня Рокоссовский получил сведения от командующего 19-й армией М. Ф. Лукина о напряженных боях на правом фланге его армии.

3 октября Рокоссовский решил провести разведку боем. Пленные показали, что на Ярцевском направлении появились танковые и моторизованные части. Рокоссовский усилил оборону магистрали Москва — Смоленск и даже провел артиллерийскую контрподготовку с участием дивизиона «катюш». Контрподготовка пришлась по пустому месту, так как в действительности немцы здесь наступать не собирались. Рокоссовский отмечал: «Весь следующий день враг держал под сильным огнем наш участок обороны, не предпринимая наступления. Группы самолетов бомбили позиции батарей и вели усиленную разведку дорог в сторону Вязьмы». Вечером 3 октября Лукин сообщил, что пришлось повернуть 244-ю дивизию фронтом на север. Рокоссовский направил на помощь соседу 127-ю танковую бригаду и 38-ю и 214-ю стрелковые дивизии.

5 октября Рокоссовский получил неожиданный приказ:

«Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму.

В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50 сд (19А), 73 сд (20А), 112 сд (16А), 38 сд (16А), 229 сд (20А), 147 тбр (резерв ЗФ), дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК. Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не пропустить его севернее рубежа Путьково — Крутые — Дрожжино, имея в виду — созданной группировкой (т. е. 16-й армией) в дальнейшем перейти в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести. Конев, Булганин, Соколовский. 5.10.41».

Историк И. Н. Смирнов пишет:

«Рубеж остановки немцев, приказом Конева, был назначен на реке Утра в 35-ти километрах к югу от Вязьмы, то есть — в полосе Резервного фронта (!). Рокоссовский в своих мемуарах пишет, что он якобы не знал — какие дивизии должны ожидать его в Вязьме, по его прибытию туда. Он пишет: „…вечером (5 октября) я получил телеграмму из штаба Западного фронта… со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы — мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления“. По писанию Рокоссовского — ему их кто-то должен был выдать, а он получить. В приказе — ему совершенно ясно указывалось, о какой группировке из пяти дивизий и одной танковой бригады шла речь. Из них две дивизии были из 16-й армии самого Рокоссовского — 112-я сд и 38-я сд. В приказе указывались так же — 50-я сд из 19-й армии, 73-я сд и 229-я сд из 20-й армии, 147-я тбр из резерва Западного фронта. Сама группировка сохраняла название 16-й армии, а Рокоссовский оставался ее командующим. Фактически Рокоссовский должен был передать только участок фронта, занимаемый армией, а не 16-ю армию. Эта армия, в другом составе и на другом месте, оставалась в его подчинении…

Рокоссовский пишет в своих воспоминаниях: „…Утром 6 октября прибыли приемщики от 20-й армии… Сборы были короткими. Наш штаб двинулся к новому месту назначения, и все мы чувствовали, что произошли какие-то грозные события, а у нас в этот тревожный момент — ни

войск, ни уверенности, что найдем войска там, куда нас посылают. Попытки связаться по радио со штабом фронта были безуспешны. Мы оказались в какой-то пустоте и в весьма глупом положении. Нужно было самим постараться выяснить обстановку, что и делалось с помощью разведки в разных направлениях. Насторожила картина, которую увидели, подходя к Днепру, восточнее Ярцево. Брошенные позиции. В окопах ни одного человека. Мы знали, что в тылу за нашей армией располагалась по Днепру одна из армий Резервного фронта. Где она и что здесь произошло, трудно было догадаться“.

Догадаться Рокоссовскому, при желании, было совсем не трудно. Штаб его 16-й армии и штаб 39-й сд (7-й дно) Резервного фронта находились совсем рядом — в Дорогобуже. Штаб 16-й армии был в восточной части города, а штаб 29-й сд был в Ямщине на окраине Дорогобужа. А городок-то небольшой. В штабе 29-й многое было известно. Еще 3 октября 8-я сд (8 дно) отошла с Днепра. 29-я сд заняла ее позиции, и вот теперь, по тревоге, 5-го и она оставила их. О том, что делается под Ельней, было, конечно, там тоже известно, ведь посылка и 29-й сд намечалась туда же. Но отменили. И что дивизия — получила приказ на движение к Вязьме — можно было узнать в тот же день. Хотя особый отдел, выделенный в то время из НКВД в НКО, но опекаемый НКВД, был на страже всех секретов, но командарма, даже из другого фронта, уж наверное разрешили бы информировать. Не хотели или не могли взаимодействовать ни фронты, ни командармы самостоятельно!

Из написанного в воспоминаниях создается такое впечатление, что Рокоссовский приказа Конева как бы не читал. Скорее он делает вид, что в приказе не было того, что там было. Отсюда и как бы не понимал, что немцы уже близко от Вязьмы и какая перед ним поставлена задача. Но это в мемуарах — на деле было по-другому. А командарм пишет дальше: „Ощущение оторванности было гнетущим. Крайне беспокоил вопрос, что происходит южнее магистрали… Лобачев, захватив нескольких офицеров, поехал вперед. Прошло не более часа, и он вернулся… Встретил на перекрестке Соколовского. В Касне уже никого нет (ее разбомбили еще 2-го числа и порученец, доставивший приказ на самолете 5 октября, наверняка должен был сказать об этом Рокоссовскому)… А ваша задача, сказал Соколовский, остается прежней (то есть та, которая указана в приказе Конева)… Где они находятся, эти обещанные (!) в приказе Конева дивизии? С этой мыслью я ехал к месту расположения нового нашего КП. Мы нашли его почти готовым. Заработали радисты. Штаб фронта молчал… мы с Лобачевым отправились в город“.

…Долг Рокоссовского в то время состоял в том, чтобы выполнить отданный и доставленный ему на самолете приказ, а не покидать те части, которые были предназначены ему в приказе. Теперь, как он сам видел, эти части — не успевают подойти к Вязьме и, брошенные на произвол судьбы, попадут в окружение! И о каком уплотнении внутреннего кольца он говорил — с наступлением темноты немцы прекратили боевые действия, и город был занят только на следующий день…

Рокоссовский — первый из высших военачальников ясно представил себе сложившуюся обстановку. При желании, ему — „и карты в руки“. Какие дивизии должны были подойти, он прекрасно знал. Можно было вернуться, организовать их подход и развернуть в боевой порядок против еще не сомкнувшихся двух танковых дивизий. К тому же немцы прекратили боевые действия в связи с наступлением темноты. Другие танковые дивизии немцев только начали выдвижение к Вязьме. Была возможность повлиять на действия Ставки в срочном наращивании сил, в том числе и в срочной переброске сюда 119-й и 5-й дивизий 31-й армии. Семь дивизий (с учетом еще полков 29-й сд) — это уже сила. Обладая, несомненно, умением организовать боевые действия в экстремальных условиях, что было доказано в Ярцево, Рокоссовский мог бы не дать сомкнуться немецким „клещам“. Вот тогда и сохранены были бы сотни тысяч солдатских жизней. Но это все из области — если бы. Рокоссовский отмежевался от всего этого».

Фактически И. Н. Смирнов обвиняет Рокоссовского в трусости, в том, что он сделал все, чтобы вместе со своим штабом оказаться вне кольца окружения, и бросил окруженные войска на произвол судьбы. Обвинение серьезное, но бездоказательное.

Приказ Конева в самом деле не отличался ясностью. Он более походил на благое пожелание, на некоторый лозунг, а не на реальное боевое распоряжение. В нем не было прописано, кто и как организует отправку упомянутых дивизий в район Вязьмы, когда и как они туда прибудут, с

указанием рубежей и сроков. Логичнее всего было бы поручить отправку этих дивизий штабу Рокоссовского, который теперь должен был ими командовать. И при этом предусмотреть, чтобы сам штаб двигался к Вязьме по крайней мере с одной из этих дивизий. Тогда бы Рокоссовский, прибыв в Вязьму, имел бы возможность организовать оборону города и задержать немецкие танковые части хотя бы на сутки-двое. А за это время из «котла» успели бы выйти десятки тысяч бойцов и командиров. Но ничего подобного в приказе Конева не было, и Рокоссовский, даже если и сознавал опасность переброски к Вязьме своего штаба в отрыве от подчиненных ему войск, ничего сделать все равно не мог. Ему ведь было приказано вместе со штабом как можно скорее прибыть в Вязьму.

И. С. Конев так вспоминал о событиях, связанных с передислокацией штаба 16-й армии под Вязьму, в своих мемуарах, опубликованных еще при жизни Рокоссовского:

«На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начал наступление против войск Западного и Резервного фронтов. Здесь действовали основные силы группы „Центр". Одновременно с атаками переднего края противник наносил сильные авиационные удары по нашим тылам.

Основной удар (силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии) противник нанес в направлении Канютино — Холм-Жирковский, т. е. в стык 30-й и 19-й армий. Чтобы представить силу удара врага, достаточно одного примера: против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в сражение 12 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную общей численностью 415 танков. Войска 30-й и 19-й армий проявили огромное упорство, стойко удерживали свои позиции. Но большое превосходство врага в силах вынуждало нас отходить.

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 километров. В результате авиационного удара по командному пункту фронта, находившемуся в Касне, у нас были потери, но так как все средства связи были укрыты под землей, а руководящие работники штаба были заранее рассредоточены, управление войсками не было нарушено. С утра по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И. В. Болдина (в состав этой группы входили три танковые бригады, одна танковая и одна стрелковая дивизии, в общей сложности до 250 танков старых образцов), был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар. Правда, 19-я армия на большей части своего участка фронта отбила все атаки врага. Однако противник овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булешова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта.

Второй удар противник нанес на Спас-Деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецко-фашистской танковой группы и 4-й армии, тесня к северу и востоку соединения наших 43-й и 33-й армий, вышли на линию Мосальск — Спас-Деменск — Ельня. Для Западного фронта и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта сложилась очень тяжелая обстановка.

К утру 4 октября совершенно отчетливо определилось направление удара противника: от Спас-Деменска на Вязьму. Таким образом, обозначилась угроза выхода крупных танковых группировок противника в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта с юга, из района Спас-Деменска, и с севера, из района Холм-Жирковского. 19-я, 16-я и 20-я армии Западного фронта оказались под угрозой окружения. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта.

Я доложил по ВЧ И. В. Сталину об обстановке на Западном фронте, о прорыве обороны в направлении Холм-Жирковский и на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым и доложил ему обстановку. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на Гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит

Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало (дословно привести этот разговор я, к сожалению, не могу, так как в архивах Министерства обороны он до сих пор не обнаружен).

Командование фронта приняло решение об отводе войск на Гжатский оборонительный рубеж, которое потом было утверждено Ставкой. В соответствии с этим были даны указания командующим 30-й, 19-й, 16-й, 20-й армиями об организации отхода.

Здесь мне хочется внести ясность в вопрос о положении 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, в связи с тем что в книге В. Соколова „Вторжение" допущена явная неточность. В этой книге приводится такой разговор Г. К. Жукова с К. К. Рокоссовским:

„А теперь скажи-ка, уважаемый командарм, как и почему твоя армия попала в окружение?..

Вопрос покоробил Рокоссовского. Он передернул плечами и помимо своей воли скомкал в руке кусок карты. 'Что это, издевка?' И он вспомнил, как в октябре, после отхода по лесам, его, Рокоссовского, вместе с членом Военного совета Лобачевым вызвал прежний командующий фронтом, желая сорвать на ком-то злость, встретил гневными словами: 'Сами вышли, а армию оставили!' Это был несправедливый упрек, который трудно забывается. Ведь к тому времени, когда 16-я армия была окружена в районе Дорогобужа, он, Рокоссовский, уже не командовал ею…"

Все описание того, как упрекал Рокоссовского прежний командующий — сиречь я, не соответствует действительности.

Управление и штаб 16-й армии К. К. Рокоссовского еще до вяземского окружения моим приказом выводились в район Вязьмы, имея задачу объединить под командованием Рокоссовского подходящие из глубины резервы и выходящие из окружения группы. 16-й армии ставилась задача организовать оборону на рубеже Сычевка — Гжатск».

Далее Конев процитировал уже известный нам приказ Рокоссовскому о переброске штаба 16-й армии в Вязьму и продолжил:

«Были приняты все меры, чтобы приказ до Рокоссовского дошел своевременно и чтобы его штаб вовремя вышел из-под угрозы окружения. Для проверки выполнения этого приказа я послал в штаб Рокоссовского подполковника Чернышева, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен. Сам же Чернышев, возвращаясь в штаб фронта, где-то по пути погиб. Память об этом боевом офицере, не раз выполнявшем ответственные поручения командования фронта, я всегда храню в своем сердце.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыли части 50-й стрелковой дивизии. Моим распоряжением эта дивизия из состава 19-й армии перебрасывалась в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но пока собирали незначительный армейский автотранспорт, время ушло, и, к сожалению, вовремя успели прибыть только два стрелковых полка и артиллерийский полк. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вяземском окружении. Дивизии, перечисленные в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти полностью в назначенные районы. При выходе в район Вязьмы они ввязались в бои с мотомеханизированными частями противника и под ударами его превосходящих сил понесли значительные потери. Но и после этого они продолжали сражаться частично внутри кольца окружения, частично вне его — на рубеже Сычевка — Вязьма.

Полагаю, что эти документальные данные достаточны для того, чтобы опровергнуть выдуманные упреки с моей стороны в адрес Рокоссовского».

А вот что об обстоятельствах, связанных с перемещением штаба 16-й армии под Вязьму, вспоминал сам Рокоссовский:

«Вечером 5 октября я получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф. А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Все это было совершенно непонятно. Севернее нас, в частности у генерала Лукина, обстановка складывалась тяжелая, каковы события на левом крыле фронта и южнее, неизвестно…

Тут были товарищи Лобачев, Казаков, Малинин, Орел. У них, как и у меня, телеграмма эта вызвала подозрения. Помню возглас начальника штаба:

— Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!

Я потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом.

Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного совета Н. А. Булганина.

Сомнения отпали. Но ясности не прибавилось».

Вместо пяти дивизий в распоряжении Рокоссовского в Вязьме, по свидетельству Конева, оказалась только одна, да и та неполного состава. Противостоять ворвавшимся на окраины города двум танковым немецким дивизиям она никак не могла.

По дороге к Вязьме штаб 16-й армии встретил только беженцев и разрозненные группы отступающих красноармейцев. Рокоссовский свидетельствовал: «Поручив Малинину разыскивать войска и добиваться связи с фронтом или Ставкой, мы с Лобачевым отправились в город.

Начальник гарнизона генерал И. С. Никитин доложил:

— В Вязьме никаких войск нет, и в окрестностях тоже. Имею только милицию. В городе тревожно, распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки.

— Где местная советская и партийная власть?

— В соборе. Там все областное руководство.

Собор стоял на высоком холме, поднимаясь над Вязьмой подобно древней крепости. В его подвале мы действительно нашли секретаря Смоленского обкома партии Д. М. Попова, вокруг него собрались товарищи из Смоленского и Вяземского городских комитетов партии. Здесь же был начальник политуправления Западного фронта Д. А. Лестев. Он обрадованно помахал рукой:

— Все в порядке, товарищи. Знакомьтесь с командующим…

К сожалению, пришлось их огорчить. Командующий-то есть, да командовать ему нечем. Я попросил генерала Никитина доложить партийному руководству все имеющиеся у него сведения о войсках и положении в районе Вязьмы. Лестев был крайне удивлен.

— Как же так? — заявил он. — Я недавно из штаба фронта, он перебирается на новое место, и меня заверили, что тут у вас не менее пяти дивизий, которые ждут прибытия штаба шестнадцатой армии…

Происходил этот разговор во второй половине дня 6 октября.

Не успел я спросить Никитина насчет разведки и наблюдения за подступами к городу, как в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А. П. Вахтеров:

— Немецкие танки в городе!

— Кто сообщил?

— Я видел их с колокольни!

— Алексей Андреевич, позаботься, пусть приготовят машины, — обратился я к генералу Лобачеву.

Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города.

Немецкие танки вступали в Вязьму. Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать».

Рокоссовский поступил совершенно правильно, запросив подтверждение приказа в письменном виде. Он прекрасно понимал, что в случае неблагоприятного развития событий из него легко могут сделать козла отпущения, обвинив в том, что он бросил войска своей армии в самый разгар сражения. От устного приказа Конев в любой момент мог откреститься. И не случайно, что письменное подтверждение приказа с полковником Чернышевым поступило только в ночь с 5 на 6 октября. Дело в том, что решение Конева на отвод части сил Западного фронта Ставка утвердила только поздно вечером 5 октября, причем из группировки войск, перебрасываемых к Вязьме, была изъята 112-я стрелковая дивизия. Но и другие дивизии вовремя поспеть не могли. Если бы Рокоссовский сразу бы приступил к выполнению приказа, когда он еще не был утвержден Ставкой, его могли бы обвинить в самовольном оставлении войск. Но теперь, когда приказ был получен только в ночь на 6 октября, быть утром 6 октября в Вязьме штаб Рокоссовского уже не мог. Командарм и его подчиненные оказались в Вязьме только во второй половине дня 6 октября, почти одновременно с немецкими танками. Во время перемещения к Вязьме штаб Рокоссовского не имел связи с дивизиями, переданными в его подчинение, и не мог организовать обороны города и предотвратить смыкание вражеского кольца.

Конев 5 октября еще не смог правильно оценить масштаб нависшей над его войсками опасности. Он видел угрозу Вязьме только с юга, от Спас-Деменска, но не знал, что к городу стремится и северная группировка немцев, что именно здесь планируется замкнуть кольцо окружения. Но если этого не знал Конев, то еще меньше это мог знать Рокоссовский, не располагавший сведениями о положении на фронте других армий Западного и Резервного фронтов. И никак нельзя обвинять Константина Константиновича в трусости. И. Н. Смирнов предполагает, что Рокоссовский мог бы двинуться навстречу выходящим из окружения войскам, чтобы организовать их прорыв. Но реальным в этом случае, в условиях отсутствия связи с находящимися в «котле» войсками, было бы только то, что Рокоссовский подчинил бы себе одну из встреченных дивизий и вместе с ней попытался бы прорваться на восток. В этом случае, если бы повезло, он прорвался бы к своим и, как и было в дальнейшем, возглавил бы войска на Можайской линии обороны. Но при прорыве он мог бы погибнуть или попасть в плен, и тогда его военная карьера в Великой Отечественной войне была бы закончена. Еще с большей вероятностью такая судьба ждала бы Рокоссовского, если Конев оставил бы Рокоссовского во главе прежних дивизий 16-й армии, оборонявшихся в районе Ярцева. Тогда шансов выбраться из кольца у него практически не было бы.

Можно сказать, что Рокоссовскому в какой-то мере повезло. Но обвинять его в трусости было никак нельзя. В Вязьму командарм прибыл не самовольно, а по приказу командующего фронтом. Когда же в Вязьму вошли немецкие танки, а связи с перебиравшимся на новое место штабом фронта не было, Рокоссовский должен был принимать решение, двигаться ли на запад, чтобы попытаться найти какие-то из подчиненных ему дивизий, или отступать на восток, пока еще немецкое кольцо не вполне сомкнулось. Константин Константинович понимал, что произошла катастрофа. И он принял решение отступать на восток, чтобы попытаться создать хоть какой-то заслон на пути к столице. Ведь в тот момент штаб 16-й армии был единственным армейским штабом Западного фронта, оказавшимся вне кольца окружения. И он смог подчинить себе только одну из дивизий, находившихся поблизости и успевшую пройти под еще не плотное кольцо окружения.

Константин Константинович понимал, что войскам, избежавшим окружения, необходимо как можно скорее оторваться от противника и создать оборону на новом рубеже. Бывший командующий артиллерией 16-й армии маршал артиллерии В. И. Казаков свидетельствует:

«Прибыв в указанный район, штаб армии расположился восточнее Вязьмы. Мы все еще не имели связи со штабом фронта. Дивизии, которые должны были войти в подчинение 16-й армии, выдвигались на рубеж западнее города. С ними тоже не было никакой связи.

Тогда К. К. Рокоссовский и А. А. Лобачев решили поехать в Вязьму и там из горкома партии попробовать связаться по ВЧ с Москвой. Но вскоре после их приезда в городе появились фашистские танки. Это были передовые части 3-й и 4-й вражеских танковых групп. Танки

остановились на площади около горкома. Рокоссовский и Лобачев, миновав занятые гитлеровцами улицы, вырвались из города и вернулись в штаб.

7 октября к Вязьме подошли и главные силы противника, отрезав наши войска, находившиеся западнее и юго-западнее города.

Обстановка сложилась тяжелая. Связь со штабом фронта и с войсками, оборонявшимися западнее Вязьмы, была утеряна. Между штабом армии и ее дивизиями действовали войска противника. К. К. Рокоссовский собрал ближайших помощников и объявил свое решение направить в войска офицеров штаба. Они должны были пробраться через занятую гитлеровцами территорию и поставить дивизиям задачу на прорыв в северо-восточном направлении. Штаб армии командующий решил перевести в Туманово, расположенное в 8–10 километрах от автострады — между Вязьмой и Гжатском.

Назначенные начальником штаба М. С. Малининым офицеры отправились искать выделенные нам новые дивизии. Штаб армии, переехав в Туманово, оставался там до утра, ожидая донесений от войск. Связи все еще не было, хотя начальник связи армии полковник П. Я. Максименко делал все возможное, чтобы установить ее. Наконец удалось связаться с 18-й ополченской дивизией под командованием генерал-майора П. Н. Чернышева. Получив задачу, дивизия начала пробиваться в направлении Туманова.

К. К. Рокоссовский приказал выслать несколько групп разведчиков в направлении Гжатска и на автостраду восточнее Туманова. Подойдя к автостраде, разведчики натолкнулись на вражеских автоматчиков. Завязалась перестрелка.

После этого был созван расширенный Военный совет. Собрались мы в полуразрушенном блиндаже в лесу, где до нас располагались какие-то тыловые части. Шел мелкий дождь. Перекрытие блиндажа кое-где протекало. Было холодно и сыро. Дожди не сулили ничего хорошего. Нам предстояло двигаться по проселочным и лесным дорогам, которые при такой погоде очень скоро должны были стать труднопроходимыми. А это предвещало новые беды.

Мнения, высказывавшиеся на Военном совете, были различны.

Первым обсуждалось предложение об организации сильного отряда из личного состава штаба и полка связи для прорыва по автостраде на Гжатск. Многие надеялись, что там мы найдем штаб фронта. Кстати сказать, член Военного совета армии А. А. Лобачев, считая, что штаб фронта находится в Гжатске, накануне пытался лично убедиться в этом. Он поехал в Гжатск на броневике, минуя автостраду. Но вблизи города его обстреляли из мелкокалиберной противотанковой пушки. В броневик попало три бронебойных снаряда. Один из них угодил под сиденье и лишь чудом не взорвался, замотавшись в ветоши.

Но вернемся к заседанию Военного совета. Некоторые предлагали оставаться на месте, подождать подхода наших дивизий из-под Вязьмы, а затем начать активные действия. Командующий спокойно слушал каждого выступающего, и трудно было понять, как он относится к этим планам. Все ждали, что скажет Рокоссовский, какое из двух предложений он примет.

Константин Константинович отверг план прорыва к Гжатску по автостраде, так как это не сулило ничего, кроме бесславных жертв и разгрома штаба: судя по данным разведки, количество войск противника на автостраде с каждым часом увеличивалось. Сидеть на месте и пассивно ждать, когда подойдут наши дивизии, командарм тоже считал невозможным. В такой запутанной и быстро менявшейся обстановке это означало надеяться на авось.

Спокойно и уверенно Рокоссовский объявил свое решение, пожалуй, единственно верное в создавшейся обстановке. Командующий решил отвести штаб на 20–30 километров от автострады и обойти Гжатск с севера, рассчитывая выйти в расположение своих.

Были организованы три колонны из личного состава штаба и рот полка связи. Центральную колонну возглавлял К. К. Рокоссовский. Вместе с ним отправились член Военного совета А. А. Лобачев и

начальник штаба М. С. Малинин. Левой колонной командовал, если не ошибаюсь, командир полка связи. Командовать правой колонной было приказано мне.

Мы выступили вечером 7 октября. А через два-три часа разведка центральной колонны встретила части 18-й дивизии генерал-майора П. Н. Чернышева, которые двигались примерно в том же направлении, что и мы. Наши силы умножились».

В другом мемуарном очерке В. И. Казаков вспоминал:

«В первые месяцы войны очень часто употреблялось слово „окружение“. Это было отвратительное, паническое по своей сущности слово, а не военный термин. В этой связи мне хочется с чувством особого удовлетворения отметить, что когда под Вязьмой наш штаб оказался в тяжелом положении и когда почти со всех сторон нас окружал враг, я ни разу не слышал, чтобы офицер или боец произнес слово „окружение“. В колоннах царили полное спокойствие и возможный в тех условиях порядок. Я глубоко убежден, что в этом большая заслуга К. К. Рокоссовского, который в самых сложных ситуациях не терял присутствия духа, неизменно оставался невозмутимым и удивительно хладнокровным.

Константин Константинович обладал и другими драгоценными качествами, которые имели огромное влияние на окружающих и в постоянстве которых мы неоднократно убеждались в годы войны и после ее окончания. Будучи безусловно строгим начальником, он никогда не был груб с подчиненными, не прибегал к брани, как это с некоторыми бывало на фронте. Особенно поражала в нем способность воздействовать на провинившихся, ни в какой мере не унижая их человеческого достоинства. За все эти бесценные качества нашего командующего по-настоящему любили и глубоко уважали не только в нашем штабе, но и в войсках (сначала армии, а потом и фронта)».

Благополучно покинув Вязьму, Рокоссовский и его штаб переместились на КП в 10 километрах северо-восточнее города. В деревне Туманово к ним присоединился кавалерийский эскадрон НКВД. От войск прежней 16-й армии штаб был уже отрезан немцами. Рокоссовский решил пробираться на северо-восток, где, как он полагал, немецких войск еще не было. К штабу 16-й армии присоединились командующий артиллерией Западного фронта И. П. Камера, начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор Г. К. Маландин и начальник политотдела фронта дивизионный комиссар Д. А. Лестев. Поход начали в ночь на 8 октября. В группе имелись легковые машины, грузовики и несколько танков БТ-7. Боевое охранение и разведку нес эскадрон НКВД. По пути штаб Рокоссовского встретил и подчинил себе 18-ю стрелковую дивизию народного ополчения. Под Гжатском группа нарвалась на немцев, потеряв один из своих танков. Мост через Гжать оказался взорван. Группа повернула на север и в ночь на 9 октября переправилась через Гжать вброд.

11 октября эпопея с выходом из вяземского окружения окончилась. Рокоссовский вспоминал:

«В лесах севернее Уваровки — в сорока километрах от Можайска — удалось наконец-то связаться со штабом фронта. Получили распоряжение прибыть в район Можайска.

В этот же день прилетели У-2 за мной и Лобачевым. Я дал указания Малинину о переходе на новое место, и мы направились к самолетам. Малинин на минуту задержал меня:

— Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, он ответил:

— Может пригодиться, мало ли что…

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно…

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошел генерал Г. К. Жуков.

— Это новый командующий Западным фронтом, — сказал, обратившись к нам, Ворошилов, — он и поставит вам новую задачу.

Выслушав наш короткий доклад, К. Е. Ворошилов выразил всем нам благодарность от имени правительства и Главного командования и пожелал успехов в отражении врага.

Вскоре меня вызвали к Г. К. Жукову. Он был спокоен и суров. Во всем его облике угадывалась сильная воля. Он принял на себя бремя огромной ответственности. Ведь к тому времени, когда мы вышли под Можайск, в руках командующего Западным фронтом было очень мало войск. И с этими силами надо было задержать наступление противника на Москву.

Вначале Г. К. Жуков приказал нам принять Можайский боевой участок (11 октября). Не успели мы сделать это, как получили новое распоряжение — выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией ополченцев в район Волоколамска, подчинить там себе все, что сумеем, и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге».

14 октября Рокоссовский прибыл в Волоколамск, а 16 октября противник начал наступление против левого фланга 16-й армии. К тому времени в район севернее Волоколамска выдвинулся 3-й кавалерийский корпус Л. М. Доватора. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий — 50-й генерала И. А. Плиева и 53-й комбрига К. С. Мельника. Рокоссовский подчинил корпус себе. Из Солнечногорска под Волоколамск в состав 16-й армии был переброшен сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С. И. Младенцева. На левом фланге армии появилась 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова, прибывшая из Казахстана.

Чувствуется, что работать над мемуарами Рокоссовскому помогали редакторы — иначе трудно объяснить некоторые нестыковки. Описывая обстановку перед началом немецкого наступления на Волоколамск, Константин Константинович утверждает: «В каждом бою противник использовал главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Этого нам опять следовало ожидать. Для противодействия танкам наметили бросить всю нашу артиллерию. Но ее у нас явно недоставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр как траекториями, так и колесами. Спланировали перегруппировку артиллерии на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения».

Но буквально через две страницы читаем: «Армия получила на усиление два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два пушечных полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и три дивизиона „катюш“. По тому времени артиллерии у нас было много. Но учтите стокилометровый фронт обороны!..» Читатель так и остается в неведении, хватало ли в тот момент артиллерии 16-й армии или ощущалась ее острая нехватка. Кстати сказать, Рокоссовский, как и другие советские мемуаристы, обычно не раскрывает точного состава подчиненных ему армий и фронтов, что нередко делает затруднительным сравнение с противостоявшими ему немецкими соединениями.

Пока же подведем печальный итог Вяземского сражения и попробуем понять причины одного из тяжелейших поражений Красной армии, поставившей под угрозу Москву. Бывший начальник штаба Западного фронта В. Д. Соколовский по поводу Вяземского сражения в мемуарах откровенно лукавил:

«14 октября немецко-фашистское командование объявило об окружении основных сил Красной Армии на центральном — московском направлении. При этом сообщалось о захвате 350 тысяч советских военнопленных и большого количества вооружения. Называлось и число окруженных

дивизий — 45. Эти данные были использованы немецкими буржуазными историками, к которым присоединились историки США, Англии и Франции.

На самом же деле в районе Вязьмы и Брянска были окружены наши 19, 20, 24 и 32-я армии, в общей сложности менее 20 дивизий, причем многие из них, понеся большие потери в предыдущих боях, насчитывали по 2–3 тысячи человек. Большинство войск Брянского, Западного и Резервного фронтов к 20 октября организованно отошли, создав новый фронт обороны. Находившиеся в окружении советские войска сковали значительное число фашистских дивизий. Впоследствии часть окруженных войск Западного и Резервного фронтов под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина вышла из окружения. Многие подразделения присоединились к партизанским отрядам или образовали новые партизанские отряды (что, кстати сказать, не отрицают и буржуазные историки)».

На самом деле и количество окруженных дивизий и их потери были в несколько раз больше, чем утверждал после войны маршал Соколовский, на котором также лежала часть ответственности за постигшую фронт катастрофу. Разгром войск Западного, Резервного и Брянского фронтов в октябре 1941 года создал предпосылки для наступления германской группы армий «Центр» непосредственно на советскую столицу. Однако неблагоприятные погодные условия осенней распутицы не позволили немцам сразу же развить успех и выйти непосредственно к Москве, в тот момент еще очень слабо защищенной. В дальнейшем мужество защитников города, подход резервов из глубины страны, а также возникшие трудности в снабжении германских войск в осеннее-зимний период сорвали план «Тайфун» и не позволили германским войскам овладеть столицей.

В данном случае распутица больше мешала наступавшим моторизованным немецким войскам, чем отступавшим советским частям, у которых было значительно меньше автотранспорта. Бывший командующий 3-й танковой группой Герман Гот не без оснований утверждал: «Не русская зима, а осенние дожди положили конец немецкому наступлению. Дождь лил днем и ночью, дождь шел непрерывно, вперемежку со снегом. Дороги размокли, и движение приостановилось. Недостаток боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия определял тактическую и оперативную обстановку последующих трех недель».

Однако немецкий генерал забыл об еще одном действительно решающем факторе — это сотни тысяч советских солдат, быстро переброшенных к Москве из Сибири и Дальнего Востока и не дрогнувших под натиском германских танков. Забыл о талантливых советских генералах, которые сумели заставить войска стойко обороняться. Одни грязь и мороз никак не смогли бы остановить немцев, о чем забывают многие западные историки, до сих пор мусолящие версию о «генерале Морозе».

Как известно, в результате контрнаступления группа армий «Центр» была отброшена от Москвы на 150–200 километров. Однако причины, по которым немцы оказались у ворот столицы, в советское время сводились в основном к численному превосходству вермахта, особенно в танках и авиации. Только в последние 15 лет стал возможен более объективный взгляд на эту проблему.

Директива о переходе к обороне на Западном направлении была отдана Ставкой ВГК только 27 сентября 1941 года, а уже через три дня 2-я танковая группа начала наступление против Брянского фронта, который до того безуспешно пытался ее разбить. За три дня подготовить оборону не было никакой возможности. Не лучше было положение Западного и Резервного фронтов, которые до этого также вели наступление в течение полутора-двух месяцев и не успели подготовить долговременной обороны.

Еще 21 сентября 1941 года фон Бок записал в дневнике: «С востока на 2-ю танковую группу Гудериана продолжают наседать русские. 29-й моторизованной дивизии (Фремерей) на участке у Новгород-Северского противостоят части восьми-девяти русских дивизий». Бои на этом участке фронта продолжались и на следующий день. Правда, на других участках группы армий еще 20 сентября уверенно отмечали, что противник явно переходит к обороне. Но и двух недель оказалось недостаточно, чтобы как следует подготовиться к отражению вражеского наступления. Тем более что какие-то атаки местного значения все-таки продолжались. В частности, Гальдер 23 сентября на фронте группы армий «Центр» отмечал «незначительные атаки противника». По мнению же М. Ходаренка и Б. Невзорова, «соединения 16, 19, 22, 24, 29 и 43-й армий наступали даже в

последней декаде сентября, группа генерала Ермакова — всю вторую половину его, а 13-я армия, по существу, весь месяц. Это отвлекало войска от организации глубоко эшелонированной обороны, не позволяло создать оборонительные группировки и в конечном итоге — приводило к большим потерям личного состава. Так, группа Ермакова только лишь 27 сентября потеряла 4913 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести». Бывший заместитель начальника штаба Брянского фронта генерал Л. М. Сандалов в мемуарах признавал: «То, что группа Ермакова вела во второй половине сентября главным образом наступательные бои и мало внимания оказывала вопросам обороны, ослабило левофланговые войска фронта, а противнику принесло огромные выгоды». Бывший же командующий Брянским фронтом маршал А. И. Еременко, напротив, в мемуарах утверждал: «Подводя краткий итог боевой деятельности войск Брянского фронта за период с 14 августа по 30 сентября 1941 г., следует сказать, что в результате контрударов и контратак войск фронта, особенно контрудара в районе Трубчевска, гитлеровцам были нанесены значительные потери, ослабившие мощь их ударных группировок». Но он же отмечает, что войска группы Ермакова и 13-й армии получили приказ о переходе к обороне только 28 сентября.

Вопреки распространенному мнению, советские войска не сильно уступали противнику в людях и технике. Численность личного состава группы армий «Центр» в начале октября составляла 1 929 406 человек, из которых большая часть участвовала в операции «Тайфун». У них имелось 1387 самолетов и около 1700 танков. Им противостояли войска трех советских фронтов, имевшие, по оценке К. Рейнхардта, 1 252 591 человек личного состава, 849 танков, 5637 орудий и 4961 миномет, 62 651 автомашину и трактор, 936 самолетов, в том числе 545 истребителей на линии фронта около 730 километров.

Войска шести армий Западного фронта занимали оборону на главном, Московском направлении в полосе шириной 340 километров от озера Селигер до Ельни. Войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта обороняли рубеж от Ельни до железной дороги Рославль — Киров в полосе шириной до 100 километров, а 31, 49, 32 и 33-я армии Резервного фронта занимали позиции в тылу Западного фронта в полосе шириной 300 километров по линии Осташков — Селижарово — восточнее Дорогобужа. Войска Брянского фронта (50,3,13-я армии, оперативная группа генерал-майора А. Н. Ермакова; командующий генерал-полковник А. И. Еременко) прикрывали Брянско-Калужское и Севско-Орловско-Тульское направления; передний край их обороны в полосе шириной 290 километров проходил по линии Снопоть — Почеп — Погар — Глухов. Вероятно, ошибкой была дислокация четырех армий на тыловом оборонительном рубеже. После прорыва обороны они не смогли ни нанести контрудар, ни задержать продвижение противника и были разбиты. Лучше было бы использовать их для удержания главной полосы обороны.

В целом сложившееся соотношение сил позволяло Красной армии успешно обороняться при условии координации действий всех обороняющихся на Московском направлении сил и их правильной группировки. На 1 километр фронта обороны приходилось в среднем около 1650 бойцов, 14,2 орудия и минометов (в том числе 8 орудий), 1,65 танка, 1,3 самолета. С учетом же того, что значительную часть полосы обороны занимали труднопроходимые лесные массивы и болота, можно было значительно увеличить плотность войск, сконцентрировав войска на наиболее опасных направлениях, где могли пройти немецкие танки. Однако поскольку войска трех фронтов вели наступательные операции вплоть до последней декады сентября, времени для перегруппировки практически не осталось. Для сравнения: у немцев в Нормандии в июне 1944 года плотность артиллерии составляла менее трех орудий и менее одного танка на километр фронта, тем не менее им почти два месяца удавалось удерживать фронт против нормандского плацдарма союзников.

24 сентября 1941 года начальник Генштаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер, находясь в штабе группы армий «Центр» в Смоленске вместе с главнокомандующим сухопутными войсками генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем, записал в дневнике: «Фон Бок сообщил, что хочет перейти в наступление на фронте Гудериана 30.9, а на остальных участках — 2.10. Во всяком случае, между этими двумя фазами наступления должен быть перерыв не менее 48 часов». Сам генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, командующий группой армий «Центр», отметил в дневнике в тот же день: «На состоявшемся в его (Браухича. — *Б.* С.) присутствии совещании командующих армиями и танковыми группами ничего нового не прозвучало, за

исключением того, что Гудериану позволили наступать уже 30 сентября. По мне лучше, если у него будет немножко форы, потому что он все еще довольно далеко от правого фланга, на котором будет нанесен главный удар, и отдачи от действий танков можно ожидать лишь 4–5 дней спустя после начала операции. Другие командующие будут готовы ко 2 октября, лишь Гот (3-я танковая группа) предлагает 3 октября». Фактически такое разнесение на двое суток времени начала наступления на разных направлениях позволяло надеяться, что советские резервы будут в первую очередь переброшены для отражения удара Гудериана, что позволит легче повести наступление на главном направлении. Тут сказалась и плохая координация действий трех советских фронтов. На практике их осуществляла Ставка, которой, однако, приходилось уделять внимание всем стратегическим направлениям, и поэтому с принятием решений по отражению «Тайфуна» она катастрофически запаздывала.

Гальдер 2 октября с удовлетворением записал в дневнике: «Главные силы группы армий перешли в наступление („Тайфун“) и успешно продвигаются. Гудериан считает, что его соединения прорвали оборону противника на всю глубину… Командование армий и танковых групп, как и 22.6, по разному отвечает на вопрос о том, намеревался противник вести упорную оборону или нет. Только на тех участках, где у противника были тыловые оборонительные позиции, то есть перед 4-й и 9-й армиями, можно было заранее, с уверенностью предположить, что он готовится к обороне. Можно думать, что он намеревался удерживать свои позиции и на остальных участках, но вследствие значительного снижения боеспособности его войск был быстро смят нашими частями. Однако и после этого, несмотря на поспешный отход на отдельных участках фронта, организации планомерного и глубокого отхода не наблюдается. Группы противника, застрявшие в больших лесных массивах между нашими ударными клиньями, вскоре покажут нам, что противник не собирался отступать». И уже 4 октября Гальдер с удовлетворением записал в дневнике: «Операция „Тайфун“ развивается почти классически. Танковая группа Гудериана, наступая через Орел, достигла Мценска, не встречая никакого сопротивления. Танковая группа Гёппнера стремительно прорвалась сквозь оборону противника и вышла к Можайску. Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого. Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника».

Причиной окружения большого числа советских дивизий была неудачная группировка в обороне, когда в результате многие участки были слабо прикрыты. Именно по ним и ударили немецкие танковые группы. И сильно запоздал приказ на отход — он был получен лишь 5 октября, но уже 7 октября танковые группы Гудериана и Гота замкнули кольцо вокруг Вязьмы. И лишь 12 октября все войска, действовавшие на Западном направлении, были объединены под руководством новоназначенного командующего Западным фронтом Г. К. Жукова.

Вяземское сражение оказалось одним из самых тяжелых поражений Красной армии в Великой Отечественной войне. Как отмечают М. Ходаренок и Б. Невзоров, «на центральном участке советско-германского фронта было окружено семь полевых управлений армий (из 15), 64 дивизии (из 95), 11 танковых бригад (из 13) и 50 артиллерийских полков РГК (из 64). Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы». В сводке германского командования по итогам сражения говорилось о 673 тысячах пленных и 1277 захваченных советских танках. Общие потери советских войск в период с 30 сентября по 19 октября включительно составили: безвозвратные потери — 855,1 тысячи, санитарные — 104,1 тысячи, общие — 959,2 тысячи человек. Потери убитыми можно оценить в 180 тысяч человек. Немецкая группа армий «Центр» в период с 30 сентября по 20 октября потеряла около 50 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Согласно записям в дневнике Ф. Гальдера, к 26 сентября все потери немецких сухопутных сил на Востоке с 22 июня 1941 года составили 12 604 офицера и 385 326 унтер-офицеров и рядовых ранеными, убито — 4864 офицера и 108 487 унтер-офицеров и рядовых убитыми и 416 офицеров и 23 273 унтер-офицера и рядовых пропавшими без вести. Всего было потеряно 17 884 офицера и 517 086 унтер-офицеров и рядовых.

С 22 июня до 6 ноября 1941 года потери сухопутных войск Германии составили 15 919 офицеров и 496 157 унтер-офицеров и рядовых ранеными, 6017 офицеров и 139 164 унтер-офицера и рядовых

убитыми и 496 офицеров и 28 355 унтер-офицеров и рядовых пропавшими без вести. Всего было потеряно 22 432 офицера и 663 676 унтер-офицеров и рядовых. Таким образом, общие потери сухопутных войск Германии в период с 26 сентября по 6 ноября 1941 года, когда и проводилась операция «Тайфун», составили 151 138 человек, в том числе 31 850 убитых и 5162 пропавшими без вести. Все это время войска группы армий «Юг» продолжали наступление в Донбассе и Крыму, а группа армий «Север» начала 16 октября наступление на Тихвин.

Но бои на фронтах этих групп армий отличались гораздо меньшей ожесточенностью. С учетом того, что в начале октября в группе армий «Центр» насчитывалось 1 929 406 человек (против примерно 1 миллиона 250 тысяч человек в трех противостоявших ей советских фронтах), на две другие группы армий в тот момент приходилось около 1,5 миллиона человек, или примерно 44 процента личного состава германской армии на Востоке, чья общая численность составляла около 3,4 миллиона человек. Учитывая, что интенсивность боев на фронтах групп армий «Север» и «Юг» была ниже, чем на фронте группы армий «Центр», мы можем предположить, что процент средних ежедневных потерь от общей численности личного состава мог быть в группах армий «Север» и «Юг» вдвое меньше, чем в группе армий «Центр». Тогда потери этой последней в период с 26 сентября по 6 ноября 1941 года можно оценить приблизительно в 78 процентов общих потерь германских сухопутных сил на Востоке за указанный период. В этом случае потери группы армий фон Бока можно определить примерно в 118 тысяч человек, из которых погибло или пропало без вести около 29 тысяч человек. Таким образом, безвозвратные немецкие потери в Вяземско-Брянском сражении оказались ниже безвозвратных советских потерь в 29,5 раза, а общие — в 8,1 раза. Если почти всех пропавших без вести немцев в этом сражении отнести к погибшим (пленных немцев там почти не было), то соотношение по убитым будет 6:1.

В целом причинами поражения советских войск под Брянском и Вязьмой в октябре 1941 года стали: плохая подготовка оборонительных рубежей, из-за того что переход к обороне Западного, Брянского и Резервного фронтов был осуществлен с опозданием; слабая координация действий трех советских фронтов на западном направлении, фактически не имевших единого руководства; неправильное определение направлений главного удара немецких войск; запоздалое разрешение на отход; быстрая потеря управления войсками советскими командирами после прорыва фронта. Вина во всем этом лежит как на Ставке, так и на командовании фронтов.

Советские войска в октябре 1941 года на Московском направлении очень плохо управлялись. Здесь было три фронта, Западный, Резервный и Брянский, командующие которыми практически не координировали своих действий друг с другом. Не осуществляла такой жизненно необходимой координации и возглавляемая И. В. Сталиным Ставка. Еще хуже было то, что войска Западного и Резервного фронтов располагались чересполосно, причем большинство армий Резервного фронта, являясь вторым эшелоном Западного, командующему этим последним не подчинялись, что затруднило ведение оборонительных боев. Из-за недостатка средств радиосвязи и боевого опыта командующие армиями и фронтами больше полагались на проводную связь да на посылаемых в войска делегатов. Но в боевых условиях проводная связь часто рвалась, а делегаты не могли разыскать штабы, часто менявшие место дислокации из-за того, что противник прорвал фронт и приходилось быстро отступать.

Организация командования войсками, прикрывавшими Московское направление, также желало много лучшего. В составе трех фронтов имелось 16 армий, в подчинении которых, в свою очередь, находились 95 дивизий и 13 танковых бригад. На один армейский штаб в среднем приходилось семь с небольшим дивизий и около одной танковой бригады. Это было в полтора-два раза больше, чем в одном немецком армейском корпусе, насчитывавшем от трех до пяти дивизий. После катастрофических поражений первых месяцев войны корпусное звено в Красной армии было ликвидировано — якобы из-за недостатка опытных штабных кадров. Однако на самом деле функции корпусных штабов у нас стали выполнять штабы армий. Неслучайно количество немецких корпусных штабов было примерно равно количеству армейских штабов противостоявших им советских войск. Но на каждый советский штаб приходилось значительно большее число соединений, чем на каждый немецкий, а средств связи было меньше, что только увеличивало хаос.

В ходе Вяземского сражения командующие советскими фронтами, быстро потеряв связь с войсками, направились в те армии, которые, как они думали, подверглись главным ударам противника, оставив свои штабы на прежних местах дислокации. То же произошло и со многими командующими армиями. В результате войска получали противоречащие друг другу приказы и от командующих, и от их штабов, а также от Ставки. Параллельно командующие искали свои штабы, штабы — командующих, а Ставка — и тех и других.

Чисто теоретически, в условиях плохой связи и координации действий оборону вообще разумнее было бы строить в один эшелон. Ведь армии второго эшелона на практике не успели принять участия в отражении немецкого наступления и в своем большинстве погибли в окружении. А так, если бы плотность обороны за счет вторых эшелонов была бы увеличена, немцы потратили на прорыв больше времени и сил и значительной части советских войск, вероятно, удалось бы избежать окружения. Но ни Сталин, ни его генералы и маршалы не хотели признаться даже себе, что по уровню оперативно-тактического мастерства вермахт наголову превосходил тогда Красную армию и что для более успешной борьбы с ним надо было применять тактику слабейших против сильнейших.

Еще один давний грех советской системы, не изжитый и поныне, в полной мере проявился в ходе Вяземско-Брянского сражения. Это — стремление приукрасить действительность в донесениях по начальству и любой ценой оправдать собственные действия (или бездействие). Во времена Сталина неудача в такого рода казенной беллетристике грозила смертью. И, как следствие, в донесениях сначала приуменьшался масштаб немецкого прорыва, поскольку генералы еще рассчитывали контрударами восстановить положение и забывали сообщить в штаб фронта об оставленных городах и станциях. А командующие фронтами и Ставка запаздывали с принятием решения на отход. Потом, когда стал ясен масштаб немецких успехов, в советских донесениях, наоборот, силы противника значительно преувеличивались, чтобы оправдать собственные поражения. Все это затрудняло принятие правильных решений командующими фронтами и Ставкой. К тому же, опасаясь повторить судьбу генерала армии Д. Г. Павлова, расстрелянного вместе с группой генералов за провал на Западном фронте в начале войны, командующие неохотно отводили войска с неатакованных участков фронта, чем только облегчали немцам задачу создания гигантского котла.

Что касается судьбы окруженных под Вязьмой, то, возможно, оптимальным вариантом действий для окруженных было бы не прорываться немедленно, а занять круговую оборону и, получая снабжение по воздуху, ждать помощи извне, отвлекая на себя максимум неприятельских войск. Однако этот вариант можно рассматривать только теоретически. Советских генералов и командиров перед войной не учили вести круговую оборону, так как считалось, что Красная армия будет только наступать. Очень быстро в котлах были потеряны все аэродромы, и ни одна из окруженных группировок даже не пыталась создать долговременную оборону.

Из Вяземского «котла» удалось выйти 85 тысячам человек, а из Брянского — 23 тысячам. Приплюсуем к ним 98 тысяч военнослужащих из 29-й и 33-й армий, избежавших окружения, группы Ермакова и из 22-й армии, в которой была окружена только одна дивизия. Это было все, чем в тот момент располагало советское командование для защиты Москвы. Теперь надежда была только на свежие войска из Сибири и Дальнего Востока и некоторых других внутренних военных округов, спешно перебрасываемые к Можайской линии обороны.

13 октября Жуков, вступив в командование Западным фронтом, тут же издал грозный приказ, где были такие строки:

«В этот момент все как один от красноармейца до высшего командира должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

Ни шагу назад! Вперед за Родину!»

В тот же день Жуков приказал Рокоссовскому включить в 16-ю армию Волоколамский укрепленный район. Штаб армии он предписал разместить в районе Язвище, а КП — в Волоколамске. Жуков приказал «войскам 16,5,43 и 49-й армий Западного фронта перейти к активной обороне на подготовленном рубеже Московским резервным фронтом с задачей не допустить прорыва противника через линию укреплений в восточном направлении», а также, «учитывая особо важное значение укрепрубежа, объявить всему личному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа ВС фронта и армии подлежат расстрелу».

Но уже 19 октября Жукову пришлось подготовить и утвердить в Ставке план отвода войск с Можайской линии обороны.

В ночь на 16 октября, с половины первого до двух часов, у Жукова состоялся неприятный разговор с Рокоссовским:

«*Рокоссовский.* У аппарата Рокоссовский.

Жуков. У аппарата Жуков.

Первое. Что Вам известно о противнике, который утром прорвался и вышел в полосу 16-й армии?

Второе. В чьих руках ст. Волоколамск, где наши там и где противник?

Третье. Почему Вы не обеспечили проводку телефона с Вами?

Четвертое. Что делает 18-я дивизия для того, чтобы задержать продвижение противника?

Рокоссовский. Известно — прорвавшаяся у Руза танковая колонна головой проходила, а ее передовые части к исходу дня вышли на Покровское. В Руза — полк пехоты противника.

2. В районе ст. Волоколамск идет бой с группой прорвавшихся танков и автоматчиков противника. К исходу дня под давлением 29 мд и 2 тд, переходящей трижды в атаку при сильной бомбардировочной авиации противника, понеся большие потери, наши части отброшены к линии железных дорог.

Противником вводилось в бой с направления Осташево 125 танков, уничтожено и подбито 45 танков противника. Противник понес тяжелые потери. Бой был упорный и длился непрерывно с утра до исхода дня. На участке курсантского полка наступление противника было отбито. На направлении Спасс-Помазкино вклинившийся в нашу оборону батальон пехоты противника полностью уничтожен. Положение правого фланга и центра устойчивое. Левый фланг слаб и выдержать напора столь превосходящих сил противника не смог.

Организуем оборону рубежа Волоколамск, р. Лама. Усилить левый фланг нечем. Драться будем до последнего бойца.

В этом бою большие потери понесла наша артиллерия раздавленными и подбитыми орудиями и личным составом.

Беспокоюсь за шоссе Волоколамск на участках к востоку от Волоколамска на Ново-Петровское, ибо прикрыть этот участок у меня нечем. Предполагаю, что вся подвижная группа противника с утра будет обтекать Волоколамск с юго-востока с выходом на шоссе.

3. Телефон находится в ведении НКВД. В нашей просьбе ими нам отказано.

4. 18-я дивизия занимает участок Спас-Нудоль, Ново-Петровское, Ядренево. Один батальон, по вашему приказу, в район Онуфриево с задачей воспрепятствовать продвижению противника на Истра.

<…>

Жуков. Что Вы предполагаете сделать по ликвидации противника, вышедшего в район Покровское?

Рокоссовский. Товарищ командующий, по уничтожении сил противника, вышедшего в этот район и действующих на этом направлении, может быть брошена 28-я тбр. Она еще не прибыла в район Ново-Петровское, но командир бригады был в этом районе и получил приказ уточнить силы противника и в соответствии с этим их атаковать и уничтожить. В случае обнаружения крупных сил противника, действующих в районе Покровское, считаю более целесообразно дать ему бой на рубеже обороны 18-й сд, расстроить его огнем обороны и добить действиями танковой бригады, не выбрасывая танков вперед для самостоятельных действий вне взаимодействия со своими войсками.

Жуков.

1. Замысел противника ясен. Он стремится захватить Ново-Петровское, Истра.

2. Допускать подвижного противника с танками со слабой обороной дивизии двухполкового состава только что сформированной будет неправильно. Такую оборону он сумеет смять прежде, чем будет оказано противодействие.

3. В Ваше распоряжение дается 28-я тбр, которая уже свернута на Покровское.

4. 4-я танковая бригада, которая утром должна быть в районе Онуфриево, 27-я тбр, которая разгружается утром в Истра, четыре бронепоезда: два — для действия в районе ст. Волоколамск, два — на участке Ново-Петровское, с задачей уничтожить мелкие группы противника в районе Покровское и отбросить их на юг, в дальнейшем продвигаясь через Лысково на Руза.

4-й тбр через Онуфриево нанести удар по противнику в районе Старые Клемяницы и, взаимодействуя с 28-й тбр, наносить удар на Руза. Батальон в Онуфриево дать на усиление бригаде. Из района Орешки, Никольское, Коковино наносят удар части 133-й сд.

27-ю танковую бригаду после разгрузки сосредоточить в лесу в районе Жилино в качестве фронтового резерва, но если будет нужно, доложите — бросим и эту бригаду для того, чтобы ликвидировать Рузскую группировку противника.

Ст. Волоколамск, гор. Волоколамск под Вашу личную ответственность тов. Сталин запретил сдавать противнику и по этому вопросу Вам нужно через меня донести тов. Сталину, что Вы сделали для выполнения его приказа.

Не кажется ли Вам, что Ваш КП сейчас оказался не на месте и фронт Ваш посыпался быстрее?

Рокоссовский. Как раз КП оказался на месте, ибо с этого КП мы смогли следить и руководить действиями всех частей. Я лично весь день находился там, где требовала этого обстановка. Это не связано с действиями КП, который обязан обеспечить связь со всеми частями, находясь в таком месте, в котором его работа не прерывалась бы воздействием артиллерии, минометов и отдельных танков противника.

Тов. командующий, прошу уточнить, остаются ли в силе разгранлинии, установленные Вашим приказом от 21.10.41 № 00 358, и на кого возлагается операция по разгрому группировки противника, прорвавшейся из района Руза, так как этот район входит в полосу моего соседа слева?

Относительно 4-й тбр мне ничего не известно, где она находится — я не знаю. Руководить этой операцией для меня затруднительно, так как, из Ваших слов, я должен буду руководить операциями у Волоколамска.

Что касается этого пункта — я Вам уже докладывал, что будем драться до последнего бойца, но прошу учесть, что силы неравные, противник превосходит три раза в пехоте, плюс танковые соединения. Усилить это направление ничем не могу. Будем продолжать бой тем же составом, который участвовал сегодня, и сильно поредевшим.

Сейчас получил сообщение о выдвижении в сторону Волоколамска с запада 109, 101-й пд противника, это еще более усугубляет наше положение. (В действительности дивизии с номером 109 в вермахте вообще не было, а 101-я легкая пехотная дивизия хотя и существовала, но в октябре 1941 года действовала на Украине. — *Б. С.)*

Жуков. Вы напрасно теряете время. Десять раз докладываем, что неимоверные силы противника и ничтожные силы Вашей армии, — это не полагается командующему. Нам отлично известно и Правительству известно, что есть у Вас и что у противника. Вы исходите не из страха, который еще весьма сомнителен, а исходите из задачи и тех реальных сил, которые Вы имеете. Приказы Правительства и командования нужно выполнять без всяких предварительных оговорок.

Второе. Ваша граница с 5-й армией остается, как это указано в приказе, но противник выходит на Ваше Ново-Петровское, где развернута Ваша 18-я сд. Первые действия будут происходить на Вашей территории. Если будет успех, то противник, видимо, отойдет на Руза на территорию Вашего соседа. Для преемственности обстановки и для увязки взаимодействия от 5 А, откуда идет 4-я танковая бригада, послан вместе с бригадой заместитель командующего 5-й армией генерал-лейтенант Богданов.

Поскольку это дело происходит на стыке, тут требуется организация взаимодействия. От фронта будет выслан, очевидно, Маландин, который будет к рассвету в Ново-Петровское. Не плохо было бы за счет правого фланга 18-й дивизии усилить поддержку 28-й танковой бригады со стороны Ново-Петровское на Покровское.

Все ли ясно?

Рокоссовский. Все ясно.

Жуков. Ведите разведку и с раннего утра систематически докладывайте. Телефон прикажите немедленно поставить, и Вы напрасно сдаетесь НКВД. Командуем мы, а не НКВД. Вы должны были доложить мне немедля. Донесите срочно, кто конкретно отказался поставить телефон.

Рокоссовский. Есть, тов. командующий. Доношу, что приказание двухкратное не выполнили они.

Жуков. Сейчас получил данные: 28-я бригада сосредоточилась в Ново-Петровское, где после заправки спустится на Покровское. Берите в свои руки. Все.

Рокоссовский. Есть».

Вероятно, ссылка на НКВД потребовалась для оправдания отсутствия телефонной связи со штабом Западного фронта — чтобы начальство не докучало лишний раз.

Волоколамск считался одним из ключевых пунктов советской обороны на пути к Москве, Ставка и лично Сталин придавали его удержанию особое значение. Рокоссовский и его комдивы делали все, чтобы удержать город.

Член военного совета 16-й армии А. А. Лобачев вспоминал, как протекали бои за Волоколамск: «По плану, предложенному В. И. Казаковым, наша армия перехватывала Волоколамское шоссе двумя противотанковыми районами. Первый из них опирался на Спас-Рюховское, второй был оборудован у станции Волоколамск. На переднем крае, а также на танкоопасных направлениях в глубине обороны создавались противотанковые опорные пункты с несколькими орудиями ПТО. В ходе боя предполагалось маневрировать взрывными противотанковыми заграждениями. С этой целью создавались истребительные отряды, включавшие взвод саперов. Каждый такой отряд имел 100–105 противотанковых мин, бутылки с горючей смесью и гранаты. Саперы действовали героически…

Полк И. В. Копрова, приняв удар огромной силы, оказался в очень сложном положении. Часть его подразделений, подобно роте Маслова, еще держалась в опорных пунктах, другие же вели бои. Бойцы поджигали танки, пропуская их через боевые порядки, и тут же уничтожали немецкую пехоту. В район прорыва на Княжево — Игнатково несколькими эшелонами ринулось около ста танков и два батальона автоматчиков.

Танки ворвались в Игнатково, где был штаб 1075-го полка. Начальник штаба капитан Манаенков возглавил бой за деревню, подорвал гранатами два танка и, укрывшись с бойцами в сарае, отбивался до последнего патрона. Гитлеровцы подожгли сарай. Никто из него не вышел с поднятыми руками».

По свидетельству Лобачева, Рокоссовский находился в 316-й дивизии, на которую пришелся главный удар, чтобы при необходимости подкрепить ее чем можно:

«Командарм находился на НП у генерала Панфилова. Комдив только что отдал приказ остаткам двух батальонов полка отойти на северный берег Рузы и закрепиться в траншеях, откопанных учебным батальоном. Этот батальон — единственный резерв комдива — побывал в тяжелом бою за Осташево. Часть деревни уже захватили немецкие танкисты. Командир батальона капитан Лысенко сам повел одну из рот своего учебного батальона в контратаку. Но разве могли бойцы, вооруженные бутылками с горючей смесью, справиться с несколькими десятками танков? Капитан погиб смертью героя. Рокоссовский приказал немедленно двинуть в Спас-Рюховское 289-й противотанковый полк. Уцелевшие бойцы 296-го полка по его распоряжению были отведены в Становище.

Туда же Панфилов направил выходивший с левого фланга второй стрелковый батальон Решетникова.

— Этими силами вы не удержите Становище, — сказал Рокоссовский. — А его надо во что бы то ни стало удержать…

— Люди отдохнут за ночь. Больше у меня, товарищ командующий, ничего нет. Направлю туда всех, кто уцелел из учбата…

Не взяв Спас-Рюховское, противник пробивался в обход. 289-й полк отвели на новые позиции. В неравный бой против танков вступил теперь 290-й артполк в Рюховском. К исходу дня оба противотанковых полка, теснимые врагом, встали близ станции Волоколамск и держались здесь до ночи. Эти полки первыми среди артиллерийских частей Советской Армии удостоились почетного звания гвардейских.

Ночью Рокоссовский приказал 316-й дивизии отойти на восточный берег Ламы. Здесь вместе с 690-м полком панфиловцы еще в течение двух суток сдерживали превосходящие силы вражеских войск. Боевые действия продолжались вплоть до 27 октября. В этот день, после сильной авиационной и артиллерийско-минометной подготовки, противнику удалось прорвать оборону 690-го полка и к 16 часам захватить Волоколамск».

Рокоссовский требовал от командира 316-й дивизии И. В. Панфилова удержать Волоколамск, но силы были неравны. Командарм и член военного совета много времени проводили в 316-й дивизии, стараясь помочь Панфилову организовать оборону.

В докладе начальника артиллерии 16-й армии В. И. Казакова о действиях противотанковой артиллерии на Волоколамском направлении, составленном в конце октября, отмечалось:

«В период с 15.10 по 22.10 противник, предпринимая неоднократные танковые, а затем пехотные с танками атаки, прорвал левый фланг обороны 16 армии (а вернее, оттеснил в силу малочисленности нашей пехоты, занимающей оборону… в одну линию ротных опорных пунктов без вторых эшелонов и резервов) на участке Бабошино, свх. Болычев, потеряв более 80 танков и большое количество пехоты, овладел рубежом Кузьминское, Чертаново, Милованье. В результате боев наши пехотные части (1075 сп и подразделения левого фланга 1073 сп) были рассеяны. С 22 по 24.10.41 г. в результате больших потерь в танках и пехоте на этом участке противник наступление прекратил…

В 10.30 25.10 боевые порядки 296 артиллерийского полка одновременно с направлений Дубосеково, Спас-Рюховское, Ивлево подверглись атаке противника силою до 80 танков и до одного пехотного полка. Полк открыл организованный артиллерийский огонь как по танкам, так и по пехоте противника. В результате огня уничтожены 16 танков и до 2-х рот пехоты. Прорвав незначительные силы пехоты, находившейся на этом участке, танки и пехота противника вышли непосредственно на огневые позиции батарей. Личный состав орудий стал нести большие потери от автоматического и пехотного огня противника. 6 орудий полка… были раздавлены танками и уничтожены их огнем. Видя бесполезность пребывания на этом рубеже, командир полка отдал приказ о выводе материальной части на южную окраину ст. Волоколамск, где и перейти к обороне…

Из действий артиллерии можно сделать следующие выводы:

1) Артиллерия совершенно не имела потерь от танков и имела совершенно незначительные потери от авиации противника (несмотря на интенсивную бомбардировку — 25 самолетов) как в личном составе, так и в материальной части до тех пор, пока не понесла тяжелых потерь от пехоты и автоматчиков противника, зашедших на фланги и в тыл боевых порядков артиллерии.

2) При нормальном наличии нашей пехоты для прикрытия орудий артиллерия не имела бы таких тяжелых потерь, а противник имел бы большие потери в танках и пехоте, так как при этих условиях артиллеристам не пришлось бы раздваивать своего внимания для отражения наступающей за танками пехоты, т. е. вести огонь шрапнелью на картечь.

3) Пехотные подразделения в силу их малочисленности не могли обеспечить фронт, фланги и даже тыл боевых порядков артиллерии. Только смелость личного состава 3-й батареи 768 ап ПТО и правильное решение командира и комиссара батареи обеспечили вывод материальной части и личного состава из создавшейся тяжелой обстановки для этой батареи».

При объективном анализе процитированных документов становится ясно, что никакой вины Рокоссовского в сдаче Волоколамска нет. Решающую роль сыграли абсолютное превосходство немцев в танках (их в тот момент в армии Рокоссовского вообще не было) и господство люфтваффе в воздухе. Предложение штаба Западного фронта начать уличные бои в Волоколамске силами местных рабочих, военному делу необученных, Рокоссовский, слава богу, претворять в жизнь не стал. Это привело бы лишь к напрасным жертвам среди гражданского населения, но не предотвратило бы падения города. Фронт 16-й армии был слишком широк для того количества пехоты и артиллерии, которое входило в ее состав. Даже при концентрации основной массы артиллерии на наиболее танкоопасных направлениях нельзя было гарантировать надежную противотанковую оборону. К тому же для прикрытия артиллерии не хватало пехоты. Резервов у Рокоссовского не было, а предложение создать их за счет кавгруппы Л. М. Доватора было слишком рискованным: кавалеристам, имевшим мало артиллерии, было трудно сражаться с танками.

Несправедливы и упреки И. В. Панфилову в том, что он поставил менее стойкий 690-й полк на направлении главного удара противника. Просто немцы, обладая лучшей маневренностью и господством в воздухе, смогли нащупать слабейшее место в обороне и осуществить там прорыв. То, как это происходило, хорошо показано в мемуарах Лобачева.

Главным было то, что армия Рокоссовского две недели сдерживала врага, резко замедлив его продвижение, и тем выиграла время для создания новых оборонительных линий и подхода резервов.

Сам Рокоссовский так описывал октябрьские бои за Волоколамск:

«Утром 16 октября противник нанес удар танковыми и моторизованными соединениями на левом фланге нашей армии — как раз там, где мы предполагали и где с особенной тщательностью готовились его встретить.

Только на этом участке враг сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. Главный удар пришелся по 316-й дивизии Панфилова, передний край которой проходил в 12–15 километрах от Волоколамского шоссе».

При этом маршал отмечал:

«На севере противник, продолжая наступление, 14 октября овладел Калинином, оттеснил правофланговые части 30-й армии, глубоко продвинулся на восток вдоль северного берега Московского моря… Фашистам удалось значительно потеснить и правый фланг другого нашего соседа — 5-й армии. Противник овладел Можайском и Рузой, продвинулся к востоку непосредственно на участке, примыкавшем к нашей полосе обороны, и обошел Волоколамск с юга.

В это же время после нескольких дней упорных боев отошел к востоку от рубежа реки Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. Значит, и с этой стороны врагу удалось занять нависающее положение. И наконец 27 октября, введя крупные силы танков и пехоты при поддержке артиллерии и авиации, противник овладел Волоколамском. Но попытка врага перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена решительными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся к бою кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией».

Ночью 30 октября Жуков специальной директивой отменил приказ Рокоссовского о придании стрелковым дивизиям танковых бригад. В директиве утверждалось:

«1. Придачей 316, 18 сд танковых бригад Вы лишились единственного средства маневра, и стрелковые дивизии очень быстро растреплют танковые бригады, а потому Ваш приказ о придаче дивизиям танкбригад отменить немедля и держать 4 тбр за обороной 316 сд по шоссе Волоколамск, Ново-Петровское, 28 тбр держать против Скирманово, усилив ее стрелковыми и противотанковыми средствами.

2126 сд 30.10 подтянуть на рубеж Укино, Новое Елгозино, Парфенькино, Стешино, Аксениха, где и расположить ее в обороне, глубже закопав в землю и усилив оборону инженерными и противотанковыми средствами.

3. Атаки и контратаки, впредь до создания упорной обороны… не проводить. Танковые бригады использовать только в засадах».

Между тем решение Рокоссовского использовать танковые бригады в качестве непосредственной поддержки пехоты в принципе было правильным. Вероятно, опыт первых месяцев Великой Отечественной войны, в том числе боев его механизированного корпуса на Украине, убедил Константина Константиновича в том, что массированное применение советских танков против немцев вело только к напрасным потерям, особенно в условиях господства неприятельской авиации в воздухе и превосходстве немцев в подготовке танковых экипажей и командиров. Использование же танков рассредоточенно, для непосредственной поддержки пехоты, уменьшило бы советские потери в бронетехнике, во многом свело бы на нет немецкое преимущество в подготовке танкистов и умении организовать танковый бой, а также уменьшило бы значение господства люфтваффе над полем боя. Но Жуков на Халхин-Голе добился успеха именно благодаря массированному использованию танков и теперь надеялся с помощью той же тактики достичь успеха в борьбе с немцами. Однако против германской армии, обладавшей большим количеством танков и противотанковых средств, массовое применение танков себя не оправдывало — в немалой степени потому, что Жуков предлагал использовать танковые бригады в отрыве от стрелковых дивизий, а это делало танки уязвимыми для германских противотанковых средств.

В конце октября немцы овладели Можайской линией обороны. Дальнейшее продвижение остановили распутица и упорное сопротивление советских войск. Вот как виделись эти события с немецкой стороны. 14 октября 1941 года, в день, когда Рокоссовский со штабом 16-й армии прибыл в Волоколамск, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок записал в дневнике:

«Сегодня утром пришла новая директива от Верховного командования сухопутных сил. Она не содержит ничего нового, за исключением одного пункта: Верховное командование сухопутных сил, которое носится с идеей захвата Воронежа, предложило рассмотреть идею захвата города силами правого крыла группы армий. Кроме того, группа армий получила приказ сконцентрировать все силы

9-й армии, за исключением 3-й танковой группы, по линии Калинин — Старица — Торжок и готовиться к движению в северном направлении через Вышний Волочек с целью уничтожения русских войск, противостоящих южному крылу группы армий „Север“. Я сообщил Векману (начальнику штаба 9-й армии. — *Б. С.)* о драматических изменениях, которые должны претерпеть его планы, а также о причинах, побудивших Верховное командование сухопутных сил их изменить. Подобно тому, как это было после Смоленска, группу армий обрекают на распыление сил и наступление в нескольких разных направлениях, ослабляя тем самым ее наступление на направлении главного удара».

Бок понимал, что подобное распыление сил в условиях, когда Красная армия еще отнюдь не добита, грозит конечным поражением. Он считал, что целесообразным было бы сосредоточить все силы для скорейшего захвата Москвы, но вынужден был подчиниться Гитлеру, без одобрения которого Браухич бы не посмел издать соответствующую директиву. Тем не менее Боку удалось в течение последующих нескольких дней убедить главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича, что его войска должны сперва разделаться с московской группировкой советских войск, а только потом повернуть к Воронежу и Вышнему Волочку. 22 октября он записал в дневнике: «Браухич снова перевел разговор на Воронеж. Мне предлагалось ответить на вопрос, целесообразно ли посылать в направлении Воронежа южный корпус группы Гудериана. Я дал на этот вопрос письменный ответ, заявив, что наступление 2-й танковой армии на Тулу представляет для меня большую важность и что мне нужна 2-я армия целиком, особенно учитывая то обстоятельство, что боевые возможности танковых и моторизованных дивизий многократно снизились и не превышают боевых возможностей полков. Под конец я заметил, что на востоке от Курска части корпуса обязательно увязнут в грязи — точно так, как они в настоящее время купаются в грязи на западе от этого города».

30 октября Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) окончательно отказалось от идеи окружения войск советского Северо-Западного фронта. Теперь северное крыло группы армий «Центр» наступало в обход Москвы. Оно даже было усилено одной дивизией из группы армий «Север». В этот день Бок записал в дневнике: «Единственное отличие между устными распоряжениями от 28 октября и полученными нами сегодня директивами заключается в том, что теперь вся 4-я танковая группа должна наступать в северо-восточном направлении вместе с 3-й танковой группой, обходя Москву с севера, и что 253-я дивизия должна быть передвинута с правого крыла 16-й армии в сектор 9-й армии». При этом он повторил: «Инфильтрация противника в разрыве между 4-й и 9-й армиями усиливается. Это источник моих самых больших беспокойств в настоящее время». На этом направлении действовала армия Рокоссовского.

19 октября фон Бок записал в дневнике:

«Войска группы армий постепенно начинают застревать в грязи и болотах. 3-я танковая группа почти не получает горючего». В тот же день генерал-фельдмаршал решил наступать на Москву через Волоколамск, в связи с чем записал в дневнике: «Чтобы как-то обеспечить и поддержать продвижение войск в общем направлении на Москву, я приказал очистить дорогу, ведущую с юга к Калинину, и использовать ее для переброски корпуса с правого крыла 9-й армии к Волоколамску с целью позднейшего присоединения его к 4-й армии».

25 октября Бок впервые отметил усиление сопротивления со стороны войск Рокоссовского:

«Перед фронтом 4-й армии сопротивление противника усиливается. Русские подтянули свежие силы из Сибири и с Кавказа и начали контрнаступление по обе стороны от дороги, которая ведет к юго-западу от Москвы. Южная половина 4-й армии, большая часть артиллерии которой застряла в грязи и к фронту не подошла, была вынуждена перейти к обороне. На северном крыле армии левый фланг танковой группы в кооперации с 5-м корпусом медленно продвигается к Волоколамску. Чтобы скоординировать действия войск в этом секторе, я передал 5-й корпус в подчинение 4-й армии. Под Калинином продолжаются мощные атаки русских». 16-й советской армии приходилось отражать атаки 5-го армейского корпуса и частей танковой группы.

27 октября Бок с удовлетворением отметил: «На северном крыле (4-й армии. — *Б. С.)* доблестный 5-й корпус захватил Волоколамск». Но на этом успехи на этом направлении и закончились. Немецкое наступление остановилось из-за распутицы и возросшего сопротивления советских войск. На следующий день в дневнике фон Бока появилась запись: «4-я армия получила указание готовиться к сильным заморозкам, чтобы иметь возможность не теряя зря времени атаковать даже при таких условиях в северном и южном направлениях от магистрального шоссе. В дальнейшем ей предлагается развернуть свое северное крыло и атаковать в направлении Клина». Генерал-фельдмаршала беспокоило то, что разрыв между 5-м корпусом у Волоколамска и немецкими войсками в районе Калинина превышал 70 километров. Однако ликвидировать этот разрыв было невозможно. 29 октября Бок зафиксировал «мощные атаки русских в районе московского шоссе». И на следующий день добавил: «Инфильтрация противника в разрыве между 4-й и 9-й армиями усиливается. Это источник моих самых больших беспокойств в настоящее время».

Практически из-за распутицы немецкое наступление остановилось уже 31 октября. В этот день Бок признал, что «до начала серьезных заморозков о наступлении не может быть и речи». Еще генерал-фельдмаршал отметил 31 октября: «Наши потери растут. В зоне ответственности группы армий более двадцати батальонов находятся под командой лейтенантов». Немцы продолжали лишь атаки местного значения, но и они сталкивались с возросшим сопротивлением советских войск. 2 ноября Бок отметил возросшее сопротивление в районе Волоколамского шоссе: «Локальная атака частей 4-й армии вдоль магистрального шоссе встретила ожесточенное сопротивление».

Командующий Западным фронтом Жуков не останавливался перед самыми суровыми мерами, чтобы не допустить отхода войск с занимаемых позиций. Так, 3 ноября, уже после того, как немецкое наступление на Москву было остановлено, он издал приказ о расстреле перед строем командира и комиссара 133-й стрелковой дивизии подполковника А. Г. Герасимова и бригадного комиссара Г. Ф. Шабалова за сдачу без приказа Рузы. В тот же день Жуков приказал Рокоссовскому использовать кавгруппу генерала Л. М. Доватора для предотвращения окружения правофланговой группировки 16-й армии. Рокоссовскому предписывалось «срочно закрыть дорогу на Покровское и сосредоточить группу Доватора для действий в стыке между 316 сд и Ново-Петровской группировкой». Конники Доватора должны были «выдвинуться на юг и активными действиями противодействовать развитию действий противника» между Волоколамском и Ново-Петровским.

Морозы, наступившие во вторую неделю ноября, частично нейтрализовали последствия распутицы. Немецкое командование стало готовиться в середине ноября возобновить генеральное наступление на Москву. Но Бок теперь не слишком верил, что в ходе предстоящего наступления удастся захватить советскую столицу. 11 ноября, за пять дней до его начала, он записал в дневнике:

«Это наступление ни в коем случае не станет шедевром стратегического искусства, поскольку передвижения войск до самого последнего времени были практически сведены к нулю из-за непролазной грязи, а через некоторое время они станут невозможными из-за снегопадов. При таких условиях нам могут помочь только сосредоточенные атаки в направлении наиболее тактически выгодных пунктов. И с этими атаками нельзя затягивать, так как я опасаюсь, что погодные условия снова могут помешать нашим планам. Как только выпадет глубокий снег, все передвижения закончатся».

Кое-как немцам все-таки удалось подготовить наступление к 16 ноября, но проводилось оно, что называется, на последнем дыхании. 11 ноября Бок отметил: «Для 9-й армии: дата наступления 15 ноября. Задача: выход к Ламе и Волжскому водохранилищу. Если атака будет развиваться успешно, задача номер два — выход на линию Теряево — Клин — Завидово. 5-й корпус получил приказ захватить господствующие высоты под Теряевом, как только 9-я армия начнет атаковать через Ламу». Советское командование попыталось упредить противника.

В составе 16-й армии Рокоссовского в тот момент насчитывалось четыре стрелковые дивизии, шесть кавдивизий, четыре танковые бригады и одна танковая дивизия. Численность армии составляла примерно 50 тысяч бойцов, они располагали 287 полевыми и 180 противотанковыми орудиями, 300 минометами и 150 танками на фронте в 70 километров. Противостоявшая ей немецкая группировка насчитывала, по оценкам советского Генштаба, 44 тысячи бойцов, 350 полевых и 280

противотанковых орудий, 400 минометов и 400 танков. Против армии Рокоссовского действовала 4-я танковая группа генерал-полковника Эриха Гёпнера в составе 2, 5, 10 и 11-й танковых дивизий, 106-й и 35-й пехотных дивизий, а также моторизованной дивизии СС «Рейх». 2-я танковая и 106-я пехотная дивизии должны были наступать на Солнечногорск с обходом Истринского водохранилища с севера. 5, 10 и 11-я танковые дивизии и дивизия СС «Рейх» составляли ударную группировку, наносившую удар из района Волоколамска на Солнечногорск и Истру.

15 ноября немцы потеснили соседа Рокоссовского справа — 30-ю армию Калининского фронта. В образовавшийся разрыв между 30-й и 16-й армиями для предотвращения прорыва пришлось ввести кавалерийские части. Тем временем Жуков приказал Рокоссовскому ударить во фланг и тыл Волоколамской группировке противника, чтобы сорвать ожидавшееся немецкое наступление из района Волоколамска.

Константин Константинович вспоминал:

«В конце октября и начале ноября немцы захватили у нас на левом фланге несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово. Гитлеровцы нависли с юга над магистралью Волоколамск — Истра. Они не только простреливали ее артиллерийским огнем, но и могли в любое время перехватить и выйти в тыл основной группировке нашей армии на этом направлении.

Обязательно нужно было изгнать противника из Скирманово и заблаговременно ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И. А. Плиева, 18-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Чернышева и танковой бригады М. Е. Катукова, недавно прибывшей к нам. Привлекли также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов.

Риск был в том, что мы решились на это дело в предвидении начала вражеского наступления. Как говорится, нужда заставила. Но в этом были и определенные преимущества: немецкое командование вряд ли могло предположить, что мы рискнем…

Бои за Скирманово — с 11 по 14 ноября — прошли очень удачно. Артиллеристам, минометчикам и „катюшам“ удалось нанести фашистам большой урон, а дружные атаки пехоты, поддержанные танками, довершили дело. Большую пользу принесла, во-первых, сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся ночью перед атакой в расположение противника, а во-вторых, выдвинувшиеся во фланг и почти в тыл гитлеровцам кавалеристы такого боевого генерала, как Плиев. Правда, герои конники сами попали в трудное положение, поскольку после завершения операции им пришлось с боем пробиваться назад. Но сражаться в тылу врага им было не впервой, и свое дело они выполнили с честью.

Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения, был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад. На поле боя враг оставил до пятидесяти подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-миллиметровых пушек, минометы, сотни автомашин».

Перед началом последнего немецкого наступления на Москву в состав 16-й армии, по словам Рокоссовского, входили «прибывшие из Средней Азии 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии (в каждой 3 тысячи человек)», которые составили второй эшелон обороны. При этом «лошади оказались не перекованными к зиме, а в Подмосковье грунт уже замерз, на заболоченных местах появился лед, и это затрудняло передвижение конницы. Бойцы и командиры дивизий еще не имели навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности». Кроме того, в состав армии вошла прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова. По воспоминаниям Белобородова, Рокоссовский говорил ему: «Выбить у немца танки — главная наша задача». И еще Константин Константинович говорил: «Твой резерв — это твой маневр. Не торопись лишать себя маневра».

Тут как раз пришлось наносить контрудар. Рокоссовский вспоминал:

«Неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом — нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской группировке противника. Срок подготовки определялся одной ночью. Признаться, мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ. Сил мы могли выделить немного, времени на подготовку не отводилось, враг сам готов был двинуться на нас. Моя просьба хотя бы продлить срок подготовки не была принята во внимание.

Как и следовало ожидать, частный контрудар, начатый 16 ноября по приказу фронта, принес мало пользы. На первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте армии. Нашим выдвинувшимся вперед частям пришлось поспешно возвращаться. Особенно тяжело было конной группе Л. М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира конники вырвались и избежали полного окружения.

Еще готовясь к этой операции, мы перенесли командный пункт армии в Теряеву Слободу. Немецкая авиация нас здесь основательно побомбила. Сильно пострадали оперативный и разведывательный отделы».

На самом деле войска 16-й армии начали контрнаступление еще 15 ноября, но потерпели неудачу. В тот день Рокоссовский бросил в атаку 58-ю танковую дивизию, только что прибывшую с Дальнего Востока и не успевшую провести разведку местности и расположения противника. Наступать пришлось по болоту, много танков завязло, вышло из строя, остальные были расстреляны с замаскированных артиллерийских позиций. В результате дивизия безвозвратно потеряла 157 танков из 198 и 1731 человека убитыми и ранеными — треть личного состава. Рокоссовский во всем обвинил командира дивизии полковника Котлярова, который, не выдержав, застрелился, оставив предсмертную записку своему заместителю: «Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Не хочу нести ответственность за блядство. Отходите, Ямуга, за противотанковое препятствие. Спасайте Москву. Впереди без перспектив». В мемуарах Рокоссовский лишь мимоходом упомянул: «Получили мы… 58-ю танковую дивизию почти совсем без боевой техники». Но прибыла-то дивизия с двумя сотнями танков, а вот после своей первой и последней атаки, предпринятой по опрометчивому приказу командарма, действительно осталась без техники.

Проведенная тогда же атака двух кавалерийских дивизий, 17-й и 44-й, на успевшие окопаться немецкую пехоту и танки окончилась еще трагичнее. Сохранилось описание этого боя в журнале боевых действий немецкой 4-й танковой группы: «…Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов… Но вот три шеренги всадников двинулись на нас. По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей… Первые снаряды разорвались в гуще атакующих… Вскоре страшное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади… Трудно разобрать, где всадники, где кони… В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов…»

Немцы не верили, что атаку повторят, но ошиблись. Опять предоставлю слово историографу 4-й танковой группы: «И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь… Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой». Эту атаку 17 ноября отметил в своем дневнике и фон Бок: «Отчаянная атака трех сибирских кавалерийских полков в секторе 5-го корпуса была отражена с большими потерями для русских».

В результате 44-я дивизия погибла почти полностью, а 17-я потеряла три четверти личного состава. Несколько дней спустя, уже на фронте другой армии, 17-я дивизия отошла без приказа, не выдержав натиска противника (а как она могла обороняться после того сокрушительного разгрома?). Командира и комиссара дивизии предали суду. Опять нашлись стрелочники! Характерно, что Константин Константинович никого не судил за неудачный контрудар. Опытный кавалерист Рокоссовский хорошо знал, что посылать кавалеристов в атаку в конном строю на открытой местности на укрепившегося противника — значит обрекать их на верную гибель. Тем более сам же отметил в мемуарах, что лошади не были перекованы к зиме, а кавалеристы не имели навыка

действий на лесисто-болотистой местности. Конечно, на него давил Жуков, но все-таки и вина Константина Константиновича тут была.

16-я армия начала наступление в 10 часов утра 16 ноября на своем правом фланге. Но и немецкое командование одновременно повело наступление на левофланговые соединения армии Рокоссовского силами 5-й танковой дивизии. Немецкий удар пришелся встык между 316-й стрелковой дивизией и кавгруппой Доватора. Германская сторона, в отличие от дивизий Рокоссовского, имела серьезный успех. Именно тогда немцам удалось нанести поражение дивизии И. В. Панфилова у разъезда Дубосеково.

16 ноября Бок указал в дневнике, что «9-я армия доложила, что атаковавший сегодня 56-й корпус продвинулся вплоть до Ламы». Знаменитый бой 28 гвардейцев-панфиловцев у разъезда Дубосеково, в котором они будто бы уничтожили 18 немецких танков, немцы просто не заметили ни в этот, ни в последующие дни. В действительности 16 ноября оборонявшаяся у Дубосекова 4-я рота 1075-го стрелкового полка, насчитывавшая 120–140 бойцов, была практически полностью уничтожена, успев повредить не более 5–6 вражеских танков, а 1075-й был разбит и, потеряв 400 человек убитыми, 600 человек пропавшими без вести и 100 человек ранеными, отступил в беспорядке. От 4-й роты уцелело 20–25 человек во главе с командиром капитаном Гундиловичем (он погибнет полгода спустя). Ни Панфилов, ни Рокоссовский ничего о подвиге 28 героев-панфиловцев в своих донесениях не писали. Этот случай выдумали газетчики, а затем он обрел статус факта; были даже наугад выбраны 28 фамилий бойцов 1075-го полка, которым и присвоили посмертно звания Героев Советского Союза. Этот газетный миф был повторен и в вышедшем в 1943 году под грифом «секретно» описании Московской битвы, выполненном в советском Генштабе. Впоследствии выяснилось, что некоторые из них никогда не участвовали в бою 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково, а другие уцелели, попали в плен и даже успели послужить в немецкой полиции или «добровольными помощниками» в вермахте. Но это уже совсем другая история, далеко не героическая.

Как раз 16 ноября Жуков и Булганин ходатайствовали перед Ставкой о преобразовании 316-й стрелковой дивизии в гвардейскую и награждении ее орденом Красного Знамени за успешные бои 20–27 октября под Волоколамском, в которых бойцы Панфилова будто бы уничтожили до 80 танков противника и несколько батальонов пехоты. Поэтому докладывать о неудачном бое частей дивизии в тот же день, 16 ноября, было бы не с руки. Вдобавок сам Панфилов через день погиб, и связывать его имя с поражением было неудобно, тем более что оно было тут же присвоено 8-й гвардейской дивизии.

Все последующие дни 16-я армия Рокоссовского с боями отступала. Военный совет фронта 21 ноября в своей директиве, оценивая создавшуюся особо серьезную обстановку, характеризовал ее следующим образом:

«Борьба за подступы к Москве за последние шесть дней приняла решающий характер. Противник шесть дней напрягает последние усилия, собрав резервы, и ведет наступление на фронте 30, 16, 5 и 50-й армий. Опыт борьбы за шесть дней показывает, что войска понимают решающее значение происходящих ожесточенных сражений. Об этом говорит героическое сопротивление, переходящее в ожесточенные контратаки доблестно дерущихся 50-й и 53-й кавалерийских дивизий, 8-й гвардейской и 413-й стрелковых дивизий, 1-й гвардейской, 27-й и 28-й танковых бригад и других частей и соединений. Однако имели место факты нарушения отдельными командирами известного приказа о категорическом, под страхом немедленного расстрела, запрещения самовольного отхода с занимаемых позиций. Такой позорный факт допустили командиры и комиссары из 24-й кавалерийской дивизии. Теперь, когда борьба за Москву вступила в решающую стадию, самовольное оставление позиций равносильно предательству и измене Родине…»

Уже в тот день фон Бок всерьез засомневался в том, что его войскам удастся взять Москву. В этот день он записал в дневнике:

«В целом атака несколько жидковата, и ей явно не хватает глубины. Исходя из числа задействованных в ней дивизий в чисто теоретическом аспекте, соотношение сил сейчас ничуть не менее благоприятное, нежели это бывало прежде. Но на практике, принимая во внимание резкое

падение боеспособности войск — в некоторых ротах осталось лишь по 20–30 человек, — тяжелые потери среди строевых офицеров, а также чрезмерную растянутость частей по фронту и наступающие холода, перед нами предстает совсем другая картина. Тем не менее мы, несмотря ни на что, все еще в состоянии отрезать и окружить несколько дивизий противника на западе от Истринского водохранилища. Сомнительно, однако, чтобы нам удалось продвинуться дальше. Противник, что естественно, будет стягивать все, чем он еще располагает, к Москве. Однако мои войска к сосредоточенным мощным атакам в настоящее время неспособны».

23 ноября начальник штаба Западного фронта Н. Д. Соколовский приказал штабу 16-й армии организовать контрудар группы Доватора по тылам противника, действующего против Солнечногорска. В ночь на 24 ноября Клин был занят немцами. Часть оборонявших его войск 30-й армии попало в окружение. Бывший шофер Рокоссовского Сергей Иванович Мозжухин вспоминал: «В ноябре 1941 г. мы вырвались на машине из горящего Клина, в который уже вошли фашистские танки. Всякое было. Я знал одно: что бы ни случилось, надо держать машину в исправности и любой ценой оберегать командарма. Сколько раз мы уходили от смерти! Ночевали в машине — он сзади, я — спереди».

24 ноября Бок отметил в дневнике: «46-й танковый корпус достиг Истринского водохранилища. На юге от Солнечногорска противник оказывает ожесточенное сопротивление». 126-я стрелковая дивизия, остатки курсантского полка, 25-я и 31 — я танковые бригады сумели вырваться из окружения. Ведя ожесточенные бои в течение 25 и 26 ноября с 106-й пехотной и 2-й танковой дивизиями, они отошли на рубеж Борисо-Глебское, Толстяково, Тимоново.

С приближением немцев к Истринскому водохранилищу его водоспуски были взорваны, в результате чего образовался водяной поток высотой до 2,5 метра на протяжении до 50 километров к югу от водохранилища. Попытки немцев закрыть водоспуски успехом не увенчались. Рокоссовский предлагал заранее отвести войска за водохранилище, чтобы подготовить оборону за этой внушительной водной преградой. Однако Жуков запретил отход.

По этому поводу Рокоссовский писал в мемуарах:

«Тщательно все продумав и всесторонне обсудив возникший план со своими помощниками, я ознакомил с ним Главнокомандующего фронтом. Попросил разрешить нам отвести войска на выгодный рубеж, не ожидая, пока противник силой опрокинет с трудом оборонявшиеся войска и на плечах форсирует и реку, и водохранилище.

Командующий не принял во внимание всей целесообразности моей просьбы и приказал не отходить ни на шаг… Такое выражение, между прочим, стало модным в то время. Причем чаще всего оно произносилось теми лицами, которые, находясь вдали от событий, не видели и не знали, как они развиваются, где и в каких условиях происходит то или иное сражение. Стоять насмерть и умереть нужно с умом, только тогда, когда этим достигается важная цель, лишь в том случае, если она, смерть немногих, предотвращает гибель большинства, обеспечивает общий успех. Но в данном случае такая необходимость не существовала и командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков был не прав.

Привожу дословно содержание короткой, но грозной шифровки Жукова: „Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать“.

На Жукова это было похоже. В этом его распоряжении чувствовалось: я — Жуков. Его личное „я“ очень часто превалировало над общими интересами.

Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто давал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а „волевой“ документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько бед приносили войскам эти „волевые“ приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!

Снятые с истринских позиций войска, получившие приказ армии занять оборону у Солнечногорска, с тем чтобы сдержать продвижение противника в сторону Москвы, форсированным маршем перебрасывались в указанный район. Но уже в пути по приказу комфронтом им была изменена задача: вместо обороны они получили распоряжение наступать и выбить противника из Солнечногорска. Этот эпизод является ярким примером несоответствия желания возможностям. На организацию наступления времени не отводилось. Оно началось поспешно, поскольку фронт настойчиво требовал наступать немедленно. Поначалу наши войска имели частичный успех, несколько продвинувшись вперед, но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть достаточно сил для отражения всех наших попыток выбить его из города. Правда, врагу тоже не удалось развить успех в сторону Москвы».

Замечу, что Рокоссовский никогда не приказывал стоять насмерть, если это решение не являлось единственно возможным в данной обстановке. И никогда не издавал столь жестоких приказов, как приказ Жукова от 28 сентября 1941 года, в бытность его командующим Ленинградским фронтом: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны».

Недостаток времени для организации прочной обороны на промежуточном оборонительном рубеже (Солнечногорск, Истринское водохранилище, город Истра, Павловская Слобода) не позволил 16-й армии остановить немецкое наступление. 26–28 ноября войска Рокоссовского были сбиты с Истринского рубежа. Продвижение немцев удалось остановить лишь на рубеже Крюково — Ленино.

Знаменитый диверсант Отто Скорцени, служивший тогда в дивизии СС «Рейх», вспоминал, что эсэсовцы

«должны были войти в Москву через Истру — этот городок был центральным бастионом второй линии обороны столицы. Мне поручили не допустить уничтожения местного водопровода и обеспечить его функционирование. Церковь в Истре осталась нетронутой — сквозь туман виднелись блестящие купола ее колоколен. Несмотря на потери, наш боевой дух был высок. Возьмем Москву! Мы решительно двинулись на окончательный штурм… 19 декабря температура снизилась до —20 градусов. У нас не было зимнего оружейного и моторного масла, с запуском двигателей возникли проблемы. Но 26 и 27 ноября полковник Гельмут фон дер Шевалье взял Истру, располагая 24 танками, оставшимися от 10-й танковой дивизии, и мотоциклетным батальоном дивизии „Рейх“ гауптштурмфюрера Клингенберга. Истру защищала отборная часть — 78-я сибирская стрелковая дивизия. На следующий день советская авиация стерла город с лица земли… Левее и немного впереди наших позиций находились Химки — московский порт, расположенный всего лишь в восьми километрах от советской столицы. 30 ноября моторазведка 62-го саперного батальона танкового корпуса (4-й танковой армии) Гёпнера без единого выстрела въехала в этот населенный пункт, вызвав панику среди жителей…»

1–2 декабря передовые части дивизии «Рейх» взяли поселки Ленино и Николаево, находившиеся соответственно в 17 и 15 километрах от Москвы. Но это были последние успехи эсэсовцев. 9 декабря дивизия вынуждена была отступить за Истру, а 16 января — еще дальше, к Гжатску.

Для уничтожения танков и моторизованной пехоты противника, прорвавшихся в район Льялово — Холмы — Клушино, Рокоссовский подготовил контрудар. В 17 часов 28 ноября его части начали наступление, но из-за сильного сопротивления противника к исходу дня отошли в исходное положение.

Наступил кульминационный момент немецкого продвижения. Немцы наступали из последних сил. Советским войскам оставалось продержаться совсем немного. Их положение облегчалось тем, что при отступлении к Москве линия фронта сокращалась и боевые порядки уплотнялись. Кроме того, из

глубины страны непрерывно подходили стратегические резервы, часть из которых Ставка вынуждена была ввести в дело в последние дни оборонительного сражения. Да и снабжение советских войск боеприпасами, продовольствием и теплой одеждой, благодаря развитой железнодорожной сети московского узла, совершалось гораздо лучше, чем снабжение немецких войск, грузы для которых приходилось везти через всю Польшу и Белоруссию, где на железных дорогах все чаще устраивали диверсии партизаны.

29 ноября фон Бок в беседе с Гальдером сказал, что, «если нам не удастся обрушить северо-западный фронт противника под Москвой в течение нескольких дней, атаку придется отозвать, так как это приведет к бессмысленным встречным боям с противником, в распоряжении которого, судя по всему, имеются многочисленные резервы и большие запасы военных материалов, а мне здесь второй Верден не нужен».

Против войск 16-й армии был направлен основной удар. 29 и 30 ноября шли тяжелые бои. Немецкие моторизованные части наступали вдоль шоссе Каменка — Озерецкое, а также по Ленинградскому и Истринскому шоссе. Из штаба фронта поступил грозный приказ Жукова: «Крюково — последний пункт отхода, и дальше отступать нельзя. Отступать больше некуда. Любыми, самыми крайними мерами немедленно добиться перелома, прекратить отход. Каждый дальнейший ваш шаг назад — это срыв обороны Москвы. Всему командному составу снизу доверху быть в подразделениях, на поле боя…»

Крюково, тем не менее, удержать не удалось. Рокоссовский вспоминал:

«Ночью — было это в конце ноября — меня вызвал к ВЧ на моем КП в Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне, что в районе Красной Поляны появились части противника, и какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией. Я доложил, что знаю о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны и мы подтянули сюда силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня, что Ставка распорядилась об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны.

Вскоре начальник штаба фронта В. Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, артполка и четырех дивизионов „катюш“ для подготовки нашего контрудара. К участию в нем мы привлекли из состава армии еще два батальона пехоты с артиллерийским полком и два пушечных полка резерва Ставки. (Раньше эти силы намечалось перебросить под Солнечногорск.)

Сбор и организация войск для столь важного дела были возложены на генерала Казакова и полковника Орла. Они немедленно отправились в Черную Грязь, где находился вспомогательный пункт управления. Туда же вслед за ними выехал и я.

Затягивать организацию контрудара было нельзя. Все делалось на ходу. Войска, прибывавшие форсированным маршем в район Черной Грязи, получали задачу и, не задерживаясь, занимали позиции.

С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнем и мощными залпами „катюш“, атаковали врага, не давая ему возможности закрепиться. Противник сопротивлялся ожесточенно, переходил в контратаки. С воздуха обрушивались удары его авиации. Однако к исходу дня немцы с их танками были выбиты из Красной Поляны и отброшены на 4–6 километров к северу. Совместно с частями 16-й армии в этом бою участвовали войска Московской зоны обороны» (речь идет о войсках 20-й армии).

Правда, успешный контрудар потребовал использовать те силы, которые ранее предполагалось перебросить под Солнечногорск. В результате противник достиг своего последнего успеха на Солнечногорском направлении и занял Крюково, откуда Рокоссовскому пришлось срочно эвакуировать свой КП. Войска 16-й армии оказались оттеснены к рубежу Баранцево — Хованское — Петровское — Ленино. Но здесь немцы окончательно выдохлись.

А. А. Лобачев вспоминал:

«Наши войска отошли, закрепились на рубеже: верховье реки Клязьмы — деревня Матушкино — восточная окраина Крюково — Дедовск.

Последний рывок противник сделал 30 ноября, нанеся удар между Красной Поляной и Лобней. Именно в этот день под Химками побывали гитлеровские мотоциклисты-разведчики. 30 ноября и 1 декабря наши части по-прежнему вели напряженные оборонительные бои, но в обстановке наметился перелом.

Ударная группировка врага к этому времени потеряла не менее половины людского состава и огромное количество техники. Из дивизии разведка доносила: немцы роют окопы, возводят заграждения, прячут танки в землю…»

30 ноября Сталин утвердил план контрнаступления под Москвой. Он предусматривал нанесение главного удара левофланговой группировкой войск Западного фронта, в которую входила и 16-я армия Рокоссовского. Ближайшей задачей контрнаступления было «ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника» на левом крыле Западного фронта.

1 декабря Бок пришел к выводу, что дальнейшее наступление бессмысленно, и направил главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу телеграмму следующего содержания:

«Сражения последних 14 дней показали, что „полное уничтожение“ противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. Остановиться у ворот Москвы, где сеть шоссейных и железных дорог является наиболее густой во всей восточной России, означает завязать тяжелые позиционные бои против значительно превосходящего нас по численности противника. Между тем войска группы армий совершенно к этому не готовы. Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смыслам цели, особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью. <…> Я не знаю во всей полноте намерений Верховного командования сухопутных сил, но если группе армий предстоит вести зимой оборонительные бои, это при ее нынешней диспозиции возможно только при том условии, что к фронту будут переброшены крупные резервы. Этих резервов должно быть достаточно для того, чтобы противостоять мощным атакам противника и сменить обескровленные войска на переднем крае».

Но командующий группой армий «Центр» прекрасно понимал, что никаких резервов в распоряжении Браухича нет и взять их неоткуда, иначе бы они наверняка были бы даны ему ранее для развития наступления. Теперь же речь могла идти только о том, чтобы удержать достигнутые рубежи, а отнюдь не о взятии советской столицы. Однако положение в других группах армий Восточного фронта было таким, что никаких резервов для группы армий фон Бока они выделить не могли. Войска группы армий «Юг» только что оставили Ростов и с трудом сдерживали советское контрнаступление. Взять оттуда какие-либо резервы не было никаких возможностей. Войска группы армий «Север» также были связаны боями за Тихвин. Подготовка же и переброска резервов с Запада заняла бы слишком много времени, учитывая состояние путей сообщения в России. К тому же среди дивизий на Западе не было моторизованных и танковых дивизий (в тот момент там только 1-я кавалерийская дивизия находилась на переформировании в 24-ю танковую), а подавляющее большинство пехотных дивизий имели лишь ограниченную боеспособность. Все что могли немцы к декабрю 1941 года на Восточный фронт с Запада уже перебросили.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах реальным был только отход от Москвы на более-менее подготовленные оборонительные позиции. К такому решению и хотел подтолкнуть фон Браухича и Гитлера фон Бок. Однако даже ясного приказа о переходе к обороне, не говоря уж об

отходе, равно как и обещания прислать просимые подкрепления, командующий группой армий «Центр» в тот день не получил.

Тем временем в события вмешалась погода. Немецкий военный историк Вернер Хаупт пишет:

«Еще 30 ноября погода была благоприятной. 1 декабря началась метель. В следующие ночи столбик термометра упал до минус 34 градусов, днем температура была ниже 20 градусов мороза. Этим наступление было окончательно похоронено. С этого момента холод стал врагом страшнее русских… Фельдмаршал фон Бок в полосе 4-й армии распорядился оборудовать передовой командный пункт. В эти критические дни он хотел быть со своими солдатами. Потери были высокими. Количество обмороженных намного превышало число раненых. Особенно высоки были потери офицеров. В 7-й пехотной дивизии полками уже вынуждены были командовать обер-лейтенанты!»

2 декабря левофланговые дивизии 16-й армии во взаимодействии с 5-й армией отбросили противника из большой излучины реки Москвы северо-восточнее Звенигорода. В этот же день Бок из последних сил пытался сломить сопротивление советских войск, подбадривая себя мыслью, что оно вот-вот может рухнуть. 2 декабря он записал в дневнике: «На севере от шоссе наблюдается лишь ограниченное продвижение вперед. Пути наступления 3-й танковой группы лежат в болотистой местности, которая к тому же сильно заминирована. По этой причине 3-я танковая группа продвигается вперед очень медленно. Противник тут и там отводит свои дивизии, оказавшиеся перед ее атакующим фронтом. Но ему удалось задействовать свежие силы, пусть и небольшие, против фланга 3-й танковой дивизии под Яхромой. Противник понимает, где ему угрожает реальная опасность — как жаль, что у меня нет под рукой крупных резервов! Вечером во все штаб-квартиры атакующих корпусов были направлены телексы с указанием, что противник определенно пребывает в состоянии острого кризиса, каковое необходимо эксплуатировать в любом месте, где для этого представится возможность. Правда, у меня есть известные сомнения относительно того, что наши находящиеся на пределе возможностей части сумеют реализовать это предложение». Но раз приказа о переходе к обороне не было, командующий группой армий «Центр», как дисциплинированный прусский офицер, пытался продолжать наступление, хотя и сознавал, что оно уже утратило свою стратегическую цель.

Положение немецких войск накануне советского контрнаступления в исследовании советского Генштаба «Битва за Москву» определялось следующим образом:

«Войска 16-й армии 1, 2 и 3 декабря вели ожесточенные бои с основной группировкой противника, наступавшей на солнечногорском направлении вдоль Ленинградского шоссе и на истринском направлении вдоль Волоколамского шоссе… В тот период бои на фронте 16-й армии носили исключительно напряженный характер. Некоторые пункты переходили из рук в руки. В течение 2 и 3 декабря противнику путем крайнего напряжения сил и средств удалось овладеть Крюковом, где бои шли на улицах».

Ставке пришлось задействовать для отражения немецких ударов прибывшие под Москву стратегические резервы. Так, 2 декабря только что сформированная 20-я армия генерала А. А. Власова, осуществлявшая частную операцию по овладению Красной Поляной, получила приказ штаба Западного фронта с 3 декабря перейти в общее наступление на Химки и Солнечногорск.

Тут стоит сказать о том, что, поскольку в дальнейшем генерал Власов перешел на сторону немцев и создал коллаборационистскую Русскую освободительную армию (РОА), роль 20-й армии в битве за Москву постоянно умалялась. В частности, освобождение Красной Поляны в некоторых трудах стали приписывать 16-й армии Рокоссовского, а не 20-й армии Власова, как было на самом деле. Чтобы, так сказать, «реабилитировать» бойцов и командиров 20-й армии, бывший начальник штаба армии генерал Л. М. Сандалов выдвинул теорию, будто командарм Власов

«до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается от боли голова). До начала операции жил в гостинице

ЦДКА, а затем его перевозили с одного армейского КП на другой под охраной (?) врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали (неужели у Андрея Андреевича была столь заразная болезнь? Сандалов утверждал, будто у него было воспаление среднего уха, а такое заболевание заразным не является. — *Б. С.).* Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления. Впервые я, да и другие офицеры штаба увидели Власова — в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске. Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Литзюковым А. И. (впоследствии командовал танковой армией и погиб в бою) и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П. Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим».

Это — не более чем легенда, призванная дать возможность цитировать в открытой печати приказы, подписанные Власовым (разумеется, без упоминания имени), и в положительном контексте характеризовать замыслы и действия командования армии. На самом деле Власов командовал 20-й армией с самого первого дня и ни в каких гостиницах ЦДКА не жил (кто бы ему это позволил в самый разгар боевых действий!). Уже 13 декабря он был упомянут в сводке Совинформбюро в перечне советских генералов, отличившихся в битве под Москвой (там же был упомянут и Рокоссовский). А 16 декабря на КП у Власова взял интервью американский журналист Л. Лесюер. Выходит, смог каким-то образом прорваться сквозь кольцо блокады, будто бы созданное вокруг командарма медиками и адъютантами. Наконец, в архивных делах 20-й армии, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске (фонд 373, опись 6631), достаточно приказов по армии с начала декабря 1941 года, и подлинность его подписи под ними не вызывает никаких сомнений. Среди них — приказы о категорическом запрете расстрелов военнопленных противника, а также о недопустимости представления в штаб армии ложных донесений и сведений о трофеях.

Приказы Власова, равно как и действия 20-й армии под его командованием, доказывают, что он обладал военными способностями и командовал не хуже того же Рокоссовского и Говорова и явно лучше, например, командарма 10-й армии Ф. И. Голикова, которого за нерешительные действия под Сухиничами Жуков снял с командования. И, несомненно, как и Рокоссовский, и десятки других советских генералов и маршалов, Власов стремился к успешной военной карьере.

Вся принципиальная разница между Власовым и Рокоссовским заключалась в моральных принципах. Андрей Андреевич готов был делать карьеру любой ценой. А потому, попав в германский плен в тот момент, когда победа Германии в войне казалась весьма вероятной, Власов сделал ставку на то, чтобы стать правителем покоренной Германией России. И закономерно проиграл. Рокоссовский же, раз пойдя на службу большевикам, никогда не изменял этой присяге, даже после того, как отсидел два с половиной года в тюрьме по несправедливому обвинению. Уверовав в Сталина, убедив себя в какой-то момент, что все плохое в стране случается помимо и вопреки его воле, Константин Константинович служил ему верой и правдой.

Впоследствии, уже у немцев, Власов не раз говорил: «Вы думаете, что такой человек, как, например, маршал Рокоссовский, забыл про зубы, которые ему выбили в тюрьме на допросе?» Вероятно, подобные суждения Андрей Андреевич слышал от Константина Константиновича в период Московской битвы, когда их армии тесно взаимодействовали и командармы часто встречались друг с другом. Да и ранее Власов и Рокоссовский наверняка были знакомы, когда оба командовали перед войной механизированными корпусами в Киевском особом военном округе и должны были встречаться на окружных сборах высшего комсостава. Как кажется, Власов всерьез лелеял надежду привлечь Константина Константиновича к сотрудничеству, и даже посылал к нему своих эмиссаров, которые, однако, предпочитали сдаваться НКВД. Один из них, бывший батальонный комиссар Иосиф Яковлевич Кернес, попавший в плен почти одновременно с Власовым, летом 1942-го, в плену, выдал себя за участника военного заговора, в который будто бы вовлечены видные советские военачальники. 27 декабря 1942 года Кернеса отправили через линию фронта со следующими забавными письмами маршалу Тимошенко и начальнику Генштаба Василевскому:

«Берлин, 16 декабря 1942 г.

Господину маршалу Тимошенко.

Переданные господином Кернесом предложения вашей оппозиционной группы относительно сепаратного мира с Германией были с интересом приняты к сведению. Однако отсутствуют достаточные полномочия для г-на Кернеса, а также данные о силах оппозиции. Связь господ Шапошникова, Кузнецова, Рокоссовского, Потемкина, Мельникова и Мехлиса с направлением, представляемым г-ном Василевским, была бы желательна. Г-н Кернес об этом доложит устно. Для продолжения переговоров ожидается командирование вашего полномочного представителя с конкретными предложениями.

Крегер, генерал».

«Александру Васильевичу (в действительности Василевского звали Александр Михайлович. — *Б. С.)* Василевскому.

Александр Васильевич! Доволен, что моя первая оказия дошла до вас. Меня интересует ваша точка зрения по второму пункту моих предложений, так как вы ничего не говорите в своем ответе второго гонца. Крайне интересно с артелями Мерецкова, Меркулова и Первухина. Странные люди. Не время говорить о правах, когда надо говорить только об обязанностях. Не правда ли? Парольные связи с моим ближним к вам филиалом даст Кернес, а о ходе нашей работы вас проинформирует мой связник… Вы спрашиваете, ориентироваться ли на роль Бориса Михайловича? Не советую. Устарел и потерял популярность. Слава России! Глава РСНП (Русская социал-национальная партия. — *Б. С.)* — генерал-майор (комбриг) И. Бессонов».

Кернесу по секрету передали, что вскоре в Смоленске будет создано русское национальное правительство во главе с Власовым, поэтому военный переворот в Москве пока не стоит форсировать. Очевидно, речь шла о подписанном Власовым 27 декабря 1942 года Смоленском воззвании от имени «Русского комитета», который «призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников». Вероятно, Власов и его соратники надеялись, что вскоре за этим последует создание русского национального правительства, но это случилось только в ноябре 1944-го, когда на свет появился мертворожденный «Комитет освобождения народов России».

Позже, на допросах в Смерше, а потом в НКГБ Кернес честно признался, что выдумал антисоветскую военную организацию, чтобы получить возможность вернуться к своим. Ведь его, как еврея, в любой момент могли расстрелять, а длительное время скрывать свое еврейство было непросто. Чекисты Кернесу поверили и никого из упомянутых в письме военачальников, включая Рокоссовского, на предмет возможного заговора допрашивать не стали. Сам Иосиф Кернес, тем не менее, был приговорен к 15 годам лагерей.

Но вернемся к Московской битве. 2 декабря Жуков докладывал Сталину и Шапошникову: «Сегодня на всех участках фронта Рокоссовского противник вел упорные атаки пехоты. Атаки поддерживались танками. Частями Рокоссовского все атаки отбиты. Завтра с утра начинаем контратаку дедовской группировки противника. К району атаки подтянуто 79 танков, 3 дивизиона РС, до 100 орудий. Контратаку проводит 9-я гвардейская дивизия, усиленная 40-й стрелковой бригадой. Частью сил помогает 18 сд. Будет привлечена авиация».

Прибывшая в район Сходни из резерва Ставки 354-я стрелковая дивизия была включена в состав 16-й армии. Утром 3 декабря она перешла в наступление и к 16 часам вышла к южной окраине Матушкина (3 километра восточнее Алабушева). Части 7-й и 8-й гвардейских стрелковых дивизий вели ожесточенные бои с пехотой и танками противника за овладение Крюковом. Части 18-й стрелковой дивизии к тому же времени наступали от Брехова. 9-я гвардейская стрелковая дивизия вела ожесточенные бои с пехотой и танками противника на восточной окраине Нефедьева.

4 декабря Бок констатировал, что

«давление противника значительно усилилось в районе канала „Москва“ и на юго-западе от Яхромы. Здесь противник также ввел в бой свежие силы — дивизию из центральной России и смешанную

бригаду, — в результате чего нам пришлось перейти к обороне. Так как у 3-й танковой группы совсем не осталось резервов, в районе Клина я ввел в дело 900-ю бригаду (численность не превышает состава усиленного батальона), которая раньше находилась во второй линии 9-й армии. Установилась очень холодная погода».

Войска 16-й армии в течение 4 декабря продолжали своим правым флангом обороняться, а в центре и на левом фланге постепенно развивали наступление, преодолевая ожесточенное сопротивление врага.

Основные усилия были направлены на овладение Крюковом. Удар наносился в стык группировок противника.

Немецкое наступление на Москву окончательно остановилось, и в этом была немалая заслуга 16-й армии. В труде советского Генштаба «Битва за Москву», изданном в 1943 году, содержался весьма лестный для Рокоссовского вывод: «16-я армия, сдерживавшая основной удар северной группировки немцев, несмотря на широкий вначале фронт и разобщенность своих частей, в результате твердого руководства командования и храбрости личного состава показала образцы упорства, искусства и мужества в боях. В решающий момент сражения в полосе между 30-й и 16-й армиями, куда немцы вгоняли свой клин, в дело вступили свежие резервные 1-я и 20-я армии. Они вместе с войсками первой линии остановили немцев и заставили их перейти к обороне.

При наступлении немцев на 16-ю армию в последний период оборонительного сражения части армии выдерживали (с 1 по 5 декабря) непрерывные и ожесточенные атаки четырех танковых дивизий противника (2, 11, 5 и 10-й), наступавших не менее чем 300 танками на фронте 30–40 км. Однако, несмотря на то, что 16-я армия смогла противопоставить всего лишь 86 танков (по данным на 20 ноября), немцам не удалось добиться решающего успеха и прорвать наши позиции… Глубокая осень, короткий день, длинные темные ночи и наступившие в последующем холода ограничивали ведение операций, стесняли широкие маневренные действия войск, постепенно привязывая последние к населенным пунктам. Эти условия неблагоприятно отражались и на материальном обеспечении наступающих войск. Примененные нашими войсками при отходе заграждения также сыграли существенную роль, замедляя продвижение фашистов».

Стоит отметить, что многие немецкие дивизии в период с 16 ноября по 5 декабря потеряли до 50 до 60 процентов личного состава. В некоторых танковых дивизиях, например в 6-й, почти не осталось танков.

12 декабря 1941 года Совинформбюро передало сообщение «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». Там, в частности, говорилось: «Войска генерала ВЛАСОВА, преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, заняли г. Солнечногорск; войска генерала РОКОССОВСКОГО, преследуя 5-ю, 10-ю и 11-ю танковые дивизии, дивизию „СС“ и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истру».

В сводке также отмечалось, что «за время с 16 ноября по 10 декабря сего года захвачено и уничтожено, без учета действий авиации: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870. Потери немцев за это время составляют свыше 85 000 убитыми». Немецкие потери как в людях, так и в технике были здесь, как обычно, преувеличены в несколько раз. Согласно записям в дневнике Гальдера, общие потери сухопутных сил в период с 6 ноября по 10 декабря составили 88 970 человек, включая 67 719 раненых, 17 618 убитых и 3633 пропавших без вести. Теперь они оказались в 1,7 раза меньше, чем за период с 26 сентября по 6 ноября, когда германские сухопутные силы на Востоке потеряли 151 138 человек, в том числе 31 850 убитых и 5162 пропавшими без вести. В среднесуточном исчислении уменьшение составило 1,4 раза. Оно произошло за счет того, что в первой половине ноября войска группы армий «Центр» активных боевых действий не вели. Значительно уменьшились также и потери советских войск, прежде всего потому, что стало гораздо меньше пленных.

4 декабря Жуков издал директиву командующим 20, 16 и 5-й армий о переходе в наступление на Истринском направлении:

«1. По всем данным противник, действующий против правой группировки Западного фронта, выдохся и без дополнительной подготовки продолжать общее наступление сейчас не может.

Действия противника за последние 2–3 дня носят характер активной обороны на всем фронте и лишь только против 1-й ударной армии противник ведет частную операцию по противодействию наступлению частей армии, переправившихся через канал.

2. Пехота противника сильно измотана и дерется неустойчиво. Опыт нашего контрудара по прорвавшейся группе на фронте 33-й армии показывает, что при малейшем охвате и дружной атаке нашей пехоты с танками противник, бросая все, бежит в страшной панике. В этой маленькой операции противник бросил около 50 орудий, более 50 станковых пулеметов, 47 танков и много другого вооружения. Особенно боится противник обходов и танковых атак с флангов и тыла.

3. Резервов у противника, по всем данным, нет, он израсходовал их полностью в 18-дневных боях. В танковых дивизиях осталось до 30 % личного состава и в среднем по 40–50 танков всех марок. Снарядов и горючего у противника очень мало».

16-я армия Рокоссовского располагала пятью стрелковыми дивизиями, четырьмя стрелковыми бригадами, четырьмя танковыми бригадами и четырьмя кавалерийскими дивизиями. Они имели 55 тысяч бойцов, 320 полевых и 190 противотанковых орудий, 480 минометов и 125 танков. 16-й армии противостояли 46-й и 40-й танковые корпуса немцев в составе двух пехотных и трех танковых дивизий. В них осталось всего 22 тысячи бойцов, 150 полевых и 140 противотанковых орудий, 250 минометов и 130 танков. Таким образом, по танкам силы сторон на участке Рокоссовского были примерно равны, по пехоте 16-я армия превосходила противника в 2,5 раза, а по артиллерии и минометам — в 1,8 раза. Войска Рокоссовского имели значительно большее превосходство над противником, чем вся правофлаговая группировка Западного фронта.

4 декабря в наступление перешли 1-я и 20-я армии, нанося удары на Дмитровском и Солнечногорском направлениях. В последующие дни к ним присоединились 30-я и 16-я армии. 5 декабря, когда советские войска перешли в наступление против правого фланга 9-й немецкой армии и оттеснили его на 10–12 километров, фон Бок вынужден был подготовить приказ о подготовке отхода 3-й танковой группы и 4-й армии от линии Нара — Москва к линии Каримское — Истринское водохранилище — Сенежское озеро — к востоку от Клина. Сказалось то, что немецкие войска слишком поздно перешли к обороне, 4–5 декабря, буквально за считаные часы до начала советского контрнаступления, и не успели как следует подготовить оборонительные позиции на передовых рубежах.

6 декабря фон Бок отметил в дневнике «мощные атаки превосходящих сил русских против восточного и в особенности северо-восточного фронта 3-й танковой группы. Продвижение противника в глубь позиций танковой группы, в основном, ликвидировано на всех направлениях при содействии последних резервов группы». Но в тот же день фельдмаршалу пришлось санкционировать отход на истринский рубеж. Бок признал, что «растут жалобы частей на достигнутое русскими превосходство в воздухе. Еще чаще жалуются на нехватку зимней одежды, снабжение которой поставлено неудовлетворительно. Эшелоны с зимним обмундированием постоянно запаздывают, в результате даже сейчас далеко не все части обмундированы по-зимнему. Качество зимнего обмундирования также оставляет желать много лучшего».

В течение 4 и 5 декабря 8-я гвардейская стрелковая дивизия вела бои в самом Крюкове. Противник, сосредоточив два батальона пехоты (35-й пехотной дивизии) и 60 танков (5-й танковой дивизии), оказывал упорное сопротивление, используя танки в засадах из-за домов, а также противотанковые орудия и пулеметы, установленные в домах и сараях. В результате контратаки немцам удалось овладеть МТС северо-восточнее Крюкова, но продвинуться дальше они не смогли. Бои за Крюково продолжались до 7 декабря. Одновременно войска 16-й армии вели напряженные бои за овладение селами Клушино, Льялово, Никольское, Матушкино, Рождествено. Немцы на всем фронте оказывали упорное сопротивление, переходя на отдельных участках в контратаки пехотой и танками.

Немецкие войска еще держались, но фон Бок уже понял, что сражение проиграно. 7 декабря он попытался сформулировать причины поражения:

«К нынешнему серьезному кризису привели три обстоятельства: 1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги. В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось. 2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы. 3. Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части».

С этим выводом можно согласиться, указав только, что без третьего фактора первые два сами по себе не смогли бы остановить продвижение немецких армий к Москве.

Бок продолжал: «Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки, подтянули новые дивизии из Сибири, Ирана и с Кавказа и заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоит на 24 дивизии — преимущественно полного состава, — больше, нежели это было 15 ноября. С другой стороны, численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава».

В ночь на 8 декабря сопротивление противника было сломлено и немцы начали отступать. Рокоссовский вспоминал: «К 8 декабря в результате почти трехдневного боя, доходившего часто до рукопашных схваток, а также обхода города с юго-запада сопротивление противника было сломлено. Оставив Крюково и ряд других окрестных селений, немцы бежали на запад, бросая оружие и технику. В бою за Крюково наши части захватили около 60 танков, 120 автомобилей, много оружия, боеприпасов и другого военного имущества. В селе Каменка враг бросил два 300-миллиметровых орудия, предназначавшихся для обстрела Москвы.

Перешли в наступление и главные силы армии на истринском направлении. Нанеся удары по фашистам, не успевшим еще, к нашему счастью, организовать оборону, войска сломили упорное сопротивление врага и начали преследование. Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения».

9 декабря 6-я армия начала преследование противника в общем направлении к Истринскому водохранилищу и городу Истре. В связи с этим Рокоссовский создал две ударные группы: первая в составе 145-й танковой бригады, 44-й кавалерийской дивизии и 17-й стрелковой бригады для удара в направлении Жилино, Марьино, Соколово (севернее города Истра) и вторая в составе 9-й гвардейской стрелковой дивизии, 17-й танковой, 36-й и 40-й стрелковых бригад и 89-го отдельного танкового батальона для удара на Истру и далее на север. 20-я армия Власова своим правым флангом стремилась быстрее и прочно оседлать Ленинградское шоссе и полностью овладеть Солнечногорском.

11 декабря 20-я армия заняла Солнечногорск, а 16-я армия — Истру. На следующий день фон Бок записал: «Отход левого крыла 4-й армии успешно осуществился, хотя храброму 5-му корпусу пришлось отбивать тяжелые атаки противника под Солнечногорском. Рапорты с фронта вокруг бреши на севере от Клина становятся несколько более оптимистическими. Мой последний резерв, инженерный батальон, передан в распоряжение 4-й армии. Его собираются задействовать на Ламе в качестве группы прикрытия. 9-я армия получила инструкции задействовать батальон 86-й дивизии за правым крылом армии у переправы через Ламу в районе Никольского. В целом атаки русских по обе стороны от Калинина успешно отражены». В этот день в Смоленск приехал Браухич, которому Бок

заявил: «Вопрос, который нам необходимо обсудить, скорее политического, нежели военного свойства. Фюрер должен наконец решить, как быть группе армий: или сражаться, оставаясь на тех позициях, которые она сейчас занимает, рискуя потерпеть полное поражение, или отойти, что сопряжено с таким же примерно риском. Если фюрер прикажет отходить, он должен понимать, что новых сокращенных позиций в тылу, которые, кстати сказать, совершенно не подготовлены к обороне, смогут достичь далеко не все наши войска, поэтому неизвестно, смогут ли ослабленные части группы армий эти позиции удержать. Подкрепления, которые были мне обещаны, тащатся с такой черепашьей скоростью, что оказать решающее воздействие на принятие соответствующего решения не могут».

12 декабря Жуков и Булганин, докладывая Сталину об итогах первых дней контрнаступления, в частности, отмечали:

«20-я армия генерала Власова, преследуя 2 тд и 106 пд противника, захватила город Солнечногорск; 16-я армия генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10 и 11 тд, дивизию СС и 35 пд противника, захватила город Истра; 5-я армия генерала Говорова прорвала оборону 252, 87, 78 и 267 пд противника и развивает наступление в общем направлении на Ново-Петровское, Руза». Из этого донесения видно, что, по сравнению с соседями, армии Рокоссовского пришлось сражаться против наиболее сильной группировки противника, но она с честью справилась со своей задачей.

За первые две недели наступления, с 6 по 19 декабря, на правом крыле Западного фронта 1, 20 и 16-я армии продвинулись на 70–90 километров. Наступавшие в центре 33-я и 43-я армии почти не продвинулись. На левом крыле 49-я армия имела лишь незначительное продвижение, зато далее к югу 1-й гвардейский кавкорпус и 10-я армия продвинулись почти на 160 километров. Немцы к тому времени уже больше недели осуществляли отход на истринский рубеж. Уже 13 декабря фон Бок попросился в отставку. В этот день он записал в дневнике: «К сожалению, мое физическое состояние за последнее время настолько ухудшилось, что я был вынужден просить Браухича подыскать мне замену, так как не знаю, сколько еще времени смогу оставаться на ногах, особенно учитывая тот факт, что я очень серьезно болел в прошлом году».

Отступление группы армий «Центр» было делом решенным. 14 декабря фон Бок отметил: «Ближе к вечеру приехал Браухич. Он уже переговорил с Клюге и Гудерианом и пришел к выводу, что постепенный отвод войск группы армий к заранее очерченным на карте тыловым позициям неизбежен. Даже центр, то есть главные силы 4-й армии, не сможет удержать свои нынешние позиции, если войска слева и справа от него будут вынуждены пятиться. Шмундт, который также присутствовал на встречах и слушал все эти дискуссии, позвонил Йодлю с тем, чтобы узнать о решении фюрера. Фюрер сообщил, поначалу в вербальной форме, что ничего не имеет против спрямления выступов у Клина и Калинина; он, кроме того, понимает, что отвод армейской группы Гудериана также дело решенное. Однако группа армий должна удерживать прежние позиции, не отдавая врагу ни метра земли, пока не будут закончены самые необходимые приготовления для приема войск на тыловых позициях».

16 декабря Гитлер издал свой знаменитый «стоп-приказ», предписывавший

«удерживать фронт до последнего солдата… Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать фанатически упорное сопротивление противнику, прорвавшемуся на флангах и в тыл. Только подобного рода тактикой можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкреплений из Германии и с Западного фронта, о чем я уже отдал приказ. Только когда резервы прибудут на отсечные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи…».

Приказ поступил в войска 17 декабря. Бок, который с самого начала советского контрнаступления ратовал именно за такой приказ, прокомментировал его следующим образом: «Были изданы два строгих приказа: первый — держаться любой ценой, второй — безжалостно гнать на фронт всех, кто по какой-либо причине укрывается за линией фронта».

В принципе «стоп-приказ» был правильным. Войска должны были удерживать занимаемые позиции столько времени, сколько потребуется для того, чтобы оборудовать новый рубеж обороны в тылу и подвезти достаточный запас горючего, чтобы эвакуировать тяжелое вооружение и технику. Иначе после отступления, оказавшись практически в чистом поле, да еще и без тяжелого вооружения, они были бы обречены на гибель или плен. Тем не менее военачальникам, не сумевшим организовать захват советской столицы, пришлось стать козлами отпущения. 17 декабря фон Бока известили, что его готовы отправить в отпуск для поправления здоровья. В тот же день Гитлер сместил генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками и принял на себя его обязанности.

12 декабря части левого крыла 16-й армии, продолжая преследование противника, достигли реки Истры, а части ее правого крыла вышли к водохранилищу. К водохранилищу также вышли части 20-й армии. Здесь сопротивление врага резко усилилось. Немцы уничтожили все переправы и взорвали дамбу водохранилища. На западном берегу были оборудованы дзоты, из которых велся сильный пулеметный огонь. Форсировать Истру с ходу не удалось. Одной из причин неудачи было то, что артиллерия, особенно крупных калибров, отстала от наступающей советской пехоты. Поэтому Рокоссовскому и Власову нечем было подавить огневые средства противника. Только вечером 15 декабря войска 16-й и 20-й армий форсировали Истринское водохранилище. Этому предшествовали следующие события.

13 декабря группа генерал-майора Ф. Т. Ремизова, посланная Рокоссовским в обход водохранилища с севера, вышла на линию Горки (12 километров юго-западнее Солнечногорска), Торбеево, угрожая охватом немецким частям, находившимся на западном берегу водохранилища. Она нанесла поражение 111-му пехотному полку 35-й пехотной дивизии и захватила 6 тяжелых орудий и другие трофеи.

Отдельным ротам 354-й и 18-й стрелковых дивизий удалось переправиться на западный берег водохранилища, но вскоре их отбросили в исходное положение. Группа генерал-майора М. Е. Катукова (1-я гвардейская и 17-я танковая бригады, 89-й отдельный танковый батальон и 40-я стрелковая бригада) действовала более успешно. Она переправилась через реку в районе Павловской Слободы и к исходу этого же дня вела бои за Лукино (8 километров южнее Истры). Теперь немцам на западном берегу Истринского водохранилища грозило окружение. И они вынуждены были отступить.

Перед отступлением немцы спустили из водохранилища воду. В результате лед опустился на несколько метров, а у западного берега водохранилища вдобавок был покрыт слоем воды в 35–40 сантиметров. Западный берег водохранилища немцами был минирован. Несмотря на эти трудности, двум батальонам 18-й стрелковой дивизии в ночь на 15 декабря удалось переправиться на западный берег реки Истры в районе Никулина. За ними последовали и остальные части дивизии. Группа генерала Катукова, разгромив до двух рот пехоты противника в Телепневе (7 километров юго-западнее Истры), преследовала противника по Волоколамскому шоссе.

16 декабря войска 16-й армии преследовали немцев на всем фронте и подвижными частями к исходу дня достигли рубежа Ново-Петровское, Румянцево, Ядромино (10 километров юго-восточнее Ново-Петровского), Ново-Дарьино (12 километров западнее Истры). К 20 декабря они достигли реки Рузы (севернее города Руза). Угроза окружения заставляла немецкие войска отступать с выгодных оборонительных рубежей. Однако, как и во время ноябрьского наступления немцев на Москву, и на этот раз наступающим не удалось окружить ни одну сколько-нибудь крупную группировку противника. Это объяснялось тем, что в условиях суровой зимы продвижение танков и автотранспорта было затруднено, так что отступающие успевали оторваться от преследователей и выйти из вот-вот, казалось, готового сомкнуться кольца. Да и пехота вынуждена была двигаться только вдоль дорог, и борьба шла главным образом за опорные пункты в деревнях и поселках, что повышало возможности обороняющихся.

В период с 17 по 20 декабря войска 1, 20 и 16-й армий преследовали противника. Власов направил основные усилия своей армии на овладение Волоколамском, приказав в тесном взаимодействии с соседями справа (1-я ударная армия) и слева (16-я армия) к исходу 17 декабря овладеть городом, а к

исходу 18 декабря главными силами выйти на линию Шаховская, Андреевское, Чернево. Овладение Волоколамском возлагалось на группу генерала Ремизова. Однако немцы упорно сопротивлялись и бои за Волоколамск затянулись. Группа генерала Катукова из 16-й армии в 21 час 17 декабря с рубежа Деньково-Рождествено повела совместно с группой генерала Ремизова наступление на Волоколамск. Бои продолжались и 18 декабря. Во второй половине дня 19 декабря части группы Ремизова совместно с частями 64-й стрелковой бригады заняли Пушкари, развивая наступление на Волоколамск с севера и от Ченцы с северо-востока. Группа генерала Катукова к исходу 19 декабря вела бой на подступах к городу, развивая удар из района Ядрово, Язвище.

В 6 часов утра 20 декабря части 20-й армии — 64-я стрелковая бригада и группа генерала Ремизова — во взаимодействии с группой генерала Катукова овладели Волоколамском, выбив оттуда остатки 106-й пехотной и 5-й танковой дивизий и захватив богатые трофеи. А. А. Лобачев так описывал освобождение города: «Для обхода Истринского водохранилища с севера и с юга был предпринят маневр подвижными группами. Группа генерала Ремезова обошла 17 декабря истринскую позицию и совместно с частями 20-й армии создала угрозу врагу с севера. Группа генерал-майора Катукова, миновав стороной истринскую позицию, переправилась через реку на участке 5-й армии и повисла над противником с юга. Танкисты блестяще выполнили задание и уже вечером 17 декабря двинулись в обход Волоколамска. Как и на Истринском водохранилище, командарм запретил танковым соединениям ввязываться во фронтальные бои с противником и вести атаку опорных пунктов в лоб. 19 декабря под утро, когда еще не рассвело, в городе начались бои. Впереди двигались танки, за ними — автоматчики. С чердаков, из подвалов стреляли гитлеровцы. Но огонь постепенно затихал: противник под покровом темноты оставлял город».

К исходу 21 декабря и в первой половине 22 декабря 1, 20 и 16-я армии достигли рубежа рек Лама и Руза. 16-я армия наступала на всем фронте, но из-за упорного сопротивления противника больших успехов не имела. Температура 25–35 градусов ниже нуля и глубокий снег затрудняли наступление. Противник оборудовал узлы сопротивления в населенных пунктах, создавал минные и иные заграждения. В результате с ходу прорвать немецкую оборону не удалось. Боевые действия приняли затяжной характер. Безрезультатные атаки на немецкие позиции продолжались в конце декабря и в первой декаде января.

К концу декабря советскими войсками под Москвой было захвачено 314 танков, 517 орудий, 35 бронемашин, 67 минометов, 451 пулемет, 400 автоматов, 3960 автомашин, 841 мотоцикл, 1044 велосипеда, 15 радиостанций, 1529 винтовок, 1 миллион патронов, 35 тысяч снарядов. Небольшое число трофейного стрелкового оружия показывает, что потери в живой силе у немцев были не так велики, как говорилось в советских сводках.

В конце декабря в директиве № 016/оп Жуков отмечал: «В ряде случаев продолжают иметь место лобовые атаки на укрепленные противником населенные пункты, что приводит только к излишним потерям и замедлению темпов наступления. Приказываю строго потребовать от начальников всех степеней брать укрепленные узлы противника, обходя их и не задерживая движения вперед передовых эшелонов боевого порядка».

Жуков решил сосредоточить основные силы и средства на фронте одной армии, чтобы добиться успеха. Выбор пал на 20-ю армию, которая прорвала немецкую оборону на Ламе и во второй декаде января преследовала врага в Гжатском направлении. Следом за ней наступали и другие армии правого крыла Западного фронта. В начале января 1942 года против 1-й ударной, 20-й и 16-й армий действовали немецкие войска, имевшие, по оценке советского Генштаба, в боевом составе 34 100 человек, 230 орудий дивизионной артиллерии и 135 танков.

По решению Рокоссовского армия наносила удар правым флангом и к исходу 24 декабря должна была овладеть рубежом Внуково, Бабошино, Милятино. Конно-механизированная группа наносила удар во фланг и тыл противника на Прозорово, Лисавино, Старую Тягу и дальше на Гжатск. Но наступление успеха не имело.

К концу декабря боевой состав частей армии был крайне малочисленным. По донесению генерала Рокоссовского военному совету фронта, «в результате длительных напряженных боев 40-я и 49-я

стрелковые бригады понесли большие потери и имели в стрелковых батальонах по несколько десятков бойцов». Войскам приходилось последовательно прогрызать оборону противника, захватывая отдельные блиндажи и огневые точки противника. Боевые действия велись штурмовыми группами против выявленных огневых точек, которые также старалась подавить артиллерия. Армия Рокоссовского несла тяжелые потери. В некоторых ее дивизиях оставшиеся полки были сведены в один сводный батальон (354-я стрелковая дивизия). Большие потери понесла и 18-я стрелковая дивизия, действовавшая с 18-й стрелковой бригадой, которая только в атаках за 3 января 1942 года потеряла 172 человека убитыми, 493 ранеными и 7 обмороженными. На 5 января в 354-й стрелковой дивизии и 146-й танковой, 40-й и 49-й стрелковых бригадах оставалось в наличии 377 штыков и 13 танков (из них только три «тридцатьчетверки»).

6 января Жуков приказал: «1. Ввиду того, что 16 армия задачи по прорыву обороны противника не выполнила, задача прорыва возлагается на 20 армию». В этой связи большинство частей 16-й армии были переданы под командование генерала Власова. Перед оставшимися ставились оборонительные задачи до тех пор, пока не появится возможность использовать прорыв, достигнутый на участке 20-й армии.

В середине января 1, 20 и 16-я армии должны были во взаимодействии с армиями Калининского фронта окружить и пленить лотошинскую и гжатско-вяземскую группировки противника.

20-я армия, получившая дополнительные соединения и средства усиления из других армий, смогла осуществить прорыв на Волоколамско-Гжатском направлении. 17 января были заняты Шаховская и Руза. Развертывалось дальнейшее наступление на Гжатск.

Отходящие немецкие войска 17 и 18 января сильными арьергардами пытались задержать продвижение 16-й армии на рубеже Чернево, Лапино, Леонидово, но безуспешно. Войска Рокоссовского овладели этими населенными пунктами и уже 20 января вели бой за Рептино. 354-я стрелковая дивизия заняла Терехово, Княжево, Игнатково, а 9-я гвардейская стрелковая дивизия заняла Сославино, Исаково, Потапово и продолжала наступление в направлении Мышкина.

В тот же день, 20 января 1942 года, поступила директива военного совета фронта, согласно которой управление 16-й армии с армейскими частями перебрасывалось на новое направление (Сухиничи); оставшиеся же войска армии, как и ее участок фронта, передавались в 5-ю армию.

Таким образом, 16-я армия закончила трехнедельные бои на Гжатском направлении в своем прежнем составе. Она продвинулась центром на 15 километров, а флангами — на 22–25 километров, имея средний темп наступления 3–5 километров в сутки. Фактически наступление уже выдохлось. Достигнутый небольшой территориальный выигрыш не оправдывал понесенных армиями Западного фронта огромных потерь в живой силе. Войска постоянно гнали в наступление. Не было времени как следует наладить взаимодействие родов войск, обучить пополнение. Рокоссовский неоднократно указывал Жукову на необходимость прекратить наступление, сделать более длительную оперативную паузу, чтобы подготовить более эффективный удар по врагу. В неопубликованном при жизни фрагменте мемуаров Рокоссовский писал:

«Оборонительное сражение подходило к концу, к этому времени противник на московском направлении израсходовал все свои резервы, но прорвать нашу оборону не смог. Наступил и для него момент перехода к обороне. Нужно было сорвать этот план, не позволить закрепиться на захваченных рубежах, и Ставка Верховного Главнокомандования своевременно приняла соответствующее решение.

В контрнаступление войска армии перешли без всякой паузы. Чем дальше они отдалялись от Москвы, тем сильнее сопротивлялся противник. Еще до подхода к волоколамскому рубежу командование фронта стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке, для чего какая-то часть сил из одной армии передавалась в другую. Подобная импровизация обеспечивала некоторый успех местного значения. С выходом же наших войск на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что противнику удалось оправиться от полученного удара и что его оборона становится организованней. Продолжать наступление имевшимися к тому времени у нас

силами расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя. Наступил момент, когда и нашему верховному командованию надлежало подумать об извлечении пользы из одержанных результатов и начать серьезную подготовку к летней кампании 1942 года.

К великому сожалению, этого не произошло, и войска, выполняя приказ, продолжали наступать. Причем командованию фронта была поставлена задача: изматывать противника, не давая ему никакой передышки. Вот это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что и делали мы до перехода в контрнаступление. Но чтобы изматывать и ослаблять его наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да еще в суровых зимних условиях, я этого никак понять не мог.

Неоднократные наши доклады командованию фронта о тяжелом состоянии армии в результате понесенных потерь, о несоответствии ее сил и задач, которые ставил фронт перед нами, не принимались во внимание. Приходилось с натугой наступать, выталкивая противника то на одном, то на другом участке. О прорыве вражеской обороны не могло быть и речи. Наши возможности истощились до крайности, а противник продолжал пополнять свои войска свежими силами, перебрасывая их с запада.

Продолжавшееся наступление 16-й армии с Волоколамского рубежа оказалось особенно тяжелым. Противник прилагал все усилия к тому, чтобы задержать наше продвижение. Для этого у него оказались соединения и части, сохранившие высокую боеспособность. Силами войск одной армии уже нельзя было рассчитывать на успех наступления, поэтому чаще всего для продолжения наступления на волоколамском направлении командование фронта привлекало несколько армий. При этом одна из них, наносившая главный удар, усиливалась за счет соседних».

Но Георгий Константинович вновь и вновь бросал в атаки поредевшие дивизии и бригады. Трудно сказать, насколько это была его собственная инициатива, а насколько здесь была воля Сталина. Скорее предположить последнее, потому что в то время советские войска наступали на всех фронтах, а не только на Западном. А такое наступление скорее могли инициировать Сталин и начальник Генштаба Б. М. Шапошников, а не Жуков. Хотя Георгий Константинович был отнюдь не против продолжения наступления, только все время требовал себе новых пополнений, дополнительных сил и средств. Ему казалось: еще один последний натиск, и рухнет фронт группы армий «Центр», которой приходилось обороняться в очень невыгодной конфигурации, сложившейся в ходе немецкого отступления от Москвы. Все это вылилось в кровавую бойню для Красной армии.

21 января 1942 года Рокоссовский был отозван в Москву. Штаб 16-й армии перебрасывался под Сухиничи, чтобы организовать операцию по освобождению этого стратегически важного населенного пункта и не допустить прорыва окруженного там немецкого гарнизона.

Решение перебросить Рокоссовского вместе со штабом под Сухиничи возникло у Жукова потому, что он не верил, что командующий 10-й армией генерал Ф. И. Голиков сможет не допустить деблокады немецкой группировки в Сухиничах. 21 января между Жуковым и Голиковым состоялся довольно неприятный разговор. Жуков негодовал по поводу того, что немецкая группировка, двигающаяся на помощь окруженной в Сухиничах 216-й пехотной дивизии, смогла потеснить войска 10-й армии и заняла деревни Кишеевка и Брынь: «Почему части армии отходят без приказа и виновные в этом не несут ответственности, положенной по приказу фронта?.. Понятно ли Военному совету армии, что исключительная пассивность, отсутствие управления, беспечность привели к активности противника с целью вывода 216 п/д из Сухиничи и второе — понятно ли Военному совету, что дальнейшие пассивные действия армии, игра в батальоны, игра в поддавки может развязать события и помешать нам в проведении главной операции фронта?»

Голиков пытался оправдаться: «Основой действия армии все время были активные действия. Осложнение обстановки на левом фланге, при запоздалом выводе туда крайне ослабленной боями у Белева 322 с/д, вызвано прежде всего не армией, а связано с резким, почти месячным отставанием Попова. Большие окружности управления при обобщенности дивизий и их большой обескровленности сказались на дальнейшем ходе действий… Я хочу доложить наметку управления

на случай, если бы врагу удалось войти в связь с гарнизоном Сухиничи, хотя против этого все возможные и реальные меры приняты».

Жуков возмутился, что командующий армией допускает мысль о том, что врагу удастся деблокировать Сухиничи: «Если это случится, то Военному совету не придется организовывать управления, на его месте будет другой, а Ваши наметки, исходящие из неуверенности, я осуждаю. С такими настроениями только в беспорядке отходят, а победы ждать не следует. Говорю Вам это из своего личного опыта, что тот командир, который оглядывается назад, никогда успеха не будет иметь. В трудную минуту надо всем членам Военного совета и всем ответственным работникам до командарма включительно быть в нужных частях и по-командирски расправляться со всеми трусами и паникерами. К сожалению, Военный совет фронта не может видеть таких действий со стороны командования и штаба 10-й армии».

Жуков решил заменить под Сухиничами Голикова Рокоссовским. Тот, правда, деблокаду немецкого гарнизона предотвратить не сумел, но зато захватил город. В Москве, по пути к Сухиничам, они с А. А. Лобачевым зашли к старому товарищу Рокоссовского. Лобачев вспоминая:

«Виктор Николаевич Романченко — давний друг и боевой товарищ командарма. С 1929 года они служили в 15-й Кубанской кавалерийской дивизии. Рокоссовский тогда командовал этой дивизией, а Романченко водил за собой эскадрон. Во время событий на Китайско-Восточной железной дороге эскадрон прославился лихими кавалерийскими атаками. Трудящиеся Восточной Сибири избрали Рокоссовского и Романченко делегатами XVI Всероссийского и VII Всесоюзного съездов Советов. Константин Константинович не раз рассказывал о Романченко и сожалел, что ныне этот одаренный командир не в армии. Перед войной Виктор Николаевич учился в Военной академии имени Фрунзе и оттуда его назначили начальником Управления московской милиции. Когда мы были под Крюковом и Истрой, Виктор Николаевич часто приезжал на фронт, оказывал помощь, мобилизуя автотранспорт, очень помог людьми. Даже 50–100 бойцов в ту пору для нас были драгоценной поддержкой. Романченко заменял в Москве мужчин милиционеров женщинами и в общей сложности направил в армию до тысячи бойцов; они мужественно сражались на ближних подступах к столице.

После землянок и фронтовых изб благоустроенная московская квартира показалась нам чуть ли не райской обителью. Хозяин хлопотал у газовой плиты. Рокоссовский подтрунивал над ним. Вспомнили боевых подруг: жены Рокоссовского и Романченко — Юлия Петровна и Зоя Алексеевна — дружили с давних пор. Еще в дни конфликта на КВЖД, когда мужья сражались, они пошли работать сестрами в военный госпиталь. Виктор Николаевич вспоминал лихие налеты той поры и читал отходную любимому роду войск.

— Ты, конечно, прав, — говорил Рокоссовский. — Боевая песня кавалерии спета. Теперь ее применение очень ограничено. Практически — это партизанские рейды по тылам противника. У нас, правда, был момент — помнишь наступление на Теряеву Слободу в середине ноября? — когда кавалерия могла бы сделать большое дело. А что получилось! Дали нам четыре кавдивизии… Кони истощены и не подкованы, смотреть больно! И ведь все-таки наступали…»

Чувствуется, что Константин Константинович тяжело переживал злосчастную кавалерийскую атаку, видел ее изначальную обреченность, но не мог игнорировать приказ Жукова о контрнаступлении. В армии приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Рокоссовский вспоминал:

«Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение. Передав свой участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту. М. С. Малинин повел нашу штабную колонну в Калугу, а мы с А. А. Лобачевым заехали на командный пункт фронта.

Здесь нас принял начальник штаба В. Д. Соколовский, а затем и сам командующий. Г. К. Жуков ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле. Он предупредил, что рассчитывать нам на дополнительные силы, кроме тех, что примем на месте, не придется.

— Надеюсь, — сказал командующий, — что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес…

В штабе фронта нам сообщили, что части 10-й армии окружили противника в Сухиничах. Да и в Меховой мне заявили, что этот город блокирует 324-я дивизия генерала Н. И. Кирюхина. Но командир дивизии, человек энергичный и здравомыслящий, откровенно сказал при знакомстве:

— Мы их окружили, знаете ли, флажками. Опасаюсь, как бы самим не очутиться в западне…

…В ударную группировку были включены 11-я гвардейская дивизия генерала П. Н. Чернышева и 324-я стрелковая, возглавляемая, как уже упоминалось, Н. И. Кирюхиным. Усилили их артиллерией.

Атака была намечена на утро 29 января. Ночью войска заняли исходное положение. Артиллерия еще раньше стала на позиции и подготовила огни.

По плану, главный удар наносили гвардейцы. У Чернышева дивизия была сильнее и по численности, и по вооружению. Пожалуй, и опыта у нее было побольше, чем у 324-й дивизии, которой надлежало нанести вспомогательный удар.

К назначенному времени все было готово. Я, Казаков и Орел находились на НП генерала Чернышева и уже поглядывали на часы.

Прожужжал зуммер. Командир дивизии взял трубку и вдруг с удивлением воскликнул:

— Не может быть!..

— Что там случилось? — невольно вырвалось у меня.

Удивляться было чему: из полка, стоявшего ближе других к городу, передали, что к ним прибежали несколько жителей и сообщили, будто немцы в панике покидают Сухиничи. Командир полка — человек решительный — выслал в город усиленную разведку и уже двинул туда батальон с двумя танками.

А до начала артподготовки оставались минуты.

Я что-то не верил этим сообщениям. Обычно немцы упорно защищаются в населенных пунктах, а тут — такой город! На лицах товарищей я тоже прочел недоумение. Казаков даже, поморщившись, махнул рукой: очередные немецкие штучки…

Как бы там ни было, но я решил задержать открытие артиллерийского огня. Казаков передал приказ на батареи.

Долетели звуки редкой перестрелки. Явно из города. Но стрельба не усиливалась. Что же там происходит?

С каждой минутой напряжение на НП возрастало.

И наконец снова сигнал вызова к телефону. У всех нас руки невольно потянулись к аппарату. Но тут же опустились — не следует мешать дежурному телефонисту. Он доложил, что к аппарату просят комдива. Все насторожились. И вот Чернышев прерывающимся от возбуждения голосом, но твердо говорит:

— По докладу командира полка, противник бежал из Сухиничей. Разведка, батальон с танками и полковой артиллерией уже в городе, а весь полк на подходе к нему.

Невольно у всех, кто был на НП, вырвалось громкое „ура“…

В Сухиничах штаб и управление устроились прекрасно. Правда, город был виден немцам как на ладони и часто подвергался артиллерийскому обстрелу. Пришлось рыть щели, строить блиндажи, чтобы штаб нес меньше потерь.

Обстреливали немцы Сухиничи в разное время дня и ночи. Мы к этому как-то быстро привыкли и, откровенно говоря, почти перестали обращать внимание.

Гражданское население относилось к нам прекрасно. Но с каждым днем жителей в городе становилось все меньше: очень донимали непрекращавшийся обстрел и частые бомбежки с воздуха. Наш Василий Иванович Казаков делал все, чтобы отогнать неприятельскую артиллерию подальше от Сухиничей. Он даже в самом городе поставил 152-миллиметровые гаубицы, замаскировав их в сараях».

Почему немцы неожиданно оставили Сухиничи? 24 января, как раз в день, когда штаб 16-й армии прибыл в Мещовск и начал принимать под свое командование дивизии 10-й армии, находившиеся у Сухиничей, на соединение с окруженной в Сухиничах 216-й пехотной дивизией противника прорвались части 208-й пехотной и 18-й танковой дивизий. Рокоссовский в этом виноват не был, так как еще не вступил в командование в этом районе.

Вскоре немцы узнали о прибытии под Сухиничи штаба 16-й армии и были обеспокоены этим фактом: вместе со штабом сюда могли быть переброшены новые соединения. Однако к тому моменту, как немецкий гарнизон оставил Сухиничи, немецкое командование уже знало, что никаких новых дивизий вместе со штабом 16-й армии под Сухиничи не прибыло (хотя, как мы знаем, вместе со штабом были переброшены армейские части усиления, в том числе артиллерия), так что главной причиной отказа от удержания коридора к Сухиничам, скорее всего, послужила необходимость противодействовать гораздо более опасному советскому прорыву у Медыни.

Ф. Гальдер записал в дневнике 27 января 1942 года:

«На фронте группы армий „Центр“, прежде чем вести наступление через Сухиничи в северном направлении, необходимо ликвидировать группировку противника в районе к западу от 53-го армейского корпуса. Восстановление положения в районе бреши между 4-й танковой и 4-й армиями (район восточнее Медыни) по-прежнему связано с большими трудностями». 28 января он с досадой отметил, что «обнаружились разногласия по вопросу о том, удерживать или оставить Сухиничи. Фюрер требует удержания этого пункта, пока не выявятся результаты наступления под Медынью. Из разговора со Шмидтом (2-я танковая армия) выясняется, что действительно Сухиничи хотели снова сдать. Отдан контрприказ, надеюсь, не поздно!»

Но оказалось, что уже поздно. Командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Рудольф Шмидт, которого беспокоил прорыв советских войск к Медыни и Вязьме, предпочитал оставить Сухиничи, чтобы за счет сокращения линии фронта высвободить части для контрудара с целью отрезать ударную группировку 33-й армии генерала М. Г. Ефремова, наступавшую на Вязьму. 2–3 февраля этот контрудар был успешно осуществлен.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов писал в мемуарах:

«Из целой плеяды военачальников я хочу остановиться на личности Константина Константиновича Рокоссовского. Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось встречаться во время Великой Отечественной войны. С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском Особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армией, прославившей себя в битве под Москвой. Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армией генерала Ф. И. Голикова не ладились дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват этих переговоров противником. Расчет оказался верным. Прибыв под Сухиничи, Рокоссовскому не пришлось

организовывать боя за них, так как противник по его прибытии туда оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году!»

Но на самом деле в тот период немцы о Рокоссовском ничего не знали. Его фамилия, например, ни разу не упоминается в неоднократно цитируемых дневниках Гальдера и Бока. Почти не упоминается она, как и имена других советских полководцев, в мемуарах германских генералов и маршалов. Поэтому сомнительно, что немецкие военачальники в январе 1942 года вообще знали, что 16-й армией командует Рокоссовский, а также что фамилия Константина Константиновича могла их испугать.

8 февраля 1942 года Жуков своей директивой потребовал от командующих 16-й и 61-й армиями не позднее 15 февраля начать наступление с целью разгрома сухиничско-жиздринской и болховской группировок немцев. Константин Константинович утверждал: «На войска 16-й и 61-й армий директивой фронта возлагалась задача разгромить болховско-брянскую группировку противника. Задача, явно не соответствующая силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Занимая широкий фронт обороны, мы не могли оголять его. Вместе с тем только созданием мошной группировки можно было рассчитывать на прорыв вражеской обороны и развитие успеха в глубину и на флангах прорыва». Наступление 16-й армии в таких условиях больших успехов не принесло.

17 февраля 1942 года Рокоссовский получил первые с начала войны письма от жены. В ответном письме он писал:

«Милая Люлюсик! Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Все это передал мне лично корреспондент „Правды“, побывавший у тебя. Сижу, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого мне не надо. Не грусти, Люлю, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживем по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз. Любящий тебя твой Костя. 17 февраля 1942 года».

Вскоре переменчивая военная фортуна едва не поставила крест на планах командарма, а заодно и на его жизни. 8 марта 1942 года в Сухиничах во время проведения 16-й армией частной наступательной операции по овладению деревнями Попково и Маклаки Константин Константинович был тяжело ранен осколком снаряда в спину. Вот как он сам описал обстоятельства ранения:

«Аэросани с быстротой и удобством доставили меня из-под Маклаков на КП. Предстояло поработать над приказом о действиях войск после захвата опорного пункта. А вечером мы все решили пойти на собрание, посвященное Международному женскому дню. В нашей штаб-квартире, как обычно, работали вместе со мной Малинин, Казаков и еще несколько офицеров штаба. Я уже взялся за ручку, чтобы подписать приказ, как за окном разорвался бризантный снаряд. Осколок угодил мне в спину. Сильный удар… Невольно сорвались слова:

— Ну, кажется, попало…

Эти слова я произнес с трудом, почувствовал, что перехватило дыхание.

Ранение оказалось тяжелым. По распоряжению командующего фронтом меня эвакуировали на самолете в Москву, в госпиталь, занимавший тогда здания Тимирязевской академии».

В мемуарах А. А. Лобачева также сохранилось описание этого драматического эпизода:

«Сухиничи, как обычно, враг держал в этот вечер под огнем. Разрывы снарядов на улицах как бы подчеркивали ответственность момента. В суровое время люди вступали в партию, сознательно принимая на себя героические обязанности коммуниста-воина.

Обстрел усиливался. Мы перешли в блиндаж. Вдруг кто-то рванул дверь и крикнул:

— Рокоссовский ранен!

Я бросился к командарму. Он лежал на полу. Малинин и Казаков снимали с него окровавленный китель.

— Ничего, товарищи, не беспокойтесь, — сказал он. Все произошло в какое-то мгновение…

Минуты три назад Рокоссовский зашел в избу начальника штаба, чтобы подписать боевые приказы. Ударил бризантный снаряд и разорвался рядом. Осколки изрешетили раму, один из них попал Константину Константиновичу в спину.

Командарма подняли и бережно уложили на диван. Как назло в штабе армии не оказалось ни одного врача. Главный хирург армии Воронцов выехал в какой-то госпиталь. Я приказал немедленно отправить за ним лошадей.

— Неужели в Сухиничах нет врача? Может быть, найдем кого-нибудь из гражданских?

Через несколько минут доложили: есть местный врач, хирург Петров, он во время оккупации оставался в Сухиничах.

— Ну и что же? Опытный врач?

— Говорят, очень опытный.

Пришел хирург. По дороге его предупредили, что ранен Рокоссовский. Видимо, он был очень взволнован оказанным доверием. Осмотрев командарма, сказал, что сердце у него хорошее, не подведет; осколок ударил по позвоночнику, прошел между ребрами, пробил легкое; раненого необходимо как можно скорее оперировать. Через час прибыл Воронцов и подтвердил то, что сказал местный врач. Посоветовавшись, они предложили отправить Константина Константиновича на операцию в Козельск, в армейский госпиталь.

Я сообщил шифровкой Военному совету фронта о ранении командарма. Через несколько минут последовал телеграфный запрос о состоянии его здоровья.

В 5 часов утра вынесли Рокоссовского на носилках. Он был в сознании. На прощанье каждый из нас пожелал ему скорейшего выздоровления. Я видел, что Рокоссовскому тяжело оставлять фронт, а нам нелегко было расставаться с ним, со своим командующим. Ведь мы сроднились за эти трудные и героические дни! Обращаясь к Казакову и ко мне, он сказал:

— Прошу сейчас же выехать в войска. Надо обеспечить взятие Маклаков, а далее методически выколачивать противника из населенных пунктов.

И пожимая руку Малинину:

— Уверен, Михаил Сергеевич, что штаб будет работать как часы».

Через несколько часов Воронцов прислал записку: «Рана расчищена. Операция сделана в хороших условиях, своевременно и медицински вполне грамотно. Находится в полном сознании. После операции будет направлен в Москву».

Сам А. А. Лобачев был тоже ранен 7 сентября 1942 года, и их боевые пути с Рокоссовским окончательно разошлись.

Рокоссовский всегда помнил о своих боевых товарищах, с которыми довелось вместе идти по суровым фронтовым дорогам. И он, и многие генералы, с которыми ему довелось вместе воевать, не отсиживались в тылу, то и дело появляясь на передовой — часто из-за несовершенства средств связи. Потому-то и получали тяжелые боевые ранения, в отличие от некоторых будущих писателей-фронтовиков, в первом же бою получавших легкое ранение в левое предплечье или в мизинец левой руки, а потом всю войну обретавшихся в запасных частях.

Константин Константинович искренне жалел своих солдат и офицеров, которые нередко клали свои жизни понапрасну, в угоду наступательных амбиций Сталина и других членов Ставки. Как раз во время контрнаступления под Москвой соотношение безвозвратных потерь для Красной армии было наихудшим за всю войну. Согласно всем законам военного искусства после первых успехов в Московской битве надо было приостановить наступление, подтянуть тылы, подвезти боеприпасы,

тщательно подготовить наступление, выявив слабейшие места у неприятеля, и бить в одну точку кулаком, а не растопыренными пальцами. Но Ставка упорно гнала войска вперед, не считаясь с потерями.

Уже после войны, когда Рокоссовский отдыхал на Кавказе, Сталин неожиданно вызвал его на свою дачу в Мацесте, где извинился за то, что маршалу два с половиной года пришлось провести в застенках. Поддавшись порыву, вождь вышел в сад и тут же наломал два букета роз — для Рокоссовского и его супруги. Константин Константинович на всю жизнь запомнил кровь на израненных шипами руках Сталина. Наверное, позже он вспоминал как о жертвах репрессий, так и о миллионах солдат, чья гибель была во многом на совести генералиссимуса. Тогда же Рокоссовский просто похолодел, догадываясь, что когда Сталин перед кем-то извиняется, это для адресата извинений обычно кончается очень плохо. Но обошлось.

В неопубликованной при жизни части мемуаров Рокоссовский критиковал Жукова и Ставку:

«Основой обороны, организуемой врагом, являлись опорные пункты, располагавшиеся в населенных пунктах или в рощах. Промежутки между ними минировались и простреливались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем.

Нашей пехоте, наступавшей жиденькими цепями, приходилось продвигаться по глубокому снегу под сильным огнем. Весьма слабую поддержку оказывала ей артиллерия, располагавшая малым количеством стволов и испытывавшая нехватку снарядов. Еще не видя противника, то есть задолго до атаки наша героическая, но измученная пехота выбивалась из сил и несла большие потери.

Штаб фронта не скупился на директивы, наставления и инструкции, побуждавшие к активности и разъяснявшие, как нужно действовать и быстрее преодолевать в различных условиях сопротивление врага. Эти истины прекрасно были известны командирам и бойцам. Все мы, от рядового до генерала, сами стремились к изгнанию захватчика и победе над ним. Кроме того, находившиеся непосредственно в боевых порядках частей более глубоко и детально знали, в чем нуждаются войска и каковы причины медленного их продвижения. Не инструкции были нужны в то время, а пополнение соединений и частей личным составом, оружием, минометами, орудиями, транспортом, танками, специальной инженерной техникой, минами и снарядами…

Невольно возникал у меня, у многих других вопрос: почему же наше Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб да и командование фронта продолжают бесцельные наступательные операции? Ведь было совершенно ясно, что противник, хотя и отброшен от Москвы на сто с лишним километров, еще не потерял своей боеспособности, что у него еще достаточно возможностей для организации прочной обороны и, чтобы решиться на „разгромный“ штурм, необходимо накопить силы, оснащенные в достаточном количестве вооружением и техникой. Всего этого у нас в январе 1942 года не было. Почему же в таком случае мы не используем отвоеванное у врага время для подготовки вооруженных сил к предстоящим на лето операциям, а продолжаем изматывать не столько врага, сколько себя в бесперспективном наступлении? Это была грубейшая ошибка Ставки ВГК и Генерального штаба. В значительной степени она относится и к командующим Западным и Калининским фронтами, не сумевшими убедить Ставку в несостоятельности наступательной затеи, которая оказалась выгодной только врагу, перешедшему к обороне и готовившему по директиве Гитлера свои войска к решительным действиям в летнюю кампанию 1942 года. Об этом нельзя умалчивать».

О том, сколь дорогой ценой давалось советским войскам продвижение вперед в контрнаступлении под Москвой и сколь скромными были результаты в плане нанесенных немцам потерь, свидетельствуют данные о людских потерях сторон и о их соотношении.

В период с 10 по 31 декабря 1941 года, согласно данным дневника Гальдера, потери германских сухопутных сил на Востоке составили 65 825 человек, в том числе 10 923 убитых и 4389 пропавших без вести. Это в 1,4 раза меньше, чем немецкие потери в период с 6 ноября по 10 декабря, когда происходило последнее немецкое наступление на Москву. Однако в среднесуточном исчислении они оказываются в 1,2 раза больше, чем потери в период, когда немецкая армия наступала. Тем не менее

ни о каких катастрофических потерях в ходе отражения советского контрнаступления говорить не приходится, даже если принять во внимание, что данные Гальдера не охватывают больных, а больных и обмороженных в декабре было значительно больше, чем в ноябре. Отметим, что всего к началу февраля 1942 года в германской армии на Востоке насчитывалось 60 977 больных. Также небольшое число пропавших без вести германских солдат и офицеров (менее 4,5 тысячи) свидетельствует, что в плен попало сравнительно немного немцев. В период с 31 декабря 1941-го по 31 января 1942 года немецкие потери на Восточном фронте, согласно записям Гальдера, достигали 87 082 человек, включая 18 074 убитых и 7175 пропавших без вести. Это в 1,3 раза больше, чем в период с 10 по 31 декабря. Однако в среднесуточном исчислении никакого прироста немецких потерь нет. Наоборот, наблюдается их уменьшение в 1,1 раза.

Достоверных данных о советских потерях в ноябре и декабре 1941 года нет, но они многократно превышали немецкие, особенно по числу убитых и пропавших без вести. Вот только один пример: 323-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта за три дня боев, с 17 по 19 декабря 1941 года, потеряла 4138 человек, в том числе 1696 — погибшими и пропавшими без вести. Это дает средний ежедневный уровень потерь в 1346 человек, в том числе безвозвратных — в 565 человек. Вся германская Восточная армия, насчитывавшая более 150 дивизий, за период с 11 по 31 декабря 1941 года включительно имела средний ежедневный уровень потерь лишь немногим больший. В день немцы теряли 2658 человек, в том числе только 686 — безвозвратно. Тут надо подчеркнуть, что общее соотношение потерь, с учетом раненых и особенно обмороженных, было относительно более благоприятным для Красной армии, где число убитых в тот период было почти равно числу раненых, тогда как в вермахте раненых было в 3–4 раза больше, чем убитых.

Рокоссовский был абсолютно прав, когда предлагал завершить наступление под Москвой еще в конце декабря, после овладения волоколамским рубежом, и не пытаться распространить его на весь советско-германский фронт. Непосредственная угроза Москве была бы устранена, а советские войска избежали бы многих напрасных потерь.

Но в сталинской системе войны Красная армия могла побеждать только большой кровью. По-настоящему профессиональной армии Сталин страшился как потенциальной угрозы своей ничем не ограниченной власти. Он предпочитал воевать необученным пополнением. Тем более что о настоящих цифрах советских потерь, а также о их соотношении с немецкими он так никогда и не узнал. При представлении наверх данные о потерях Красной армии, как правило, значительно приуменьшались, потери же немцев, наоборот, многократно преувеличивались. Где-то к концу первого года войны Сталин и Генеральный штаб начали догадываться, что немцы отнюдь не несут тех потерь, которые им приписывают боевые донесения. Ведь будто бы разбитые под Москвой немецкие войска оказались в состоянии летом 1942 года предпринять новое генеральное наступление и оттеснить Красную армию до Сталинграда.

Писатель Александр Бек в очерке «Штрихи», написанном по горячим следам, в марте 1942 года, запечатлел свои встречи с Рокоссовским в период Битвы под Москвой:

«Мне привелось видеть Рокоссовского в войсковых частях и в штабе армии в разные моменты битвы под Москвой. Чаще всего он молчит.

Помню уцелевший дом в сожженном немцами подмосковном городке — Рокоссовский приехал туда на следующее утро после того, как наступающая армия взяла этот населенный пункт. Рокоссовский сидел на голой дощатой кровати, удобно привалившись к углу, в меховой ушанке, в меховых сапогах, в неизменном кожаном пальто без знаков различия. В домике обосновался штаб артиллерийского полка. С командирами разговаривал генерал Казаков, начальник артиллерии армии, очень добрый и очень требовательный человек. А Рокоссовский молча курил и слушал.

Пришли партизаны — восемнадцати- и девятнадцатилетние юноши с сияющими глазами, раскрасневшиеся, в распахнутых пальто и полушубках: в тот день для них был незаметен тридцатипятиградусный мороз. Улыбаясь и шутя, их расспрашивал член Военного совета армии грузный и веселый Лобачев. А Рокоссовский по-прежнему молчал, время от времени доставая

очередную папиросу из походной папиросницы, висящей на ремне рядом с полевой сумкой и планшетом.

Входили и выходили командиры; многие узнавали командующего армией, спрашивали: „Разрешите обратиться?“, „Разрешите идти?“ Рокоссовский молча кивал.

За два часа он не произнес ни слова. Я изумлялся, искоса поглядывая на него. Вероятно, он устал или расстроен? Нет, голубые глаза были ясными, живыми и с интересом присматривались к каждому новому лицу. И может быть, видел, слышал, замечал больше, чем кто-либо из присутствующих. Но молчал. Его удобная поза, неторопливые движения, спокойный взгляд как бы свидетельствовали: тут все идет так, как этому следует идти. Потом он поднялся и сказал:

— Пошли, пожалуй. До свиданья, товарищи. Не будем вам мешать».

Здесь бросается в глаза, что Рокоссовский подчеркнуто не вмешивался в действия своих подчиненных. Его присутствие действовало на них успокаивающе. Они знали, что в случае, если действительно возникнет такая необходимость, Константин Константинович им обязательно поможет, подскажет верное решение. А по мелочам вмешиваться не будет. В черновом наброске Бек выразился еще определеннее: «Жест — провел рукой по волосам, проверил, в порядке ли прическа. Он молчал. Голубые глаза. Неполная улыбка. Он два часа молчал. Курил и молчал… И вдруг мне стало ясно. Он застенчив. Он профессионал войны, командующий армией, он теряется во всяком обществе, кроме своего, военного. Я знаю этот тип, у него все здесь. И тут он огромная сила». Действительно, для Рокоссовского армия была родным домом. И только в обществе военных командующий по-настоящему раскрывался. Может быть, он и в самом деле стеснялся присутствия журналиста и потому был неразговорчивее, чем обычно. Да и болтать Рокоссовский никогда не любил.

Далее в очерке Бек дал развернутый психологический портрет Рокоссовского:

«Впервые я увидел Рокоссовского среди командиров, которым только что вручили ордена. Лобачев, сидевший рядом с Рокоссовским, поднялся и, покрывая шум голосов, объявил:

— Сейчас несколько слов скажет Константин Константинович.

Рокоссовский смущенно поправил волосы и покраснел. В этот миг мне стало ясно — Константин Константинович очень застенчив. Как-то впоследствии я сказал Рокоссовскому об этом.

— Вы угадали, — ответил он.

Не удивительно ли, что Рокоссовский, командующий многотысячной армией, имя которого прославлено в великом двухмесячном сражении под Москвой, тем не менее порой краснеет, страдая от застенчивости.

Я не знаю детства и юности Рокоссовского, не знаю, как сформировалась эта своеобразная и сильная натура, но некоторые впечатления позволили кое-что понять.

Рокоссовский приехал в деревню, только что отбитую у немцев. Еще дымились сожженные постройки. Стоял крепкий мороз. В мглистом, казалось бы, заиндевевшем воздухе пахло сгоревшим зерном; этот резкий, специфический запах — горький запах войны — долго не выветривается. Из-под пепелищ жители выкапывали зарытое добро. Одни куда-то везли поклажу на салазках, другие семьями расположились у костров и что-то варили в котелках и ведрах. Валялись убитые лошади, кое-где уже тронутые топором. В розвальнях везли патроны на передовую; шли красноармейцы, тепло одетые, разрумяненные на морозе; одна группа расположилась на привал, послышалась гармонь; кто-то, присвистывая, пошел вприсядку; туда отовсюду кинулись ребятишки.

Кое-где лежали неубранные трупы немцев. Спеша похоронить своих, немцы свалили мертвые тела в колодец, набросали доверху, но не успели засыпать.

Из колодца торчала мертвая, окостеневшая рука со скрюченными пальцами, коричневыми от стужи, этот труп был, вероятно, поднят с земли затвердевшим и, брошенный сверху, так и остался в неестественной и страшной позе.

Рокоссовский подошел к колодцу. Потом повернулся, посмотрел вокруг и, обратившись ко мне, сказал:

— Чувствуете запах гари? Когда посмотришь на все это, вспоминаются исторические книги. Как отбивали татарское нашествие, как воевали запорожцы. Помните Тараса Бульбу?

Другой раз Рокоссовский вспомнил о книгах, сидя за ужином рядом с Масленовым, начальником политуправления армии. Разговор шел о боях под станцией Крюково, которые в армии Рокоссовского любят называть „вторым Бородино“.

— Я говорю, это было так! — сказал Масленое и с силой воткнул в дерево стола большой перочинный нож, которым только что открыл консервы.

Рокоссовский достал из кармана свой нож, раскрыл его и вонзил рядом.

— А я говорю: не так!

И добавил, взглянув на Масленова с улыбкой:

— Мы индейцы племени Сиук-Су… Помнишь Майн Рида?

И мне вдруг представился застенчивый мальчик, который дичится на людях. Он держится в стороне, молчит, смотрит, слушает. И много читает.

Больше всего о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Потом сам становится военным. И туда, в военное дело, он вкладывает все, чем обладает. Военное дело становится его призванием, его творчеством, его… Рокоссовский сам произнес слово, которое я подыскивал, стремясь схватить стержень его личности.

— Страсть, военная страсть, — сказал он, когда однажды мы разговорились о характерах некоторых известных полководцев.

Такая страсть — „военная страсть“ — безраздельно владеет Рокоссовским. Но даже смолоду она выражалась у него не только в удали и лихости, хотя все это было, и даже с избытком, на его командирском веку, начавшемся в драгунском полку на театре первой мировой войны. Он принадлежит к числу военных, которых называют мыслящими. Много думает о проблемах войны. В армии про него иногда говорят: „Задумчивый“.

Мне кажется, что я уловил правило, которым Рокоссовский неизменно руководствуется. Это правило, быть может, годится не для всех. В нем сказались не только опыт и размышления Рокоссовского, но и особенный склад его характера. Правило, о котором идет речь, Рокоссовский высказал за тем же ужином, когда он поспорил с Масленовым. Кроме них в комнате находились многие из комсостава армии: Лобачев, Малинин, Казаков, начальник службы тыла генерал Анисимов и другие. Пели „Стеньку Разина“. Подошла строфа:

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми…

— Святые слова! — сказал Рокоссовский.

— Почему святые? — спросил я.

— Потому что на войне все совершает коллектив.

— А командующий?

— Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей. И давать им развернуться.

— А сам?

— Сам может оставаться незаметным. Но видеть все. И быть большим психологом».

Мне кажется, что основные черты личности Рокоссовского Бек здесь подметил очень точно. Скромность маршала порой переходила в застенчивость, особенно с незнакомыми людьми и в больших собраниях. И в то же время — качества хорошего психолога, умеющего во вполне демократической манере руководить военным коллективом, члены которого привыкли к авторитарному стилю руководства. И вера в то, что он и его команда — вольные люди. Хотя, наверное, в глубине души Константин Константинович сознавал, что это не совсем так. Они могли чувствовать себя вольными в тот момент, когда со всей страстью отдавались военному делу: планировали операции, производили расчеты, отдавали приказы, выезжали в войска. Бек нашел очень правильное слово — страсть. Но Рокоссовский очень хорошо знал, что над ними есть Сталин, чья воля — закон. А между ними и Сталиным — еще и Берия с НКВД. Вряд ли он теперь верил, что чекисты могут самостоятельно, без санкции вождя казнить и миловать военачальников.

И еще Александр Альфредович верно подметил генезис военной страсти Рокоссовского. Она шла из детства, из прочитанных книг, от Майн Рида и Фенимора Купера, от популярных книжек о войнах и сражениях, от игр в индейцев.

Бек вспоминал:

«Другой раз мне пришлось наблюдать, как Рокоссовский работает у себя на командном пункте. Штаб армии только что прибыл в небольшое селение. Оперативный отдел разместился в промерзшей насквозь школе, штабные командиры работали за партами. Дымила и еще не согревала комнату давно не топленная большая печь. Предстояла разработка новой операции и составление боевого приказа войскам. Вошел начальник штаба генерал Малинин, властный и умный человек. Большого стола не оказалось; на сдвинутые парты положили классную доску; на ней расстелили карту, склеенную из многих листов. Там уже было зафиксировано расположение сил — наших и противника, — как оно сложилось к этому моменту. Несколько минут спустя появился Рокоссовский вместе с Казаковым. Все пошли к карте. Немного пошутили относительно соседа, который по приказу передал армии Рокоссовского часть своего участка (очевидно, дело происходило под Сухиничами в январе 1942 года, накануне взятия города войсками 16-й армии. — *Б. С.).*

— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко, — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень все разбросано, — произнес Малинин, — противник может уйти, если нажмет.

— Конечно, надо собрать силенки и разделываться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

Таков приблизительно был разговор между командующим и начальником штаба.

Затем заработал штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о наличной численности и вооружении каждой части; он записывал, подсчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и намерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана; ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара. Все это делалось основательно, без суеты, без спешки. Истек час, другой, третий — Малинин с работниками штаба все еще готовил боевой приказ. А Рокоссовский — высокий, легкий, не наживший, несмотря на свои 45 (на самом деле 47. — *Б. С.)* лет, ни брюшка, ни сутуловатости, — ходил и ходил по комнате, иногда присаживаясь на крышку

парты. Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведке поточнее. Чтобы никто не сунулся напропалую.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темнеть; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну. Рокоссовский прилег на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до полу, и слегка покачивались. И опять — его вольная удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут все идет так, как этому следует идти. Малинин отлично ведет дело и ни во что не надо вмешиваться».

В описании Бека Рокоссовский выглядит очень уж флегматичным. Но, по свидетельству писателя, бывали моменты, когда Константин Константинович бурно проявлял свои чувства:

«Несколько раз я видел Рокоссовского разгневанным. Бывая на передовой линии, в батальонах, Константин Константинович не любил, чтобы за ним ходила свита, предпочитал, чтобы командир дивизии, командир полка его не сопровождали. Так было и в тот день. С передовой Рокоссовский пришел в штаб полка. Командир полка отрапортовал и стал докладывать обстановку, указывая на карте географические пункты. Рокоссовский молча слушал, но лицо его мрачнело.

— Где тут у вас окопы? — перебил он.

Командир показал. И вдруг, не сдержавшись, Рокоссовский крикнул:

— Врете! Командующий армией был на месте, а командир полка там не был! Стыдно!

И, круто повернувшись, вышел. Здесь все характерно для Рокоссовского. Он постоянно — в отдельные периоды ежедневно — выезжает с командного пункта в части, ходит, наблюдает, мало говорит, много слушает и присматривается, присматривается к людям. Механизм управления армией функционирует в это время без него. Отсюда, с боевых участков, Рокоссовскому многое виднее, в том числе и качество работы собственного штаба. К подчиненным, от мала до велика, и к самому себе он прежде всего предъявляет одно требование: говорить правду, как ни трудно иной раз ее сказать. Вранья не терпит, не прощает.

В другом случае он не вышел из себя, не повысил голоса, но говорил очень резко. Речь шла о потерях, которых можно было бы избежать при взятии одной деревни, если бы операция была подготовлена более тщательно.

— Безобразно, бескультурно, безалаберно! — сурово определил Рокоссовский. — Почему полезли без разведки?

Затем, не перебивая, выслушал ответ. Виновный, не подыскивая оправданий, напрямик признал ошибку.

— Другой раз предам суду за такие вещи! — сказал Рокоссовский, и оба твердо знали, что так оно и будет, если ошибка повторится.

— Берегите каждого человека! — продолжал командарм. — Пока не узнал, где противник, каковы у него силы, не имеешь права продвигаться! Черт знает что! Когда, наконец, научимся культурно воевать!

Меня поразило это словосочетание: „Культурно воевать!“ Впоследствии я много раз вспоминал это выражение, раздумывая о Рокоссовском.

И вот еще один случай. К линии фронта, продвинувшейся за день на несколько километров к западу, медленно шли две легковые машины, кое-где увязая в косяках наметенного снега: впереди машина Рокоссовского, следом — Лобачева, где сидел и я. Дорогу расчищали саперы. Передняя машина неожиданно затормозила. Я увидел нескольких саперов, сидевших на снегу, покуривавших. Рокоссовский вышел, быстро к ним зашагал, и мы в задней машине, тоже остановившейся, вдруг услышали его гневный голос. Я приоткрыл дверку и уловил слова.

— Фронту нужны снаряды, а вы тут штаны просиживаете, герои!

И отвернувшись, Рокоссовский пошел обратно. Даже по походке чувствовалось, как он возмущен. Машины двинулись, но вскоре снова остановились, когда к передней подбежал командир. Рокоссовский поговорил с ним несколько минут, уже не повышая голоса. Дороги, ровные, широкие дороги, — этого постоянно и настойчиво требует Рокоссовский от своего инженерного отдела. Могу удостоверить: я бывал, конечно, далеко не во всех армиях, но кое-где пришлось поездить — нигде я не видел таких хороших дорог, как на участке армии Рокоссовского».

Характерно, что Рокоссовский только грозил судом там, где Жуков распорядился бы под суд отдать. И пугал он подчиненных без использования ненормативной лексики. И никогда их не бил, об этом свидетельствуют все знавшие его.

Замечательно стремление Константина Константиновича «культурно воевать». Но делать это в Красной армии было ох как непросто. Над генералами и маршалами стоял Верховный главнокомандующий, который каждого из них мог расстрелять. А в самом основании пирамиды были миллионы поспешно кинутых в бой плохо обученных и даже вовсе необученных красноармейцев, с которыми при всем желании культурно воевать не было никакой возможности. Тем не менее Рокоссовский как мог стремился уменьшить потери, но это не всегда получалось.

Закончил свой очерк о Рокоссовском Бек следующими словами:

«В армии передаются рассказы о его бесстрашии под огнем. Но ему свойственно и иное, быть может, высшее бесстрашие — бесстрашие ответственности. Немногословие — особенность его характера. Он, молчаливый и часто, казалось бы, незаметный, отвечал за все — за каждого подчиненного, за весь свой коллектив, за каждую операцию своей армии. Нелегко и, пожалуй, даже невозможно отыскать и назвать какое-либо достижение армии Рокоссовского, о котором можно было бы сказать: это сделал Рокоссовский, он один и никто больше. Но он бесспорно достоин того, что армия, которой он командует, называется армией Рокоссовского».

Действительно, войска 16-й армии, а потом фронтов, которыми командовал Константин Константинович, с гордостью назвали себя рокосовцами.

Александр Бек, один из творцов советской производственной литературы, рисует Рокоссовского в качестве, как теперь бы сказали, эффективного менеджера, для которого армия — та же фабрика или завод, деятельность которого надо наладить наилучшим образом. Только существовал-то Рокоссовский в сталинской административно-командной системе, и даже когда он стал командовать фронтом, его возможности оставались весьма ограниченными. Но, в отличие от многих других советских военачальников, Рокоссовский хотя бы пытался «воевать культурно».

Рокоссовскому принадлежит несомненная заслуга в том, что на подступах к Москве его 16-я армия сумела сдержать натиск наиболее мощной немецкой группировки, против которой потом провела успешное контрнаступление. Его имя стало известно всей стране. Его заметил и выделил Сталин в качестве одного из наиболее перспективных полководцев. Ранение не стало тормозом в карьере Рокоссовского — вскоре после выздоровления его назначили командовать Брянским фронтом.

Глава седьмая
СТАЛИНГРАДСКИЙ ПЕРЕЛОМ

Когда 8 марта 1942 года Рокоссовский получил осколочное ранение в бою под Сухиничами, его срочно доставили в полевой госпиталь города Козельска, а оттуда — в Москву. Госпиталь

располагался в корпусе Тимирязевской академии. Рана оказалась тяжелой — были повреждены легкое и позвоночник.

Константин Константинович вспоминал:

«Пока лечился, смог разыскать свою семью — жену и дочь, которые в начале войны эвакуировались из прифронтовой полосы. Очутились они в Казахстане, а затем в Новосибирске. Навестивший меня секретарь Московского комитета партии Г. М. Попов посоветовал перевести семью в Москву и помог с квартирой».

Можно предположить, что над этим местом в мемуарах Рокоссовского поработали редакторы. На самом деле, как мы уже знаем, местожительство семьи Рокоссовский установил еще до начала немецкого наступления на Москву, а первое письмо от семьи получил 17 февраля 1942 года, почти за три недели до ранения.

Позднее это место в мемуарах породило легенды о романе Константина Константиновича с известной актрисой Валентиной Серовой. Между тем еще во время битвы под Москвой у Константина Константиновича появилась фронтовая жена — военврач 2-го ранга Галина Васильевна Таланова. Эта симпатичная молодая женщина небольшого роста покорила сердце двухметрового красавца, командующего 16-й армией. Она окончила медвуз в самом начале войны и была направлена служить в 85-й походно-полевой госпиталь, который находился в армии Рокоссовского. По воспоминаниям Галины Васильевны, их знакомство с будущим маршалом произошло следующим образом. Однажды в Крюково, где в тот момент размещался штаб Рокоссовского, привезли раненых. Таланова спешила к грузовикам с ранеными и не заметила шедшего мимо высокого военного с генеральскими петлицами. А он остановил ее негромким окликом и сказал, улыбаясь:

— Что же это вы, товарищ офицер, не отдаете честь?

Позднее Константин Константинович признавался, что, когда увидел ее, «воробушка» в военной форме, сапогах, маленькую, хрупкую, то был потрясен. Уж больно она была похожа на его жену Юлию — не только внешностью, но и легкой, стремительной походкой. Этот роман продлился до конца 1944 года и увенчался в январе 1945 года рождением дочери Надежды, которую Рокоссовский зарегистрировал на свое имя.

Вообще, о личной жизни Константина Константиновича, особенно после его смерти, ходило много слухов и легенд. Обаятельный, с отменными манерами, он очень нравился женщинам. И больше всего говорили и говорят о его бурном романе с Валентиной Серовой. Версий здесь множество. Кратко перескажем лишь некоторые из них.

Бывший адъютант маршала Б. Н. Захацкий утверждал: «Константин Константинович очень любил свою жену и был ей верен. Случай с Серовой — особая история. И то, как она закончилась, лишний раз доказывает величайшую порядочность Рокоссовского и его глубокую любовь к семье. Но вообще-то не стоит подробно исследовать интимные моменты из жизни таких людей. Ведь суть Рокоссовского в другом — это великий военачальник и патриот России. Именно в эти черты и нужно нам вглядываться и брать пример».

Насчет отношений Рокоссовского с Серовой достоверно известно то, что они познакомились в госпитале, который располагался в комплексе зданий Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Туда знаменитая актриса приехала, чтобы в составе концертной бригады выступить перед ранеными.

Рокоссовский сразу же понравился Серовой, которой тогда было всего двадцать четыре года. Существует легенда, будто уже на следующий день влюбленный Рокоссовский отправил адъютанта за актрисой прямо в театр. Молва говорит, будто бы Серова каждый день приходила в госпиталь и выхаживала Константина Константиновича. У Валентины Серовой на Малой Никитской было целых две квартиры (своя и матери). И когда после выписки из госпиталя врачи порекомендовали Рокоссовскому побыть какое-то время в Москве для реабилитации, то он поселился в верхней

квартире, принадлежавшей Серовой, а та временно переселилась в мамину, на первом этаже. И у Рокоссовского будто бы с утра до вечера толпились военные. А когда Берия якобы пришел к Сталину с докладом: что Рокоссовский изменяет жене с актрисой, что будем делать, Сталин с улыбкой ответил: «Что будем делать? Завидовать будем».

Роман Серовой с Рокоссовским будто бы продолжался недолго, месяца три. Все закончилось, когда Константину Константиновичу сообщили, что его жена и дочь нашлись. Рокоссовский стал собираться на фронт, и больше они не встречались. По другому варианту легенды, Валентина Васильевна позднее будто бы ездила к нему на фронт и даже в Польшу после войны. Еще одна версия: в Польшу не ездила, но когда Рокоссовский приезжал из Польши в Москву, то они встречались.

Есть и другая версия знакомства. Будто бы Рокоссовский уже поправился после ранения и пошел в театр. К нему в ложу зашла Серова. Они завели ни к чему не обязывающий светский разговор, затем последовало несколько встреч на дружеских застольях. Серова очень любила покрасоваться рядом с генералом. Потом пошли слухи, будто Серова подарила Рокоссовскому часы с гравировкой: Р.К.К. от В.В.С. А потом будто бы были только письма Валентины Константину, причем безответные.

Не исключено, что слухи о их близости с Рокоссовским инициировались самой Серовой. Внебрачная дочь маршала Надежда Рокоссовская вспоминала, ссылаясь на дочь Серовой, что мать говорила ей: «Как актрису меня могут забыть, но Героя Советского Союза Серова, поэта Константина Симонова и маршала Рокоссовского будут помнить всегда. И мое имя всегда будет рядом с ними».

Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский со слов матери рассказывал:

«За заслуги во время обороны Москвы горисполком выделил нашей семье квартиру на улице Горького, и, когда дед был тяжело ранен в 1942 году, мама с бабушкой приехали ухаживать за ним. Деда ранило осколком в спину, он лечился в московском госпитале при Тимирязевской академии. Как только смог вставать, сразу перебрался из госпиталя домой и ждал, когда врачи разрешат ему вернуться на фронт. Все попытки врачей извлечь осколок оказались напрасными, но, несмотря на мучительные боли, дед шутил с мамой, пел бабушке их любимые русские и польские песни… Как бы ни складывалась обстановка, он всегда находил возможность известить о себе. Даже прилетая на два часа по вызову Ставки, он по дороге в аэропорт хоть на пять минут заезжал домой, умудрялся все время присылать с фронта какие-то продуктовые посылочки».

В наиболее распространенных версиях о любви Рокоссовского и Серовой неверно практически все. Константин Константинович никак не мог долечиваться в квартире Серовой. Ведь у него уже в апреле 1942 года в Москве была своя пятикомнатная квартира на улице Горького, а из госпиталя он выписался только 22 мая. Серова не могла выхаживать Рокоссовского и в госпитале — там возле раненого мужа все время находилась его жена. И он никак не мог узнать в госпитале о том, что его семья жива и здорова, поскольку знал об этом задолго до того, как был ранен. Следовательно, в госпитале их роман завязаться никак не мог. И все рассказы о цветах, подарках, о том, как Сталин позавидовал Рокоссовскому — это плод народной фантазии, что, кстати сказать, является еще одним свидетельством любви народа к своему герою.

Внук Рокоссовского Константин Вильевич уверенно опровергает версию о романе с Серовой:

«Единственный шофер Рокоссовского, который безотлучно находился при генерале с начала войны и был при нем в госпитале, — Сергей Иванович Мозжухин, — утверждает, что никогда не привозил Серову к Рокоссовскому. Он рассказал мне другую историю: в день знакомства Серова пригласила Рокоссовского в Большой театр, разумеется, когда он пойдет на поправку. Деду это было приятно, что греха таить, все-таки известная актриса! И спустя какое-то время они туда действительно поехали. В театр они зашли вдвоем с водителем со служебного входа, нашли указанную в пропуске ложу. Серова села рядом с Рокоссовским. На неожиданную пару, разумеется, смотрел весь зал, и генералу было неудобно под пристальными взглядами театральной элиты. Кончился спектакль. Из театра Рокоссовский вышел вместе с Сергеем Ивановичем. Сел в машину и вернулся в госпиталь. И пошли по Москве слухи…

Светлана Павловна Казакова, вдова маршала артиллерии Казакова, который был в 1942 году командующим артиллерией 16-й армии и одновременно — лучшим другом дедушки, — рассказывала: актриса как-то приехала в госпиталь еще один раз. Это было в начале мая, и бабушка уже была в Москве. Серову к генералу не пустили. Одно дело актриса, которая участвует в концерте, другое — посетитель. Ее не ждут. Она попросила разрешения поговорить с его женой. Юлия Петровна вышла. Серова призналась, что питает симпатию к генералу. Бабушка искренне посоветовала ей выбросить это из головы. Все понятно — герой, романтика, но в жизни все прозаичнее…

В нашем семейном архиве сохранилась справка из госпиталя о том, что 22 мая 1942 года он был выписан. В послужном списке маршала, в приказах и архивных документах значится, что 25 мая он прибыл на фронт. Этого же числа он пишет в письме жене и дочери: „Милые и дорогие мои Люлю и Адуся! Прибыл на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили мне провести с вами более продолжительное время…“ И это, кстати, подтверждает, что несколько дней перед фронтом он провел не у актрисы, а в новой квартире с женой и дочерью. Он не видел их почти год, с 22 июня 1941, когда во главе 9-го мехкорпуса выступил в боевой поход…

Мама рассказывала мне, что маршал, по его же собственным словам, не питал большой симпатии к Валентине Серовой. Их встреча не произвела на него впечатления. И он сначала не понял, что ту галантность, которой Рокоссовский был известен, актриса истолковала по-своему. Думаю, что прозрел он только тогда, когда кто-то из знакомых пересказал слух о его романе с Серовой. Он сразу сел за перо. Написал жене, чтобы держалась, не переживала: „Я знаю, что тебе будет трудно, так как всяких слухов и сплетен не оберешься. Причиной этому является то обстоятельство, что многим стало просто лестно связать мое имя с собой. Отметай все эти слухи и болтовню, как сор“. Это было спустя две недели после возвращения на фронт…

По рассказам деда, Серова действительно писала ему письма, один раз приезжала с артистами в его войска. Тогда она настаивала на отдельном выступлении со своей бригадой в штабе фронта. Шел 43-й год, обстановка была напряженная, и он отказал. Да и на фронт артистов пустили только потому, что генерал понимал: людям нужно хоть на мгновение отвлечься от войны, и лишить солдат небольшого концерта, да еще и с участием той, которая „умела ждать, как никто другой“, он не мог. В качестве командующего Рокоссовский был предельно гостеприимен, и только».

Константин Вильевич опровергает и еще одну легенду, связанную с отношениями Серовой и Рокоссовского: «Еще одна ошибка, которая часто встречалась мне в разных СМИ — это романтическая история о том, как в 1949 году перед отъездом маршала Рокоссовского в Польшу в качестве министра обороны актер Павел Шпрингфельд видел его под окнами у Серовой (об этом Шпрингфельд рассказывал актрисе Инне Макаровой. — *Б. С.*). Причем Серова якобы поспорила, что в пять часов там будет стоять военный, которого Павел узнает. То есть это был не единичный случай. Если внимательно прочитать биографию маршала, то становится ясно, что Павел Шпрингфельд что-то перепутал. Дело в том, что с июня 1945 года до своего назначения министром обороны Польши маршал командовал Северной группой войск, которая размешалась на территории Польской Народной Республики. И пафосный отъезд в сорок девятом в Польшу на самом деле был элементарным переездом из Легницы в Варшаву. То есть стоять под окнами у Серовой маршал мог бы только в том случае, если бы она проживала в польском городе Легница. Так же можно развенчать и другие мифы».

Тут стоит оговориться. Перед назначением министром обороны Польши Рокоссовский наверняка встречался со Сталиным в Москве (об этом, как мы увидим дальше, сообщает генерал П. И. Батов), так что стоять под окнами Серовой, в принципе, мог. Но не исключено, что у Шпрингфельда (или у Макаровой) за давностью лет произошла аберрация памяти и в действительности имелся в виду приезд Рокоссовского в Москву в июне 1945-го для участия в Параде Победы и последующий отъезд в Польшу.

По словам К. В. Рокоссовского, «дед очень уважительно относился к Симонову, любил его стихи. Книги поэта с дарственными надписями занимали почетное место в книжном шкафу в его кабинете.

Они много раз встречались на фронте. После возвращения деда из Польши Симонов часто приглашал его на встречи с фронтовиками. О поэте дед всегда отзывался с уважением и питал к нему искреннюю симпатию. Это уже и я помню. И, насколько мне известно, Симонов тоже хорошо относился к деду. Не думаю, что, если бы роман с Серовой был реальностью, Рокоссовский нашел бы в себе силы общаться с ее мужем. Он был очень стеснительным человеком, ему все было „нехорошо“, „неудобно“. И в такой неловкой ситуации я не могу его представить».

А вот что пишет по поводу отношений Серовой и Симонова театровед Виталий Вульф: «Однажды в одном из госпиталей, где на излечении находился высший комсостав, ее попросили выступить в отдельной палате. Она пришла туда — и увидела бледное, исхудавшее, умное, красивое лицо, и на нем — огромные синие глаза, в которых было нетерпеливое и напряженное ожидание. Это был маршал Константин Рокоссовский. Они долго разговаривали, и когда Серова вернулась домой, она тут же заявила Симонову, что влюбилась. Насколько близки были Серова и Рокоссовский, никому не известно. Она никогда никому не говорила о своей любви. Только в 1968 году, услышав по радио о смерти Рокоссовского, она рассказала своей дочери, Марии Кирилловне, об их коротком романе. В детали она не вдавалась…»

Подводя итог всему, что нам известно о взаимоотношениях Константина Рокоссовского и Валентины Серовой, можно заключить, что наиболее правдоподобной выглядит версия потомков Рокоссовского. И она единственная подкреплена хоть какими-то документами.

Мы уже убедились, что к моменту своего ранения Константин Константинович не только прекрасно знал, что его семья жива и невредима, но даже установил с ней переписку. В первые недели после ранения, когда его состояние было тяжелым, Рокоссовскому, разумеется, было не до романов. А потом за ним в госпитале постоянно ухаживала приехавшая в Москву жена, а из госпиталя он почти никуда не уходил. После выздоровления будущий маршал оставался в Москве всего три дня. В эти дни он, скорее всего, и встретился с Серовой в театре, но ночевал он точно не у нее, а вместе с семьей в квартире на улице Горького. Для романа с Серовой у Рокоссовского просто не остается ни времени, ни пространства.

Скорее всего, роман полководца и актрисы был чисто платоническим. И, вполне возможно, односторонним: Серова любила, а Рокоссовский — нет. Конечно, мы очень мало знаем о личной жизни маршала. Но все, что мы знаем, свидетельствует о его скромности и даже застенчивости. На ловеласа он никак не походил. Законной жены в тылу и походно-полевой жены, как тогда говорили, на фронте ему было даже слишком много. Он чувствовал свою вину перед обеими и вряд ли бы рискнул заводить еще один роман. Если Константин Константинович нравился многим женщинам, это совсем не значит, что многие женщины нравились ему.

Скорее всего, у Константина Константиновича и Валентины Васильевны могло быть несколько встреч в послевоенной Москве, во время редких визитов туда Рокоссовского. Затем, в середине 1950-х, прогрессирующий алкоголизм Серовой наверняка сделал невозможным какие-либо ее встречи с Рокоссовским. Несомненно, были письма Серовой Рокоссовскому. Нельзя сегодня с уверенностью сказать, отвечал ли на них маршал. Во всяком случае, ни одного письма из их переписки до сих пор не найдено. Скорее всего, она утрачена безвозвратно.

Бывший шофер маршала Сергей Иванович Мозжухин оставил нам зарисовку пребывания Рокоссовского в Москве в связи с ранением:

«Как-то я простудился. В госпитале меня осмотрела врач. Диагноз — воспаление легких. Было это под Сухиничами. Через некоторое время командарм позвал меня к себе. „Как ты себя чувствуешь, Сергей? Как питание?“

— Чувствую себя нормально, — ответил я, — а питание фиговое.

— Вот что, будешь питаться на кухне Военного Совета.

— Нет, я туда ходить не буду, что мне там делать, — отказался я.

— Хорошо, — сказал Рокоссовский, — тебе будут приносить еду.

И мне ее приносили, пока я полностью не выздоровел. Если же в поездке командарм обедал где-нибудь в столовой, он всегда брал меня с собой.

Чувствуя себя после ранения достаточно хорошо, Рокоссовский однажды попросил меня провезти его по Москве: „Я ведь не москвич и город знаю плохо“.

И мы поехали. Помнится, возле Бутырской тюрьмы генерал спросил: „Это что, Бутырка? Вот здесь я делал мебель!“ Я промолчал. Я слышал, что перед войной мой командарм несколько лет провел в тюрьмах. Сегодня, естественно, знаю больше: он мужественно выдержал все допросы, никого не оговорил, с товарищами по заключению делился последним куском хлеба. Такой он был человек. Может быть, поэтому люди считали за честь воевать под командованием Рокоссовского.

Я долго возил Рокоссовского по улицам Москвы. И вдруг он говорит:

— Сережа, я хочу посмотреть, как ты живешь.

— Живу на четвертом этаже, без лифта. После ранения вам, товарищ командующий, будет трудно подниматься.

— Поднимусь, — твердо заявил он.

Надо ли говорить, что посмотреть на командарма 16-й армии сбежался весь дом. Беседа продолжалась около получаса и запомнилась всем. „Мы обязательно победим в этой войне“, — уверенно заявил на прощание Рокоссовский. Потом я отвез его обратно в госпиталь».

Недолечившись, Константин Константинович выписался из госпиталя 22 мая и уже 26-го был на фронте. В семейном архиве сохранилось его первое письмо, адресованное жене и дочери:

«Милые, дорогие мои Lulu и Адуся!

Приехал на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили провести с вами более продолжительное время. Единственное, что успокаивает меня, это мысль о том, что я нахожусь не так далеко от вас и сумею заботиться о вас, а может быть, иногда и навестить вас накоротке. Живу сейчас в лесу в маленьком деревянном домике. Уже полностью включился в работу. Дорога оказалась очень тяжелой. Проливные дожди сильно попортили дорогу, поэтому ехали около трех дней. Если дороги подсохнут, можно будет рискнуть приехать вам ко мне, пока воздержитесь. На днях вышлю что-либо из овощей — картофель и т. п.

Аттестат высылаю с подателем сего, прикрепиться надо при горвоенкомате, он помещается где-то от вас близко. Милая Lulu, не скучай, помни, что я мысленно нахожусь с тобой. Тебя люблю и только о тебе думаю. Горю желанием скорее увидеть тебя и быть твоим не только духовно, но и физически. Надеюсь, что при следующей встрече печень беспокоить меня не будет. Целую тебя, милая, крепко-крепко. Адусю тоже. Любящий вас ваш всегда Костя.

Сообщи как устроились и в чем нуждаетесь. 26.5.42».

По возвращении из госпиталя Рокоссовский продолжал по приказу Жукова предпринимать безуспешные атаки на немецкие позиции.

В мае 1942 года войска 16-й армии атаковали Жиздру. Рокоссовский так вспоминал об этом бое:

«Тогда мы еще были уверены, что прорвем вражескую оборону и овладеем Жиздрой, открыв дорогу на Брянск. Об этом же, видимо, думало и командование противной стороны. Стремясь выиграть время для подброски войск, враг использовал авиацию.

Над полем боя образовали круг сорок пикирующих бомбардировщиков. В первую очередь они набросились на головную танковую бригаду, которая, красиво развернувшись, проходила высоту в двух-трех километрах сзади нашей наступавшей пехоты. И тут произошло что-то невероятное:

вместо того чтобы рвануться вперед, бригада остановилась. Она стояла на голой высоте, а „юнкерсы“ сыпали на нее бомбы. В воздухе показалась новая армада самолетов — до тридцати бомбардировщиков в сопровождении истребителей.

Наблюдая эту картину, я не мог оставаться на месте. Приказал командиру корпуса ускорить движение главных сил и выполнять поставленную задачу. С комиссаром корпуса Латышевым, с Орлом и несколькими офицерами штаба мы на машинах бросились к стоявшей под бомбежкой танковой бригаде. Полковник Орел подбежал к танку и стал камнем стучать по башне, вызывая командира. То же делал Латышев, и мне пришлось этим заняться, остерегаясь, как бы не попасть под гусеницу, если водитель вздумает развернуться. Одним словом, наше положение было не из веселых. К счастью, все обошлось благополучно, бригаду мы все же заставили сдвинуться с места и помочь пехоте, которой уже было тяжело.

А время шло. К полю боя подходили новые и новые силы врага. На его стороне вступили в дело танки и штурмовые орудия. Часть бомбардировщиков наносила удары по пехоте. Положение резко ухудшилось.

Наша пехота залегла и еле сдерживала контратаки. Танковый корпус под бомбежкой топтался на месте, рассыпавшись по всему полю. Надо было принимать меры, чтобы удержаться на достигнутом наступавшими войсками рубеже. Я отдал приказ закрепиться и перейти временно к обороне. Часть танков встала в боевые порядки пехоты, а главные силы корпуса были оставлены в моем резерве.

Когда над полем боя появилась неприятельская авиация, мы попросили фронт поддержать нас хотя бы истребителями. Просьба была удовлетворена. Вскоре в небе показались группы наших самолетов. Но они не смогли облегчить участь пехоты: их было мало.

И все же гитлеровцам не удалось вернуть захваченное нами пространство. Несколько дней шли здесь оборонительные бои. У соседа слева тоже был незначительный успех, и он тоже перешел к обороне. В целом задачу мы не выполнили, но противника потрепали и напугали здорово. Не зря немцы бросили на столь небольшой участок такие крупные воздушные силы.

Разобрались в поведении танковой бригады. Большинство танкистов впервые попали в бой. Неистовая бомбежка их ошеломила. В дальнейшем бригада выправилась, дралась неплохо. Она помогла стрелковым частям удержать позиции и отразить атаки немецких танков.

На войне бывает всякое. Так получилось с этой бригадой, да и с корпусом в целом. Но что удивительнее всего — танковые экипажи отделались, в сущности, испугом. Были моменты, когда пламя, дым и пыль от разрывов авиабомб совершенно закрывали танки от наблюдения. Казалось, там останется лишь груда искореженного металла. На самом же деле за все время было повреждено лишь два танка. Но не всегда так бывает, и об этом знают танкисты».

А вот описание новой атаки, уже в июне, когда танков с советской стороны было меньше, зато авиации — больше. Рокоссовский вспоминал: «Стрелковые части дружно поднялись и устремились вместе с танками вперед. Мы видели, как была захвачена первая траншея. Наши двинулись дальше, а затем произошла заминка. Противник контратаковал большим числом танков и густыми цепями пехоты.

Впервые в этом бою наша штурмовая авиация применяла реактивные снаряды, которые оказались довольно эффективным средством.

А бой затянулся, и, несмотря на все усилия войск и большую помощь нашей авиации, продвинуться вперед не удалось. К полудню противник ввел столько сил, что вынудил наши части отойти в исходное положение. Вражеская авиация добилась господства в воздухе».

Причины неудач заключались не только в том, что люфтваффе господствовали в воздухе, но и в том, что немцы оборонялись тактически грамотно, хорошо наладив взаимодействие пехоты, артиллерии и немногочисленных танков и штурмовых орудий, оптимально используя свои весьма ограниченные силы и средства. Ведь резервы и средства усиления концентрировались в это время на юге, где

готовилось генеральное наступление. Советские же войска еще не умели должным образом наладить взаимодействие родов войск в наступлении. Артиллерия во время артподготовки стреляла главным образом «по площадям» и наносила противнику лишь минимальный урон.

В мемуарах Рокоссовский расценил майские и июльские атаки 16-й армии как бесцельные: «Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому „каждый солдат должен знать свой маневр“. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — „изматывать противника“, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя».

В начале июля Рокоссовского назначили командовать Брянским фронтом. В связи с этим, по всей видимости, произошла первая встреча Константина Константиновича со Сталиным. Согласно записи в журнале посещений, в первый раз в кремлевском кабинете вождя Рокоссовский оказался 13 июля 1942 года. Тут следует оговориться, что Сталин принимал своих подчиненных не только в кремлевском кабинете, но и на своих дачах, а также в кремлевской квартире. Однако регистрация посетителей велась только в кремлевском кабинете. Поэтому не исключено, что Рокоссовский встречался со Сталиным чаще, чем это указано в кремлевском журнале.

На Брянском фронте Рокоссовский отразил попытки немцев продвинуться вдоль Дона на север. Но в целом это направление летней кампании 1942 года оказалось второстепенным. Основные события развертывались сначала под Воронежем, а потом — на Сталинградском и Кавказском направлениях.

Об обстоятельствах своего назначения Константин Константинович так вспоминал в неопубликованной при жизни части мемуаров:

«Продвинуться вперед нашим войскам не удалось. Наступательные действия 16-й армии закончились. По приказу фронта она перешла к обороне.

Наконец-то!.. Только все же слишком поздно. Немецко-фашистские войска к этому времени, пополнив части людьми, вооружением и техникой и подтянув свежие соединения с запада, сами перешли в наступление, взяв инициативу в свои руки. Красная Армия, истощенная непрерывными наступательными действиями зимой и весной 1942 года, не в состоянии была помешать им.

В начале июля 1942 года меня вызвал к телефону ВЧ командующий фронтом и сообщил, что Ставка намерена назначить меня командующим Брянским фронтом.

К вечеру того же дня поступило распоряжение Ставки ВГК о назначении. Я срочно убыл в Москву. В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавалась новому — Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М. С. Малинина, В. И. Казакова, Г. Н. Орла и П. Я. Максименко…

Я узнал, что обстановка на Брянском фронте сложилась весьма серьезная.

Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта и воспользовавшись тяжелым поражением войск Юго-Западного фронта под Харьковом, немецко-фашистские войска 28 июня перешли в наступление на воронежском направлении. Нанеся удар на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, они прорвали нашу оборону и стали быстро продвигаться в направлении Воронежа и к Дону.

Рядом частных операций противнику удалось срезать вклинения, образовавшиеся в его обороне в ходе весенних наступательных действий советских войск. Тем самым он обеспечил себе исходное положение для начавшейся летней наступательной операции. В результате крупных просчетов, допущенных Генеральным штабом и Ставкой ВГК, инициатива опять перешла полностью в руки противника.

Уходил я из Генерального штаба с тяжелым чувством обиды и болью в сердце. Покоя не давало сознание того, что совершенно иначе развернулись бы события летом 1942 года, если бы Красная Армия воспользовалась завоеванной в Московской битве передышкой. Своевременно перейдя к стратегической обороне, она пополнила бы понесенные за 1941 год потери и создала бы к летней кампании крупные стратегические резервы…

Уместно заметить, что порой в поспешных мероприятиях, проводимых решениями Ставки, пытавшейся немедленно реагировать на происходившие на фронте события, отсутствовала дальновидность, необходимая для столь ответственного органа. Война, по сути дела, только начиналась, и это тоже необходимо было учитывать нашему Верховному Главнокомандованию и Генеральному штабу при планировании операций.

Приведу примечательный пример. Уже после окончания войны во время неоднократных встреч со Сталиным доводилось от него слышать: „А помните, когда Генеральный штаб представлял собой комиссар штаба Боков?..“ При этом он обычно смеялся. Да, к сожалению, так бывало. Вместо того чтобы управлять вооруженными силами, находясь в центре, куда стекаются все данные о событиях на театрах войны и где сосредоточены все нервы управления, представители Верховного Главнокомандующего отправлялись в войска. Там они, попадая под влияние „местных условий“, отрывались от общей обстановки, способствовали принятию Ставкой ошибочных решений и своими попытками подменять командующих только мешали им».

Рокоссовского возмущало, что представители Ставки (а чаще всего в этом качестве выступали заместитель Верховного главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генштаба А. М. Василевский), не неся, по сути, никакой ответственности за исход операций, фактически подменяли собой фронтовое командование, чтобы в случае успеха разделить с ним лавры победителей. При этом они практически не занимались тем, чем должны были заниматься — централизованной координацией действий всех фронтов, наиболее целесообразным распределением между ними сил и средств, долгосрочным стратегическим планированием и предвидением наиболее вероятных действий противника.

Бывший командующий 65-й армией генерал армии П. И. Батов так описал свою первую встречу с Рокоссовским на Брянском фронте: «В середине июля 1942 года Брянский фронт принял в командование К. К. Рокоссовский. И солдаты и генералы вздохнули с облегчением, мы сразу почувствовали руку опытного организатора. Мне представилась счастливая возможность несколько месяцев поработать рядом с выдающимся полководцем и его боевыми соратниками в самом штабе фронта.

Все работники управления считали службу с Константином Константиновичем Рокоссовским большой школой. Он не любил одиночества, стремился быть ближе к деятельности своего штаба. Чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие встречаются трудности, поможет советом, предложит обдумать то или другое положение. Все это создавало удивительно приятную рабочую атмосферу, когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать свое суждение, отличное от суждений старшего. Наоборот, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать, смелее говорить. Одной из прекрасных черт командующего было то, что он в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчиненных, но и вызывал ее своей неутомимой энергией, требовательным и человечным обхождением с людьми. К этому нужно прибавить личное обаяние человека широких военных познаний и большой души. Строгая благородная внешность, подтянутость, выражение лица задумчивое, серьезное, с располагающей улыбкой в голубых, глубоко сидящих глазах. Преждевременные морщины на молодом лице и седина на висках говорили, что он перенес в жизни немало. Речь немногословна, движения сдержанные, но решительные. Предельно четок в формулировке боевых задач для подчиненных. Внимателен, общителен и прост».

Столь же теплые воспоминания о Константине Константиновиче остались у бывшего начальника тыла Брянского фронта Н. А. Антипенко:

«К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда, когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду и что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили».

Конечно, «добреньким» Рокоссовский не был — умел спрашивать и за нерадивость, и за трусость. В одном из его приказов войскам Брянского фронта прямо говорилось: «Всех, замеченных в проявлении трусости и паникерстве, взять под особое наблюдение, а в необходимых случаях, определяемых обстановкой, применять к ним все меры пресечения… вплоть до расстрела на месте».

Н. А. Антипенко так запомнилось прибытие Рокоссовского на Брянский фронт:

«О нем, о его 16-й армии много писали в газетах. Имя Рокоссовского не сходило с уст, когда речь шла об отражении немецких атак на Волоколамском шоссе, о переходе наших войск в наступление на этом направлении, а еще раньше — о кровопролитных боях под Ярцево.

Теперь мне пришлось встретиться с ним как со своим командующим. Хотя мы увиделись впервые, у меня было впечатление, будто мы уже много лет знаем друг друга.

Я коротко рассказал о себе, о своей службе.

— Мы попали в очень сложное положение, — сказал Рокоссовский. Глядя на карту, он рассказал об обстановке на фронте.

13-я армия, ставшая теперь левофланговой нашего фронта, вела напряженные бои с противником. Надо было всячески ей помочь.

Выслушав мой доклад о состоянии тыла фронта, командующий пожелал мне успеха в работе.

— Еще раз прошу побеспокоиться о раненых 13-й армии, — сказал он на прощание».

Тот же Антипенко свидетельствует, что Рокоссовский распорядился выделить автомашины для заготовки продовольствия в Орловской, Тульской и других областях, входивших в границы тыла Брянского фронта. При этом командующий заметил: «Как ни трудно отвлекать с фронта машины, людей, но еще хуже будет, если будем голодать зимой». Решение абсолютно правильное, учитывая, что на Брянском фронте в то время было относительное затишье. Кстати сказать, большая часть заготовленного продовольствия была затем направлена Донскому фронту, которым стал командовать Рокоссовский.

П. И. Батов так характеризовал стиль руководства Рокоссовского:

«К. К. Рокоссовский сам большую часть времени проводил на боевых участках, излазил вместе с командармами весь передний край и составил мнение, на что способен каждый командир дивизии. Многих командиров полков он вскоре знал настолько, что мог дать аттестацию, не заглядывая в документы.

Личная проверка командующим передовых частей и соединений — сильное средство воспитания и сколачивания войск. Конечно, проверки бывают разные. Фронтовики знают и такие случаи, когда приедет на передовую большой начальник, приведет всех в трепет и отбудет, оставив солдат и офицеров в самом удрученном состоянии. У Рокоссовского же форма выражения воли удивительно хорошо соответствовала демократической природе нашей армии. В этом, если хотите, была его сила и наиболее глубокий источник авторитета. Люди его любили, они к нему тянулись, в результате перед командующим всегда был открыт неиссякаемый родник боевого творчества».

Как раз на Брянском фронте Рокоссовскому пришлось впервые использовать части, сформированные из бывших заключенных. Он вспоминал:

«В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечности их порыва. Так и появилась эта бригада у нас на фронте. Бойцы ее быстро освоились с боевой обстановкой; мы убедились, что им можно доверять серьезные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему. В бригаде появились отличные снайперы. Как заправские охотники, они часами подкарауливали гитлеровцев и редко выпускали их живыми.

„Беспокойная“ бригада воевала неплохо. За доблесть в боях с большинства ее бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали.

Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в свое время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину — и увидите, как хорошее возьмет в нем верх. Любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть их доверие сделают его отважным бойцом».

Этот текст мы читаем в последнем издании книги Рокоссовского «Солдатский долг», вышедшем в 1997 году и содержащем, по уверению редакторов, все купюры, сделанные в предыдущих изданиях и восстановленные теперь по авторской рукописи. Однако внимательное сличение текста последнего, шестого издания с текстом первого, появившегося в 1968 году, показывает, что тогда пассаж о «беспокойной бригаде» был значительно подробнее. После слов о том, что бойцы бригады заставляли противника раскрыть всю свою огневую систему, следовало примечательное продолжение: «А между боями мы эту бригаду размещали на участках, где создавалась чрезмерно мирная обстановка. В первую же ночь отчаянные смельчаки совершали набег на вражеские позиции. Возвращались с пленными и трофеями. Да и днем теперь не было спасения гитлеровцам. Носа не могли высунуть из окопов».

В машинописи мемуаров, сохранившихся в архиве семьи Рокоссовского, этот эпизод изложен несколько в иной редакции:

«В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из осужденных за различного рода уголовные преступления добровольцев, напросившихся искупить свою вину на поле боя. Это соединение быстро освоилось с боевой обстановкой, самоотверженно выполняя самые сложные боевые задания. Использовали мы эту бригаду чаще всего для проведения разведки боем на различных участках армий и для создания напряженной обстановки для противника там, где создавалась уж очень спокойная обстановка. Мне самому приходилось наблюдать на некоторых участках обороны 3-й и 48-й армий картину, когда на расстоянии 300–400 метров, разделявшими позиции наши от противника, мирно развешивалось белье и предметы обмундирования для просушки как с нашей стороны, так и с противной.

Вот на такие участки иногда мы ставили упомянутую выше бригаду, и она быстро наводила надлежащий боевой порядок. Обычно первым приемом этих отчаянных смельчаков был ночной набег на позиции врага. Как правило, такая операция заканчивалась успехом, захватом значительного количества пленных и трофеев. Впоследствии пленные показывали, что на таком участке, который занимала бригада, нельзя было врагу не то чтобы показываться, но даже высунуть пальца. В составе подразделений оказалось много снайперов, и они, как заправские охотники, днями и ночами подкарауливали врагов, охотясь на них. На счету таких охотников числилось много уничтоженных вражеских солдат и офицеров. Многие из состава бригады были награждены орденами и медалями за различные подвиги.

Я привел это соединение как пример того, что даже у людей, в прошлом нарушавших в какой-то степени установленные советским обществом законы, выше всего в соответствующих условиях оказалась любовь к Родине, к своему народу и безграничная ненависть к врагу, нарушившему мирную жизнь советского общества».

Остается загадкой — то ли слова про успехи бывших зэков были вписаны цензорами в рукопись маршала, чтобы объяснить, за что же именно получали ордена и медали бойцы бригады, то ли, наоборот, это место присутствовало в авторском тексте, но было купировано уже нынешними редакторами. Если верно второе положение, то одним из мотивов удаления этого текста могло послужить то, что из него вытекало: обычно бригада располагалась на тех участках фронта, где противник держал себя пассивно и его наступление казалось маловероятным. Дело в том, что формирования из бывших узников ГУЛАГа, равно как и штрафные батальоны и роты, остерегались использовать в обороне для отражения неприятельских атак. Ведь тогда у считавшихся неблагонадежными бойцов появилась бы возможность сдаться в плен. Другое дело — бросать их в наступление, в ту же разведку боем. Здесь сдаться в плен нет никакой возможности. Для этого надо добежать до немецких позиций живым и невредимым, а шансов на такой исход почти нет.

Вероятно, «беспокойную бригаду» неслучайно направили в распоряжение Рокоссовского. Будущий маршал, а тогда еще генерал-лейтенант знал тюремные порядки не понаслышке и потому легче мог найти общий язык с бывшими зэками, заставить их сражаться не за страх, а за совесть.

О дальнейших событиях Рокоссовский вспоминал:

«Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и Н. Ф. Ватутина (здесь память подвела Рокоссовского. Согласно записи в журнале посетителей кремлевского кабинета, он был на приеме у Сталина 2 августа 1942 года вместе с Ватутиным, Василевским и начальником Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлевым. Следовательно, наступление на Воронеж начало планироваться еще в начале августа, до прорыва немцев на дальние подступы к Сталинграду. — *Б. С.).* Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только подтянуть сюда побольше сил, причем по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился бы во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным.

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не подействовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Сталин утвердил предложение Ватутина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими минометными полками, вооруженными реактивными установками М-31.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции переподчинялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе».

Тогда же произошли и некоторые изменения в штабе Брянского фронта. Рокоссовский вспоминал:

«Наш штаб пополнялся командным составом. Несколько товарищей прибыли из 16-й армии. В частности, вместо М. И. Казакова, убывшего на Воронежский фронт, начальником штаба стал М. С. Малинин, на должность начальника артиллерии фронта прибыл В. И. Казаков, начальником связи стал П. Я. Максименко — старые сослуживцы, с которыми мы давно сработались. Начальником тыла оказался энергичный, хорошо знающий дело генерал Н. А. Антипенко. Моим заместителем по формированиям был генерал П. И. Батов, старый боевой командир, прекрасный строевик, с хорошими организаторскими способностями. С первого же дня знакомства с ним я

заметил, что он тяготится своей должностью. Человеку с такой кипучей натурой трудно было усидеть в штабе.

Политическую работу в войсках возглавлял член Военного совета фронта С. И. Шабалин, человек одаренный, умеющий правильно нацелить деятельность политаппарата и партийных организаций. Короче говоря, на Брянском фронте сложился коллектив сотрудников, способный обеспечить боевые действия войск в любых условиях».

Вскоре этот коллектив почти в полном составе отправился с Рокоссовским на Донской фронт, командующим которого стал маршал.

Донскому фронту предстояло сыграть важную роль в контрнаступлении под Сталинградом. Сталин собирал под Сталинград своих лучших генералов, понимая, что именно там решается исход войны. О том, как произошло это назначение, поведал в мемуарах П. И. Батов, присутствовавший при телефонном разговоре Рокоссовского со Сталиным (хотя имя последнего предпочел лишний раз в мемуарах не упоминать):

«В один сентябрьский вечер наша судьба круто изменилась. В рабочей комнате начальника штаба командующий подводил итоги дня. Тут были Малинин, Казаков, Прошляков и Орел. Зазвонил телефон. Рокоссовского вызывали к аппарату ВЧ. В маленькой деревенской хате хорошо слышалось каждое слово, долетавшее из далекой Москвы:

— Вам не скучно на Брянском фронте? — Рокоссовский улыбнулся, но промолчал. — Решением Ставки создается Донской фронт. Весьма перспективный. Предлагаем вам принять командование им, если не возражаете…

— Как можно возражать!..

— В таком случае забирайте с собой кого считаете нужным и утром вылетайте в Москву. Брянский фронт примет Макс Андреевич Рейтер.

Рокоссовский обвел всех радостным взглядом…

— Я рад, товарищи, — просто сказал Рокоссовский. Указывая пальцем на Малинина, Казакова, Прошлякова и Орла, он приговаривал: — Вы со мной… Вы со мной.

Сердце мое не выдержало:

— Товарищ командующий, готов ехать хоть на дивизию!

— Разделяю твое желание, Павел Иванович. Но оставайся пока командовать фронтом до прибытия Рейтера, а мы в Москве вопрос решим.

М. А. Рейтер с новым начальником штаба Л. М. Сандаловым приехал через три дня. Шло заседание Военного совета фронта. Принесли шифровку. Рейтер прочитал и передал мне, сказав вполголоса: „Честное слово, завидую…“ В шифровке говорилось о назначении Батова командующим 4-й танковой армией Донского фронта».

Вскоре 4-я танковая армия, в которой практически не осталось танков, была переименована в 65-ю армию, и во главе ее Батов благополучно провоевал до конца войны, неизменно оставаясь под началом Рокоссовского.

По прибытии под Сталинград Константин Константинович писал жене и дочери: «Наступит время, и фрицы будут биты так же, как били их при Александре Невском („Ледовое побоище“), под Грюнвальдом и еще много кое-где».

В мемуарах Рокоссовский так описал начало своей деятельности на посту командующего тогда еще Сталинградским фронтом:

«В сентябре, прибыв в Ставку, я был ознакомлен с обстановкой, сложившейся в районе Сталинграда, и с задачей, которая на меня возлагалась. В общих чертах ознакомил меня с ней заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков. Сводилась она к следующему. В междуречье Волги и Дона прорвалась сильная группировка немецко-фашистских войск. И вот глубоко на ее фланге, на восточном берегу Дона, намечалось с целью нанесения контрудара сосредоточить группировку наших войск в составе не менее трех общевойсковых армий и нескольких танковых корпусов. Мне поручалось ее возглавить.

Сама идея выглядела весьма заманчиво и многообещающе. Вызывало беспокойство лишь опасение, будет ли предоставлено Ставкой время, необходимое для сосредоточения войск и на подготовку их к организованному вводу в бой.

Спустя несколько дней меня срочно потребовал к себе Верховный Главнокомандующий. Прибыв к нему, я узнал о тяжелом положении под Сталинградом, где врагу удалось на северной окраине города прорваться к Волге. В связи с этим намечаемые ранее мероприятия отменялись, а силы, выделенные для их проведения, направлялись непосредственно к Сталинграду.

Мне следовало вылететь туда же и сменить командующего Сталинградским фронтом генерала В. Н. Гордова, который с этой ролью не справлялся. Остальные указания я должен был получить на месте от заместителя Верховного Г. К. Жукова.

Прощаясь со мной, Сталин добавил, что туда же, в Сталинград, вылетает специальная комиссия, которую возглавляет Боков, с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. Он еще подчеркнул, чтобы я имел в виду, что Юго-Западный фронт вообще смотрит больше за Волгу. Что подразумевал Сталин под этим, я не стал спрашивать и вышел от него с невеселыми мыслями. Сознание того, что у Ставки опять не хватило выдержки для проведения так правильно задуманного контрудара, угнетало меня. Правда, меня посылали туда, где шли напряженные бои, а не возвращали на спокойный участок общего фронта, в чем я находил утешение».

Из мемуаров Рокоссовского может сложиться впечатление, что в сентябре 1942 года он встречался со Сталиным лишь однажды. На самом деле Сталин принял Рокоссовского дважды, 22 и 28 сентября. Очевидно, на первой встрече обсуждалась организация контрудара на восточном берегу Дона во главе с Рокоссовским, а на второй Сталин сообщил о том, что предназначенные для контрудара войска приходится перебросить под Сталинград, и приказал Рокоссовскому вместе с присутствовавшим на том же совещании Жуковым отправиться туда.

Надо сказать, что Рокоссовский довольно критически оценивал действия Генштаба и Ставки, приведшие советские войска к Сталинграду и предгорьям Кавказа. По поводу поражений, понесенных Красной армией на юге летом 1942 года, он писал в не прошедшей цензуру части своих мемуаров:

«Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта, немецко-фашистские войска перешли в наступление, прорвали оборону войск Брянского и Юго-Западного фронтов и устремились на юго-восток. Ослабленные в зимних и весенних наступательных действиях, наши войска не смогли задержать врага и вынуждены были отходить под ударами его превосходящих сил. К тому же противник обладал большей подвижностью и господством в воздухе, чего не учитывала Ставка при организации противодействия ему. Повторилась ошибка начального периода войны, когда издавались не соответствующие обстановке директивы, что было только на руку врагу. Поспешно выдвигаемые ему навстречу наши войска, не успев сосредоточиться, с ходу, неорганизованно вступали в бой с противником, обладавшим в этих условиях огромным численным и качественным превосходством. Особенно оно сказывалось в подвижных танковых и моторизованных соединениях и в авиации. Открытая равнинная местность способствовала действиям вражеских войск.

Делалось все не так, как обучали нас военному делу в училищах, академиях, на военных играх и маневрах, вразрез с тем, что было приобретено опытом двух предыдущих войн».

Там же Рокоссовский сильно ругал начальника Генштаба Василевского:

«Для меня вообще непонятной представлялась роль Г. К. Жукова и А. М. Василевского, а тем более Г. М. Маленкова под Сталинградом в той конкретной обстановке в конце сентября. Жуков с Маленковым сделали доброе дело: не задерживаясь долго, улетели туда, где именно им и следовало тогда находиться. А вот пребывание начальника Генерального штаба под Сталинградом и его роль в мероприятиях, связанных с происходившими там событиями, вызывают недоумение.

По предложению А. М. Василевского был создан Юго-Восточный фронт, в состав которого вошли войска левого крыла Сталинградского фронта. Происходило это в самый разгар боев. Если такая мера была вызвана предвидением невозможности воспрепятствовать выходу противника к Волге, то она понятна. Командующим Юго-Восточным фронтом назначается генерал А. И. Еременко, а в качестве управления и штаба этого фронта используется штаб 1-й гвардейской армии. Но буквально через несколько дней (только началось оформление) Василевский, находясь у Еременко, подчиняет ему командующего Сталинградским фронтом Гордова. Нужно к этому добавить, что штаб Сталинградского фронта создавался на основе управленческого аппарата КОВО. Так что он представлял собой, можно сказать, старый сколоченный штаб. И, несмотря на это, его подчиняют другому — слабенькому, только формирующемуся. Вероятно, такое волевое решение родилось лишь потому, что начальник Генерального штаба лично находился в войсках, в данном случае у Еременко. Вообще случай подчинения одного фронта другому беспрецедентен. А при условии предвидения возможного выхода врага к Волге вообще непонятен. Вот к чему приводит нахождение начальника Генерального штаба не там, где ему следовало быть».

Под Сталинград Рокоссовский прилетел вместе с Жуковым. На НП они застали генерала В. Н. Гордова, командующего Сталинградским фронтом, которого Рокоссовский должен был сменить. Он по телефону распекал подчиненных, не стесняясь в выражениях. Жуков сделал ему замечание: «Криком тут не поможешь; нужно умнее организовать бой, а не топтаться на месте». «Услышав его поучение, — писал Рокоссовский, — я не смог сдержать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не легче, чем Гордов… Жуков спросил меня, чему это я улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а кроме того, он в то время являлся „всего-навсего“ командующим фронтом» (а не заместителем Верховного, как под Сталинградом). Рокоссовский был, наверное, единственным советским военачальником такого уровня, совершенно чуждым «матерного стиля» руководства. В самых критических ситуациях он оставался корректным с подчиненными, за что пользовался их любовью.

Армии Рокоссовского безуспешно пытались ударом с севера отрезать прорвавшиеся к Волге немецкие войска и соединиться со сражающейся в Сталинграде 62-й армией. Однако немецкие танковые дивизии успели закрепиться и без труда отражали советские атаки, даже без серьезной поддержки авиации, которая действовала в первую очередь против Сталинграда.

Рокоссовский полагал, что без значительных сил танков и артиллерии вражескую оборону в междуречье Дона и Волги не прорвешь:

«Наша 24-я армия своим левым флангом во взаимодействии с 66-й армией должна была разгромить вражеские части севернее города и соединиться с войсками 62-й армии Сталинградского фронта. Для этой операции нам разрешалось использовать семь стрелковых дивизий, прибывавших из резерва Ставки. Никаких дополнительных средств усиления (артиллерия, танки, самолеты) фронт не получал. В этих условиях трудно было рассчитывать на успех. Группировка противника опиралась здесь на хорошо укрепленные позиции.

Поскольку главная роль в предстоявшем наступлении отводилась 66-й армии, я переговорил с Малиновским.

Тот стал меня упрашивать не направлять в бой семь новых дивизий:

— Только напрасно потеряем их.

На наше счастье, к намеченному Ставкой сроку из семи дивизий мы получили только две. Они и были переданы 66-й армии. Остальные запоздали, и мы оставили их в резерве фронта. Впоследствии они сыграли большую роль».

В мемуарах Константин Константинович не стал писать, что новые дивизии были совсем не обучены и большой боевой ценности не представляли.

7 октября командующий Донским фронтом получил директиву о разработке плана новой наступательной операции:

«В целях разгрома войск противника под Сталинградом по указанию Ставки Верховного Главнокомандования командующим Сталинградским фронтом разрабатывается план удара его усиленных левофланговых 57-й и 51-й армий в общем направлении оз. Цаца, Тундутово.

Срок примерно 20 октября.

Одновременно с этой операцией должен быть нанесен восточный удар центром Донского фронта в общем направлении Котлубань — Алексеевка, для чего разрешается использовать сверх войск, находящихся на фронте, семь подходящих дивизий.

Намеченную Вами на ближайшие дни операцию с коротким ударом на Сталинград проводить независимо от данных указаний.

Ваше решение и наметку плана операции прошу представить на утверждение Ставки к 10 октября».

В армиях Донского фронта, равно как и в армиях большинства других фронтов, преобладали необученные новобранцы, которые робели подниматься в атаку. Поэтому Рокоссовский вынужден был, как и его предшественники, требовать неукоснительного соблюдения знаменитого приказа № 227, предусматривающего введение заградотрядов.

О результатах выполнения этого приказа в середине октября 1942 года докладывал начальнику Управления Особых отделов НКВД В. С. Абакумову Особый отдел Донского фронта:

«Справка 00 НКВД СТФ в УОО НКВД СССР о деятельности заградительных отрядов Сталинградского и Донского фронтов

Заместителю наркома внутренних дел СССР

комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову

В соответствии с приказом НКО № 227 в частях действующих в Красной Армии по состоянию на 15 октября с. г. сформировано 193 заградительных отряда. Из них в частях Сталинградского фронта сформировано — 16 и Донского — 25, а всего 41 отряд, которые подчинены Особым отделам НКВД армий.

Заградительными отрядами с начала их сформирования (с 1 августа по 15 октября с.г.) задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных: арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, направлено в штрафные роты 2776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов.

По Донскому фронту задержано 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1056 человек, штрафные батальоны 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека.

По Сталинградскому фронту задержано 15 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны 42, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека.

Следует отметить, что заградительные отряды, и особенно отряды на Сталинградском и Донском фронтах (подчиненные особым отделам НКВД армий), в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта».

Здесь речь шла о деятельности заградотрядов еще до того, как Рокоссовский вступил в командование Донским фронтом.

И тот же майор госбезопасности В. М. Казакевич, заместитель начальника Особого отдела Сталинградского фронта, 17 февраля 1943 года в докладной записке «О работе особорганов по борьбе с трусами и паникерами в частях Донского фронта за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года» подвел итоги действий заградотрядов за октябрь 1942-го — январь 1943 года. Теперь в отчете были и примеры нестойкости, относящиеся к войскам Рокоссовского, но они отнюдь не преобладали:

«За время боевых действий войск Донского фронта массовое бегство военнослужащих с поля боя и отход частей без приказа командования были единичными случаями.

Как установлено, трусость и паника в частях со стороны отдельных военнослужащих больше всего проявлялась в период напряженных оборонительных боев, а также в период наступления наших войск, когда противник, оказывая упорное сопротивление, неоднократно переходил в контратаки, пытаясь удержаться на занятых рубежах обороны.

Так, например:

В частях 62 армии, которая вела ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами противника, только в сентябре месяце 1942 года осуждено и расстреляно по постановлениям особорганов 195 военнослужащих, проявивших трусость и бежавших с поля боя.

В декабре месяце прошлого года, в период успешного наступления наших войск, осуждено и расстреляно особорганами перед строем 37 трусов и паникеров.

С началом наступления наших войск, во время контратак и сильного сопротивления противника, в 21 армии только за период с 19 по 30 ноября 1942 года было два случая массового бегства с поля боя и отхода подразделений без приказа командования, тогда как в последующие месяцы успешного наступления случаев массового проявления трусости и паники в частях не установлено.

Всего за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года, по неполным данным особорганами фронта арестовано трусов и паникеров, бежавших с поля боя — 203 человека, из них:

а) приговорено к ВМН и расстреляно перед строем 49 ч.

б) осуждено к различным срокам ИТЛ и направлено в штрафные роты и б-ны 139 ч.

Кроме того, расстреляно перед строем по постановлениям особорганов 120 трусов и паникеров.

Приведенные цифровые данные о количестве арестованных и осужденных трусов, паникеров за октябрь и ноябрь месяцы по 21 и 64 армиям являются неполными ввиду того, что оперативная отчетность выбывших особорганов, особорганами сдана в архив через ОО НКВД Юго-Западного и Сталинградского фронтов… <…>

В борьбе с трусами, паникерами и восстановлении порядка в частях, проявивших неустойчивость в боях с противником, исключительно большую роль сыграли армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий.

Так, 2 октября 1942 года, во время наступления наших войск, отдельные части 138 стр. дивизии, встреченные мощным артиллерийским и минометным огнем противника, дрогнули и в панике бежали назад через боевые порядки 1 батальона 706 СП, 204 СД, находившиеся во втором эшелоне.

Принятыми мерами командованием и заградбатальоном дивизии положение было восстановлено. 7 трусов и паникеров были расстреляны перед строем, а остальные возвращены на передовую линию фронта.

16 октября 1942 года, во время контратаки противника, группа красноармейцев 781 и 124 стр. дивизий, в количестве 30 человек, проявила трусость и в панике начала бежать с поля боя, увлекая за собой других военнослужащих.

Находившийся на этом участке армейский заградотряд 21 армии силою оружия ликвидировал панику и восстановил прежнее положение.

19 ноября 1942 года, в период наступления частей 293 стр. дивизии, при контратаке противника, два минометных взвода 1306 СП вместе с командирами взводов, мл. лейтенантами Богатыревым и Егоровым, без приказа командования оставили занимаемый рубеж и в панике, бросая оружие, начали бежать с поля боя.

Находившийся на этом участке взвод автоматчиков армейского заградотряда остановил бегущих и, расстреляв двух паникеров перед строем, возвратил остальных на прежние рубежи, после чего они успешно продвигались вперед.

20 ноября 1942 года, во время контратаки противника, одна из рот 38 стр. дивизии, находившаяся на высоте, не оказав сопротивления противнику, без приказа командования стала беспорядочно отходить с занятого участка.

83 заградотряд 64 армии, неся службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей 38 СД, остановил в панике бегущую роту и возвратил ее обратно на ранее занимаемый участок высоты, после чего личный состав роты проявил исключительную выносливость и упорство в боях с противником.

О всех случаях трусости и паники в частях нами информировались Военные советы армий, по решению которых предавались суду военного трибунала лица старшего командного состава, проявившие трусость и бежавшие с поля боя.

Казакевич».

Сравнивая эти два документа, можно сделать вывод, что Рокоссовскому приходилось прибегать к услугам заградительных отрядов, к расстрелам и иным репрессиям относительно реже, чем командующим другими фронтами, участвовавшими в Сталинградской битве. С одной стороны, это связано с тем, что войска Рокоссовского почти не оборонялись, а главным образом наступали. С другой стороны, Константин Константинович, как мы помним еще по истории с бывшими зэками, сражавшимися на Брянском фронте, всегда предпочитал делать ставку не на репрессии, а на убеждение и доверие. Хотя при необходимости без колебаний прибегал и к заградотрядам, и к расстрелам трусов и паникеров.

В те дни произошел один забавный случай. Бывший командующий 66-й армией генерал А. С. Жадов вспоминал, как 24 октября

«поздно вечером командующий фронтом К. К. Рокоссовский заслушал мой доклад по итогам боев за истекший день и согласился с моим выводом о необходимости соединениям армии закрепиться на достигнутом рубеже.

— Васильев (псевдоним Сталина. — *Б. С.)* очень доволен действиями армии, — сказал в заключение нашего разговора Рокоссовский. — Однако ему не понравилась ваша фамилия. Он просил передать вам его пожелание изменить ее. К утру доложите свое решение.

Задача мне была поставлена щекотливая и необычная. Поменять фамилию, с которой родился, прожил почти полжизни! Но пожелание Верховного — больше чем пожелание. Это приказ!

Я рассказал о состоявшемся разговоре члену Военного совета генералу А. М. Кривулину и начальнику штаба генералу Ф. К. Корженевичу. Начали обсуждать различные варианты.

— Не стоит вам, Алексей Семенович, ломать голову, — сказал после некоторого раздумья Феодосий Константинович Корженевич. — Можно сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву „и“ на букву „а“.

Его предложение пришлось мне по душе. В донесении, направленном утром 25 ноября командующему фронтом, я просил впредь мою фамилию читать — Жадов. Через несколько дней мне вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего. „Очень хорошо. И. Сталин“. Этот документ у меня сохранился».

Забавно, что ни у Рокоссовского, ни у самого Жадова приказание поменять природную фамилию последнего Жидов особого удивления не вызвало. Алексей Семенович вроде был не в восторге от приказа Сталина, но даже пикнуть не посмел. Рокоссовский же так описал этот случай в мемуарах:

«По пути на свой КП мы заехали в 66-ю армию к А. С. Жадову. Настоящая его фамилия была Жидов, а сменил он ее при следующих обстоятельствах. Однажды Сталин, выслушав по ВЧ мой доклад о причинах медленного продвижения войск 66-й армии, спросил меня, что представляет собой командующий. В ответ на мою положительную оценку тут же поручил лично переговорить с Жидовым о замене его фамилии на Жадов. Я поначалу не понял Сталина, а поэтому крайне удивился такому предложению. Сказал, что командарм не принадлежит к тем, кто пятится задом. Правда, его войска не смогли сейчас продвинуться, но о причинах я только что докладывал. При этом еще раз подчеркнул, что Жидов армией командует уверенно. Сталин на мое возражение заметил, что я его, по-видимому, не понял. Никаких претензий к Жидову как к командующему он не имеет, но в армии некоторую роль играет и то обстоятельство, как звучит фамилия военачальника. Потому-то мне следует уговорить Жидова сменить фамилию на любую по его усмотрению. После переговоров командующий 66-й согласился стать Жадовым. Свою роль „крестного отца“ я выполнил. Когда доложил Сталину, тот остался доволен».

Сталин, несомненно, учитывал достаточно широко распространенный в армии антисемитизм, которого и сам был не чужд. Рокоссовский же, как и Жадов, не увидел ничего дикого в том, что Верховный главнокомандующий приказывает одному из генералов изменить фамилию. Константин Константинович, похоже, начал думать, что Сталин всегда прав. Или все-таки в глубине души возмутился такому приказу, но не стал переносить свое возмущение на бумагу? Кто знает.

Впрочем, в 66-й армии Жидова-Жадова в тот момент действительно не все было благополучно. Об этом свидетельствует Докладная записка Особого отдела Донского фронта о наступательных операциях армии от 30 октября 1942 года, адресованная Абакумову:

«Приказом Ставки Верховного Главного Командования и Военного совета фронта, частям 66 армии была поставлена боевая задача — с утра 20.10 на указанном участке начать наступление, прорвать оборону противника и к 23.10.42 г. соединиться с войсками Сталинградского фронта, истребить вражескую группировку, прорвавшуюся к реке Волге.

Для обеспечения выполнения этой задачи 66 армии, кроме входивших в ее состав пяти стрелковых дивизий, были приданы четыре СД из 24 армии и четыре свежих СД из резерва Ставки (62, 212, 226 и 252 СД).

Армии было также придано: 23 артполка РГК, 12 гвардейских минометных полков, несколько танковых бригад. На каждый километр линии фронта армии приходилось 74 орудия, не считая минометов и установок „РС“.

Авиация фронта работала на участке армии по штурмовке противника и прикрытию наших частей с воздуха.

Основная задача — прорыв обороны противника была возложена на новые дивизии, прибывшие из резерва Ставки. По плану операции 62, 212, 252 СД, сменив старые дивизии, к 20.10.42 г. сосредоточились на исходном рубеже. Остальные дивизии занимали оборону, сковывали противника, прикрывали правый фланг армии. Ведя боевые действия, 62, 212, 252, а с 24.10 и 226 СД, за период с 20 по 26.10 необходимого успеха не имели.

За время наступательных операций противник оказывал только огневое сопротивление — артиллерией, минометами, пулеметно-автоматическим огнем. Было несколько слабых налетов авиации. По показаниям пленных немцев, участок наступления наших частей обороняют части 3-й мотодивизии противника, сильно потрепанные в боях.

Несмотря на большое превосходство наших наступающих частей в людях, огневых средствах, танках, авиации задача, поставленная Ставкой, частями 66 армии не выполнена.

На 26.10.42 г. части продвинулись самое большее на 3 км и заняв 3–5 линий немецкой обороны, приостановили наступление, понеся большие потери в личном составе (до 4–5 тыс. каждая дивизия).

Командование фронтом, в частности: командующий генерал-лейтенант Рокоссовский, нач. штаба генерал-майор Малинин, зам. командующего фронтом генерал-майор Трубников, а также командование армией, в частности: командующий генерал-майор Жадов и др., объясняя причины неуспеха на фронте и невыполнения задачи, заявляют о том, что наша пехота, особенно новые дивизии, — не обучена, воевать не умеет и не способна выполнить поставленной задачи. Высказывают мнение о необходимости прекратить наступательные действия, перейти к обороне, а новые дивизии отвести в тыл для переобучения.

26.10. командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский, будучи в штабе 66 армии и делясь впечатлениями о проводимой операции, заявил: „…Прибывшие новые дивизии к бою совершенно не подготовлены. Сегодня буду докладывать тов. Сталину, просить его, чтобы личный состав вновь формируемых дивизий хотя бы месяц проходил боевую подготовку…“

В тот же день командарм-66 генерал-майор Жадов, на вопрос начальника Особого отдела 66 армии тов. Сервианова — почему не имеем успеха, ответил: „…Люди не обучены и совершенно не подготовлены, многие совершенно не умеют владеть винтовкой. Прежде чем воевать, надо новую дивизию хотя бы месяц обучать и подготавливать. Командный состав как средний, так и старший, тактически безграмотный, не может ориентироваться на местности и теряет управление подразделениями в бою. Дивизии, прибывшие к началу операций на фронт, потеряли до 4000 чел. каждая. Вести дальнейшее наступление считаю невозможным, это приведет только к лишним потерям личного состава. При наличии большого артогня и массированных налетов нашей авиации, части продвигаются очень медленно… Авиация противника активности не проявляла. Силы противника перед фронтом 66 армии незначительные (рота имеет 27 чел.), противник собрал солдат из тылов…“

26.10.42 г., нач. штаба фронта генерал-майор Малинин, зам. командующего фронтом генерал-майор Трубников, в присутствии нашего оперработника, делились мнениями о ходе наступления наших частей.

На вопрос оперработника — успешно ли проведена артподготовка, как действует наша авиация, подавляет ли она огневые точки противника, Трубников, махнув рукой, ответил: „…Дело здесь не в авиации, дело в том, что пехота у нас ни черта не стоит, пехота не воюет, в этом вся беда…“

Малинин, поддерживая Трубникова, заявил: „…Пехота не подымается, артподготовка у нас достаточная, средств артиллерийских у нас столько, что и говорить не приходится, на один километр у нас 74 орудия. Кроме того, на этом участке 12 минометных полков.

У немцев здесь ни черта нет, немцы безусловно несут большие потери от нашего минартогня. На этом участке у нас несомненное большое превосходство во всем и превосходство в авиации. Авиация противника в эти дни нас беспокоит слабо, да и танков у нас неплохо… Пехота у нас никудышная… Дать сюда хорошо обученный полк решительных бойцов, этот полк прошагал бы до Сталинграда…

Дело не в артиллерии, всех огневых точек не подавишь. Артиллерия свое дело делает, прижимает противника к земле, а вот пехота в это время не подымается и в наступление не идет…“

Командующий фронтом Рокоссовский, под впечатлением того, что причиной неуспехов являются плохие действия бойцов-пехотинцев, пытался для воздействия на пехоту использовать заградотряды.

Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку».

Я неслучайно так обильно цитирую документы Особых отделов. Только они дают подлинное представление о качестве того человеческого материала, которым приходилось руководить Рокоссовскому и другим советским полководцам. Константин Константинович и работники штаба фронта делали упор на плохую подготовку бойцов пехоты, особисты — на плохую подготовку командиров всех уровней. Правы были и те и другие. Начальник Особого отдела Донского фронта В. М. Казакевич пытался оспорить утверждение Рокоссовского и его товарища о том, что в бой приходилось бросать практически необученных людей. Особист приводил статистику личного состава дивизий 66-й армии, стараясь доказать, что в новых, недавно сформированных дивизиях вполне достаточно кадрового, опытного состава и они по этому показателю не отличаются от дивизий, сформированных давно. Здесь Казакевич был прав в том смысле, что недавно сформированные дивизии Красной армии осенью 1942 года по качеству своего личного состава принципиально не отличались от тех дивизий, чьи штабы существовали еще до войны. Но общим у старых и новых дивизий было как раз то, что из-за больших потерь везде преобладало необученное пополнение.

Таким образом, Рокоссовскому приходилось руководить такими солдатами и командирами, степень подготовки которых позволяла им противостоять опытным, хорошо подготовленным солдатам и офицерам вермахта только ценой очень больших потерь. Мне кажется, что Константин Константинович был одним из немногих, если вообще не единственным военачальником Красной армии, кто с успехом смог бы успешно командовать большими массами войск в армиях западных стран, где действительно требовалось беречь людей и стараться достигать максимального результата при минимальных потерях. Но Рокоссовский был достаточно умен, чтобы понимать, что его стремление «воевать культурно» не должно выходить за некоторые пределы, диктуемые сталинской системой. На первое место в этой системе требовалось ставить захват территорий и достижение некоторых стратегических и политических целей, а не достижение наиболее благоприятного соотношения своих и неприятельских потерь. Попытка на практике воевать не числом, а умением, действовать чересчур самостоятельно неизбежно вела к гибели.

После неудачи наступления 19–23 октября и Рокоссовскому, и Ставке стало ясно, что узкий коридор, отделяющий 62-ю армию от войск Донского фронта, имеющимися силами ликвидировать не удастся. К тому времени в Ставке и Генштабе созрел план более широкой операции, предусматривающей окружение основных сил 6-й немецкой армии.

Рокоссовский так изложил события, связанные со Сталинградским контрнаступлением, в своих мемуарах:

«При здравой оценке создавшегося положения и в предвидении надвигавшейся зимы у врага оставался только один выход — немедленный отход на большое расстояние. Но, недооценивая возможности Советского Союза, противник решил удержать захваченное им пространство, и это было в сложившейся обстановке своевременно использовано нашим Верховным Главнокомандованием.

О предстоящем контрнаступлении мы узнали уже в октябре от прибывшего снова заместителя ВГК Г. К. Жукова. В общих чертах он ознакомил нас, командующих Донским и Сталинградским фронтами, с намечаемым планом. Все мероприятия проводились под видом усиления обороны. В период 3–4 ноября в районе 21-й армии Г. К. Жуков провел совещание с командующими армиями и командирами дивизий, предназначенных для наступления на направлении главного удара. Здесь же

отрабатывались вопросы взаимодействия Донского фронта с Юго-Западным на стыках. Подобное мероприятие было проведено и с командным составом Сталинградского фронта.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что совещание носило характер отработки с командирами соединений вопросов, которые входили в компетенцию командующего фронтом, а не представителя Ставки.

Другое дело — увязка взаимодействий между фронтами. Здесь могут возникнуть вопросы, которые легче решить представителю Ставки тут же, на месте.

Для увязки некоторых вопросов взаимодействия мне еще пришлось побывать на командном пункте командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина, где находился и начальник Генерального штаба Василевский. Мне показалось странным поведение обоих. Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским».

Рокоссовскому в той роли, в которой без особых для себя неудобств пребывал Ватутин, быть не доводилось.

По свидетельству П. И. Батова, 20 октября Рокоссовский сказал ему: «На днях получите указания для разработки армейской операции. Всего в наступлении будет участвовать семь армий. Думаю, начнем в праздники… А сейчас поедем на плацдарм, хочется поглядеть на ваших орлов».

Батов так изложил замысел операции, в которой его 65-й армии из всех армий Донского фронта отводилась основная роль:

«В системе трех фронтов основной удар наносили с севера войска Н. Ф. Ватутина, в их числе и наш правый сосед — 21-я армия. Цель у И. М. Чистякова — прорвать оборону, ввести в прорыв крупные подвижные соединения и быстрее выйти на Калач. Но при этом левый фланг 21-й армии оказывался под опасной угрозой удара сильной немецкой группировки (я называю ее сиротинской), стоявшей в малой излучине Дона. Тут-то и начиналось дело 65-й армии. Наступая с Клетского плацдарма, ее дивизии должны были принять на себя удар немецких танковых и пехотных частей и надежно прикрыть фланг армии И. М. Чистякова, которая в это время будет громить румын. Такова была наша первая задача. Потом нашим дивизиям вместе со стрелковыми частями Чистякова предстояло выйти в район Песковатки и тем самым уплотнить кольцо вокруг отрезанной группировки противника, довершив дело, начатое подвижными соединениями. Наконец, третья и последняя задача, которую наша армия решала уже в интересах своего фронта: являясь его главной ударной группировкой, мы охватывали с юго-запада сиротинскую группировку немецко-фашистских войск, в то время как генерал И. В. Галанин должен был перехватить переправы в Вертячем. Таким образом, 65-я и 24-я армии отрезали несколько отборных дивизий немцев, не говоря уже об армейском корпусе румын».

Задача войск Рокоссовского осложнялась тем, что им, в отличие от войск Юго-Западного фронта, противостояли не только румынские войска, имевшие невысокую боеспособность, но и гораздо более сильные немецкие дивизии.

Константин Константинович утверждал:

«План наступательной операции предусматривал участие войск трех фронтов. Сталинградский фронт должен был наносить удар из района Сарпинских озер, Донской — активными действиями сковывать в междуречье Волга — Дон максимум неприятельских сил, а на правом крыле наносить удар, тесно взаимодействуя с соседним справа, вновь создаваемым Юго-Западным фронтом, которому предстояло обрушить на врага основной удар с плацдармов на южном берегу Дона. Таким образом, планировались два мощных удара по флангам сталинградской группировки противника с целью ее окружения и уничтожения…»

Нельзя сказать, что немцы ничего не знали заранее о советском контрнаступлении. Как отмечает в мемуарах бывший начальник отдела «Иностранные армии — Восток» знаменитый Рейнхард Гелен, «4 ноября 1942 года поступило важное донесение по линии абвера. В нем говорилось: „По полученным от доверенного лица сведениям, 4 ноября состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали двенадцать маршалов и генералов… Было решено провести все запланированные наступательные операции еще до 15 ноября, насколько это позволят погодные условия. Главные удары: от Грозного в направлении Моздока, в районе Нижнего и Верхнего Мамона в Донской области, под Воронежем, Ржевом, южнее озера Ильмень и под Ленинградом“». Ссылки на это донесение есть и в работах немецких и иностранных исследователей. Гитлеру и другим руководителям вермахта о нем доложили 7 ноября. Времени хватило бы для отвода 6-й армии из Сталинграда. В действительности советские войска первоначально должны были перейти в наступление под Сталинградом в более ранние сроки (в одном из Жуковских донесений Сталину фигурирует 15 ноября), и лишь задержка с сосредоточением сил и средств заставила отложить его начало до 19 ноября. На самом деле советский Юго-Западный фронт нанес главный удар не на своем правом крыле, у хуторов Верхний и Нижний Мамон, — против итальянцев, а на своем левом крыле, против румын. Однако вполне вероятно, что первоначально предусматривался более глубокий охват противника и удар именно на правом фланге Юго-Западного фронта, как о том и сообщал неизвестный агент.

Но масштаба советского наступления, нацеленного на окружение немецкой группировки, немецкое командование не смогло предугадать. Гитлер не хотел отводить войска к Дону — это означало бы признание краха стратегии на Восточном фронте. Более того, почти до самого дня контрнаступления войска 6-й армии продолжали активные боевые действия в Сталинграде, пытаясь сбросить советские части в Волгу. Это лишило немецкое командование возможности предпринять хотя бы паллиативные меры — перебросить часть дивизий 6-й армии из города для укрепления флангов, обороняемых гораздо менее боеспособными румынскими частями.

Первоначально предполагалось, что Юго-Западный и Донской фронты перейдут в наступление 9 ноября, а Сталинградский — 10 ноября. Но к указанному сроку не успели завершить сосредоточение сил и средств. Поэтому начало наступления было перенесено на 19 ноября для Юго-Западного и Донского фронтов и на 20 ноября — для Сталинградского.

В целом наступление развивалось успешно, и уже 23 ноября клещи сомкнулись.

Рокоссовский вспоминал, как трудно проходила ликвидация окруженной группировки:

«В результате наступления наших войск площадь, которую занимала окруженная вражеская группировка, уменьшилась почти вдвое. К концу ноября она составляла менее полутора тысяч квадратных километров. На одних участках враг был оттеснен, на других он сам отошел на более выгодные рубежи. Гитлеровцы широко использовали систему наших укреплений, построенных еще летом, до боев за Сталинград. Сокращение фронта обороны позволяло противнику значительно уплотнить боевые порядки своих частей, а обилие различных укреплений на том рубеже, куда отошли его войска, — быстро организовать прочную оборону. Враг пользовался еще и тем преимуществом, что имел возможность быстро маневрировать своими резервами внутри круга, перебрасывая их на любое угрожаемое направление. Вполне понятно, что преодолеть сопротивление такого противника с ходу наши войска, сильно поредевшие за время непрерывного и длительного наступления, не смогли.

В боях с 28 по 30 ноября некоторый успех был достигнут войсками 21-й и 65-й армий: они овладели Песковаткой и Вертячим. На остальных участках ни мы, ни наш сосед результатов не добились. Побывав на различных участках, я убедился, что без специальной, серьезной подготовки к наступлению на успех надеяться нельзя. При очередном разговоре по ВЧ я счел своим долгом доложить об этом Сталину. Затронул вопрос и о том, что целесообразнее было бы операцию по ликвидации окруженной группировки противника поручить одному фронту — Сталинградскому или Донскому — с подчинением ему всех войск, действующих под Сталинградом.

Сталин не дал определенного ответа. В это время внимание Ставки было обращено на внешний фронт окружения, куда и направлялись силы из ее резерва и из состава войск, сражавшихся с окруженным противником. Так, от нас были взяты три стрелковые дивизии и четыре истребительно-противотанковых полка, а из Сталинградского фронта — почти все танковые и моторизованные соединения и части. Все это намного ослабляло и без того малочисленные соединения, ведущие непрерывные бои под Сталинградом. Но в создавшейся к тому времени обстановке эти меры были правильными.

К началу декабря внешний фронт окружения проходил в удалении от 40 до 100 километров от котла. Это облегчало ликвидацию противника внутри кольца. Но сил для ускорения этой операции явно не хватало…»

Рокоссовский вспоминал:

«Разгромить врага мы и тогда не смогли. Но своими активными действиями наши войска и войска Сталинградского фронта нанесли ему большой урон в живой силе и технике, вынудили расходовать боеприпасы, которых у окруженных гитлеровцев оставалось все меньше. Противник был оттеснен от Дона в сторону Волги на 20–30 километров, кольцо вокруг него сжалось еще сильнее…

Не дожидаясь подхода 2-й гвардейской армии, мы приступили к подготовке наступления. Представитель Ставки А. М. Василевский, находившийся у нас с задачей координации действий двух фронтов, принимал деятельное участие в разработке плана операции…

В плане операции была заложена основная идея: ударами по центру окруженной группировки с двух сторон расчленить ее, а затем ликвидировать по частям. Войска Донского фронта наносят главный удар с запада на восток. Навстречу им движутся войска Сталинградского фронта, которые наносят удар с юго-востока на запад…»

В это время генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, назначенный командующим группой армий «Дон», организовал контрудар под руководством командующего 4-й танковой армией Германа Гота для вызволения 6-й армии. Деблокирующая группировка из района Котельникова начала наступление против частей 51-й армии.

По словам Рокоссовского,

«утром 12 декабря на котельниковском направлении начались бои. Противник незначительно потеснил части 51-й армии генерала Н. И. Труфанова, действовавшей на внешнем фронте окружения. Командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Еременко, опасаясь, как бы враг не прорвался к своим окруженным войскам, обратился в Ставку с просьбой передать ему прибывавшую под Сталинград 2-ю гвардейскую армию для использования ее против группы Манштейна.

Из многочисленных наблюдений и размышлений можно было сделать вывод, что в создавшейся обстановке противник предпримет все меры к тому, чтобы как можно дольше удержать под Сталинградом всю задействованную группировку наших войск. Таким образом, он попытается создать предпосылки к закрытию огромной бреши в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Раздумывая над этим выводом, мне казалось, что было бы все же более целесообразным 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась сделать Ставка, то есть быстро разделаться с окруженной группировкой. Смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий на южном крыле советско-германского фронта. Игра, как говорится, стоила свеч, да и риск получался не таким уж большим. Некоторые группировки противника, спешившие якобы на помощь окруженным, оказались преувеличенными теми, кто о них сообщал, и особой помощи оказать не могли. Они состояли из остатков разбитых частей и тыловых команд, собранных в группы под разными названиями, и больше думали о том, как бы самим выбраться из беды, чем о помощи окруженным. Конечно, меня могут упрекнуть в том, что сейчас, когда стало все ясным, можно рассуждать и доказывать все что угодно, но я и являлся сторонником использования 2-й гвардейской

армии в первую очередь для разгрома окруженного врага. Предлагал также в случае приближения вражеских сил к окруженным извне повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять вариант, предложенный ее представителем — Василевским. Посчитали, что он более надежный. Но ведь и этот вариант не исключал элементов риска. Намечаемая Ставкой красивая операция на ростовском направлении могла и не удаться. Впрочем, так оно и получилось. Операция вышла суженной, поскольку все внимание и значительные силы были отвлечены на так называемую группу Манштейна. Это помогло немцам избежать еще более крупной катастрофы на ростовском направлении, чем под Сталинградом».

П. И. Батов вспоминал:

«8 декабря на НП армии, находившемся под Казачьим курганом, сообщили, что в Вертячий прибыл К. К. Рокоссовский и вызывает командарма. Проскочив 12 километров по Вертячинской балке, я вошел в блиндаж нашего командного пункта. Здесь уже кроме командующего войсками фронта были генералы М. С. Малинин, В. И. Казаков, К. Ф. Телегин и командующий 2-й гвардейской армией Р. Я. Малиновский.

Поздоровавшись, командующий фронтом сказал:

— Теперь все в сборе… Начнем заседание Военного совета фронта.

На обсуждение были поставлены вопросы, связанные с разработкой оперативного решения на прорыв обороны немцев с целью быстро ликвидировать окруженную группировку. Главная мысль плана операции была в том, чтобы вначале расчленить на две части находящиеся в „котле“ войска Паулюса нанесением главного удара по центру — с запада на восток. На мощную силу 2-й гвардейской армии, полностью укомплектованной и с прекрасно оснащенным мехкорпусом, в этом деле возлагались большие надежды.

Малинин ознакомил с оперативной обстановкой на Донском фронте, которая осложнилась в связи с появлением в Котельниковском танковых дивизий Манштейна, что в свою очередь вызвало оживление немцев по всему кольцу окруженной группировки. Штаб фронта предлагал ввести 2-ю гвардейскую на стыке 65-й и 21-й армий, ударные группировки которых примыкали бы к войскам Р. Я. Малиновского и действовали совместно с ними. Таким образом, на главном направлении рассекающего удара должны были наступать силы трех армий. Малиновский доложил о состоянии подходящих войск: в его армии два стрелковых и один механизированный корпус, сформированные из сибиряков и дальневосточников.

Наступление намечалось начать 14 декабря. Но двенадцатого из Котельниковского ударил по войскам Сталинградского фронта Манштейн. Все наши планы переменились, поскольку Ставка немедленно передала 2-ю гвардейскую армию в распоряжение Еременко для отпора и разгрома деблокирующей группировки противника.

Константин Константинович был огорчен, что ему не удалось отстоять перед Верховным Главнокомандующим свое предложение об использовании войск генерала Малиновского. Существо предложения сводилось к тому, чтобы, несмотря на приближение войск Манштейна, выполнить изложенный выше и утвержденный 9 декабря Ставкой план, ускорив тем самым ликвидацию окруженной группировки. А в последующем все освободившиеся силы фронта — шесть армий — должны обрушиться на войска, спешившие деблокировать окруженную группировку Паулюса, и разгромить их.

Верховный Главнокомандующий признал предложение Рокоссовского смелым и заслуживающим внимания, но слишком рискованным. Ставкой было принято предложение А. М. Василевского использовать Вторую гвардейскую армию для усиления войск, действовавших против Манштейна. В связи с этим решением Ставки Донской фронт уже не мог рассчитывать на то, что армия Р. Я. Малиновского войдет в его состав. Рокоссовский предложил временно приостановить проведение операции по ликвидации немецкой группировки Паулюса. Он исходил из того, что недостаточно мощные удары по окруженным немецко-фашистским войскам нашими армиями, которые истощены и ослаблены непрерывными длительными боями, ничего, кроме излишних

потерь, нам не принесут. Поэтому считал необходимым решать обе задачи последовательно, не распыляя имеющихся сил и не разбрасываясь. Ставка согласилась с его предложением и дала обещание усилить войска Донского фронта перед проведением заключительной операции в Сталинградской битве».

Использование 2-й гвардейской армии против деблокирующей группировки Манштейна оказалась излишней. Советское наступление на Дону и разгром 2-й венгерской и 8-й итальянской армий вынудили немецкое командование перебросить туда главную ударную силу деблокирующей группировки — недавно прибывшую из Франции 6-ю танковую дивизию, без которой наступление на помощь Паулюсу пришлось прекратить еще до ввода в бой 2-й гвардейской армии. Целесообразнее, вероятно, было бы использовать армию Малиновского для наступления на Ростов-на-Дону, что позволило бы отрезать все южное крыло германского Восточного фронта. Но Сталин решил иначе.

Что же касается предложения Рокоссовского о том, чтобы использовать 2-ю гвардейскую армию для быстрого разгрома окруженной группировки Паулюса, то, анализируя ход последующих событий, приходишь к выводу, что быстрой победы над окруженными в этом случае достичь все равно не удалось бы. Ведь когда 10 января 1943 года войска Рокоссовского перешли в наступление против 6-й немецкой армии, им пришлось вести боевые действия в течение трех недель. А к тому времени окруженные были гораздо сильнее истощены, чем в середине декабря, и испытывали гораздо более ощутимый недостаток боеприпасов, поскольку немецкие аэродромы отодвинулись от «котла» на 100–150 километров, да и условия погоды еще больше затруднили снабжение сталинградской группировки. В случае же, если бы войска Рокоссовского и Еременко, подкрепленные 2-й гвардейской армией, начали бы наступление против армии Паулюса, как и планировалось, в середине декабря, бои вообще могли бы затянуться на 4–5 недель, что вызвало бы только дополнительные потери наступающих советских войск и не приблизило бы сколько-нибудь существенным образом срок ликвидации сталинградского «котла».

Таким образом, оптимальным способом использования 2-й гвардейской армии было бы бросить ее в наступление на Ростов. Тогда бы и деблокирующая группировка Гота быстрее покатилась бы на запад, и появился бы реальный шанс отрезать немецкие войска, застрявшие на Кавказе. Но Ставка решила не рисковать и предпочла иметь синицу в руках — гарантированное уничтожение окруженной в Сталинграде группировки, лишенной помощи извне.

8 декабря в штаб Донского фронта прибыл новоназначенный член военного совета Донского фронта К. Ф. Телегин. При первой встрече он запомнил Рокоссовского таким:

«Рокоссовский оказался человеком очень высокого роста. Но кроме того, отличался он той спортивной статью, которая столь привлекательно молодит людей. Я знал, что ему перевалило за сорок пять, и юношеская подвижность, с какой он поднялся и вышел из-за стола, была тем первым впечатлением, на которое потом наслаивались все последующие.

Минуту-другую мы, словно подыскивая тему для разговора, обменивались малозначительными фразами: „Как доехали?“ — „Спасибо, хорошо!“ — „Как настроение?“ — „Отличное!“ — и еще что-то в этом роде. Однако мне больше запомнились не эти фразы, а то, что удалось прочитать во взгляде, уловить в жестах и поведении командующего.

Вскоре, однако, разговор наладился. И, наверное, не случайно зашел он о Москве. Интерес к тому, как и чем живет сейчас Москва, что нового в столице, К. К. Рокоссовский проявлял не из вежливости — оставил он на полях Подмосковья частицу своего сердца, и немалую. Находились тогда в Москве и его близкие: жена Юлия Петровна и дочь Ариадна.

Константин Константинович оказался на редкость открытым и даже более того — нараспашку открытым человеком. Привлекательной с первых же минут была его манера общения. Он был ровным, деликатным, внимательным и буквально во всех других отношениях располагающим к себе, и, как потом мне довелось узнать, был таким всегда, со всеми без исключения — от рядового бойца до командарма.

Говорил негромко, иногда задумывался, словно взвешивал приведенные доводы. Очень заметной была его способность вовремя отреагировать на намерение собеседника вступить в разговор. В такие моменты он замолкал на полуслове или поощрительно спрашивал: „Вы хотели что-то сказать?“

Была в его поведении легко ощутимая интеллигентность. Громко смеялся он очень редко, чаще улыбался. При этом лицо его становилось удивительно красивым».

Ликвидация окруженной группировки в связи с тем, что 2-я гвардейская армия была переброшена в район Котельниково, была отложена. Ряд советских генералов в то время предлагали вообще отказаться от широкомасштабного наступления против армии Паулюса, а взять ее измором.

По воспоминаниям К. Ф. Телегина, командующий 62-й армией Чуйков говорил Рокоссовскому об армии Паулюса:

«Разве сегодня это войско? — спросил В. И. Чуйков, теперь уже с иронической улыбкой. — Нет! — ответил он на свой вопрос. — Это лагерь пока еще вооруженных военнопленных и ничего больше!

— Однако, все же вооруженных! — оценив одобрительной улыбкой жесткий оптимизм командарма, заметил К. К. Рокоссовский».

Также и А. И. Еременко в январе 1943 года высказывал мысль о том, что войска Паулюса можно «дожать» голодом, не ведя с ними кровопролитных боев.

И тогда же Рокоссовский признался Телегину, что предложение им объединения войск двух фронтов, действующих против окруженной группировки, под единым командованием «выглядело бы не лучшим образом. Его ведь можно истолковать и так, что я лично заинтересован в получении всей полноты власти. А ведь Андрей Иванович Еременко и по званию, и по возрасту старше меня, всю тяжесть оборонительного периода вынес на своих плечах. Знаем мы друг друга с двадцатых годов, взаимодействие с ним отработано надежно, и, в конце-то концов, если каждый из нас выполнит свои обязанности с должной ответственностью за успех общего дела, то все получит желаемое завершение…».

Однако такое объединение все-таки было осуществлено по инициативе Сталина. Рокоссовский отметил в мемуарах, что 30 декабря «пришла директива Ставки о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта. Это мероприятие было своевременным, и мы тут же приступили к установлению связи с 57,64 и 62-й армиями. Вернее, эти связи у нас уже были. Вопрос об объединении сил обоих фронтов исподволь разрабатывался нашим штабом, и пусть немного, но кое-что мы успели сделать. Задолго до этого Василевский сказал мне, что командующий Сталинградским фронтом крайне недоволен, что штаб Рокоссовского засылает своих офицеров к нему в войска, пытается установить с ними какие-то контакты. Но наше предвидение оправдалось. Теперь нам стало куда легче связаться с отошедшими к нам армиями».

Вероятно, решение о назначении Рокоссовского было принято на заседании у Сталина 29 декабря. На нем, кроме Жукова, присутствовали, в частности, члены ГКО В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия и А. И. Микоян.

Еременко действительно был очень обижен, считая, что у него, защищавшего Сталинград с первого дня, украли лавры победителя. От обиды и от пережитого в дни Сталинградского сражения у Еременко открылись старые раны. В госпитале, а потом в санатории у Андрея Ивановича было время, чтобы подробно проанализировать события, связанные с подготовкой контрнаступления и своими взаимоотношениями с Жуковым. 1 февраля 1943 года, явно имея в виду Георгия Константиновича, Еременко с горечью отметил в дневнике: «Первостепенное значение имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством… Страшная беда, что и в наш век все еще так решаются вопросы». Эта запись появилась по поводу публикации указа от 28 января о награждении группы генералов, отличившихся в битве за Сталинград, орденом Суворова 1-й степени. Одновременно почти все награжденные, кроме Еременко, удостоились очередных званий. Жуков, получивший орден Суворова № 1, еще 18 января стал Маршалом Советского Союза. Гордов, Рокоссовский и Ватутин получили звания генерал-полковников, Василевский — генерала армии, а через месяц, 16

февраля, — и маршальское звание. Вот только Еременко из генерал-полковников в генералы армии Сталин производить не спешил. Андрей Иванович видел здесь жуковские козни.

В записи от 19 января 1943 года Еременко значительную часть вины за свою опалу возлагал на Жукова: «Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне простить, что я нет-нет, да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это сделать как командующий войсками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист… Если представится возможность, напишу о нем побольше». Такая возможность представилась в санатории Цхалтубо, где Еременко оправлялся от болезни. Здесь он записал 28 февраля 1943 года: «Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру».

Показательно, что на Рокоссовского Еременко обиды не держал, считая, что идею с объединением Сталинградского и Донского фронтов и назначением Рокоссовского Сталину подал Жуков. Но вряд ли Сталин стал бы в этом случае следовать чьим-либо рекомендациям — кадровые вопросы Иосиф Виссарионович предпочитал решать сам.

Интересно, что 5 августа 1943 года Еременко сделал в дневнике следующую примечательную запись. Это было после встречи со Сталиным под Ржевом в селе Хорошево. Еременко тогда командовал Калининским фронтом, и они обсуждали план Духовщинско-Демидовской операции. Тогда Сталин своеобразно извинился перед Еременко за то, что не дал ему принять капитуляцию Паулюса: «Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы о том, кто же должен доколачивать Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца — это уже особой роли и не играет. Я, конечно, давал директивы, но вы же непосредственно там командовали и руководили этой битвой. Победил, безусловно, наш народ во главе с великим русским народом, но им нужно было руководить». Но далее Еременко сделал запись и вовсе по тем временам поразительную:

«Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии. Вот почему он, прежде чем начать заслушивать план предстоящей операции, перевел разговор на тему о кадрах, чтобы прощупать меня… В ходе этого разговора товарищ Сталин неоднократно говорил о многих генералах, которые были освобождены из мест заключения перед самой войной и хорошо воевали.

„А кто виноват, — робко задал я вопрос Сталину, — что эти бедные, ни в чем не повинные люди были посажены?“ — „Кто, кто… — раздраженно бросил Сталин. — Те, кто давал санкции на их арест, те, кто стоял тогда во главе армии“. И тут же назвал товарищей Ворошилова, Буденного, Тимошенко. Они, по словам Сталина, были во многом повинны в истреблении военных кадров. Именно они оказались неподготовленными к войне. Но самая плохая характеристика… была дана им за то, что они не защищали свои военные кадры. Собственно, я в этом разговоре больше слушал да отвечал на вопросы. Сталин спрашивал меня, насколько хорошо я знаю того или иного маршала, генерала, освобожденного из-под ареста. Что касается маршалов, я дал уклончивый ответ, сказав, что знаю их плохо, издали. Партия создала им авторитет, и они почили на лаврах. Поэтому плохо показали себя в Великой Отечественной войне. Вот как говорит о них народ, я тоже придерживаюсь такого мнения. „Говорит народ правильно“, — вставил реплику Сталин. В отношении же освобожденных генералов я сказал, что товарищи Горбатов, Рокоссовский, Юшкевич, Хлебников — все они во время войны, а некоторые и до нее были в моем подчинении, и я даю им самую высокую оценку, так как это умные генералы, храбрые воины, преданные Родине. „Я согласен с вами, товарищ Еременко“, — заметил Сталин. Каждый раз, говоря о кадрах, он пристально, испытующе посматривал на меня, видимо, для того, чтобы определить, какое впечатление производят на меня его характеристики и оценки людей».

Как видим, Еременко уже в 1943 году нисколько не сомневался, что Сталин прямо виновен в предвоенном истреблении военных кадров. Рокоссовский, как мы помним, в 1937 году в причастности Сталина к репрессиям сомневался, считая, как и многие другие, что НКВД действует помимо воли вождя. Вероятно, он изменил свое мнение в годы войны, когда убедился, что без воли Сталина ничего в стране не делается. Но уважение к Сталину он сохранил на всю жизнь и, в отличие от Еременко, ни разу не критиковал его в своих статьях и мемуарах.

А. Е. Голованов, познакомившийся с Рокоссовским под Сталинградом, вспоминал: «Руководство ликвидацией окруженной группировки было поручено Рокоссовскому, который блестяще справился с этой задачей. Непосредственно общаясь с ним во время проведения этой операции, я всегда видел перед собой уравновешенного, с глубокими военными познаниями человека, доступного для любого, кто с ним работал. Вежливость и тактичное обращение были его характерными чертами, а личная скромность в быту дополняла его облик. Таков был Рокоссовский, с которым мне довелось там близко познакомиться. Дальнейшее общение с ним уже в других местах и на других фронтах лишь укрепило во мне то глубокое уважение, которое можно иметь к человеку, умеющему направить всю энергию работающих с ним людей в нужном направлении и в то же самое время остающемуся как бы незаметным и скромным человеком».

Несомненно, в выборе командующего тем фронтом, который будет принимать капитуляцию окруженной в Сталинграде 6-й немецкой армии, решающее слово было за Сталиным. И он выбрал того полководца, которого считал наиболее достойным по его роли в войне, которому безусловно доверял.

Кроме того, у Сталина могли быть уже тогда далекоидущие планы, связанные с использованием польской национальности Рокоссовского в процессе будущего установления советского контроля над Польшей. После Сталинградской победы этот вопрос уже вскоре мог встать в повестку дня.

Вот что по поводу взаимоотношений Сталина и Рокоссовского писал в своих мемуарах Главный маршал авиации А. Е. Голованов, бывший личный пилот Сталина: «С большим уважением, с большой теплотой относился к Рокоссовскому Сталин, он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, за широту мышления, за его культуру, скромность и, наконец, за его мужество и личную храбрость. Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский стал вторым человеком, которого Сталин стал так называть».

Голованов утверждал также, что «мнительность и подозрительность были спутниками Верховного, в особенности это касалось людей с иностранными фамилиями. Мне даже случалось убеждать его в безупречности тех или иных товарищей, которых мне довелось рекомендовать для руководства определенной работой… Однако, изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому».

Рокоссовский как раз и был человеком с иностранной фамилией, но доверие к нему Сталина ни разу не было поколеблено. И он как раз сделал Константину Константиновичу новогодний подарок, поручив единолично ликвидировать окруженную под Сталинградом неприятельскую группировку.

Константин Константинович вспоминал, как встречали Новый, 1943 год:

«31 декабря, пользуясь некоторым затишьем (относительным, конечно), мы решили отпраздновать встречу Нового года. В нашей штаб-квартире собрались члены Военного совета фронта и товарищи из Москвы — Василевский, Новиков, Голованов, писатели Ванда Василевская, Александр Корнейчук. По просьбе Новикова летчики попутным рейсом привезли елку, которую здесь украсили чем могли. Делалось все экспромтом, но получилось замечательно.

Новый год мы встретили в дружной товарищеской обстановке. Было высказано много добрых пожеланий, все наши тосты и разговоры пронизывала крепкая вера в грядущую победу над врагом.

Вспомнили мы и своих близких. Моя семья в это время уже находилась в Москве. Жена принимала деятельное участие в работе Антифашистского комитета советских женщин, а дочь поступила в школу разведчиков-связных, организованную Центральным штабом партизанского движения».

А. Е. Голованову так запомнилось это новогоднее торжество:

«Новый, 1943 год довелось нам встречать у К. К. Рокоссовского. Вначале произошел небольшой инцидент между генералом А. А. Новиковым — Главкомом ВВС и В. Д. Ивановым — заместителем начальника Генерального штаба. В самом начале Новиков, будучи уже немного навеселе, предложил поднять первый тост за Г. К. Жукова. Иванов встал и заявил, что за Жукова пить он не будет, тогда встал и Новиков. Дело начинало принимать нежелательный оборот, мне тоже пришлось встать и, поскольку оба они были небольшого роста, не составило особого труда усадить их на свои места (Голованов был почти двухметрового роста. — *Б. С.).* Тем временем Константин Константинович поднял свой бокал (граненый чайный стакан) и предложил первый тост за товарища Сталина, что в то время было обычно и с этого всегда все начиналось. Вечер прошел очень хорошо, все мы желали Константину Константиновичу успехов в разгроме и ликвидации группировки противника и, как говорят, мирно разошлись отдыхать, ибо впереди была напряженная работа. Приведенный здесь „инцидент“ я бы и не упоминал, если бы в дальнейшем развитии событий он не играл бы никакой роли. Всем нам было хорошо известно об особом расположении А. А. Новикова к Жукову, но в то же самое время было и недоумение, почему Александр Александрович нарушил обычный ритуал и предложил выпить первый тост не за Сталина».

Рокоссовский утверждает, что именно ему пришла в голову идея отправить перед началом наступления ультиматум Паулюсу с предложением почетных условий сдачи. Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов в мемуарах приписывает себе идею ультиматума. Кто из них прав, определить сегодня невозможно. Сталин идею с ультиматумом одобрил.

В тексте ультиматума, в частности, говорилось:

«В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции.

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику в военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Вручить немцам ультиматум решили 8 января, за два дня до начала наступления. Эта попытка закончилась неудачей. По словам Рокоссовского, «наша попытка проявить гуманность к попавшему в критическое положение противнику не увенчалась успехом. Грубо нарушая международные правила, гитлеровцы открыли огонь по парламентерам. Нам оставалось сейчас одно — применить силу».

Тем не менее 9 января была предпринята еще одна попытка. Рокоссовский утверждал: «День и ночь мы продолжали передавать по радио условия капитуляции. Самолеты разбрасывали над территорией

противника наши листовки с призывом к немецким солдатам и офицерам прекратить сопротивление. На роль парламентеров вызвались те же товарищи, что и накануне.

На этот раз события развивались несколько иначе. Утром 9 января нашим парламентерам удалось благополучно добраться до позиций противника, где в условленном месте они были встречены немецкими офицерами. Отказавшись вручить им пакет, парламентеры потребовали, чтобы их проводили на командный пункт. Туда они прибыли с завязанными глазами. На КП платки с глаз были сняты, и парламентеры предстали перед группой немецких старших офицеров. В присутствии наших посланцев один из офицеров доложил по телефону своему начальнику о прибытии советских парламентеров и о том, что они требуют передать пакет лично Паулюсу. Спустя некоторое время нашим парламентерам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого ему известно из передач по радио. Парламентеры возвратились обратно. На этом закончилась попытка призвать немецко-фашистское командование к благоразумию. После нашего доклада Ставке об отклонении противником ультиматума нам пожелали успеха в решении вопроса оружием».

10 января 1943 года началось последнее советское наступление в Сталинграде. Оно затянулось на целых три недели, несмотря на то, что немцы испытывали острый недостаток боеприпасов и продовольствия. Однако им помогали укрепления, оставшиеся еще со времен советской обороны Сталинграда. А морозная и снежная погода мешала использовать авиацию для поддержки наступления и значительно замедляла темпы продвижения наступавших.

Рокоссовский вспоминал:

«Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие вражеские подразделения упорно сопротивлялись. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевала укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной характер, нашим войскам приходилось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался. Нам, наблюдавшим за боем, несколько раз пришлось менять место, спасаясь от вражеских минометов, а дважды мы попали даже под пулеметный огонь. Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до пяти километров. Несколько меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар».

Насчет немецких контратак с помощью танков верится с трудом. Ведь к тому времени танков на ходу у окруженных не было из-за нехватки горючего. Как пишет немецкий историк Манфред Кериг, в тот момент «отсутствие горючего не позволяло уже маневрировать тяжелыми орудиями». Что уж тут говорить о танках.

Рокоссовский продолжал: «Мороз достигал 22 градусов, усилились метели. Нашим войскам предстояло наступать по открытой местности, в то время как противник находился в траншеях, землянках и блиндажах. Требовалось поистине безгранично любить свою Родину, Советскую власть и люто ненавидеть врага, чтобы преодолеть эти грозные позиции. Выполняя свой долг, советский солдат сделал это. Траншею за траншеей, дзот за дзотом брали бойцы. Каждый шаг вперед стоил крови».

Тут надо отметить, что немцы, практически лишенные продовольствия и зимнего обмундирования, даже в блиндажах мерзли больше, чем красноармейцы в чистом поле.

Рокоссовский утверждал:

«В кольце оказалось гитлеровцев значительно больше, чем мы предполагали. Сейчас трудно определить, кто повинен в этом просчете, так как операция по ликвидации окруженного противника

вначале проводилась войсками двух фронтов — Донского и Сталинградского. Фигурировала цифра: 80–85 тысяч человек. Возможно, она относилась к той части войск, которая действовала против Донского фронта. Сейчас мы вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек! Эти данные подтверждались всеми видами разведки и показаниями пленных. (Кстати, должен сказать, что представитель Ставки Н. Н. Воронов тоже очень интересовался, сколько же в этом котле войск, и даже лично опрашивал пленных.)

Конечно, с каждым днем это количество уменьшалось, потому что противник нес в боях большие потери. Но, несмотря на безвыходное положение, он сопротивлялся отчаянно.

Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы все время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа».

В первоначальные оценки численности окруженных пришлось внести существенные коррективы. Как писал Рокоссовский,

«по данным штаба нашего фронта было примерно установлено, что к моменту рассечения окруженной группировки противника, то есть к 26 января, силы его определялись в 110–120 тысяч человек. По тем же подсчетам, потери, понесенные гитлеровцами в боях с 10 по 25 января, то есть за шестнадцать дней, составили свыше 100 тысяч человек… Фашистское командование обрекло на гибель сотни тысяч своих солдат. Несколько месяцев оно заставляло их сражаться без всякой надежды на спасение. По существу, эти люди по воле гитлеровской клики были обречены на полное уничтожение. Только гуманность советского народа спасла жизнь многим немецким солдатам. Вчерашние враги теперь стояли перед нами безоружные, подавленные. В глазах одних — отрешенность и страх, у других — уже проблески надежды.

В плен было взято свыше 91 тысячи солдат и офицеров (по немецким оценкам, в плену оказалось до 113 тысяч немцев и румын. — *Б. С.).* За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тысяч автоматов, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, свыше 10 тысяч мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда, 58 паровозов, 1403 вагона, 696 радиостанций, 933 телефонных аппарата, 337 разных складов, 13 787 повозок и массу другого военного имущества.

Среди пленных оказалось 24 генерала во главе с фельдмаршалом…

Много хлопот доставляли нам военнопленные. Морозы, тяжелые условия местности, лишенной лесных массивов, отсутствие жилья — большинство населенных пунктов в ходе боев было уничтожено, а в сохранившихся мы разместили госпитали, — все это очень усложняло дело.

В первую очередь нужно было организовать рассредоточение огромной массы пленных, создать управляемые колонны, вытянуть их из развалин города, принять меры для предотвращения эпидемий, накормить, напоить и обогреть десятки тысяч людей. Неимоверными усилиями работников фронтового и армейских тылов, политработников, медиков эта задача была выполнена. Их напряженный, прямо скажем, самоотверженный труд в тех условиях спас жизнь многим военнопленным.

По дорогам двинулись бесконечные колонны немецких солдат. Их возглавляли немецкие офицеры, на которых была возложена ответственность за соблюдение воинского порядка в пути и на

остановках. Начальник каждой колонны имел на руках карточку с обозначенным маршрутом и указанием пунктов остановок и ночлегов.

К местам привалов подвозилось топливо, горячая пища и кипяток. По докладам штабных командиров, политработников и по донесениям, поступавшим от лиц, ответственных за эвакуацию военнопленных, все шло нормально.

Должен заметить, что сами пленные оказались довольно предусмотрительными: у каждого из них имелись ложка, кружка и котелок.

Отношение к военнопленным со стороны бойцов и командиров Красной Армии было поистине гуманным, я бы сказал больше — благородным. И это невзирая на то, что нам всем было известно, как бесчеловечно относились фашисты к нашим людям, оказавшимся у них в плену. Немецкие военнопленные генералы были размещены в домах, в приличных для того времени условиях, имели при себе все личные вещи и ни в чем не нуждались».

В перечисленных Рокоссовским трофеях большое сомнение вызывает количество захваченных и уничтоженных танков и самолетов. Такого количества бронетехники никогда не было в «котле», а самолетов люфтваффе там вообще не было. К моменту начала советского наступления 10 января у 6-й немецкой армии оставались в строю 95 танков и 33 штурмовых орудия, а всего к моменту окружения она имела около 300 единиц бронетехники. И даже если в число трофеев включены все самолеты, сбитые советской авиацией и зенитной артиллерией, а также погибшие в авариях во время осуществления «воздушного моста» к армии Паулюса, данное число выглядит сильно преувеличенным. Ведь, согласно немецким данным, в период с 24 ноября 1942 года по 31 января 1943 года во время осуществления «воздушного моста» с армией Паулюса было безвозвратно потеряно только 490 самолетов.

Да и положение германских военнопленных под Сталинградом было отнюдь не столь благостным, как это могло бы показаться читателю, ознакомившемуся с мемуарами Рокоссовского.

29 января 1943 года была издана директива военного совета Донского фронта военным советам армий о недостатках в отношении к военнопленным и спецконтингентам и мерах по их устранению. Речь в ней шла отнюдь не о бессудных расправах над пленными и о недостаточном оказании им медицинской помощи и недостаточном снабжении продовольствием. Нет, в директиве речь шла совсем о другом:

«Отмечен ряд фактов недопустимого благодушия и ротозейства в отношении к пленным и спецконтингентов.

1. У доставленного в штаб ДФ немецкого генерала Дреппер оказался в кобуре, висевшей на поясе, заряженный пистолет, не отобрана записная книжка, личные документы, переписка (57 армия).

2. При конвоировании на приемные пункты оставляют самостоятельно двигаться отстающих, теряют их в дороге, создают условия для побега из плена.

3. На участках 57 и 21 армий зафиксировано 2 случая организованного побега офицерского состава с целью прорваться к Ростову.

4. В 57 армии один из бывших военнослужащих КА, остановленный на дороге регулировщиком, на требование предъявить документы произвел в регулировщика выстрел из имевшегося в кармане револьвера.

5. В 65 армии один из конвоиров 27.1.43 вел под руку прихрамывающего пленного немца, вместо того, чтобы заставить это делать других немцев.

Все это свидетельствует о наличии преступной беспечности, отсутствии должного порядка в районах войсковых тылов.

Военный совет ДФ требует:

1. Всех военнопленных подвергать обыску, изымать оружие и острорежущие предметы, личные документы и переписку.

2. Офицерский состав сопровождать отдельно под усиленным конвоем.

3. В связи с наличием ряда фактов переодевания офицерского состава в солдатскую форму всех военнопленных подвергать тщательной проверке.

4. Строжайше требовать от конвоев не допускать растяжки колонн и отставания пленных в пути.

5. Освобожденных из плена б/военнослужащих Кр. Армии сопровождать на сборные пункты под строгим конвоем. Немедленно принять меры к полной очистке тыловых районов от этой категории людей, среди которых много продажной сволочи и предателей.

6. Потребовать от заградотрядов более тщательной прочески районов и строгой проверки документов.

7. Прекратить направление пленных в тыл без специального направления соответствующего штаба (полк — дивизия).

8. Наказать виновных работников РО 57 армии, не изъявших оружие генерала Дреппер.

О принятых мерах донести.

Телегин».

Рокоссовский эту директиву не подписывал, но вряд ли она была ему неизвестна. Знал ли Константин Константинович, что проблема заключается отнюдь не в том, чтобы предотвратить побеги пленных? Куда могли бежать полуживые от голода люди по заснеженной донской степи в лютые февральские морозы, когда от немецких позиций их отделяли сотни километров? Вспомним, что в советских исправительно-трудовых лагерях, расположенных в тайге и тундре, беглецов даже не преследовали. Только весной находили трупы — «подснежники». Главная задача была не в том, чтобы не допустить побегов, а в том, чтобы накормить пленных, предотвратить распространение среди них эпидемий, а также не допустить бессудных расправ над пленными, в том числе под предлогом убийства при попытке к бегству. Приходится констатировать, что тыловые службы Донского фронта с этими задачами не справились. Десятки тысяч немецких солдат гибли от голода и эпидемий, будучи ослаблены также многодневным недоеданием в «котле». По свидетельству немногих выживших, в первые дни плена им нередко не только не давали продовольствия, но даже отбирали последние запасы. Многие также не выдержали изнурительных пеших маршей из сталинградских развалин до лагерей. Как пишет немецкий историк Рюдигер Оверманс, «в том, что охрана пристреливала отстающих, подавляющее большинство не видело никакой жестокости. Помочь им все равно было нельзя, и выстрел считался актом милосердия по сравнению с медленной смертью от холода». Он же признает, что многие солдаты, будучи слишком истощены, не выжили бы в плену и в том случае, если бы питание было сносным. Погибли и почти 20 тысяч плененных в Сталинграде «пособников» — бывших советских пленных, служивших на вспомогательных должностях в 6-й армии. Почти все они были расстреляны или умерли в лагерях.

По оценке Оверманса, из захваченных под Сталинградом германских военнослужащих домой вернулось только около 2800 офицеров и около 2200 солдат. В оправдание советской стороны следует сказать, что с теми же проблемами в обращении с большими массами пленных столкнулись и германская армия, и армии западных союзников. Напомню, что из почти 4 миллионов советских пленных, захваченных немцами в 1941 году, погибло от голода более двух третей. Ведь число советских пленных 1941 года превышало 3,8 миллиона человек и было больше, чем средняя численность германской сухопутной армии на Востоке в 3,3 миллиона человек. Германское командование даже издало инструкцию, согласно которой коменданты лагерей военнопленных и офицеры, ведавшие отправкой военнопленных в тыл, имели право изымать на нужды пленных до 20 процентов продовольствия у германских армейских частей. Однако на практике это не осуществлялось. Германские войска на Востоке также испытывали острый недостаток продовольствия, и пленных неизбежно кормили по остаточному принципу. Почти так же высока

была смертность среди немецких и итальянских пленных, захваченных в мае 1943 года американцами и британцами в Тунисе (их было до 250 тысяч). Советские войска в 1942–1943 годах сами испытывали немалые трудности в снабжении продовольствием. Случаи смерти солдат от истощения были не только в блокадном Ленинграде, но и на Брянском и Донском фронтах.

Возможно, Рокоссовский сумел бы позаботиться о пленных, худо-бедно наладить их снабжение и медицинскую помощь. Но Константина Константиновича уже 4 февраля отозвали в Москву. А поскольку Донской фронт был расформирован и часть его тыловых служб, войдя в состав нового Центрального фронта, перебрасывалась в район Курска, позаботиться о пленных зачастую было некому, что еще более усугубляло положение захваченных в плен солдат 6-й немецкой армии, и без того ослабленных длительным пребыванием в «котле». Основная масса их погибла именно в прифронтовой полосе, до того, как их смогли отправить в тыловые лагеря.

Американский историк Ричард Уофф утверждал: «Среди ведущих советских командиров военного времени Рокоссовский соединял в себе выдающиеся профессиональные способности с личной скромностью и приверженностью традиционным военным ценностям. Ему случалось во время войны, среди разрушительного желания животной мести с обеих сторон, проявлять гуманность и сострадание к страданиям когда-то сильного противника и несчастного немецкого населения».

О том, как Рокоссовский действительно пытался облегчить страдания немецкого населения и предотвратить насилия над мирными жителями, мы увидим в одной из следующих глав. Пока же отметим, что гибель большинства сталинградских пленных создало у немцев впечатление особой беспощадности войск Рокоссовского. Немцы ведь не знали, что сразу после капитуляции сталинградской группировки он перестал командовать Донским фронтом.

Военачальник, сам испытавший несправедливость в 1937 году, всегда стремился по мере возможности помочь невинно пострадавшим. Н. А. Антипенко приводит в своих мемуарах одну историю, случившуюся тогда, когда Константин Константинович командовал Донским фронтом:

«Немало усилий потребовалось от тыла фронта, чтобы обеспечить всем необходимым пришедшую к нам 2-ю танковую армию под командованием генерал-лейтенанта А. Г. Родина. Подробную информацию о нуждах танкистов я получил от начальника тыла 2-й танковой армии Суркова — того самого Суркова, который весною 1942 года под Москвой был предан суду военного трибунала за бесхозяйственность.

От него я услышал прелюбопытную историю. Вышестоящие инстанции заменили ему расстрел разжалованием в рядовые и посылкой на передовую (в то время нередко практиковалась подобная мера). Сурков был направлен в одну из армий, оказавшуюся потом на Волге в составе Донского фронта. Глубоко потрясенный несправедливостью обвинения, он утратил всякий интерес к жизни и стал искать случая, чтобы умереть.

Но далее события развернулись самым удивительным образом. Перед началом наступления Донского фронта К. К. Рокоссовский прибыл на участок одной из армий, чтобы лично осмотреть позиции. Командующий фронтом и командарм, тщательно маскируясь, приблизились к высотке, откуда хорошо просматривалась местность в сторону противника. Вокруг свистели вражеские пули. Каково же было возмущение командующего, когда он заметил впереди человека, идущего во весь рост! Он приказал немедленно доставить к нему этого злостного нарушителя маскировочной дисциплины. Ползком и короткими перебежками посыльный приблизился к солдату и передал ему приказание.

Тот явился и доложил:

— Товарищ командующий! По вашему приказанию рядовой Сурков явился.

Рокоссовский, не успев остыть от гнева, резко спросил:

— Какой Сурков?

— Тот самый Сурков, который вместе с вами служил на Дальнем Востоке в кавалерии в мирное время.

Трудно было в нем узнать старого знакомого: весь в грязи, небритый, в рваной шинели.

И удивление, и доброта появились на лице командующего. Уже лежа рядом с ним в кустах, Сурков рассказал ему обо всем, что с ним произошло, и получил распоряжение явиться в штаб фронта.

Через несколько дней Суркову было объявлено, что решением Верховного главнокомандующего он восстановлен в звании генерал-майора. Вскоре он был назначен начальником тыла 2-й танковой армии, с которой и прибыл на Центральный фронт».

Заместитель командующего Донским фронтом генерал К. П. Трубников так описал обстоятельства пленения Паулюса еще в 1943 году, по горячим следам:

«Кольцо окружения сжималось все больше. Связисты запеленговали местонахождение штаба Паулюса. Но не было уверенности, что там находится именно он сам. Мы располагали данными, что Паулюс вылетел в Германию. И вдруг — сообщение: Паулюс объявил о сдаче. Первым получил об этом сведения Шумилов. Его подразделения захватили штаб командующего немецкой армией, но Паулюс заявил, что официально капитулирует только перед начальником, равным или почти равным ему по званию.

Меня одолевали сомнения: Паулюс ли это? Посоветовавшись с Шумиловым, решили, что я лично проверю, прежде чем сообщим К. К. Рокоссовскому.

Паулюса привезли в избу, где находился Шумилов. Я вошел в комнату. Здесь было трое в форме германской армии. Увидев меня в генеральской форме, они встали. Переводчик сказал, что прибыл высший начальник на этом участке фронта.

Паулюс сухо представился:

— Фридрих фон Паулюс, командующий армейской группой. (Здесь память подвела советского генерала. Паулюс никак не мог приписать себе несуществующий знак дворянского достоинства „фон“, ведь он не был дворянином. — *Б. С.)*

За ним встал второй.

— Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба армейской группы. Я член партии национал-социалистов. Хайль Гитлер! — И он поднял правую руку наискось вверх (в действительности Артур Шмидт не был членом нацистской партии. — *Б. С.)*.

Я ответил, что сейчас это вряд ли имеет значение, и, обращаясь к Паулюсу, спросил:

— А вы в какой партии состоите?

— Я беспартийный.

После этого отрекомендовался третий:

— Полковник Адам, адъютант командующего армейской группой. В партиях не состою.

Я предложил пленным папирос и чаю. Паулюс поблагодарил. Принесли компот в банках и папиросы. Чая, видимо, не оказалось. Паулюс сразу закурил. Меня терзало сомнение: а может быть, это все же не Паулюс. Сообщу Константину Константиновичу, а он в Ставку — и получится конфуз. Решил уточнять.

— Именно вы будете генерал-полковник фон Паулюс?

— Я генерал-фельдмаршал Фридрих фон Паулюс. Несколько дней назад я получил шифровку из Берлина о присвоении мне нового звания. Я, правда, ее не сохранил.

— Предъявите ваши документы.

— Пожалуйста.

С Шумиловым тщательно рассмотрели документы, фотографию. Сомнений не было! Я стал задавать вопросы о расположении оставшихся в окружении войск, о потерях в период окружения и т. д. Он отвечал спокойно и уверенно. Да, подобными данными мог располагать только командующий группой. Я решил сообщить обо всем командующему фронтом. В соседней избе был телефон ВЧ.

— Как? Паулюса? — переспросил Рокоссовский. — Не может быть. По данным разведки, он улетел в Германию…

— Константин Константинович! Совершенно ответственно заявляю, что он. Лично проверил.

— Значит, можно докладывать в Москву?

Рокоссовский замолчал. Я понял, что он советуется с членом Военного совета Телегиным и маршалом артиллерии Вороновым. Потом он снова заговорил:

— Ты хорошо разобрался, Кузьма Петрович? Как выглядит?

— Неказисто.

— Ну хорошо, покорми, угости водкой и отправляй быстро в штаб фронта.

Я возвратился в избу Шумилова и предложил Паулюсу пообедать.

После обеда направили пленных в штаб фронта на броневике со специальной охраной. Доставили Паулюса поздно ночью. Там его допросили Рокоссовский и Воронов, после чего на самолете отправили в Москву».

Советские генералы были явно удивлены, что германское командование не эвакуировало по воздуху Паулюса и его штаб, а также других генералов, хотя имело такую возможность. Советское командование в таких случаях поступало совершенно иначе. Например, перед падением Севастополя были вывезены самолетами и подводными лодками командующий Отдельной Приморской армией И. Е. Петров, командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский и многие другие генералы и адмиралы. Для Паулюса и других германских генералов в Сталинграде вопрос о том, чтобы покинуть своих солдат на произвол судьбы, даже не вставал. Лишь единицы из них были эвакуированы по воздуху как незаменимые специалисты.

Именно Рокоссовскому, как гласит молва, Паулюс отдал свой пистолет. Хотя это как будто противоречит директиве военного совета Донского фронта от 29 января, требующей изымать у немецких военнопленных личное оружие. Если ее выполнили и в отношении Паулюса, то изъять пистолет у него должны были пленившие его бойцы 64-й армии М. С. Шумилова. Хотя, конечно, впоследствии пистолет могли передать и Рокоссовскому.

После победы в Сталинграде участвовавшие в сражении генералы начали «тянуть одеяло на себя». Каждый считал, что более других достоин славы победителя. При этом те генералы, которые участвовали в Сталинградской битве с первого дня, только себя считали «истинными сталинградцами». Многие из них враждебно относились к Рокоссовскому, считая, что он пришел «на все готовенькое» — добивать Паулюса. Эти настроения отразились в донесениях особых отделов.

5 марта 1943 года начальник 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР В. Ильин докладывал в Управление Особых отделов НКВД СССР об отрицательных явлениях в частях Донского фронта:

«В штабы армий и штаб фронта приходят донесения, одно из которых всегда исключает другое.

Зам. нач. отдела кадров Донфронта подполковник Николаенко говорит: „Мне приходится разбирать наградные материалы. Командиры дивизий вносят невероятную путаницу в эти дела. В частности, взятие хутора Вертячий приписывают себе несколько дивизий, в том числе 252-я, которая проходила

стороной. Чудовищно разрослись споры генералов, мешающие созданию ясной картины военных действий и, в конечном итоге, мешающие ведению войны“.

В ряде случаев на Донфронте имело место зазнайство. Источник провел несколько дней в штабе 62 армии, исключительно стойко дравшейся в Сталинграде. Однако у руководителей армии были настроения зазнайства. Генерал-лейтенант Гуров, член ВС, во всех разговорах подчеркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62 и 64), могут считать себя защитниками Сталинграда. Эти настроения проявились на митинге в Сталинграде 4 февраля, где о Рокоссовском просто не упомянули.

Члены Военного совета 62 армии занимались восхвалением друг друга и нашли даже своего певца-писателя Николая Вирта, выступившего в „Правде“ со статьями, которые в Москве писатели в шутку называют „Ум и мудрость Чуйкова“.

Начальник ПУ Донфронта генерал Галаджев говорил источнику:

„Я имею ряд сигналов, что ВС 62 армии презрительно относится к нам, штабу Донфронта. У генерала Гурова, видимо, закружилась голова от успехов и это к добру не приведет. Дело не в штабе фронта, не в отношении к отдельным лицам, а в отношении Гурова к самому себе“.

В этом свете некрасиво выглядит поведение ВС 62 по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13 гвардейской дивизии.

В свое время (осень 1942 г.) цензура разрешала писать о Родимцеве, т. к. он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику — „всю славу Сталинграда отдали Родимцеву“. Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли даже разговоры явно недостойные — „Родимцев — генерал для газет, он ничего не сделал“ и т. д.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления. Родимцев — почти единственный командир соединения, не награжденный за Сталинград.

Сам Родимцев говорил источнику:

„Вокруг моей дивизии идет возня, которая ничего не стоит и не имеет оснований“.

Помощник т. Хрущева подполковник Гапочка, не бывший в последнее время в Сталинграде, видимо со слов тех же командиров, говорил источнику, что Родимцев зазнался.

Писатель К. Симонов, бывший недавно у командующего 64 армией генерал-лейтенанта Шумилова, рассказывает:

„Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто — генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя его к его славе“.

Кинооператор Р. Кармен говорит:

„С Родимцевым делают странные вещи. Его хотят всячески принизить, хотя он, как герой, выходит за рамки обычного командира дивизии“».

Необходимо подчеркнуть, что Рокоссовский никогда не гонялся за славой из-за природной скромности и в спорах, кто больше сделал для победы в Сталинграде, участия не принимал.

После Сталинграда полководческая звезда Рокоссовского поднялась высоко. Он стал одним из самых популярных военачальников Красной армии, к тому же облеченных особым доверием Сталина. Его имя прозвучало во всем мире как имя командующего фронтом, перед которым впервые в истории

Второй мировой войны капитулировал командующий германской армией. А впереди были новые победы и новые испытания.

Глава восьмая
КУРСКАЯ БИТВА

4 февраля 1943 года Рокоссовский был вызван в Москву. Он вспоминал:

«В тот же день мы направились в Кремль и были приняты Сталиным. Завидя нас, он быстрыми шагами приблизился и, не дав нам по-уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки. Чувствовалось, что он доволен ходом событий. Беседовали мы долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий.

Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы оставили его кабинет. Не могу молчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника, окружить его теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним… (Интересно, что 4 февраля на совещании у Сталина вместе с Рокоссовским присутствовал начальник Управления НКВД по делам военнопленных П. К. Сопруненко — один из тех, кто в 1940 году организовывал расстрел польских офицеров в Катыни и других местах. Очевидно, на этот раз речь шла о том, что делать с захваченными под Сталинградом пленными. Но Петр Карпович вышел в 23.10, а Константин Константинович зашел в кабинет в 23.15, так что вопрос о пленных, очевидно, был решен без него. И мы, наверное, никогда не узнаем, как решил Сталин судьбу пленных немцев — то ли приказал содержать их в невыносимых условиях, чтобы поскорее умерли, то ли приказал заботиться и постараться сохранить им жизнь, чтобы иметь определенные пропагандистские козыри, да нерадивые исполнители подкачали. Хотя о пленных генералах и офицерах Верховный Главнокомандующий наверняка приказал заботиться, возможно, рассчитывая в дальнейшем использовать их в политической игре вокруг послевоенной Германии. Поэтому из плененных 4300 офицеров и генералов уцелело большинство. — *Б. С.)*

Перед прощанием Сталин предупредил, что на меня возлагается новая задача, от успешного решения которой зависит многое. В Ставке Верховного Главнокомандования нас ознакомили с общим планом развития наступления на курском направлении. Ради этого и создавался новый фронт, который был назван Центральным. В его состав включались 21-я, 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии Донского фронта, 2-я танковая, 70-я армии и ряд частей и соединений из резерва Ставки. Во взаимодействии с Западным и Брянским фронтами Центральный фронт должен был окружить и уничтожить орловскую группировку противника.

Войскам нового фронта предстояло развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступление на курском и харьковском направлениях, и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубокоохватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировке противника.

Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но, для того чтобы ее начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда».

Из-за трудностей передислокации, особенно тыловых подразделений, срок начала наступления пришлось перенести на 25 февраля.

Рокоссовский вспоминал:

«Наступление вначале развивалось успешно. 65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, отбрасывая противника, достигла Комаричей и Лютежа, 2-я танковая армия овладела Середина-Будой, а конно-стрелковая группа, не встречая особенно сильного сопротивления, вырвалась еще дальше. Предчувствуя подвох со стороны врага, я приказал Крюкову остановиться и прочно закрепиться на рубеже Севска. Но неугомонного рубаку не так-то просто было унять в его порыве. Он уже достиг Десны у Новгород-Северского, мало заботясь о разведке на флангах».

При переброске войск Донского фронта на новое направление Рокоссовский допустил одну досадную ошибку. По воспоминаниям Н. А. Антипенко, в тот момент являвшегося начальником тыла Брянского фронта, «неистовствовали февральские метели. Продолжали прибывать по железной дороге в район Ельца и Ливен войска и боевая техника в состав Центрального (бывшего Донского) фронта. Штабу его было указано разместиться в деревне Свобода севернее Курска. Прибывал штаб сюда отдельными эшелонами на протяжении многих дней. Перемещаясь на курское направление, командование фронта оставило на Волге все свои дорожные части и дорожную технику, недооценив роль тыла в подготовке и проведении предстоящих операций. Для перевозки личного состава и учреждений полевого управления было предоставлено 30 поездов, много всякого имущества было погружено в них, но для дорожной техники места не нашлось.

Дорого обошлось это войскам!

Частям, выгруженным из вагонов в Ельце и Ливнах, предстояло совершить пеший переход в 150–200 километров».

За эту ошибку в большой мере был ответствен начальник тыла Донского, а потом Центрального фронта И. Г. Советников, который в результате был заменен Н. А. Антипенко. По словам последнего, находившиеся в Курске тыловики не могли работать, поскольку «фашисты бомбили Курск днем и ночью. Штабы и службы несли немалые жертвы, но уйти из Курска не могли из-за полного бездорожья: для размещения служб тыла требовалось не меньше 10–15 деревень, и нужны были дороги». Положение усугублялось начавшейся распутицей.

Немецкие налеты продолжались и в последующие месяцы.

Н. А. Антипенко вспоминал:

«Данные разведки и анализ обстановки не оставляли сомнений в том, что назревает гигантское сражение на Курской дуге. В эти недели мне приходилось почти ежедневно бывать у командующего фронтом, у начальника штаба. Однажды (это было в середине мая) я поехал на КП с докладом. Приближаясь к деревне, я видел, как немецкий самолет сделал на нее два или три захода. Когда же мы въехали в деревню, нам открылась страшная картина: домик Рокоссовского был полностью уничтожен, и на развалинах лежал раненый дежурный адъютант. Велика была наша радость, когда мы увидели Рокоссовского, идущего нам навстречу. Он ходил завтракать в столовую, в 100 метрах от его домика, поэтому остался в живых. Он немедленно захотел меня выслушать. Докладывая обстановку, я обратил внимание командующего на то, что противник совершенно безнаказанно производит налеты на железнодорожную линию Касторное — Курск и даже ночью уничтожает подвижной состав и паровозы. За два месяца противник сбросил на этот участок 4 тысячи бомб. К слову сказать, было известно, что за каждый подбитый паровоз немецкий летчик получал Железный крест.

Командующий поставил перед зенитчиками задачу — отбить у немецких летчиков охоту совершать ночные налеты на наши поезда. К чести зенитчиков, они успешно выполнили эту задачу. Любопытна была практика: паровоз ставили в середину поезда, составленного из платформ без всякого груза. На некоторых из них устанавливались зенитные орудия и пулеметы. Если обычно машинисты старались не допустить, чтобы искры из трубы демаскировали паровоз, то в данном случае, наоборот, они привлекали к себе внимание противника. Несколько раз таким приемом вовлекали немецких стервятников в сферу действенного огня. После того как десятка полтора самолетов рухнуло на землю, ночные налеты на поезда прекратились. Продолжались налеты днем на мосты линии Касторное — Курск. Но железнодорожники, военные и гражданские, приспособились быстро справляться с последствиями этих нападений. Вблизи каждого моста постоянно находилась дежурная команда с набором восстановительных материалов. После налета, если случались повреждения, мост тотчас же восстанавливали, и перерывы в пропуске поездов не превышали 3–4 часов».

Наступление Центрального фронта, начавшееся 26 февраля, закончилось неудачей. Рокоссовский признавался П. И. Батову: «Расчет был на то, что введем вслед за вами двадцать первую армию. Но

Ставка повернула Чистякова на юг. Раскидали братцев-сталинградцев по всем фронтам. Но ничего не поделаешь, на юге тяжелая обстановка. Контрнаступление немцев против Юго-Западного и Воронежского фронтов развивается. Своим ударом по орловской группировке мы должны облегчить положение наших войск на юге. Задача срезать дугу и окружить немцев под Орлом остается».

По всей вероятности, Константин Константинович сожалел, что, вместо того чтобы оставить весь Донской фронт на юге, где разворачивались главные события, его основные силы были переброшены на центральный участок фронта для операции против Орловской группировки противника. Вероятно, если бы основные силы, освободившиеся после ликвидации 6-й немецкой армии, были использованы на юге, советские войска не понесли бы тяжелого поражения в районе Харькова в феврале — марте 1943 года.

Центральному фронту не хватило сил, чтобы закрепить первоначальные успехи. 2-й танковой армии и кавалерийскому корпусу В. В. Крюкова удалось занять Севск и, продвинувшись на 120 километров, 7 марта достичь Десны у Новгорода-Северского. Но неприятель, успешно отразив наступление Брянского фронта непосредственно на Орловский плацдарм, нанес контрудар по прорвавшимся к Десне танкистам и кавалеристам и отрезал их от основных сил фронта. 12 марта они начали спешно отходить к Севску. В этот день, по воспоминаниям Батова, ему позвонил Рокоссовский и сообщил: «Удержать занятую кавалерией и танкистами территорию не удастся. Резервов нет. Войска отходят поспешно. Принято решение занять оборону на левом крыле фронта по реке Сев. Отступающие войска второго кавкорпуса и сто пятнадцатой бригады после выхода из боя передаю в подчинение вашей армии. Оборону на восточном берегу реки Сев занимайте немедленно. Действуйте быстрее, иначе противник на плечах отступающих форсирует реку и причинит нам еще больше неприятностей».

Большей части окруженных, бросивших тяжелое вооружение и технику, удалось переправиться на восточный берег реки Сев. Комиссия ГКО во главе с Г. М. Маленковым и военный совет Центрального фронта пришли к выводу, что в поражении никто не виноват, поскольку танкисты Родина и кавалеристы Крюкова подверглись ударам превосходящих сил противника, и предавать кого-либо суду нет оснований.

Брянский фронт, начавший наступление 12 февраля, к концу месяца остановился на рубеже Новосиль — Малоархангельск — Рождественское. План по окружению Орловской группировки немцев не удался. Как отмечает Рокоссовский,

«в связи с усиливавшейся опасностью на левом фланге нашего фронта было отдано распоряжение конностредковой группе генерала В. В. Крюкова приостановить продвижение на запад. Ей надлежало закрепиться в районе Севска и удержать город до подхода частей 65-й армии, вместе с тем продолжать вести разведку в северном и южном направлениях, где было обнаружено скопление крупных сил противника. Крюков нарушил приказ. Вышедшая к Десне конностредковая группа была атакована крупными вражескими силами во фланг и тыл и окружена. Она хотя и вырвалась из окружения, в чем ей помогли подоспевшие на помощь части 65-й армии и 2 ТА, но понесла тяжелые потери. Самоволие и беспечность генерала Крюкова дорого нам обошлись: помимо значительных потерь в людях и лошадях в составе группы мы оставили Севск, крупный населенный и важный опорный пункт на реке Сев».

Теперь Центральный фронт 2-й танковой и только что прибывшими 21-й и 70-й армиями наносил удар на Орел. Однако действия 70-й армии оказались неудачными. Она была сформирована из пограничников, чьи командиры не имели опыта общевойсковых боев. 21-ю же армию пришлось срочно направить в район Обояни в распоряжение Воронежского фронта, потерпевшего тяжелое поражение под Харьковом.

Поэтому во второй половине марта наступление на Орел было прекращено. Центральный фронт перешел к обороне на рубеже Городище, Малоархангельск, Троена, Лютеж, Коренево. Фронт усилили 48-й армией П. Л. Романенко и 13-й армией Н. П. Пухова из Брянского фронта, а также 60-й армией И. Д. Черняховского из Воронежского фронта.

Причины неудач соседей Рокоссовский видел в следующем:

«Изучая обстановку, противника и предугадывая характер предстоящих сражений, я невольно задумывался над причинами многих поражений советских войск за прошедший период, в частности в операции, связанной с потерей Харькова и Белгорода. На мой взгляд, происходило это потому, что нашим Верховным Главнокомандованием при проведении наступательной или оборонительной операции не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Не учитывались возможности противника и состояние своих войск. Желание превалировало над возможностями.

Совершенно неудовлетворительной оказалась наша глубокая оперативная да и стратегическая разведка.

Противник при отходе имел возможность создавать крупные группировки своих сил и наносить нам неожиданно контрудары, парировать которые было нечем.

Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло противнику после прорыва фронта на узких участках безнаказанно идти на глубокое окружение советских войск, а окружив, беспрепятственно уничтожать их».

16 марта 1943 года Рокоссовский писал жене:

«Дорогая моя Люлю!

Пользуясь случаем, посылаю тебе маленькую посылку, состоящую из всякой всячины. Хотелось бы и себя запаковать в эту посылку и появиться внезапно перед тобой, но, увы, этого сделать нельзя. Скучаю по вас, мои дорогие, и ужасно хочется вас видеть. Когда встретимся, не знаю. Дела у нас сейчас горячие. Работы много, и отдыхать приходится урывками. Фрицы начали крепко огрызаться, и приходится держать ухо востро и напрягать все усилия, чтобы не оплошать. От Москвы их гоним все дальше и дальше, и это меня радует, не будут так угрожать вам.

А пока до свидания, мои дорогие, целую вас крепко-крепко,

любящий вас Костя».

Штаб Центрального фронта находился в поселке Свобода недалеко от Курска. А в Курске разместился 85-й походно-полевой госпиталь. Возглавляла его Галина Павловна Шишманева — гражданская жена командующего артиллерией фронта Василия Ивановича Казакова, большого друга Рокоссовского. Она же, в свою очередь, дружила с возлюбленной Рокоссовского Галиной Талановой. Но вскоре случилась трагедия. Как раз в июне Шишманева уговорила свою лучшую подругу поехать «на ужин к генералам». Они направились в столовую, где уже находились Рокоссовский с Казаковым, и попали под немецкие бомбы. Таланова не пострадала, а вот ее подруга была смертельно ранена и через две недели скончалась.

Василий Иванович похоронил Галину в Курске, на Никитском кладбище. После войны поставил на ее могиле необычный памятник. По углам — четыре артиллерийских снаряда, а между ними — тяжелая чугунная цепь. Вверху же сияла большая пятиконечная латунная звезда.

В апреле на Центральном фронте побывала комиссия из Москвы во главе с членом ГКО Г. М. Маленковым. В нее вошли начальник тыла Красной армии А. В. Хрулев, заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Вместе с ними прибыл первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии и начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, назначенный членом военного совета Центрального фронта.

По предложению членов комиссии Рокоссовский написал записку Сталину. Константин Константинович так передает ее содержание:

«В записке кратко оценивалась обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения на

лето 43-го. В ней отмечалось, что наиболее вероятным участком фронта, где противник летом 1943 года попытается развернуть свое решительное наступление, будет Курская дуга. Там он постарается совершить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Продолжающаяся переброска войск в район Орла и севернее подтверждает возможность таких намерений противника, а конфигурация фронта способствует их осуществлению. Я подчеркивал настоятельную необходимость создания мощных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных в глубине (восточнее Курской дуги), для отражения удара крупных вражеских сил на курском направлении.

Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы управлять из центра, где сосредоточены все возможности для этого, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряженные моменты на фронте в Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось „распределенческое“ управление фронтами, а не централизованное. Я считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра — Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом».

По утверждению Рокоссовского, «используя все возможности, мы к началу сражения смогли довести численность стрелковых дивизий только до 4,5–5 тыс. и лишь отдельных — до 6–7 тыс. человек (в другом месте Константин Константинович уточнил, что дивизий численностью 6–7 тысяч человек было всего четыре. — *Б. С.).* В то же время (по вполне достоверным данным) в находившихся против нас вражеских дивизиях насчитывалось: в пехотных — 10–12 тыс., танковых — 15–16, моторизованных — 14 тыс. человек. Несмотря на большие потери, которые понесли немецкие войска в зимний период, фашистскому командованию удалось восполнить их».

Рокоссовский не сомневался, что ударная группировка немцев сосредоточивается против правого крыла Центрального фронта, а вся активность немцев в центре и на левом фланге носит лишь отвлекающий характер.

По его словам, «в случае удачи противник вышел бы в тыл Центрального и Воронежского фронтов и окружил около семи наших армий, оборонявшихся на Курской дуге. Непрекращающаяся переброска войск противника, особенно танков и артиллерии, из глубины в район Орловского выступа подтверждала наши предположения».

Он признался: «Не могу умолчать о том, что при обсуждении в Ставне предстоявшей операции (на этом совещании присутствовали и мы — командующие фронтами) были сторонники не ожидать наступления противника, а, наоборот, упредить удар. Ставка поступила правильно, не согласившись с этим предложением…»

Еще 4 апреля своим приказом Рокоссовский поставил войскам фронта оборонительные задачи, требуя «создать прочную оборону и укрепить как главные, так и промежуточные рубежи, особенно на танкоопасных направлениях». Одновременно ставилась задача обучить войска ведению как оборонительного, так и наступательного боя и к концу апреля накопить не менее двух боекомплектов боеприпасов, не менее трех заправок горючего и не менее пяти-шести сутодач продовольствия и фуража. Константин Константинович требовал: «Занятия проводить практически на местности, не допуская никаких условностей». Предписывалось также «в процессе занятий обучить танковые экипажи и подразделения искусству маневра на больших скоростях с умелым использованием местности и ведением интенсивного огня с ходу».

Рокоссовский, которому перед войной и в начале войны довелось командовать механизированным корпусом, не мог не знать, что тогдашние танки не могли вести прицельный огонь с ходу, и стрельба с ходу приведет только к напрасной трате снарядов. Соответствующие стабилизаторы появились только после войны. Но большим поклонником такого огня танков был сам Сталин, издавший в сентябре 1942 года соответствующий приказ, требующий от танкистов вести огонь преимущественно с ходу. От артиллеристов Рокоссовский требовал основное внимание уделить организации взаимодействия с пехотой и танками и управления артиллерийским огнем.

10 апреля начальник штаба Центрального фронта М. С. Малинин в докладе Генштабу предположил, что противник будет наступать на Курск из района Орла через Кромы и из района Белгорода через Обоянь, а также на Касторное с тех же плацдармов, соответственно через Ливны и Старый Оскол. Самым ранним временем начала немецкого наступления Малинин считал вторую половину мая. Он предлагал «объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника». Он также просил для срыва наступательных действий противника усилить Центральный и Воронежские фронты авиацией «не менее 10 полков на фронт» и разместить сильные резервы Ставки в районе Ливны, Касторное, Лиски, Воронеж, Елец.

В апреле 1943 года Рокоссовский дважды был в кабинете Сталина в Кремле, 11-го и 28-го числа. При этом 11 апреля совещание происходило в очень узком кругу. В тот вечер у Сталина собрались Жуков, Рокоссовский, заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов, Молотов и начальник инженерных войск Красной армии, будущий маршал инженерных войск М. П. Воробьев. Несомненно, обсуждались будущие боевые действия в летнюю кампанию, причем Сталин, очевидно, склонялся к оборонительному образу действий и настаивал на создании укрепленных позиций в районе Курского выступа. Именно поэтому к участникам совещания, начавшегося в 23.35, в 0.45 присоединился Воробьев (а разошлись участники совещания в начале четвертого утра). Весьма показательно, что из двух командующих фронтами, по которым ожидались основные удары немецких войск в ходе предстоящей кампании, Сталин вызвал к себе Рокоссовского, а не Ватутина. Очевидно, он в большей мере прислушивался к мнению Константина Константиновича, а не Николая Федоровича. Не исключено, что участники совещания обсуждали представленный накануне доклад Малинина, который, кстати сказать, выступал за активные действия войск Центрального фронта, при условии, что они будут усилены. Можно также предположить, что Сталин ожидал более сильного удара противника по Центральному фронту, в том числе и потому, что незадолго перед этим, в марте, группа армий «Центр» эвакуировала Ржевско-Вяземский плацдарм, и освободившиеся немецкие дивизии, как скорее всего думал Сталин, пойдут на создание ударной группировки против Центрального фронта. Возможно, именно поэтому фронт Рокоссовского в канун немецкого наступления был усилен артиллерийским корпусом прорыва, что помогло отразить немецкий удар.

21 апреля Рокоссовский получил директиву Ставки выселить гражданское население из прифронтовой полосы глубиной 25 километров, в том числе из Малоархангельска, Понырей, Коренево, Дмитриева-Лыговского и Льгова. Именно здесь в июле войскам Рокоссовского пришлось отражать наступление 9-й немецкой армии Моделя. Населенные пункты, покинутые жителями, требовалось приспособить к обороне.

28 апреля, когда Рокоссовский вновь был у Сталина, совещание было гораздо более представительным. Присутствовали члены ГКО Молотов, Берия, Маленков и Ворошилов, а также Василевский с Антоновым, артиллеристы Н. Н. Воронов и Н. Д. Яковлев, и еще несколько военных руководителей. Интересно, что на этот раз не было Жукова.

Константин Константинович отмечал в мемуарах:

«Против орловской группировки противника, нависавшей над нашим правым флангом, оборонялись соединения 48, 13 и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева протяжением 132 километра. Левее, на 174-километровом фронте от Брянцева до Коренева, занимали оборону войска 65-й и 60-й армий.

Как и всегда, я решил создать необходимые в любой обстановке резервы, поэтому 2-я танковая армия была выведена во второй эшелон, а во фронтовой резерв — 9-й и 19-й танковые корпуса и 17-й гвардейский стрелковый корпус, нацеленный на то, чтобы занять позиции в полосе 13-й армии, если в том будет необходимость… В полосе протяжением 95 километров мы сосредоточили 58 процентов всех наших стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. На этом же направлении были расположены войска второго эшелона и фронтового резерва (танковая армия и два отдельных танковых корпуса). На остальные 211 километров фронта приходилось меньше половины нашей пехоты, треть артиллерии и меньше одной пятой части танков. Это был, конечно, риск. Но мы сознательно шли на такую концентрацию сил, уверенные, что враг применит излюбленный свой метод — удар главными силами под

основание выступа. Наша разведка и партизаны подтверждали, что мощная группировка вражеских войск создается именно на том направлении, где мы ожидали».

С апреля войска Центрального фронта непрерывно укрепляли свои позиции. Рокоссовский так охарактеризовал этот процесс:

«В начале предполагалось построить пять оборонительных полос общей глубиной 120–130 километров. Но затем глубина оборонительных полос на отдельных, наиболее важных, направлениях была увеличена до 150–190 километров.

За три месяца войска фронта оборудовали шесть основных оборонительных полос. Кроме того, были построены промежуточные рубежи и отсечные позиции, протянувшиеся на сотни километров. Ходы сообщения между траншеями строились с таким расчетом, чтобы при необходимости они могли служить отсечными позициями. Батальонные узлы сопротивления, как правило, были подготовлены к круговой обороне».

Кроме подвижных отрядов заграждения, призванных выставлять минные заграждения перед прорвавшимися танками противника, в дивизиях, армиях и на фронте были созданы артиллерийские противотанковые резервы. В резерве фронта, например, находились три противотанковые артиллерийские бригады и два противотанковых артполка.

По словам маршала, «общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов, в том числе более 10 противотанковых орудий, на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше».

Как вспоминал Рокоссовский,

«напряженная обстановка, ожидание ожесточенных боев вызвали законное беспокойство у некоторых товарищей. Из хороших побуждений — уберечь от лишнего риска людей, и без того много испытавших и только недавно вырванных из фашистской неволи, — они предлагали заранее эвакуировать население с территории Курской дуги. Мы с этим никак не могли согласиться. Эвакуация населения неизбежно отразилась бы на настроении войск. Солдаты строили укрепления, готовились любой ценой отстоять завоеванное. Делалось все для того, чтобы ни у кого и мысли не возникло о возможности отхода. Командный пункт, управление, штаб и тылы фронта располагались в центре Курской дуги. Мы принимали меры, чтобы все запасы, необходимые для ведения длительного боя, тоже были сосредоточены здесь. И если бы даже противнику удалось отрезать нас, мы смогли бы удержать Курский выступ. Население верило в наши силы и не думало об эвакуации. Ставка тоже поддержала нас. К чести курских товарищей, они сразу поняли, что мы правы. Мысль об эвакуации больше не возникала».

Рокоссовский полагал, что враг нанесет главный удар по 13-й армии генерал-лейтенанта Н. П. Пухова, насчитывавшей четыре стрелковых корпуса, двенадцать стрелковых дивизий, артиллерийский корпус прорыва, танковую бригаду и четыре танковых полка. В армии насчитывалось 114 тысяч солдат и офицеров, 2934 орудий и минометов и 270 танков и САУ. Артиллерийский корпус прорыва оказался здесь неслучайно. Центральный фронт, по замыслу Ставки, должен был первым перейти в наступление, если бы немецкое наступление так и не началось бы до середины июля. Воронежский фронт должен был перейти в наступление позднее, поэтому концентрация средств усиления там еще не была завершена. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, члена военного совета Воронежского фронта, этот фронт должен был начать наступление 20 июля, и этим обстоятельством определялось то, что «мы могли получить все, что нам нужно было, только к названному сроку. Сталин сказал нам, что дней на шесть раньше нас проведет наступательную операцию Центральный фронт Рокоссовского, а потом и мы начнем свою операцию. Я это помню потому, что корпус тяжелой артиллерии резерва Верховного Главнокомандования направлялся сначала к Рокоссовскому, чтобы обеспечить там прорыв фашистского фронта, а когда он сделает там свое дело, то поступит в наше распоряжение и будет содействовать нашему наступлению…

Артиллерийский корпус резерва Верховного Главнокомандования уже занял севернее нас свои позиции. А противник-то начал наступать сразу против нас и Рокоссовского одновременно. Таким

образом, Рокоссовский оказался в более выгодном положении. Так как он по плану должен был наступать первым, то первым получал и пополнение, и боеприпасы, и все остальное. Для чего я ссылаюсь на это? Чтобы читатель понимал, почему это обернулось на какое-то время против нас с Ватутиным. Противник, когда стал наступать, прорвался на нашем направлении глубже, чем у Рокоссовского, который был лучше подготовлен. А у нас еще оставалось 15 дней до нашего наступления; согласно плану, мы имели в резерве время. И вдруг оно сократилось, враг упредил нас. Это очень большой срок, с точки зрения подброски пополнения и прочего на передний край». Артиллерийский корпус очень пригодился Рокоссовскому в отражении немецкого наступления, равно как и боеприпасы, предназначенные для наступления. Неслучайно в ходе оборонительной операции Центральный фронт расстрелял в два с половиной раза больше снарядов, чем Воронежский фронт.

70-я армия генерал-лейтенанта И. В. Галанина насчитывала восемь стрелковых дивизий и три танковых полка с 96 тысячами человек личного состава, 1678 орудий и минометов и 125 танков. В 5-й армии генерала П. Л. Романенко насчитывалось 84 тысячи человек, 1454 орудий и минометов и 178 танков и САУ в семи стрелковых дивизиях и шести танковых и самоходно-артиллерийских полках. Эти две армии наряду со 2-й танковой армией генерал-лейтенанта А. Г. Родина вынесли основную тяжесть обороны под Курском. В армии Родина насчитывалось 37 тысяч человек, 338 орудий и минометов и 477 танков и САУ. Всего перед началом Курской битвы Центральный фронт насчитывал 738 тысяч человек, 5282 орудия, 5637 минометов, 1783 танка и САУ, 1092 самолета. Им противостояли 22 дивизии 9-й немецко-фашистской армии и 4 пехотных дивизии 2-й армии — всего 460 тысяч человек, 6000 орудий и до 1200 танков. На ожидаемом Рокоссовским направлении главного удара — в полосе обороны 13-й и правого фланга 70-й армии, — немцам удалось создать перевес в людях в 1,2 раза и равенство в танках.

Незадолго до начала немецкого наступления, в июне, командный пункт Рокоссовского подвергся бомбардировке, но ни сам Константин Константинович, ни старшие офицеры от нее не пострадали. После этого вблизи помещений штаба фронта построили блиндажи.

К. Ф. Телегин вспоминал: «Мы главные свои силы сосредоточили в районе Понырей. Правда, это привело к довольно рискованному ослаблению левого фланга, но командование исходило из того, что район Понырей представлял наиболее опасное в случае прорыва противником обороны направление, поскольку проход врага напрямую к Курску, при взаимодействии с южной группировкой от Белгорода, создал бы реальную опасность окружения наших войск. При ударе же на любом другом участке противник мог только оттеснить наши войска к Курску, а окружение исключалось».

3 июля 1943 года в своей директиве армиям фронта Рокоссовский отмечал, что «данные радиоперехватов самолетов-разведчиков противника и ряд последних налетов его авиации показывают, что важнейшие наши объекты легко распознаются противником и подвергаются бомбардировке». Командующий фронтом требовал улучшить маскировку и создать ряд ложных аэродромов, КП, переправ и т. п. О принятых мерах предписывалось донести 7 июля, но двумя днями ранее началось давно ожидавшееся немецкое наступление.

А. Е. Голованов свидетельствует:

«Не все у нас в военном руководстве были согласны с ожиданием наступления со стороны противника. Некоторые предлагали нанести упреждающий удар, а проще говоря, нам первым начать наступление. Эти предложения несколько колебали уверенность Верховного в принятом им решении вести на Курской дуге оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал высказываемые сомнения в том, что правильно ли мы поступаем, дожидаясь начала действий со стороны немцев… Однако такие разговоры кончались тем, что Сталин заключал: „Я верю Рокоссовскому“.

Но чем ближе подходило лето, тем острее чувствовалась напряженность. Здесь уже стоял вопрос, чьи нервы крепче. С начала мая мы получали агентурные данные о том, что то 2-го, то 12-го числа этого месяца немцы начнут наступление. Но названные дни проходили, а никаких наступательных

действий противник не начинал. Фронты же, естественно, принимали соответствующие меры к отражению возможного наступления. Проходил июнь… Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе.

Рокоссовский тоже стал нервничать, опасаясь, как бы не было принято решение о нанесении такого удара. А было, конечно, отчего нервничать. Примерно равное соотношение сил с обеих сторон давало огромные преимущества той стороне, которая будет обороняться, и малые надежды на успех той стороне, которая будет наступать. Как известно, обороняющемуся (конечно, если он знает военное дело) нужно куда меньше сил для того, чтобы отразить наступление противника…

Наконец, в конце июня поступили данные, что противник начнет наступление 2 июля. Войска были приведены в надлежащую готовность, но немецкое наступление вновь не состоялось. 3 июля его также не было. 4 июля — то же самое. Напряжение стало предельным.

В ночь на 5 июля я был на докладе у Сталина на даче. Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твердость в принятии решений, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали. Наконец, Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о своем разговоре с Рокоссовским, когда тот на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, ответил, что для наступления ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивал на том, что немцы обязательно начнут наступление, но не выдержат долго, ибо транспортных средств у них еле хватает сейчас лишь на то, чтобы восполнять текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время.

— Неужели Рокоссовский ошибается?.. — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивленно Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А все-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин. И, обращаясь ко мне, добавил: — Отправляйтесь, пожалуйста, на Курскую дугу, свяжитесь с Жуковым и помогайте им там. О том, что вы вылетаете, я Жукову сообщу…

Считаю нужным привести эти факты потому, что укоренилось такое мнение: оборонительные действия на Курской дуге были заранее предусмотрены, и они рассматриваются сейчас как само собой разумеющееся. В действительности события протекали по-иному. Именно на Курской дуге было решено нашим Верховным Главнокомандованием продолжить дальнейшие наступательные действия. Гитлер также решил именно здесь искать успешного решения кампании 1943 года. Рокоссовский первым разгадал замысел противника, но было не так-то просто подготовку наступления переключить на организацию глубокоэшелонированной обороны, выиграть время и заставить немцев начать наступление первыми. Это был напряженнейший отрезок времени, когда, можно прямо сказать, шла борьба двух мнений — наступать или продолжать обороняться…

К. К. Рокоссовский после Москвы и Сталинграда еще раз блестяще проявил свои военные дарования. Можно только сожалеть, что его предложение о целесообразности объединения обороны Курской дуги в одних руках не было претворено в жизнь».

И тут же Голованов признался:

«Я лично, например, совершенно не представляю себе как Г. К. Жукова, так, например, и К. К. Рокоссовского или И. С. Конева начальниками штабов любого ранга. Это истинные командующие-полководцы с необходимыми волевыми качествами, которые способны в ходе операции, в быстро меняющихся условиях принимать наиболее обоснованные решения и незамедлительно претворять их в жизнь, и, по моему мнению, они совсем не подходят для штабной работы».

Действительно, Рокоссовский ни разу в жизни не находился на штабной должности. Этим он, кстати сказать, отличался от Жукова, который все-таки полгода пробыл начальником Генштаба. Константин Константинович имел такого хорошего начальника штаба, как М. С. Малинин, и не докучал ему мелочной опекой.

По свидетельству В. И. Казакова,

«в 5 часов 50 минут 5 июля, когда после 30-минутной артиллерийской и авиационной подготовки вражеские войска перешли в наступление на всем фронте 13-й армии, члены Военного совета и начальники родов войск, проведя бессонную ночь, находились вместе с Рокоссовским и теперь ждали только его указаний, чтобы начать действовать. Но вместо каких-либо деловых распоряжений К. К. Рокоссовский, как бы желая еще и еще раз убедиться в чем-то, спросил, уверены ли мы в своих планах и в полной готовности подчиненных частей выполнить трудную задачу, выпавшую на их долю. Получив положительный ответ, он, как-то очень по-домашнему, сказал нам:

— Ну, раз так, то я советую всем часика два отдохнуть. А то, если мы будем бодрствовать, то наверняка не удержимся и начнем дергать командармов и других начальников, запрашивая обстановку и прочее. А ведь им самим нужно еще во всем разобраться, проанализировать донесения соединений, оценить обстановку. На все это уйдет немало времени. Можете не сомневаться, как только им все станет ясно, они сами доложат. Так что я иду спать и всем вам советую поступить так же».

Рокоссовский так вспоминал о начале Курской битвы: «В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие саперы, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение.

До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и мин.

Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Г. К. Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Благодаря этому я смог немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня.

В 2 часа 20 минут 5 июля гром орудий разорвал предрассветную тишину, царившую над степью, над позициями обеих сторон, на обширном участке фронта южнее Орла.

Наша артиллерия открыла огонь в полосе 13-й и частично 48-й армий, где ожидался главный удар, как оказалось, всего за десять минут до начала артподготовки, намеченной противником.

На изготовившиеся к наступлению вражеские войска, на их батареи обрушился огонь свыше 500 орудий, 460 минометов и 100 реактивных установок М-13. В результате противник понес большие потери, особенно в артиллерии, нарушилась его система управления войсками.

Немецко-фашистские части были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление. Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Началась она ослабленными силами и неорганизованно».

В последнем Константин Константинович немного ошибся. Немцы задержались с артподготовкой и наступлением потому, что приняли советскую контрподготовку за артподготовку перед наступлением и готовились это наступление отразить. Только убедившись в том, что Красная армия в этот день наступать не собиралась, немецкое командование начало осуществление операции «Цитадель». Главный удар противник наносил в направлении на Курск на фронте 13-й армии и правого фланга 70-й армии.

Вот как Рокоссовский описал первый день сражения:

«Попадая на наши минные поля, вражеские танки подрывались один за другим. Идущие за ними машины по их следам продолжали преодолевать заминированные участки. „Тигры“ и „Фердинанды“ своим огнем прикрывали действия средних танков и пехоты.

Атакованные этой стальной лавиной, наши войска самоотверженно сражались, используя все средства поражения врага.

Против танков применялись и 45-миллиметровые пушки. Броню „тигров“ они пробить не могли. Стреляли с близкого расстояния по гусеницам. Саперы и пехотинцы под ураганным огнем подбирались к остановившимся вражеским машинам, подкладывали под них мины, забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Стрелковые подразделения в это время своим огнем отсекали следовавшую за танками пехоту и контратаками истребляли ее. Четыре ожесточенные атаки были успешно отбиты воинами 13-й армии, и только в результате пятой атаки, когда противник ввел свежие силы, ему удалось ворваться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Наступило время поддержать эти соединения авиацией. Командующему 16-й воздушной армией был отдан приказ нанести удар по прорвавшемуся противнику. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда 17-й стрелковый корпус, две истребительно-противотанковые и одну минометную бригады. Этими силами удалось задержать продвижение врага».

Однако контрудар 17-го гвардейского стрелкового и 16-го танкового корпусов на рассвете 6 июля не оправдал ожиданий. Немцы, наносившие главный удар на Ольховатку, ввели в бой свежие силы и отразили его. Ставка сначала передала Рокоссовскому 27-ю армию генерала С. Г. Трофименко, но тут же отменила свое решение, передав ее Воронежскому фронту, где складывалась угрожающая обстановка. Рокоссовскому пришлось перебросить к Курску фронтовые резервы — одну дивизию из неатакованной 60-й армии и 9-й танковый корпус. Им пришлось бы отражать удар с юга, если бы немцы прорвались через боевые порядки Воронежского фронта. Но Рокоссовский знал, что за Ватутиным стоит Степной фронт Конева, и поэтому не очень верил, что дело дойдет до окружения войск Центрального фронта.

Уже 5 июля Рокоссовский бросил на поддержку армии Пухова, по которой, как и ожидалось, пришелся главный удар, 350 самолетов 16-й воздушной армии, а также две истребительно-противотанковые бригады, одну артиллерийскую и одну минометную бригаду. 7 июля командующему Центральным фронтом пришлось ввести в бой 2-ю танковую армию. Она понесла большие потери, но смогла затормозить немецкое продвижение. В этот день противник смог захватить высоты к западу от Ольховатки. 8 июля Рокоссовский использовал свой последний резерв — 9-й танковый корпус генерала С. И. Богданова. Вместе с 3-й истребительно-противотанковой бригадой полковника В. Н. Рукосуева они отразили удар противника в стык 13-й и 70-й армий. Рокоссовский изъял также два танковых полка и 181-ю стрелковую дивизию из 65-й армии, чтобы укрепить угрожаемый стык между 13-й и 70-й армиями.

Лишь на одном участке — севернее Ольховатки — немецкие части к 11 июля вклинились во вторую полосу обороны Центрального фронта. В этот день они перешли к обороне, так как на Западном и Брянском фронтах началась разведка боем, которую противник счел началом большого советского наступления на Орловский плацдарм, которое и последовало 12 июля. К исходу 8 июля войска Моделя потеряли уже 10 тысяч человек, но существенных успехов не достигли. Немцам удалось продвинуться всего на 6–12 километров.

Рокоссовский вспоминал: «С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки.

Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки».

По поводу взаимоотношений штаба фронта с Генштабом, Ставкой и ее представителями в ходе Курской битвы Рокоссовский писал:

«У нас был Г. К. Жуков. Прибыл он к нам вечером накануне битвы, ознакомился с обстановкой. Когда зашел вопрос об открытии артиллерийской контрподготовки, он поступил правильно, поручив решение этого вопроса командующему фронтом.

Утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твердо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал.

Был здесь представитель Ставки или не было бы его — от этого ничего не изменилось, а, возможно, даже ухудшилось. К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве, то направляемую к нам 27-ю армию генерала С. Г. Трофименко не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение.

К этому времени у меня сложилось твердое убеждение, что ему, как заместителю Верховного Главнокомандующего, полезнее было бы находиться в Ставке В ГК.

Второй важный момент — отношения Генерального штаба со штабами фронтов. Считаю, что с нашей стороны поступала достаточно полная информация. Но вот некоторые работники Генерального штаба допускали излишнее дерганье, отрывали от горячего дела офицеров штаба фронта, в том числе и его начальника, требуя несущественные сведения или выясняя обстоятельства того или иного события в не установленное планом время.

В самой напряженной обстановке Малинин (начальник штаба фронта) трижды вызывался из Генштаба к проводу для сообщения о занятии противником малозначащей высоты на участке одного из полков 70-й армии. Я бы постеснялся по этому вопросу вызывать к проводу начальника штаба дивизии, не говоря уже об армии.

Нередко из Москвы, минуя штаб фронта, запрашивались сведения от штабов армий, что влекло за собой перегрузку последних, поскольку им приходилось отчитываться и перед непосредственным командованием. Узнав о подобных фактах, я вынужден был вмешаться и в решительной форме потребовать прекратить вредную практику.

Представителям крупных штабов нужно понимать и учитывать сложность обязанностей офицеров штабов более низкого звена, а также их чрезмерную занятость, особенно во время напряженного боя, и не отрывать от работы по мелочам.

Установленная форма (кто, когда, кому и о чем доносит) должна соблюдаться и не нарушаться в первую очередь высшими штабами.

Упоминая о наблюдавшейся тенденции со стороны Генерального штаба управлять или добывать сведения от войск, минуя командование фронта, должен сказать, что в этом была погрешна и Ставка. На третий день боя меня вызвал к проводу А. М. Василевский и сообщил, что командующий 70-й армией Галанин болен, так как не мог ему членораздельно доложить об обстановке на участке армии. Доложив Василевскому последние данные о положении 70-й армии, я счел нужным выехать туда лично. Прибыв в армию, никакой „крамолы“ не нашел. Нормальным оказалось и здоровье Галанина.

В этом тоже было проявлено определенное недоверие, о котором я уже говорил, к командующему фронтом. Все эти тенденции особенно проявлялись со стороны представителей Ставки, находившихся при том или ином фронте.

Считаю, что такие вопросы, как разработка крупной стратегической операции с участием нескольких фронтов или отработка взаимодействия между ними, целесообразно рассматривать в Ставке путем вызова туда командующих соответствующими фронтами. Кстати, впоследствии это и делалось, что приносило существенную пользу».

Суждения Константина Константиновича нельзя не признать вполне здравыми. И нет сомнения в том, что он и во время войны придерживался той же точки зрения на взаимоотношения командующих фронтами и представителей Ставки, считая последних совершенно излишним институтом. Но Сталину представители Ставки были нужны как своеобразные «смотрящие» над командующими фронтами. Не то что бы он вовсе не доверял командующим фронтами, во всяком случае, в стремлении перейти на сторону немцев точно не подозревал. Но то, что они могут принять неверные решения, которые приведут к поражению, — всерьез опасался. Тем более что перед глазами был опыт тяжелейших поражений 1941–1942 годов. Сталин не понимал, что наличие над командующим представителя Ставки лишало комфронта возможности оперативно реагировать на изменение обстановки, часто создавало ситуации, когда представитель Ставки отдавал распоряжения, прямо противоречащие директивам командующего фронтом. Все это замедляло процесс принятия решений и затрудняло быстрое реагирование на действия противника. Но зато в случае успеха его можно было приписать прежде всего Ставке, то есть самому Сталину в том числе. А уж за неудачу отвечали, как правило, командующие фронтами, которых периодически снимали с должности, иногда понижали в звании, а один раз даже расстреляли (так случилось с командующим Западным фронтом Д. Г. Павловым). Из представителей же Ставки только двое были отстранены от должностей — Л. З. Мехлис и К. Е. Ворошилов, причем первого еще и понизили в звании.

Н. А. Антипенко свидетельствует:

«Немецкая атака все же началась в 5 часов 30 минут 5 июля 1943 года. К исходу первого дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 2–3 километра в сторону станции Поныри, причем на очень узком участке. По этому поводу М. С. Малинин сказал в ту же ночь, что это начало конца фашистского наступления на Курск, ибо первый его день не увенчался успехом: наши войска выдержали натиск.

На второй или третий день некоторым лицам из руководства фронта стало казаться, что противнику все же удастся прорвать нашу оборону и врезаться острием своего клина прямо в Курск. Были рекомендации: немедленно эвакуировать подальше в тыл все имущество, сосредоточенное на фронтовых складах, особенно продовольствие. Сомневаясь в правильности этих рекомендаций, я обратился лично к командующему.

К. К. Рокоссовский сказал:

— Немцам не удалось достичь решительного успеха за первые два дня. Тем менее это возможно теперь. А если уж произойдет такое несчастье, то мы будем драться в окружении, и я, как командующий фронтом, останусь с окруженными войсками.

Услышав эти слова, я подумал: „Зачем же тыл фронта должен спешить уйти подальше от войск на восток, увозя туда боеприпасы, горючее, продовольствие? Ведь на другой же день может встать задача — подавать по воздуху окруженным частям материальные средства, вывезенные вчера из-под Курска!“ И тут же доложил командующему свое решение: всеми возможными транспортными

средствами немедленно начать переброску материальных средств не на восток, а на запад, еще ближе к тем войскам, которые могут оказаться отрезанными от баз снабжения, примерно в район Фатежа и западнее его. Командующему понравилось такое решение. Оно было осуществлено ценой „тотальной мобилизации“ всего транспорта и человеческой энергии.

Вывод из этого факта прост и убедителен: чем реальнее угроза для войск быть отрезанными от баз снабжения, тем решительнее надо сосредоточивать запасы материальных средств в непосредственной близости к войскам.

Переброска материальных запасов в сторону Фатежа производилась без соблюдения таких формальностей, как выписка накладных, получение расписок за сданное имущество, взвешивание и перевешивание. Не до того было! Все работники тыла понимали, что дорога каждая секунда, и никто не возражал против „нарушения правил“. Через несколько дней, когда наши войска наносили контрудар, а затем перешли в контрнаступление, имущество, находившееся в районе Фатежа, оказалось нам очень кстати».

Войска Рокоссовского действовали успешнее, чем Воронежский фронт Ватутина, не допустив прорыва своей обороны и добившись соотношения потерь в полтора раза более благоприятного, чем у Ватутина.

А вот как выглядело начало сражения на северном фасе Курской дуги с немецкой стороны. 5 июля в дневнике боевых действий Верховного командования вермахта (ОКВ) была сделана следующая запись:

«5.7. утром оперативная группа „Кемпф“, 4-я танковая и 9-я армии начали запланированную операцию „Цитадель“. Наша авиация, несмотря на неблагоприятную погоду, усиленно поддерживала наступательные действия войск.

Наступление, первоначально назначенное на 3.5, было впервые отложено по решению фюрера 29.4, так как танковое, самоходное и противотанковое оснащение наступающих дивизий оказалось недостаточным по сравнению с мощной системой обороны противника. На основе вероятных сроков поставок снаряжения для тяжелых танков и противотанковых пушек начало операции намечено на 12.6. События в Средиземноморском районе (капитуляция итало-германских войск в Тунисе в середине мая. — *Б. С.)* вызвали, однако, новую отсрочку операции „Цитадель“. Однако 18.6. фюрер, учитывая соображения штаба оперативного руководства, окончательно высказался за проведение наступательной операции „Цитадель“. 21.6 фюрер назначил наступление на 3.7, а 25.6 установил окончательный срок — 5.7.

Начальник штаба оперативного руководства дал указания начальнику отдела пропаганды относительно операции „Цитадель“. Учитывая общее военное положение, необходима широкая пропаганда наступательной мощи войск без раскрытия задач на этот год на Востоке. Наши истинные намерения — наступление с ограниченной целью — не должны раскрываться. Поэтому целесообразно представить дело так, что наступление начато русскими, но сорвано нашими оборонительными действиями, перешедшими в контрнаступление, которое привело к разгрому противника. Такое изображение обстановки понизит наступательную мощь противника и подчеркнет мощь нашей обороны и резервов на Востоке. Благодаря этому открытие союзниками второго фронта может быть отсрочено до завершения боев на Востоке».

6 июля в дневнике ОКВ отмечалось, что южная группировка продвинулась на 18, а северная — на 10 километров. При этом признавалось, что «противнику были известны сроки начала наступления, вследствие этого эффект внезапности не был достигнут».

В этот день, 6 июля, на участке 13-й армии Рокоссовский нанес контрудар силами 2-й танковой армии и 19-го танкового корпуса. В тот же день он издал директиву, где, в частности, отмечал:

«…Предварительные итоги двухдневных боевых действий показали, что некоторые части и соединения, особенно в 13-й армии, проявили недостаточную стойкость в обороне, нарушив приказ Народного Комиссара Обороны СССР от 28.7.1942 г., оставили без приказа свыше свои

оборонительные позиции и тем самым позволили противнику вклиниться в нашу оборону и нарушить ее прочность.

Некоторые командиры до сих пор еще не поняли, что самовольный отход хотя бы одной части неминуемо ставит в невыгодные условия соседей и облегчает действия противника.

Приказываю:

1. Военным Советам армий и командирам отдельных корпусов немедленно и решительными мерами пресекать самовольный отход, а к командирам, допустившим таковой, а также провинившимся в трусости и неустойчивости применять полностью меры, предусмотренные приказом НКО № 227.

2. С получением настоящих указаний еще раз довести приказ НКО № 227 до всего комсостава и подразделений.

3. В боевых донесениях по итогам боевых действий за день докладывать о мерах, принятых к нарушителям требований приказа НКО № 227.

4. Настоящую директиву объявить под расписку командному составу до командира дивизии, бригады включительно».

Когда это диктовалось обстановкой, Рокоссовский, как мы уже не раз отмечали, мог быть весьма суров.

В оперативной сводке штаба Центрального фронта вечером 6 июля признавалась неудача контрудара 2-й танковой армии: «2-я танковая армия во взаимодействии с частями 13-й армии частью сил вела бои по отражению атак наступающего противника. 16 тк — 107 тбр во взаимодействии с пехотой 13-й армии перешла в контратаку в направлении Степи, но, встретив засаду 18 танков противника T-VI („тигр“) и организованный артиллерийский огонь, бригада потеряла в результате боя 50 танков Т-34, 17 танков Т-70 и 2 танка Т-70 пропало без вести». 107-я танковая бригада подполковника Н. М. Телякова действительно попала в засаду в районе Бутырок, устроенную 505-м отдельным батальоном «тигров», и потеряла 46 из 50 танков. Пришедшая ей на помощь 164-я танковая бригада подполковника Н. В. Копылова лишилась 23 машин. Тяжелые потери понес и 676-й стрелковый полк 15-й стрелковой дивизии 13-й армии, которому пришлось с боем пробиваться из окружения из района к западу от Понырей. Это был тот редкий случай, когда в оперативной сводке штаба Центрального фронта указывались потери советских войск. Обычно говорилось, что «потери наших войск уточняются», притом что немецкие потери указывались точно. Насколько последние соответствовали действительности — другой вопрос.

7 июля в дневнике ОКВ отмечалось, что

«в полосе северной группы последовали танковые контратаки противника, подтянувшего мощные оперативные резервы». В частности, 2-я немецкая танковая дивизия докладывала: «7 июля во время совещания командиры батальонов и боевых групп попали под русскую бомбежку. (Командир 304-го пехотного полка полковник фон Гёрне и еще несколько человек погибли, майор Штерц ранен.) Во время этого налета был уничтожен также приданный батальону взвод связи из 48-го батальона связи. (Солдаты убиты или ранены, радиостанция на автомобиле, так называемый „майский жук“, разбита бомбой.) Связь батальона с дивизией была обеспечена с помощью командирского танка. Технически с командирского танка имелась связь на средних волнах с танками командиров рот, кроме того, можно было установить связь в УКВ-диапазоне практически с каждым танком батальона, оснащенного радиостанцией Fu-5.

Несмотря на чрезвычайно большое количество подбитых танков противника, о котором наши роты могли доложить в те дни, — а может быть, именно поэтому — потери в людях и боевой технике были очень высокими. Они касались также личного состава подразделений связи. У пресловутой высоты 204 Подзуборовка это наступление было остановлено. С передового батальонного командного пункта, находившегося в яме под подбитым Т-34, была установлена связь с соседней

боевой группой — полковником Буком. При почти непрерывном ожесточенном артиллерийском обстреле поддержание этой связи было большой проблемой.

Несмотря на большие потери, связисты постоянно выходили на поиски обрывов на линии. Не защищенный броней маленький отряд связи оказался почти засыпанным землей прямо на высоте. При обстреле из „сталинских органов“ машины и средства связи были повреждены, но продолжали работать».

18-я танковая дивизия генерал-майора Карла Вильгельма фон Шлибена выдвинулась в район западнее Понырей и атаковала 307-ю советскую пехотную дивизию в южном направлении вдоль долины реки Снова. По утверждению немцев, 7 июля эскадрильи люфтваффе совершили 1687 боевых вылетов, сбили 74 русских самолета и уничтожили 14 танков.

8 июля советские войска контратаковали позиции 78-й штурмовой дивизии и 21-го танкового корпуса. 47-й танковый корпус, подкрепленный 4-й танковой дивизией генерал-майора Эриха Шнайдера, атаковал и овладел высотами южнее Самодуровки, но был остановлен советскими 16-м и 19-м танковыми корпусами. Между 4-й танковой дивизией и 47-м танковым корпусом остался разрыв, который так и не удалось ликвидировать. В. Хаупт признает, что «в тот день больше не удалось вклиниться в систему обороны русских под Ольховаткой. Там обороняющиеся с помощью вкопанных танков, позиций артиллерии и противотанковых рвов создали разветвленную полосу обороны, которую прорвать с фронта было просто невозможно. Командование 9-й армии теперь получило данные о подходе дополнительных резервов противника. В тот день были замечены не только свежие танковые бригады, но и воздушно-десантные бригады, то есть элитные войска, сквозь которые потрепанная армия (потерявшая уже 10 тысяч человек) прорваться уже не могла».

9 июля немецкое командование производило перегруппировку и возобновило наступление только 10 июля. В. Хаупт так описывает события этого дня:

«Генерал-лейтенант фон Эзебек принял командование ударной группой, составленной из 2-й, 4-й и 20-й танковых дивизий, которая 10 июля после короткой артиллерийской подготовки и атак эскадрилий пикирующих бомбардировщиков перешла в наступление. Ударная группа к вечеру этого дня вышла на рубеж Теплое, западная окраина Самодуровки. 4-я танковая дивизия при этом смогла даже прорваться на холмистую местность юго-западнее этого района, а 2-я танковая дивизия втянулась в ожесточенные бои западнее Кутырок. Оборону противника ни на одном из участков прорвать не удалось…

Уже в ночь на 11 июля стало окончательно ясно, что прорыв успеха уже не принесет. Генерал-фельдмаршал фон Клюге поэтому сразу же снял две резервные дивизии группы армий с направления на Ольховатку. Той же ночью генерал-полковник Модель отдал приказ на наступление 46-му танковому корпусу, по которому корпус должен был атаковать высоты под Никольским (то есть те же самые, что и соседний 47-й танковый корпус)… И все же к вечеру стало ясно, что операция „Цитадель“ топчется на месте. Теперь на всех участках фронта объединения Красной Армии начали наносить контрудары».

11 июля на участках Западного и Брянского фронтов, охватывающих Орловский плацдарм, началась широкомасштабная разведка боем. Модель уже в ночь на 12 июля, еще не имея санкции Клюге, решил прекратить наступление, чтобы иметь возможность перебросить войска ударной группировки для обороны плацдарма.

Рокоссовский с гордостью писал в мемуарах:

«Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них, потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки».

К тому времени немецкое командование признало неосуществимость «Цитадели» в ее первоначальном варианте, предусматривающем окружение и уничтожение основных сил двух советских фронтов (более миллиона человек) в районе Курского выступа. В этот день в дневнике ОКВ появилась следующая запись: «В ходе операции „Цитадель“ русский ударный клин был сужен и фронт у Белгорода очищен. 9-я армия продвинулась только на 2–3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максимальный урон противнику». Последние попытки наступления в рамках осуществления «Цитадели» немецкое командование фактически рассматривало лишь как средство истощения советских войск.

По справедливому мнению маршала А. Е. Голованова, «результаты битвы на Курской дуге были бы еще большими, если было бы принято предложение Константина Константиновича об едином командовании, то есть объединении двух фронтов — Воронежского и Центрального в один, ибо стратегическое положение этих фронтов требовало единого руководства. Большинство тогда вместе с Верховным не согласилось с этим, и все же Рокоссовский оказался прав».

15 июля войска Центрального фронта перешли в наступление на Орловский плацдарм с юга. С севера 12 июля на этот плацдарм наступали войска Брянского и Западного фронтов, которые 11 июля провели сильную разведку боем, что и вызвало прекращение немецкого наступления. Командующий 9-й армией генерал-полковник Модель, получив первые донесения о начале советского наступления на Орловский плацдарм, уже утром 12 июля снял с фронта «Цитадели» 12-ю танковую и 36-ю моторизованную дивизии и перебросил их в район Мценска. В 8.00 за ними последовали все артиллерийские дивизионы резерва Верховного главнокомандования. Вечером также 18-я и 20-я танковые дивизии и 848-й артиллерийский дивизион резерва Верховного главнокомандования из состава ударной группировки двинулись в угрожаемый район восточнее Орла. Действия Моделя были одобрены Клюге и Гитлером. 12 июля Модель был назначен по совместительству командующим 2-й танковой армией, чтобы обеспечить скорейшую передачу туда соединений из 9-й армии.

Рокоссовский вспоминал:

«…Весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один — с севера, второй — с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой. Поэтому-то войска на решающих направлениях (Западного и Центрального фронтов) не сумели подготовиться в такой короткий срок к успешному выполнению поставленных задач и операция приняла затяжной характер. Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром. Становилось досадно, что со стороны Ставки были проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, то есть, повторяю, нанести два удара под основание орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже.

Мне кажется, что Ставкой не было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме неприятельские войска (2-я танковая и 9-я армии) находились свыше года, что позволило им создать прочную, глубоко эшелонированную оборону.

Кроме того, к началу нашего наступления орловская группировка противника значительно усилилась».

В докладе старшего офицера Генштаба при штабе Центрального фронта полковника Фомина, составленном 24 июля 1943 года, отмечалось:

«Не достигнув оперативного успеха в боях 5–6 июля, противник 7 и 8 июля, продолжая наступательные действия, вводит в бой из второй линии 2,4 тд и 31, 292 пд и рокирует 18 тд из

района Протасово в район Поныри и в течение 8–11 июля предпринимает упорные атаки на участке Поныри, Гнилец, стремясь прорваться в южном и юго-западном направлениях.

Несмотря на то, что противник ввел на фронте 23–25 км пять танковых и до шести пехотных дивизий, все его попытки прорвать нашу оборону оказались безуспешными.

Понеся огромные потери (до 50 % в танках и свыше 50 % в живой силе), к 11.7.1943 г. противнику удалось, оттеснив наши части, продвинуться в глубь нашей обороны на 6–15 км и выйти на рубеж Тросна, Сидоровка, (иск.) Поныри, Березовый Лог, Битюг, Кашара, Самодуровка, Гнилец, Дегтярный, Обыденки, Измайлово.

Будучи в непрерывных и упорных боях измотан нашими войсками и потеряв ударную силу, противник начал закрепляться на достигнутом рубеже, отводя свои подвижные соединения в глубину обороны».

Общий вывод сводился к тому, что «войска Центрального фронта приобрели большой боевой опыт и умение вести упорные оборонительные бои на изматывание и обескровливание противника, сохраняя силы для последующего удара.

Изжита имевшая ранее место танко- и авиабоязнь. Войска умело, мужественно и стойко отражали массированные атаки авиации и танков, в том числе мощных танков „тигр“, сопровождаемых самоходными орудиями „фердинанд“, развеяв тем самым миф о неуязвимости и сокрушительной ударной мощи этих новых средств борьбы».

12 июля, по итогам оборонительного сражения, Рокоссовский издал директиву о взаимодействии пехоты с противотанковой артиллерией, поскольку в отсутствие пехотного прикрытия расчеты противотанковых орудий несли большие потери от автоматчиков противника, располагавшихся на броне танков. Рокоссовский потребовал обеспечить артиллеристам пехотное прикрытие.

В другой директиве, изданной в тот же день, Рокоссовский подвел итоги оборонительного сражения и поставил задачу утром 15 июля перейти в наступление. Однако наступление развивалось медленнее, чем хотелось. Советские войска были изрядно потрепаны в оборонительных боях и наступали в невыгодной для наступления группировке, сложившейся в ходе оборонительной операции.

Тем не менее уже 18 июля, как докладывал Рокоссовский, войска Центрального фронта достигли рубежей, которые они занимали до начала немецкого наступления. Но прорвать вражескую оборону не удавалось. 13-я армия, понесшая наибольшие потери в ходе оборонительных боев, наступала неудачно и к исходу 20 июля вынуждена была перейти к обороне.

21 июля в дневнике ОКБ было отмечено: «Главный удар противник наносит вдоль шоссе Курск — Орел, где ему удалось силами трех танковых корпусов продвинуться на глубину 10 км в направлении Орла». Здесь наступала 2-я танковая армия Центрального фронта.

Вечером 26 июля Ставка передала Рокоссовскому 3-ю гвардейскую танковую армию П. С. Рыбалко. В тот же день Рокоссовский отдал приказ о вводе в прорыв 2-й танковой армии на участке 70-й армии с задачей к исходу 27 июля выйти на рубеж Красная Роща — Гнездилово — Чувардино. 28 июля в прорыв на участке 48-й армии была введена 3-й гвардейская танковая армия. Она должна была вброд форсировать Оку и выйти в район Хмелевая — Себякино — Коровье Болото — Самохвалово — Горки. Однако танковым армиям не удалось развить успех. Понеся большие потери, они лишь медленно выталкивали противника с Орловского выступа. Окружение Орловской группировки немцев не удалось.

В этот день Рокоссовский писал жене и дочери:

«29.7.43 г. 2 часа. Дорогие мои Люля и Адуся!

Улучив свободную минуту, спешу сообщить о себе и о наших делах. Итак, 5.7 в 2 часа 30 мин ночи немцы ринулись на нас своими полчищами танков, артиллерии, пехоты и авиации. Вдело были

брошены новейшие бронированные чудовища в виде „тигров“, „фердинандов“, „пантер“ и т. п. пакости. Восемь суток длился этот жестокий бой днем и ночью. Результаты боев вам известны из газет. В общем, набили мы тут фрицев, захватили много пленных и военной техники. Одним словом, всыпали немцам „по первое число“. Теперь гоним их на Запад, освобождая ежедневно сотни населенных пунктов. Ты обижаешься, что мало пишу. Но поверь, бывают дни, когда буквально валишься с ног от усталости. Я по-прежнему здоров и бодр. Счастливая звезда пока мне сопутствует. Был случай, когда чудом остался жив. Дом, в котором я находился, разнесло в щепки, а у меня — ни одной царапины. Значит, не суждено мне пока погибнуть. Сейчас передают, что опять одержана крупная победа, выезжаю на участок. Ну, пока до свидания, мои дорогие, целую вас крепко. Любящий вас Костя».

26 июля в дневнике ОКБ были зафиксированы «очень сильные танковые атаки против центра 9-й армии». А 29 июля авторы дневника констатировали, что «перед фронтом 9-й армии нажим противника усиливается». 30 июля Рокоссовский приостановил на день наступление 48-й и 3-й гвардейских танковых армий для пополнения запасов и лучшей организации боя. 3-ю гвардейскую танковую армию «в связи с неуспешными наступательными действиями» 1 августа он вообще вывел из боя, приказав ей к утру 3 августа скрытно сосредоточиться в районе Воронец — Винецкий — Корсаково — Саковинка — Муравль — Гнилец. Для маскировки танкистам было приказано соблюдать радиомолчание и не отдавать письменных приказов, ограничившись устными распоряжениями.

1 августа 1943 года Рокоссовскому была направлена следующая директива Ставки:

«За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронта противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трех пехотных дивизий.

В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 гв. ТА Рыбалко. Все это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й армии и 2 ТА в общем направлении Чувардино, Красная Роща, Апальково. Одновременно 13-й армии прорвать оборону противника западнее Короськово, подготовив условия для ввода в прорыв 3 гв. ТА к моменту ее сосредоточения.

2. К 4–5 августа закончить сосредоточение 3 гв. ТА в районе южнее Короськово с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии.

3. В дальнейшем иметь в виду действовать обеими танковыми армиями в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел.

4. Об отданных распоряжениях донести».

В Ставке, похоже, не хотели считаться с тем, что армии Рокоссовского понесли значительные потери и были измотаны в ходе оборонительного сражения, да к тому же должны были наступать в неподходящей для наступления группировке, сложившейся в ходе отражения вражеского удара. Времени на перегруппировку и тщательную подготовку наступления Рокоссовскому не дали.

В тот же день, 1 августа, противник начал отход на фронте 13-й армии. Германское командование решило оставить Орловский плацдарм. 9-й танковый корпус Центрального фронта в связи с этим получил задачу на преследование. Маневр же 3-й гвардейской танковой армии в район Воронец — Гнилец утратил смысл. 3 августа Рокоссовский нацелил армию Рыбалко на переход к утру 4 августа в район Ржава — Пузеево — Красиково — Гостомль, откуда ей предстояло действовать в двух

направлениях — на Ржаву, Колки, Апальково и на Гунявку, Чувардино, Гнездилово. 4 августа в дневнике ОКВ были отмечены «упорные атаки противника» силами трехсот танков на шоссе Орел — Курск в полосе 9-й армии.

5 августа немецкие войска начали отступление из Орловского выступа под прикрытием арьергардов. В ночь на 5 августа немецкая 2-я танковая армия оставила Орел. 6 августа войска обеих танковых армий Центрального фронта перешли к преследованию. В дневнике ОКВ в этот день фиксировались «активные попытки прорыва противника на внутренних флангах в полосе 9-й армии». Но преследование развивалось не слишком успешно, в связи с чем вечером 6 августа Рокоссовскому пришлось издать довольно грозный приказ, копия которого была направлена начальнику Генштаба:

«Противник отходит в западном направлении и, цепляясь за случайные, неподготовленные рубежи, стремится задержать наступление наших войск и этим обеспечить планомерный отход орловской группировки.

3 гв. ТА и 2 ТА, вопреки благоприятно сложившейся для нас обстановке и вопреки моему приказу, в течение трех суток топтались на месте и своих задач не выполнили. Это явилось следствием того, что командиры танковых частей и соединений проявляют нерешительность, не умеют заставить своих подчиненных выполнить задачи и исключительно плохо управляют боем своих частей, соединений и армий.

Приказываю:

1. 3 гв. ТА и 2 ТА — с утра 7.8. 1943 г. всеми силами армий прорваться через фронт обороны частей противника и, развивая удар в общем направлении на Шаблыкино, отрезать пути отхода его орловской группировки на запад и юго-запад от рубежа Нарышкино, Останино, Коровье Болото, Нижняя Федотовка;

а) 3-й гв. ТА — прорвать фронт обороны частей прикрытия противника на участке Красный Пахарь, Долженки и, развивая удар в общем направлении на Масловку, Сосково, к исходу дня 7.8.1943 г. овладеть районом Троицкий, Сосково, Звягинцева, Масловка; в дальнейшем наступать на Шаблыкино и овладеть Шаблыкино, Новоселки, Герасимово, Волково, Робье.

б) 2 ТА — прорвать фронт обороны частей прикрытия противника на участке (иск.) Красная Роща, (иск.) Волобуево и, развивая удар на Гнездилово, к исходу дня 7.8.1943 г. овладеть районом Ефимовка, Гончаровка, Гнездилово, Городище; в дальнейшем наступать в общем направлении на Жихарево, Лобки, Колосок и овладеть районом Гаврилово, Турищево, Колосок.

2. 16 ВА — всеми силами армии содействовать наступлению 3 гв. ТА, выполнять поставленные мною задачи.

3. Командующим 3 гв. ТА и 2 ТА категорически потребовать от всего офицерского состава точного и безусловного выполнения задач. Ни в коем случае не допускать наступления разрозненными группами, требуя наступления всей массой танков и мотопехоты корпусов и армий.

Командиров частей и соединений, не выполняющих задач, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала.

Получение подтвердить».

В этот день, 6 августа, войска 49-й и 13-й армий овладели Кромами. Однако дальнейшее наступление «всей массой танков» обернулось трагедией.

10 августа последовала новая директива Ставки, предписывающая подготовить к 15 августа план нового наступления, которое надо было начать 20 августа. Рокоссовскому было приказано «создать основную группировку Центрального фронта в районе Асмань, Гломаздино, Дмитриев-Лыговский в составе не менее 20–25 стрелковых дивизий, одной танковой армии и необходимых средств усиления с задачей — ударом в общем направлении хутор Михайловский, Стародуб, Унеча выйти на западный берег р. Десна, на участке Гремяч, Новгород-Северский. В дальнейшем развивать главный удар на

Унеча и отрезать брянскую группировку противника от Гомеля, содействуя тем самым Западному и Брянскому фронтам в разгроме брянско-рославльской группировки противника».

И тут грянул гром. 13 августа 1943 года командующий Центральным фронтом получил весьма грозную директиву Ставки, подписанную заместителем начальника Генштаба А. И. Антоновым:

«По данным Генштаба, танковая группа 3-й гв. ТА в количестве 110 танков 10.8 в боях за выс. 264, 6 потеряла 100 танков, т. е. по существу была уничтожена противником.

Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях общего отхода противника и отсутствия у него заранее подготовленной обороны. При этом наша танковая группа была уничтожена противником, проникнув всего на 2–3 км в его глубину, т. е. ей могла быть оказана всяческая помощь.

Гибель такого большого количества наших танков в течение нескольких часов свидетельствует не только о полном отсутствии взаимодействия между 3 гв. ТА и 13 А, но и о бездействии указанных командармов, бросивших танки на произвол судьбы без всякой поддержки.

Для доклада Народному комиссару обороны прошу назначить расследование и результаты донести в Генштаб».

Характерно, что в боевом донесении, отправленном вечером 10 августа в 24.00, Рокоссовский ни о каких чрезвычайных событиях на фронте 3-й гвардейской танковой армии словом не обмолвился. Там говорилось только:

«3-я гв. танковая армия — в течение дня вела упорные наступательные бои с противником, оказывающим сильное огневое сопротивление. Отражая неоднократные контратаки противника, части армии к исходу дня вели бой:

7 гв. мк — обходя Ивановку с юга и севера, наступал в направлении Владимировского, но успеха не имел.

6 гв. и 7 гв. тк — в результате упорного боя овладели выс. 271, 5 (2 км сев. — вост. Сосково) и продолжали бой за овладение Сосково».

Вероятно, Константин Константинович надеялся разбросать громадные потери, понесенные 10 августа армией Рыбалко, на несколько дней и тем самым сгладить масштаб происшедшей катастрофы. Точно так же Василевский еще большие потери 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова 12 июля в знаменитом бою под Прохоровкой разбросал на два дня — 12 и 13 июля.

Строго говоря, такого рода искажения истины в донесениях большого вреда не наносили. Ведь независимо от того, когда 2-я танковая армия вышла из боя, 10 или 11 августа, Ставка все равно не могла тут же заменить ее другими танковыми соединениями. Поэтому за «разбрасывание потерь», широко применявшееся в русской армии еще в Первую мировую войну, никогда особенно сурово не наказывали. Другое дело, когда с опозданием сообщали о прорыве противником фронта и захватом им того или иного важного населенного пункта. Это порой могло привести к катастрофическим последствиям, как это случилось, в частности, под Вязьмой в начале октября 1941-го.

На самом-то деле Рокоссовский прекрасно знал, что 10 августа 3-я гвардейская танковая армия потеряла боеспособность. Потому что в тот же вечер, за пять часов до отправки донесения в Ставку, начальник штаба Центрального фронта М. С. Малинин приказал от имени командующего фронтом: «3 гв. ТА вывести из боя и сосредоточить в районе Сухая, Торхово, Апальково. День 11.8.1943 г. использовать для приведения в порядок частей армии, пополнения запасов и отдыха личного состава».

В Москву же для отвода глаз был послан приказ командующего Центральным фронтом, изданный в 22 часа 10 августа. Он предписывал «13 А с 3 гв. ТА и со всеми средствами усиления — с утра 11.8.1943 г. продолжать наступление и, нанося главный удар в общем направлении на Кукуевку,

Лобки, Веребск, Петрилово, Брасово, не дать возможности противнику сорганизоваться на новых рубежах».

И только в вечернем донесении 11 августа Константин Константинович признал: «3-я гв. танковая армия — сосредоточилась в районе Сухая, Торхово, Апальково и приводит свои части в порядок». Судя по тому же донесению, положение во 2-й танковой армии было не лучше, поскольку она «в прежнем районе производила работы по восстановлению материальной части». Еще 13 августа обе армии продолжали такого рода работы. Только 18 августа 2-я танковая армия была сосредоточена в новом районе для подготовки к наступлению, целью которого было овладение переправами через Десну в районе Новгород-Северского.

Однако утаить от Москвы происшедший разгром не удалось. Очевидно, представитель Генштаба, находившийся в штабе 3-й гвардейской танковой армии, доложил в Москву о бесцельной гибели ста танков, и этот доклад вызвал письмо Антонова Рокоссовскому. Но Ставка возложила ответственность за происшедшее не на командующего фронтом, а на командармов, которых до этого сам Рокоссовский жестко и справедливо критиковал за упущения в управлении войсками и в их боевой подготовке. Хотя, замечу, результаты расследования причин больших потерь 3-й гвардейской танковой армии комиссией, которую Рокоссовский должен был создать по приказанию Генштаба, до сих пор не опубликованы.

Попробуем проанализировать итоги Курской битвы с точки зрения соотношения потерь в людях и танках на Воронежском и Центральном фронтах. Его удается подсчитать более или менее точно только для периода оборонительной операции советских войск.

Как показал военный историк Л. Н. Лопуховский, данные о потерях Воронежского фронта в Курской оборонительной операции, опубликованные в официальном издании Министерства обороны «Гриф секретности снят», существенно занижены. Там говорится, что в период с 5 по 23 июля Воронежский фронт понес следующие потери личного состава:

Безвозвратные потери — 27 542

Санитарные потери — 46 350

Всего потери — 73 892.

Однако в боевом донесении штаба Воронежского фронта № 01 398 начальнику Генштаба о потерях с 4 по 22 июля даются совершенно иные цифры:

Убито — 20 577

Пропало без вести — 25 898

Попало в плен — 29

Всего безвозвратных людских потерь — 46 504

Ранено — 54 427

Всего людские потери — 100 931.

Разница получается в 27 039 человек, в том числе почти двукратная по безвозвратным потерям — на 19 033 человека больше.

Потери же за период с 4 по 16 июля, согласно тому же донесению, составили 18 097 убитых, 24 880 пленных и пропавших без вести и 47 272 раненых и больных. В период же преследования группы армий «Юг», отходившей к прежним позициям, Воронежский фронт потерял 2481 убитых, 1047 пропавших без вести и 7155 раненых и больных.

Еще более существенными оказываются различия данных по безвозвратным потерям боевой техники. Согласно сборнику «Гриф секретности снят», в ходе Курской оборонительной операции войсками Центрального, Воронежского и Степного фронтов было безвозвратно потеряно:

Танков и САУ — 1614

Орудий и минометов — 3229

Самолетов — 459.

Однако в итоговом боевом донесении штаба Воронежского фронта говорится, что в период с 5 по 23 июля войсками фронта было безвозвратно потеряно:

Танков и САУ — 1628

Орудий и минометов — 3609

Самолетов — 387 (вместе с подбитыми).

Получается, что один только Воронежский фронт, по данным его штаба, потерял безвозвратно больше танков и артиллерии, чем все три фронта, вместе взятые, а самолетов — почти столько же.

Л. Н. Лопуховский подметил, что данные о людских потерях, приведенные в донесении штаба Воронежского фронта, оказываются очень близки к оценке советских потерь в ходе отражения «Цитадели», сделанной в штабе группы армий «Юг». Манштейн в мемуарах отмечает, что к 13 июля его войсками было взято 24 тысячи пленных, а между 13 и 16 июля — еще 10 тысяч, главным образом при ликвидации «котла» в районе Шахово. А по данным штаба Воронежского фронта, к 16 июля в войсках фронта числилось 24 880 пропавших без вести. Советских танков, по оценке Манштейна, немцы уничтожили к 13 июля 1800 штук, а по данным штаба Воронежского фронта, к 16 июля было безвозвратно потеряно или подбито 1888 танков и САУ. Советских орудий, как полагал Манштейн, его войска уничтожили и захватили 1347, а по данным штаба Ватутина, к 16 июля было безвозвратно потеряно 1605 орудий.

Тут необходимо заметить, что сравнение данных Манштейна с данными итогового донесения штаба Воронежского фронта доказывает, что последние существенно занижают советские безвозвратные потери. Ведь число пленных та сторона, которая их берет, обычно знает более или менее точно. А в Красной армии в числе пропавших без вести часто оказывались не только пленные, но и убитые, о гибели которых не было достоверных сведений. И в любом случае наличие к 16 июля 34 тысяч советских пленных говорит о том, что число пропавших без вести занижено более чем на 9 тысяч человек. Но, как доказал Л. Н. Лопуховский, в донесении штаба Воронежского фронта не учтены потери 7-й гвардейской и 69-й армий в период с 5 по 19 июля, так как эти армии 20 июля были переданы в состав Степного фронта. Историк обратил внимание, что, согласно месячной сводке потерь за июль, в этом месяце фронт потерял 99 596 человек, в том числе 19 658 убитых, 16 704 пропавших без вести и пленных, 62 478 раненых и больных и 756 выбывших из строя по другим причинам (несчастные случаи, самоубийства и т. п.). То, что эти потери оказались на 1336 человек меньше, чем потери за 19 суток оборонительной операции, Лопуховский объясняет тем, что, возможно, в итоговом донесении из пропавших без вести были исключены хотя бы некоторые из тех 6,4 тысячи пропавших без вести, которые к 1 августу смогли вернуться в свои части. А вот в суммарных цифрах потерь Воронежского фронта за июль потери 7-й гвардейской и 69-й армий учтены. Согласно этому документу, потери Воронежского фронта составили 148 349 человек. Разница между этими цифрами (99 596 человек) и даст нам примерные потери этих двух армий — 48 753 убитых, раненых и пропавших без вести. По данным, приводимым Л. Н. Лопуховским, 69-я армия в период с 1 по 19 июля потеряла 26 415 человек, в том числе 4351 убитыми, 10 614 пропавшими без вести и пленными, 11 411 ранеными и больными (больных оказалось всего 387), и еще 39 человек выбыли из строя по другим причинам.

7-я гвардейская армия за тот же период потеряла 28 578 человек, в том числе 6086 убитыми, 3975 пропавшими без вести и пленными, 18 458 ранеными и больными (последних было только 591), а

также 59 человек, выбывших из строя по иным причинам. Если добавить эти потери к тем потерям, что перечислены в донесении штаба Воронежского фронта за период с 4 по 16 февраля, то последние возрастут до 28 534 убитых, 33 469 пленных и пропавших без вести и 77 239 раненых и больных.

Теперь количество пропавших без вести оказывается практически равно количеству советских пленных, захваченных войсками Манштейна в период осуществления операции «Цитадель» с 4 по 16 июля. Однако, по сведениям Л. Н. Лопуховского, до конца июля 6,4 тысячи человек, прежде числившихся пропавшими без вести, вернулись в части Воронежского фронта. Можно предположить, что не менее шести тысяч из числа вернувшихся пропали без вести до 16 июля. Тогда число тех пропавших без вести, кто попал в плен или был убит, сократится до 27,5 тысячи. Как минимум 7500 пленных не были учтены в официальных безвозвратных потерях штабом Воронежского фронта. Но вместе с тем представляется совершенно невероятным, чтобы в число пропавших без вести входили только те, кто попал в плен. Учет безвозвратных потерь в Красной армии был очень плохим. Погибшие красноармейцы, о смерти которых не было достоверных данных, зачислялись в пропавшие без вести.

Масштаб недоучета советских потерь хорошо иллюстрирует следующий пример. 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта, которыми командовал Рокоссовский, насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести, согласно данным сборника «Гриф секретности снят», 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человека. К моменту перехода Красной армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда по штату насчитывала 1300 человек, а в одной стрелковой бригаде было 4,2 тысячи человек. С учетом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать 697 тысячами человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были как минимум на 51,7 тысячи больше, чем утверждает официальная статистика. И это только при условии, что в войска Центрального фронта в ходе оборонительной операции не поступало маршевое пополнение. Если же такое пополнение поступало, то реальные потери должны были быть еще выше. Не могло же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неведомо куда, да еще в условиях ожесточенных боев и в безлесных курских степях!

Следует подчеркнуть, что основная часть недоучтенных советских потерь должна была падать на безвозвратные потери, прежде всего на пропавших без вести, так как раненых, поступавших в госпитали, считали гораздо более точно, чем погибших.

Еще будучи начальником штаба Донского фронта, генерал Малинин писал в нижестоящие штабы в период завершения Сталинградской битвы: «Просматривая ежедневно итоги дня о количестве уничтоженной живой силы и техники и захваченных трофеях, я пришел к выводу, что эти данные значительно завышены и, следовательно, не соответствуют действительности». Но точно так же занижались и потери собственных войск, особенно безвозвратные, в том числе и в донесениях войск Центрального фронта.

С учетом всего вышесказанного данные о потерях Воронежского фронта, содержащиеся в донесении его штаба, тоже оказываются заниженными, особенно в части безвозвратных потерь. Можно предположить, что в числе пропавших без вести погибших должно было быть как минимум столько же, сколько и пленных. Тогда истинное число пропавших без вести в составе Воронежского фронта в период с 4 по 16 июля можно оценить в 68 тысяч человек. В этом случае общие потери фронта в указанный период можно оценить в 133,4 тысячи человек, безвозвратные — в 86,1 тысячи.

Количество убитых советских солдат в период с 4 по 16 июля Манштейн оценил в 17 тысяч, а число раненых — как минимум в 34 тысячи. Получается, что он занизил оценки советских санитарных потерь в 1,4 раза, а безвозвратные потери — в 1,7 раза. Как отмечает Манштейн, в ходе «Цитадели» войска его группы армий потеряли 20 720 человек, в том числе 3330 — убитыми и пропавшими без вести. Данные Манштейна, возможно, занижают и немецкие потери, однако общий итог остается

неизменным: в ходе Курской битвы немцы потеряли как минимум в пять раз меньше солдат и офицеров, чем советские войска.

Крайне неблагоприятным для Красной армии было также соотношение потерь боевой техники. Всего на северном фасе Курской дуги в период с 5 по 14 июля немецкая 9-я армия безвозвратно потеряли 88 танков и штурмовых орудий (в том числе 4 «тигра» и 19 «фердинандов»), а на южном фасе дуги в период с 5 по 17 июля войска группы армий «Юг» безвозвратно потеряли 190 танков, штурмовых орудий и САУ (в том числе 6 «тигров» и 44 «пантеры»). Войска Воронежского фронта в ходе оборонительного сражения под Курском с 5 по 17 июля безвозвратно потеряли 1886 танков и САУ. Это дает соотношение безвозвратных потерь в бронетехнике 10:1 в пользу немцев. Безвозвратные потери Центрального фронта в танках и САУ в ходе оборонительного сражения под Курском можно оценить в 410 танков. Вероятно, не меньшее число машин было повреждено. К этому надо добавить еще 28 безвозвратно потерянных САУ. Но эта оценка потерь дана без учета восполнения бронетехники. Такое восполнение к началу наступательной операции, если принять, что к этому времени вышло из строя около 800 танков, должно было составить порядка 500 машин. Если среди этих новых танков доля безвозвратных потерь была примерно той же, что и среди танковых соединений, задействованных на начало операции, то к 410 безвозвратно потерянным танкам надо добавить еще примерно 120 машин. Тогда общие безвозвратные потери бронетехники Центрального фронта в ходе Курской оборонительной операции можно оценить в 530 танков и 28 САУ. Соотношение с безвозвратными потерями танков и штурмовых орудий 9-й немецкой армии оказывается 6,3:1 в пользу немцев. Тем не менее это в полтора раза лучше показателя, достигнутого Воронежским фронтом.

Рокоссовский достиг лучших результатов, чем Ватутин, как благодаря своему полководческому таланту, так и благодаря некоторым объективным обстоятельствам. Как уже упоминалось, Центральный фронт должен был перейти в наступление раньше, чем Воронежский фронт, поэтому у Рокоссовского в момент начала «Цитадели» оказались под рукой артиллерийский корпус прорыва и гораздо больше боеприпасов, чем у Ватутина. Кроме того, протяженность танкоопасных направлений на Воронежском фронте была вдвое выше, чем на Центральном. Важное значение имело также то, что немецкая группировка, наступавшая на южном фасе Курской дуги, имела примерно на 300 танков больше, чем группировка, наступавшая против Центрального фронта, а также включала в себя три отборные моторизованные (фактически — танковые) дивизии СС и элитную моторизованную дивизию «Великая Германия», каждая из которых значительно превосходила по боеспособности обычную танковую дивизию вермахта. Но это никак не умаляет заслуг Рокоссовского. Тут надо принять во внимание хотя бы следующий факт. Если в начале сражения танков на Центральном и Воронежском фронтах было почти поровну, а в ходе оборонительной операции Центральный фронт получил лишь несколько сот танков в восполнение потерь, то Воронежский фронт только в составе 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий, а также отдельных танковых корпусов получил дополнительно около тысячи танков и САУ, не считая нескольких сотен танков, поступивших в восполнение потерь. Однако свое весьма значительное превосходство в танках Ватутин так и не смог реализовать, тогда как Рокоссовский, правильно распределив силы и средства, сумел не допустить прорыва обороны Центрального фронта.

В ходе Курской битвы немцы впервые на Восточном фронте массированно применили новые образцы вооружения и боевой техники: танки «тигр» и «пантера», штурмовые орудия «фердинанд», самолеты ФВ-190 и Хе-129. И они вроде бы и в этом, и в последующих сражениях достигли неплохих результатов. Так, согласно немецкой статистике, все подразделения, оснащенные танками T-VI и T-VIB («тигр» и «королевский тигр»), за всю войну и на всех фронтах потеряли безвозвратно 1715 машин, уничтожив 9850 неприятельских танков и САУ, то есть соотношение потерь в бронетехнике оказывается близким 1:6. Но, по крайней мере на Восточном фронте, модернизированные T-IV с длинноствольной 75-миллиметровой пушкой имели ничуть не худшие результаты. Между тем T-IV, даже модернизированный, стоил во много раз меньше того же «тифа» или «пантеры». Вместо одного «тифа» можно было произвести десяток T-IV и тем самым достичь более благоприятного количественного соотношения по бронетехнике с Красной армией и армиями

западных союзников. Тем более что на Западе танков, которые превосходили бы модернизированный T-IV, так и не появилось до конца войны.

Не будет преувеличением заявить, что немцы проиграли Вторую мировую войну в том числе и потому, что у них была самая передовая научно-техническая мысль. Они были, пожалуй, единственными участниками, кто уже во время войны интенсивно внедрял в серийное производство принципиально новые образцы вооружений и боевой техники, будь то «тигры», «пантеры», будь то новейшие «фокке-вульфы» и реактивные истребители Ме-262 или ракеты «Фау». Все эти новинки были во много раз дороже своих более ранних аналогов (для ракет «Фау» таким аналогом были тяжелые стратегические бомбардировщики), но отнюдь не в столько же раз эффективнее. Вместо того чтобы тратить силы и средства на новейшие «игрушки», быть может, стоило наращивать производство старых образцов, только модернизируя их. Тогда, быть может, удалось бы если не ликвидировать, то существенно сократить количественное превосходство союзников в вооружении и боевой технике. Но в условиях тоталитарного режима главной становилась задача разработать и произвести необходимое вооружение и боевую технику, а вопрос о ее цене отходил на второй план.

Немцы тем временем продолжали планомерный отход с Орловского выступа. Вечером 16 августа пришла директива Ставки на развитие наступления на Киевском направлении:

«В связи с продвижением наших войск на брянском и харьковском направлении Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Центральному фронту, наступая в общем направлении Севск, хут. Михайловский, не позднее 1–3.9 войти на фронт р. Десна южнее Трубчевска, Новгород-Северский, Шостка, Глухов, Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Конотоп, Нежин, Киев и при благоприятных условиях частью сил форсировать р. Десна и наступать по правому ее берегу в направлении Чернигова».

Рокоссовский вспоминал: «26 августа Центральный фронт после некоторой перегруппировки начал наступление. Главный удар наносился на севском направлении войсками 65-й и 2-й танковой (сильно ослабленной) армий. Их продвижению должны были способствовать фланговые соединения 48-й и 60-й армий, примыкавшие к ударной группировке».

К исходу 27 августа 65-я и 2-я танковая армии овладели Севском. Дальнейшее продвижение было остановлено немецкими резервами. Зато успех обозначился на фронте 60-й армии, примыкавшей клевому флангу 65-й. Ее командующий И. Д. Черняховский воспользовался тем, что противник перебросил часть сил с участка 60-й армии под Севск. 29 августа части армии овладели Глуховом. Черняховский бросил в прорыв подвижные группы, используя автотранспорт армии. Рокоссовский, в свою очередь, перебросил для развития успеха 2-ю танковую и 13-ю армии, а затем и 61-ю армию генерала П. А. Белова.

В эти дни Константин Константинович увиделся с дочерью. 30 августа 1943 года Ариадна Константиновна Рокоссовская, работавшая радистом на подвижном радиоузле Центрального штаба партизанского движения, получила разрешение навестить отца:

«Отпускной билет

Радист тов. Рокоссовская А. К. отпущена в краткосрочный отпуск с правом выезда в штаб Центрального фронта с 31-го по 6-е сентября 1943 г.

Срок возвращения в часть 6.9.43 г.

Начальник радиоузла

Инженер-капитан Покровский».

Константин Вильевич Рокоссовский вспоминал:

«Мама рассказывала такой случай: ей дали несколько дней отдыха, и она поехала в штаб фронта. Дед как раз собирался на передовую, она уговорила взять ее с собой. Вдруг, откуда ни возьмись,

появились немецкие самолеты, кто-то крикнул: „Воздух!“ Посыпались бомбы. Все повыпрыгивали из машин и залегли на обочине. Мама не успела спрятаться и рухнула на землю. Тогда дед накрыл ее своим телом и не позволял встать, пока самолеты не улетели восвояси. Когда рассеялся дым, оказалось, что от машины ничего не осталось. Но самым ужасным было то, как на маму смотрели офицеры. Для них жизнь радистки Рокоссовской была гораздо менее ценной, чем жизнь командующего фронтом, а ведь из-за нее он мог погибнуть. До конца жизни мама вспоминала, как ей было стыдно».

6 сентября войска 60-й армии освободили Конотоп, 9 сентября — Бахмач, а 15-го — Нежин. Открывалась заманчивая перспектива овладеть Киевом, над которым войска Центрального фронта нависали с севера. 13-я армия генерала П. Н. Пухова, достигшая Десны, получила приказ с ходу форсировать Днепр и захватить там плацдарм в районе Чернобыль-устье реки Тетерев. П. И. Батов же с 65-й армией должен был овладеть Новгород-Северским. Воронежский фронт отстал от Центрального на 100–120 километров. У армий Рокоссовского появилась реальная возможность с ходу освободить столицу советской Украины.

Константин Константинович вспоминал:

«Между войсками двух фронтов образовался огромный разрыв. Черняховский был вынужден часть сил выделить для обеспечения растянувшегося фланга, ослабляя этим свою ударную группировку.

Дело, конечно, неприятное. Но, с другой стороны, такое глубокое продвижение 60-й и 13-й армий на черниговском и киевском направлениях открывало перед нами заманчивые перспективы: мы могли нанести удар во фланг вражеской группировке, которая вела бои против войск правого крыла Воронежского фронта и сдерживала их продвижение. Тем самым мы не дали бы врагу отводить войска за Днепр, способствовали бы продвижению соседа, возможно, совместными усилиями нам удалось бы овладеть Киевом. Мое предложение обсуждалось, но не было принято. Больше того, мне выразили неудовольствие, что Черняховский с моего разрешения занял Прилуки, которые находились за пределами нашей разграничительной линии.

В связи с тем, что наш левый фланг все более растягивался, по моей просьбе Ставка передала нам из своего резерва 61-ю армию генерала П. А. Белова, которую мы вскоре ввели между 65-й и 13-й армиями на черниговском направлении. Это позволило значительно сузить полосу наступления 60-й армии, что ускорило ее продвижение к Киеву. Я побывал у Черняховского после того, как его войска освободили Нежин. Солдаты и офицеры переживали небывалый подъем. Они забыли про усталость и рвались вперед. Все жили одной мечтой — принять участие в освобождении столицы Украины. Такое настроение, конечно, было и у Черняховского. Все его действия пронизывало стремление быстрее выйти к Киеву. И он многого достиг. Войска 60-й армии, сметая на своем пути остатки разгромленных вражеских дивизий, двигались стремительно, они уже были на подступах к украинской столице.

Каково же было наше разочарование, когда во второй половине сентября по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами была отодвинута к северу и Киев отошел в полосу соседа! Нашим главным направлением теперь становилось черниговское.

Я счел своим долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости».

На самом деле здесь правила бал не стратегия, а чистая политика. Сталину необходимо было для рождавшейся прямо на полях сражений пропагандистской мифологии, чтобы войсками, брошенными на освобождение столицы Украины, непременно командовали украинцы. Черняховский для этой цели как будто подходил — по паспорту он считался украинцем, хотя украинского языка и не знал. Но вот Рокоссовский на украинца никак не тянул, считаясь, в зависимости от конъюнктуры, то русским, то поляком, а то и белорусом. Зато Воронежским (в дальнейшем 1-м Украинским) фронтом командовал чистокровный украинец Николай Федорович

Ватутин, а членом военного совета был глава украинских коммунистов Н. С. Хрущев. С армией же вышла незадача. 38-й армией, которой в октябре — ноябре 1943 года предстояло непосредственно брать Киев, командовал генерал Н. Е. Чибисов, чистокровный русский, из донских казаков. Перед началом последнего решающего наступления его срочно заменили на украинца К. С. Москаленко. Чибисова же в утешение произвели в генерал-полковники, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Сталин, очевидно, не собирался делать рокировку, перебрасывая Рокоссовского на Воронежский фронт, а Ватутина с Хрущевым — на Центральный. Менять командующих, хорошо знавших свои войска, в разгар наступления было нецелесообразно. Гораздо проще было передвинуть разграничительные линии между фронтами. И решение об этом, конечно, принимал сам Сталин, хотя Жуков и Хрущев, несомненно, такое решение горячо поддержали — очень уж им хотелось освободить «мать городов русских».

Думаю, что Константин Константинович догадывался, почему войскам его фронта не дали взять Киев, и это знание его отнюдь не радовало. Он не в первый и не в последний раз страдал от своей польской национальности.

Рокоссовскому было очень обидно, что Киев уплыл из-под самого его носа. Ведь уже к 23 сентября его 13-я армия захватила на западном берегу Днепра севернее Киева в районе Чернобыля Сташев плацдарм глубиной 35 и шириной 30–35 километров. А 60-я армия к концу сентября овладела плацдармом глубиной 12–15 и шириной 20 километров.

Константин Константинович вспоминал: «Черняховский получил от меня указание углубить захваченный район, наступая на запад и юго-запад в обход Киева. Но командарма, словно магнит, притягивал Киев. И он главный удар направил на юг, вдоль Днепра. Черняховский упустил из виду, что противнику легче всего было организовать отпор как раз на этом направлении, чему способствовали и особенности местности, и близость города, откуда враг бросал в бой все силы, какие там только имелись.

Стремление Черняховского продвинуться ближе к Киеву помешало армии углубить плацдарм. Несколько дней было потеряно в бесплодных атаках. Враг воспользовался этой задержкой, подтянул силы на угрожаемое направление и остановил продвижение наших частей. Не удалось расширить плацдарм и вдоль берега».

Видно уж очень хотелось Черняховскому взять Киев. Однако Иван Данилович переоценил свои силы, недооценил противника и потерпел поражение. Тем не менее этот частный неуспех не повлиял на действия других войск Центрального фронта. 61,48 и 65-я армии вышли к реке Сож. В мемуарах Рокоссовский полагал, что «быстрое продвижение войск нашего левого крыла на киевском направлении заставило противника поспешно отводить свои дивизии, действовавшие против Воронежского фронта. Это, конечно, сильно помогло соседу. И все-таки жаль, что нам не разрешили нанести удар во фланг и тыл вражеским войскам, используя нависающее положение частей 60-й армии. В этом случае мы смогли бы не только более эффективно помочь соседу, но и не дали бы противнику отвести войска за Днепр».

27 сентября Рокоссовский был в Кремле на приеме у Сталина. Вместе с ним на совещании присутствовали заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов и командующий Брянским фронтом М. М. Попов. Возможно, на этом совещании было окончательно решено, какому фронту брать Киев, а также определен порядок взаимодействия Центрального фронта, 20 октября переименованного в Белорусский фронт, и Брянского фронта. При этом из Брянского фронта в Белорусский были переданы 50-я армия генерала И. В. Болдина, 3-я армия генерала А. В. Горбатова и 63-я армия генерала В. Я. Колпакчи, захватившие плацдармы на западном берегу реки Сож.

5 октября Ставка передала 13-ю армию Н. П. Пухова и 60-ю армию И. Д. Черняховского Воронежскому фронту, переименованному в 1-й Украинский. В беседе по поводу передачи армий Рокоссовский еще раз поднял вопрос о возможности удара Центрального фронта на Киев, но Сталин

отказался пересматривать уже принятое решение. Главный удар фронт Рокоссовского должен был наносить на Гомельском направлении.

«Чтобы скрыть от врага перегруппировку, — писал Рокоссовский, — командарм один корпус оставил в междуречье с задачей побольше тревожить гитлеровцев, привлечь к себе их внимание. 19-й стрелковый корпус, возглавляемый генералом Д. И. Самарским, блестяще выполнил эту задачу. От действий 65-й армии теперь зависел успех всего фронта. Поэтому мы ей придали все фронтовые средства усиления. Чтобы отвлечь внимание противника от направления нашего главного удара, 50-я и 3-я армии получили приказание 12 октября перейти в наступление на своих участках. С болью в сердце ставил я им эти задачи, зная ограниченные средства, которыми располагали Болдин и Горбатов, но это было необходимо в общих интересах, и нужно было сознательно идти на некоторые жертвы».

П. И. Батов вспоминал: «Отрабатывая с командующими армиями задачи Гомельско-Речицкой операции, К. К. Рокоссовский говорил нам, что у противника прочный рубеж и для успеха нужен смелый маневр и умение обмануть вражеское командование, Он высказал смелый замысел: демонстрируя сосредоточение крупных сил на одном участке фронта (армии И. И. Федюнинского и В. Я. Колпакчи севернее Гомеля), готовить и нанести удар совсем на другом направлении (с лоевского плацдарма — 65-я и 61-я армии)».

Генерал-лейтенант Н. А. Антипенко приводит рассказ самого Константина Константиновича о том, как в декабре 1943 года он, находясь в Москве, был приглашен Верховным главнокомандующим на ужин. Повод был более чем подходящий: и Сталин, и Рокоссовский родились в один и тот же день — 21 декабря.

«Было далеко за полночь с 20-го на 21 декабря, — вспоминал маршал. — Присутствовали некоторые члены политбюро. Обстановка за столом была самая непринужденная. Взяв меня за руку, Сталин отвел в сторону и тихо сказал: „Да, мы вас крепко обидели, товарищ Рокоссовский… Ну что ж, бывает… Извините…“ Потом мы возвратились к столу. Кто-то провозгласил тост за здоровье Сталина. Закусили. Встав из-за стола. Верховный подошел ко мне с полным бокалом „Хванчкары“ (его любимого вина), произнес тост в мою честь и стал чокаться со мной так, чтобы верхний край его бокала был бы не вровень с моим, а чуть пониже. Я знал этот грузинский обычай, выражающий особое уважение, и сам поспешил опустить свою рюмку ниже. Сталин повторил свой прием, опустив руку с бокалом еще ниже, то же сделал и я. В конце концов наши бокалы оказались на полу. Это всех рассмешило».

Генерал А. В. Горбатов не смирился с тем, что его армия будет наступать на второстепенном направлении. Между ним и Рокоссовским произошел конфликт. Константин Константинович в мемуарах написал о Горбатове следующим образом:

«Александр Васильевич Горбатов — человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику, когда армии стали массовыми, а фронты сплошными. Для прорыва вражеских позиций уже бывает недостаточно сил одной армии, приходится прибегать к операциям огромного масштаба, в которых участвуют одновременно несколько фронтов. И сейчас вот проводилась такая широкая операция, в которой армии Горбатова выпала довольно скромная роль действовать на второстепенном участке и отвлекать на себя силы врага, когда главная группировка фронта будет наносить удар на решающем направлении.

Горбатов — старый командир, получив приказ наступать, прилагал все силы, чтобы выполнить задачу. Но обстановка складывалась так, что его старания не приводили к тем результатам, которые ему хотелось бы достичь. И тогда командарм со всей прямотой заявил, что его армия командующим фронтом используется неправильно. Я прочитал его жалобу и направил в Ставку.

Проступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это действительно солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за порученное дело. Так как

ответа не последовало, я сам решился, в нарушение установившейся практики, раскрыть перед командармом все карты и полностью разъяснить ему роль его армии в конкретной обстановке. Александр Васильевич поблагодарил меня и заверил, что задача будет выполнена наилучшим образом.

Однако жалоба генерала Горбатова, которую я переслал в Ставку, по-видимому, все же сыграла свою роль. Вскоре Ставка стала полнее информировать всех нас о своих замыслах и месте наших войск в осуществлении этих планов.

А командарм Горбатов и на второстепенном участке фронта сумел показать себя. Улучив момент, возглавляемая им армия внезапным ударом опрокинула противника и на его плечах форсировала Днепр».

Многие советские генералы, в том числе и те, кому посчастливилось покинуть ГУЛАГ в эпоху «бериевской оттепели», искали на полях сражений Великой Отечественной прежде всего славы, ради которой солдатские и офицерские жизни готовы были класть бессчетно. Славы искал и бывший колымский сиделец Горбатов, чьи мемуары в «Новом мире» в 1960-е годы имели шумный успех. 1 марта 1944 года он обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову с просьбой о переводе на другой фронт:

«Глубокоуважаемый товарищ Маленков!

Прошу извинить за беспокойство. Был вынужден подать командующему прилагаемый к сему рапорт. Прошу, если сочтете возможным, помочь скорейшему переводу. Более желательно к тов. Попову М. М. (Прибалтийский фронт), с ним я хорошо сработался и дам максимум помощи».

В рапорте «лично командующему войсками первого Белорусского фронта генералу армии Рокоссовскому» говорилось:

«Прошу Вашего ходатайства о моем переводе в другой фронт. Мое пребывание в Вашем подчинении в течение пяти месяцев привело меня к выводу, что оценка моей работы с Вашей стороны — необъективна. К этому выводу я пришел, исходя из следующего. Мой характер не приспособлен к длительному сидению в обороне. Я всегда изыскивал все возможные способы к активным действиям, и неудивительно, что проведенные операции 3 Армии были осуществлены не по Вашему приказу, а моей инициативе, как выпрошенные, и даже с трудом.

Эти операции, предпринимаемые как частные — армейские с дивизиями небольшой численности, имели вначале большой успех, но не подкрепленные Вами вовремя, неизбежно выдыхались в своем дальнейшем развитии. В разговорах накануне операции имели часто место такие выражения с Вашей стороны: „Если будет успех“, „Если Вы будете продвигаться“. Это говорит за то, что Вы не верили в успех, а поэтому не подбрасывали заблаговременно к району наших действий необходимых подкреплений.

Когда же наступление приостанавливалось, Вы всегда бросали мне незаслуженные упреки и искали виновников в 3 Армии, а не во фронте. Ваши обычные обвинения: „упустили момент“, „опустили руки“, „не здраво оценили обстановку“ я считаю незаслуженными, ибо они не подтверждались фактами. <…>

С 3 Армией я прошел большой трудный путь, она завоевала себе определенное место в Красной Армии. С 3 Армией у меня связаны сотни случаев, когда я рисковал жизнью, чтобы добиться скорейшего и полного успеха. Уходить из нее мне очень тяжело, но интересы дела требуют, чтобы я ушел из Вашего подчинения.

Прошу рапорт мой доложить Народному комиссару Обороны.

Командующий войсками 3 Армии Гвардии генерал-лейтенант Горбатов»[9].

В итоге Горбатов и Рокоссовский помирились, и Александр Васильевич остался командовать 3-й армией. В мемуарах Горбатов так рассказал о финале конфликта: «Итак, чтобы избежать напрасных

потерь, мы решили перейти к обороне, но с этим не был согласен командующий фронтом. Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился». О том, что они с Рокоссовским не поделили славу, Александр Васильевич предпочел умолчать. Под словом «Ставка» тут, конечно, подразумевается не Маленков, а Сталин. На этот раз Иосиф Виссарионович решил поддержать Горбатова, чтобы Рокоссовский слишком уж не зазнавался.

Рокоссовский в своих мемуарах намеренно или невольно, из-за аберрации памяти, относит кульминацию своего конфликта с Горбатовым к более раннему времени, чем это было на самом деле, к моменту, когда армия Горбатова еще не форсировала Днепр. Видно, Константину Константиновичу очень не хотелось признавать, что Сталин встал на сторону его подчиненного. Характерно также, что как минимум до марта 1944 года, если верить свидетельству Рокоссовского, Ставка не посвящала командующих фронтами в общий замысел кампании, а командующие фронтами не посвящали в замыслы фронтовых операций командующих армиями. Несомненно, это делалось по приказу Сталина. Иосиф Виссарионович полагал, что каждому генералу совсем не обязательно понимать свой маневр. Главную роль тут играли соображения секретности. Чем больший круг лиц будет посвящен в замысел предстоящего наступления, тем больше вероятность утечки информации к противнику. Вспомним инцидент с майором Рейхелем, начальником штаба одной из немецких дивизий, в июне 1942 года. Тогда у него оказались документы, раскрывающие замысел плана «Блау» — германского генерального наступления на юге. И эти документы попали к командованию Красной армии, поскольку самолет майора по ошибке приземлился на нейтральной полосе, майор был убит, а его портфель захвачен. Но не меньшее значение имело и то, что командарм будет знать: если он наступает на второстепенном направлении только для демонстрации и отвлечения неприятельских сил от направления главного удара, то он, возможно, не будет слишком усерден в проведении наступления и начнет щадить своих людей.

Удивительно, но после столь острого конфликта Рокоссовский и Горбатов сохранили вполне нормальные человеческие отношения и тепло отзывались друг о друге в мемуарах. Александр Васильевич еще долго и успешно служил под началом Константина Константиновича. Такой человек был Рокоссовский, что даже в острой конфликтной ситуации с подчиненными вел себя так, что на него не обижались. Да и сам он никогда не таил обид.

Глава девятая
ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

Войска Рокоссовского по замыслу Ставки должны были сыграть главную роль в освобождении Белоруссии, а потом и Польши. Сталин не разрешил военачальнику стать освободителем Киева, в частности, потому, что имел на него далекоидущие политические виды. По замыслу Верховного главнокомандующего Константину Константиновичу предстояло брать Варшаву, а затем играть видную политическую роль в освобожденной Польше.

Главный удар Белорусский фронт наносил с Лоевского плацдарма за рекой Сож, захваченного 65-й армией. 10 ноября неприятельская оборона была прорвана. Во взаимодействии с 48-й армией 65-я армия освободила Речицу. 61-я армия подходила к Гомелю. 26 ноября под угрозой окружения немцы вынуждены были оставить этот город. Но, в принципе, Гомельско-Речицкая операция Белорусского фронта имела вспомогательный характер. Она призвана была сковать немецкие войска в Белоруссии и не допустить их переброски к Киеву, где главный удар наносил 1-й Украинский фронт. Свою задачу войска Рокоссовского выполнили — враг не смог снять из-под Гомеля ни одной дивизии.

Но в конце ноября немцы перешли под Киевом в контрнаступление, овладев Житомиром. Сталин был крайне обеспокоен и раздражен. Он приказал Рокоссовскому выехать в штаб Ватутина в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке и принять меры к отражению немецкого контрудара. Ватутин боялся, что Рокоссовский прибыл сменить его, и оправдывался, что давно бы

ответил врагу ударом на удар, но опасался потерять Киев и потому предпочитал обороняться. Константин Константинович вынудил его начать активные действия, убедив, что с теми силами и средствами, которые выделены Ставкой в распоряжение 1-го Украинского фронта, бояться нечего. Двух танковых армий и нескольких танковых корпусов для контрудара должно было хватить в избытке.

На следующий день Рокоссовский вернулся на Белорусский фронт. Тут неудача постигла 65-ю армию. Рокоссовский вспоминал: «П. И. Батов, сосредоточив все усилия на своем левом фланге, недоглядел, что враг подтянул крупные силы против правого фланга армии, хотя мы и предупреждали об этом. Спохватился командарм, когда гитлеровцы нанесли сильный удар, смяли слабые части правого фланга и начали выходить в тыл основной группировке войск армии. Решительными мерами, принятыми командованием армии и фронта, угроза была быстро ликвидирована, противник был остановлен и перешел к обороне. Но увлечение командарма легким продвижением войск без достаточной разведки и игнорирование предупреждений штаба фронта о нависшей опасности обошлось дорого: мы потеряли значительную территорию на очень важном для нас паричском направлении. Нужно заметить, что в тот период противник часто практиковал заманивание наших частей, инсценируя свой поспешный отход, с тем чтобы после ударить с флангов. О коварстве фашистов нельзя было забывать ни на минуту».

Об этом неприятном эпизоде вспоминал и сам П. И. Батов:

«95-й корпус должен был наносить удар на Калинковичи из района Новинки — Нахов — Василевичи. Подготовка к наступлению уже заканчивалась. Но в это время позвонил командующий фронтом.

— Куда вы, к черту, летите на правом фланге? Почему там у вас нет хорошего прикрытия? Вы даже оставили предмостное укрепление противника у взорванного железнодорожного моста через Березину у Шацилки.

— Наступление, товарищ командующий, развивается успешно, поэтому и войска идут…

— Куда идут, Павел Иванович? Надо же чувствовать противника. Вы хотите разделить удел самсоновской армии? Он тоже в тысяча девятьсот четырнадцатом году очертя голову рвался вперед и напоролся на контрудар. Разведку плохо ведете. В районах Шацилки, Паричи, Пружинище концентрируются крупные силы врага. Немедленно примите меры к надежному прикрытию правого фланга.

По тону приказа командующего я понял, что мы допустили большой просчет в расстановке сил. Не встречая на правом фланге серьезного сопротивления, оставили там одну 37-ю гвардейскую дивизию. Вместе с ней шла 46-я легкая артиллерийская бригада полковника С. Г. Колесникова.

Срочно стали перегруппировывать силы. Кузовков повел свой корпус на правый фланг. В район Пружинище по решению комкора перебрасывалась 172-я Павлоградская стрелковая дивизия генерал-майора Н. С. Тимофеева, а в направлении Шацилки — 44-я гвардейская дивизия под командованием полковника Н. В. Коркишко.

Усиливая правый фланг двумя дивизиями 95-го корпуса, мы опоздали во времени. Корпус обладал низкой маневренностью, особенно 172-я дивизия. В шутку ее называли „бычьей“. Формировалась она на Украине, и кто-то удосужился дать быков в качестве тягловой силы ее тылам и всей артиллерии. Дивизия медленно тянулась к намеченному рубежу и не успела занять оборону. Противник 20 декабря нанес сильный контрудар с трех направлений. Гитлеровцы сосредоточили против правого фланга 65-й армии три пехотные и две танковые дивизии, подтянутые из Бобруйска и с других участков. Как мы узнали потом, по указанию фронта для усиления нашего правого фланга на правый берег Березины, на рубеж южнее Паричи, выдвигалась 73-я стрелковая дивизия 48-й армии. Однако занять прочную оборону она также не успела. Утром 21 декабря произошел встречный бой этой дивизии с контратакующим противником».

Немцы потрепали 37-ю стрелковую дивизию и 46-ю артиллерийскую бригаду и чуть было не захватили в плен штаб 95-го стрелкового корпуса. Противник к 25 декабря продвинулся на 25–30 километров, прежде чем был остановлен.

24 февраля 1944 года Белорусский фронт был переименован в 1-й Белорусский фронт и Константин Константинович остался его командующим.

9 марта 1944 года Константин Константинович присутствовал на совещании у Сталина в Кремле. На нем также присутствовали члены ГКО и А. И. Антонов. Не исключено, что причиной вызова в Ставку стал конфликт между Рокоссовским и Горбатовым. На этот раз Константин Константинович пробыл в кабинете у Сталина всего полчаса.

В марте Рокоссовский получил задачу наступать в направлении Бобруйск — Барановичи — Варшава, обходя Полесье с севера. Вскоре в 1-й Белорусский был включен и участок, охватывающий Полесье с юга. Теперь на фронте в 900 километров располагалось десять общевойсковых, одна танковая и две воздушные армии, а также три танковых, один механизированный и три кавалерийских корпуса и Днепровская военная флотилия.

Первой крупной операцией, которую провел Рокоссовский в должности командующего новым фронтом, была Рогачевско-Жлобинская. В ходе ее был освобожден город Рогачев и захвачен плацдарм на правом берегу Днепра. Однако достичь значительных успехов и разбить группу армий «Центр» тогда не удалось.

К обороне 1-й Белорусский фронт перешел только 15 апреля 1944 года. До этого он продолжал малорезультативные атаки с целью не допустить переброски немецких войск на Украину, где советские войска должны были добиться решающего успеха. Затем наступила пора предпринять генеральное наступление в Белоруссии. К тому времени «белорусский балкон» был глубоко охвачен с юга и юго-востока. Создавались заманчивые возможности по рассечению и окружению группы армий «Центр». План этой операции, впоследствии получившей название «Багратион», обсуждался на совещании у Сталина 24 апреля 1944 года.

Об этом совещании вскоре стало известно немцам. В книге известного британского военного историка Джона Эриксона «Дорога на Берлин», вышедшей в 1983 году, приведено представленное Рейнхардом Геленом из отдела «Иностранные армии — Восток» в Генштаб 3 мая 1944 года донесение неизвестного агента о том, что в советской Ставке под председательством Сталина обсуждались два варианта летнего советского наступления. Первый предусматривал главный удар в районе Львов — Ковель с одновременной атакой на Варшаву. Согласно второму варианту, который в результате и был принят, главный удар наносился в направлении Балтики, причем в ходе его планировалось овладеть Варшавой, где ожидалось антинемецкое восстание поляков. Вспомогательный же удар планировался южнее, в направлении на Львов. Нетрудно убедиться, что именно так и действовали советские войска летом 1944 года, когда основное наступление — знаменитая операция «Багратион» — привело к разгрому группы армий «Центр» в Белоруссии и Литве и вывело Красную армию к Висле у Варшавы и к балтийскому побережью на подступах к Восточной Пруссии. Вспомогательный же удар на Львов позволил занять Восточную Галицию и овладеть Сандомирским плацдармом за Вислой. Восстание же в Варшаве, как ожидали в Ставке, должна была бы возглавить просоветская Армия людова (Народная армия), которая значительно уступала по численности Армии крайовой (Армии родины), подчинявшейся польскому правительству в изгнании в Лондоне.

Рокоссовский утверждал:

«Стремясь удержаться в Белоруссии, германское командование сосредоточило там крупные силы — группу армий „Центр“, которой командовал генерал-фельдмаршал Буш (одна танковая и три полевые армии); в полосе предстоявшего наступления наших войск действовала также часть правофланговых дивизий 16-й немецкой армии из группы армий „Север“ и танковые дивизии из группы армий „Северная Украина“. Всего на фронте от Сиротино до Ковеля к 23 июня было 63 немецкие дивизии и

3 бригады, общей численностью 1 миллион 200 тысяч человек. Противник имел 9500 орудий и минометов, 900 танков и 1350 самолетов.

Против войск правого крыла нашего фронта оборонялась 9-я немецкая армия, она преграждала нам путь на Бобруйск. 2-я немецкая армия занимала оборону на протяжении 400 километров в Полесье — против центра и левого крыла 1-го Белорусского фронта. На бобруйском направлении, где должны были наступать четыре армии правого крыла нашего фронта (3-я генерал-лейтенанта А. В. Горбатова, 48-я генерал-лейтенанта П. Л. Романенко, 65-я генерал-полковника П. И. Батова и 28-я генерал-лейтенанта А. А. Лучинского), у противника было 131 тысяча человек, 5137 пулеметов, около 2500 орудий и минометов, 356 танков и самоходных установок. Вражеские войска прикрывались с воздуха 700 самолетами. Кроме тактических резервов противник на брестском и ковельском направлениях имел оперативные резервы — до десяти пехотных дивизий. Следовательно, против нашего фронта располагалась мощная фашистская группировка».

Рокоссовский предложил нанести не один, а два главных удара на своем фронте. Константин Константинович вспоминал:

«Изучение местности и состояния вражеской обороны убедило в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева на Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнее течение Березины, Озаричи в общем направлении на Слуцк. Причем оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредоточиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было.

Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла сосредоточить там в начале наступления силы только 3-й армии и лишь частично 48-й. Если этой группировке не помочь ударом на другом участке, противник мог бы не допустить здесь прорыва его обороны, у него осталась бы возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей. Два же главных удара решали все проблемы: в сражение одновременно вводилась основная группировка войск правого крыла фронта, что было недостижимо на одном участке из-за его сравнительной ограниченности; противник терял реальные возможности маневра; успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих участков, ставил немецкие войска в тяжелое положение, а нашему фронту обеспечивал энергичное развитие наступления.

К этому необходимо добавить, что правый фланг 3-й армии упирался в район, занимаемый противником не только по западному, но и по восточному берегу Днепра. Это вынуждало нас принять надлежащие меры для обеспечения правого фланга армии и фронта. Удар 65-й и 28-й армий на левом берегу Березины в направлении Бобруйск, Осиповичи лишал противника возможности перебросить свои силы с этого участка против 3-й армии, и наоборот. Ударами на двух направлениях вводилась в сражение одновременно основная группировка сил правого крыла фронта, чего нельзя было достигнуть ударом на одном участке из-за его сравнительной ограниченности. Кроме того, успех, достигнутый на любом из этих участков, ставил противника в тяжелое положение, а войскам фронта обеспечивал успешное развитие операции.

На совещании в Ставке для каждого фронта были установлены сроки наступления, определены силы и средства, а также время их поступления. Большое значение придавалось организации тесного взаимодействия между фронтами, в особенности между 3-м (командующий генерал-полковник И. Д. Черняховский) и 1-м Белорусским, на которые Ставка возлагала основные задачи. Войска этих фронтов должны были быстро продвинуться на запад и сомкнуться своими флангами западнее Минска, чтобы затем уничтожить окруженную вражескую группировку.

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район

Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого „продумывания“ приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха».

Память немного подвела Константина Константиновича. Это памятное заседание в кремлевском кабинете Сталина происходило 26 мая 1944 года. На нем присутствовали члены ГКО, А. М. Василевский, А. И. Антонов, С. М. Штеменко, командующие всеми фронтами, которым предстояло участвовать в операции «Багратион», а также Л. 3. Мехлис и командующие родами войск. На этом совещании был утвержден окончательный план операции. Ее предполагалось начать 19 июня, но, как всегда, не успели с сосредоточением войск и запасов. Поэтому разведка боем была осуществлена 22 июня, а общее наступление началось 23 июня.

Перед этим, 25 мая, у Сталина, судя по составу приглашенных, также обсуждался план операции «Багратион», только Рокоссовского на этом совещании не было. На нем присутствовали, кроме членов ГКО, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, С. М. Штеменко, командующие родами войск Н. Н. Воронов (командующий артиллерией РККА), Н. Д. Яковлев (начальник ГАУ РККА), Я. Н. Федоренко (командующий бронетанковыми и механизированными войсками РККА), А. А. Новиков (командующий ВВС РККА), а также начальник ГлавПУРа А. С. Щербаков. Очевидно, «Багратион» в первый день обсудили на уровне Генштаба и командующих родов войск, прежде всего с точки зрения того, какие силы и средства могут потребоваться для проведения операции. Во второй же день вместе с командующими фронтами решали вопросы о задачах фронтов и армий, в том числе направления ударов и предполагаемое продвижение по дням операции. А 22 и 23 мая Сталин принимал не высокопоставленных советских военных, а Ванду Василевскую, Тадеуша Василевского, Казимира Сидора, Яна Стефана Моравского (Галимана), Мариана Спыхальского и других лидеров просоветского Союза польских патриотов и Крайовой рады народовой. Накануне, 21 мая, Сталин встречался с Зигмунтом Берлингом, будущим командующим 1-й армией Войска польского. Очевидно, эти встречи укрепили у Сталина преувеличенные представления о силе польских коммунистов и их способности возглавить восстание в Варшаве при подходе к польской столице советских войск.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Эрнст Буш всерьез опасался, что растянутый фронт его войск не выдержит нового мощного советского удара. Поэтому он 20 мая при посещении Ставки попросил разрешить отвести войска к Днепру или даже Березине, что позволило бы сократить фронт более чем на 200 километров и уплотнить боевые порядки обороняющихся. Однако Гитлер отверг это предложение. Фюрер понимал, что в ближайшие недели должны последовать как высадка союзников во Франции, так и новое большое наступление Красной армии. Отвод к Днепру не предотвращал угрозу окружения группы армий «Центр» и не решал проблемы кардинальным образом, тем более что наиболее боеспособные танковые дивизии пришлось перебросить на Запад. Там у Гитлера еще теплилась надежда, что при высадке удастся нанести поражение англо-американским войскам и сбросить их в море.

Теоретически Гитлер мог бы предотвратить разгром вермахта в Белоруссии, если бы еще в мае санкционировал отход группы армий «Центр». Однако отходить пришлось бы не к Березине, а минимум к Бугу, а то и к Висле. В этом случае Красная армия уже к началу июня могла оказаться у границ Германии. Но Гитлер боролся уже не за победу, а только за выигрыш времени, надеясь либо на раскол противостоящей ему коалиции, либо на изобретение «чудо-оружия», способного коренным образом изменить ход войны. А для выигрыша времени необходимо было удерживать территорию. С точки зрения выигрыша времени, даже потеря значительных немецких сил в Белоруссии оправдывалась, поскольку тем самым продвижение Красной армии к границам рейха было задержано хотя бы на полтора-два месяца и появлялся хоть какой-то шанс отразить высадку союзников. Поэтому Гитлер запретил отход немецких войск и, несмотря на риск окружения, решил обороняться на прежних рубежах.

Единственная надежд группы армий «Центр» заключалась в танковом корпусе СС, который дислоцировался в Польше. Его дивизии могли бы нанести контрудар по советским войскам в случае их наступления как на Ковельском и Львовско-Сандомирском направлении, так и в Белоруссии. Это задержало бы продвижение наступающих и дало бы шанс хотя бы части войск группы армий «Центр» избежать гибели. В середине июня корпус СС должен был провести широкомасштабную разведку боем под Ковелем. Однако уже 11 июня, через пять дней после высадки союзников в Нормандии, когда стало ясно, что сбросить их в море не удастся и бои принимают затяжной характер, три танковые дивизии СС отправились во Францию. Здесь они понесли большие потери от англо-американской авиации, но помогли стабилизировать фронт до конца июля. Помочь же группе армий «Центр» было уже нечем.

Согласно плану операции «Багратион», четыре армии правого крыла 1-го Белорусского фронта должны были окружить и уничтожить Бобруйскую группировку, овладеть городами Бобруйск, Глуша, Глуск, а затем наступать на Бобруйско-Минском и Бобруйско-Барановичском направлениях. Войска левого крыла переходили в наступление только после окружения немецких войск в районе Минска и выхода войск правого крыла на рубеж Барановичей.

П. И. Батов вспоминал:

«Во второй половине мая командующий фронтом вызвал в Гомель на Военный совет всех командармов. Он сделал короткий доклад. Операция под кодированным названием „Багратион", говорил К. К. Рокоссовский, планируется Ставкой Верховного Главнокомандования как один из основных ударов на советско-германском фронте. В ней примут участие 1-й Прибалтийский фронт на Витебском направлении, 3-й Белорусский — на Оршанском, 2-й Белорусский — на Могилевском и 1-й Белорусский — на Бобруйском направлениях.

Данные о соотношении сил в масштабе всей операции: по пехоте на нашей стороне двукратное превосходство, а по технике — в три-четыре раза. Танков и самоходных установок свыше 5 тысяч, самолетов — 5 тысяч, орудий и минометов — 31 000 против 10 000, которыми располагал противник.

Рокоссовский сообщил, что Ставка поручила координировать действия фронтов маршалам А. М. Василевскому и Г. К. Жукову.

Войскам фронта ставилась задача: правым крылом разгромить вражескую группировку в районе Бобруйска и выйти на линию Пуховичи — Слуцк — Осиповичи; левым крылом сковать противника и готовиться к наступлению на люблинском направлении. Перед фронтом нашей ударной группировки немцы имели 14 дивизий 9-й армии, 2600 орудий и 110 танков.

Решение командующего: прорвать немецкую оборону двумя ударными группировками, действующими по сходящимся направлениям. С севера на Бобруйск, Осиповичи наступают две армии — 3-я и 48-я, в прорыв входит танковый корпус Бахарева. С юго-запада наносят удар на Осиповичи 65-я и 28-я армии и конно-механизированная группа И. А. Плиева, в прорыв вводится Донской танковый корпус (наш неизменный и верный соратник!) и вместе с танкистами генерала Бахарева перерезает пути отхода противника на запад».

Рокоссовский боролся против бессудных расстрелов. Вот замечательный документ, доказывающий это, — директива, изданная 27 мая 1944 года военным советом 1-го Белорусского фронта в связи с вопиющими случаями самоуправства командиров всех уровней, повлекшими за собой трагические последствия. Она появилась сразу после окончательного утверждения плана операции «Багратион».

Директива гласила:

«Командир 12-й дивизии нашего фронта полковник Гавилевский в ходе последних боев без обстоятельного разбора дела, без суда расстрелял командира батальона майора Дурнова. Майор Дурнов был награжден за время войны орденами Суворова 3 степени, Красного Знамени и Красной Звезды и характеризуется как храбрый и грамотный офицер. Этот позорный для фронта случай не

единичен. Военный Совет фронта решительно осудил действия Гавилевского и предал его суду Военного трибунала.

Некоторые офицеры, даже из состава высшего комсостава, до сих пор не понимают того, что самочинным расстрелом, самоуправством, грубым нарушением закона они не укрепляют воинскую дисциплину, а наоборот, подрывают ее, что такие действия не поднимают авторитет командира в глазах подчиненных, а наоборот, подрывают его авторитет, дискредитируют и позорят командиров, допускающих эти факты.

Совершенно недопустимым является также, что вышестоящие командиры в армиях, соединениях и частях недостаточно борются с фактами самочинных расправ, не предупреждают такие случаи.

Партийные и политические органы в частях, соединениях и армиях также не ведут борьбы с этими позорными явлениями.

Военный Совет фронта требует от всех генералов, офицеров и политработников искоренить случаи самочинных расстрелов без суда и другие факты произвола в отношениях между военнослужащими.

Военным Советам армий, командирам соединений и частей разъяснить и потребовать от офицеров строгого соблюдения уставных положений о порядке служебных взаимоотношений командира с подчиненными.

Напомнить офицерам и командирам частей, что применение оружия допустимо только в крайних случаях, предусмотренных приказом Наркома Обороны № 227 (строго говоря, этот приказ не слишком точно трактовал обстоятельства, при которых командир мог применять оружие по отношению к подчиненным; там только утверждалось: „Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины“. — *Б.* С.), лишь в сложной боевой обстановке и только в целях обеспечения и понуждения к выполнению боевой задачи.

Командирам и политорганам, не оставляя ни одного случая самочинного расстрела без тщательного расследования, всемерно предупреждая эти факты и донося немедленно о них Военному Совету фронта.

Прокурору фронта направить работу военных прокуроров на искоренение случаев самоуправства в войсках, привлечения виновных к судебной ответственности».

За директивой последовало специальное письмо о самочинных расстрелах члена военного совета 1-го Белорусского фронта Н. А. Булганина, адресованное Г. М. Маленкову. Там отмечалось: «…Военная прокуратура собрала данные о фактах самочинных расстрелов на фронте. Установлено, что за время с 1 января по 1 мая 1944 года было 30 случаев самочинных расстрелов, из них: по 3 Армии — 1, по 70–4, по 47–5, по 48–6, по 65–6, по 69–8».

Факты сводились к следующему:

«1.6 апреля 1944 года на наблюдательном пункте 132 дивизии полковника Гавилевского был расстрелян командир 2 стрелкового батальона 498 стрелкового полка майор Дурнов при следующих обстоятельствах:

2 стрелковый батальон 498 сп 6. IV—44 г. занимал оборону. Его соседи были: справа — 1 сб 498 сп и слева — 1 сб 712 сп. В 16 час. 30 мин. 6. IV противник, после артиллерийской подготовки перешел в наступление на участке первого батальона 498 сп и первого батальона 712 сп. В результате предпринятого наступления оба батальона были сбиты со своих рубежей и в беспорядке стали отступать, что же касается 2-го батальона 498 сп, которым командовал майор Дурнов, то последний прочно удерживал свой рубеж. Все атаки на участке этого батальона были отбиты.

Не имея связи с полком и соседями в течение полутора часов и незнания вследствие этого обстановки, майор Дурнов принял решение направиться лично на КП полка для уточнения обстановки и доклада. Командование батальоном переложил на своего заместителя по строевой части майора Сорокина.

Противник, воспользовавшись отходом первого батальона 498 сп и первого батальона 712 сп, прикрывавших фланги 2-го батальона, по уходе Дурнова, не знавшего обстановки, отрезал батальон от остальных сил полка и дивизии, вследствие чего Дурнов в свой батальон возвратиться не смог.

Начальник дивизионной разведки майор Скворцов в 19.00 по радио доложил командиру дивизии Гавилевскому обстановку, сообщив при этом, что 2-й батальон оказался в окружении, а командир батальона майор Дурнов — в расположении 1-го батальона.

Полковник Гавилевский, не зная обстановки и причины нахождения майора Дурнова в 1 батальоне, приказал по радио майору Скворцову немедленно майора Дурнова за трусость и паникерство расстрелять. Но так как майор Дурнов был на КП командира полка, Скворцов приказание командира дивизии не выполнил, о чем и доложил полковнику Гавилевскому.

Гавилевский передал свое приказание о расстреле майора Дурнова командиру полка Чижевскому.

Командир полка Чижевский не выполнил этого приказа и отправил майора Дурнова в дивизию.

В дивизию майор Дурнов прибыл около 20.00 часов и пытался доложить командиру дивизии Гавилевскому обстановку и просил в ней разобраться. Гавилевский отказался выслушать доклад майора Дурнова и приказал сержанту комендантского взвода Харлову, а также своему адъютанту старшему лейтенанту Телегину майора Дурнова расстрелять. Дурнов был расстрелян.

Перед расстрелом Дурнов просил снять с него ордена. Дурнов был награжден тремя орденами: Красной Звезды, Красного Знамени и Орден Суворова 3 степени. Однако в этом ему было отказано.

Командир дивизии Гавилевский Военным Советом отстранен от должности и предан суду.

2. 3 апреля с. г. командир взвода противотанковых ружей 339 отдельного истребительно-противотанкового дивизиона младший лейтенант Свириденко, будучи на огневых позициях, организовал вместе со своими подчиненными пьянку. Во время выпивки противник обстрелял боевые порядки артогнем.

Младший лейтенант Свириденко приказал ефрейтору Иванову, участвовавшему в этой пьянке, занять огневые позиции. Иванов, будучи пьяным, не в состоянии был выполнить приказ Свириденко. Тогда Свириденко его расстрелял.

Приговором Военного трибунала Свириденко осужден к 8 годам лишения свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК, т. е. с посылкой на фронт в штрафные части.

3. В ночь на 12 апреля с. г. рядовой 2 роты 1-го стрелкового батальона 110 гвардейского стрелкового полка 38 гвардейской дивизии Каджиев был обнаружен спящим на посту. Командир роты лейтенант Кубышко, узнав об этом, вызвал к себе Каджиева и, установив, что Каджиев действительно спал на посту, принял решение расстрелять Каджиева перед строем и тут же свое решение выполнил.

Приговором Военного трибунала Кубышко осужден к 7 годам лишения свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК, т. е. с посылкой на фронт в штрафные части.

4. 3 апреля с. г. старшина хозвзвода 2 батальона 113 гвардейского стрелкового полка 38 гвардейской стрелковой дивизии Демидкин, следуя на передовые позиции, обнаружил на лесной тропинке отдыхающего бойца с перевязанной головой. Демидкин решил проверить, действительно ли этот боец ранен. Когда боец снял с головы повязку, Демидкин установил, что никакого ранения головы нет. Тут же Демидкин этого бойца расстрелял.

Приговором Военного трибунала Демидкин осужден к 8 годам лишения свободы с примечанием ст. 28 УК с направлением в штрафные части на фронт.

5. 15 апреля с. г. связисты 1 стрелкового батальона 1297 стрелкового полка 160 стрелковой дивизии под командованием помкомвзвода связи Козлова работали по проводке телефонной линии. Козлов почувствовал себя больным и ушел на хутор отдыхать, оставив своих подчиненных на работе. На хутор приехал заместитель командира батальона старший лейтенант Татаринцев и, обнаружив Козлова спящим, стал его избивать, а затем выстрелом из пистолета убил Козлова. Татаринцев был пьян.

Татаринцев предан суду Военного трибунала.

6. 8 января с. г. помощник начальника штаба 4 отдельного стрелкового батальона 115 отдельной стрелковой бригады старший лейтенант Смурников получил от начальника штаба бригады майора Шехтера приказание выяснить, почему в 1 стрелковую роту не доставляются боеприпасы. Смурников отправился в тыл батальона и установил, что старшина 1 роты Бочкарев напился пьяным и заснул в блиндаже и что поэтому доставка боеприпасов в роту не организована. Смурников вызвал Бочкарева к себе и из пистолета застрелил его.

Смурников предан суду.

7. Заместитель командира 220 сп 4 сд по политчасти майор Грищенко 1 февраля с. г. двумя выстрелами из пистолета убил старшину хозвзвода 2 батальона 101 сп Банных. Грищенко был пьян. Занимаясь размещением штаба полка, он выгонял несколько раз Банных из одного дома в другой. Когда Банных пришел за своими вещами, Грищенко обругал его и вытолкнул в сени, а затем взял у своего ординарца пистолет и двумя выстрелами убил Банных.

Грищенко осужден.

8. 5 февраля с. г. заместитель командира 2 батальона 471 сп 73 сд старший лейтенант Мойса по приказанию командира батальона старшего лейтенанта Садыкова расстрелял тяжело раненного на поле боя командира 4 роты того же полка лейтенанта Шевченко, который был заподозрен в трусости. Расследованием установлено, что никакой трусости Шевченко не проявил.

Садыков осужден.

9. 6 февраля с. г. командир 307 сд генерал-майор Еншин на своем НП лично расстрелял и. о. начальника артиллерии 1019 сп капитана Баранкова. На Еншина наложено административное взыскание Военным Советом армии.

10. В феврале с. г. и в марте с. г. в 188 отдельной штрафной роте имели три случая незаконного расстрела красноармейцев штрафников командиром роты лейтенантом Каштановым. Были расстреляны три бойца за то, что они отстали от роты в момент марша на исходные позиции.

Каштанов предан суду Военного трибунала.

11. 9 января помощник начальника 1-го отделения штаба 60 Севской стрелковой дивизии майор Демченко расстрелял командира 2 минометной роты 2 стрелкового батальона 1481 сп старшего лейтенанта Куц. Обстоятельства расстрела таковы.

Куц в состоянии сильного опьянения явился к командиру полка майору Штептеву для получения боевой задачи. Вместо того, чтобы отстранить его от командования ротой, ему было приказано отправиться в подразделение для выполнения боевой задачи. Вместо управления огнем минометных батарей, Куц оказался в лесу в тылу боевых порядков своей роты и боем не управлял. В лесу его обнаружил майор Демченко. Связавшись с командиром 60 сд полковником Богоявленским, майор Демченко доложил ему о поведении Куц. Полковник Богоявленский отдал приказание расстрелять Куц. Последний был расстрелян.

12. 21 января с. г. командир 372 сп 218 сд подполковник Рябов расстрелял командира пулеметной роты 2 батальона лейтенанта Митрофанова. Когда подполковник Рябов явился в роту для проверки боевой готовности подразделения, он застал людей, в том числе и Митрофанова, спящими, боевое охранение отсутствовало, пулеметы не охранялись, командиры взводов на местах не оказались. Рябов пытался разбудить Митрофанова, но последний не вставал. Двумя выстрелами в упор Рябов расстрелял Митрофанова (подполковник, кажется, даже не удосужился разбудить свою жертву. — *Б. С.).*

22 января сам Рябов был тяжело ранен и на самолете эвакуирован в тыл.

Приведенные факты показывают, что самоуправства и самочинные расстрелы приняли распространенный характер. В целях решительной борьбы с этими позорными фактами Военный Совет фронта издал прилагаемую директиву.

Соответственно ориентированы на предупреждение этих преступных случаев политорганы и члены военных советов армий».

Бросается в глаза повышенная концентрация самочинных расстрелов в штрафных частях — в одной только роте расстреляли трех из тридцати жертв по всему 1-му Белорусскому фронту.

Генералы в штрафные части не попадали, расстреливали их крайне редко и почти исключительно в 1941 году. Проступки, за которые лейтенанты и капитаны прямиком шагали в штрафбат, для высших офицеров часто заканчивались всего лишь выговором или снятием с должности.

Вот еще один самочинный расстрел, имевший совсем иной исход, чем перечисленные выше, только потому, что его фигурантом был генерал, да еще пользовавшийся покровительством самого Жукова. По этому поводу начальник Главного управления кадров Красной армии генерал-полковник Ф. И. Голиков писал секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову 30 апреля 1944 года: «Маршал Советского Союза тов. Жуков (шифровкой № 117 396 от 28 апреля с. г.) донес на имя Народного комиссара обороны Маршала Советского Союза тов. Сталина о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониным начальника 237 стрелковой дивизии майора Андреева. Представляю Вам по этому вопросу копию моего доклада на имя тов. Сталина».

Голиков сообщал Сталину днем раньше, 29 апреля:

«Маршал Жуков Вам донес о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониным начальника Разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева (корпус Афонина входил в 1-й Украинский фронт, которым командовал Жуков. — *Б. С.).*

Несмотря на то, что этот самочинный расстрел был совершен 12 апреля с. г., донесение было сделано только 28 апреля, т. е. через 16 суток.

Вопреки ходатайства маршала Жукова — не предавать Афонина суду Военного трибунала, а ограничиться мерами общественного и партийного воздействия, я очень прошу Вас предать Афонина суду.

Если, вопреки всем уставам, приказам Верховного Главнокомандования и принципам Красной Армии, генерал Афонин считает для себя допустимым ударить советского офицера, то едва ли он вправе рассчитывать на то, что каждый офицер Красной Армии (а тем более боевой) может остаться после такого физического и морального оскорбления и потрясения в рамках дисциплины, столь безобразно и легко нарушенной самим генералом.

К тому же после убийства Андреева едва ли можно принять на веру ссылку генерала Афонина на то, что Андреев пытался нанести повторный удар и вел себя дерзко. Что же касается положительных качеств генерала Афонина, из-за которых маршал Жуков просит последнего не судить, то генерал-полковник Черняховский дал мне на днях на Афонина следующую характеристику (устно): легковесный, высокомерный барин, нетерпимый в обращении с людьми; артиллерии не знает и взаимодействия на поле боя организовать не может; не учится; хвастун, человек трескучей фразы.

Тов. Черняховский (командующий 60-й армией, в которую входил корпус Афонина. — *Б. С.)* (по его словам) все это высказывал об Афонине лично маршалу Жукову.

У маршала Жукова Афонин работал порученцем в начале 1943 года и в штабе группы на Халхин-Голе»[10].

Интересно, что в своих мемуарах Георгий Константинович Жуков дал Ивану Михайловичу Афонину совсем иную характеристику. Вспоминая бои у Халхин-Гола, он писал: «Перед рассветом 3 июля (1939 года. — *Б. С.*) старший советник монгольской армии полковник И. М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силе, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган. Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками… и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в связи с неорганизованным отходом 6-й монгольской кавдивизии в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск».

Здесь Иван Михайлович предстает толковым командиром, способным правильно оценить обстановку. И не подумаешь, что это высокомерный человек, не способный организовать управление войсками, зато способный ни за что ударить или даже пристрелить подчиненного. Из письма Голикова картина происшествия проясняется: Афонин за что-то съездил по морде Андрееву, майор не стерпел и дал сдачи. Тут бравый генерал, видно, понял, что в рукопашной здоровяка разведчика ему не одолеть, схватил револьвер и пристрелил на месте строптивца.

Жуков заступался за Афонина, возможно, еще и потому, что незадолго до того, в марте 1944-го, на 1-м Украинском фронте, который он принял после ранения Ватутина, у него был точно такой же инцидент, к счастью, закончившийся не столь трагически. Начальник инженерных войск фронта генерал Б. В. Благославов вспоминал, как Жуков, только вступив в командование, собрал командиров ночью на совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвертых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непереводимые русские выражения и ко всем обращался исключительно на «ты», хотя на брудершафт прежде ни с кем не пил. Благославов Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузер. Благославов в ответ схватился за парабеллум. Возникла неловкая пауза. Благославов напомнил Жукову, что ждет его выстрела. Это был не просто генерал, но генерал инженерных войск, человек куда более образованный, чем обычный пехотный генерал, и имевший хорошо развитое чувство собственного достоинства.

Но дуэль не состоялась. Жуков сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не погладят. Это ведь не какой-нибудь командир полка или даже дивизии. Георгий Константинович убрал маузер в кобуру и пообещал, что расправится с Благославовым. Однако у Жукова не дошли руки до строптивого генерала, возможно, единственного в Красной армии (другие и не такое сносили молча). Видно, пределы его власти не распространялись на бессудное снятие с должности командующих армиями и им соответствующих во фронтовом звене. Благославов благополучно закончил войну на прежней должности на 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского, с которым у него сложились прекрасные отношения, и участвовал в качестве знаменосца в знаменитом Параде Победы 24 июня 1945 года в Москве. Для чинов же пониже, вроде майора Андреева, подобное «сопротивление злу насилием» обычно оканчивалось гибелью.

Благополучно довоевал до конца войны и И. М. Афонин, которого Жуков спас от трибунала. Иван Михайлович закончил войну в Праге генерал-лейтенантом, Героем Советского Союза, командиром 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Он даже вошел в историю, пленив 19 августа 1945 года в Мукдене императора Маньчжоу-Го Пу И. В день Парада Победы на Красной площади генерал-лейтенант Афонин командовал сводным полком 2-го Украинского фронта.

Немецкие мемуаристы и историки оценивают разгром группы армий «Центр» в Белоруссии как одно из наиболее катастрофических событий в истории германского Восточного фронта. Бывший командующий немецкой 4-й армией генерал Курт Типпельскирх вспоминал:

«На фронте группы армий „Центр“ намерения противника стали выясняться примерно к 10 июня. Именно здесь, где немецкое командование меньше всего ожидало наступления, стали появляться, очевидно, признаки крупных приготовлений русских. Радиоразведка сообщала о новых армиях; авиация отмечала усиление железнодорожных перевозок и интенсивное движение на шоссейных дорогах. Как всегда отлично работавшие дивизионы АИР установили, что на ряде участков фронта немецкой группы армий начали пристрелку крупные силы переброшенной сюда русской артиллерии. Пленные сообщали о появлении в тылу противника „ударных частей“. На так называемых „оборонительных участках“, удерживавшихся до сих пор менее боеспособными частями, отмечалась смена последних сильными соединениями. Прошло еще несколько дней, и для командования группы армий „Центр“ стало совершенно очевидным, что противник развертывает на этом фронте крупные силы. Кроме того, стали отчетливо вырисовываться направления предстоящих ударов на Бобруйск, Могилев, Оршу и Витебск.

Полученная в результате сопоставления самых разнообразных наблюдений картина приготовлений противника была настолько определенной и ясной, что для предположения о возможности имитаций и ввода в заблуждение совершенно не оставалось места. 14 июня у начальника Генерального штаба сухопутных сил состоялось совещание с участием всех начальников штабов армейских групп и армий. В то время как начальники штабов группы армий „Север“ и обеих южных групп единодушно сообщали о том, что на их фронте нет никаких признаков подготовки ожидавшегося в скором времени наступления русских, начальники штабов армий группы „Центр“ столь же единодушно указывали на уже почти завершенное развертывание крупных русских сил перед фронтом их армий. Однако в Генеральном штабе сухопутных сил у Гитлера настолько глубоко укоренилось — чему в немалой степени содействовала категорическая точка зрения Моделя, возглавлявшего фронт в Галиции, — предвзятое мнение о наибольшей вероятности русского наступления на фронте группы армий „Северная Украина“, что отказаться от него они уже не могли».

На самом деле, как мы уже убедились, Гитлер еще с начала мая знал, что Красная армия собирается нанести главный удар в Белоруссии с задачей выйти к границам Восточной Пруссии, вспомогательный удар — на Львовско-Сандомирском направлении с одновременным антинемецким восстанием в Варшаве. Об этом свидетельствовало донесение, поступившее из надежного источника за линией фронта. Но фюрер не мог прямо сказать, что после высадки союзников в Нормандии, когда пришлось единственный резерв Восточного фронта — танковый корпус СС — перебрасывать из Польши во Францию, куда отправилась и большая часть люфтваффе, не остается ничего другого, как принести группу армий «Центр» в жертву. Дело было именно в обшей обстановке на Восточном фронте и шире — в общем стратегическом положении Германии, теснимой со всех сторон. В любом случае, 14 июня чем-либо помочь группе армий «Центр» Гитлер уже не мог: все резервы сухопутных войск и главные силы истребительной авиации были брошены для отражения высадки в Нормандии.

В отечественной историографии давно сложилось представление о высадке в Нормандии и последующем наступлении союзников до Эльбы как чуть ли не о легкой прогулке, тогда как основная мощь вермахта продолжала оставаться на советско-германском фронте, который и сыграл решающую роль в крахе Германии во Второй мировой войне. При этом забываются многие факты, хорошо известные специалистам, но часто неведомые широкой публике. Так, и немецкие, и западные полководцы, в том числе Монтгомери и Эйзенхауэр, справедливо отмечают, что на Западном фронте плотность германских войск, вооружений и техники была в два с половиной раза больше, чем на Восточном фронте, что осложняло задачу союзников. Кроме того, в распоряжении немцев на Западе были пусть и незавершенные, но состоящие из долговременных укреплений Атлантический вал и линия Зигфрида, тогда как на Востоке подобные укрепления имелись только в Восточной Пруссии. Кроме того, против высадившихся в Нормандии союзников сразу же сражались отборные германские войска: танковый корпус СС, танковая группа «Запад», состоявшая из учебных танковых частей (позднее 5-я танковая армия), парашютно-десантная армия и др. Всего за два месяца боев в Нормандии, с 6 июня по 11 августа 1944 года, американские, британские и канадские войска

потеряли около 170 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Немцы за этот период, по разным оценкам, потеряли от 200 до 300 тысяч человек.

6 июня 1944 года, в «день Д», на Западе дислоцировалось 288 немецких истребителей, а на Востоке — 550. Еще 250 истребителей находились в Средиземноморье, на Балканах и в Норвегии, а 1179 машин входили в систему ПВО рейха, сражавшуюся почти исключительно с англо-американской авиацией. 22 июня, в день начала советского наступления в Белоруссии, на Восточном фронте остался только 441 истребитель, на Западном их стало 704, на других театрах — 338, а в ПВО Германии — 538. Как отмечают немецкие мемуаристы, именно полное отсутствие в воздухе люфтваффе привело к столь быстрому разгрому группы армий «Центр», усугубленному подавляющим превосходством советских войск в танках. У нас любят напоминать, что союзники в Нормандии имели чуть ли не десятикратное превосходство в авиации и трехкратное — в танках. При этом, правда, забывают, что первые недели боев самолетам союзников приходилось базироваться за Ла-Маншем и перебои с поставками горючего и боеприпасов серьезно уменьшали их перевес.

Именно открытие второго фронта резко повысило германские потери не только на Западе, но и в России. Любимый сталинский писатель Константин Симонов на склоне жизни, в комментариях к своим военным дневникам, признавал: «Решительный перелом в соотношении между потерями и результатами боев… наступает летом 1944 года». До этого, исключая Сталинград, Красная армия брала в плен только тысячи немцев (больше всего, 12 тысяч — в Корсунь-Шевченковском котле в феврале 1944 года). После же высадки в Нормандии было захвачено более 50 тысяч пленных в Белоруссии в июле 1944 года и 180 тысяч пленных в Ясско-Кишиневском котле в августе того же года. Можно смело утверждать, что именно открытие Западного фронта, куда была отвлечена треть германских сухопутных сил, сыграло решающую роль в советских успехах последнего года войны. В этот период Восточный фронт практически лишился немецкой авиации и каких-либо резервов, которые позволили бы минимизировать последствия советских ударов.

Типпельскирх полагал:

«Фактически группа армий „Центр“ после передачи 4-й танковой армии в районе Ковеля одного корпуса, в котором еще со времени деблокады этого города находилась большая часть ее танков и значительное количество войск, располагала для обороны своего 1100-километрового фронта лишь 38 дивизиями, из которых использовались 34. Только три пехотные дивизии, в том числе одна почти не боеспособная, и одна танковая дивизия находились в резерве. Так как противник, по всей вероятности, намеревался атаковать одновременно все армии группы, за исключением, пожалуй, 2-й армии, командование группы не могло рассчитывать, как это имело место предыдущей зимой, на то, что путем быстрой переброски дивизий с неатакованных участков фронта удастся организовать надежную оборону в угрожаемых пунктах. В течение ряда месяцев командующие армиями безуспешно ходатайствовали перед командованием группы, а последние — перед Гитлером о разрешении произвести сокращение линии фронта. По Днепру, обрывистый западный берег которого на значительном расстоянии был танконедоступным, 4-я армия с осени 1943 года оборудовала между Быховом и Оршей оборонительный рубеж. Кроме того, на протяжении ряда месяцев вопреки воле Гитлера и с молчаливого согласия командования группы армий велось оборудование еще одного рубежа вдоль Березины. Эвакуация сохранявшегося плацдарма на Днепре сделала бы значительную часть фронта армии почти неприступной и привела бы одновременно к немалой экономии сил. Еще более действенным явилось бы хорошо подготовленное, предпринятое непосредственно перед началом русского наступления отведение войск на рубеж Бобруйск — Полоцк, благодаря чему был бы создан прямой, значительно укороченный фронт, а развертывание сил противника сразу было бы лишено всякого эффекта.

Командующий группой армий „Центр“ фельдмаршал Буш не смог отстоять свою точку зрения перед Гитлером. Предпринятая им еще в конце мая попытка указать на несоответствие между протяженностью линии фронта и численностью войск и добиться изменения задачи группы армий, обязывавшей удерживать и оборонять занимаемый рубеж, встретила резкое противодействие. Гитлер цинично спросил Буша, не принадлежит ли он к числу тех генералов, что постоянно оглядываются назад. После этого Буш покорился воле Гитлера и приступил к выполнению приказа последнего бросить все силы на оборудование передовых рубежей. Не желая, по-видимому, нарваться на новые

неприятности, Буш не возобновлял больше попыток добиться другого решения, пока к середине июня не стали вполне определенными масштабы приготовлений противника на фронте этой группы армий. Вероятно, все-таки командование не предполагало, что противник предпримет здесь наступление большими силами и с такими широкими целями, как это выяснилось несколькими днями позже, и поэтому собственные шансы на оборону были явно переоценены. Последняя неопределенность относительно сроков начала наступления рассеялась 20 июня, когда партизанами были предприняты крупные диверсии на железных дорогах Пинск — Лунинец, Борисов — Орша и Молодечно — Полоцк, то есть как раз на коммуникациях группы армий „Центр“».

Однако при том превосходстве в силах, каким обладала Красная армия при проведении операции «Багратион», даже отвод основных сил группы армий «Центр» на рубеж Днепра не мог спасти положение, точно так же как впоследствии даже своевременный отход гарнизонов из «крепостей» Могилев, Витебск и Бобруйск не спасал их от конечного уничтожения. Вся разница была бы только в размере и местоположении «котлов».

Спасти группу армий «Центр» от уничтожения мог только заблаговременный, за несколько недель до советского наступления, отход на линию Буга с одновременным отступлением группы армий «Север» к Риге или даже к границе Восточной Пруссии. Но такой вариант был для Гитлера абсолютно неприемлем. Ведь в таком случае уже к моменту высадки союзников в Нормандии советские войска стояли бы у границ Германии и оккупированной немцами Польши. Ценой гибели основных сил группы армий «Центр» это неприятное событие удалось отсрочить на пару месяцев.

Типпельскирх так описал начало советского наступления:

«Между 21 и 23 июня четыре русских фронта начали наступление по обе стороны Витебска, на Оршу и Могилев, а также севернее и южнее Бобруйска с целью сокрушить оборону группы армий „Центр“. Русский метод ведения наступления со времени последних наступательных операций стал еще более совершенным. Правда, разведка боем накануне наступления сохранилась, но собственно наступлению теперь предшествовал гораздо более интенсивный по сравнению с предыдущими операциями многочасовой огонь артиллерии на уничтожение, сочетавшийся со столь же необычным по своим масштабам использованием крупных сил авиации. Вероятно, с целью достигнуть предельной мощи ударов с воздуха они наносились с интервалом в один день по каждой из трех немецких армий, оборонявшихся на решающих направлениях русского наступления. Перешедшие в наступление после окончания артиллерийской и авиационной подготовки пехотные соединения поддерживались и прикрывались исключительно эффективными действиями авиации. Это было сделано для того, чтобы нейтрализовать немецкую артиллерию, которой раньше нередко удавалось срывать наступление русских войск. Из-за незначительного количества немецких самолетов — 6-й воздушный флот располагал лишь сорока исправными истребителями — превосходство русских в воздухе было теперь таким же, как и у их западных союзников, хотя по абсолютной численности русскую авиацию нельзя было даже приблизительно сравнить с авиацией союзников. После завершения пехотой прорыва в него немедленно вводились крупные танковые силы».

Советская авиация впервые смогла по-настоящему достичь господства в воздухе. Это обусловливалось тем, что главные силы истребительной и бомбардировочной авиации люфтваффе были брошены для отражения высадки союзников в Нормандии.

Трехсоткилометровую полосу, на которой предстояло наступать 1-му Белорусскому фронту, занимала 9-я армия генерала пехоты Ганса Иордана со штабом в Бобруйске. Она включала 35-й армейский корпус генерала пехоты Фридриха Визе, 41-й танковый корпус генерала артиллерии Гельмута Вайдлинга и 55-й армейский корпус генерала пехоты Фридриха Херрляйна. В резерве 9-я армия имела только 20-ю танковую и малобоеспособную 707-ю охранную дивизии, располагавшиеся севернее Бобруйска. Этого резерва было явно недостаточно для ликвидации глубокого прорыва советских войск. А командование группы армий ничем помочь 9-й армии не могло, поскольку советские войска атаковали практически по всему фронту группы армий «Центр». На 1 июня 1944 года в группе армий генерал-фельдмаршала Буша насчитывалось всего 442 053 офицера, унтер-офицера и солдата, из которых только 258 604 служили в боевых частях. 1-му Белорусскому

фронту противостояли 12 из 38 дивизий группы армий «Центр», в которых насчитывалось около 140 тысяч солдат, в том числе около 82 тысяч в боевых частях.

У Рокоссовского же к началу операции «Багратион» имелось 77 стрелковых, девять кавалерийских дивизий, один механизированный корпус, шесть танковых корпусов, одна стрелковая бригада, две танковые бригады, две самоходно-артиллерийские бригады и четыре укрепленных района. Все они были готовы к наступательным действиям без каких-либо ограничений и насчитывали к 23 июня 1944 года 1 071 100 солдат и офицеров. Кроме того, в распоряжении Рокоссовского была 1-я армия Войска польского, насчитывавшая 79 900 человек в четырех пехотных дивизиях, одной кавалерийской и одной танковой бригадах. Надо также учесть, что против 9-й немецкой армии действовала часть сил 2-го Белорусского фронта. Но и без этих дивизий превосходство Рокоссовского над противником было подавляющим — в 8,2 раза по обшей численности личного состава.

Советская авиация полностью господствовала в воздухе. В 6-м воздушном флоте генерал-полковника Роберта фон Грайма не было ни одного бомбардировочного соединения, так как предусмотренные для действий на центральном участке Восточного фронта бомбардировочные эскадры находились на переформировании. Просьбу командующего 9-й армией, поступившую после начала советского наступления, разрешить отход к Днепру командование группы армий 24 июня отклонило, потребовав не оставлять тех участков фронта, которые еще не были атакованы противником.

В тот же день советские войска выдвинулись из района северо-западнее Рогачева в направлении Бобруйска. На следующий день обозначилась угроза окружения корпусов, занимавших оборону в районе Бобруйска. Недостаточно быстрое использование резервной 20-й танковой дивизии привело к замене генерала Йордана генералом танковых войск Николаусом фон Форманом. Но даже если бы резерв немедленно был бы введен в дело, он бы не спас положения.

Вечером 24 июня Буш потребовал разрешить группе армий отход за Днепр. Гитлер отверг это предложение, разрешив лишь незначительное сокращение линии фронта восточнее Днепра. 25 июня связь 9-й армии с 4-й армией северо-западнее Рогачева была прервана. Удар 1-го Белорусского фронта западнее Бобруйска грозил перерезать коммуникации 9-й армии. 29 июня главные силы 9-й армии были окружены в районе Бобруйска.

Генерал Типпельскирх вспоминал, что в этот день

«Генеральный штаб сухопутных сил понял всю глубину опасности и признал, что значение происходящих событий далеко выходит за рамки группы армий „Центр“ и вызывает необходимость принятия кардинальных решений в масштабе всего Восточного фронта. Имелось лишь одно такое решение: отвести все еще оборонявшуюся на рубеже Полоцк — Псков — Чудское озеро — Нарва группу армий „Север“ на рубеж Даугавпилс — Рига, каким бы серьезным политическим соображениям это ни противоречило. За такой крупной водной преградой, как Западная Двина в нижнем ее течении, группа армий „Север“ могла обойтись половиною своих сил, высвободив сразу целую армию. Только такая радикальная мера позволила бы подпереть северное крыло группы армий „Центр“, в то время как ее центр мог получить силы из состава группы армий „Северная Украина“. В результате того, что Гитлер и в этом случае остался глухим к голосу благоразумия, началась новая трагедия в истории немецкой армии на Востоке: борьба между Гитлером и всеми руководящими армейскими инстанциями за своевременный отвод группы армий „Север“. Не проходило дня, чтобы такое требование не выдвигалось перед Гитлером во все более настойчивой форме. Несмотря на все эти настояния, группу армий „Север“, переименованную впоследствии в группу армий „Курляндия“, не удалось избавить от трагической участи. В результате ей пришлось вести героическую, но малополезную, обособленную борьбу вдали от тех районов, где развертывались решающие события, не имея никакой возможности принять участие в обороне рейха. Одним из наиболее ярых сторонников отвода группы армий „Север“ за Западную Двину был фельдмаршал Модель, который, продолжая возглавлять группу армий „Северная Украина“, 28 июня сменил фельдмаршала Буша на посту командующего группой армий „Центр“.<…>

В начале июля участь 9-й и 4-й армий была решена. В то время как, по крайней мере части сил, 9-й армии (в общей сложности около 15 тысяч человек) без тяжелого оружия и артиллерии удалось соединиться с высланной навстречу в район северо-восточнее Слуцка танковой дивизией, слабые силы, которыми командование 4-й армии надеялось прикрыть отход своих корпусов к Березине, все больше отходили под ударами противника с флангов. Западнее Березины противник нанес удары на север из района Бобруйска и на юг через Борисов, удержание которого после отвода 5-й танковой дивизии оказалось невозможным. Чтобы не потерять последние остатки войск и не открыть окончательно дорогу на Минск, 4-й армии пришлось уйти с Березины».

А вот как описал разгром 9-й немецкой армии В. Хаупт:

«24 июня 1944 года, в 4.50, как и ожидалось, после необычайно сильной артиллерийской сорокапятиминутной подготовки по всему фронту противник перешел в наступление. Атаку поддерживало большое количество штурмовой авиации: над полосой обороны дивизии постоянно находилось до 100 самолетов, наносивших особенно большой урон противотанковой и полевой артиллерии на позициях. План огневого поражения разведанных и вероятных районов сосредоточения противника был выполнен. Линии связи были вскоре порваны, и командование дивизии оказалось без проводных средств связи со своими полками, соседними дивизиями и управлением 41-го танкового корпуса. Противнику, который еще во время артподготовки на многих участках ворвался в наши окопы, при поддержке танков на левом фланге дивизии в двух местах удалось глубоко вклиниться в нашу оборону. Эти прорывы, несмотря на использование всех резервов дивизии, ликвидировать не удалось.

Существенным является утверждение, что во время артиллерийской подготовки огонь не велся по отдельным полосам болот и по лощинам. По ним еще во время канонады бегом из глубины продвигались передовые отряды наступающих. Дивизии противника наступали на фронте шириной от 1 до 2 километров. Используя такую тактику, противник частично обошел окопы с тыла, частично, не обращая внимания ни на что, прорывался в глубину обороны. Поскольку наше тяжелое пехотное вооружение и артиллерия сами в это время находились под сильным артиллерийским огнем противника, а часть узлов сопротивления была разрушена и разгромлена, их ответный огонь не приносил желаемых результатов.

На правом фланге русские также наступали при поддержке танков, прорвались в северо-западном направлении и вскоре с трех сторон подошли к огневым позициям артиллерии. К полудню она уже вышла на вторую линию обороны. Противник постоянно подтягивал из глубины к участкам прорывов новые силы пехоты и танков».

Тут Хаупт отмечает, что войска Рокоссовского наступали тактически грамотно, просачиваясь в незанятые противником промежутки и обходя окопы и узлы сопротивления.

Рокоссовский вспоминал, как немцы пытались прорваться из Бобруйска:

«Во второй половине дня 27 июня части 1-го гвардейского танкового и 105-го стрелкового корпусов атаковали засевшего в городе врага, но успеха не имели. Всю ночь и весь следующий день шли кровопролитные бои. В ночь на 29 июня противник отвел значительную часть сил к центру и сосредоточил крупные силы пехоты и артиллерии в северной и северо-западной частях города. Комендант немецкого гарнизона решил ночью оставить город и прорываться на северо-запад.

После сильного артиллерийского и минометного налета на позиции нашей 356-й стрелковой дивизии двинулись фашистские танки, за ними цепи штурмовых офицерских батальонов, а затем и вся пехота. Пьяные солдаты и офицеры рвались вперед, несмотря на губительный огонь нашей артиллерии и пулеметов. В ночной темноте завязались рукопашные схватки. В течение часа воины 356-й дивизии героически дрались, сдерживая натиск противника. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось местами вклиниться в оборону дивизии.

С рассветом передовые отряды 48-й армии под прикрытием артиллерии переправились через Березину и вступили в бой на восточной окраине Бобруйска.

К восьми утра полки 354-й стрелковой дивизии захватили вокзал. Немцы, теснимые со всех сторон, еще раз попытались вырваться на северо-запад и снова атаковали славную 356-ю дивизию. Им удалось прорвать ее оборонительный рубеж. В прорыв хлынуло 5 тысяч солдат во главе с командиром 41-го танкового корпуса генералом Хоффмайстером, но спастись им не удалось. Наши войска, действовавшие северо-западнее города, ликвидировали и эти бегущие части врага.

65-я армия в тесном взаимодействии с 48-й армией 29 июня полностью овладела Бобруйском… В шестидневных боях нами были захвачены и уничтожены 366 танков и самоходных орудий, 2664 орудия разного калибра. Противник оставил на поле боя до 50 тысяч трупов, более 20 тысяч немецких солдат и офицеров было взято в плен».

Насчет штурмовых офицерских батальонов у немцев Константин Константинович ошибался. Такие батальоны были созданы в Красной армии для офицеров, попавших в плен нераненными и призванных теперь сражаться рядовыми, чтобы кровью искупить свою «вину». Но никаких следов существования штурмовых офицерских батальонов в вермахте до сих пор не обнаружено.

В. Хаупт так описал падение Бобруйска:

«В городе в тот день царил хаос. Пехотинцы, артиллеристы, медсестры, саперы, обозные, связистки, генералы и тысячи раненых стихийно отходили в город, который уже жестоко бомбили советские штурмовики. Генерал-майор Адольф Хаман, назначенный комендантом „крепости“, едва ли мог навести порядок в этих разгромленных войсках. Только энергичные офицеры сплачивали остатки своих подразделений и снова создавали боевые группы, которые кое-где и кое-как на окраине города готовились к обороне. Командование армии попыталось сдать Бобруйск, но Гитлер запретил… Когда же он наконец после полудня 28 июня дал свое разрешение, было уже поздно.

Разнообразные боевые группы, собравшиеся в прошедшую ночь, утром 29 июня попытались кое-где прорваться из окруженного Бобруйска в северном и в западном направлениях.

В тот день в районе Бобруйска находилось еще около 30 тысяч солдат 9-й армии, из которых около 14 тысяч в последующие дни, недели и даже месяцы смогли добраться до главных сил немецких войск. 74 тысячи офицеров, унтер-офицеров и солдат этой армии погибли или попали в плен…»

Штаб группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Эрнст Буш, вылетевший на самолете для доклада в Ставку фюрера, 28 июня был переведен в Лиду. В 20.30 того же дня сюда на почтовом самолете прибыл Вальтер Модель. Когда он вошел в рабочую комнату штаба, коротко сказал: «Я — ваш новый командующий!» На робкий вопрос начальника штаба группы армий генерал-лейтенанта Ганса Кребса, который был уже начальником штаба Моделя, когда тот командовал 9-й армией: «Что вы с собой привезли?» — Модель ответил: «Себя!» Однако новый командующий, ставший 1 марта 1944 года генерал-фельдмаршалом, на самом деле привез с собой несколько соединений, которые он, будучи командующим группой армий «Северная Украина» (теперь он командовал сразу двумя группами армий), приказал перебросить на центральный участок Восточного фронта.

Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) в тот же день сообщило командованию группы армий, что с 30 июня на центральный участок Восточного фронта будут переброшены некоторые соединения. Среди них — франконско-тюрингская 4-я танковая дивизия генерал-майора Клеменса Бетцеля и силезская 28-я егерская дивизия генерал-лейтенанта Густава Хайстермана фон Цильберга. Обе сразу же будут доставлены в район Барановичей. Северо-немецкая 170-я пехотная дивизия генерал-майора Зигфрида Хасса прибудет от Чудского озера из полосы группы армий «Север» в Минск. Кроме того, главное командование сухопутных войск направило в Минск семь боевых маршевых батальонов и три истребительно-противотанковых дивизиона резерва главнокомандования. Благодаря этому 30 июня впервые последовало «успокоение» обстановки, о которой журнал боевых действий группы армий «Центр» сообщал: «Впервые после девяти суток постоянно длившейся битвы в Белоруссии этот день принес временную разрядку». Однако разрядка оказалась кратковременной. Основные силы группы армий «Центр» оставались в окружении

восточнее Минска, и оказать им помощь Модель не мог. 2 июля он приказал немедленно оставить Минск.

За заслуги в освобождении Белоруссии Рокоссовскому 29 июня 1944 года было присвоено звание Маршала Советского Союза. Это было не только признанием выдающихся военных заслуг Константина Константиновича. Тут были и определенные политические соображения. Предполагалось, что фронт Рокоссовского будет освобождать Польшу и польскую столицу Варшаву. Высшим воинским званием в польской армии было маршальское, и было бы неудобно, если бы командующий фронтом, освобождающим Варшаву, не имел этого звания. Кроме того, было бы очень символично, если бы этот маршал был поляком. Но Рокоссовскому, к сожалению, так и не довелось освободить Варшаву.

Константин Константинович вспоминал:

«После окружения и разгрома войсками 1-го Белорусского фронта вражеских частей под Бобруйском, а смежными фронтами — витебско-оршанской и могилевской группировок противника создались благоприятные условия для новых ударов по врагу. 28 июня Ставка возложила на 1-й Белорусский фронт следующую задачу: частью сил наступать на Минск, а главными силами — на Слуцк, Барановичи, чтобы отрезать противнику пути отхода на юго-запад, и во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта как можно быстрее завершить окружение минской группировки фашистских войск.

В эти дни командиры наших подвижных соединений проявили высокое воинское искусство. 2 июля сильным ударом в центре 1-й гвардейский танковый корпус генерала Панова прорвал оборону 12-й немецкой дивизии и совместно с пехотой 82-й дивизии овладел районом Пуховичей. Конно-механизированная группа генерала Плиева устремилась на Слуцк. На рассвете 2 июля гвардейцы-кавалеристы овладели Столбцами, Городзей и Несвижем, перерезав коммуникации минской группировки на Барановичи, Брест, Лунинец.

Части 85-го стрелкового корпуса 3-й армии вышли на рубеж Погост, Червень, где соединились с войсками 2-го Белорусского фронта.

Танковый корпус генерала Бахарова, посланный в обход Минска с юга, овладел 2 июля узлом дорог у Любяча и продолжал двигаться вдоль шоссе Слуцк — Минск на север. В этот же день танковые части 3-го Белорусского фронта, овладев Смолевичами, продвинулись к Минску с северо-востока. Так было завершено окружение 4-й армии противника, находившейся восточнее белорусской столицы… Ликвидация зажатых в минском котле немецко-фашистских войск возлагалась на 2-й Белорусский фронт, для усиления которого от нас взяли 3-ю армию».

Белорусская наступательная операция была одной из немногих наступательных операций советских войск, в которых не участвовали танковые армии. Танки использовались только в составе танковых и механизированных корпусов и отдельных танковых бригад и полков. Такое использование оказалось как будто более эффективным, чем появление на поле боя плохо управляемых советских танковых армий. Однако корректного сравнения все-таки не получается, потому что в сражении в Белоруссии у немцев было очень мало танков и самолетов, да и численное превосходство Красной армии на этот раз было подавляющим.

Тем не менее и в ходе операции «Багратион» случались неудачи. 6 июля 47-я армия генерал-лейтенанта Н. И. Гусева заняла Ковель и вместе с 11-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск Ф. Н. Рудкина начала преследовать противника, не организовав разведки. Немцы же закрепились на хорошо оборудованном противотанковом рубеже и почти полностью уничтожили 11-й танковый корпус, который в атаке не смогли толком поддержать ни пехота, ни артиллерия. 16 июля последовал грозный приказ Ставки:

«Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Рокоссовский, лично руководивший действиями войск на ковельском направлении, организацию боя 11-го танкового корпуса не проверил. В результате этой исключительно плохой организации ввода в бой танкового корпуса две танковые бригады, брошенные в атаку, потеряли безвозвратно 75 танков. Ставка

Верховного Главнокомандования предупреждает Маршала Советского Союза Рокоссовского о необходимости впредь внимательной и тщательной подготовки ввода в бой танковых соединений…»

Это была одна из редких неудач в карьере Рокоссовского. Впрочем, главная вина лежала не на нем, а на командире корпуса и командующем армии. Не может ведь командующий фронтом следить за вводом в бой каждого танкового и механизированного корпуса, которых у него на фронте было целых семь. Поэтому и наказали Гусева и Рудкина куда более сурово, чем Рокоссовского. Гусеву объявили выговор, а Рудкина сняли с должности.

Н. А. Антипенко вспоминал: «11 июля 1944 года для войск 65-й армии сложилась благоприятная обстановка: они могли бы с ходу, т. е. с минимальными потерями, форсировать реку Шара. Но боеприпасов в войсках было настолько мало, что и в случае успеха удерживать плацдарм им было бы нечем. Поэтому командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, находившийся в расположении 65-й армии, прежде чем разрешить форсирование реки Шара, вызвал к проводу начальника тыла фронта и спросил: могут ли быть поданы к установленному сроку 500 тонн боеприпасов? Командующий подчеркнул исключительную важность решения этого вопроса для всей операции фронта. Не желая получить немедленный, а потому, быть может, и опрометчивый ответ, Рокоссовский дал два часа на подсчеты и добавил: „Если нет такой возможности, так прямо и скажите. Я задержу дальнейшее продвижение войск“». По словам Антипенко, доставка боеприпасов 65-й армии в сжатый срок оказалась возможной, и наступление продолжилось быстрыми темпами. Рокоссовский был одним из немногих советских генералов, которые могли остановить движение войск из-за нехватки боеприпасов. Большинство предпочитало идти вперед, не считаясь с потерями.

5 июля были ликвидированы главные силы окруженных восточнее Минска немецких дивизий. К западу от города Моделю удалось создать линию обороны. Ее занимали 4, 5 и 12-я танковые, 28-я егерская, 50-я и 170-я пехотные дивизии, а также боевые группы разгромленных дивизий группы армий «Центр». Но сдержать натиск советских войск они не смогли.

8 июля части 1-го Белорусского фронта заняли Барановичи, а 28 июля — Брест. 3-й Белорусский фронт, в свою очередь, 9 июля овладел Лидой, 13 июля — Вильнюсом, а 16 июля — Гродно. Уже 18 июля войска Рокоссовского перешли Западный Буг и вступили на территорию генерал-губернаторства — оккупированной немцами Польши.

Глава десятая
ВАРШАВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

18 июля войска 1-го Белорусского фронта, форсировав Западный Буг, вступили на территорию Польши в тех границах, которые признавал Советский Союз. 1 августа в освобожденном Люблине разместилось просоветское правительство — Польский комитет национального освобождения (ПКНО), созданный 22 июля в Хелме. Ему формально подчинялись 1-я армия Войска польского, действовавшая в составе 1-го Белорусского фронта, и партизанские отряды прокоммунистической Армии людовой, действовавшие на оккупированной немцами территории Польши.

Вместе с тем на территории Польши в границах на 1 сентября 1939 года действовали многочисленные отряды Армии крайовой (АК), подчинявшиеся польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Бойцы и командиры АК считали Вильно и Львов польскими городами и надеялись, что при установлении послевоенных границ они останутся в составе Польши. Советское правительство неизменно относилось к польскому правительству в Лондоне и АК враждебно, хотя и вынуждено было сотрудничать с ними в 1941–1943 годах под давлением западных союзников. В апреле 1943 года, после того как лондонские поляки поддержали участие польского Красного Креста в расследовании катынского расстрела, Москва разорвала дипломатические отношения с польским правительством в изгнании. Красная армия получила приказ разоружать отряды Армии крайовой, а офицерский состав арестовывать. В случае сопротивления партизан АК разрешалось уничтожать.

19 июля 1944 года командующий Армией крайовой генерал Тадеуш Комаровский (псевдоним — Бур) доносил в Лондон о событиях в районе Вильно:

«На Виленщине. Ночью 7 июля АК силой около двух дивизий ударила самостоятельно на Вильно. Отряды АК округа Новогрудек в районе Лиды были направлены для боя за Вильно. В 16.00 7 июля регулярные подразделения Советской армии силой около дивизии вступили в сражение за Вильно. Комендант округа Вильно установил незамедлительно связь с советским командующим фронтом. Быстрый переход советских войск через Виленское и Новогрудское воеводства стал возможным благодаря длительным, ранее проведенным действиям АК, которые очистили территорию и дезорганизовали немецкие тылы. Борьба за Вильно длилась в острой форме до 10 июля, когда отряды АК извне вторглись в Вильно. Борьба за отдельные пункты сопротивления в городе длилась до 13 июля. В сражениях за Вильно выделялась группа из четырех батальонов под командованием майора Венгельного, 11/85 пп под командованием капитана Яна, который захватил наиболее оборонявшийся бункер внутри города, безуспешно атакованный советскими войсками — батальон под командованием капитана Щербца.

Сражающиеся отряды АК всюду получили признание советских строевых командиров. После окончания сражения отряды АК сосредоточились силой около двух дивизий в районе Вильно и Пущи Рудницкой. 12 июля советские власти назначили коменданту округа Вильно офицера связи. 15 июля комендант округа Вильно, как командир отрядов АК, был приглашен к командующему 3-м Белорусским фронтом генералу Черняховскому, который принял без условий предложение коменданта округа о выделении в направлении главного удара 1-й пехотной дивизии и 1-й кавалерийской бригады. Эти части после реорганизации и вооружения через короткий промежуток времени должны были отбыть на фронт, как части польского войска, подчиняющиеся польскому правительству и Верховному главнокомандованию. 17 июля советские власти коварно арестовали штабы округов Вильно и Новогрудек».

23 июля немцы под угрозой окружения оставили Львов. В этот же день центр и западную часть города заняли до трех тысяч бойцов 6-й дивизии Армии крайовой, которые вступили в бой с немецкими арьергардами. 31 июля 1944 года генерал Бур-Комаровский сообщал в Лондон: «В боях за Львов принимали участие наши отряды численностью около трех тысяч человек. Отношение советских частей во время боев было нормальным. После расконспирации командующего округом перед представителем командующего фронтом тот заявил: „Львовская область принадлежит Советскому государству. Вам надлежит в течение двух часов сложить оружие и распустить отряды. Советы проведут мобилизацию. Поляки будут иметь выбор между Берлингом и советскими войсками. Офицеры АК, не подлежащие мобилизации, могут сохранить оружие и приходить к Берлингу“. Командующий округом отдал приказ распустить отряды».

Армия Крайова в Вильнюсе, во Львове, а позднее и в Варшаве проводила операцию «Буря», в ходе которой предполагалось занимать польские города при приближении к ним Красной армии, выбив оттуда немецкие гарнизоны, и постараться восстановить власть польского правительства в изгнании. При этом в конфликты с Красной армией разрешалось вступать только в порядке самообороны — в случае нападения советских войск на отряды АК. 31 июля Бур-Комаровский в очередном донесении в Лондон сообщал, что «отдал приказ для Львова, чтобы при принудительном призыве Советами поляки использовали возможность вступления в армию Берлинга… Аналогичные приказы переданы в другие округа на восток от т. наз. линии Керзона».

А в докладе от 22 июля командующий Армией крайовой изложил программу взаимоотношений с Красной армией и советскими органами власти, а также с просоветскими польскими органами:

«В Польшу вступают Советы, одной из целей которых является ликвидация независимости Польши или, по меньшей мере, политического подчинения ее Советам после того, как у Польши отрежут восточные области. Без четкого представления такого положения нельзя добиться мобилизации всех польских сил в политической кампании, которую мы должны вести против России и выиграть ее. В этой кампании рассчитывать на помощь англосаксов мы можем только в том случае, если продемонстрируем решительную волю ее выиграть и умело бросим на чашу весов все средства. Способы действия Советов будут разнообразными и очень гибкими, они могут выражаться как в грубой форме оккупации и террора, так и во внешне доброжелательном воздержании от вмешательства во внутренние польские дела при одновременном возбуждении части общества и

распространении анархии сверху, чтобы потом вмешаться от имени части польского народа или для наведения порядка.

Нашим решением должно быть:

1. Не прекращать ни на минуту борьбы с немцами.

2. Духовно мобилизовать на борьбу против России все общество в стране, не исключая те элементы, которые могли бы попасть под советское влияние и способствовать разложению единого польского фронта.

3. Преодолеть провокационную деятельность профашистской организации ОНР (Народно-радикальный союз. — *Б. С.*), которая своими безответственными выступлениями может нарушить единство польского фронта, что можно представить как диверсию, такую желанную для Советов.

4. Оттянуть от Советов как можно больше польских элементов, которые уже находятся в их распоряжении и используются как польская карта в международной игре.

5. В случае попытки захвата Польши начать открытую борьбу против Советов».

Эта программа при ближайшем рассмотрении выглядит утопией. Раз Сталин решил ликвидировать Армию крайову (а доказательств этому к концу июля уже было множество), то противостоять Красной армии она, безусловно, не могла. Англия и США признавали польское правительство в Лондоне, но не собирались вступать из-за него в серьезный конфликт со Сталиным. И, разумеется, никакой открытой агитации против просоветских польских структур советские войска и спецслужбы на занятой Красной армией польской территории не допустили бы.

Советские войска смогли захватить плацдармы за Вислой в Магнушеве (1-й Белорусский фронт) и Барануве (1-й Украинский фронт). Но их продвижение в Польше замедлилось из-за возросшего сопротивления противника. Немецкие танковые дивизии стали наносить контрудары по плацдармам. Рокоссовский вспоминал: «2-я танковая и 8-я гвардейская армии 24 июля освободили Люблин. 25 июля танкисты вышли к Висле в районе Демблина. Здесь генерал А. И. Радзиевский, сменивший раненого С. И. Богданова, передал свой участок 1-й польской армии, которая наступала за танковой армией, а танкисты получили новую задачу — наступать вдоль правого берега Вислы на север, с ходу захватить предместье Варшавы — Прагу и удерживать ее до подхода 47-й армии. 1-я польская армия должна была форсировать Вислу на демблинском направлении и захватить плацдарм на ее западном берегу.

К 28 июля основные силы фронта на рубеже Брест — Седлец — Отвоцк, встретив упорное сопротивление вражеских войск, вынуждены были развернуться фронтом на север. По всему чувствовалось, что на этом участке немецкое командование собрало крупные силы с намерением нанести контрудар в южном направлении восточнее Вислы и не допустить форсирования реки нашими армиями.

Поскольку противник держал свою основную группировку восточнее Варшавы, у войск левого крыла фронта была возможность быстро продвинуться к Висле. 27 июля к ней вышла 69-я армия генерала Колпакчи. Ее войска с ходу форсировали реку близ Пулавы и к 29-му овладели плацдармом на западном берегу. 1-я польская армия 31 июля пыталась совершить бросок через Вислу, но неудачно. Однако к этому времени мы могли использовать для борьбы за западный берег реки всю 8-ю гвардейскую армию. С утра 1 августа она начала форсирование в районе Магнушев, устье реки Пилица.

В течение дня войска генерала Чуйкова овладели плацдармом на западном берегу Вислы шириной 15 километров и глубиной до 10 километров. К 4 августа армия сумела навести через реку мосты грузоподъемностью 16 тонн и один 60-тонный. Василий Иванович Чуйков переправил на плацдарм танки и всю артиллерию. Инженерные войска фронта приступили к наведению деревянного моста на сваях.

Данные агентурной, воздушной и радиоразведки подтверждали спешную переброску вражеских войск к магнушевскому плацдарму. Надо было помочь гвардейцам Чуйкова. Обращаемся к нашим боевым друзьям полякам. Передав рубеж по берегу Вислы кавалерийскому корпусу, Зигмунд Берлинг форсированным маршем ведет свои войска на плацдарм. Они занимают оборону на правом фланге 8-й гвардейской армии. Сюда же успеваем переправить танковый корпус 2-й танковой армии.

Все это было сделано вовремя. Противник обрушил на плацдарм удар колоссальной силы. Но наша оборона здесь оказалась непоколебимой. Многодневные бешеные атаки ничего не дали гитлеровцам, кроме огромных потерь».

Продвижению советских войск по польской территории мешали не только немецкое сопротивление, но и растущие трудности с транспортом. 19 июля 1944 года Жуков как заместитель Верховного главнокомандующего издал директиву командующим 1-го и 2-го Белорусскими фронтами о наведении порядка с транспортом в войсках и в тылу. Она гласила:

«Почти во всех наступающих дивизиях, корпусах и армиях в пути к фронту отстало много средств усиления, артиллерии, боеприпасов и тыловых учреждений. Растяжка тылов достигла 400–500 км. Командующие армий и фронтов до сих пор не приняли нужных мер к быстрому подтягиванию всего отставшего, ссылаясь то на отсутствие горючего, то на отсутствие транспортных средств, в то время как дивизии, корпуса и армии неорганизованно и бесхозяйственно расходуют автобензин и автотранспорт. Посмотреть, чего только не таскают по дорогам войска: тянут массу трофейных, неисправных машин, пережигая на это массу бензина, перевозят на машинах мебель, до мягких кресел, диванов и городских кроватей включительно, перевозят всякий ненужный для боя хлам, тратя на все это лишнее и ненужное массу горючего и автотранспорта. Все это происходит в то время, когда в войсках ощущается недостаток в боеприпасах, отстала артиллерия и средства усиления на мехтяге, а также нужные тыловые объекты.

Я требую:

1. Немедленно очистить транспорт от всего барахла и хлама, не нужного войскам для боя и полевой жизни, передав все это местным властям.

2. Резко сократить транспорт, прикомандированный для переброски штабов, столовых, личных квартир и домашних вещей. Высвободившийся автотранспорт передать в автобаты для подвоза боеприпасов и горючего.

3. Категорически запретить буксировать неисправные трофейные машины, сдав их на сборные ремонтные пункты.

4. Принять решительные меры к немедленному подтягиванию всей отставшей артиллерии, средств усиления и нужных для боя тыловых учреждений.

5. Для контроля за исполнением настоящего выделить нужное количество энергичных людей.

6. Исполнение донести 20.7.44 г.».

На этой директиве сохранилась резолюция Рокоссовского:

«Начальнику штаба.

Дать директиву войскам, обязав самым жестким образом, под личную ответственность Военных советов армий, полностью провести в жизнь в кратчайший срок указания заместителя Верховного Главнокомандующего. Начальнику тыла: выделить соответствующих людей для контроля за точным выполнением.

Рокоссовский 19.7.1944 г.».

В жуковской директиве уже содержался намек на охватившую войска, прежде всего в лице старших офицеров и генералов, «трофейную лихорадку». Она касалась пока что дорогих машин и мебели. В

полной же мере она проявилась с началом 1945 года, когда советские войска вступили на территорию Германии.

21 июля была сломлена немецкая оборона на Буге. 22 июля войска Рокоссовского освободили Хелм, а 23 июля — Люблин. В Варшаве началась паника среди немецких тыловых учреждений. Многие немецкие чиновники эвакуировались на запад. Панику усилило неудавшееся покушение на Гитлера. Советское командование полагало, что овладеть Варшавой удастся сравнительно легко, поскольку немцы как будто не собирались особенно упорно оборонять польскую столицу.

27 июля 1944 года Ставка Верховного главнокомандования издала директиву командующему войсками 1-го Белорусского фронта о наступлении на Варшавском направлении и овладении плацдармами на западном берегу реки Нарев:

«Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. После овладения районом Брест и Седлец правым крылом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла и тем самым облегчить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла — центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь».

28 июля передовые части Рокоссовского заняли два плацдарма на западном берегу Вислы. 29 июля радиостанция «Костюшко» из Люблина передала воззвание с призывом начать восстание в Варшаве. В тот же день в немецком коммюнике сообщалось, что русские начали генеральное наступление на Варшаву с юго-запада. И тогда же появилась директива Ставки, возлагавшая на Г. К. Жукова «не только координирование, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского фронта, 1-го Белорусского фронта и 2-го Белорусского фронта».

30 июля, в воскресенье, произошло большое танковое сражение под Варшавой. Советский 3-й танковый корпус занял Воломин и Радзымин, угрожая стыку немецких 9-й и 2-й армий. Два советских танка ворвались в район Таргувек, но были подбиты, и их экипажи укрылись у местных жителей. 16-й танковый корпус 2-й танковой армии занял варшавский пригород Вянзовню и вышел на Люблинское шоссе. 8-й гвардейский танковый корпус перерезал шоссе около ведущей к Варшаве железной дороги. До варшавских пригородов Анино и Ваврa советским танкам оставалось пять километров. Но тут немцы нанесли контрудар 73-й пехотной дивизией и танковой дивизией «Герман Геринг». Командующий 9-й армией генерал танковых войск Николаус фон Форман бросил в бой 4-й танковый корпус СС, которому удалось отбить Седлец. 31 июля генерал-фельдмаршал Модель запретил всякий отход на Варшавском направлении.

Командование 2-й танковой армии запросило у Рокоссовского подкреплений, полагая, что больше у немцев резервов нет, а дорога на Варшаву практически открыта. Рокоссовский подкреплений не дал и предпочел вывести потрепанную танковую армию из боя. На Прагу была перенацелена 47-я армия, наступавшая от Седлеца.

Вплоть до 6 августа танкисты 2-й танковой армии отражали немецкий контрудар. Им удалось взять Окунев и Минск-Мазовецкий, но наступление окончательно выдохлось. К 31 июля советская 2-я танковая армия, насчитывавшая к началу Люблинско-Варшавской операции 810 танков и САУ, безвозвратно потеряла 130 машин, 582 человека убитыми и 1581 ранеными. 23 июля в Люблине был тяжело ранен ее командующий генерал-лейтенант С. И. Богданов. Он ехал на бронетранспортере за своими танками по северной окраине города, и пуля немецкого снайпера раздробила ему плечевую кость. В командование вступил начальник штаба армии генерал А. И. Радзиевский.

Строго говоря, потери были большие, но не катастрофические, и армия пока еще сохраняла боеспособность. Всего до конца сражения за Варшаву 2-я танковая армия безвозвратно потеряла 989 танков и САУ, полностью истощив свои силы.

31 июля войска правого фланга 1-го Белорусского фронта завязали бои на ближних подступах к Праге, а войска левого фланга форсировали Вислу южнее Варшавы и захватили плацдармы в районах городов Магнушева и Пулавы. Тем временем еще более важные события, непосредственно касавшиеся судьбы Польши, происходили на политическом фронте. В тот же день Молотов принял премьера польского правительства в изгнании и лидера Крестьянской партии Станислава Миколайчика. Они беседовали полчаса. Судя по стенограмме беседы, Миколайчик заявил, что «польское правительство осуществляет сейчас накопление сил для содействия в решающий момент советским войскам в их борьбе с немцами. План действий поляков разработан польским правительством вместе с генералом Табором, прибывшим недавно из Польши, и предложен английскому правительству с просьбой передать его советскому правительству. Еще в октябре прошлого года все вооруженные силы Польши получили приказ о том, чтобы они вели борьбу совместно с советскими вооруженными силами». Польский премьер тщетно пытался убедить Молотова, что в польском правительстве нет партий, враждебно настроенных к Советскому Союзу. Он стремился обсуждать проблемы Польши с советским правительством, но Молотов настаивал, что эти вопросы лондонские поляки должны обсуждать с Польским комитетом национального освобождения.

Миколайчик сообщил Молотову, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы».

На это Молотов самоуверенно заметил, что Красной армии «до Варшавы осталось всего лишь около десяти километров».

На этих переговорах Миколайчик дал ясно понять Молотову, что считает ПКНО советской марионеткой и предпочитает обсуждать принципиальные вопросы о политическом будущем Польши с ее хозяином — советским правительством. Молотов же настаивал, что вопросы, связанные с Польшей, Миколайчик должен обсуждать с ПКНО, то есть фактически признать эту просоветскую структуру и подчиниться ей. Советский нарком не выразил никакой заинтересованности в восстании в Варшаве, руководимом АК. Миколайчик не сказал ему, что генерал Бур-Комаровский уже с 25 июля привел все силы своей армии в Варшаве в состояние готовности к восстанию. Молотов явно надеялся, что Красная армия сможет занять Варшаву и без помощи повстанцев и вообще до того, как начнется восстание.

31 июля Рокоссовский донес в Генштаб о трудностях со снабжением горючим: «Постоянный отрыв войск от баз снабжения из-за отставания восстановления железных дорог создает трудности в снабжении горючим. Для смягчения этого и получения возможности подавать горючее через Вислу, прошу распоряжения на срочное сформирование батальона по перекачке горючего, дав этому батальону имеющийся в распоряжении УСГ КА импортный бензотрубопровод с перекачивающими средствами и оборудованием. Батальон необходимо срочно подать по железной дороге на Люблин».

Действительно, узким местом оставалось снабжение горючим. Начальник тыла 1-го Белорусского фронта Н. А. Антипенко вспоминал: «В ходе Белорусской операции снабжение горючим было порой настолько плохим, что его приходилось выдавать армиям микродозами — по 30–40 тонн при потребности в 300–400 тонн. Не число автомашин, а количество горючего было причиной перебоев в подаче войскам боеприпасов и другого боевого имущества… Наш фронт израсходовал более 100 тысяч тонн горючего, или около 170 поездов. Он мог бы по своей оснащенности техникой израсходовать гораздо больше, и наступательная операция от этого только бы выиграла».

Нехватка горючего сковывала действия советских танковых соединений и авиации, не позволяя Красной армии в полной мере использовать свое подавляющее преимущество в людях и технике. Это преимущество несколько уменьшилось со времени сражений в Белоруссии из-за больших советских потерь, но все равно оставалось значительным.

В ночь на 1 августа при форсировании Вислы потерпела неудачу 1-я армия Войска польского. На правый берег удалось переправиться примерно четырем батальонам, но удержать плацдарм они не

смогли. Причины неудачи были как в недостатке переправочных средств, так и в необстрелянности и неопытности только что мобилизованных молодых польских солдат.

В Варшаве оставалась сестра Рокоссовского Хелена, которая не знала, что ее родной брат командует советскими войсками, приближающимися к городу. Она вспоминала: «Уже перед самым Варшавским восстанием кто-то показал мне листовку, в которой говорилось, что Рокоссовский ведет свои войска на Запад. Я не отдавала себе отчета в том, насколько наша фамилия ненавистна немцам. Убедилась же в этом во время восстания. Во двор дома по ул. Сенаторской, 31, где мы работали, ворвались немцы. В этот момент одна из моих соседок позвала меня по фамилии. Это услышал немецкий офицер. Он подбежал ко мне и, выкрикивая — вместе с проклятиями — „Рокоссовска", „Рокоссовска", — рукоятью пистолета ударил меня по голове. Я упала. От неминуемой смерти спасла меня оказавшаяся рядом санитарка, которая вытащила из моей сумочки „ауссвайс" на вымышленную фамилию и, пользуясь знанием немецкого языка, показала его фашисту и объяснила, что ему просто послышалось. Реакция этого гитлеровца на фамилию „Рокоссовский" сильно удивила меня. В голове не умещалось, что наш Костик, которого я помнила молодым худеньким солдатиком, любимый брат, любимец семьи, доброжелательный и такой родной, мог стать таким известным и грозным человеком».

1 августа в 17.00 началось Варшавское восстание. В Москве в этот день распространились слухи о том, что 9 или 10 августа войска Рокоссовского возьмут Варшаву. Польская столица в самом деле была основной целью наступления 1-го Белорусского фронта, ибо она лежала на кратчайшем пути к центру Германии. Назначенный начальником Генштаба сухопутных войск после подавления заговора 20 июля генерал-полковник Хайнц Гудериан полагал, что советские войска постараются занять Варшаву еще в первую неделю августа. Немецкий гарнизон города составлял всего 15 тысяч человек, включая чиновников. На моральном состоянии немцев болезненно отразилась катастрофа группы армий «Центр» в Белоруссии. В городе находилось около 40 тысяч бойцов Армии крайовой и около двух тысяч бойцов просоветской Армии людовой. Соотношение их численности примерно отражало степень влияния коммунистических и некоммунистических сил в Польше.

1 августа командующий 2-й танковой армией гвардии генерал-майор А. И. Радзиевский приказал перейти к обороне на рубеже Кобылка — Оссув — Сулеювек — Милосна Стар — Збытки:

«1. Противник частями 73-й пд, тд „Герман Геринг", тд СС „Мертвая голова", 5-й мд СС „Викинг" (на самом деле „Викинг" давно уже был танковой, а не моторизованной дивизией. — *Б. С.),* 19-й тд, 6-го Варшавского охранного полка, опираясь на Варшавский укрепленный район, оказывал упорное сопротивление 2-й ТА на рубеже: Яблонка, Легионово, Чарна Струга, Марки, Окунев, Цехувка, Збытки.

2. 2-я ТА переходит к обороне. Передний край обороны на рубеже: Кобылка, Оссув, Сулеювек, Милосна Стар, Збытки; иметь прикрытие с востока и частично с северо-востока против отходящих частей Брестской группировки противника. Готовность обороны 12.00 1.8.44».

Этот приказ еще не имел никакой политической подоплеки, поскольку на советской стороне о восстании в Варшаве еще не было известно.

Только в ночь на 2 августа британская военная миссия в Москве сообщила советскому Генштабу о восстании и о том, что повстанцы просят от русских «немедленной атаки извне», а также просят у западных союзников поставок вооружения и боеприпасов из Италии.

3 августа представитель Генштаба при штабе 8-й гвардейской армии подполковник Драбкин доложил Жукову о причинах неудачи в боях за расширение плацдарма:

«Войска 8-й гв. армии в течение 2 августа 1944 г. вели безуспешный бой на западном берегу Вислы и продолжали переправлять пехоту, артиллерию, боеприпасы и конский состав.

Причиной неуспешного наступательного боя за расширение плацдарма на западном берегу р. Висла считаю:

а) Нерешительные действия пехоты без соответствующего количества средств усиления, а именно: отсутствие танков и недостаточное количество артиллерии на западном берегу р. Висла, а особенно в первой половине дня.

б) Усилилось сопротивление пр-ка, так как последний намечал, по показанию пленных, сбросить наши части с занимаемого плацдарма, используя для этого свою авиацию. В течение 2.8.1944 авиацией противника было выведено из строя большое количество переправочных средств, что тормозило переправу войск и техники в течение 2.8.1944 г.

Отсутствие наведенного понтонного моста и недостаточное количество плавучих переправочных средств не дает возможности своевременно перебросить на западный берег дивизионную артиллерию на механической тяге, танки и другую технику. <…>

Попытка переправить танки на западн. берег Вислы под водой результата не дала, первые 2 танка КВ остались под водой и на этом переправа танков была прекращена. Для переправы тяжелой техники (танков, артиллерии на колесной тяге) необходимо ускорить построение тяжелого понтонного моста».

3 августа 1944 года командующий 2-й танковой армией донес командующему 1-м Белорусским фронтом о контрударе противника в районе Радзымина:

«Противник из р-на Радзымин силою до 85 танков с пехотой в 10.00 атаковал 8-й гв. тк в направлении Волошин и с направления Зеленка на Оссув силою до 40 танков потеснил наши части и к 18.00 3.8.44 ведет бой на рубеже: линия железной дороги в р-не Волошин.

8-й гв. тк, отражая атаки танков с востока и запада, ведет бой на прежнем рубеже.

Решил: с выходом пехоты в район Окунев 8-м гв. тк в общем направлении Оссув, Зеленка, Марки перерезать Варшавское шоссе в р-не Струги, Марки.

8-м гв. тк перейти в контрнаступление на Радзымин.

Прошу 16-й тк срочно сменить пехотой и разрешить мне вывести в район Окунев, чтобы собрать армию в кулак, сейчас разбросана и неудобно управлять».

На этом донесении сохранилась резолюция Рокоссовского: «Командарму 2-й танковой. Если 3-му тк угрожает опасность быть оттесненным от главных сил армии, то отведите его к главным силам, имея основной задачей не допустить противника на юг и юго-восток».

Рокоссовского, похоже, уже начали охватывать сомнения насчет способности 2-й танковой армии прорваться к Варшаве. Он не санкционирует предлагаемый Радзиевским контрудар на Радзымин и, наоборот, советует оттянуть 3-й танковый корпус к главным силам армии.

В тот же день, 3 августа, Сталин принял польского премьера Миколайчика. Беседа продолжалась два с половиной часа. Вот отрывки из нее:

«Миколайчик заявляет, что если бы не Советский Союз, то Польша была бы еще долго под гнетом Германии. <…>

Тов. Сталин заявляет, что во избежание недоразумения он должен заявить, что Советское Правительство не имеет намерения определять, какое количество партий будет участвовать в польском правительстве. Это не дело Советского Правительства. Конечно, Советское Правительство хотело бы, чтобы в польском правительстве были представлены демократические партии. Но этот вопрос должны решить сами поляки. Советское Правительство не будет вмешиваться в это дело. Если интересно знать мнение Советского Правительства, то он, тов. Сталин, может сказать, что оно было бы радо, если бы все демократические партии в Польше образовали блок. Советское Правительство поддержало бы этот блок.

Миколайчик говорит, что в польском правительстве представлены четыре партии. Все эти партии демократические. В 1939 году, во время пребывания деятелей этих партий во Франции, сейм был распущен и было решено, что президент республики должен был подписать заявление о том, что он отказывается от своих прав. Он, Миколайчик, хотел бы, чтобы в правительстве, которое будет создано в Варшаве, участвовали эти четыре партии.

Тов. Сталин говорит, что нужно уговориться, о чем будет идти речь. Если Миколайчик желает говорить о той силе, которая народилась в Польше в виде Польского Комитета Национального Освобождения, то нужно обсудить вопрос о взаимоотношениях польского правительства в Лондоне и ПКНО.

Миколайчик заявляет, что он готов обсудить все вопросы.

Тов. Сталин заявляет, что Черчилль писал ему, что Миколайчик хочет приехать в Москву, и спрашивал, согласен ли он, тов. Сталин, принять Миколайчика. При этом Черчилль заявил, что он считает, что главная цель поездки Миколайчика состоит в объединении поляков, и выразил надежду, что он, тов. Сталин, поможет полякам в этом деле. Он, тов. Сталин, согласился это сделать. По его мнению, речь может идти о взаимоотношениях между двумя силами, имеющими отношение к Польше. Этот вопрос трудно обойти.

Миколайчик отвечает, что он не хочет обойти этот вопрос. Он хочет быть в Варшаве.

Тов. Сталин отвечает, что Варшава у немцев.

Миколайчик говорит, что, как он думает, Варшава будет скоро освобождена и он сможет там создать новое правительство, базирующееся на все силы Польши.

Тов. Сталин замечает: „Дай Бог, чтобы это было так“.

Он, тов. Сталин, должен предупредить, что Советское Правительство не признает лондонского польского правительства, что оно порвало с ним отношения. Одновременно Советское Правительство имеет фактические отношения и договор с ПКНО. Нужно считаться с этими фактами.

Миколайчик спрашивает, должен ли он понимать это в том смысле, что польскому правительству в Лондоне закрыты все пути в Польшу.

Тов. Сталин отвечает, что это нужно понимать в том смысле, что раньше, чем вести переговоры с Миколайчиком как главой польского правительства, хорошо было бы покончить с существованием двух правительств — одного в Лондоне, а другого — в Хелме. Он, тов. Сталин, согласен, что хорошо было бы объединить силы и создать временное правительство. Этим должны были бы заняться сами поляки.

Миколайчик заявляет, что он не так далек в своей точке зрения от Маршала Сталина, но он вносит предложение о сотрудничестве четырех партий с их друзьями из ПКНО, так как ПКНО представляет только часть польского народа. Маршалу Сталину хорошо известно, что Витое не может представлять польскую крестьянскую партию, так как еще в 1929 году он перестал быть ее членом.

Тов. Сталин говорит, что критерий Миколайчика для определения популярности политического деятеля неправилен. Польша находится пять лет под пятой германских оккупантов. За время войны и оккупации в Польше выросли новые люди. Ссылки на старые авторитеты не имеют значения. Польша за четыре года полевела. Нужно считаться с новыми авторитетами. Он, тов. Сталин, мог бы привести в качестве примера Красную Армию, где выросли новые люди, где старые авторитеты отошли на задний план. Если бы до начала советско-германской войны к нам обратился кто-нибудь с заявлением, что через три года в России будут такие генералы, как Рокоссовский, Черняховский, Конев, Еременко, Баграмян, мы бы не поверили и рассмеялись. Старые авторитеты отошли, появились новые. Война и оккупация — это большой двигатель. Нельзя ссылаться на старых авторитетов. Нужно поискать новых людей. К таким новым людям принадлежит Осубка-Моравский. <…>

Тов. Сталин заявляет, что Советский Союз — страна, воюющая с Германией на территории Польши. Красная Армия заинтересована в существовании спокойного тыла. Если будут существовать два польских правительства и две системы, то это может принести большой вред делу борьбы Красной Армии с немцами. Если польское правительство в Лондоне имеет намерения и считает целесообразным договориться с ПКНО и создать одно польское правительство, то Советское Правительство готово этому помочь. Если польское правительство считает это нежелательным, то Советское Правительство будет вынуждено сотрудничать с ПКНО. Такова позиция Советского Правительства, которую он, тов. Сталин, просит учесть.

Миколайчик отвечает, что польское правительство готово пойти на то, чтобы договориться с ПКНО и с теми, кто вел борьбу в Польше в течение пяти лет оккупации.

Миколайчик спрашивает, как тов. Сталин представляет себе границы Польши.

Тов. Сталин отвечает, что Советское Правительство считает, что восточная граница Польши должна идти по линии Керзона, западная по реке Одер с оставлением города Штеттин у поляков, а района Кёнигсберга с городом Кёнигсберг — у русских.

Миколайчик говорит, что, следовательно, Львов и Вильно остаются в составе Советского Союза.

Тов. Сталин заявляет, что, согласно ленинской идеологии, все народы равноправны. Он, тов. Сталин, не хочет обижать ни литовцев, ни украинцев, ни поляков.

Миколайчик заявляет, что потеря Львова и Вильно будет обидой для польского народа. Польский народ этого не поймет, так как он считает, что Польша не должна понести ущерба, хотя бы потому, что в Польше не было ни одного квислинга.

Тов. Сталин замечает, что это не будет ущербом для Польши. Если говорить об ущербе, то он сможет сообщить, что большая группа русских националистов обвиняет Советское Правительство в том, что Советское Правительство разорило Россию потому, что в Россию не входит Польша, которая раньше была ее частью. Если слушать всякого рода обвинения, то можно совсем запутаться. Линия Керзона придумана не поляками и не русскими. Она появилась в результате арбитражного решения, вынесенного союзниками в Париже. Русские не участвовали в разработке линии Керзона. Он, тов. Сталин, должен при этом сказать, что мало найдется русских, которые согласятся на то, чтобы Белосток отошел к Польше, как это получается по линии Керзона.

Миколайчик заявляет, что он уверен, что если тов. Сталин сделает великодушный жест, то он получит благодарность польского народа и найдет союзника в нем.

Тов. Сталин заявляет, что Львов окружен украинскими селами. Советское Правительство не может обидеть украинцев. Нужно учитывать, что в Красной Армии много украинцев и что все они неплохо дерутся с немцами. Украинцы не потерпят того, чтобы Советское Правительство отдало Львов… <…> Тов. Сталин заявляет, что поляки получат вместо Львова Бреслау. У них будет достаточно руды и угля в Силезии».

Бросается в глаза, что Сталин говорил с Миколайчиком и другими членами польской делегации гораздо мягче, чем Молотов. Это у них с Вячеславом Михайловичем так было заведено: при встречах с иностранными делегациями Молотов играет роль «злого следователя», а Сталин, на контрасте — «доброго». Главным и в этой беседе был вопрос о взаимоотношениях ПКНО и лондонского правительства. Миколайчик выразил готовность включить коммунистов в будущее объединенное польское правительство, но сам хотел его возглавить. Он также настаивал, что в будущем польском правительстве должны быть представлены все партии, формирующие польское правительство в изгнании в Лондоне.

Сталин предлагал совсем другой сценарий политического будущего Польши. Он хотел, чтобы Миколайчик вместе с некоторыми членами лондонского правительства вошел бы в состав ПКНО, в котором по-прежнему бы доминировали коммунисты и другие просоветские силы. Иосифа Виссарионовича особенно тревожило, что лондонское правительство и Армия крайова будут

пытаться создавать свои административные структуры и сохранять неподконтрольные советской стороне вооруженные отряды. А ведь именно для того, чтобы не допустить создания неподконтрольной СССР польской армии были расстреляны в 1940 году польские офицеры в Катыни. И то, что Миколайчик собирался в случае успеха восстания послать в Варшаву своего представителя, чтобы наладить функционирование правительства в польской столице, не могло не вызвать сталинский гнев. Просто так арестовать такое правительство, признаваемое Англией и США, и без шума разоружить десятки тысяч бойцов Армии Крайовой не получилось бы. К Варшаве в тот момент было приковано внимание американской и британской общественности. Рузвельту и Черчиллю пришлось бы прислушаться к своему общественному мнению. Альтернатива могла бы тогда встать так: или серьезный конфликт с западными союзниками, или признание как минимум двоевластия в Польше, с правительствами в Люблине и Варшаве.

Практически в этот день, 3 августа, и была решена судьба Варшавского восстания. Решена она была довольно зловещей сталинской фразой: «Дай бог, чтобы это было так» в ответ на предположение Миколайчика, что Варшава вскоре будет освобождена. В этот момент Иосиф Виссарионович твердо решил: Красная армия варшавским повстанцам помогать не будет. Он, как кажется, искренне недооценивал боевые возможности Армии крайовой, веря донесениям советских партизан и разведчиков о том, что «аковцы» не представляют серьезной силы. И Сталин верил, что немцам быстро удастся подавить восстание, после чего Красная армия сможет спокойно возобновить наступление и быстро занять Варшаву, а там и Берлин недалеко. Поэтому 5 августа он писал Черчиллю: «Думаю, что сообщенная Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия. К такому выводу можно прийти хотя бы на том основании, что поляки-эмигранты уже приписали себе чуть ли не взятие Вильно какими-то частями Краевой Армии и даже объявили об этом по радио. Но это, конечно, не соответствует действительности ни в коей мере. Краевая Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию „Герман Геринг“».

Похоже, Сталин искренне верил, что за годы войны Польша полевела и теперь ПКНО действительно представляет большинство польского народа. Хотя и польским левым он никогда до конца не доверял, как, впрочем, не доверял никому.

На самом деле после начала Второй мировой войны влияние левых в Польше, представленных коммунистами и близкими к ним группами, скорее упало. Они в польском общественном мнении стойко ассоциировались с Советским Союзом, а советский престиж после оккупации Красной армией восточных польских воеводств и расстрела в Катыни (мало кто в Польше сомневался, что это советских рук дело) существенно упал. И само восстание в Варшаве продемонстрировало, что польское общество скорее поддерживает лондонское правительство в изгнании и Армию крайову, которой вынуждены были подчиниться и коммунистические отряды. Да и оружия у «аковцев» все-таки оказалось побольше, чем думал Сталин, иначе бы они не продержались в Варшаве целых два месяца. На столь длительное сопротивление повстанцев Сталин никак не рассчитывал, и оно очень скоро поставило перед ним ряд новых политических и стратегических проблем.

Когда Сталин говорил Миколайчику о своем стремлении считаться с интересами и чувствами народов (дескать, украинцы и литовцы обидятся, если Львов и Вильно останутся польскими), это была чистая демагогия. Никакого народного волеизъявления Сталин никогда не допускал. Части Красной армии и НКВД уже вели напряженные бои с Украинской повстанческой армией, население Западной Украины рассматривалось как враждебное советскому строю, и его требовалось «умиротворить». Столь же долго пришлось сражаться советским войскам с литовскими партизанами — сторонниками независимости. А когда Сталин обещал полякам силезский уголь и нефтехимию, он забыл уточнить, что то и другое придется поставлять исключительно в СССР, причем по весьма дешевой цене.

Любопытно, что Сталин, говоря Миколайчику о новых силах и политических деятелях, будто бы появившихся за годы войны в Польше, сравнил их с плеядой молодых генералов и маршалов, появившихся в годы войны в Красной армии. Посмотрим, кто вошел в этот список и в каком

порядке: Рокоссовский, Черняховский, Конев, Еременко, Баграмян. Весьма показательно отсутствие в этом списке Жукова. Очевидно, Георгия Константиновича Сталин не считал молодым полководцем, выдвинувшимся в Великую Отечественную, хотя Жуков на самом деле был на два года младше Рокоссовского (Сталин, впрочем, считал, что они одногодки). У Жукова, правда, уже был за плечами Халхин-Гол. Не исключено, что Иосиф Виссарионович уже тогда был встревожен непомерными амбициями и тщеславием Жукова и думал, как бы его после окончания войны слегка окоротить. Хотя все равно назначил его командующим главным фронтом, нацеленным на Берлин, и доверил принимать Парад Победы. Но из новых полководцев Рокоссовский пользовался наибольшей симпатией и уважением Сталина, поэтому вождь и поставил его на первое место в списке.

Продолжение советского наступления в тот момент, несомненно, привело бы к краху немецкой обороны на Висле. Немецкий генерал Курт Типпельскирх признавался: «Вначале успехи польских повстанцев были ошеломляющими: большинство немецких военных и гражданских учреждений, находившихся в этом крупном городе, были отрезаны от внешнего мира; вокзалы заняты повстанцами, располагавшими минометами, 20-миллиметровыми зенитными пушками и противотанковыми средствами (по большей части захваченными у немцев. — *Б. С.*); магистрали города блокированы. Лишь мосты через Вислу удалось удержать. Если бы русские продолжали атаковать предмостное укрепление, положение немецких войск в городе стало бы безнадежным». Но политические соображения снова оказались для Сталина важнее военных.

8 августа в письме Черчиллю Сталин так суммировал впечатления от встречи с Миколайчиком:

«Хочу информировать Вас о встрече с Миколайчиком, Грабским и Ромером. Беседа с Миколайчиком убедила меня в том, что он имеет неудовлетворительную информацию о делах в Польше. Вместе с тем у меня создалось впечатление, что Миколайчик не против того, чтобы нашлись пути к объединению поляков. Не считая возможным навязывать полякам какое-либо решение, я предложил Миколайчику, чтобы он и его коллеги встретились и сами обсудили вместе с представителями Польского Комитета Национального Освобождения их вопросы, и прежде всего вопрос о скорейшем объединении всех демократических сил Польши на освобожденной польской территории. Эти встречи состоялись. Я информирован о них как той, так и другой стороной. Делегация Национального Комитета предлагала принять за основу деятельности Польского Правительства Конституцию 1921 года и в случае согласия давала группе Миколайчика четыре портфеля, в том числе пост премьера для Миколайчика. Миколайчик, однако, не решился дать на это согласие. К сожалению, эти встречи еще не привели к желательным результатам. Но они все же имели положительное значение, так как позволили как Миколайчику, так и Моравскому и Беруту, только что прибывшему из Варшавы, широко информировать друг друга о своих взглядах и особенно о том, что как Польский Национальный Комитет, так и Миколайчик выражают желание совместно работать и искать в этом направлении практических возможностей. Можно считать это первым этапом во взаимоотношениях между Польским Комитетом и Миколайчиком и его коллегами. Будем надеяться, что дальше дело пойдет лучше».

Вряд ли Сталин всерьез рассчитывал, что лондонских поляков удастся заставить вступить в союз с советскими ставленниками, но Черчилля надо было постараться убедить в том, что есть серьезные шансы для такого объединения. В итоге всё ограничилось тем, что сам Миколайчик в конце 1944 года присоединился к ПКНО, получив посты вице-премьера и министра земледелия, но без каких-либо реальных полномочий. В 1947 году ему пришлось бежать за границу из-за угрозы ареста.

5 августа 1944 года штаб 2-й танковой армии доносил в штаб Рокоссовского о немецком контрнаступлении:

«1. Противник силами тд СС „Мертвая Голова“, тд „Герман Геринг“, тд СС „Викинг“, 19-тд, 73-й пд, штурмбатальона, 24-го строительного батальона, артиллерийских частей в 11.00 3.8.44 г. перешел в наступление на части 3-го тк и 8-го гв. тк с направлений: Радзымин — 40 танков, Клембув — 40 танков и бронетранспортеров, Струга — 20 танков с пехотой, Туров — 18 танков с пехотой, лес 2,5 км юго-западнее Окунев — 16 танков с батальоном пехоты, Посвинтье — 14 танков с пехотой, Краше-Стар — 20 танков и бронепоезд, действовавший из района Зеленка.

2. 2-я танковая армия 3.8.44 г. 3-м тк и частью сил 8-го гв. тк вела бой по уничтожению танков и пехоты противника. 50-я и 51 — я тбр 3-го тк вели бои с превосходящими силами противника на рубеже: Дучки, железная дорога, идущая через Воломин, Надажан, понесли большие потери и из района боевых действий не вышли, за исключением отдельных танков и 46 человек мба 50-й тбр.

Потери армии: сгорело и подбито танков и самоходных установок — 58, из них 42 остались на территории, занятой противником. Раздавлено орудий разных калибров — 16, автомашин — 17. Ранены и остались на территории, занятой противником, командиры 50-й и 51-й танковых бригад — Герой Советского Союза полковник Мирвода, майор Фундовный со своими штабами.

Личный состав 50-й и 51-й танковых бригад действовал героически, так один танковый экипаж поджег 7 немецких танков разных марок.

3. Урон, нанесенный противнику: уничтожено танков разных марок — 109, автомашин — 120, минометов — 19, пулеметов — 32, складов с боеприпасами — 2, бронетранспортеров — 36, орудий — 18, подбито бронетранспортеров — 25».

Ущерб, нанесенный противнику 2-й танковой армией, был уточнен в докладе штаба 1-го Белорусского фронта начальнику Генерального штаба от 7 августа. Там указывалось, что 3 августа немцы, прорвав фронт 3-го танкового корпуса, заняли город Волошин. 50-я и 51-я танковые бригады оказались отрезанными от главных сил. В неравном бою с превосходящими силами противника части 3-го танкового корпуса уничтожили свыше 3 тысяч солдат и офицеров, 109 танков, 120 автомашин, 19 минометов, 32 пулемета, 36 бронетранспортеров, 18 орудий. Потери 2-й танковой армии составили, согласно боевому донесению от 2 августа 1944 года за период боевых действий с 20 по 31 июля, — 582 убитых, 1581 раненый, 52 пропавших без вести, а за период с 20 июля по 8 августа — 991 убитый, 2852 раненых и 442 пропавших без вести. За период с 20 июля по 8 августа безвозвратные потери бронетехники 2-й танковой армии составили 244 танка и САУ, в том числе 155 танков Т-34,48 танков М4-А2, 4 танка ИС-2, 3 танка МК-9, 18 СУ-85, 15 СУ-76 и 1 СУ-57. Кроме того, было безвозвратно потеряно 36 орудий и 11 минометов. Общие потери армии в бронетехнике достигали 418 танков и САУ.

Новоназначенный начальник Генштаба сухопутных войск Хайнц Гудериан следующим образом описал бои под Варшавой:

«25 июля 1944 г. попытка 16-го танкового корпуса русских переправиться через Вислу по железнодорожному мосту у Демблина провалилась. Потери противника составили 30 танков. Мост удалось своевременно взорвать. Другие части бронетанковых войск русских были задержаны севернее Варшавы.

У нас, немцев, в то время создалось впечатление, что наша оборона заставила противника приостановить наступление. 2 августа 1-я польская армия „Польских Свободных Демократических Вооруженных Сил“ перешла тремя дивизиями в наступление через Вислу на участке Пулавы, Демблин. Несмотря на тяжелые потери, ей все же удалось захватить одно предмостное укрепление и удержать его до подхода советских подкреплений. Под Магнушевом на Висле противнику также удалось создать предмостное укрепление. Войска, форсировавшие Вислу на этом участке, имели задачу продвигаться вдоль берега на Варшаву, однако были остановлены на р. Пилица.

Тем не менее 8 августа у командования 9-й немецкой армии создалось впечатление, что попытка русских захватить Варшаву внезапным ударом с хода разбилась о стойкость немецкой обороны, несмотря на восстание поляков, которое, с точки зрения противника, началось преждевременно. Штаб армии доложил, что за период с 26 июля по 8 августа 1944 г. захвачено 603 военнопленных, имеется 41 перебежчик, за этот период части армии подбили 337 танков и взяли следующие трофеи: 70 орудий, 80 противотанковых пушек, 27 минометов и 116 пулеметов. Это были внушительные цифры после месяца непрерывных отступательных боев».

Заметим, что оценка Гудерианом потерь советских танков — 337 машин — вполне согласуется с данными о потерях 2-й танковой армии, потерявшей с 20 июля по 8 августа 418 танков и САУ. А вот данные 2-й танковой армии о пропавших без вести — 442 человека в период с 20 июля по 8 августа

— были явно преуменьшены, поскольку в немецком плену, по данным Гудериана, в период с 26 июля по 8 августа оказалось 664 человека из состава 2-й танковой армии. Массированное применение советских танков, как это обычно и случалось, привело не к успеху, а к неудаче.

Рокоссовский вспоминал:

«2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Все произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение… Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло еще, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окруженных там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седлеца фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулавы, захватили и стали расширять плацдармы на ее западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были ее выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В свое время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно и меня, как командующего, в том, что мы якобы сознательно не поддержали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило много сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с ее мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на все, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближавшимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом — захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона…

Деятельное участие в выяснении событий в Варшаве приняли польские товарищи из Люблина. Спустя некоторое время стало известно, что восстание было организовано группой офицеров АК и началось 1 августа по сигналу польского эмигрантского правительства из Лондона. Руководили восстанием генерал Бур-Коморовский и его помощник генерал Монтер (командующий Варшавским военным округом). Главенствующую роль играла Армия Крайова — части ее были наиболее многочисленны, лучше вооружены и организованы. К восстанию примкнули все патриотически настроенные варшавские жители, все, кто горел ненавистью к немецко-фашистским оккупантам и желанием быстрее изгнать поработителей. Взявшись за оружие, варшавяне били врага и ни о чем другом не думали.

Из всего, что мне удалось узнать от польских товарищей и из обширных материалов, которые поступали в штаб фронта, можно было сделать вывод — руководители восстания старались не допустить каких-либо контактов восставших с Красной Армией. Но шло время, и народ начинал понимать, что его обманывают. Обстановка в Варшаве становилась все более тяжелой, начались распри среди восставших. И только тогда главари АК решились через Лондон обратиться к советскому командованию…

Нащупав у нас слабое место — промежуток между Прагой и Седлецом (Седльце), противник решил отсюда нанести удар во фланг и тыл войск, форсировавших Вислу южнее польской столицы. Для этого он сосредоточил на восточном берегу в районе Праги несколько дивизий: 4-ю танковую, 1-ю танковую „Герман Геринг“, 19-ю танковую и 73-ю пехотную. 2 августа немцы нанесли свой контрудар, но были встречены на подступах к Праге подходившими туда с юга частями нашей 2-й танковой армии. Завязался упорный встречный бой. Немецкие войска оказались в более выгодном положении, так как они опирались на сильный Варшавский укрепленный район.

Казалось бы, что в этой обстановке варшавские повстанцы могли бы постараться захватить мосты через Вислу и овладеть Прагой, нанося удар противнику с тыла. Тем самым они помогли бы войскам 2-й танковой армии, и кто знает, как бы разыгрались тогда события. Но это не входило ни в расчеты лондонского польского правительства, три представителя которого находились в Варшаве, ни в расчеты генералов Бура и Монтера. Они сделали свое черное дело и ушли, а расплачивался за все спровоцированный ими народ.

2-я танковая армия, которой после ранения Богданова командовал начальник штаба Радзиевский, способный, энергичный генерал, продолжала отражать удары врага из района Праги, взаимодействуя с 47-й армией, освободившей Седлец и оттеснявшей противника к северо-западу от него. На этом участке сложилось для нас весьма рискованное положение: войска двух армий, развернувшись фронтом на север, вытянулись в нитку, введя в бой все свои резервы; не осталось ничего и во фронтовом резерве. Был единственный выход — ускорить продвижение от Бреста 70-й армии и скорее вытянуть из лесов Беловежской Пуши армии генералов Батова и Романенко.

Наш правый сосед — 2-й Белорусский фронт несколько поотстал, а 65-я армия, не встречая особого сопротивления со стороны противника, быстро преодолела лесные массивы Беловежской Пущи, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю, будучи атакованной с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врезались в центр армии, разъединили ее войска на несколько групп, лишив командарма на некоторое время связи с большинством соединений. Был такой момент, когда перемешались наши части с немецкими и трудно было разобрать, где свои, где противник; бой принял очаговый характер…»

Г. И. Хетагуров, в ту пору начальник штаба 8-й гвардейской армии, вспоминал, как 4 августа встретился с Рокоссовским и тот рассказал ему о Варшавском восстании: «Пока нам известно немногое. Есть сведения, что отряды так называемой Армии Крайовой, созданные эмигрантским правительством Польши для восстановления в стране буржуазного строя, подняли почти невооруженный народ против гитлеровских войск. Толкнули честных патриотов на явную авантюру и даже не сочли необходимым поставить в известность нас. А теперь вот просят помощи. Мы, конечно, помогаем: сбрасываем с самолетов оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие для восставших. Но они-то ждут от нас большего, а на большее мы сейчас неспособны. Советские войска, ослабленные в предшествующих боях, никак не могут пробиться в Варшаву. Вы же сами знаете, что происходит на захваченных нами плацдармах…»

Контрудар 4-й танковой и 5-й танковой дивизий СС «Викинг» против 65-й армии нанес ей значительные потери и не позволил принять участие в наступлении на Варшаву.

Советское наступление на Варшаву фактически остановилось уже к 6 августа. Для нового наступления требовались более тщательная подготовка операции, восполнение потерь в людях и техники и переброска подкреплений и боеприпасов. 8 августа Жуков и Рокоссовский предложили Сталину подготовить и провести Варшавскую наступательную операцию:

«Докладываем соображения о дальнейших действиях войск 1-го Белорусского фронта и о наметке плана проведения Варшавской операции.

1. Варшавскую операцию фронт может начать после того, как армии правого крыла выйдут на рубеж р. Нарев и захватят плацдарм на его западном берегу на участке Пултуск, Сероцк.

Боевые порядки этих армий удалены от реки Нарев на расстояние 120 км; для преодоления этого расстояния потребуется 10 дней. Таким образом, наступательную операцию армиями правого крыла фронта, с выходом их на рубеж р. Нарев, необходимо провести в период с 10 по 20.8.44 года.

2. За это же время на левом крыле фронта силами 69-й армии 8-й гв. армии, 7-го гв. кк и 11-го тк необходимо провести частную операцию с целью расширения плацдарма на западном берегу р. Висла, с выходом этих армий на рубеж: Варка, Стромец, Радом, Вежбица.

Для проведения этой операции необходимо из состава 1-го Украинского фронта передать 1-ю танковую армию Катукова в состав 1-го Белорусского фронта и направить ее из района Опатув через Островец, Сенно, с задачей ударом в северном направлении выйти на фронт: Зволень, Радом и этим оказать помощь 69-й, 8-й гв. А, 7-му кк и 11-му тк в разгроме противостоящего противника.

Наряду с этим необходимо существующую разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами поднять на север до линии: Красностав, река Илжанка, Опочно, Пиотркув. Это уплотнит боевые порядки армий левого крыла 1-го Белорусского фронта и усилит ударную мощь наших войск на радомском направлении.

3. После проведения этих операций и с выходом армий правого крыла фронта на рубеж р. Нарев, а армий левого крыла на фронт: Варка, Стромец, Радом, Вежбица войска будут нуждаться во времени минимум 5 дней для перебазирования авиации, для подтягивания артиллерии и тылов, а также для подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

4. Учитывая необходимое время на подготовку, Варшавскую операцию можно начать с 25.8.44 всеми силами фронта, с целью выхода на рубеж: Цеханув, Плоньск, Вышогруд, Сохачев, Скерневице, Томашув и занятия Варшавы.

В этой операции для наступления севернее р. Висла использовать три армии, 1-й танковый и 1-й кавалерийский корпуса, а для наступления южнее р. Висла использовать 69-ю армию, 8-ю гв. армию, 1-ю танковую и 2-ю танковую армии, два кавкорпуса, один танковый корпус и одну армию за счет правого крыла фронта.

1-я польская армия в этой операции будет наступать по западному берегу р. Висла с задачей во взаимодействии с войсками правого крыла и центра фронта овладеть Варшавой.

5. Докладывая изложенное, просим утвердить наши соображения по проведению дальнейших наступательных операций войск 1-го Белорусского фронта и наши расчеты времени на их проведение».

Комментируя предложенный Жуковым и Рокоссовским план Варшавской операции, С. М. Штеменко пишет, что

«разгромить варшавскую группировку противника предусматривалось двусторонним охватом ее силами войск обоих флангов 1-го Белорусского фронта. Одновременно одна из армий, форсировавших Вислу, ударом на север вдоль западного берега реки должна была рассечь эту группировку. Исходными районами для наступления фланговых группировок должны были служить на правом фланге — плацдармы на реке Нарев в районе Пултуска и Сероцка, которые предстояло захватить, на левом фланге — уже созданные 8-й гвардейской и 69-й армиями плацдармы на Висле у Магнушева и Пулав. Операцию можно было начать при самых благоприятных условиях не ранее 25 августа.

Станислав Миколайчик в эти дни вел переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым о положении дел в Польше и советско-польских отношениях. От Генштаба к переговорам иногда привлекали А. И. Антонова. Сталин твердо заявил, что польские дела будут обсуждать сами поляки и переговоры должны вестись с Польским комитетом национального освобождения. „Лондонцы“ согласились. Из Люблина в Москву прибыли председатель Крайовой Рады Народовой Болеслав Берут, председатель ПКНО Эдвард Осубка-Моравский и другие. Приехал также главнокомандующий Войском Польским генерал Михал Роля-Жимерский.

В состоявшихся затем переговорах стороны остались, как говорят, при своем мнении. Последняя беседа И. В. Сталина с Миколайчиком состоялась 9 августа. Во время этой беседы Миколайчик все же был вынужден более подробно сообщить о варшавском восстании и сказать, что повстанцы испытывают большой недостаток оружия.

Вскоре нам в Генштабе стало известно, что Верховный Главнокомандующий позвонил по ВЧ К. К. Рокоссовскому и приказал еще раз рассмотреть вопрос о Варшавской операции, а в качестве первой меры организовать доставку вооружения повстанцам и для связи с руководством восставших сбросить парашютиста, снабженного рацией. Парашютист этот, не зная дислокации повстанцев, сразу же попал в лапы противника».

8 августа Бур-Комаровский послал в Лондон следующую телеграмму:

«Передаю телеграмму командующего округа, руководящего восстанием в Варшаве. Передайте через Москву командующему фронтом Рокоссовскому.

„С 1 августа 1944 г. веду бои с немцами в Варшаве с участием всего населения и всех вооруженных отрядов Армии Крайовой, и тех, которые присоединились к боям: Рабочая милиция, Армия Людова, Польская Армия Людова и другие.

Ведем тяжелые бои. Немцы, готовя пути отхода, жгут город и уничтожают население. Сейчас мы сдерживаем крупные немецкие бронетанковые силы и пехоту, однако ощущаем недостаток боеприпасов и тяжелого оружия, нам необходима быстрая помощь войск маршала. В моем штабе находится советский офицер капитан Калугин, сообщите для него данные радиосвязи, чтобы он мог связаться с Вами и таким путем дать мне возможность согласовать действия.

Нурт (псевдоним полковника А. Хрусцеля), командующий округом Варшава“».

9 августа британская военная миссия в Москве обратилась в Генштаб Красной армии с просьбой помочь варшавским повстанцам. Она переслала обращение Бур-Комаровского к советскому командованию, в котором тот просил помощи советских войск, чтобы «ускорить победу над нашим общим врагом». 8 августа Молотов принял представителей польского правительства в изгнании С. Миколайчика, С. Грабского, Т. Ромера и представителей Польского комитета национального освобождения Б. Берута и Э. Осубки-Моравского по вопросам формирования коалиционного правительства. Вот фрагмент записи этой беседы:

«Он, Молотов, хотел бы добавить, что при рассмотрении политики Советского Союза в отношении соседних стран, особенно Польши, нужно иметь в виду, что Советский Союз — это не старая царская Россия. Советская Россия смотрит на отношения с Польшей новыми глазами. Не все поляки это понимают в настоящее время. Однако нас всех радуют те сообщения, которые поступают к нам со всех сторон, о том братском приеме, который польское население оказывает Красной армии в Польше. Советские армии встречают в Польше с цветами, хлебом и солью, самым дружественным образом. В этом мы видим залог хорошего будущего наших отношений.

Что касается переговоров между Польским Комитетом Национального Освобождения и представителями лондонского правительства, то он, Молотов, может лишь сожалеть, что не было достигнуто соглашение. Но он, Молотов, надеется на лучшее будущее.

Миколайчик заявляет, что он не только надеется, но и уверен, что с ПКНО будет достигнуто соглашение».

Несмотря на взаимные комплименты, стороны держались настороженно. В ответ на предложение Молотова и Берута прибыть для переговоров в занятую советскими войсками часть Польши Миколайчик ответил, что он «не такой дурак, чтобы приехать и быть там арестованным». Молотов еще раз убедился, что шансов на то, что ПКНО и польское правительство в Лондоне договорятся на приемлемых для Советского Союза условиях, практически нет. Миколайчик настаивал на сохранении, пусть и с определенными изъятиями и хотя бы на время, польской конституции 1935 года, поскольку возвращение к конституции 1921 года лишало польское правительство в изгнании

легитимности. Он также понимал, что пост премьера даст ему только моральное удовлетворение, поскольку в правительстве будут резко преобладать коммунисты и их сторонники, контролирующие, в частности, силовые министерства и пользующиеся поддержкой Красной армии и советских военных властей в Польше. Для Молотова же, в свою очередь, было неприемлемо предложение Миколайчика о том, чтобы контроль над польскими вооруженными силами осуществлялся специальным комитетом, где лондонские поляки имели бы как минимум равные права с московскими поляками.

9 августа состоялась встреча Сталина с Миколайчиком. В этот день немецкие танковые части в Варшаве вышли к Висле и расчленили территорию, занятую восставшими, на изолированные анклавы. Согласно польской записи, разговор советского вождя с польским премьером проходил следующим образом:

«С. Миколайчик повторил свою просьбу, но в этот раз просил немедленно помочь польским силам в Варшаве, где Армия Людова и Армия Крайова объединились в борьбе против немцев.

Маршал Сталин: Какая помощь Вам нужна?

С. *Миколайчик*: Варшаве нужно оружие. Немцы не так сильны, чтобы вытеснить поляков с их позиций, но сконцентрировали усилия на удержании двух главных коммуникаций из города, мостов через Вислу. Борьба разгорается, и польские силы встречаются с очень значительным превосходством противника.

Маршал Сталин: Все эти действия в Варшаве кажутся нереальными. Могло бы быть иначе, если бы наши войска подходили к Варшаве, но, к сожалению, этого не произошло. Я рассчитывал, что мы войдем в Варшаву 6 августа, но нам это не удалось. 4 августа немцы бросили в район Праги четыре танковые дивизии. Поэтому нам не удалось взять Прагу и мы вынуждены были сделать обходной маневр у Вислы в районе Пилицы. В результате этого маневра нам удалось продвинуться на фронте шириной 25 км, глубиной 30 км. Вчера немцы предприняли сильную контратаку на этом участке пехотной и двумя танковыми дивизиями. Поэтому наше наступление на Варшаву столкнулось с пятью новыми дивизиями с немецкой стороны, три из которых все еще находятся в районе Праги. У меня нет сомнений, что мы преодолеем и эти трудности, но для этих целей мы должны перегруппировать наши силы и ввести артиллерию. Все это требует времени. Мне очень жаль ваших людей, которые поднялись так рано в Варшаве и сражаются с винтовками против немецких танков, артиллерии и самолетов. Я был в Варшаве и хорошо знаю ее узкие улицы старого города, и поэтому я с уверенностью считаю, что удержание старого города со стратегической точки зрения не очень существенно. Что мы достигнем, оказывая помощь с воздуха? Мы можем, таким образом, доставить определенное количество винтовок и пулеметов, но не артиллерию. Наконец, попадет ли оружие, сброшенное с самолетов, в руки поляков без потерь? Было бы легче сбросить вооружение в более отдаленные районы, скажем, Радом или Келец, но сделать это в городе с опасной концентрацией немецких сил — чрезвычайно трудная задача. Однако, может быть, удастся. Мы должны попытаться. Что может быть сброшено и когда?

С. *Миколайчик:* Я понимаю Ваши сомнения, но сегодня слишком поздно колебаться, потому что в Варшаве бои идут без остановки. Несколько объектов было взято нашими силами. В штабе повстанцев в Варшаве находится капитан Красной Армии Калугин, который пытается установить прямой контакт с Советским Верховным Главнокомандованием, который, как говорится в телеграмме, посланной через нас, представил Вам доклад о реальном положении в Варшаве. Этот доклад — точное подтверждение нашей собственной информации. Площади, обозначенные в телеграмме, куда должно быть сброшено вооружение, будут обеспечены баррикадами, поэтому нет причин для опасений.

Маршал Сталин: Можете Вы положиться на эту информацию?

С. Миколайчик: Абсолютно. Как только прямые контакты установятся между польскими силами в Варшаве и Красной Армией, появится возможность договориться о сигналах, куда можно сбросить вооружение. Больше всего нам нужны гранаты, стрелковое оружие и боеприпасы. Немцы также

атакуют с воздуха. Если было бы возможно защитить Варшаву от бомбардировок германской авиации с помощью советских истребителей, то это бы имело большое значение не только с военной, но и с психологической точки зрения для поддержания восставших.

Маршал Сталин: Могут наши самолеты приземлиться?

С. Миколайчик: Нет, они могут сбросить оружие только с воздуха.

Маршал Сталин: Это легко.

С. Миколайчик: Я прошу дать указание маршалу Рокоссовскому.

Маршал Сталин: Как могут быть установлены контакты? Необходимы шифровки, так как эфир полон разного рода сигналов. Я могу заверить, что со своей стороны мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы помочь Варшаве. Кому мы можем адресовать это?

С. Миколайчик: Возможно, капитан Калугин может помочь в этом.

Маршал Сталин: Он не имеет средств связи. Поэтому я дам указание сбросить офицера с парашютом в Варшаву с шифром и с задачей установления контакта. Вы поможете в этом и дадите соответствующие инструкции?

С. *Миколайчик*: Я запрошу Варшаву немедленно и пошлю ответ Вам. <…>

Перед окончанием встречи С. Миколайчик сердечно обратился к Маршалу Сталину и вновь сослался на его обещание сделать все возможное для оказания советским правительством помощи. Поляки отметили, что Маршал Сталин заверил их в этом».

В польской записи есть важные детали, отсутствующие в советской. Во-первых, Миколайчик указал, что в Варшаве Армия крайова объединилась с Армией людовой. Во вторых, Сталин назвал 6 августа как день, когда он рассчитывал занять Варшаву. Этот же день упомянул Рокоссовский в беседе с корреспондентом английской газеты «Санди таймс» и радиокомпании «Би-би-си» в Москве Александром Вертом. Это доказывает, что первоначально Сталин рассчитывал захватить Варшаву еще в первой декаде августа, но немецкое сопротивление и восстание изменили его планы.

Из разговоров с Миколайчиком Сталин и Молотов поняли, что даже если польский премьер присоединится к ПКНО, польское правительство в изгнании и подчиняющееся ему командование польских вооруженных сил не будут следовать его примеру. Поэтому надо было ждать, пока немцы подавят восстание. А пока что кормить Миколайчика обещаниями, которые не собирались выполнять.

Просьбы о помощи со стороны польского эмигрантского правительства Сталина конечно же смутить не могли. Лондонские поляки по-прежнему соглашались только на коалицию с ПКНО, причем не давали ясного ответа на то, кто будет стоять во главе правительства. Не соглашались они и на разоружение Армии крайовой. Однако мольбы гибнущей Варшавы находили живой отклик у западной общественности. Поэтому оставаться в бездействии Красной армии было не очень удобно, чтобы не подорвать отношения с союзниками. И Сталин решил провести Варшавскую операцию, но провести так, чтобы ни в коем случае не взять Варшаву до того, когда восстание будет немцами раздавлено. Операцию планировалось начать 25 августа, и Сталин надеялся, что к тому времени немцы покончат с повстанцами.

Обвинения, выдвинутые Сталиным, Молотовым и советскими генералами в адрес Армии крайовой насчет того, что она не пыталась согласовать свои действия с советским командованием, были совершенно безосновательны. Во-первых, в отсутствие дипломатических отношений между Москвой и польским правительством установить связь с советской стороной было довольно затруднительно. Во-вторых, и это главное, когда такое взаимодействие на местах пытались наладить командиры Армии крайовой, для них это, как правило, заканчивалось трагически.

14 августа Бур-Комаровский писал в Лондон:

«С момента вступления советских войск на польскую территорию в январе 1944 г. части АК устанавливали связь с советскими командирами для согласования действий. Так было на Волыни и Виленщине, в восточной Малополыпе, Белостокском и Любельском воеводствах. Все контакты закончились печальным опытом, поскольку после использования нашей помощи на поле боя командиры всех частей и подразделений АК были арестованы и части разоружены советской армией. После такого опыта мы не старались заранее установить связь из Варшавы с советским командованием, ожидая проявления их доброй воли. Как только 3 августа в штаб АК прибыл советский капитан Калугин, он был принят и размещен в штабе командующего восстанием. Через посредничество капитана Калугина 7 августа были переданы советскому командованию потребности АК в оружии и цели в Варшаве для бомбардировки с воздуха. Кроме того, командующий восстанием в Варшаве направил через Лондон радиограмму маршалу Рокоссовскому с предложением согласования действий и оказания Варшаве помощи, к сожалению, до сегодняшнего дня как телеграмма капитана Калугина, так и командующего восстанием остались без ответа».

16 августа командующий Армией крайовой отдал приказ командиру подокруга Новогрудек:

«Отношения Советов к АК на занятых ими территориях (люблинское, львовское, часть варшавского, краковское и радомское) негативное. НКВД коварно арестовывает всех командиров и инициативных офицеров. Подразделения и части разоружают, ставят задачу перехода к Берлингу. Сопротивление польского населения значительное. Советы пока не применяют массовых репрессий против населения.

Я отдал приказы командующим округов не давать себя обманом арестовывать. На переговоры не ездить, приглашать к себе советских командиров. После акции „Буря“ небольшие отряды немедленно включать в дивизионные формирования, а те, в свою очередь, концентрировать в удобных для обороны районах.

В случае разоружения оказывать сопротивление.

В связи с общей обстановкой приказываю: переходить к подпольной борьбе, саботировать призыв в армию Берлинга и в советские части. Воздерживаться от вооруженного выступления против Советов. Все Ваши решения принципиального характера требуют моего утверждения».

13 августа британская военная миссия в Москве, а 14 августа американский посол в СССР Аверелл Гарриман обратились с просьбой разрешить американским самолетам, оказывающим помощь варшавским повстанцам, приземляться на советских военных базах.

Это предложение Сталин отверг. Он опасался, что тогда англичане могут рискнуть высадить десант в Варшаве, а в этом случае последующее разоружение Армии крайовой было бы затруднено. Да и продержаться с помощью англичан и американцев повстанцы могли бы значительно дольше, а это не входило в сталинские планы.

15 августа заместитель Молотова А. Я. Вышинский ответил А. Гарриману:

«Уважаемый г-н Посол!

В связи с Вашим письмом от 14 августа на имя Народного Комиссара Иностранных дел В. М. Молотова, содержащим сообщение о том, что соединение американских военно-воздушных сил получило срочное указание выяснить с военно-воздушными силами Красной Армии вопрос о возможности проведения челночного полета из Англии с тем, чтобы бомбардировщики и истребители проследовали затем на базы в Советском Союзе, а также предложение о необходимости согласования с советскими военно-воздушными силами аналогичной попытки сбросить оружие в Варшаве, если бы такая операция была предпринята в этот день с советской стороны, по поручению Народного комиссара сообщаю, что Советское Правительство не может пойти на это. Выступление в Варшаве, в которое вовлечено варшавское население, является чисто авантюрным делом, и Советское Правительство не может к нему приложить свою руку. Маршал И. В. Сталин еще 5 августа сообщал г-ну У. Черчиллю, что нельзя себе представить, как могут взять Варшаву несколько польских отрядов так называемой Крайовой Армии, у которой нет ни артиллерии, ни авиации, ни

танков, в то время как немцы выставили на оборону Варшавы четыре танковых дивизии. Прошу Вас, г-н Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении».

Это было приговором Варшавскому восстанию. Этот приговор содержался и в опубликованном 13 августа 1944 года заявлении ТАСС, в котором говорилось, что польское эмигрантское правительство не предпринимало никаких попыток заранее уведомить советское военное командование и согласовать с ним какое-либо наступление в Варшаве. Прямого стоп-приказа Рокоссовский так никогда и не получал. Но после 13 августа он понял, что его армиям не дадут достаточно сил и средств для взятия Варшавы до тех пор, пока немцы не покончат с повстанцами.

Войска 1-го Белорусского продолжали наступление во все время подготовки Варшавской операции, но нехватка боеприпасов и плохая подготовка обрекали атаки на неудачи. Так, 15 августа Рокоссовский издал приказ командующему 48-й армией о временной приостановке наступления. Там, в частности, говорилось:

«Армия поставленной мной задачи не выполнила. Это явилось следствием того, что наступательный бой организовывался плохо, построение боевых порядков корпусов и армии не соответствовало обстановке, большое количество сил и средств резервировалось, а для наступления сил и средств выделялось совершенно недостаточно. В результате противник имел возможность организовать оборону на случайных, неподготовленных рубежах и сдерживать небольшими силами наступающие войска армии.

Приказываю:

1. Наступление временно приостановить. В течение 16 и 17.8.1944 тщательно разведать систему обороны и систему огня пр-ка; организовать бой, подвезти боеприпасы и горючее, смазочные материалы.

2. С утра 18.8.1944 г. перейти в решительное наступление и выполнять ранее поставленные задачи».

Из этого приказа видно, что немецкая оборона на Висле не была такой уж прочной, по крайней мере, за пределами Варшавского укрепрайона. Немецким дивизиям в большинстве случаев приходилось занимать не подготовленные к обороне рубежи.

Рокоссовский понимал, что только наличие Армии крайовой не дает его войскам занять Варшаву. И обрушил свой гнев на польское правительство в Лондоне и командование Армии крайовой. В выражениях он не стеснялся. Ведь из-за этих, как считал Константин Константинович, «авантюристов» напрасно гибнут его солдаты.

26 августа маршал дал в Люблине интервью британскому журналисту Александру Верту. Он, в частности, заявил:

«— Я не могу входить в детали. Скажу вам только следующее. После нескольких недель тяжелых боев в Белоруссии и в Восточной Польше мы в конечном счете подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В этот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

— Как далеко назад?

— Не могу вам точно сказать, но, скажем, километров на сто.

— И вы все еще продолжаете отступать?

— Нет, теперь мы наступаем, но медленно.

— Думали ли вы 1 августа (как дал понять в тот день корреспондент „Правды“), что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

— Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, хотя и не лобовой атакой, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100. Не исключена была

возможность немецкой контратаки в районе Праги, хотя теперь нам известно, что до прибытия этих четырех танковых дивизий немцы в Варшаве впали в панику и в большой спешке начали собирать чемоданы.

— Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

— Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами.

— Но ведь была передача Московского радио, призывавшая их к восстанию?

— Ну, это были обычные разговоры. Подобные же призывы к восстанию передавались радиостанцией „Свит“ (радиостанция Армии крайовой. — *Б. С.*), а также польской редакцией Би-би-си — так мне по крайней мере говорили, сам я не слышал. Будем рассуждать серьезно. Вооруженное восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии. Правильный выбор времени являлся здесь делом огромнейшей важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов, и я признаю, что некоторые советские корреспонденты проявили 1 августа излишний оптимизм. Нас теснили, и мы даже при самых благоприятных обстоятельствах не смогли бы овладеть Варшавой раньше середины августа. Но обстоятельства не сложились удачно, они были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются. Нечто подобное произошло в марте 1943 года под Харьковом и прошлой зимой под Житомиром.

— Есть ли у вас шансы на то, что в ближайшие несколько недель вы сможете взять Прагу?

— Это не предмет для обсуждения. Единственное, что я могу вам сказать, так это то, что мы будем стараться овладеть и Прагой и Варшавой, но это будет нелегко.

— Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

— Да, однако немцы из кожи вон лезут, чтобы ликвидировать их. Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши, но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

— А вы не можете оказать варшавским повстанцам помощь с воздуха?

— Мы пытаемся это делать, но, по правде говоря, пользы от этого мало. Повстанцы закрепились только в отдельных точках Варшавы, и большинство грузов попадает к немцам.

— Почему же вы не можете разрешить английским и американским самолетам приземляться в тылу у русских войск, после того как они сбросят свои грузы в Варшаве? Ваш отказ вызвал в Англии и Америке страшный шум…

— Военная обстановка на участке к востоку от Вислы гораздо сложнее, чем вы себе представляете. И мы не хотим, чтобы именно сейчас там вдобавок ко всему находились еще и английские и американские самолеты. Думаю, что через пару недель мы сами сможем снабжать Варшаву с помощью наших низколетящих самолетов, если повстанцы будут располагать сколько-нибудь различимым с воздуха участком территории в городе. Но сбрасывание грузов в Варшаве с большой высоты, как это делают самолеты союзников, практически совершенно бесполезно.

— Не производит ли происходящая в Варшаве кровавая бойня и сопутствующие ей разрушения деморализующего воздействия на местное польское население?

— Конечно производит. Но командование Армии Крайовой совершило страшную ошибку. Мы ведем военные действия в Польше, мы та сила, которая в течение ближайших месяцев освободит всю Польшу, а Бур-Комаровский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке —

как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковер… Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идет о политической авантюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за нее пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши.

Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма».

Когда Константин Константинович говорил, будто призывы радиостанций к вооруженному восстанию — это всего лишь «обычные разговоры», он кривил душой. Ведь и призыв радиостанции Армии крайовой, и призывы радиостанций, подконтрольных Москве, ориентировались на вполне реальное восстание, ожидавшееся в Варшаве. Только в Лондоне полагали, что его возглавит Армия крайова, а в Москве — Армия людова. Но прокоммунистическая Армия людова принимала довольно незначительное участие в Варшавском восстании. Так, подпоручик Армии крайовой Рышард Янковский, плененный немцами, на допросе показал, что «коммунисты принимали очень слабое участие в восстании. Только очень небольшая часть АЛ активно участвовала в восстании. В кругах АК полагают, что большинство АЛ, особенно политические светила ППР, остались в подполье, чтобы удобнее было вести наблюдение и разоблачать командование АК. ППР в своей прессе подвергала АК резким нападкам, в частности, указывая на то, что англичане бросили поляков и успеха восстания можно добиться только с помощью России. АК уже не могла эффективно защищаться от подобных нападок, так как ответственные лица боялись, что после прихода Советов их привлекут за это к ответственности».

Как поляку и уроженцу Варшавы, Рокоссовскому несомненно было жаль родного города и повстанцев, героически сражающихся на его улицах. Но он уже полностью отождествлял себя с Советским Союзом и Красной армией, когда говорил Верту «мы». А для них польское правительство в Лондоне и Армия крайова были врагами, и Рокоссовский их только в этом качестве и рассматривал. И больше он жалел своих солдат, а не бойцов Армии крайовой.

Немцы, как кажется, начали догадываться, что русские войска не смогут взять Варшаву до тех пор, пока там будут держаться отряды Армии крайовой. Поэтому еще в середине августа немецкие танковые дивизии, основательно потрепавшие действовавшую за Вислой советскую 2-ю танковую армию, были переброшены к побережью Балтики, чтобы прорубить коридор к группе армий «Север», оказавшейся отрезанной от Германии. Операция началась 16 августа, и в первые же дни наличие танковых дивизий, переброшенных из-под Варшавы, было зафиксировано разведкой 1-го Прибалтийского фронта. К концу месяца немцам удалось оттеснить советские войска с балтийского побережья и восстановить сухопутные коммуникации с группой армий «Север». Но эта операция теряла смысл в случае советского наступления на Варшаву. Ослабленные немецкие силы не смогли бы его сдержать, а тем более удержать на севере фронт от Латвии до Одера. Однако войска 1-го Белорусского фронта на Висле не сдвинулись с места, пока немецкая 3-я танковая армия пробивалась к Балтийскому морю у Тукумса. Вместо наступления на Висле 21 августа началось советское наступление в Румынии. Среди немецких солдат, как свидетельствует донесение айнзацкоманды Боевой группы «Рек» от 24 августа 1944 года, господствовало убеждение, что «Варшаву не удастся удержать, если русские не будут остановлены на северо-востоке и юго-востоке от города».

А ведь если бы после начала сражения у Тукумса на Варшаву была бы перенацелена 1-я танковая армия М. Е. Катукова, а войска Рокоссовского получили бы пополнение танками и боеприпасами, они смогли бы немедленно атаковать польскую столицу, и немцам не удалось бы ее защитить. Но повстанцы еще держались, а помогать им Сталин по-прежнему не собирался.

16 августа Сталин писал Черчиллю:

«1. После беседы с г. Миколайчиком я распорядился, чтобы Командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы. Был также сброшен парашютист-связной, который, как докладывает командование, не добился цели, так как был убит немцами.

В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт.

При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию».

В том же духе и в тот же день Молотов писал Керру: «Советское Правительство, разумеется, не может возражать против того, чтобы английские или американские самолеты сбрасывали вооружение в районе Варшавы, считая, что это — дело самих американцев и англичан. Но Советское Правительство, безусловно, возражает против того, чтобы американские или английские самолеты после сбрасывания вооружения в районе Варшавы приземлялись на советской территории, так как Советское Правительство не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве».

А 22 августа Сталин ответил на послание Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 20 августа, в котором они предлагали сделать все, чтобы спасти как можно больше повстанцев в Варшаве:

«Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы.

С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска, встретившиеся в последнее время с новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам».

Можно было подумать, что немцы вспомнили об обороне Варшавы только потому, что там началось польское восстание!

В принципе, Варшавская операция была вполне осуществимой. Требовалось только передать 1-му Белорусскому фронту 1-ю танковую армию, пополнить 1-ю и 2-ю танковые армии бронетехникой, а все армии — личным составом и боеприпасами.

Ради того, чтобы разбить варшавскую группировку противника и открыть прямую дорогу на Берлин, стоило бы, если принимать во внимание только стратегические соображения, повременить с советским наступлением против Румынии, намеченном на 20 августа. В случае, если бы советские войска сбили немцев с вислинского рубежа и оттеснили их к Одеру, германскому командованию наверняка пришлось бы начать отвод войск из Румынии, и румынское правительство в этом случае почти наверняка вышло бы из войны и открыло бы боевые действия против вермахта — что и было целью советского наступления. К концу августа немецкие войска также потерпели тяжелое поражение во Франции, когда основные силы немецких танковых дивизий были уничтожены в ходе сражения в Фалезском котле. Союзники вышли к границам Германии, что давало реальный шанс закончить войну еще в 1944 году.

Однако Армия крайова еще держалась в Варшаве. И поэтому Сталин не торопился занимать польскую столицу, пока там сражалась неподконтрольная ему сила. Иосиф Виссарионович предпочел совершить бросок на Балканы, чтобы гарантировать их переход в советскую сферу влияния и предотвратить высадку там англо-американских десантов. План Варшавской операции был им одобрен, но необходимых средств усиления 1-й Белорусский фронт не получил. Результатом стала запланированная неудача.

К. Ф. Телегин вспоминал:

«В назначенный день эта операция началась. Однако, проведенная без должной подготовки, не подкрепленная необходимыми резервами, она завершилась, коротко говоря, упомянутым выше скромным результатом — войска правого крыла, преодолев в длительных боях сопротивление противника, вышли к Нареву и захватили там плацдармы. На южном крыле успехи войск, наступавших с плацдармов, обозначились еще более скромными результатами. На этом оперативные наступательные возможности войск фронта были полностью исчерпаны, его соединения еще более ослаблены. Стало ясно, что без обстоятельной и длительной подготовки, без внушительного накопления войск задача по преодолению Вислинского вала на широком фронте и освобождению Варшавы не может быть осуществлена».

Западным союзникам была продемонстрирована невозможность взять в данный момент Варшаву, что Сталин и хотел доказать. В этом и состояла главная цель наступления 1-го Белорусского фронта. И Рокоссовский это понял. Другая же цель, очевидно, состояла в том, чтобы максимально измотать сосредоточенные на Висле и Нареве немецкие дивизии. Однако при этом не учитывалось, что советские войска изматывались еще в большей степени и несли большие потери, совершенно неоправданные с точки зрения того превосходства в силах и средствах, которым они в тот момент располагали.

18 августа войска 1-го Украинского фронта взяли Сандомир. 21 августа Рокоссовский от имени Ставки отдал директиву 48,65, 28 и 70-й армиям о форсировании Нарева, что позволит «развернуть крупные наступательные операции за р. Нарев против Восточной Пруссии». Именно к границам Восточной Пруссии смешался центр тяжести действий фронта.

25 августа военный совет 48-й армии жаловался военному совету 1-го Белорусского фронта на нехватку танков, что не позволяет так быстро, как хотелось бы, сбивать неприятельскую пехоту с занимаемых рубежей, и сообщал о потерях и пополнениях:

«За один только день 24.8.44 г. убитых насчитывается 224 человека и раненых 717… В ходе последних боев значительно изменился состав воинских частей, и в первую очередь — стрелковых полков.

Основным контингентом является новое пополнение. Количество военнослужащих — рядовых, находящихся на фронте с 1942 г. и тем более с 1941 года, — исчисляется единицами.

За время с 20.6 по 20.8.44 г. армия потеряла убитыми 4787 человек и ранеными — 19 815 человек. За это время мобилизовано и поставлено в строй за счет призыва на освобожденной от врага территории — 26 614 человек.

Таким образом, весь личный состав стрелковых рот — это бойцы пополнения, призванные в районах Восточной и Западной Белоруссии (процент насыщенности белорусами достиг 63,3).

По отзывам некоторых офицеров и рядовых — ветеранов войны, пополненцы не обладают еще боевой закалкой.

Оценивая бойцов пополнения, командир 2-го батальона 391-го сп капитан Самохвалов заявляет: „С этими бойцами нужно работать и работать. Они совершенно не имеют никакой военной закалки, не привыкли к военной дисциплине, не были в боях и в них мало настоящего солдатского духа. Многие из них все три года войны только лишь спасались от немцев, околачивались в разных местах. Работать с ними надо долго и упорно, а то они могут подвести во время боя“».

Следует учесть, что данные об убитых, скорее всего, приуменьшены (получается, что 24 августа их число почти втрое превышало среднее ежедневное число убитых за два месяца боев), а данные о пропавших без вести вообще не приведены. За счет этого реальные безвозвратные потери 48-й армии могли оказаться в два-три раза выше и достигать 10–14 тысяч человек. Но и в этом случае призыв непосредственно в части белорусского населения как минимум процентов на 80–90 покрыл потери 48-й армии.

И аргумент насчет плохой подготовки местного пополнения на самом деле стоил немного, поскольку вследствие больших потерь в Красной армии практически всю войну в частях преобладали плохо обученные новобранцы. Именно Сталин изобрел новый способ ведения войны — массовый ввод в бой практически не обученного пополнения, которое несло особо тяжелые потери.

Немецкая оборона на подступах к Нижнему Нареву оказалась неожиданно сильной. К концу августа в район Зегжа, Сероцка и Пултуска было переброшено пять новых немецких дивизий. Только 4–6 сентября 48-я и 65-я армии форсировали Нарев и создали плацдармы под Ружаном и Сероцком.

А вот поступившее в конце августа донесение Рокоссовскому командующего 47-й армией Гусева, безуспешно пытавшегося овладеть Прагой:

«47-я А главными силами в начале августа месяца 1944 г. вышла на рубеж: Седлец, Калушин, Минск-Мазовецкий, Карчев, имея дивизии численностью от 4000 и до 4500 человек. В течение августа войска армии вели непрерывные бои с задачей овладеть районом Прага. Бои были затяжные и исключительно упорные. В результате, за август месяц дивизии продвинулись на 25–45 км, вышли на рубеж: Крашев Стар — Лининки — Лесняковизна. Затяжной характер боев и слабые темпы продвижения армии объясняются исключительным упорством оборонявшихся отборных частей пр-ка (тд СС „Викинг“, „Мертвая голова“, штрафные и спецчасти), прикрывающих подступы к Варшавскому укрепленному обводу, и малочисленностью стрелковых дивизий, входящих в состав войск армии. Всю тяжесть боев вынесли на себе 129-й и 77-й ск. Слабые дивизии этих корпусов за август месяц понесли потери свыше 7000 человек, несколько командиров полков, и выбыло из строя более 500 человек офицерского состава.

За это же время удалось во все дивизии влить пополнение за счет изъятия из тылов, возвращения из госпиталей и других внутренних ресурсов — около 3000 человек. На сегодняшний день численность дивизии доведена до такого состава, что пехоты почти совсем нет; дивизии 129-го ск по численности менее 3500 человек, дивизии 77-го ск около 4000 человек каждая. В стрелковых полках — 300 стрелков, роты численностью по 20–40 человек каждая.

На протяжении всего августа месяца войска ощущают недостаток в боеприпасах, и на 29.8.1944 г. обеспеченность по основным видам боеприпасов составляет от 0.2 до 0,6 БК.

При таком состоянии соединений армии выполнять серьезные задачи без усиления танками, авиацией и пополнения дивизий становится затруднительным. Для выполнения задачи по директиве штаба фронта № 00876/ОП решил 76-ю сд, прикрывающую направление Прага — Минск-Мазовецкий, снять с участка 125 ск и 30.8.44 г. вывести ее в полосу 129 ск.

Докладывая о вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения:

1. Ускорить подачу армии боеприпасов.

2. Нарядить армии 300–500 человек офицерского состава в звене взвод — рота.

3. Ускорить подачу обмундирования для прибывшего пополнения.

4. Усилить армию хотя бы небольшим количеством танков и пополнить матчастью имеющиеся полки самоходной артиллерии.

5. Поддержать бой 129-го ск и 77-го ск в течение 31.8.44 г. штурмовой авиацией».

Если бы Сталин озаботился тем, чтобы прислать Рокоссовскому пополнение бронетехникой и снарядами, итог боевых действий 1-го Белорусского фронта под Варшавой был бы иным. Но Верховный главнокомандующий предпочел в первую очередь снабжать 2-й и 3-й Украинский фронты, действовавшие в Румынии. Варшава ему пока что не была нужна.

30 августа представитель Генштаба генерал-майор Ревякин сообщил Жукову о поступлении в 8-ю гвардейскую армию необученного пополнения: «Во второй половине августа поступило из

Белорусского Военного Округа на усиление гв. дивизий 8-й гв. армии 5488 человек, в том числе 5102 чел. — уроженцев Брестской и Пинской областей. Все необученные.

Помимо этого, в течение августа было передано дивизиям на доукомплектование до 2000 бывших военнослужащих, освобожденных из люблинских лагерей и тюрем.

Подача такого большого количества малоизученного, непроверенного и не участвовавшего в боях пополнения в гвардейские части при малочисленности дивизий и низкой укомплектованности стрелковых рот создает соотношение, при котором основное боевое ядро гвардейцев растворяется в составе вновь вливаемого пополнения.

Учитывая целесообразность использования 8-й гв. А как ударной наступательной армии прорыва, считаю крайне необходимым занарядить на доукомплектование армии из районов страны с расчетом доведения дивизии до 6000–6500 человек в каждой и размешивания вновь прибывшего пополнения».

Это пожелание осталось пустым звуком. Ресурсы внутренних военных округов были уже во многом исчерпаны. Призывать приходилось в основном жителей территорий, ранее бывших под немецкой оккупацией, а также освобожденных пленных и «остарбайтеров».

В журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта были подведены итоги августовских боев:

«В течение августа 1944 г. войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, развивая успешно наступление, форсировали реку Нурец, Западный Буг, Брок, овладели 800 населенными пунктами, в том числе городами Венгрув, Калушин, Лив, Малкиня-Гурна, Минск-Мазовецки, Острув-Мазовецки, Соколув, Тлущ, Цехановец, продвинулись на глубину до 100 км, вышли на р. Нарев от Пул-туск до ее устья, форсировали р. Нарев и захватили плацдарм на зап. берегу этой реки.

Противник, цепляясь за промежуточные рубежи, стремился оказать упорное сопротивление нашим наступающим войскам с целью выиграть время для подготовки обороны рубежа на западном берегу Нарев и планомерного отвода своих войск на этот рубеж.

Войска правого крыла фронта, продолжая неотступное наступление, нанесли тяжелые потери противнику, не позволили ему осуществить планомерный отход и сильным ударом на пултусском направлении смяли отходящие части противника, на их плечах форсировали р. Нарев и закрепили за собой захваченный плацдарм.

Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта сохранили свое положение на подступах к Праге, отразив попытки противника оттеснить наши части сев. — восточнее Праги и тем самым упрочить свое положение на подступах к Варшаве.

В конце июля — начале августа 1944 г. наши части, развивая стремительное наступление, вышли на р. Висла, форсировали эту реку, захватили плацдарм на зап. берегу и в течение августа вели бои за расширение захваченных плацдармов.

Противник, придавая большое значение удержанию позиций на зап. берегу р. Висла, подтянув резерв, смог закрепиться. Но ликвидировать плацдармы, занятые нашими войсками на зап. берегу р. Висла, несмотря на неоднократные попытки, ему не удалось.

В результате боев наши части расширили плацдармы до 47 км по фронту и 11 км в глубину — юго-вост. Варка и 29 км по фронту, 8 км в глубину — юго-зап. Пулавы.

В ходе августовского наступления войска 1-го Белорусского фронта освободили территорию более 4000 кв. км.

Уничтожили: солдат и офицеров противника свыше 116 000 чел.; танков и самоходных орудий — 1562; орудий и минометов разного калибра — 2100; пулеметов — 4343; автомашин и тягачей — 2517.

Захватили пленных — 2844; танков и самоходных орудий — 91; орудий и минометов разного калибра — 691; пулеметов — 1136; автоматов и винтовок — 8440, автомашин и тягачей — 279, складов разных — 36».

В приложении к журналу боевых действий 1-го Белорусского фронта можно найти данные о потерях личного состава 1-го Белорусского фронта за август: убито — 23 483, ранено — 76 130, пропало без вести — 2975, по другим причинам — 11 812, всего — 114 400 человек. Немецкие же потери в журнале были, как водится, указаны так, чтобы одни только безвозвратные потери противника были примерно равны всем потерям войск 1-го Белорусского фронта. На самом деле безвозвратные потери всех германских сухопутных сил в августе 1944 года составили 64 тысячи убитыми и 407 640 пропавшими без вести. Из числа пропавших без вести основную часть составили пленные, захваченные союзниками в Фалезском котле (там немцы потеряли 25 тысяч убитыми и 40 тысяч пленными, кроме того, около 80 тысяч немцев попало в плен в августе на остальной территории Франции) и советскими войсками в Ясско-Кишиневском котле в Румынии (там немцы потеряли более 100 тысяч пленных и до 10 тысяч убитыми, большинство которых было отнесено к пропавшим без вести). Кроме того, до 8 тысяч убитыми немцы могли потерять в борьбе против повстанцев в Варшаве. Если принять на веру донесения 1-го Белорусского фронта, то получится, что немцы потеряли в боях с ним 113 тысяч убитыми, что почти вдвое выше, чем потери вермахта на всех фронтах. Более реально, что немецкие потери погибшими в борьбе на Висле могли составить 20–25 тысяч человек, что, наряду с почти тремя тысячами пленных, примерно равно заявленным безвозвратным потерям 1-го Белорусского фронта (реальные безвозвратные потери войск Рокоссовского могли быть в 2–3 раза выше).

О том, что реальные потери были выше, чем в итоговом докладе, можно судить по следующему донесению. 28 августа представитель Генштаба при штабе 8-й гвардейской армии подполковник Рыбак сообщал Жукову:

«1. С 1.8 по 26.8.1944 г. армия потеряла 35 649 человек (убитых, раненых и без вести пропавших). За это же время армия получила пополнения 10 237 человек, что не покрывает понесенные потери.

Так, например: 4-й гв. ск только в боях за плацдарм с 1 по 26.8.1944 г. потерял 7777 человек и за это же время получил пополнение 3081 человек. К настоящему времени стрелковые дивизии сократились до 4000–4200 человек, главным образом, за счет стрелковых рот: стрелковые роты насчитывают по 30–35 человек.

2. За последние дни в боях за расширение плацдарма чувствуется усталость войск, нет боевого порыва — вялость, ежедневные потери сильно сокращают состав малочисленных рот, вследствие чего бои по расширению плацдарма не дают должного результата.

Так, например: 4-й гв. ск 26.8.1944 г. задень боя продвинулся в среднем на 1–2 км (на фронте 10 км), потеряв при этом 405 человек, главным образом за счет активных штыков, что в целом равняется 11 стрелковым ротам (по 35 человек).

3. Считаю целесообразным:

а) Для армии польской расширить полосу обороны на плацдарме, расположив во второй линии (в тылу) одну сд 8-й гв. А. За счет расширения полосы армии польской — ск 8-й гв. А поочередно отводить в тыл, где давать войскам отдых, пополнять их и обучать, т. е. готовить войска для предстоящих наступательных действий.

б) Для дальнейшего расширения плацдарма армии польской решать частные наступательные задачи.

4. 7-й гвардейский кав. корпус — форсировать р. Висла на участке Кобыльница — Варгоцын и во взаимодействии с войсками 8-й гв. А очистить от противника р-н р. Радомка, дорога Северынув — Кузенице».

29 августа 1944 года Ставка приказала 1, 2, 3-му Белорусским и 4-му Украинскому фронтам перейти к обороне. Исключение составляли войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, две армии 2-го

Белорусского фронта, которому, в частности, приказывалось: «1. Правому крылу войск фронта с получением настоящей директивы перейти к жесткой обороне. Силами 43-й и 3-й армий не позднее 4–5.9 выйти на р. Нарев, захватить плацдарм на западном берегу реки в районе Остроленка, после чего также перейти к жесткой обороне».

5 сентября в советский НКИД было передано послание британского военного кабинета, в котором, в частности, говорилось:

«Военный Кабинет желает, чтобы Советское Правительство знало о том, что общественное мнение в данной стране глубоко затронуто событиями в Варшаве, а также ужасными страданиями поляков, находящихся там. Независимо от правильностей и неправильностей в отношении начала восстания в Варшаве, само население Варшавы не может нести ответственности за принятые решения. Наш народ не может понять, почему полякам в Варшаве не было отправлено никакой материальной помощи извне. Тот факт, что такая помощь не могла быть отправлена ввиду отказа Вашего Правительства позволить самолетам Соединенных Штатов приземляться на аэродромах в России, сейчас становится общеизвестным. Если, кроме всего этого, поляки в Варшаве будут сейчас подавлены немцами, что, как нам сообщают, должно произойти в течение двух или трех дней, удар по общественному мнению здесь не сможет поддаться учету. Сам Военный Кабинет затрудняется понять отказ Вашего Правительства принять во внимание обязательства Британского и Американского Правительств оказать помощь полякам в Варшаве. Действие Вашего Правительства в предотвращении отправки этой помощи представляется нам противоречащим духу Союзного сотрудничества, которому Вы и мы придаем столь большое значение как в настоящий момент, так и на будущее.

Из уважения к Маршалу Сталину, а также к советскому народу, с которым мы искренне желаем работать в будущие годы, Военный Кабинет желает обратиться к Советскому Правительству со следующим призывом: оказать всемерную помощь, которая может быть в его силах и, кроме всего прочего, предоставить возможность для самолетов Соединенных Штатов приземляться с этой целью на Ваших аэродромах».

На это послание последовал ответ советского правительства:

«Советское Правительство сообщало уже Британскому Правительству свое мнение о том, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома Советского Военного Командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Советское Правительство хотело бы, чтобы была организована беспристрастная комиссия для выяснения того, по чьему именно приказу было начато восстание в Варшаве и кто виновен в том, что советское военное командование не было об этом уведомлено заранее. Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам. Понятно, что советское командование не должно составлять исключение. Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к тому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы (на самом деле в двадцатых числах июля, когда польское правительство решало вопрос о восстании, советские войска быстрыми темпами двигались к Варшаве, рассчитывая взять ее к 6 августа. — *Б. С.).*

Никто не сможет упрекнуть Советское Правительство, что оно оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве. Наиболее действенной формой помощи являются активные военные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше, давшие возможность освободить более четвертой части Польши. Все это дело рук советских войск и только советских войск, проливающих кровь за освобождение Польши. Остается малоэффективной форма

помощи варшавцам, а именно — сбрасывание с самолетов оружия, медикаментов, продовольствия. Мы несколько раз сбрасывали и вооружение, и продовольствие варшавским инсургентам, однако каждый раз получали сведения, что сброшенное попало к немцам. Если Вы, однако, так сильно верите в эффективность такой помощи и настаиваете на том, чтобы советское командование организовало совместно с англичанами и американцами подачу такой помощи, Советское Правительство может согласиться на это. Необходимо только, чтобы помощь эта оказывалась по заранее установленному плану.

Что касается Вашей попытки сделать Советское Правительство в какой-либо степени ответственным за варшавскую авантюру и за жертвы варшавцев, то Советское Правительство не может это рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. То же самое надо сказать насчет того, что позиция Советского Правительства по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества. Не может быть сомнения, что если бы Британское Правительство приняло меры к тому, чтобы советское командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот. Почему Британское Правительство не сочло нужным предупредить об этом Советское Правительство? Не произошло ли здесь то же самое, что и в апреле 1943 года, когда польское эмигрантское правительство, при отсутствии противодействия со стороны Британского Правительства, выступило со своим враждебным Советскому Союзу клеветническим заявлением о Катыни? Нам кажется, что дух союзного сотрудничества подсказал бы Британскому Правительству другой образ действий.

Что же касается общественного мнения в той или другой стране, то Советское Правительство выражает полную уверенность в том, что правдивое изложение фактов о событиях в Варшаве даст полное основание для общественного мнения безоговорочно осудить авторов варшавской авантюры и правильно понять позицию Советского Правительства. Надо только постараться, чтобы общественное мнение хорошо узнало правду о событиях в Варшаве».

Здесь почти каждое слово ложь. И насчет Катыни, и по поводу того, что восстание не соответствовало оперативным планам советского командования. Наоборот, как мы уже убедились, в начале августа и Сталин, и Жуков, и Рокоссовский были полны решимости взять Варшаву. И восстание варшавян предполагалось советским командованием еще во время планирования Белорусской операции.

Теперь же Сталин готов был вину за неудачи советских войск возложить на варшавских повстанцев: они, дескать, своими безрассудными и несвоевременными действиями привлекли внимание немцев к району Варшавы. Как будто и без восстания немецкое командование не понимало опасности того, что советские войска прорвут фронт на Висле, и не стремилось сдержать их продвижение. Тем более что немецкие танковые дивизии нанесли поражение 2-й танковой армии еще до начала Варшавского восстания. Неудивительно, что после войны польская эмиграция открыто, а поляки в Польше — в частных разговорах упрекали советское правительство и за Катынь, и за то, что Красная армия не оказала необходимой помощи Варшавскому восстанию.

6 сентября 2-ю танковую армию вывели в резерв фронта. К тому времени было ясно, что наступления на Варшаву не будет, а потери армии составили 989 танков и САУ, превысив численность бронетехники в армии к началу Люблинско-Варшавской операции.

С. М. Штеменко вспоминал:

«В начале сентября разведка 1-го Белорусского фронта обнаружила, что одна из танковых дивизий противника и некоторые другие его войска, ранее находившиеся под Прагой, появились перед нашими плацдармами на Висле. Очевидно, немецко-фашистское командование ожидало, что мы усилим там свою активность. Отвлечение сил врага можно было использовать для удара на Прагу. Доложили Верховному Главнокомандующему. Тот отдал соответствующий приказ.

10 сентября 47-я армия начала наступление. Вслед за ней двинули 1-ю польскую армию. Действия войск отличались большой напористостью. В ночь на 13 сентября они ворвались в Прагу. Вот когда

надо было поднять восстание в Варшаве, чтобы помешать гитлеровцам разрушить мосты, захватить их и тем помочь советским воинам переправиться на левый берег Вислы, в центр города! Но мосты были взорваны противником, широкая река отделяла наши войска от борющейся уже сорок пятый день Варшавы. Все попытки с ходу форсировать водную преграду и переправиться на левый берег Вислы, предпринятые разведкой 47-й армии, были отбиты.

Население предместья Варшавы — Праги с большим подъемом встретило своих освободителей — советских и польских воинов. Женщины под обстрелом ухаживали за ранеными, поили и кормили их, хоронили убитых.

По приказу К. К. Рокоссовского участок фронта на Висле перед Варшавой был передан войскам Зигмунда Берлинга, а 47-я армия выдвинулась к северу. Советские и польские войска вышли на рубежи, откуда можно было подать руку помощи восставшей Варшаве.

О разгроме гитлеровских войск в Праге уже, конечно, знали на той стороне Вислы. Но руководители повстанцев из лондонского лагеря продолжали держаться своей линии и ни шагу не сделали нам навстречу. Они по-прежнему молчали, не пытались установить связь, хотя, как сообщало английское правительство, население Варшавы испытывало невероятные трудности.

Руководители же отрядов Армии Людовой, добровольно присоединившихся к восстанию, чтобы в трудный час быть вместе с населением Варшавы, немедленно направили двух девушек-связных на другой берег Вислы, как только советские войска подошли к Праге. Рискуя жизнью, юные патриотки вышли в расположение нашей армии. От них-то советское и польское командование впервые и узнало подробности о характере восстания, положении в городе, расположении и состоянии сил повстанцев.

Теперь восставших варшавян, советские войска и Войско Польское разделяла, как мы тогда думали, только река. Но все оказалось значительно сложнее, и виной тому была хищная политическая расчетливость отребья панского государства. Но об этом несколько позже.

Днем 13 сентября мы с А. И. Антоновым доложили Верховному Главнокомандующему о положении на 1-м Белорусском фронте, и в частности в Варшаве. Он распорядился сделать все возможное для оказания помощи, в том числе улучшить снабжение восставших с воздуха оружием, боеприпасами и другими материальными средствами. Мы передали указания фронту и авиации. Предпринятые в ту же ночь попытки перебросить в Варшаву оружие и боеприпасы увенчались успехом, а через день началось регулярное снабжение восставших.

После нашего доклада И. В. Сталин снял трубку и переговорил по ВЧ с К. К. Рокоссовским. Командующий фронтом доложил, что его войска сейчас не в состоянии освободить Варшаву. И. В. Сталин отнесся к этим словам с пониманием и настаивать не стал. Нам с Антоновым он еще раз напомнил, что необходимо установить связь с повстанцами — действия в этом отношении уже начались. Кроме того, он приказал Г. К. Жукову, только что возвратившемуся с Украинских фронтов, снова вернуться на 1-й Белорусский: „Вы там свой человек. Разберитесь с Варшавой на месте и принимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга… Было бы очень важно… Задачу полякам поставьте лично вместе с Рокоссовским и сами помогите им организовать дело. Они еще люди без опыта“. Практически польскую армию посылали на убой, чтобы, с одной стороны, пойти навстречу пожеланиям польских солдат и офицеров помочь своим братьям в Варшаве, а с другой стороны, продемонстрировать западным союзникам, что Варшаву не удается взять из-за слишком сильного немецкого сопротивления».

Получается, что лишь в середине сентября, через полтора месяца после начала восстания, Сталин разрешил сбрасывать грузы с советских самолетов. Возможно, он рассчитывал, что теперь варшавяне с большим сочувствием отнесутся к прокоммунистической Армии людовой, убедившись в «авантюризме» Бур-Комаровского. Но рассчитывать на это не приходилось. Скорее, Сталин надеялся, что показная попытка 1-й польской армии занять Варшаву, во-первых, продемонстрирует желание Советского Союза помочь повстанцам, а во-вторых, заставит немцев поторопиться с

ликвидацией восстания. Не исключено, что немецкое командование не торопилось в этом вопросе, не без основания полагая, что, пока восстание будет продолжаться, у Сталина будет меньше стимулов овладеть Варшавой. Но теперь, когда советские войска заняли Прагу и появилась угроза их соединения с восставшими, медлить с ликвидацией восстания стало опасно. Захват же бойцами Берлинга плацдармов в левобережной части города, возможно, стал для немцев сигналом, что с повстанцами пора кончать.

13 сентября штаб 1-го Белорусского фронта издал боевое распоряжение о наступлении 47-й и 1-й польской армий на Прагу:

«1. Части 3-й тд СС „Тотенкопф“, 1-й кд (в) (венгерской. — *Б. С.*), 73-й пд, 19-й тд, 540-го штрафного батальона и 9-го штурмового батальона противника упорно обороняют рубеж Струга, вост. опушка леса (1 км зап. Мациолки), Марки, Зацише, вост. окраина Прага, Спаска Кемпа, стремясь удержать район Прага и не допустить дальнейшего продвижения наших войск в северо-западном и западном направлении.

2. 47-я армия, наступая на Прагу, в 17.00 13.9. 44 ведет бой на рубеже Надма, Мациолки, станция Древница, Бойня, Ельснерув, Утрата, Витолин, вдкч. (2 км юго-зап. Витолин).

Командующий войсками фронта приказал:

1. 1-й А (П) (польской. — *Б. С.)* 15.9.44 сменить части 47-й армии на участке Ельснерув, Утрату, Витолин вдкч. (2 км юго-зап. Витолин) и с утра 16.9.44 всеми силами армии перейти в решительное наступление с задачей овладеть городом и районом Прага и выйти на восточный берег реки Висла на участке Пельцовизна, Прага, Ляс.

С 12.00 15.9.44 установить разграничительную линию между 47-й А и 1-й А (П): Колбель, Горашка (9 км сев. Отвоцк), Милосна Стар, Ельснерув, Аннополь, все пункты для 1-й А (П) включительно.

2. Командующему 47-й армией сменившиеся части вывести в полосу армии и использовать их для наступления на главном направлении, а 1-ю ппд с ее боевым участком 15.9.44 передать в состав 1-й А (П)».

14 сентября Прага была освобождена частями 47-й и 1-й польской армии. Потери 1-й польской пехотной дивизии в боях за Прагу составили 1900 человек, в том числе 355 убитыми. Потери 1-го Белорусского фронта за вторую декаду сентября составили 17,5 тысячи человек, в том числе около трех тысяч убитыми.

11 сентября Бур-Комаровский через Лондон обратился к Рокоссовскому. В Москву его послание поступило 14 сентября. В нем говорилось:

«Полученная сегодня информация премьера Миколайчика о готовящемся сотрудничестве в деле оказания помощи сражающейся Варшаве позволяет мне обратиться к пану маршалу с просьбой о присылке нам помощи и согласовании наших усилий.

Прошу пана маршала приветствовать от моего имени и имени воинов АК приближающуюся к воротам Варшавы советскую армию и входящие в ее состав польские части.

Из телеграммы, посланной Вам 6 августа капитаном Калугиным и 8 августа полковником Монтером, Вы знаете в общих чертах наше положение…

Подкрепленные сбросами грузов с самолетов прошлой ночью продолжаем сражаться, однако нам требуется дальнейшая помощь путем сброса с самолетов немецких боеприпасов и оружия — о чем Вас и прошу…

Жители города очень страдают от обстрелов сверхтяжелой артиллерии, убедительно прошу пана маршала противодействовать ей. Ориентируясь в наших возможностях, Вы не можете ждать от нас решающего взаимодействия, поскольку из-за отсутствия у нас тяжелого вооружения у нас небольшие наступательные возможности. Тем не менее, если Вы нам укажете направление действий

и подкрепите нас тяжелым оружием, мы сможем там сосредоточить все наши усилия в решающем ударе советских армий на Варшаву.

Прошу пана маршала сообщить данные для установления прямой радиосвязи. Ожидаю ответа и выражаю свое солдатское приветствие.

Бур, генерал дивизии».

15 сентября 1944 года Бур-Комаровский послал еще одну телеграмму Рокоссовскому через Лондон:

«Маршалу Рокоссовскому. Благодарим за прикрытие с воздуха, сбросы оружия, боеприпасов и продовольствия. Просим продолжать сбросы. Нам очень нужен боезапас к крупнокалиберным пулеметам, а также 9-мм патроны. Сегодня высылаем на Прагу офицеров связи».

Неизвестно, читал ли Рокоссовский телеграммы командующего Армией крайовой. Скорее всего, их никто ему из Москвы не передавал.

15 сентября член военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегин докладывал Главному политуправлению Красной армии о положении в Варшаве:

«У аппарата генерал-лейтенант Шикин.

— Здравствуйте, товарищ Шикин. У аппарата Телегин.

— По приказанию товарища Щербакова информируйте по следующим вопросам:

1. Что происходило и происходит в Варшаве, есть ли восстание или это обман. Если есть восстание, насколько широки размеры, побиты повстанцы или нет?

2. Что нашли в Праге, много ли лондонцев, есть ли у них сила?

3. Как вела себя в боях польская дивизия? Прошу подробно информировать по всем этим вопросам.

— Докладываю:

1. Многими данными подтверждается, что в Варшаве 1-го августа по приказу Соснковского было поднято восстание Армии Крайовой, в ходе которого к нему присоединились вооруженные отряды Армии Людовой и другие политические группы, а также и население Варшавы. Этими данными мы располагаем от выходивших из Варшавы жителей, двух полковников корпуса безопасности и специально посланных лиц от ЦК Польской Рабочей партии.

12 сентября из Варшавы был доставлен документ от капитана Красной Армии Калугина из группы Черного. Калугин подтверждает факт восстания и захват восставшими центральных районов Варшавы, района Жолибож и Мокотув.

10 сентября через Вислу переправились на нашу сторону две польские девушки — Бальцежек Янина Казимировна и Яворская Елена Леоновна, которые заявили следующее: что они посланы ЦК Польской Рабочей партии в Польский Комитет Национального Освобождения и к Командованию Красной Армии для информации о положении дел в Варшаве и передачи просьбы об оказании помощи. Они доложили, что восстание началось 1 августа в 17.00 отрядами Армии Крайовой без предварительной договоренности с другими политическими партиями, и в частности с Польской Рабочей партией и Армией Людовой. Армия Людова также готовилась к восстанию, но момент его хотела приурочить ко времени подхода к Варшаве Красной Армии (это доказывает, что в Москве действительно рассчитывали на восстание в Варшаве, но думали, что его возглавит Армия людова. — *Б. С.).* Однако видя, что после выступления Армии Крайовой восстание распространилось и начало вовлекать население, в него ходом событий включилась и Армия Людова.

Существующие в городе партии разного направления стихийно объединились для восстания против немцев.

Соглашения между Армией Крайовой и Армией Людовой как с начала восстания, так и до настоящего времени нет.

Бальцежек и Яворская были посланы ЦК ПРИ без ведома командования Армии Крайовой. Последнее, по их заявлению, не согласилось бы на их посылку.

В начале восстания повстанцы имели успех и захватили центральную часть города, но после того, как немцы бросили против них большие силы, повстанцы вынуждены были оставить значительную часть территории, занятой ими. Первую неделю восстания в городе была проведена мобилизация, но вооружить мобилизованных было нечем.

Вооруженные силы восставших вначале насчитывали — в Армии Крайовой до 7 тысяч, в Армии Людовой — 4 тысячи человек.

3-го, 5-го и 17-го августа английскими самолетами было сброшено восставшим вооружение, боеприпасы и продовольствие, но в крайне незначительном количестве. После этого английские самолеты не появлялись.

Руководителем восстания лондонское правительство назначило командующего Армией Крайовой — Бура, оперативным руководителем по восстанию является заместитель Бура, полковник по кличке — „Монтер".

Восставшие надеются, что только Красная Армия освободит Варшаву от немцев. По их заявлению, все участники Армии Людовой, а также рядовой и младший комсостав Армии Крайовой признают Польский Комитет Национального Освобождения. Старший офицерский состав Армии Крайовой настроен к нему враждебно. Они также заявили, что авторитет лондонского эмигрантского правительства и Бура резко упал, участники восстания все более убеждаются в их предательской роли.

Положение у восставших тяжелое — нет продовольствия, воды, боеприпасов. Без помощи извне повстанцы продержаться долго не смогут.

Эти девушки в основном, безусловно, правдиво изложили положение дел в Варшаве. По их ориентировке в данное время восставшие удерживают районы:

1. Район Жолибож, Маримонт.

2. Кварталы в центре города, примыкающие с севера и с юга к железнодорожной станции.

3. Район Мокотув.

4. Район на зап. берегу р. Висла, южнее южного моста.

Наличие в этих районах очагов, удерживаемых восставшими, подтверждается нашим наблюдением. Противник эти районы ежедневно бомбил авиацией и обстреливал артиллерией. Ночью хорошо слышны пулеметная и винтовочная стрельба, взрывы и наблюдаются пожары. В ночь на 14 сентября и в ночь на 15 сентября нами была организована заброска в эти очаги боеприпасов, вооружения и продовольствия. Всего сделано 644 самолето-вылета У-2, которыми сброшено сорок пять тонн продовольствия, 329 кг печенья, 83 кг сала, 3125 папирос, 6020 руч. гранат с запалами, 295 тысяч винтпатронов, 497 автоматов, 596 080 патронов ТТ, 60 50-мм минометов и к ним 7000 мин. Повстанцы в этих районах выкладывали указанные им сигналы, сброшенные днем вымпелом со штурмовиков, однако подтверждения живым человеком или другим способом в получении сброшенного груза не имеем. Сегодня утром из района Варшавы от южного моста переплыло к нам 22 человека вооруженных повстанцев, которые сообщили, что вчера противник крупными силами повел наступление на этот район и оттеснил повстанцев от берега Вислы, таким образом, они утеряли возможность непосредственной связи с нами.

Во всех этих районах, удерживаемых восставшими, по данным лиц, прибывающих к нам, общее количество восставших и помогающих им насчитывается 40–50 тысяч, но вооруженных тысяч 15, которые примерно распадаются пополам на Армию Людову и Армию Крайову.

Данные нуждаются в перепроверке. По вопросу о Варшаве сейчас доложить пока больше ничего не могу.

— Товарищ Телегин! Известно ли, кто возглавляет восставших из Армии Людовой? Прошу, если у Вас нет больше о Варшаве ничего, докладывать по второму вопросу.

— Кто возглавляет Армию Людову, данных у меня нет, выясню и доложу позже. По второму вопросу — в Праге никаких вооруженных отрядов Армии Крайовой не обнаружено. В районе города Рембертув нами был обнаружен один батальон „аковцев“. Этот батальон разоружен, нами изъято у них: 1 станковый пулемет, 2 ручных пулемета, 2 ружья ПТР, больше 100 гранат, автоматы и винтовки. Батальон сопротивления не оказывал, никаких других политических организаций, в том числе и Польской Рабочей партии в Праге также пока не установлено.

Население Праги, по грубому подсчету, 25–30 тысяч человек. Население встречало Красную Армию и части польской Армии с исключительным воодушевлением, активно помогало выносить раненых с поля боя и оказывало им первую помощь, по своей инициативе подбирало убитых бойцов и офицеров под артобстрелом и хоронило их, обкладывая могилы цветами и ежедневно обновляя цветы.

Население очень нуждается в продовольствии. Последние один-два месяца сильно голодали. Нами приняты меры по обеспечению продовольствием населения.

По второму вопросу у меня все. Что еще Вас по этому вопросу интересует?

— Много ли лондонцев в Праге и каково их влияние на население?

— Лондонцев в Праге пока не обнаружили и их влияние незаметно, возможно, что мы еще как следует в этом вопросе не разобрались.

— Товарищ Телегин! Я не понял, кто такие „аковцы“ из батальона, который Вы разоружили?

— Отвечаю. „Аковцы“ это сокращенное название Армии Крайовой. Третий вопрос. В боях за Прагу участвовала первая польская дивизия армии Берлинга под командованием полковника Бевзюка.

— Ясно. Прошу дать ответ по третьему вопросу — как вела себя в боях польская дивизия?

— С начала наступления и до последнего момента солдаты и офицеры этой дивизии дрались хорошо, достойно выполнив возложенную на них задачу.

— Товарищ Телегин! Какие имели место отрицательные факты поведения бойцов и офицеров во время боя польской дивизии?

— Еще до окончания артиллерийской подготовки 10-го сентября по инициативе низовых офицеров и солдат отдельные подразделения поднялись и пошли в атаку прямо вслед за артиллерийским огнем. Несмотря на сложные условия боя (в лесу и населенных пунктах) офицерский состав и подофицеры в основной своей массе задачу выполняли умело. У всех было желание первыми войти в Прагу и в основном это желание было претворено в жизнь. Ни командир 125-го ск, ни Военсовет 47-й Армии, ни Военный совет фронта не предъявляем сколько-нибудь существенных претензий к этой дивизии. Считаем, что они дрались храбро, настойчиво и умело.

В первый день наступления были захвачены пленные — австрийские, силезские и познанские поляки. Солдаты первой дивизии тут же на поле боя основательно их избили за то, что они поляки, а воевали вместе с немцами, и когда пленные заявили, что они насильно мобилизованы, они им отвечали, что если бы вы были поляки, так вы бы не остались у немцев, а давно бы перешли на сторону Люблинского правительства.

Настроение личного состава дивизии боевое и бодрое, заявляют о своем желании во что бы то ни стало первыми ворваться в Варшаву, это их желание мы думаем удовлетворить. Всё».

Представители Армии людовой значительно преувеличили свою роль в восстании. На самом деле численность бойцов АЛ во много раз уступала численности бойцов АК, и отряды Армии людовой вынуждены были подчиняться Бур-Комаровскому. Ранее доклады коммунистов, значительно преувеличивавшие мощь и влияние Армии людовой, привели Ставку к ошибочному заключению, что восстание в Варшаве могут возглавить коммунисты.

По характеру вопросов Шикина чувствуется, что ему был нужен какой-то «компромат» на действия поляков из 1-й польской армии. Вероятно, уже в тот момент Сталиным было принято решение о замене Берлинга на посту командующего армией, что и было вскоре осуществлено не без участия Рокоссовского.

Наступление советской 47-й армии 16 сентября успеха не имело, прежде всего из-за нехватки боеприпасов. Советские войска не поддержали мужественную попытку польских частей под командованием генерала Берлинга форсировать Вислу в непосредственной близости к Варшаве. 16–19 сентября через Вислу переправилось до шести батальонов пехоты; 23 сентября под натиском превосходящих сил противника поляки, понеся большие потери, вынуждены были вернуться на восточный берег.

С. М. Штеменко утверждает:

«Обстановка вынуждала внести серьезные поправки в ранее разработанный план наступления на Варшаву силами 1-й польской армии. Нужно было искать другие пути разгрома противника в польской столице, о чем мы и доложили Верховному Главнокомандующему.

— Что предлагает Генеральный штаб? — спросил он после небольшой паузы.

Антонов сказал, что ничего иного, кроме повторения ударов 47-й и 70-й армий для обхода Варшавы с севера и северо-запада, а также усиления 1-й польской армии, предложить нельзя.

Верховный Главнокомандующий потребовал данные о силах 47-й и 70-й армий. Я доложил. Когда он убедился, что состав армий слаб, а войска изнемогают от усталости и потерь, так как с 18 июля непрерывно ведут тяжелые бои, оборона же противника повсюду прочна, в кабинете наступило длительное молчание. Верховный Главнокомандующий медленно прохаживался вдоль стола с погасшей трубкой в руке. Наконец, обращаясь к нам, он сказал:

— Передайте товарищу Жукову, чтобы они с Рокоссовским подумали, как помочь Варшаве… Нельзя ли все-таки ликвидировать плацдарм противника в междуречье и организовать наступление в обход Варшавы силами армий Гусева и Попова? Пусть они тоже подумают, что можно сделать в городе у Берлинга. Можно ли срочно послать ему подкрепления, имеющие опыт боев в городах?..

Приказание было передано, и уже через день, 20 сентября, Жуков и Рокоссовский направили в Генштаб свои соображения. Ни представитель Ставки, ни командующий 1-м Белорусским фронтом не сомневались в том, что борьбу за разгром противника в районе Варшавы следует продолжать.

А. И. Антонов, а также Оперативное управление Генштаба были согласны с соображениями Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Согласился с ними и Верховный Главнокомандующий. Он приказал торопить фронт с подготовкой операции и внимательно следить за положением на плацдарме 1-й польской армии.

В эти дни к И. В. Сталину, в Генштаб и Главное политическое управление из-за Вислы поступили данные, свидетельствовавшие о невероятном: главнокомандование Армии Крайовой подспудно подрывало силы восставших изнутри. 20 сентября в Прагу прибыли семь офицеров из штаба командующего Варшавским округом Армии Крайовой Монтера — им было поручено связаться с командованием Красной Армии и Войска Польского. Один из этих офицеров заявил, что генерал Бур отдал секретное распоряжение силой принуждать вооруженные отряды, ориентирующиеся на

люблинское правительство, подчиняться только его собственным приказам и расправляться с неподчиняющимися».

На самом деле никакой помощи армии Берлинга на плацдарме за Вислой оказано не было. А утверждения, будто «аковцы» расправляются с членами коммунистических отрядов, послужили, вероятно, одним из предлогов для того, чтобы позволить немцам завершить уничтожение восставших.

21 сентября военный совет 1-го Белорусского фронта докладывал Сталину о положении в Варшаве:

«По многим источникам, главным образом, опросам лиц, выходящих из Варшавы, и заброшенных нами агентов, установлено, что общее количество вооруженных повстанцев, продолжающих борьбу с немцами в городе, не превышает 4000 человек, действующих изолированно в трех районах (в действительности в плен немцами в последние дни боев было захвачено около 20 тысяч бойцов Армии крайовой, так что число повстанцев, оказывающих сопротивление, кажется преуменьшенным. — *Б. С.).*

Формально общее руководство осуществляет генерал „Монтер“, штаб которого находится в центральном районе, но по существу каждый район живет и действует самостоятельно, а внутри районов — отряды Армии Крайовой, Армии Людовой, Польской Армии Людовой, корпуса безопасности своей политической и организационной самостоятельности не утратили и стремятся сохранить независимость.

Вооружение у повстанцев легкое, состоит из пистолетов, карабинов, винтовок, автоматов, незначительного количества ручных пулеметов, преимущественно немецких, нет орудий, средних и тяжелых минометов при очень плохом обеспечении боеприпасами.

Учитывая количество повстанцев, их крайне слабое вооружение, изолированность по отдельным очагам, а также отсутствие единого военного руководства и политического единства, повстанцы никакой реальной силы в борьбе за Варшаву не представляют и рассчитывать на их сколько-нибудь существенную помощь нельзя.

В городе и районах, занимаемых повстанцами, имеется еще значительное количество населения, могущего в той или иной степени принимать участие в борьбе с немцами, но оно не организовано и не вооружено и испытывает острый недостаток в продовольствии, в силу чего рассчитывать на вовлечение его в активную борьбу в данное время не представляется возможным.

По показаниям ряда лиц, вышедших из Варшавы, известно, что в августе месяце повстанцы еще получали вооружение, боеприпасы, продовольствие и медикаменты, сбрасываемые английскими самолетами, однако, по общему заявлению опрошенных, большинство грузов попало к немцам, ввиду сбрасывания их с большой высоты. Примером этого является сбрасывание груза сотней американских самолетов „Летающая крепость“ 18.9.1944 г. с высоты 4,5 тыс. метров.

Из наблюдаемых с нашего берега 230 парашютов с грузом — абсолютное большинство опустилось не в районах, занимаемых повстанцами, а в расположении немцев, а отдельные — в расположении наших войск, в 40 км от Варшавы.

Таким образом, вместо помощи повстанцам, союзники снабжают немцев.

Производимые нами сбрасывания грузов самолетами ПО-2 в подавляющем большинстве попадают по назначению, что подтверждают все, вышедшие из Варшавы, и наша агентура.

Дальнейшую помощь повстанцам вооружением, боеприпасами, продовольствием и медикаментами — продолжаем.

Рокоссовский
Телегин».

Этот доклад должен был успокоить Сталина: Армия крайова в Варшаве в настоящий момент значительной силы не представляет, и после занятия города с ней можно не считаться. Но время для

занятия польской столицы было уже упущено, да и силы 1-го Белорусского фронта были истощены в бесплодных атаках. А подкрепления Сталин не слал.

22 сентября представитель Генштаба при Польском комитете национального освобождения генерал Молотков докладывал Жукову:

«В течение ночи и дня 21.9.1944 г. обстановка на фронте действия частей 1-й польской армии резко ухудшилась.

С рассветом 21.9.1944 г. противник при поддержке сильной арт. подготовки и дымопуска атаковал подразделения польской армии на западном берегу р. Висла. В результате прекратилась всякая связь с 2/6 пп (2-м батальоном 6-го польского пехотного полка. — *Б. С.),* который с 08.30 вызывал сильный арт. огонь на себя. Прекратилась всякая связь с батальном 8-го пп.

С нашего берега днем наблюдались отдельные группки польских солдат у западного берега оконечности южного моста через р. Висла. Группа, состоящая из двух батальонов 9-го пп, в результате сильной контратаки противника оттеснена и к 15.00 21.09.1944 г. занимала небольшую восточную часть квартала 7 (радиодонесение).

С ротой 7-го пп в районе отм. 78,0 связи нет. Рота 1-й пд под воздействием сильного арт. огня противника — вышла на восточный берег р. Висла.

Командующий армией принял решение в течение ночи 22.9.44 выяснить обстановку подразделений на западном берегу р. Висла.

Из изучения проводимой операции 1-й польской армии по форсированию р. Висла и овладению городом Варшава, докладываю на Ваше решение вывод:

1. Войска 1-й польской армии еще не научились форсировать крупной водной преграды, тем более не имеют никакого опыта в городском бою.

2. Чтобы овладеть городом Варшава при этих условиях, нужно, по крайней мере, выйти на форты западного укрепленного Варшавского полукольца, которое составляет 30 км. На 30 км фронта потребуется минимум две дивизии, кроме того для борьбы за г. Варшава потребуется 6–7 дивизий. Итого нужно минимум восемь — девять дивизий. В то время в 1-й польской армии имеется обстрелянных три (1,2, 3-я пехотные дивизии), не обстрелянных — одна 4-я пд и одна кавбригада. Всего четыре пехотные дивизии и одна кав. бригада, недостает четыре-пять дивизий.

С этими силами и малым опытом 1-я ПА город Варшаву взять не сможет.

3. Ограниченность снарядов не позволяет решать атаку в лоб г. Варшавы с форсированием крупного водного рубежа р. Висла.

Общий вывод:

Если не имеется в виду сейчас достаточного усиления в силах и средствах 1-й ПА, то желательно варшавскую операцию временно отложить, перейдя к прочной обороне по восточному берегу р. Висла.

Об изложенном Вам докладываю:

Представитель ГШКА
Молотков».

На этом докладе сохранилась резолюция: «Т. Молоткову. Берлингу приказано 22.9 начать оттягивание всех подразделений с западного берега на восточный, где перейти к обороне.

Жуков».

Кстати, о том, что поляки плохо обучены форсированию рек и боям в городских условиях, неоднократно доносилось и ранее. Однако Рокоссовскому почему-то не пришло в голову подкрепить

1-ю польскую армию более опытными советскими частями. Вероятно, польский десант должен был только продемонстрировать западным союзникам невозможность овладения Варшавой в данный момент.

Можно также предположить, что у Сталина была идея, чтобы Варшаву непременно освободила 1-я армия Войска польского. Впрочем, скорее идея потребовалась только для того, чтобы оправдать невзятие Варшавы и отсутствие поддержки полякам со стороны советских войск. Теперь же вина за неудачу десанта, для поддержки которого даже не было выделено достаточно снарядов, возлагалась на командование польской армии. Появился предлог для снятия Берлинга. А заодно и появился повод продемонстрировать западным союзникам «объективные трудности» взятия Варшавы.

23 сентября состоялась беседа Сталина с послами Англии и США. Согласно советской записи,

«Гарриман спрашивает, каково положение в районе Варшавы. Считает ли маршал Сталин, что операции там развиваются удовлетворительно?

Сталин отвечает, что он считает положение в районе Варшавы неудовлетворительным. Дело в том, что Висла представляет собой серьезную преграду. Для того, чтобы взять Варшаву фронтальной атакой, нужно переправить на другой берег Вислы тяжелые танки и тяжелую артиллерию, что очень трудно сделать в нынешних условиях. Поэтому Варшаву нужно будет брать обходным движением.

Керр спрашивает, имеются ли какие-либо сведения о положении восставших в Варшаве.

Сталин отвечает, что восставшие в Варшаве рассеяны по четырем районам. Среди восставших имеется около 2,5 тысячи вооруженных людей. Для помощи восставшим на другой берег Вислы было переправлено четыре батальона из армии Берлинга, но они понесли такие тяжелые потери, что их придется отозвать назад. Кроме того, для помощи восставшим советское командование сбрасывало продовольствие, медикаменты и вооружение. Сталин при этом замечает, что вооружение, сбрасываемое с американских самолетов, часто не попадает в руки восставших, так как оно сбрасывается с очень больших высот.

Сталин говорит, что когда советские войска заняли Прагу, они, беседуя с жителями, спрашивали их, почему они восстали, не узнав, поддержит ли их командование Красной Армии. Жители Праги отвечали, что восстание началось слишком рано потому, что, когда советские войска приблизились к Варшаве, немцы объявили, что они уведут из Варшавы все мужское население. Действительно, немцы начали охоту за мужским населением, даже с собаками. Сейчас повстанцы в Варшаве рассеяны немецкими войсками и многие из них прячутся в водосточных подземных трубах, боясь немцев. Население Варшавы голодает. Вообще же восстание в Варшаве создало большие трудности для Красной Армии, так как, ввиду того, что повстанцы находятся в различных районах Варшавы, советская артиллерия лишена возможности действовать против города (на самом деле, как мы помним, у советской артиллерии в тот момент просто не было боеприпасов. — *Б. С.*).

Керр говорит, что генерал Бур пытался установить с советским командованием связь по подземному телефонному кабелю.

Сталин отвечает, что генерал Бур вообще не обнаружен. Он, видимо, находится вне Варшавы и командует только своей радиостанцией. Что касается контакта с ним по подземному телефонному кабелю, то в этом нет необходимости, так как контакт может быть установлен по радио. Советские войска поддерживают с повстанцами контакт, узнают от них, попали ли к ним сброшенные с самолетов грузы и т. д. Такого рода контакт поддерживается как по радио, так и путем посылки повстанцами людей и приема от повстанцев их представителей».

23 сентября Бур-Комаровский докладывал в Лондон: «Сегодня установлена связь с радиостанцией маршала Рокоссовского. Прошлой ночью принимали дальнейшие советские сбросы с боезапасом и продовольствием. Происходит советско-немецкая артиллерийская дуэль с превосходством советского огня».

То, что даже в условиях нехватки снарядов советская артиллерия имела превосходство над немецкой в районе Варшавы, доказывает, что у немцев здесь были сосредоточены не столь уж значительные силы артиллерии. Да и избытка снарядов, вероятно, не было.

В постановлении Совета министров польского правительства в изгнании на случай вступления Красной армии в Варшаву, изданном 23 сентября 1944 года, в частности, говорилось:

«В случае занятия Варшавы советскими войсками в ближайшие дни и прежде чем будет достигнуто польско-советское политическое соглашение, правительственные органы и АК в Варшаве могут оказаться в отношении Советов незащищенными польско-советским договором. Вместе с тем, их морально-политическое положение в мире и у союзников необыкновенно сильное, что может служить в какой-то мере сохранению их от ликвидации и поставить их в положение стороны, с которой Советы должны будут считаться. Возможности уйти в подполье или покинуть Варшаву нет. Это могут сделать только отдельные люди. Остается только явное выступление в роли хозяев с использованием морально-политической позиции, достигнутой ценой такого самоотвержения и таких жертв».

В этом и была причина того, что войска 1-го Белорусского фронта не стали брать Варшаву в сентябре 1944 года, ожидая, пока Армия крайова и прочие примкнувшие к ним повстанцы в Варшаве вынуждены будут сдаться немцам. У участников Варшавского восстания к тому времени был солидный авторитет в мире, в том числе в общественном мнении Англии и США. Поэтому невозможно было без большого шума ликвидировать созданные повстанцами органы власти и разоружить варшавские отряды Армии крайовой. А легализация формирований лондонского правительства грозила возникновением крайне опасного для советской стороны двоевластия в Польше, причем в условиях, когда большинство поляков симпатизировало польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне, и Армии крайовой, а не марионеточному Польскому комитету национального освобождения. Здесь нельзя было даже полностью полагаться на лояльность ПКНО бойцов просоветской 1-й армии Войска польского. Неслучайно к повстанцам присоединились солдаты из армии Берлинга, переправившиеся за Вислу. А Берлинг, в свою очередь, без проверки на политическую благонадежность принимал в ряды своей армии бывших членов Армии крайовой, что стало одной из главных причин его смещения с поста командарма.

24 сентября 1944 года командующий корпусом «Варшава» генерал Монтер (генерал бригады Антоний Хрушчель) докладывал в Лондон:

«Советский офицер, о котором я докладывал, сообщил, что он получил инструкции в штабе маршала Рокоссовского. Он передал следующие вопросы:

1. Какие у нас есть потребности.

2. Как нам представляются советские действия в Варшаве и наше взаимодействие с ними. Цели для советской артиллерии в расположении города.

Монтер передал радиограмму маршалу Рокоссовскому, в которой излагал оперативно-тактические детали плана овладения Варшавой войсками 1-го Белорусского фронта во взаимодействии с повстанцами».

Офицер, как кажется, так и не добрался до штаба Рокоссовского. И никто с повстанцами взаимодействовать не собирался.

27 сентября штаб 1-го Белорусского фронта в донесении в Генштаб подвел неутешительные итоги десанта 1-й польской армии: из 2614 человек, переправившихся на восточный берег, обратно вернулось 627 человек, в том числе 289 раненых. Некоторые из пропавших без вести, по показаниям вернувшихся, пробились к отрядам Армии крайовой в различных районах города.

Неудача десанта стала одним из предлогов для освобождения З. Берлинга от командования 1-й польской армией. 26 сентября 1944 года на имя Г. К. Жукова поступил рапорт от представителя

Генерального штаба Красной армии генерал-майора Свиридова с предложениями кандидатур на должность заместителя Берлинга. На этом документе имеется резолюция

«Т. Семенову (то есть Сталину. — *Б. С.).* Изучая Берлинга, я пришел к выводу, что он армией командовать не может. Лучше было, если бы его назначили заместителем Роля-Жимерского (командующего вооруженными силами ПКНО. — *Б. С.*), а вместо Берлинга командармом назначить генерал-майора Перхоровича, который сейчас командует 3-м гв. ск. 28-й

А. Г. Жуков.
27.9.1944 г.».

Сталин, однако, предпочел не Франца Иосифовича Перхоровича, белоруса, с фамилией, которую при желании можно было счесть польской. 30 сентября по представлению Жукова и Рокоссовского Берлинг был заменен генерал-майором В. В. Корчицем, который считался гораздо более политически благонадежным. Зигмунт Берлинг все-таки был офицером в довоенной Польше и в просоветское Войско польское попал из катынского лагеря, поскольку был признан Берией «правильно политически мыслящим». А Владислав Викентьевич Корчиц был офицером царской армии, в 1919 году пошедший добровольцем на службу в РККА, в советско-польской войне воевавший на советской стороне, а перед Великой Отечественной войной командовавший 182-й стрелковой дивизией. После войны он был начальником Генерального штаба и первым заместителем министра национальной обороны Польши, то есть Рокоссовского. Корчиц, уроженец белорусского Слонима, был таким же «русским поляком», как и Рокоссовский, зато вполне благонадежным. Берлинга же подозревали в том, что он как минимум не будет разоружать отряды АК и арестовывать их командиров. Берлинг, как и некоторые другие члены ПКНО, хотел быть не советской марионеткой, а союзником, но Сталину нужны были в Польше именно марионетки.

Зигмунт Берлинг считал Рокоссовского одним из виновников его смещения с поста командующего 1-й польской армией. Ведь Константин Константинович подписал представление о его замене Корчицем. И Берлинг отомстит Рокоссовскому в середине 1950-х годов, о чем мы узнаем дальше.

Оправданием замены Берлинга служит и запись в журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта за сентябрь о варшавском десанте 1-й польской армии:

«Действия частей 2-й и 3-й ПД 1-й ПА по захвату плацдармов на западном берегу р. Висла, начатые 16 сентября 1944 г., оказались неудачными. Переправившиеся подразделения в течение 6 суток вели тяжелые бои, отражая непрерывные контратаки противника, силы которого с каждым днем наращивались. В ходе боев противнику удалось расчленить переправившиеся подразделения и лишить их взаимной поддержки. В результате подразделения, форсировавшие р. Висла, 22 сентября 1944 г. были эвакуированы на восточный берег р. Висла в район Прага.

Основными причинами неудачи действий 2-й и 3-й ПД по форсированию р. Висла и захвату плацдармов в г. Варшава являются:

— Изолированность очагов восстания внутри города, отсутствие между ними координации действий и полная их пассивность, что позволило противнику свободно маневрировать и полностью использовать свои силы для действий против подразделений и частей 3-й ПД. Сразу же после форсирования р. Висла передовыми отрядами 3-й ПД противник снял большую часть своих сил, действовавших против других групп повстанцев, и перебросил их в район действий восточной группы — с целью локализовать успех передовых отрядов 3-й ПД и не допустить их соединения с повстанцами и продвижения в центр города в направлении Мокотув.

— Очень медленный темп и слабая организация форсирования. Успех, достигнутый передовым отрядом на 16 сентября 1944 г., не был развит главными силами 3-й ПД и переправа их через р. Висла затянулась на 2–3-е суток. Медленная переправа небольших по численности подразделений на различных участках привела к отсутствию взаимной поддержки переправившихся групп. Слабые передовые отряды, почти не имевшие с собой артиллерии, не могли самостоятельно удержать захваченные кварталы и, тем более, успешно бороться с контрнаступающим противником, который,

значительно быстрее увеличивая свои силы, перебрасывал их с других участков города, где действия повстанцев были в это время пассивны.

— Части и подразделения 3-й ПД не имели достаточной подготовки к ведению уличных боев в условиях крупного города. В первый же день после форсирования мелкие группы пехоты стали укрываться в подвалах и вести оборонительный бой. Огневая поддержка таких групп с восточного берега р. Висла была крайне затруднена.

Кроме того, на ходе боев сказалась слабая организация управления переправившимися подразделениями со стороны штаба 3-й ПД, командиров полков и батальонов».

В том же журнале указывалось, что войска фронта за сентябрь уничтожили 7119 солдат и офицеров противника, 276 танков и самоходных орудий, 883 орудия и миномета, 2248 пулеметов, 596 автомашин и тракторов и захватили в плен 1689 солдат и офицеров противника. Потери 1-го Белорусского фронта за сентябрь 1944 года составили 57 408, в том числе 8774 убитыми и 30 807 ранеными. По сравнению с августом уровень потерь 1-го Белорусского фронта уменьшился примерно вдвое, и примерно в такой же пропорции уменьшилась активность его армий. При этом, что любопытно, безвозвратные потери фронта почти не уменьшились. В августе они составляли 26 458 человек, а в сентябре 19 601. При этом количество раненых уменьшилось в сентябре в 2,5 раза. Это может указывать на гораздо больший недоучет безвозвратных потерь 1-го Белорусского фронта в августе по сравнению с сентябрем.

Немецкие безвозвратные потери командованием 1-го Белорусского фронта в сентябре, скорее всего, как и в августе, были преувеличены, но не так существенно. По сравнению с августом в сентябре они стали меньше аж в 13,5 раза. Возможно, в Генштабе и Ставке указали на абсолютную нереальность августовских цифр немецких потерь, и на этот раз в штабе Рокоссовского дали цифру, более близкую к реальным потерям вермахта. Не исключено также, что на этот раз из Москвы поступила установка показать, что враг еще силен и поэтому в данный момент взять Варшаву нет возможности. А, может быть, сам Рокоссовский, показав более или менее близкие к действительности потери своих и неприятельских войск, пытался убедить Генштаб, что продолжать наступление на Варшаву сейчас не имеет смысла.

2 октября, в день капитуляции повстанцев в Варшаве, военный совет 1-го Белорусского фронта отчитался перед Ставкой о помощи восстанию: «В целях оказания помощи повстанцам Варшавы в период с 13.09 по 1.10.44 авиация фронта произвела 4821 самолето-вылет, в том числе: на сбрасывание грузов — 2435, на подавление средств ПВО противника в городе Варшава в районе сбрасывания грузов — 100, на бомбардировку и штурмовку войск противника в городе Варшава по заявкам повстанцев — 1361, на прикрытие районов, занимаемых повстанцами, и на разведку противника в интересах повстанцев — 925.

За этот же период повстанцам в городе Варшава авиацией фронта сброшено: орудий 45-мм — 1, автоматов — 1478, минометов 50-мм — 156, противотанковых ружей — 505, винтовок русских — 170, винтовок немецких — 350, карабинов — 669, снарядов 45-мм — 300, мин 50-мм — 37 216, патронов винтовочных — 1 312 600, патронов ТТ — 1 360 984, патронов ПТР — 57 640, патронов 7,7-мм — 75 000, патронов маузер — 260 600, патронов парабеллум — 312 760, ручных гранат — 18 428, ручных гранат немецких — 18 270, медикаментов — 515 кг, телефонных аппаратов — 10, коммутаторов телефонных — 1, элементов телефонных — 10, батарей „Бас-80“ — 22, телефонного кабеля — 9600 м, продовольствия разного — 131 221 килограмм.

Помимо этого артиллерия 1-й польской армии вела огонь на подавление огневых средств и живой силы противника в интересах повстанцев, а зенитная артиллерия 1-й ПА и 24-й зенитной артиллерийской дивизии РГК своим огнем прикрывала повстанческие районы от налетов вражеской авиации.

Для оказания помощи повстанцам Жолибожского района в их эвакуации на восточный берег р. Висла 1.10.44 к западному берегу р. Висла было подано до 100 лодок и подготовлено

соответствующее огневое обеспечение эвакуации. Ввиду того, что в назначенный район прибыло небольшое количество повстанцев, на восточный берег перевезено всего 27 человек».

Те же самые причины неудачи десанта в рапорте Рокоссовскому в донесении от 25 сентября изложил и Берлинг, также указавший, что к исходу 19 сентября противником были введены в бой из состава резервов 608-й охранный полк, 475-й истребительно-противотанковый батальон, боевая группа, а также 50 танков и самоходных орудий. Одновременно противник сосредоточил в юго-западной части Варшавы большое количество артиллерии и минометов. Если в начале операции отмечалось действие только около 12 артиллерийских батарей, то к 20 сентября было установлено наличие в юго-западных кварталах города до 40 артиллерийских батарей и минометных групп.

Как отмечалось в донесении, «наша пехота дралась самоотверженно», но «ввиду отсутствия полковой и дивизионной артиллерии не была в состоянии противостоять превосходящим силам пехоты, тяжелым танкам и самоходным орудиям противника». Берлинг не мог прямо писать, что главной причиной было отсутствие поддержки со стороны советских соединений, еще не зная, что из него собираются сделать «козла отпущения» за то, что не удалось взять Варшаву.

Между тем руководители восстания продолжали надеяться на помощь Красной армии, хотя надежды эти слабели с каждым днем. 29 сентября Бур-Комаровский сообщал в Лондон:

«1. Мы уточнили, что голодной нормы продуктов хватит только на 3 дня. Нет шансов, чтобы Красная Армия за это время смогла занять Варшаву или обеспечить такую защиту от бомбардировок и доставку продовольствия, чтобы можно было дождаться занятия города.

2. Сообщил маршалу Рокоссовскому об обстановке и просил о помощи. Однако, если не получу ее в больших масштабах и немедленно, буду вынужден капитулировать на условиях обращения с нами как с комбатантами, которое немцы гарантируют…

5. В случае наступления Красной Армии в ближайшие дни эвакуация прекратится и тогда возобновлю боевые действия».

2 октября командующий АК отправил последнее донесение: «2.10.44 г. было подписано соглашение о прекращении боевых действий в Варшаве. В 20.00 2 октября прекращаются немецко-польские военные действия на территории столицы. Выход отрядов из Варшавы с оружием на правах комбатантов с целью сложить оружие за стенами города: одного полка 4 октября в 8.00, остальных подразделений в течение дня 5 октября. Гражданское население по мере возможности обеспечено заботой».

Издевательством выглядело то, что американцы получили разрешение на проведение челночных операций по помощи Варшаве с использованием аэродрома в Полтаве 1 октября, в день, когда повстанцы уже фактически согласились на капитуляцию.

В боях с гораздо лучше вооруженными частями вермахта и СС погибли около 16 тысяч бойцов Армии крайовой, а в результате жестоких артобстрелов и бомбардировок польской столицы — десятки тысяч варшавян (по некоторым оценкам — от 40 до 200 тысяч). Около 20 тысяч повстанцев попали в плен. Немцы потеряли убитыми 7–8 тысяч солдат и офицеров, еще 9 тысяч было ранено и 2 тысячи попало в плен к повстанцам. Было уничтожено и повреждено более 200 немецких танков и штурмовых орудий. Порой говорят о 200 тысячах погибших жителях Варшавы, но эта цифра явно преувеличена. В последнем номере «Информационного бюллетеня» повстанцев, вышедшего 4 октября, в первый из двух дней капитуляции, говорилось: «Борьба закончилась. Завершился более чем двухмесячный период одной из самых возвышенных и трагических страниц нашей истории… Счет наших потерь и выигрышей, заслуг и ошибок, жертв и завоеванных ценностей мы должны передать истории… Поражение, размеров которого мы не хотим преуменьшать, — это поражение одного города, одного этапа нашей борьбы за свободу… Оно не является поражением нашего народа, наших планов и исторических идеалов».

По соглашению о капитуляции немцы обещали, что к жителям Варшавы не будет применяться принцип «коллективной ответственности» за восстание. Этот пункт соглашения был сразу же

нарушен. После подавления восстания, по приказу Гитлера, немцы почти полностью сровняли Варшаву с землей. 50 тысяч жителей депортировали в концентрационные лагеря, а 150 тысяч — на принудительные работы в Германию. Руководивший расправой над горожанами обергруппенфюрер СС Эрих фон дер Бах за эти и другие преступления был впоследствии трижды судим и в конце концов приговорен к пожизненному заключению.

Ни в августе, ни в сентябре 1944 года Рокоссовский на приеме у Сталина не был. В эти месяцы Иосиф Виссарионович вообще довольно скупо принимал командующих фронтами. 1 и 2 августа у него на приеме побывали командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин, несомненно, обсуждавшие окончательный план Ясско-Кишиневской операции, и курировавший эту операцию в качестве представителя Ставки С. К. Тимошенко. Это обстоятельство, кстати сказать, доказывает, что план и сроки этой операции были разработаны еще без учета Варшавского восстания. Ведь в тот момент в Москве о восстании еще не знали. Потом на приеме у Сталина 27 сентября был командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский. Возможно, с ним обсуждали план будущего вторжения в Восточную Пруссию. Рокоссовского же Сталин в ту пору к себе не вызывал. Быть может, Иосиф Виссарионович чувствовал себя немного не в своей тарелке потому, что заставлял Рокоссовского продолжать атаки на Варшаву, заранее обрекая их на провал, но не имея возможности прямо сказать ему о политических причинах, которые не позволяли взять Варшаву в данный момент.

На прием к Сталину Константин Константинович попал только 7 ноября 1944 года вместе с Жуковым, Василевским, Коневым, Антоновым и Штеменко. В этот день решился вопрос о рокировке командующих фронтами. Через несколько дней, 12 ноября, приказом Ставки Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом вместо Г. Ф. Захарова, 1-й Белорусский фронт у него принял Жуков. Этим двум фронтам вместе с 1-м Украинским фронтом предстояло провести в январе 1945 года Висло-Одерскую операцию, освободить Польшу и наступать на Берлин. Рокоссовского при этом лишили лавров освободителя Варшавы, хотя до Варшавского восстания прямо прочили их ему. Но теперь обстоятельства изменились. Предполагалось, что войска 1-го Белорусского фронта, в случае успешного развития событий, после занятия Варшавы сразу же двинутся на Берлин. А по замыслу Сталина брать Берлин должен был фронт под командованием первого лица в военной иерархии, то есть Жукова, заместителя Верховного главнокомандующего. Рокоссовский же для взятия Берлина, как поляк, совсем не подходил — Сталин не хотел давать его соплеменникам еще один повод для национальной гордости. Рокоссовский, конечно, был разочарован, что его убрали с фронта, нацеленного на Варшаву и Берлин, но пришлось подчиниться. Заодно были упразднены представители Ставки на фронтах, чего Рокоссовский давно добивался. Мотивировалось это значительным сокращением общей протяженности советско-германского фронта. Теперь Сталин сам собирался координировать из Москвы действия фронтов на Берлинском направлении.

Новому назначению предшествовали драматические события, связанные с неудачным наступлением северного крыла 1-го Белорусского фронта. В неопубликованных черновиках своих мемуаров Рокоссовский так описал события, последовавшие за подавлением Варшавского восстания:

«С прекращением боев в Варшаве между повстанцами и немецко-фашистскими войсками прекратились активные боевые действия непосредственно у Варшавы. Противник на всем фронте перешел к обороне. Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы, на Модлинском направлении, находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков Г. К.

Я уже упоминал о том, что на этом направлении противник удерживал на восточном берегу рек Висла и Нарев небольшой участок местности, упиравшийся своей вершиной в слияние этих рек и обтекаемый с одной стороны Вислой, а с другой — рекой Нарев. Эта местность образовывала треугольник, расположенный в низине, наступать на который можно было только с широкой ее части, то есть в лоб. Окаймляющие этот злополучный участок берега упомянутых рек сильно возвышались над той местностью, которую нашим войскам приходилось штурмовать, и с этих высоких берегов противник прекрасно просматривал все, что творилось на подступах к позициям, обороняемым его войсками. Самой сильной стороной его обороны было то, что все подступы

простреливались перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за рекой Нарев и Вислой, а кроме того, артиллерией, располагавшейся в крепости Модлин у слияния названных рек, то есть в вершине треугольника этой местности.

Я уже упоминал о безрезультатных атаках войск 70-й и 47-й армий. Войска несли большие потери, расходовалось большое количество боеприпасов, а противника выбить из этого треугольника мы никак не могли.

Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доказывание, что если противник и уйдет из этого треугольника, то мы все равно его занимать не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия. От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточном берегу Вислы и Нарева.

Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку. Ознакомившись с вечера с условиями и организацией наступления, которое должно было начаться с рассветом следующего дня, я с двумя офицерами штаба прибыл в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне.

До рассвета мы залегли на исходном положении для атаки. Артиллерийская подготовка назначена 15-минутная, и с переносом огня на вторую траншею противника батальон должен был броситься в атаку. Со мной был телефон и установлены были сигналы: бросок в атаку — красные ракеты, атака отменяется — зеленые.

Ночью противник вел себя спокойно. Ни с его стороны, ни с нашей стрельбы не было совершенно. Чувствовалось даже в какой-то степени проявляемое им некоторое пренебрежение по отношению к нам, так как наши вели себя не особенно тихо. Заметно было на многих участках движение, шум машин и повозок, искры из кухонных труб, по-видимому, подвозили на позиции пищу. Наконец, в назначенное время наша артиллерия, минометы и „катюши“ открыли огонь. Я не буду описывать произведенного на меня эффекта огня наших средств, но то, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя. Не прошло и 10 минут от начала нашей артподготовки, как ее открыл и противник. Его огонь велся по нам с трех направлений: справа из-за Нарева — косоприцельный, слева из-за Вислы — тоже косоприцельный и в лоб — из крепости и фортов. Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых: крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные, называемые нашими воинами „Ванюшами“. Противник почему-то не пожалел снарядов и ответил нам таким огнем, как будто хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака. Тела нельзя было оторвать от земли, оно будто прилипло, и, конечно, мне лично пришлось убедиться в том, что до тех пор, пока эта артиллерийская система противника не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого противником плацдарма. А для подавления этой артиллерии у нас средств сейчас не было, да и цель не оправдывалась средствами.

Учтя все это, не ожидая конца нашей артподготовки, я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону передал командармам 47-й и 70-й о прекращении наступления. Вернувшись на наблюдательный пункт командарма 47-й генерала Гусева, приказал воздержаться от всяких наступательных действий до моего особого распоряжения, такое же распоряжение получил и командарм 70-й Попов В. С.

Вернулся я на наш фронтовой КП в состоянии сильного возбуждения непонятным упрямством Жукова. Что собственно он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать. Ведь не будь бы его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много воинов от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в том, что мое убеждение в ненужности этой инстанции — представителей Ставки — в таком виде, как они использовались, является правильным и с таким мнением я остаюсь и сейчас, когда пишу воспоминания.

Мое возбужденное состояние бросилось, по-видимому, в глаза члену Военного Совета фронта генералу Булганину Н. А., который поинтересовался, что такое произошло, и, узнав о моем решении прекратить наступление, посоветовал мне доложить об этом Верховному Главнокомандующему, что я и сделал тут же.

Сталин очень внимательно меня выслушал. Заметно было, что он обратил внимание на мое взволнованное состояние, и по тону его разговора со мной чувствовалось его желание успокоить меня. Затем, попросив немного подождать, через короткий промежуток времени он мне передал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке к новой наступательной операции.

Свои соображения об использовании войск фронта представить ему в Ставку. После такого разговора, как гора свалилась с плеч. Все мы воспрянули духом и приступили к изданию директивы войскам. Мне же еще до отъезда Жукова пришлось выслушать несколько эпитетов в его духе по телефону. Больше всего он ополчился против Гусева, который ни в чем не был повинен. Это был солидный, хорошо подготовленный командарм. Честный и исполнительный, способный проявлять разумную инициативу и отстоять свое убеждение, если он прав.

Эта небольшая размолвка с Жуковым как с представителем Ставки была последней. Вскоре после его отъезда от нас я узнал о том, что представители Ставки вообще упраздняются как инстанция. И я невольно подумал — давно бы так. Об этом я узнал от самого Сталина.

Сохранившийся за противником плацдарм ничуть нас не беспокоил, он не представлял для нас никакого значения, по-видимому, также оценивал его и противник, потому что спустя некоторое время он сам, совершенно неожиданно для нас, этот плацдарм очистил.

Сейчас во всей полосе войска фронта подошли вплотную к берегам рек Нарев и Вислы и прочно удерживали плацдармы на западном берегу Нарев в районе Рожан и Пултуска и на западном берегу Вислы в районе Магнушева и в районе южнее Пулавы. Бои значительно ослабли, и противник, по-видимому, выдохся. Не прекращались его попытки активизировать свои действия против войск, оборонявших магнушевский плацдарм, зато он прекратил всякую активность на Нареве. Это его поведение нас несколько настораживало, и мы не ошиблись».

Н. А. Антипенко следующим образом описал расставание Рокоссовского с 1-м Белорусским фронтом и чувства, испытываемые его многолетними соратниками:

«Почти три года командовал нашим фронтом К. К. Рокоссовский. Менялось название фронта (Брянский, Донской, Центральный, Белорусский, 1-й Белорусский), но руководство, основные кадры фронта и даже некоторые армии оставались те же. Начальником штаба фронта был М. С. Малинин, командующим артиллерией — В. И. Казаков, командующим бронетанковыми войсками — Г. Н. Орел, командующим воздушной армией — С. И. Руденко, начальником инженерных войск — А. И. Прошляков, начальником тыла — Н. А. Антипенко, начальником политуправления — С. Ф. Галаджев. Весь этот коллектив возглавлялся неизменным составом Военного Совета фронта — К. К. Рокоссовским и К. Ф. Телегиным. Люди сработались, научились понимать друг друга с полуслова. К. К. Рокоссовского любили и его непосредственные подчиненные, и солдаты, и офицеры частей.

Не раз приходилось слышать вопрос: в чем была причина такого всеобщего хорошего отношения к Рокоссовскому?

Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаюсь в том, что сам привязан к этому человеку, с которым меня связывает почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ровным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего.

К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда,

когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду, что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которого нельзя не выполнить.

Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в сношениях с подчиненными к формуле „командующий приказал“. В этом не было нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков. Таков был стиль работы и самого командующего, и его ближайших помощников.

Проводы Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт, командующим которого он был назначен, совпали с Днем артиллерии — 19 ноября 1944 года мы впервые отмечали этот день. В городе Бяла-Подляска собрался весь руководящий состав штаба и управлений 1-го Белорусского фронта.

В тот же день пронесся слух, что вместе с Рокоссовским переводятся на тот же фронт и все его заместители. Но приехавший к нам на фронт Г. К. Жуков объявил, что И. В. Сталин запретил какие бы то ни было переводы и все должны оставаться на своих местах. Не скрою, многие из нас были опечалены. Меня беспокоило, будет ли новый командующий так же внимателен к работе тыла? Будет ли он учитывать особые трудности в работе тыла? Ведь тыл — это такое поприще, на котором ты всегда можешь „погореть“, если не будешь иметь поддержки у командующего. О Жукове притом же говорили как о человеке с жестким характером и крутым нравом…

Хорошо сохранился в памяти прощальный диалог между двумя маршалами, поднявшимися на импровизированную трибуну в День артиллерии. Они вспомнили свои молодые годы, когда оба воевали на фронтах гражданской войны, свои встречи на учениях, соревнованиях (ведь они оба — лихие кавалеристы!) после гражданской войны и т. д.

Все присутствовавшие генералы и офицеры с восхищением смотрели на своих выдающихся маршалов. „Именинники“, т. е. наши славные артиллеристы, в честь которых был устроен праздник, уезжали в свои армии и корпуса с хорошим настроением и благодарили организаторов праздника».

Начиная с июня 1944 года на положение на советско-германском фронте значительное влияние оказывали боевые действия армий западных союзников, высадившихся 6 июня в Нормандии. За период с июня по ноябрь 1944 года включительно безвозвратные потери германских сухопутных сил составили 1237 тысяч убитыми и пропавшими без вести. Из них на Западном фронте в этот период погибло и пропало без вести 394 тысячи немецких солдат и офицеров. Кроме того, сюда можно отнести около трети безвозвратных потерь германских сухопутных сил в Италии, составивших в период с 30 мая 1943 года по 30 ноября 1944 года около 67 тысяч человек. Третья часть от этого числа составила около 22 тысяч человек. Таким образом, всего в борьбе против западных союзников в этот период германские сухопутные войска безвозвратно потеряли около 416 тысяч человек, что составило примерно 33,6 процента всех безвозвратных потерь, понесенных в период с 30 мая по 30 ноября 1944 года. При этом общая численность американских и британских войск, сражавшихся в тот период на Западном и Итальянском фронтах, была в 3,5 раза меньше, чем численность Красной армии на советско-германском фронте.

Вероятно, в последние шесть месяцев войны, с 1 декабря 1944 по 8 мая 1945 года, доля западных союзников в безвозвратных потерях вермахта только увеличилась за счет больших немецких потерь в ходе Арденнского наступления в декабре 1944 года, где немцы по неполным данным потеряли 12 610 убитыми и 9154 пропавшими без вести или взятыми в плен, а также 317 тысяч пленных в Рурском котле. Речь при этом не идет о событиях второй половины апреля — начала мая 1945 года, когда немецкие войска в массовом порядке стремились уйти на запад, чтобы сдаться в плен англичанам и американцам. Таким образом, в последние месяцы войны английские и американские армии нанесли германским сухопутным войскам не менее 40 процентов всех безвозвратных потерь.

Кстати сказать, в самом конце войны союзники всерьез опасались, что Сталин может приказать Красной армии двигаться дальше на Запад, и разрабатывали планы противодействия этому, в том числе с использованием германских военнопленных, которым предполагалось вновь дать в руки оружие. Но, судя по всему, страхи Черчилля и Трумэна были напрасны. Никаких следов планов советского вторжения в Западную Европу в 1945 году до сих пор не обнаружено. Скорее всего, их и не было вовсе. Сталину требовалось время, чтобы восполнить колоссальные людские потери, восстановить с использованием трофейных технологий и оборудования разрушенную промышленность, укрепить контроль над освобожденными от нацизма странами Восточной Европы.

Рокоссовский наверняка переживал, что политические обстоятельства не дали ему возможности взять Варшаву и разгромить немцев в родной Польше. Огорчался он и оттого, что, также по политическим соображениям, его перебросили на второстепенный 2-й Белорусский фронт. Теперь ему предстояло работать с новым штабным коллективом и готовить наступление в Западной и Восточной Пруссии и Померании.

Глава одиннадцатая
ПОСЛЕДНИЕ БОИ В ГЕРМАНИИ

В связи с переводом на 2-й Белорусский фронт Рокоссовский вынужден был расстаться с Галиной Талановой, которая в январе 1945-го в городке Мензижец под Варшавой стала матерью. Назвали новорожденную Надеждой. Константин Константинович дал дочери свою фамилию. Галина Таланова вместе с маленькой дочкой дошла до Берлина.

Директор Свободинского музея «КП Центрального фронта» Валентина Васильевна Озерова много раз встречалась с Галиной Васильевной, которая делилась с ней самым сокровенным. Валентина Васильевна вспоминает:

«Галина Васильевна показала мне альбом, в котором много фотографий военной поры. На снимках они с Константином Константиновичем рядышком, вместе. Видно, хотели вот так продлить свое счастье. Много и писем Рокоссовского. И все — в стихах (выходит, у Константина Константиновича был и поэтический талант. — *Б. С.).* Огромные карие глаза Галины Васильевны сияли, когда она читала мне те поэтические послания. Те стихи очень-очень личные. Предназначены ей, и только ей — „незабвенной соловушке“, как называл он ее в письме из-под Курска… У Рокоссовского к Галине было глубокое, серьезное чувство. Они ведь прошли вместе всю войну…»

Но разрушать свою семью Константин Константинович не собирался. «Галина Васильевна говорит, что стать женой генерала и не мечтала. Понимала, что вместе им не быть», — вспоминала Валентина Озерова. Рокоссовский сразу предупредил Галину Васильевну: «Юлию Петровну оставить никогда не смогу!» И рассказал, как сидел после ареста в 1937-м почти три года в «Крестах», и жена от него не отреклась, хотя ее притесняли как супругу врага народа. С Адой, дочерью врага народа, в школе дети не хотели сидеть за одной партой и играть во дворе.

Встречи отца и Надежды после войны были нечастыми. С Галиной они остались добрыми друзьями. Когда в 1968 году хоронили Рокоссовского, у гроба стояла его жена Юлия Петровна. А в группе фронтовых друзей — Галина Таланова.

После войны маршал постоянно помогал своей бывшей подруге и Надежде. Потом в Галину Васильевну влюбился летчик-испытатель Юлий Евгеньевич Кудрявцев. Рокоссовский, который очень переживал, что Галина одинока, благословил их брак. В 1959 году Константин Константинович дал согласие на удочерение Кудрявцевым Надежды. Галина и Юлий поселились в Латвии, у них родилась дочь Марина, но вскоре Кудрявцев погиб на испытаниях. После гибели мужа Галина вернулась в Москву, работала в госпитале имени Бурденко. Больше замуж не выходила.

В августе 1988 года бывший шофер командарма Сергей Мозжухин, мечтавший породнить-подружить две ветви Рокоссовских, в день 45-летия Курской битвы привез в Свободу Константина — сына Ады Константиновны, — и Надежду. А на следующий день Сергей Иванович умер — сердце не выдержало радости встречи.

В квартире Надежды Константиновны на стене висит огромный написанный маслом портрет Рокоссовского. «Отец писал моей матери письма стихами, — рассказала дочь маршала в одном интервью. — Я его практически не видела. Хорошо запомнился послевоенный эпизод, как мы с отцом выбирали вид спорта, которым я буду заниматься. Он сказал: „Что ты не умеешь вообще делать? В волейбол немного играешь. В баскетбол — тоже. А плавать не плаваешь“. Остановились на плавании. Позднее я даже выступала за сборную Латвии».

Но вернемся в конец 1944 года. 28 ноября была издана директива о подготовке 1-м Белорусским фронтом Варшавско-Познанской операции, в ходе которой предполагалось за 11–12 дней выйти на рубеж Пиотркувек — Жихлин — Лодзь и развивать наступление на Познань. 2-му Белорусскому в этот же день была дана директива на проведение Млавско-Эльбингской операции, в ходе которой предполагалось отрезать Восточную Пруссию от остальной территории Германии и оказать содействие 1-му Белорусскому фронту в проведении Висло-Одерской операции, в частности, посредством захвата крепости Модлин. Данная Рокоссовскому директива гласила:

«Перейти в наступление и разгромить млавскую группировку противника, не позднее 10–11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзялдово, Бежунь, Бельск, Плоцк и в дальнейшем наступать в общем направлении на Нове-Място, Мариенбург. Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Обеспечение главных сил с севера осуществить наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении на Насельск, Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада».

В дальнейшем основные силы 2-го Белорусского фронта должны были наступать в Померании, прикрывая правый фланг 1-го Белорусского фронта. 22 декабря план операции 2-го Белорусского фронта был окончательно утвержден Сталиным.

Последний раз планы этих операций обсуждались в Кремле у Сталина 27 и 28 ноября 1944 года. На совещании 27 ноября, кроме Рокоссовского, присутствовали В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Г. К. Жуков, А. И. Антонов, С. М. Штеменко, заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозов и главком ВВС А. А. Новиков. 28 ноября, кроме Рокоссовского, у Сталина были Молотов, Булганин, Жуков, Антонов, Штеменко и главком бронетанковых и механизированных войск Я. Н. Федоренко. То, что на обоих совещаниях отсутствовал командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский, доказывает, что первоначально предполагалось, что фронт Рокоссовского будет взаимодействовать в первую очередь с фронтом Жукова. Так что перемена в задаче 2-го Белорусского фронта, который уже после начала операции был перенацелен на ликвидацию Восточно-Прусской группировки, оказалась для Рокоссовского неожиданной.

В состав 2-го Белорусского фронта входили 50, 3 и 48-я армии, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также 4-я воздушная армия. В связи с изменением разграничительных линий во 2-й Белорусский фронт из 1-го Белорусского фронта были переданы 65-я и 70-я армии и 1-й и 8-й гвардейские танковые корпуса. Кроме того, из резерва Ставки Рокоссовский получил 2-ю ударную, 49-ю и 5-ю гвардейскую танковую армию. В январе 1945 года 2-й Белорусский фронт насчитывал 881,5 тысячи человек, 2195 танков и САУ, более 11 тысяч орудий и минометов и более 1500 боевых самолетов. Ему противостояли одиннадцать пехотных и четыре танковые дивизии 2-й и 9-й немецких армий группы армий «Центр», с 26 января 1945 года переименованной в группу армий «Север». Кроме того, в резерве немецкое командование имело три пехотных и одну моторизованную дивизию. Немецкие дивизии далеко не полностью были укомплектованы людьми и бронетехникой, так как пополнялись в первую очередь дивизии, участвовавшие в Арденнском наступлении. Да и в действительности разведка 2-го Белорусского фронта значительно завышала противостоящие немецкие силы. 9-я армия в тот момент вообще действовала против 1-го Белорусского фронта, а ряд перечисленных в разведсводке дивизий в январе 1945 года находился на других участках советско-германского фронта. Например, танковые дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова» дислоцировались в тот момент в Венгрии. Там же находились 3-я

и 6-я танковые дивизии, которые разведчики 2-го Белорусского фронта числили перед своим фронтом.

Если приравнять по численности личного состава три отдельные танковые бригады к половине стрелковой дивизии, три УРа — к одной стрелковой дивизии, а три кавдивизии — к полутора стрелковым дивизиям, то силы Рокоссовского можно определить примерно в 72 расчетные дивизии, которым противостояло 15 немецких дивизий. Это давало численный перевес в 4,8 раза, который еще больше возрастал из-за низкой укомплектованности немецких дивизий. X. Гудериан полагал, что советский перевес в людях на всем советско-германском фронте был: по пехоте — 11:1, по танкам — 7:1, по артиллерии — 20:1, по числу боевых самолетов — 20:1. Вероятно, эти цифры были близки к действительности, особенно, если брать в расчет только боевые части. Но продвижение советских войск в Восточной Пруссии было затруднено наличием там мощных долговременных укреплений, созданных еще в межвоенный период.

Неслучайно единственную стратегическую наступательную операцию последнего года войны немцы провели против англо-американских войск в Арденнах, а не против Красной армии. Сравнительно небольшая глубина западного театра давала хотя бы теоретические шансы на достижение решающего успеха в ходе одной операции, тогда как необъятные просторы Восточного фронта таких шансов не давали даже в теории. Кстати, с Арденнами связана еще одна легенда — будто бы Сталин по просьбе Черчилля ускорил наступление Красной армии, чтобы спасти союзников в Арденнах, и перенес его начало с 20 на 12 января 1945 года, о чем и сообщил британскому премьеру. Только в 1990-е годы исследования историков выявили, что утвержденный Жуковым еще 29 декабря 1944 года план сосредоточения войск 1-го Белорусского фронта предусматривал начало наступления 8 января 1945 года, но из-за плохой погоды, ограничившей действия авиации, его пришлось перенести на более поздний срок — 12 января. Письмо же Черчилля Сталину, где упоминались Арденны, содержало лишь просьбу дать информацию о советских военных планах, но отнюдь не просьбу о помощи. Сталин тогда просто разыграл готовность пожертвовать жизнями советских солдат ради союзных интересов, прекрасно зная, что наступление как раз и должно начаться 12 января.

В состав 2-го Белорусского фронта, как мы уже упоминали, была передана 65-я армия, которая была под началом Рокоссовского еще со времен командования Донским фронтом. П. И. Батов вспоминал: «Вскоре по пути на свой новый командный пункт маршал заехал к нам. Он был один. Весь штаб фронта остался под Варшавой. „А я уж к своим войскам, — говорил командующий. — Будем, товарищи, вместе добивать фашистов“. Спустя полчаса мы его проводили, а вечером он неожиданно нагрянул снова: „Ну, шестьдесят пятая, накормите ужином, на новом месте что-то и поесть как следует не пришлось…“ На столе быстро появилось его любимое блюдо — гречневая каша-размазня».

13 января, на день позже Висло-Одерской, началась Восточно-Прусская операция. Войска 2-го Белорусского фронта, из-за плохих погодных условий вынужденные начать наступление на сутки позже, 14 января, в первые дни продвигались медленно, вклинившись в немецкую оборону на 5–8 километров.

16 января Рокоссовский ввел в сражение танковые корпуса, а 17 января — 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием В. Т. Вольского. Кроме того, во второй половине дня 16 января улучшилась погода, что позволило широко использовать авиацию. Продвижение войск фронта значительно ускорилось. 16 января части 65-й и 2-й ударной армий овладели Пултуском. 17 сентября в прорыв на Алленштейн вошел 3-й гвардейский кавкорпус генерала Осликовского. Рокоссовский вспоминал: «Наш конный корпус Н. С. Осликовского, вырвавшись вперед, влетел в Алленштейн (Ольштын), куда только что прибыли несколько эшелонов с танками и артиллерией. Лихой атакой (конечно, не в конном строю!), ошеломив противника огнем орудий и пулеметов, кавалеристы захватили эшелоны. Оказывается, это перебазировались немецкие части с востока, чтобы закрыть брешь, проделанную нашими войсками». На самом деле в эшелонах были по преимуществу гражданские беженцы из Восточной Пруссии. У тех из них, кто уцелел, остались самые жуткие воспоминания от встречи с конниками Осликовского. Но об этом чуть ниже.

19 января войска 2-й ударной армии заняли Цеханув. 5-я гвардейская танковая армия блокировала Млавский укрепленный район, а 65-я и 70-я армии взяли крепость Модлин. 20 января войска 3-й армии перешли границу Восточной Пруссии. И в тот же день Ставка приказала повернуть 3,48, 2-ю ударную и 3-ю гвардейскую танковую армии для действий против Восточно-Прусской группировки, что было вызвано отставанием войск 3-го Белорусского фронта от запланированных темпов продвижения.

Вот как в неопубликованной при жизни части мемуаров Рокоссовский охарактеризовал задачи 2-го Белорусского фронта и свое отношение к повороту четырех армий против Восточной Пруссии:

«Наше внимание уделялось скорейшему продвижению на запад, чтобы надежно обеспечить от возможных ударов с севера войска 1-го Белорусского фронта, особенно его танковые армии. О событиях на участке 3-го Белорусского фронта официальных сообщений у нас не было, но доходили слухи, что там наступление развивается медленно. И если проводимые Ставкой до этого крупные наступательные операции, в которых участвовало одновременно несколько фронтов, можно было считать образцом мастерства, то организация и руководство Восточно-Прусской операцией вызывают много сомнений. Эти сомнения возникли, когда 2-му Белорусскому фронту Ставкой было приказано 20 января повернуть 3-ю, 48-ю, 5-ю гв. танковую и 2-ю Ударную армии на север и северо-восток для действий против восточно-прусской группировки противника вместо продолжения наступления на запад. Ведь тогда их войска уже прорвали оборону противника и подходили к Висле в готовности форсировать ее с ходу.

Полученная директива фактически в корне меняла первоначальную задачу фронту, поставленную Сталиным в бытность мою в Ставке. Тогда ни одним словом не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским фронтом в ликвидации восточно-прусской группировки войск противника. И поскольку основной задачей фронта было наступление на запад в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта, то и основная группировка войск фронта была создана на левом крыле фронта (48-я, 2-я Ударная, 65, 70,49-я и 5-я гв. танковая армии). По полученной же директиве основной задачей ставилось окружение Восточно-Прусской группировки противника ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф. Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, имея на левом крыле всего две армии. С этого момента началась растяжка фронта, так как большая часть наших сил наступала на север и северо-восток, а меньшая на запад.

Это впоследствии привело к тому, что из-за быстрого продвижения к Одеру 1-му Белорусскому фронту пришлось растягивать свои войска для обеспечения с севера своего обнажавшегося фланга, поскольку левое крыло нашего фронта отставало в продвижении на запад. А это произошло потому, что нашему фронту пришлось выполнять в этот период две различные задачи. И прав был командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков, упрекая меня за отставание войск и невыполнение задачи по обеспечению фланга его фронта.

Я уверен, что он в то время понимал необоснованность своей претензии к нам и предъявлял ее лишь для того, чтобы подзадорить меня. Возникали такие вопросы: почему Ставка не использовала весьма выгодное положение войск 2-го Белорусского фронта и не совместила удар войск 3-го Белорусского фронта с ударом нашего фронта, нанося его примерно с ломжинского направления, с юга на север, в направлении на залив Фриш-Гаф. В данном случае сразу же следовало бы этому фронту включить в свой состав войска 50-й и 3-й армий с их участками. Генеральный штаб не мог не знать о том, что наиболее сильные укрепления в Восточной Пруссии были созданы в восточной и юго-восточной ее части. Кроме того, сама по себе конфигурация фронта подсказывала нанесение удара именно с юга на север, чтобы отсечь Восточную Пруссию от Германии. К тому же удар с этого направления было легко совместить с ударом, наносимым войсками нашего фронта. Такое решение облегчило бы прорыв фронта противника в самом начале операции…

Непонятным для меня было и затягивание усиления 2-го Белорусского фронта войсками из резерва Ставки за счет 3-го Белорусского фронта после того, как решением той же Ставки четыре армии (три

общевойсковые и одна танковая) были повернуты на другое направление и втянулись в бой с Восточно-Прусской группировкой.

Неужели даже в той обстановке Ставка не видела, что оставшимися силами фронт выполнить прежнюю задачу не сможет? А ведь я лично дважды беседовал по этому вопросу по ВЧ с Антоновым. И совсем уже непонятным было решение Ставки о передаче вообще всех четырех армий — 50,3,48-й и 5-й гв. танковой — 3-му Белорусскому фронту в самый решительный момент, когда войскам 2-го Белорусского фронта предстояло, не задерживаясь, преодолеть такой сильный рубеж, каким являлась Висла в ее нижнем течении. После того как войска нашего фронта вышли к морю у Элблонга (Эльбинга) и к заливу Фриш-Гаф, отрезав Восточно-Прусскую группировку противника, отразили все попытки этой группировки прорваться на запад, достаточно было прикрыть это направление 50-й и 3-й армиями, передав их 3-му Белорусскому фронту, 5-ю же гв. танковую и 48-ю армии нужно было немедленно освободить, оставив их в составе нашего фронта для продолжения действий на западном направлении.

Такую задачу Ставка нам опять-таки поставила, а войска не возвратила, зная заранее, что теми силами, которые остались в составе нашего фронта, эта задача выполнена быть не может…»

2-й Белорусский фронт, наступавший севернее, в Померании, по приказу Ставки должен был двинуть значительные силы в Восточную Пруссию. Рокоссовский считал, что стремление Ставки одновременно иметь два главных направления наступления — на Берлин и Кёнигсберг ведет лишь к затягиванию войны. Он писал в мемуарах:

«На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против Восточно-Прусской группировки… Использование такой массы войск против противника… удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным».

Но Рокоссовского не послушались, возможно, оттянув тем самым падение Берлина на два-три месяца. Политика опять влияла на стратегию не лучшим образом.

Первоначально Сталин, по всей вероятности, предполагал, в случае успешного преодоления вислинского рубежа, сразу же захватить плацдармы на Одере и развивать наступление на Берлин, воспользовавшись тем, что у немцев на одерском рубеже почти не было войск. Войска же Рокоссовского, продвигаясь в Померанию, надежно прикрыли бы правый фланг фронта Жукова. Но затем внимание Сталина все более стало смешаться в сторону Восточной Пруссии. Вероятно, тут играли свою роль несколько факторов.

Близилась очередная встреча Сталина с Рузвельтом и Черчиллем (она состоялась в Ялте 4–11 февраля). Советский Союз предъявил претензии на значительную часть Восточной Пруссии с Кёнигсбергом. Вероятно, Сталин хотел поставить союзников перед свершившимся фактом, захватив к моменту начала Ялтинской конференции Кёнигсберг и большую часть Восточной Пруссии. Возможно, он опасался, что в последние дни войны немцы там могут капитулировать перед англо-американским десантом. Поэтому армии Рокоссовского и были повернуты против Восточно-Прусской группировки. После этого противник вынужден был перебросить против главных сил 2-го Белорусского фронта части, оборонявшиеся на юге Восточной Пруссии, по Августовскому каналу против 50-й армии И. В. Болдина, оставив там лишь слабый заслон. Командующий армией не заметил этого маневра, продолжая докладывать, что противник обороняется в прежней группировке, и Рокоссовский сместил его.

Не удалось и захватить с ходу Эльбинг. Ворвавшийся в город танковый отряд был окружен и уничтожен. Также устояла против первых советских атак крепость Грауденц. Но уже 26 января 5-я гвардейская танковая армия вышла к побережью залива Фриш-Гаф, блокировала Эльбинг и отрезала Восточную Пруссию от остальной Германии.

Однако захватить Кёнигсберг и основную часть Восточной Пруссии не удалось ни к 4 февраля, ни к 1 марта. Хорошо укрепленный и отчаянно обороняемый Кёнигсберг, как известно, пал только 6 апреля, когда из него ушли основные войска, защищавшие город. Но это обстоятельство все равно никак не повлияло на решения конференции. Черчилль и Рузвельт согласились отдать Сталину Кёнигсберг. Были согласованы и зоны оккупации в Германии, причем Берлин оказался в советской зоне, но должен был контролироваться всеми тремя державами. Казалось бы, теперь свободно можно было наступать на Берлин.

Уже 10 февраля 1945 года Жуков докладывал Сталину о плане Берлинской наступательной операции. Целью операции было «сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать его оборону на западном берегу р. Одер и овладеть городом Берлином». По утверждению Жукова, войска 1-го Белорусского фронта были готовы начать наступление на Берлин 20 февраля. Они уже владели в тот момент Кюстринским плацдармом на западном берегу Одера. Но в тот же день, 10 февраля, директивой Ставки 50, 3,48 и 5-я гвардейская танковые армии были переданы из 2-го в 3-й Белорусский фронт для завершения разгрома Восточно-Прусской группировки. Тем самым были значительно ослаблены возможности Рокоссовского по продолжению наступления в Померании.

Очевидно, план наступления на Берлин был утвержден Верховным главнокомандующим, поскольку уже 13 февраля Жуков отдал директивы своим армиям на проведение Берлинской операции. Армейские планы наступления должны были быть готовы к 17 февраля, но точное время перехода в наступление не устанавливалось. Задачи армиям были расписаны на первые четыре дня операции. После этого предполагалось начать штурм Берлина. Однако после начала 16 февраля германского контрнаступления в Померании Сталин значительную часть войск 1-го Белорусского фронта повернул против Померанской группировки противника. Хотя на самом деле эта группировка была слишком слаба, чтобы всерьез угрожать окружением советским войскам, наступающим к Одеру и Нейсе. В ее состав входили всего две танковые, три моторизованные и одна пехотная дивизии, тогда как у Жукова одних только танковых армий было четыре. Контрнаступление в Померании, названное операцией «Зонненвенде» («Солнцестояние»), осуществляли 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг», 4-я полицейская моторизованная дивизия СС, 11-я моторизованная дивизия СС «Нордланд», 23-я моторизованная дивизия СС «Нидерланды», части 28-й моторизованной дивизии СС «Валлония», 503-й тяжелый танковый батальон СС, танковая дивизия «Гольштейн», гренадерская дивизия «Фюрер» и 911-й дивизион штурмовых орудий. Тут надо заметить, что дивизия СС «Валлония» насчитывала всего лишь около трех тысяч человек, то есть представляла собой скорее усиленный полк. В дивизии «Фрундсберг» насчитывалось 87 танков и 28 штурмовых и самоходных орудий. В дивизии «Гольштейн» насчитывалось всего 25 танков. С учетом батальона «тигров» и отдельного дивизиона штурмовых орудий, а также танков в танковых полках моторизованных дивизий в ударной группировке было около 200 единиц бронетехники. Смешно думать, что такое количество танков и штурмовых орудий могло бы прорваться в тыл 1-го Белорусского фронта, а уж тем более нанести поражение его танковым армиям и окружить часть советских войск. Кроме того, рано или поздно дивизии группировки, деблокировавшей окруженный гарнизон Арнсвальде, пришлось бы повернуть против 2-го Белорусского фронта, наступавшего в Восточной Померании. Тем более что значительного продвижения немецким дивизиям добиться не удалось. Они были остановлены войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта.

Как отмечают военные историки А. Т. Завьялов и Т. Е. Калядин,

«врагу, усилившему свои войска, оборонявшиеся в Восточной Померании, удалось упорным сопротивлением на заранее подготовленных позициях приостановить продвижение войск армий левого крыла 2-го Белорусского фронта, а силами войск 11-й армии, состоявших почти полностью из танковых и моторизованных соединений СС, нанести контрудары по войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта, затормозить их продвижение на Штеттинском направлении, а на отдельных участках фронта потеснить наши войска к югу.

Несмотря на некоторое осложнение обстановки на правом крыле, командующий войсками 1-го Белорусского фронта по-прежнему считал основной задачей для подчиненных ему войск подготовку и проведение наступательной операции на Берлинском направлении. Он считал, что в его распоряжении на правом крыле фронта имеются достаточные силы для того, чтобы парировать

возможные удары противника, а также оказать помощь войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме вражеской группы армий „Висла“ в Восточной Померании и скорейшем выходе их к Штеттину и Померанской бухте, не нарушая и не откладывая подготовки к Берлинской операции.

В своих предложениях, представленных Ставке Верховного Главнокомандования 17 февраля 1945 г., командующий войсками 1-го Белорусского фронта просил утвердить следующее решение по дальнейшим действиям войск правого крыла фронта.

С целью оказания помощи войскам 2-го Белорусского фронта он предполагал 19 февраля нанести сильный удар по врагу и, отбросив его на север, выйти на фронт Лубов, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин, Голлнов, Штеттин и перерезать пути отхода померанской группировке войск противника на запад. Для выполнения этой задачи привлекались 61-я и 2-я гвардейская танковая армии, 7-й гвардейский кавалерийский корпус (командир генерал-майор Константинов М. П.), 1-я армия Войска Польского и часть сил 3-й ударной армии, причем главный удар должны были наносить одна общевойсковая, одна танковая армии и один кавалерийский корпус. Вспомогательный удар намечалось осуществить двумя дивизиями 1-й армии Войска Польского и частью сил 3-й ударной армии. Все остальные силы войск правого крыла фронта по решению командующего должны были продолжать выполнять ранее поставленные задачи по выходу на рубеж р. Одер и к выполнению задач в Восточной Померании не привлекались.

Это решение командующего войсками 1-го Белорусского фронта было утверждено Ставкой Верховного Главнокомандования, и войска правого крыла фронта после короткой подготовки 19 февраля перешли в наступление. На участке от Каллис до Бан вновь развернулись напряженные бои. <…> Бои показали, что войска правого крыла фронта, привлеченные к решению задач в Восточной Померании, в связи со все возраставшим противодействием противника не смогут их решить. Не исключалась опасность нанесения противником более мощного удара по войскам правого крыла фронта. Такое предположение подтверждалось тем, что у противника в этом районе имелось пять танковых дивизий, несколько отдельных танковых батальонов и бригад. Кроме того, немецко-фашистское командование продолжало подводить к линии фронта новые соединения, усиливая ими свои 3-ю танковую и 11-ю армии.

В силу сложившейся обстановки на правом крыле и все возраставшим ожесточением боев в центре командующий войсками 1-го Белорусского фронта решил перейти к обороне армиями правого крыла фронта, чтобы оборонительными боями обескровить противника и подготовить войска к парированию его возможно более мощного удара из района Восточной Померании по флангу и тылу фронта.

Это решение командующего войсками фронта легло в основу последующих действий армий правого крыла вплоть до перехода их в наступление. Так завершились бои на правом крыле 1-го Белорусского фронта на первом этапе Восточно-Померанской операции».

Если объективно взглянуть на ход событий, то получается, что ничего экстраординарного в феврале в Восточной Померании не происходило. Бои шли с переменным успехом. На одних участках советские войска теснили немцев, на других участках немцам удавалось остановить и немного потеснить наступающих. Но никакой угрозы немецкого прорыва в тыл 1-го Белорусского фронта не существовало. Еще 19 февраля и Жуков, и Ставка были уверены, что армии 1-го Белорусского фронта могут продолжать марш к Одеру и далее на Берлин. И только 22 февраля Ставкой было принято решение не позднее 1 марта повернуть против Восточно-Померанской группировки основные силы правого крыла 1-го Белорусского фронта, отказавшись временно от наступления на Берлин. Это решение обосновывалось не сложившейся в Померании обстановкой, а угрозой переброски туда новых немецких сил как из Курляндии, так и с Западного фронта. Не исключено, что Сталина волновала 6-я танковая армия СС, которая как раз в это время перебрасывалась на Восточный фронт. Но Гитлер использовал ее для контрудара в Венгрии, чем немного отсрочил захват Красной армией последних нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов, имевшихся в распоряжении Германии.

Скорее все-таки в отказе от наступления на Берлин преобладали политические, а не военно-стратегические мотивы. Вероятно, Иосиф Виссарионович не доверял союзникам и опасался, что они высадят десанты в Померании и Восточной Пруссии, чтобы принять там капитуляцию немецких войск. Как раз 8–10 февраля началось и успешно развивалось наступление союзников к Рейну, завершившееся окружением основных германских сил на Западном фронте. Сталин не без оснований опасался, что англичанам и американцам, подписавшим Женевскую конвенцию о гуманном обращении с военнопленными, немцы будут сдаваться гораздо охотнее, чем советским войскам, никакими конвенциями не связанным. Поэтому и спешил занять и Восточную Пруссию, и Померанию, и даже Курляндию, хотя на самом деле у союзников не было планов оккупации этих территорий.

Сталина могла особо беспокоить возможная высадка союзников в Померании, которая согласно договоренности, достигнутой в Ялте, должна была быть передана Польше. При некоторой фантазии, которой Сталин, безусловно, обладал, можно было представить себе высадку здесь вместе с англо-американскими войсками дивизий польской армии Андерса, переезд в Гданьск польского правительства из Лондона и создание в Польше так пугавшего Сталина двоевластия.

В конце февраля 1945 года жена Рокоссовского Юлия Петровна навестила в Варшаве его сестру Хелену, специально приехав из Бродницы, где размещался тогда штаб 2-го Белорусского фронта. Она передала ей письмо брата от 22 февраля 1945 года. Константин сообщил о смерти их сестры Марии в 1915 или 1916 году в эвакуации в России и настоятельно просил, чтобы Хелена без промедления приехала к нему. И вот Хелена и Константин встретились после тридцатилетней разлуки. Долго говорили о жизни, о судьбе родных и знакомых. Затем Хелена вернулась в Варшаву. Она присутствовала на встрече Рокоссовского с фельдмаршалом Монтгомери и на Параде Победы в Москве. Тогда на приеме в Кремле Рокоссовский представил Хелену Сталину. Впоследствии она вспоминала, что брат, осыпаемый орденами и другими отличиями, всегда испытывал от почестей дискомфорт. Лучше всего он себя чувствовал среди боевых друзей и у семейного очага.

С помощью 1-го Белорусского фронта армии Рокоссовского довольно быстро разбили Померанскую группировку противника и блокировали гарнизоны Данцига и Гдыни. Константин Константинович вспоминал: «Было ясно, что немецко-фашистское командование постарается использовать свою восточно-померанскую группировку, чтобы дать решительный бой советским войскам и этим задержать их продвижение к Берлину. Нам уже было известно, что фашистское руководство, сосредоточивая усилия своих войск против Красной Армии, преднамеренно ослабляет свой западный фронт и уже ищет пути для сговора с правительствами США и Англии о заключении сепаратного мира.

Обстановка настоятельно требовала от нас ускорить разгром гитлеровцев в Восточной Померании, чтобы освободить как можно больше сил для решающего удара на берлинском направлении. Вот почему Ставка нацеливала против восточно-померанской вражеской группировки усилия сразу двух фронтов. По ее указанию 2-й и 1-й Белорусские фронты должны были наступать смежными флангами на север, нанося удар в общем направлении на Кольберг (Колобжег). Разграничительная линия между фронтами — Линде, Ной-Штеттин, Кольберг. После рассечения вражеской группировки войска 2-го Белорусского фронта ликвидируют восточную ее часть, овладевают городами Данциг (Гданьск) и Гдыней с выходом к Данцигской бухте, а войска 1-го Белорусского фронта уничтожают врага в западной части Померании, продвигаясь к реке Одер».

Здесь Рокоссовский, как кажется, намекал на то, что именно опасения, что Германия заключит сепаратный мир с Англией и США или капитулирует перед западными союзниками в одностороннем порядке, и заставили советское руководство, то есть Сталина, отложить взятие Берлина и сперва провести Восточно-Померанскую операцию. Об этом же пишут А. С. Завьялов и Т. Е. Калядин: «Следует указать, что, сосредоточивая усилия своих войск против Советской Армии, фашистское руководство Германии преднамеренно ослабляло свои силы на Западном фронте и уже искало пути для сговора с правительствами США и Англии о заключении сепаратного мира. Таким образом, складывавшаяся обстановка требовала ускорения разгрома противника в Восточной Померании. Покончить в кратчайший срок с восточно-померанской группировкой врага и высвободить как

можно больше сил для нанесения решающего удара на Берлинском направлении — такова была ближайшая и неотложная задача наших войск, действовавших в Восточной Померании».

Константин Константинович вспоминал:

«Отходящему противнику все же удалось занять заблаговременно подготовленный Гдыньско-Данцигский укрепленный район. Ему помогли условия местности и весенняя распутица. Отступая, гитлеровцы разрушали и минировали дороги, спустив плотины, затопляли целые районы. И страшно нам мешали беженцы. Геббельсовская пропаганда вбила в головы немцев столько клеветы о советских войсках, что люди в ужасе покидали насиженные места, лишь заслышав о нашем приближении. Захватив с собой домашний скарб, они целыми семьями бежали куда глаза глядят. Шоссе и проселки были забиты обезумевшими людьми. Одни бежали на запад, другие на восток. К тому же дороги были загромождены брошенным гитлеровцами военным имуществом. Войска с огромным трудом прокладывали себе путь…»

28 марта войска Рокоссовского, на время проведения Восточно-Померанской операции 1-й гвардейской танковой армией, заняли Гдыню, а 30 марта — Данциг (Гданьск). Остатки немецкого гарнизона укрылись в заболоченном устье Вислы. Теперь 2-му Белорусскому фронту предстояло в ходе Берлинской операции форсировать Одер в его нижнем течении и наступать далее к Эльбе навстречу британским войскам.

6 апреля 1945 года Рокоссовский последний раз до капитуляции Германии побывал на приеме у Сталина. Вместе с ним в кремлевском кабинете присутствовали Антонов, Штеменко и Булганин. На этот раз Иосиф Виссарионович предпочел принимать командующих фронтами, участвующими в Берлинской операции, порознь. 3 апреля у него побывали Жуков и Конев. Может быть, принимая Константина Константиновича отдельно от командующих теми фронтами, которым предстояло непосредственно брать Берлин, Иосиф Виссарионович стремился подчеркнуть свое особое внимание к Рокоссовскому, а заодно и подсластить пилюлю, подчеркнув, что наступление 2-го Белорусского фронта столь же важно, как и наступление 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

6 апреля 1945 года Ставкой Верховного главнокомандования 2-му Белорусскому фронту Рокоссовского была поставлена задача:

«Подготовить и провести наступательную операцию с целью форсировать р. Одер, разгромить Штеттинскую группировку противника и не позднее 12–15 дня операции овладеть рубежом: Анклам, Деммин, Мальхин, Варен, Притцвальк, Виттенберге». Главный удар предписывалось наносить силами трех общевойсковых армий с двумя танковыми и одним мехкорпусом из района севернее Шведт в общем направлении на Штрелитц. Ставка также требовала на участке прорыва с помощью трех артиллерийских дивизий создать плотность не менее 150 стволов калибра от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва. При благоприятных условиях следовало использовать успех войск 1-го Белорусского фронта для свертывания обороны противника по р. Одер. При этом часть сил Рокоссовского должна была действовать из-за правого крыла 1-го Белорусского фронта. Время перехода в наступление директивой не определялось из соображений секретности. Указывалось только, что «начало операции согласно полученным Вами лично указаниям».

В период подготовки Берлинской операции советское командование проводило активные дезинформационные мероприятия. Выступая на научной конференции в 1946 году, начальник разведывательного управления 1-го Белорусского фронта генерал-майор Н. М. Трусов, в частности, заявил: «Командованием фронта проведен ряд мероприятий, затруднивших противнику разгадать направление нашего удара, силу этого удара и время наступления. Мероприятия по обману противника проводились по особому плану. Этот план был полностью проведен в жизнь, и противник на него реагировал. Так, например: шведское радио накануне нашего выступления передало, что наступление на Берлин будет осуществляться глубокими охватами Берлина с севера и юга, что в центре наступления на Берлин будут сковывающие действия. В подтверждение этого высказывания приводилось следующее соображение, что маршал Жуков координирует все три фронта, наступающие на Берлин: с севера наступают армии под командованием Рокоссовского, в центре наступают армии под командованием Соколовского и с юга наступают армии под

командованием Конева. Это сообщение шведского корреспондента будет понятно, если противнику известен план наших обманных действий».

12 апреля 1945 года разведотдел 2-го Белорусского фронта следующим образом оценивал силы противника:

«Перед 2-м Белорусским фронтом на рубеже Берг, Воллин, Штеттин, Шведт, протяженностью 70 км, обороняются соединения 3 ТА противника в составе 3 тк, предположительно, 39 тк и двух ак н/н.

В первой линии пр-к имеет: пех. дивизий — 1 (281-я пд), дивизионных групп — 1 (дивизионная группа „Шведт“), боевых групп — 1 (боевая группа „Кройц“), отдельных полков — 4 (1-й и 2-й своди, крепостные, 4 пп „Померания“, 1-й парашютный полк особ, назн.), отдельных спец. батальонов — 8 (6-я школа ВВС, 2-й морской батальон, 3-я зенитная школа, сводный морской батальон, 1098-й охранный батальон, батальон СС, батальон морской пехоты, батальон „Ашенбах“).

Всего в первой линии до 31 пех. и спец. батальонов.

Действующие части усилены: 503 тб РГК, 8-й противотанковой бригадой, арт. частями 406-го арт. корпуса (три ад), двумя ад н/н, четырьмя зен. ап (11, 34,411 и 611 ап), тремя зен. ад (272, 291 и 616 ад).

В резерве — на переформировании и доукомплектовании противник имеет: тд — 1 (22 тд в районе Позевальк), пд — 1 (15 пд СС (лат.) в районе сев. — зап. Штеттина), до двух пд на формировании в районе Пенцлина (юго-зап. Нойбранденбурга), полков — 1 (1-й румынский полк в районе Нидер-Ландин — 10 км сев. — зап. Шведта).

В полосе фронта до рубежа Росток, Берлин авиаразведкой выявлено базирование свыше 400 самолетов противника разных типов».

Позднее на основании трофейных документов состав противостоявшей фронту 3-й танковой армии был определен следующим образом: четыре корпуса (10-й, 32-й армейские, 46-й танковый и армейский корпус «Одер»), девять пехотных, одна танковая и две моторизованные дивизии, а также две моторизованные и шесть пехотных бригад, четыре дивизионные боевые группы, 22 отдельных полка и 39 отдельных батальонов.

Эти данные кажутся преувеличенными, особенно за счет отдельных батальонов и полков. Если бы их действительно было так много, то в передовой линии у немцев не могло бы быть всего лишь 31 батальона. Скорее всего, силы немцев были преувеличены за счет формирований фольксштурма, которых с советской стороны рассматривали в качестве отдельных частей, по примеру советских ополченских дивизий. Немцы же на самом деле вливали фольксштурм в состав кадровых дивизий в качестве пополнения, а в качестве отдельных частей никогда не использовали.

По данным советской разведки, группировка противника против 2-го Белорусского фронта была существенно ослаблена за счет переброски войск на Берлинское направление. Имея в первой линии всего не более 31 батальона (не более 30 тысяч солдат и офицеров, даже если считать немецкие батальоны полнокровными, чего к концу войны давно уже не было), немцы не могли надеяться сколько-нибудь долго удерживать фронт в низовьях Одера. Ведь во фронте Рокоссовского к 16 апреля — дню начала Берлинской наступательной операции — насчитывалось 441 600 человек, более половины из которых находились в первой линии. Это не считая тех войск, которые блокировали немецкие гарнизоны в районе Данцига и на косе Путцигер-Нерунг. Превосходство в силах было как минимум семикратным.

Кстати, по оценке майора Зигфрида Кнаппе, бывшего начальника оперативного отдела штаба 56-го танкового корпуса, берлинский гарнизон в ходе Берлинской операции насчитывал не более 60 тысяч человек с 50–60 танками. Костяк гарнизона составляли четыре из пяти дивизий 56-го корпуса. Противостояла же им как минимум миллионная группировка 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов более чем с 1500 танками и САУ.

15 апреля 1945 года Гитлер в последний раз обратился к армии:

«Солдаты Восточного фронта!

В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты Восточного фронта, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали все, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями.

Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, поведут себя так подло, что им придется стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего следите за немногими офицерами и солдатами — предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве, возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто дает вам приказ на отступление, а вы его точно не знаете, должен быть тотчас схвачен и, если необходимо, тотчас расстрелян, безразлично, в каком он чине. Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат Восточного фронта выполнит свой долг, последний натиск азиатов разобьется о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе в конце концов потерпит провал.

Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской.

Образуйте монолитную общность для защиты не пустого понятия „Отечество“, а для защиты вашей родины, ваших жен, ваших детей, а с ними и вашего будущего.

В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови. В момент, когда судьба убрала с лица земли самого большого военного преступника всех времен (имеется в виду смерть Франклина Рузвельта. — *Б. С.),* решается исход этой войны».

Кроме призывов к фанатичной борьбе с большевиками, у фюрера никаких средств влияния на ход безнадежной борьбы больше не осталось. Не сбылась и надежда на ссору Сталина и западных союзников — их все еще объединяло стремление покончить с нацистской Германией.

Более позднее время перехода в наступление войск Рокоссовского по сравнению с двумя другими фронтами — 20, а не 16 апреля — определялось тем, что 2-му Белорусскому фронту требовалось перебросить основные силы с правого фланга на левый, из Восточной Померании к Одеру.

В Берлинской операции трем советским фронтам, насчитывавшим более 2062 тысяч солдат и офицеров, противостояли, даже с учетом переброшенной к Берлину уже в ходе сражения наскоро сформированной 12-й армии генерала танковых войск Вальтера Венка, всего лишь около 500 тысяч солдат и офицеров. Такой перевес советских армий на Берлинском направлении объяснялся тем, что вплоть до 21 апреля Гитлер не намеревался оставаться в Берлине, а собирался перебраться на юг, в так называемую «Альпийскую крепость», и продержаться там как можно дольше в надежде, что Сталин и западные союзники все-таки перессорятся друг с другом. Поэтому на советско-германском фронте сильнейшей была действовавшая в Чехословакии группа армий «Центр», которая насчитывала миллион солдат и офицеров. Однако после начала наступления на Берлин Гитлер осознал, что конец близок и неизбежен, а потому решил, что ему будет лучше умереть в столице рейха, а не в какой-нибудь безвестной альпийской деревушке, и остался в Берлине.

В отчете о боевых действиях войск 2-го Белорусского фронта за апрель — май 1945 года, составленном 20 февраля 1946 года, говорилось:

«Завершив разгром данцигско-гдынской группировки противника овладением Данциг и Гдыня, войска 2-го Белорусского фронта в период с 4.4 по 15.4.45 г., выполняя директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 11 053 от 1.4.45 г., совершили комбинированный марш — 250–350 км.

Главные силы войск фронта сосредоточились на вост. берегу р. Одер на рубеже Вальддивенов (на берегу Балтийского моря), Шведт и к исходу 16.4 заняли исходное положение для наступления.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 11 062 от 6.4.45 г. была поставлена войскам 2-го Белорусского фронта следующая задача: форсировать р. Одер, разгромить штеттинскую группировку противника и не позднее 12–15 дней операции овладеть рубежом: Анклам, Деммин, Мальхин, Варен, Притцвальк, Виттенберге. Главный удар нанести из района севернее Шведт в общем направлении на Штрелитц.

В последующем директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 11 071 от 18.4.45 г. была поставлена задача: после форсирования р. Одер, не позднее 22.4.45 г., главными силами развивать наступление на юго-запад в общем направлении Грайфенберг, Гросс Шенебек, Биркенвердер, нанося удар в обход Берлина с севера».

17–19 апреля, согласно тому же отчету, войска фронта «вели разведку боем, передовыми отрядами вели бои в междуречье Ост Одер и Вест Одер, овладели междуречьем и вышли на вост. берег Вест Одер на фронте Альтдамм, Шведт».

Перед началом Берлинской операции Рокоссовский объявил своим командармам: «Прежде всего, товарищи, я передам вам требование Ставки. Наступление наших войск должно вестись с незатухающей силой днем и ночью. Дни гитлеровской Германии сочтены. Но темп теперь не только военная проблема. Это проблема большой политики».

Главной задачей 3-го Белорусского фронта было не допустить переброски 3-й танковой армии генерала танковых войск барона Хассо фон Мантейфеля к Берлину. Левое крыло фронта ударом на северо-запад должно было прижать армию Мантейфеля к Балтийскому морю и уничтожить. Ударом на Штрелиц фронт немецкой 3-й танковой армии рассекался на части. Правый фланг 32-го армейского корпуса, армейский корпус «Одер» и левый фланг 46-го танкового корпуса должны были быть уничтожены в ходе прорыва. С выходом ударной группировки советских войск на линию Росток — Висмар — Шверин — Ленцен северный фланг 3-й танковой армии оказывался прижат к берегам Балтики. Главный удар наносили 70-я и 49-я армии.

Основное внимание командующего группой армий «Висла» генерал-полковника Готгарда Хейнрици было приковано теперь к северному флангу фронта, простиравшемуся от Балтийского моря до канала Гогенцоллерн. Войска маршала Рокоссовского завершали подготовку к наступлению на западном берегу Одера, и этот факт не ушел от внимания генерала Мантейфеля. Накануне он сел на разведывательный самолет и пролетел над советскими позициями.

Перед 2-м Белорусским фронтом стояла непростая задача. К северу от Шведта Одер разделялся на два рукава, причем вся местность в этом районе была сильно заболочена. В ночь на 19 апреля Рокоссовский доложил Сталину, что наступление начнется на следующее утро одновременно с восходом солнца. Ему будет предшествовать массированная артиллерийская и авиационная подготовка.

20 апреля войска Рокоссовского начали основное наступление. Они форсировали Западный Одер, «захватили ряд плацдармов и на отдельных направлениях продвинулись до 2 км. Овладели сильными опорными пунктами Шиллерсдорф, Унтер Шининген». При этом было отбито до 25 контратак противника. На научной конференции Северной группы войск в 1945 году Рокоссовский утверждал: «Мы решили форсировать его (Одер. — *Б. С.*) там, где имелись так называемые дамбы. Это решение явилось результатом личной рекогносцировки и оказалось правильным (решение по карте могло быть иным). Операция предстояла сложная, в известной мере рискованная, но при наличии наших артиллерийских средств мы могли на это пойти. В связи с этим еще раз подчеркиваю свою мысль,

что ни одна река в современных условиях не является непреодолимым препятствием. Задача прорыва на р. Одер была выполнена, как мы ее наметили».

25 апреля командующий 3-й танковой армией генерал фон Мантейфель доносил, что войска 2-го Белорусского фронта Рокоссовского прорвали немецкую оборону южнее Штеттина. Поскольку войска 2-го Белорусского фронта находились уже на западном берегу Одера и быстро продвигались вперед, 28 апреля командующий группой армий «Висла» генерал Готгард Хейнрици разрешил Мантейфелю отвести свои соединения в западном направлении к Мекленбургу, хотя это и противоречило приказу Гитлера, запрещавшего отход с Одера. Когда фельдмаршал Кейтель на следующий день случайно обнаружил отходящие колонны 3-й танковой армии, он снял Хейнрици с должности, заменив его Куртом Штудентом. До прибытия Штудента, который так и не добрался до войск, сдавшись в плен союзникам, группу армий принял генерал Курт фон Типпельскирх.

27 апреля войска 2-го Белорусского фронта овладели городами Пренцлау и Ангермюнде. 30 апреля они взяли города Грайфсвальд, Трептов, Нойштрелитц, Фюрстенберг, Гранзее в в северо-западной Померании и в Мекленбурге. 1 мая были заняты Штральзунд, Гриммен, Деммин, Мальхин, Варен, Везенберг. 2 мая — Росток и Варнемюнде. Сопротивление немцев почти полностью прекратилось. Они стремились как можно скорее достичь линии британских войск, чтобы сдаться им. 3 мая на линии Висмар — Виттенберге войска Рокоссовского соединились с войсками британского фельдмаршала Монтгомери. 4–6 мая армии 2-го Белорусского фронта заняли острова Волин, Узедом и Рюген, а 5 мая овладели крупной военно-морской базой Свинемюнде.

Остатки 3-й танковой армии Мантейфеля и 21-й армии обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера быстро отходили на запад. Для этого они были подчинены генерал-фельдмаршалу Эрнсту фон Бушу, главнокомандующему на северо-западе, которому также подчинялись германские войска в Дании и Голландии, сражавшиеся против армий Монтгомери.

Днем 4 мая генерал-адмирал Ганс Георг фон Фридебург и генерал пехоты Эбергард Кинцель, начальник штаба Буша, на командном пункте фельдмаршала Бернарда Монтгомери в Люнебургской пустоши подписали условия капитуляции всех германских сил, расположенных в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии. Так немецкие войска, сражавшиеся против фронта Рокоссовского, оказались в британском плену.

Армиям Рокоссовского удалось овладеть Померанией и частью Мекленбурга, но не удалось окружить и пленить соединения 3-й танковой и 21-й армий, насчитывавших чуть более 100 тысяч человек. В создавшихся условиях это вряд ли было возможно сделать. Во-первых, немецкие войска, получившие приказ Хейнрици, достаточно быстро отступали навстречу британским войскам, а снабжение советских войск было ограничено пропускной способностью понтонных переправ через низовья Одера. Во-вторых, даже если бы 2-му Белорусскому фронту своими тремя танковыми и одним механизированным корпусом каким-то чудом и удалось бы перерезать немцам сухопутные пути отхода на запад, у противника бы все равно остались бы порты, из которых германский флот проводил эвакуацию на запад вплоть до дня безоговорочной капитуляции Германии.

То, что официальные безвозвратные потери советских войск в ходе Берлинской операции сильно занижены, доказывает следующий пример. Безвозвратные потери в ходе этой операции определяются в 81 116 человек, включая потери 1-й и 2-й армий Войска польского. При этом безвозвратные потери двух польских армий, как утверждает официальное издание российского Министерства обороны, составили только 2825 человек. Однако официальные данные польского Министерства обороны, обнародованные в 2005 году, свидетельствуют, что безвозвратные потери двух польских армий в Берлинской операции составили 7,2 тысячи погибшими и 3,8 тысячи пропавшими без вести, что дает безвозвратные потери в 11 тысяч человек, то есть почти в четыре раза больше, чем в официальных советских источниках. Можно предположить, что в той же пропорции занижены и безвозвратные потери остальных войск, участвовавших в Берлинской операции. Тогда они должны составить около 316 тысяч человек, что, вероятно, превышает безвозвратные потери немецких войск, противостоявших советским войскам в Берлинской операции. Потери же 2-го Белорусского фронта Рокоссовского в Берлинской операции можно примерно оценить в 50 тысяч убитых и пропавших без вести и 46 тысяч раненых.

7 мая состоялась первая встреча Рокоссовского с фельдмаршалом Монтгомери. В ночь на 8 мая Константин Константинович докладывал о ней Сталину:

«1. Сегодня, 7.5.45 г., в 12.00 в г. Висмаре состоялась моя встреча с фельдмаршалом Монтгомери.

С нашей стороны на этой встрече присутствовали: Субботин, Цанава, Боголюбов, Соколовский (арт.), Вершинин (4 ВА), Виноградов (разведчик фронта).

Со стороны англичан — девять генералов во главе с фельдмаршалом Монтгомери.

Для встречи был выстроен почетный караул и дан салют из 19 орудий.

Встреча прошла в дружеской обстановке и продолжалась два часа».

А вот так описал Рокоссовский встречу с фельдмаршалом Монтгомери в своих мемуарах:

«Еще до въезда в город нас встречают британские офицеры в обыкновенной полевой форме, только не в касках, а в беретах. После короткой официальной церемонии они сопровождают нас к резиденции своего командующего. Чувствуется, что англичане стараются сделать встречу как можно более теплой. Мы отвечали тем же.

Вот и фельдмаршал Монтгомери. Обмениваемся крепкими рукопожатиями и поздравлениями с победой. Англичане строго соблюдают ритуал. Гремит орудийный салют, застыли шеренги почетного караула. А после церемонии завязалась оживленная беседа. Наши и британские генералы и офицеры втягиваются в общий разговор. Ведется он и через переводчиков и без них. Монтгомери держится непринужденно, видно, и ему передалось общее настроение.

Конечно, не обошлось без фотографов, художников, корреспондентов, их, я бы сказал, было слишком много. Удивляться, пожалуй, этому нечего. Ведь это была первая встреча военачальников двух союзных армий после четырехлетней кровавой войны с общим врагом — фашистской Германией.

Когда все познакомились друг с другом, фельдмаршал пригласил в зал. На столах — угощение. Но не до него — люди по-прежнему увлечены беседой.

Меня с фельдмаршалом засняли у карты, вывешенной на стене. Снимались все: кто в одиночку, кто группами.

Встреча прошла тепло и оставила у нас хорошее впечатление. Британские офицеры, да и сам Монтгомери, оказались в действительности проще и общительнее, чем мы их себе представляли. Тепло прощаемся. Провожают нас те же офицеры во главе с генералом Боулсом, командиром воздушно-десантной дивизии.

На любезность мы ответили любезностью и пригласили к себе фельдмаршала Монтгомери и его соратников. Прием решено было провести с русским гостеприимством.

В почетный караул ставим кубанцев 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Осликовского в конном строю, в полной казачьей форме. На Монтгомери и его офицеров они произвели огромное впечатление. Англичане долго провожали восхищенными взглядами лихо удалявшуюся конницу. После церемонии встречи гости были приглашены в большой зал, где умело и со вкусом был сервирован стол. Сидя за обильным столом (у англичан беседовать приходилось стоя), наши гости почувствовали себя еще лучше. Беседа приняла задушевный характер. Сам Монтгомери, сначала пытавшийся в очень деликатной форме ограничить время своего визита, перестал поглядывать на часы и охотно втянулся в общий разговор.

В заключение с концертом выступил наш фронтовой ансамбль. А нужно сказать, он у нас был прекрасным. Этим мы окончательно покорили британцев. Каждый номер они одобряли такими неистовыми овациями, что стены дрожали. Монтгомери долго не мог найти слов, чтобы выразить свой восторг и восхищение.

Уже поздно вечером фельдмаршал и его офицеры тепло распрощались с нами.

Эта встреча вселила в нас чувство уверенности, что люди разных государств, говорящие на разных языках, и даже с разной идеологией при желании могут жить в дружбе, с уважением относясь друг к другу».

Свою зарисовку встречи с Монтгомери оставил нам и П. И. Батов:

«Вскоре после Дня Победы позвонил Рокоссовский:

— К нам приезжает Монтгомери. Имеешь желание видеть заморского гостя?

Вместе с Николаем Антоновичем Радецким выехали в 70-ю армию, где намечалась эта встреча.

Мы стояли в строю, а командующий вел английского фельдмаршала, знакомя с людьми. Остановившись против меня, Рокоссовский сказал: „Вот генерал, армия которого открыла нам ворота через Одер“. Эта фраза через полчаса доставила нам с Радецким много хлопот. Англичане после Ла-Манша считали себя непревзойденными мастерами форсирования водных преград. Но они понимали, что такое Одер под Щецином, и засыпали нас вопросами: как было организовано форсирование? Может быть, имелись подводные танки или использовались большие воздушные десанты? Один из англичан, взглянув на мои орденские планки, увидел знак ордена Британской империи второй степени и спросил переводчика, за что генерал получил эту награду.

— Ему вручили ее после Сталинградской битвы.

— О! — горячо воскликнул английский генерал. — Там было начало победы!..

Английские коллеги восторженно говорили о русском солдате, о героизме нашего народа. Говорили, что гордятся своим великим союзником.

Потом остались только свои товарищи. Впервые после боев за Одер мы собрались вместе. Кто-то сказал, что в Москве намечается парад Победы. По Красной площади пройдут сводные полки фронтов.

Вспоминали пройденный путь. Много хороших искренних слов было сказано в адрес командующего фронтом. Рокоссовский с веселыми глазами стоял в кругу офицеров и генералов, слушал, потом махнул рукой и сказал: „Бросьте, товарищи, все это. Что бы я мог сделать без всех вас…“».

Монтгомери ограничился более скромным фуршетом, а Рокоссовский закатил полноценный банкет. И дело здесь было не только в традиционном русском гостеприимстве, хотя оно, несомненно, стояло на первом месте. На фуршете гости выпивают и закусывают стоя, что позволяет им свободно перемещаться по залу и беседовать друг с другом. По воспоминаниям Рокоссовского, оживленная беседа продолжилась и в фуршетном зале, так что об угощении как-то забыли. На банкете же все сидят на заранее отведенных местах за огромными столами и круг собеседников ограничивается теми, кто сидит рядом. К тому же за банкетным столом соблюдается строгая протокольная иерархия, Таким образом, контакты англичан с советскими генералами и офицерами были ограничены. За банкетным столом их гораздо легче было контролировать. Правда, подавляющее большинство советских генералов и офицеров ни английского, ни других иностранных языков не знало, и общаться с ними могли только британские офицеры-переводчики.

Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский со слов матери рассказывал:

«В мае 45-го дед был в Западной Померании. Когда стало известно, что немцы капитулировали, он собрал свой штаб и объявил эту радостную новость. Ни криков, ни объятий не было — все молчали. Дед понимал состояние друзей, предложил всем выйти в сад, присесть на скамеечку и покурить. Вот так, сидя в саду, вспоминая пережитое, он встретил Победу. Потом были салют, прием у фельдмаршала Монтгомери, ответный прием, после которого англичан, обессиливших от русского гостеприимства, пришлось развозить по домам. Перед этим был такой курьезный случай: в марте 45-го деда наградили орденом Победы. Наградили дважды. Дело в том, что, когда он ехал домой,

замок расстегнулся и орден упал на пол в машине. Дед этого даже не заметил. На следующий день приехал шофер и торжественно вручил ему этот орден во второй раз».

По словам Константина Вильевича, на банкете в честь Монтгомери Рокоссовский произнес такой первый тост: «Я предлагаю поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, за Сталина, Черчилля и Рузвельта». Константин Константинович показал себя хорошим дипломатом. Примечательно, что он провозгласил тост за недавно умершего президента Рузвельта, которого считал подлинным организатором победы, а не за действующего президента Трумэна.

Здесь надо уточнить, что 7 мая, в день, когда Рокоссовский был на приеме у Монтгомери, начальник Штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник Альфред Йодль подписал капитуляцию всех германских вооруженных сил. Очевидно, это событие и отметили Рокоссовский и генералы его штаба, выйдя в сад покурить. А в то, что после русского банкета британских генералов выносили как поленья, вполне можно поверить. Мой покойный отчим, генерал-майор-инженер Олег Григорьевич Лемтюжников, в 1942 году офицер-артиллерист, рассказывал, как к ним на фронт приезжал с визитом личный представитель президента США сенатор Уэнделл Уилки. Банкет давали в штабе армии (или фронта). Отчима, естественно, на этот банкет не пригласили — не по чину. Он мог наблюдать только, как после банкета высокого американского гостя вынесли без чувств и как ценную кладь бережно погрузили в автомобиль. Банкет был днем, и на следующий день Олег Григорьевич с удивлением прочел в газетах, что вечером того дня, когда был банкет, Уилки присутствовал еще на каком-то торжественном мероприятии в Москве. Отчим поразился, что за несколько часов мертвецки пьяный американец сумел прийти в себя.

Тем временем войска 2-го Белорусского фронта 9–14 мая в районе юго-восточнее Данцига и на косе Путцигер-Нерунг производили прием пленных из состава капитулировавших частей противника. За пять дней было принято 111 604 пленных, в том числе 12 генералов. 10 мая был отправлен десантный отряд для принятия капитуляции германских войск на острове Борнхольм.

В отчете от 20 февраля 1946 года итоги боевой деятельности 2-го Белорусского фронта были подведены следующим образом:

«Пройдено с боями и маневром:

правым флангом 200 км

центром 190 км

левым флангом 180 км

Форсирован Восточный и Западный Одер на фронте 40 км 19–21 апреля 1945 г.

Очищена от противника территория 26 910 кв. км

в том числе по капитуляции 940 кв. км».

Потери противника и трофеи 2-го Белорусского фронта в период с 5 апреля 1945 года и до конца войны оценивались следующим образом:

«Уничтожено солдат и офицеров противника 49 770

Взято в плен 84 234

Всего: 134 004».

Кроме того, после 8 мая в рамках общей капитуляции было пленено 123 878 солдат и офицеров, в том числе в районе юго-восточнее Данцига — 15 134, на косе Путцигер-Нерунг — 96 482 и на острове Борнхольм — 12 262. При этом было взято 10 танков и штурмовых орудий. Было уничтожено 184 и захвачено 1458 самолетов, уничтожено 195 и захвачено 85 танков и штурмовых орудий, уничтожено 747 и захвачено 1540 артиллерийских орудий, уничтожено 360 и захвачено 262

миномета. Войска Рокоссовского освободили 65 541 советского военнопленного и 63 515 советских гражданских лиц. Кроме того, обрели свободу 51 833 военнопленных союзных армий и 16 634 гражданских лиц из союзных стран.

Следует отметить, что в начале мая в состав 2-го Белорусского фронта была передана 43-я армия из 3-го Белорусского фронта, которая участвовала в пленении группировки противника в районе Данцига и Гдыни. Ее командующий А. П. Белобородов в своих мемуарах приводит явно придуманный диалог с Рокоссовским:

«25 апреля армия получила приказ „совершить марш в район Мариенбурга (30 км юго-западнее города Эльбинг), где войти в состав войск 2-го Белорусского фронта“. Одновременно поставлена была и боевая задача: „Уничтожить группировку противника западнее и юго-восточнее города Данциг“… С КП армии, из города Мариенбурга, я связался по ВЧ с командным пунктом 2-го Белорусского фронта. Признаюсь, волновался, ожидая, когда возьмет трубку Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Вспомнилась битва за Москву, Озерна, Истра, город Дедовск, родная дальневосточная дивизия. Где-то она теперь? Но вот — знакомый голос:

— Слушаю!

— Товарищ маршал, войска сорок третьей армии сосредоточились в исходных районах…

— А, это ты, сибиряк? Опять — ко мне?

Он сказал это так, будто расстались мы не три с лишним года назад, а только вчера. И волнение мое как рукой сняло. Ничего не забыл Константин Константинович, ни в чем не изменил себе.

— Беспокоит меня этот фон Заукен, — продолжал маршал, — заставляет оглядываться на тылы. Ну, я рад, что ты пришел. Прижми его хорошенько, чтоб не пикнул.

— Прижмем, товарищ командующий…

Генерал фон Заукен возглавлял 2-ю немецкую армию. По данным, которыми мы располагали, прибыв под Данциг, эта армия имела четыре пехотные и одну танковую дивизии, а также ряд отдельных полков и батальонов. Общая численность армии оценивалась в 20–25 тысяч солдат и офицеров, что примерно равнялось численности нашей 43-й армии (26 тысяч человек).

Отмечу заранее, что сведения о противнике, его боевом и численном составе оказались преуменьшенными. В действительности враг превосходил нас многократно и в живой силе, и в технике. Это было тем более опасно, что мы, готовясь к наступлению, не получили никакого усиления ни в артиллерии, ни в танках.

6 мая я доложил командующему фронтом план наступления, он его одобрил, заметив при этом, что капитуляция всех вооруженных сил гитлеровской Германии — вопрос нескольких дней.

— Но, — добавил он, — будь готов к тому, чтобы заставить Заукена капитулировать силой оружия. Такой оборот событий не исключен.

8 мая в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции немецко-фашистских вооруженных сил. Нам сообщили об этом по радио, весть мгновенно разнеслась по частям, и небо над Балтикой озарилось вспышками тысяч выстрелов. Великой Победе салютовали все, кто носил оружие. Передний край противника безмолвствовал. 9 мая с утра оттуда потянулись в наш тыл колонны капитулировавшей 2-й немецкой армии. Мы приняли тысяч семьдесят пленных, а потоку, казалось, не было конца.

Когда я доложил об этом маршалу К. К. Рокоссовскому, он удивился:

— Семьдесят тысяч? Это точно?

10 мая прием пленных был закончен. Их оказалось более 140 тысяч человек, в том числе 12 генералов. Среди них — командующий армией Заукен.

После очередного моего доклада Константин Константинович заметил:

— Представляешь, какого шума могла бы наделать эта армия, если бы не сидела она под Данцигом сложа руки?!»

Здесь Афанасий Павлантьевич, ничтоже сумняшеся, назвал цифру пленных, взятых его армией, более чем на 16 тысяч превышающую общее число немецких военнопленных, взятых всем 2-м Белорусским фронтом в этот период. Число же пленных, взятых в районе Данцига, командующий 43-й армией завысил в одиннадцать с лишним раз. Да и численность немецких войск в районе Данцига оказалась завышенной более чем в полтора раза. И уж кто-кто, а Рокоссовский прекрасно понимал, что немецкая армия, чья численность не превышала полнокровной дивизии, ничего серьезного в тылах его фронта сделать не могла, и подобных глупостей Белобородову говорить никак не мог.

14 мая Рокоссовский докладывал в Ставку:

«1. Остров Борнхольм нашими войсками занят. Вывезено с острова до 12 000 немецких солдат и офицеров.

2. В связи с занятием острова возникли следующие вопросы:

а) Остров имеет хозяйственную связь с основной территорией Дании, как то: подвоз промтоваров, продовольствия, обмен почтой и т. д. Разрешать ли в дальнейшем эту связь? Временно ее разрешил;

б) Остров имеет подводный кабель и радио с Копенгагеном, а также местную т/т связь по всему острову. Временно связь с Копенгагеном запретил, а местную т/т связь разрешил. Прошу указаний на дальнейшее;

в) На острове разрешил полностью вести сельхозработы и рыбакам выход в море для рыбной ловли;

г) Из Копенгагена желают посетить остров из министерства иностранных дел и один английский генерал. Прошу указаний, давать ли им это разрешение и как поступать в дальнейшем.

3. В целом прошу срочно информировать о порядке поведения на острове Борнхольм».

В мемуарах Рокоссовский признавался:

«Много хлопот доставил нам датский остров Борнхольм, превращенный немецко-фашистским командованием в военно-морскую базу и перевалочный пункт для переброски за границу своих войск, застрявших на косе Хель, в районе Данцигской бухты, и на изолированных плацдармах в Курляндии. Наше предложение командующему немецкими войсками на острове генералу Бутману и его заместителю по морским делам капитану 1-го ранга фон Кеметцу о капитуляции было отклонено. Пришлось приступить к высадке десанта. Две стрелковые дивизии 19-й армии были погружены на корабли. Организацию десантной операции я поручил начальнику оперативного управления штаба фронта генералу П. И. Котову-Легонькову, который действовал совместно с командиром Кольбергской военно-морской базы. Нам всем тоже, конечно, пришлось приложить свои усилия. Впоследствии навалились заботы с обеспечением продовольствием и всем необходимым высаженных на Борнхольме наших войск. Балтийское море было засорено минами, которые ставили и немцы и союзники. Документация отсутствовала, работы по тралению фарватеров только начинались. Каждый рейс к острову был сопряжен с большим риском. На Борнхольме было обезоружено и взято в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и захвачены большие военные трофеи. Между датским населением острова и нашими войсками с первого же дня установились дружеские отношения. Жители Борнхольма восторженно встретили своих освободителей.

Мы в Германии. Вокруг нас жены и дети, отцы и матери тех солдат, которые еще вчера шли на нас с оружием в руках. Совсем недавно эти люди в панике бежали, заслышав о приближении советских войск. Теперь никто не бежал. Все убедились в лживости фашистской пропаганды. Все поняли, что советского солдата бояться нечего. Он не обидит. Наоборот, защитит слабого, поможет

обездоленному. Фашизм принес немецкому народу позор, несчастье, моральное падение в глазах всего человечества. Но гуманен и благороден советский солдат. Он протянул руку помощи всем, кто был ослеплен и обманут. И это очень скоро поняли немцы. Стоило войскам остановиться на привал, как у походных солдатских кухонь появлялись голодные немецкие детишки. А потом подходили и взрослые. Чувствовали, что советские солдаты поделятся всем, что они имеют, поделятся с русской щедростью и с отзывчивостью людей, много испытавших и научившихся понимать и ценить жизнь».

Разумеется, маршал знал, что всё или почти всё здесь — ложь. В том числе про Борнхольм, на котором советские «гости» засиделись до середины 1946 года, хотя по всей логике капитуляции его гарнизон должен был бы капитулировать вместе со всеми германскими войсками в Дании перед тем же Монтгомери. Но Сталин учитывал важное стратегическое положение Борнхольма у польского побережья. И еще хотел своеобразно отомстить западным союзникам, которым сдалось большинство солдат Восточного фронта в Германии. Раз вы умыкнули у нас из-под носа основные силы группы армий «Висла», то мы удовольствуемся хотя бы Борнхольмом и его гарнизоном!

Неправду пришлось писать Рокоссовскому и про германское население, которое будто бы поняло, что советского солдата бояться нечего. Но по цензурным соображениям другого писать было нельзя. Да и сам маршал, боюсь, осуществлял цензуру памяти. И на старости лет пытался убедить себя, что никаких массовых советских зверств в восточногерманских землях не было, а были лишь отдельные незначительные эксцессы, не стоящие внимания потомков, — хотя для пресечения этих эксцессов ему приходилось издавать специальные приказы.

А вот что писал Рокоссовский о немецких пленных, которых встретил на шоссе после капитуляции:

«Колонна остановилась, чтобы пропустить нашу машину. Сотни немецких солдат смотрят на нас. Некоторые с любопытством, большинство же — с тупым безразличием. Когда-то они были другими. С торжеством победителей маршировали по городам Европы, грабили захваченные страны. Кровью, пеплом и развалинами отмечен их путь на нашей земле. Они кичились своей непобедимостью и сумели многих убедить в ней, пока не столкнулись с нашим солдатом. Потом были бои под Москвой, Сталинград, Курск, Днепр, Варшава, Одер и Эльба. Теперь ничего не осталось от могущества гитлеровской армии. Только колонны пленных — растерянных, подавленных людей в потрепанных зеленых мундирах. Многие из них впервые задумались всерьез и начали кое-что соображать. Пусть, пусть больше думают! Поражение тоже бывает на пользу: оно учит, заставляет даже самых недалеких трезво взглянуть на жизнь и понять меру своей вины и свою ответственность перед историей».

Конечно же при Рокоссовском пленных не расстреливали. Это делали потом, когда машины с высоким начальством проезжали дальше.

Глава двенадцатая
ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!

У действий советских войск на территории Германии и Восточной Европы, кроме чисто военного — победного, был еще и моральный итог. И вот он-то и оказался двойственным. Конечно, советский солдат нес народам Европы, да и самим немцам, освобождение от нацистской оккупации и гнета. Пусть на смену нацистскому тоталитаризму в страны Восточной Европы и в Восточную Германию пришел советский, но он был заметно мягче, главным образом потому, что базировался не на расовой, а на классовой основе. Масштабов холокоста репрессии советских спецслужб и просоветских коммунистических режимов в Восточной Европе не достигли, хотя народам региона они, конечно, принесли много горя.

Но это была только одна сторона освободительной миссии Красной армии. Была и другая, о которой и сегодня, 60 лет спустя, не любят говорить, как о чем-то ужасном и стыдном, в чем нельзя признаваться и самим себе, и окружающему миру даже спустя многие десятилетия. Дело в том, что поведение воинов-освободителей в освобожденной Европе зачастую оказывалось за гранью добра и зла. Они отметились массовыми изнасилованиями, грабежами и убийствами мирного населения. По оценкам немецких историков и журналистов, основанным на данных медицинских учреждений и

моргов Берлина, только в столице рейха было изнасиловано порядка 200 тысяч женщин (большинство из забеременевших обратилось в клиники для производства аборта) и около 10 тысяч из них были убиты красноармейцами или покончили с собой. Для всей Восточной Германии, включая территории, впоследствии переданные Польше и СССР, эта цифра — опять-таки по немецким данным — поднимается до 2 миллионов изнасилованных и 100 тысяч убитых.

Конечно, в разных регионах Германии, занятых советскими войсками, число жертв могло быть различным, но не подлежит сомнению, что число убитых измерялось десятками или даже сотнями тысяч. Кстати сказать, число жертв среди гражданского населения Германии в ходе Второй мировой войны до сих пор не подсчитано даже приблизительно. Более или менее точно известно лишь число жертв воздушных бомбардировок союзной авиацией — около полумиллиона человек. Послевоенные масштабные перемещения населения на территории рейха, в Польше и Чехословакии, также сопровождавшиеся массовыми насилиями против немецкого населения, не позволяют сегодня даже приблизительно подсчитать число погибших.

О том, почему советские солдаты вели себя в Германии и Европе столь разнузданно, еще во время войны задавались вопросом люди, с симпатией относившиеся к Советскому Союзу и Красной армии. Так, австралийский военный корреспондент Осмар Уайт, проведший в Германии последние военные и первые послевоенные месяцы, в своих мемуарах описывает немало случаев изнасилований и грабежей, совершенных солдатами английской и американской армий. Он вспоминал:

«Задолго до того, как союзники дошли до концлагерей, в которых зондеркоманды специализировались на уничтожении евреев и славян, и мир узнал, что означали слова Гитлера об „окончательном решении“, солдаты, побеждавшие немцев, начали переполняться гневом и местью. Во Франции и Бельгии из первых рук они узнавали о зверствах нацистов: о массовых расстрелах заложников, бессмысленных избиениях и поджогах, садистских допросах подозреваемых в сопричастности к сопротивлению. Мало кто сомневался в том, что немцы заслужили свою судьбу. Так, вначале с гражданским населением Германии обращались сурово. Радиообращение Эйзенхауэра „Мы приходим победителями!“ подразумевало, что командование имело право реквизировать любое пригодное жилье в полуразрушенных городах. Стариков, больных, детей часто выгоняли из домов в развалины, чтобы они беспокоились сами о себе. „Единственный способ научить *krauts* (эта кличка немцев происходит от немецкого слова, обозначающего кислую капусту. — *Б. С.)* тому, что в войне нет ничего хорошего, заключается в том, чтобы обращаться с ними так же, как они когда-то поступали с другими“. Я слышал этот девиз постоянно. Победа подразумевала право на трофеи. Победители отбирали у врага все, что ему нравилось: выпивку, сигары, фотоаппараты, бинокли, пистолеты, охотничьи ружья, декоративные мечи и кинжалы, серебряные украшения, посуду, меха. Этот вид грабежа назывался „освобождением“ или „взятием сувениров“. <…> После того как боевые действия переместились на немецкую землю, солдатами фронтовых частей и теми, кто следовал непосредственно за ними, было совершено немало изнасилований. Количество их зависело от отношения к этому старших офицеров. В некоторых случаях личности нарушителей были установлены, они были отданы под суд и наказаны. Юристы держались скрытно, но признавали, что за жестокие и извращенные половые акты с немецкими женщинами некоторые солдаты были расстреляны (особенно в тех случаях, когда это были негры). Однако я знал, что многие женщины были изнасилованы и белыми американцами. Никаких акций против преступников предпринято не было. <…>

Колонны освобожденных рабов стали обычным зрелищем на всех сельских дорогах. Они шли толпами под весенним дождем, и часто их растерзанные тела можно было увидеть на подходах к мостам — там, где они подорвались на минах. Но они не останавливались. Они были свободны и шли куда глаза глядят. Первыми шли сельскохозяйственные рабочие. Они выглядели крепкими и сытыми. На них были обноски военной формы всех европейских стран. У некоторых были ботинки или сапоги, некоторые шли босиком даже по морозу, другие обматывали свои ноги в лоскутья одеял или мешковину. Они выглядели очень бедно, но физически были в неплохой форме.

По мере того как союзные армии уходили вглубь Германии, вид проходящих мимо стал меняться. Колонны уже не состояли из крепких (или сравнительно крепких) мужчин. Многие хромали и были

явно больны и истощены. Среди них были женщины и дети. Почти у всех были ручные тележки или детские коляски с поклажей…

В целом, первые рабы, освобожденные в Рейнланде, не проявляли особенно злобных чувств к своим хозяевам. Даже с жителями Восточной Европы немцы обращались по-человечески или, по меньшей мере, как с ценным домашним скотом.

Я помню, как одна пожилая фермерша подошла к командиру рекогносцировочной колонны недалеко от Безингхайма и стала умолять его задержать ее русского рабочего, который собрался уйти. Ее сын и муж, по ее словам, были в армии, и без русского у нее не оставалось никого для работы на ферме, и зимой их ожидал голод. Мы взглянули на русского. Это был крепкий угрюмый парень, который определенно собирался уйти… Командир сказал что-то непечатное и отдал сигнал двигаться дальше. Когда я взглянул на странную пару в последний раз, женщина сидела в канаве, уронив голову на руки, а русский решительно шагал прочь…

Военные власти сумели установить некоторое подобие порядка на освобожденных территориях. Но когда бывшие подневольные рабочие и узники концлагерей заполнили дороги и начали грабить один городок за другим, ситуация вышла из-под контроля. Лишь некоторым вырвавшимся из лагерей или бросившим работу удалось найти дорогу домой. Большинство скопилось во временных лагерях для беженцев, едва выживая за счет скудных пайков, реквизированных из местных запасов. Некоторые из переживших лагеря собрались в банды для того, чтобы рассчитаться с немцами. Малонаселенные районы, которые не пострадали во время боевых действий, нередко страдали от разбоя этих банд. Я хорошо помню деревушку на реке Флуда, где мне показали растерзанные тела двух детей семи и двенадцати лет, которые стали жертвами пьяных русских, бывших до этого три года рабами на глубокой соляной шахте…

Бронетехника и орудия союзников, покрытые свежей краской, грохотали по дороге, двигаясь через четкие интервалы времени. Полевая форма была приведена в порядок, башмаки и знаки различия сверкали, все без исключения были с наградными ленточками и медалями за прошедшие бои. По сравнению с этими элегантными колоннами, входящими в город с запада и северо-запада, уходящие из него русские выглядели сбродом. Их ватные телогрейки были замаслены и ободраны, транспорт состоял из смеси старых грузовиков и телег, набитых награбленной мебелью, больше половины солдат шли пешком. Они маршировали вдоль автобана под командой младших командиров, которые ехали на немецких велосипедах. Даже знаменитые русские орудия были покрыты слоем сухой грязи.

Британский корреспондент, путешествовавший рядом со мной, сказал с ужасом в голосе: „Боже мой, так это те самые парни, которые проложили себе дорогу от Сталинграда, по пути высекая искры из фрицев?“ И в самом деле, это были солдаты армии, которая разбила две трети немецких сухопутных сил на Восточном фронте, тогда как великолепно вооруженные британцы и американцы с большим трудом одолели оставшуюся треть в Нормандии, Италии и на линии Зигфрида. Это были коренастые степные крестьяне и пастухи. Было видно, что для них не существует трудностей, и им был безразличен вид механизированной мощи, выставленной для того, чтобы произвести на них впечатление. Возможно, подумал я, простые машины войны на долгом отрезке времени никогда не одолеют крестьянина, одержимого тем, чтобы изгнать иноземного агрессора.

Радио, газеты, политика, концерты… Русские мудро подпитывали возрождение в пустыне отчаяния. Они проявили великодушие к последователям чудовища, лежавшего в своей берлоге под горами щебня. Но берлинцы не смотрели на мир так, как этого хотелось бы русским. Везде был слышен шепот: „Слава богу, что вы — британцы и американцы — пришли сюда… Русские — это животные… они отобрали у меня все, что было… они насилуют, воруют и расстреливают…“

Антирусская истерия была настолько сильной, столько ходило вокруг историй о русских зверствах, что шеф англо-американского бюро по общественным связям нашел нужным собрать корреспондентов для того, чтобы дать „разъяснения“. „Запомните, — сказал он, — что среди немцев существует сильное и организованное движение, нацеленное на то, чтобы посеять семена недоверия между союзниками. Немцы убеждены, что им будет на пользу раскол между нами. Я хочу

предупредить вас о том, чтобы вы не верили немецким историям о зверствах русских без тщательной проверки их достоверности…“

В любом случае, в русофобии не было ничего нового. Войска сталкивались с этим всю дорогу от Рейна по мере того, как встречали тысячи бегущих на Запад и охваченных паникой людей. Русские идут! Как бы то ни было, но нужно бежать от них!

Когда удавалось расспросить кого-либо из них, почти всегда оказывалось, что они ничего не знают о русских. Им так говорили. Они слышали это от друга, брата или родственника, который служил на Восточном фронте… Ну, конечно, Гитлер врал им! Его теории о высшей расе были абсурдом, как и заявления о том, что британцы — это декаденты, а евреи — недочеловеки с извращенным сознанием… Но, говоря о большевиках, фюрер был прав!

Геббельсовская пропаганда добилась успеха в одном, чему было суждено пережить разочарование поражения. Она вбила в головы немцев параноидальный страх перед „ордами с Востока“. Когда Красная армия подошла к окраинам Берлина, волна самоубийств захлестнула город. По некоторым подсчетам, в мае — июне 1945 года от 30 до 40 тысяч берлинцев добровольно ушли из жизни.

Насколько поведение русских подогрело эту оргию самоуничтожения? Я задавал эти вопросы многим берлинцам. Если отбросить преувеличения, то картина получалась следующая: Красная армия захватила город в яростных боях, разгоряченная жаждой мести. Русские разрушали, грабили и насиловали точно так же, как немцы (по рассказам польских беженцев) делали это четыре года назад в Польше и России…

Загадочные люди эти русские! Изнасилования — и извинения. Кражи — и попытки загладить их продуктовыми дарами. Дикий грабеж разрушенного города — и уже через несколько дней попытки восстановить его…

Никакого террора в Праге или другой части Богемии со стороны русских не наблюдалось. Русские — суровые реалисты по отношению к коллаборационистам и фашистам, но человеку с чистой совестью бояться нечего.

В Красной армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием чешской нервозности, вызванной неумеренностью манер русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, от которых волосы встают дыбом, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух или по бутылкам…»

О. Уайт дружески относился к Советскому Союзу и считал, что поведение красноармейцев принципиально не отличалось от поведения солдат армий союзников, да и вообще от поведения солдат всех времен и народов, реализующих «право победителя». Но свидетельства о насилиях, убийствах и грабежах с территорий, занятых Красной армией, с одной стороны, и с территорий, занятых армиями западных союзников, — с другой, не сопоставимы по масштабам. От жителей советских зон оккупации таких свидетельств оказывается на порядок больше. Да и союзное командование сравнительно быстро навело порядок. В американской армии, например, за изнасилования немецких женщин было казнено по приговорам трибуналов 69 военнослужащих.

Конечно, в Красной армии тоже боролись с преступлениями: всего за изнасилования, грабежи и убийства мирного немецкого населения было осуждено трибуналами 4148 военнослужащих. Но за изнасилования в судебном порядке никто осужден не был. Насильников, наряду с убийцами и мародерами, нередко расстреливали на месте преступления командиры без оформления приговора.

Принципиальное различие между поведением военнослужащих западных армий и красноармейцев в Германии заключалось не только в масштабах насилий, но также и в том, что американцы, британцы

и французы насиловали, но очень редко убивали свои жертвы. Для советских же солдат убийства мирных немцев, и не только немцев, были обыденным явлением.

Конечно, у красноармейцев было чувство мести за все то, что немцы сделали на советской земле. Кстати сказать, перед началом операции «Барбаросса» был издан приказ, освобождавший военнослужащих вермахта от ответственности за уголовные преступления в зоне проведения операции. Однако очень скоро немецкому командованию пришлось отказаться от применения этого приказа, поскольку грабежи и изнасилования, равно как и убийства мирных жителей, грозили разложением армии. Поэтому немецких военнослужащих стали наказывать за преступления против мирного населения. В германском военном архиве во Фрайбурге сохранилось порядка 80 тысяч уголовных дел о преступлениях против гражданского населения и о дезертирстве. Но такой вакханалии неорганизованных убийств и изнасилований, какую увидела Германия в конце 1944-го и в 1945-м, вермахт не знал даже в первые месяцы войны с Россией, когда германские солдаты еще ничем не были связаны.

Была и экономическая причина, определившая разницу в поведении красноармейцев и военнослужащих американской и британской армий по отношению к гражданскому населению. Американские солдаты снабжались гораздо лучше советских. У них было денежное довольствие в полновесных долларах. Они могли купить немку за пару чулок или пачку сигарет. Красноармейцам самим не хватало табака. Женщине им часто было нечего предложить, кроме скудного пайка. В том числе и поэтому красноармейцы чаще брали немок силой.

Конечно, немаловажную роль в тех насилиях и разрушениях, которые творили советские солдаты в Германии, сыграла месть за то, что немцы напали на Советский Союз, за то, что они творили на оккупированных территориях. Однако вряд ли «ответные» насилия советских войск можно объяснить исключительно местью. Ведь те же самые эксцессы, что и в Германии, были свойственны Красной армии и в других странах Европы. Например, в Венгрии. Вот мемуары Алэн Польц «Женщина и война». Юной 22-летней девушке навсегда запомнился приход советских солдат в Венгрию:

«Еще в Будапеште я видела плакаты, на которых советский солдат срывает крест с шеи женщины. Я слышала, они насилуют женщин. Читала и листовки, в которых говорилось, что творят русские. Всему этому я не верила, думала, это немецкая пропаганда. Я была убеждена: невозможно представить, чтобы они валили женщин на землю, ломали им позвоночник и тому подобное. Потом я узнала, как они ломают позвоночник: это проще простого и получается не нарочно. Однажды кто-то из солдат отнял у югославского священника часы. Это были старинные, большие часы с римскими цифрами на циферблате, которые тот очень любил. Он пожаловался мне. Кажется, он говорил по-немецки, я его поняла. Я ужасно разозлилась, пошла к русским, попросила его показать солдата, взявшего часы, встала перед ним и, обругав, потребовала часы назад. Там стояли другие солдаты, они смотрели и слушали, но во время всей этой сцены не промолвили ни слова.

Собственно говоря, общаться с русскими нетрудно. Кричать можно и по-венгерски. Часы священнику вернули.

Господи Боже, какая же я тогда была наивная! Я не знала, что их надо бояться».

Далее А. Польц описывает, почему нужно бояться русских:

«Мы вышли в L-образный коридор. Когда мы дошли до середины коридора, я, не говоря ни слова, яростно набросилась на них. Я пинала, колотила их изо всех сил, но в следующую минуту очутилась на полу. Никто не произнес ни звука — ни они, ни я; мы боролись молча. Меня оттащили в кухню и там так хватили об пол, — видимо, я опять хотела защищаться или нападать, — что голова моя ударилась об угол мусорного ящика. Он был из твердого дерева, как и полагается в жилище декана. Я потеряла сознание.

Очнулась я в большой внутренней комнате декана. Стекла были выбиты, окна заколочены, на кровати не было ничего, кроме голых досок. Там я лежала. На мне был один из русских. Я услышала,

как с потолка громом ударил женский крик: мама, мамочка! Потом до меня дошло, что это мой голос и кричу я сама.

Как только я это поняла, я перестала кричать и лежала тихо, неподвижно. Я пришла в сознание, но не чувствовала своего тела, как будто оно затекло или замерзло. Да мне, наверно, в самом деле было холодно — голой ниже пояса, в нетопленой комнате без окон. Не знаю, сколько русских насиловали меня после этого, не знаю, сколько их было до этого. Когда рассвело, они меня оставили. Я поднялась. Двигаться было трудно. У меня болела голова и все тело. Сильно текла кровь. Я не чувствовала, что меня изнасиловали; ощущала только, что избита, искалечена. Это не имело никакого отношения ни к ласкам, ни к сексу. Это вообще ни на что не было похоже. Просто сейчас, когда пишу эти строки, я понимаю, что слово точное — насилие. Вот чем это было.

Не помню, тогда или в другой раз, но они увели с собой всех. Даже маму. Я еще могла это вынести, ведь я была уже замужняя женщина, но Мина — она была девственницей. Проходя по дому, я набрела на нее, услышав плач; она лежала на цементном полу в какой-то каморке. Я вошла к ней. „Налево лучше не выходить, — сказала она, — там еще русские есть, они опять на нас накинутся“…

Другой раз ночью к нам ворвался целый отряд, тогда нас повалили на пол, было темно и холодно, вокруг стреляли. В памяти осталась картина: вокруг меня сидят на корточках восемь — десять русских солдат, и каждый по очереди ложится на меня. Они установили норму — сколько минут на каждого. Смотрели на наручные часы, то и дело зажигали спички, у одного даже была зажигалка — следили за временем. Поторапливали друг друга. Один спросил: „Добре робота?“ (Кстати сказать, за часами советские солдаты охотились в первую очередь. А. Польц горько пошутила, что после русских в Венгрии совсем не осталось часов. — *Б. С.)*

Я лежала, не двигаясь. Думала, не выживу. Конечно, от этого не умирают. Если только не ломается позвоночник, но и тогда умираешь не сразу.

Сколько прошло времени и сколько их было — не знаю. К рассвету я поняла, как происходит перелом позвоночника. Они делают так: женщину кладут на спину, закидывают ей ноги к плечам, и мужчина входит сверху, стоя на коленях. Если налегать слишком сильно, позвоночник женщины треснет. Получается это не нарочно: просто в угаре насилия никто себя не сдерживает. Позвоночник, скрученный улиткой, все время сдавливают, раскачивают в одной точке и не замечают, когда он ломается. Я тоже думала, что они убьют меня, что я умру в их руках. Позвоночник мне повредили, но не сломали. Так как в этом положении все время трешься спиной о пол, кожа со спины у меня была содрана, рубашка и платье прилипли к ссадине — она кровоточила, но я обратила на это внимание лишь потом. А тогда не замечала этого — так болело все тело».

Тут можно сказать, что Венгрия воевала против СССР и венгерские солдаты, как замечает та же Польц, «вели себя в русских деревнях не намного порядочнее». Иногда казни венгров мотивировались обвинениями в шпионаже. Бомба с немецкого бомбардировщика уничтожила советский штаб, и русские подозревали, что кто-то сигнализировал немцам во время налета. После этого, по словам А. Польц, «из соседней деревни пришли незнакомые люди и сказали: всех мужчин казнили; заставили выкопать длинную яму, поставили на край и расстреляли в затылок. Трое местных жителей закапывали яму (так обычно и делается: могилу копаешь себе сам — почти на всех войнах)».

Но вот сербы против России никогда не воевали и всегда считали русских своими главными союзниками. А Красная армия, хотя и пробыла в Сербии всего месяц, но успела «отметиться» здесь не с лучшей стороны. Один из руководителей Народно-освободительной армии Югославии, соратник Тито, а в дальнейшем известный диссидент Милован Джилас свидетельствует в своих мемуарах:

«После прорыва Красной Армии в Югославию и освобождения Белграда осенью 1944 года произошло столько серьезных — одиночных и групповых — выпадов красноармейцев против югославских граждан и военнослужащих, что это для новой власти и Коммунистической партии Югославии переросло в политическую проблему. Югославские коммунисты представляли себе

Красную Армию идеальной, а в собственных рядах немилосердно расправлялись даже с самыми мелкими грабителями и насильниками. Естественно, что они были поражены происходившим больше, чем рядовые граждане, которые по опыту предков ожидают грабежа и насилий от любой армии. Однако эта проблема существовала и усложнялась тем, что противники коммунистов использовали выходки красноармейцев для борьбы против неукрепившейся еще власти и против коммунизма вообще. И еще тем, что высшие штабы Красной Армии были глухи к жалобам и протестам, и создавалось впечатление, что они намеренно смотрят сквозь пальцы на насилия и насильников».

Эту проблему Тито, Джилас, Ранкович и еще несколько югославских генералов решили обсудить с главой советской военной миссии в Югославии генералом Н. В. Корнеевым. Результат получился обескураживающим для югославской стороны. Джилас вспоминал:

«Тито изложил Корнееву проблему в весьма смягченной и вежливой форме, и поэтому нас очень удивил его грубый и оскорбительный отказ. Мы советского генерала пригласили как товарища и коммуниста, а он выкрикивал:

— От имени советского правительства я протестую против подобной клеветы на Красную Армию, которая…

Напрасны были все наши попытки его убедить — перед нами внезапно оказался разъяренный представитель великой силы и армии, которая „освобождает“.

Во время разговора я сказал:

— Трудность состоит еще в том, что наши противники используют это против нас, сравнивая выпады красноармейцев с поведением английских офицеров, которые таких выпадов не совершают.

Особенно грубо и не желая ничего понимать, Корнеев реагировал именно на эту фразу:

— Самым решительным образом протестую против оскорблений, наносимых Красной Армии путем сравнения ее с армиями капиталистических стран!

Югославские власти только через некоторое время собрали данные о беззакониях красноармейцев: согласно заявлениям граждан, произошел 121 случай изнасилования, из которых 111 — изнасилование с последующим убийством (число изнасилований, не сопровождавшихся убийством, вероятно, было гораздо больше, просто о них не заявляли. — *Б. С.*), и 1204 случая ограбления с нанесением повреждений — цифры не такие уж малые, если принять во внимание, что Красная Армия вошла только в северо-восточную часть Югославии. Эти цифры показывают, что югославское руководство обязано было реагировать на эти инциденты как на политическую проблему, тем более серьезную, что она сделалась также предметом внутрипартийной борьбы. Коммунисты эту проблему ощутили и как моральную: неужели это и есть та идеальная Красная Армия, которую мы ждали с таким нетерпением?

Встреча с Корнеевым окончилась безрезультатно, хотя и было отмечено, что после нее советские штабы начали строже реагировать на самоволие своих бойцов».

Ту же проблему Джилас попробовал поднять у Сталина в Москве 11 апреля 1945 года на банкете по случаю подписания советско-югославского договора о дружбе. И вот что из этого получилось:

«Сталин посчитал, что наступило время покончить распрю со мной. Он сделал это полушутливым образом: налил мне стопку водки и предложил выпить за Красную Армию. Не сразу поняв его намерение, я хотел выпить за его здоровье.

— Нет, нет, — настаивал он, усмехаясь и испытующе глядя на меня, — именно за Красную Армию! Что, не хотите выпить за Красную Армию?

Разумеется, я выпил, хотя у Сталина я избегал пить что-либо, кроме пива, потому что я не люблю алкоголь и потому что пьянство не вязалось с моими взглядами, хотя я никогда не был и проповедником трезвости.

Затем Сталин спросил — что там было с Красной Армией? Я ему объяснил, что вовсе не хотел оскорблять Красную Армию, а хотел указать на ошибки некоторых ее служащих и на политические затруднения, которые нам это создавало.

Сталин перебил:

— Да. Вы, конечно, читали Достоевского? Вы видели, какая сложная вещь человеческая душа, человеческая психология? Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда — тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов? Вы Красную Армию представляли себе идеальной. А она не идеальная и не была бы идеальной, даже если бы в ней не было определенного процента уголовных элементов — мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию. Тут был интересный случай. Майор-летчик пошалил с женщиной, а нашелся рыцарь-инженер, который начал ее защищать. Майор за пистолет: „Эх ты, тыловая крыса!“ — и убил рыцаря-инженера. Осудили майора насмерть. Но дело дошло до меня, я им заинтересовался и — у меня на это есть право как у Верховного Главнокомандующего во время войны — освободил майора, отправил его на фронт. Сейчас он один из героев. Воина надо понимать. И Красная Армия не идеальна. Важно, чтобы она била немцев — а она их бьет хорошо, — все остальное второстепенно.

Немного позже, после возвращения из Москвы, я с ужасом узнал и о гораздо большей степени „понимания“ им грехов красноармейцев. Наступая по Восточной Пруссии, советские солдаты, в особенности танкисты, давили и без разбора убивали немецких беженцев — женщин и детей. Об этом сообщили Сталину, спрашивая его, что следует делать в подобных случаях. Он ответил: „Мы читаем нашим бойцам слишком много лекций — пусть и они проявляют инициативу!“».

Поведение советских воинов в Германии и освобождаемой ими Европе в первую очередь определялось тем, как вели войну Сталин и его полководцы. И солдаты, и офицеры Красной армии прекрасно сознавали, что так дешево солдатская жизнь не ценится больше ни в одной другой армии — участнице войны, что их телами мостят дорогу к победе. Вырвавшись за пределы своей страны, они вымешали свою злость и на пленных, и на мирном населении. Злились еще и на то, что за границей, даже в бедной Сербии, живут все-таки несравнимо лучше, чем в советском «колхозном рае». А грабили еще и потому, что жили гораздо беднее тех же американцев или британцев. Для американцев, например, те же велосипеды никакой ценности не представляли, в Америке они имелись в большом избытке. Точно так же американским и британским офицерам и солдатам в голову бы не пришло брать немецкие автомобили домой, поскольку имелись свои. Поэтому трофейные машины использовались лишь для нужд оккупационной администрации. Вот немецкие часы американские солдаты, как и красноармейцы, ценили, а антиквариат — тем более. И все-таки нельзя сказать, что в западных зонах оккупации у немецкого населения практически не осталось часов, как это произошло в советской зоне. Американскому генералу и в голову не могло прийти забирать с собой сотни оконных шпингалет и десятки банок с гуталином, как это делал генерал-лейтенант В. В. Крюков, давний боевой соратник Рокоссовского. Конечно, «трофейной лихорадке» поддавались не все — самого Рокоссовского, к примеру, она нисколько не затронула. С войны он привез лишь два трофея — хороший радиоприемник «Телефункен» и охотничью двустволку «Зауэр».

И Сталин лучше Джиласа и кого-либо другого понимал, что этой стихийной ненависти лучше дать выход на иностранцев, прежде всего, конечно, на немцев, чтобы эта ненависть и злоба не прорвались внутри страны. Потому и снисходительно относился к эксцессам, а после войны провозгласил кампанию борьбы против «безродного космополитизма», «иностранщины», «низкопоклонства перед Западом». Только когда стало ясно, что эксцессы разлагают Красную армию, которая стремительно теряет боеспособность (а она еще была нужна в надвигавшейся холодной войне), Сталин принял

меры по прекращению убийств, грабежей и изнасилований мирного немецкого населения, хотя полностью все это прекратилось только в конце 1945-го — начале 1946 года.

Первой жертвой насилий со стороны Красной армии стала Восточная Пруссия. Там было особенно много насилий и убийств. Об этом сохранилась масса свидетельств. Приведу одно из них, принадлежащее художнику и писателю Леониду Николаевичу Рабичеву, в 1945-м — лейтенанту, командиру взвода связи в 31-й армии 3-го Белорусского фронта:

«Снимаем с повозки мертвого солдата, вынимаем из кармана его военный билет, бирку. Его надо похоронить. Но сначала заходим в дом. Три большие комнаты, две мертвые женщины и три мертвые девочки, юбки у всех задраны, а между ног донышками наружу торчат пустые винные бутылки. Я иду вдоль стены дома, вторая дверь, коридор, дверь и еще две смежные комнаты, на каждой из кроватей, а их три, лежат мертвые женщины с раздвинутыми ногами и бутылками.

Ну предположим, всех изнасиловали и застрелили. Подушки залиты кровью. Но откуда это садистское желание — воткнуть бутылки? Наша пехота, наши танкисты, деревенские и городские ребята, у всех на Родине семьи, матери, сестры.

…Войска наши в Восточной Пруссии настигли эвакуирующееся из Гольдапа, Инстербурга и других оставляемых немецкой армией городов гражданское население. На повозках и машинах, пешком старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно по всем дорогам и магистралям страны уходили на запад.

Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, посбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, оттеснили в сторону стариков и детей и, позабыв о долге и чести и об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек.

Женщины, матери и их дочери, лежат справа и слева вдоль шоссе, и перед каждой стоит гогочущая армада мужиков со спущенными штанами.

Обливающихся кровью и теряющих сознание оттаскивают в сторону, бросающихся на помощь им детей расстреливают. Гогот, рычание, смех, крики и стоны. А их командиры, их майоры и полковники стоят на шоссе, кто посмеивается, а кто и дирижирует — нет, скорее, регулирует. Это чтобы все их солдаты без исключения поучаствовали. Нет, не круговая порука и вовсе не месть проклятым оккупантам — этот адский смертельный групповой секс.

Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы. Потрясенный, я сидел в кабине полуторки, шофер мой Демидов стоял в очереди, а мне мерещился Карфаген Флобера, и я понимал, что война далеко не все спишет. А полковник, тот, что только что дирижировал, не выдерживает и сам занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей, бьющихся в истерике детей и стариков.

— Кончай! По машинам!

А сзади уже следующее подразделение. И опять остановка, и я не могу удержать своих связистов, которые тоже уже становятся в новые очереди, а телефонисточки мои давятся от хохота, а у меня тошнота подступает к горлу. До горизонта между гор тряпья, перевернутых повозок трупы женщин, стариков, детей.

Шоссе освобождается для движения. Темнеет. Слева и справа немецкие фольварки. Получаем команду расположиться на ночлег. Это часть штаба нашей армии: командующий артиллерией, ПВО, политотдел. Мне и моему взводу управления достается фольварк в двух километрах от шоссе. Во всех комнатах трупы детей, стариков и изнасилованных и застреленных женщин. Мы так устали, что, не обращая на них внимания, ложимся на пол между ними и засыпаем…

Озарение приходит внезапно. Это не игра и не самоутверждение, это совсем из других измерений, это покаяние. Как заноза, сидит это внутри не только меня, а всего моего поколения, но, вероятно, и всего человечества. Это частный случай, фрагмент преступного века, и с этим, как с

раскулачиванием тридцатых годов, как с ГУЛАГом, как с гибелью десятков миллионов безвинных людей, как с оккупацией в 1939 году Польши — нельзя достойно жить, без этого покаяния нельзя достойно уйти из жизни. Я был командиром взвода, меня тошнило, смотрел как бы со стороны, но мои солдаты стояли в этих жутких преступных очередях, смеялись, когда надо было сгорать от стыда, и по существу совершали преступления против человечества.

Полковник-регулировщик? Достаточно было одной команды? Но ведь по этому же шоссе проезжал на своем виллисе и командующий Третьим Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. Видел, видел он все это, заходил в дома, где на постелях лежали женщины с бутылками? Достаточно было одной команды? Так на ком же было больше вины: на солдате из шеренги, на майоре-регулировщике, на смеющихся полковниках и генералах, на наблюдающем мне, на всех тех, кто говорил, что „война все спишет“?

В апреле месяце моя 31-я армия была переброшена на Первый Украинский фронт в Силезию, на Данцигское направление. На второй день по приказу маршала Конева было перед строем расстреляно сорок советских солдат и офицеров, и ни одного случая изнасилования и убийства мирного населения больше в Силезии не было. Почему этого же не сделал генерал армии Черняховский в Восточной Пруссии?

Сумасшедшая мысль мучает меня — Сталин вызывает Черняховского и шепотом говорит ему: „А не уничтожить ли нам всех этих восточно-прусских империалистов на корню, территория эта по международным договорам будет нашей, советской?“ И Черняховский — Сталину: „Будет сделано, товарищ генеральный секретарь!“ Это моя фантазия, но уж очень похожа она на правду. Нет, не надо мне ничего скрывать, правильно, что пишу о том, что видел своими глазами. Не должен, „не могу молчать!“».

И так было не только в Восточной Пруссии, но и в Померании, и собственно на территории Германии. И в Силезии, где действовал 1-й Украинской фронт Конева и где, как думал Рабичев, бесчинства удалось пресечь.

Нижнеселезский город Лаубен 6 марта 1945 года смогла отбить у советских войск танковая группа генерала Вальтера Неринга. Это был один из последних успехов германской армии во Второй мировой войне. Побывавший в городе Неринг докладывал в штаб группы армий «Центр»: «Кругом чувствовалась ненависть, прокламировавшаяся в памфлетах Ильи Эренбурга (имеется в виду заголовок-призыв одной из статей Эренбурга „Убей немца!“. — *Б. С.).* Разграбленные дома и расстрелянные горожане свидетельствовали о том, что ждет наш народ, укрепляя в нашем сознании мысль о необходимости принять любые меры, чтобы обезопасить судьбу Германии».

В освобожденном Лаубане побывал министр пропаганды Йозеф Геббельс. Еще 2 марта 1945 года он записал в дневнике: «Передо мной лежит приказ маршала Конева советским войскам. Маршал Конев выступает в этом приказе против грабежей, которыми занимаются советские солдаты на восточных немецких землях. В нем приводятся отдельные факты, в точности совпадающие с нашими данными. Советские солдаты захватывают прежде всего имеющиеся в восточных немецких областях запасы водки, до бесчувствия напиваются, надевают гражданскую одежду, шляпу или цилиндр и едут на велосипедах на восток. Конев требует от командиров принятия строжайших мер против разложения советских войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему». А побывав в Лаубане, Геббельс 9 марта отметил: «Наши солдаты, увидев зверства Советов, не знают больше никакой пощады. Они убивают советских солдат лопатами и ружейными прикладами. Жестокости, в которых виноваты солдаты, неописуемы. Страшные свидетельства этого видны на всем протяжении нашего пути».

Сталин, вполне возможно, использовал стихийный гнев и ярость советских солдат в политических целях. Его вполне устраивало, чтобы благодаря советским зверствам немцы бежали из Восточной Пруссии, Силезии, Померании, то есть тех территорий, которые после войны предполагалось передать Советскому Союзу и Польше и откуда все равно пришлось бы выселять немцев. И в значительной мере эта цель была достигнута. Например, на 17 мая 1939 года население Восточной Пруссии составляло 2 341 394 человека. После войны советскими властями было депортировано около 100 тысяч немцев. Все остальные, за исключением 500 тысяч мобилизованных в вермахт, стали беженцами или погибли в ходе военных действий. Цель была достигнута — территория Восточной Пруссии была почти полностью очищена от немцев еще до окончания войны.

Но точно такие же эксцессы творились и на территории будущей советской зоны оккупации Германии, откуда немцев никто вроде бы выселять не собирался.

Бывший офицер Красной армии подполковник Сабик Вогулов (не исключено, что это — псевдоним), служивший в тыловой автомобильной части на 1-м Белорусском фронте (которым, как мы помним, до ноября 1944-го командовал Рокоссовский) и после войны бежавший в Западную Германию, в феврале 1947 года выпустил книгу «В побежденной Германии», где подробно описал те насилия против мирного населения, которым стал свидетелем. Эта книга до сих пор малоизвестна в нашей стране, поэтому стоит привести из нее несколько обширных цитат.

Вот как описывает Вогулов вторжение войск 1-го Белорусского фронта в Германию в январе 1945 года:

«Как вихрь, как ураган мести, ворвались русские войска на территорию Германии. Это был поистине огненно-кровавый шквал. Если раньше на русской земле, в Польше генералы и офицеры сдерживали зарвавшихся и озверевших солдат, то здесь никто и ничего не мог — да и не хотел делать. Наоборот, много офицеров и генералов сами подавали пример отношения к побежденному врагу, оставляя без расследования и без последствий самые ужасные преступления.

Основным мотивом такого положения было: дать людям почувствовать сладость мести врагу за поругание Родины.

И результаты сказались быстро: от восточных границ Германии до Одера, от Балтики и до Карпат — вся германская территория была охвачена пожарищами, грабежами и насилиями.

Все это было в исключительных, ужасающих масштабах».

Такую картину С. Вогулов наблюдал тогда в первом занятом немецком городке, почти полностью покинутом жителями:

«Кругом все пылало, по городу шныряли сотни солдат, офицеров, репатриантов, таща из квартир одежду, обувь, патефоны, радиоприемники. Тысячи людей рылись по опустевшим квартирам, выбирая нужное для себя, как в гигантском универсальном магазине.

Сигналом к пожару послужил приказ командующего войсками: сжечь тот дом, из которого женщиной в день занятия города из окна был сделан выстрел в проходивших русских солдат. Ее не нашли, а дом зажгли. Через сутки горел весь город. От него пожары перекинулись дальше и всюду, куда доставал взор, были видны зарева пожаров от горевших сел и городов. И это продолжалось даже тогда, когда линия фронта была на Одере и наши войска закрепились за его левый берег.

В основном до Одера все немецкое население убежало на западную сторону этой реки. На занятой нами территории немцев было не более тридцати процентов. Вот эти тридцать процентов расплатились за все гитлеровские злодеяния, за всю нацистскую систему. Эти тридцать процентов населения во всей полноте почувствовали на себе результат непрерывного воздействия на возбужденные кровью мозги солдатской массы статей Эренбурга, результат попустительства сталинских генералов.

От восточных границ до Одера — все немецкие пылающие села и города были наполнены тыловыми частями и отставшими строевыми подразделениями, а также и дезертирами.

И не передовая линия, а вот эти „отважные“ товарищи тыловики творили чудовищные дела на занятой территории.

Вот приемная генерала. Тут начальники отделов, отделений, госпиталей, командиры тыловых частей, заместители командиров дивизий.

Вполголоса рассказывают последние события дня: заместитель по политической части отдельного автомобильного батальона рассказывает о том, что сегодня, когда он утром шел в парковую роту, он увидел труп изнасилованной немки, около которой лежали двое детей, причем у девочки живот распорот до половых органов.

Полковник, начальник ветеринарного отдела, рассказывает, как он вчера в одном селе проводил расквартирование ветеринарного лазарета и организовал сборный пункт трофейных лошадей. Ему захотелось пить, и он заходит в дом к немцам. В комнате немка, у которой он на русском языке просит дать воды. Испуганная немка не может его понять, а он сердится. Вдруг немку что-то осенило и она предлагает полковнику ложиться на кровать.

— Сразу видно, что русский Иван уже „научил“, — заключает полковник.

Вот командир-майор. Он под все эти безобразия хочет подсунуть какое-то идеологическое основание, найти скрытый смысл „торжества великой мести“, и в соответствующем духе он описывает ряд совершенных насилий:

— Товарищи! Меня очень заинтересовал один факт. Я тоже, как и все, думал, что это просто делает вредный нам элемент или просто разнуздавшийся человек-зверь. Нет! Здесь, во всех этих делах, кроется другое. Захожу в один дом. В этом доме семь немецких девушек и одна из них лежит на постели, беззвучно вздрагивая от рыданий. Девушки прижались друг к другу и испуганно смотрят на меня. Я с ними здороваюсь и разговариваю по-немецки… Выясняю, что здесь, в этом доме, сегодня ночевало пятнадцать наших солдат и они поочередно изнасиловали вот эту рыдающую девушку. Спрашиваю других девушек: „А вас насиловали?“ Отвечают: „Нет“. Спрашивается, что же тут такое? Почему из семи девушек наши солдаты изнасиловали только одну при таком богатом выборе? Ведь просто физически противно второму, третьему прикасаться к этой девушке. Вот и подумайте хорошенько над этим фактом. Вы увидите, что это непросто зверство. Здесь налицо месть.

Этот командир был сторонником Ильи Эренбурга.

Начальник госпиталя легкораненых рассказывает о том, что в том месте, где расположен его госпиталь, осталось очень мало немок, легкораненых же очень много. Чтобы установить какой-либо „порядок“, раненые офицеры и солдаты устроили билеты и сказали немкам, что на каждую из них выписано по десяти билетов.

— И вы представьте, товарищи! Об этом я узнал от этих же немок; они пришли жаловаться на то, что офицеры не сдержали своего слова и к ним, вместо десяти, приходит по двенадцать, тринадцать человек. <…>

Лучшая часть офицерства старалась остановить дикий разгул, но безуспешно, ибо никто не хотел слушать и творил все, что ему вздумается.

Чувствовалось, что крепкая сильная армия идет к разложению, что это разложение начинает охватывать и передовые части, офицерский состав которых ухитрялся провозить немок в закрытых машинах даже на Одерский плацдарм.

Ни командование фронтом, ни командиры частей буквально не принимали никаких мер.

Когда же дезертирство из армии дошло до пределов и когда озлобленные остатки немецкого населения стали сотнями убивать безоружных и пьяных насильников, когда мы уже не знали, где расквартировывать подходившие резервы, ибо все лучшее было сожжено разложившимися тыловиками, только тогда забегали в штабах, в политическом отделе и заинтересовалась контрразведка.

Все, наконец, почувствовали, куда это ведет и чем это грозит. В войсках распространяется листовка маршала Жукова с обращением к солдатам и офицерам армии, в которой он призывал солдата не жечь домов, не насиловать немецких женщин, не портить оборудования фабрик и заводов и квалифицировал все это как вредительство.

— Солдаты! — говорил он в обращении. — Смотрите, чтоб из-за подола немецкой девки вы не просмотрели того, за чем послала вас Родина!

Чаще и чаще среди офицерского состава стали слышаться разговоры о том, что при таком политико-моральном облике солдата двигаться дальше нельзя, что мы такими поступками позорим Красную Армию.

Несмотря на это, случаи грабежей, насилий, убийств местного населения продолжались. Да и как им и не быть, когда комендатуры были укомплектованы случайными людьми из резерва, которые, попав в коменданты, старались свое положение использовать в первую очередь для улучшения своего материального положения и положения своих друзей.

Среди комендантов того времени мало было таких лиц, которые были бы в состоянии навести жесткий порядок и дисциплину в своем населенном пункте.

Вот характерный эпизод: помощником начальника управления комендатур был один капитан. Однажды, возвратись из своих очередных объездов, он рассказывает: — Ну, товарищи, к нам начинает прибывать танковая армия. Дадут эти братишки немцам, только держись! И уже начали давать! Вчера мне пришлось задержать одного командира танка, старшего лейтенанта — Героя Советского Союза. Звание героя он получил за то, что уничтожил в боях тридцать немецких танков. Из них одиннадцать штук „тигров“. Когда немцы были на Украине, то они уничтожили всю его семью и всех родных в общем количестве до сорока человек, причем отца, братьев и сестер его — повесили. Так вот этот старший лейтенант поставил свой танк около одного немецкого дома и зашел в дом. Он принес с собой закуску, выпивку и после того, как угостил хозяина с хозяйкой и трех их дочерей водкой и хорошей закуской, сам подвыпивши изрядно, поочередно изнасиловал трех девушек, после чего вывел их на двор и пристрелил из пистолета около своего танка. Ну, что бы вы на моем месте сделали этому человеку? Лично я, выслушав этого танкиста, пожал ему руку и отпустил его. Это действительно месть пострадавшего.

К великому сожалению, таких „героев“ было бесчисленное множество и им было предоставлено право олицетворять „народную месть“ на территориях противника.

Была сплошная полоса самочинных расправ с местным населением и волна диких самосудов с отдельными представителями этого населения спившимися дезертирами и тыловыми „героями“, любителями человеческой крови.

В здоровой массе солдат и офицеров все чаще и чаще и чаще стали слышаться разговоры, не одобряющие этой вакханалии, и всем нам было видно, что наши войска были почти в конец разложены, что при таком положении трудно говорить о развертывании дальнейших наступательных действий, что мы не можем сейчас сделать последнего скачка и овладеть немецкой столицей.

Здесь уже ясно сказалось, что при таком состоянии дисциплины и деморализации войск нечего и думать об этом скачке.

Постепенно расширяя Одерский плацдарм, наши войска начинают оправляться от внутреннего разложения. Уже твердой рукой начинают насаждать дисциплину».

Все-таки взятие Берлина в феврале Сталин, я думаю, отложил по соображениям большой политики, а не потому, что опасался, что внутренне разложенные советские войска не смогут овладеть германской столицей. Иначе бы он издал свою директиву об изменении отношения к немецкому населению не 2 апреля 1945 года, когда советские армии уже вплотную приблизились к Берлину, а значительно раньше.

Я думаю, что С. Вогулов и другие очевидцы и исследователи, полагающие, что призывы Ильи Эренбурга были одной из главных причин той волны насилия, которую принесла в Европу Красная армия, вольно или невольно заблуждаются. Эренбург призывал «убить немца», но он никогда не призывал убить венгра (хотя Венгрия была союзницей Германии) и уж тем более убить серба. А ведь и венгерскому, и сербскому населению от Красной армии досталось в полной мере.

С. Вогулов рисует впечатляющую картину разложения советских войск в Германии в первые послевоенные месяцы: «Старший офицерский состав больше уделял внимания коммерческим операциям, чем работе с людьми. В войсках опять резко пала дисциплина. Дело дошло до того, что одна кучка из полка связи украла легковую машину у командующего войсками и на ней раскатывала, производя вооруженные грабежи.

Такая картина разложения и повторного, резкого падения дисциплины была повсеместно, по всей зоне оккупации. Встрепенулось командование советских оккупационных войск в Германии и стало призывать командующих армиями навести у себя порядок.

Вот один из характерных документов:

„Всем командирам

При этом прилагаю выписки из писем немцев, сделанные нашей цензурой. Подумайте хорошенько, куда это ведет, и сделайте так, чтобы немцы не жаловались на нас.

Жуков“.

И на четырех печатных страницах выписки. Они по-человечески — жуткие.

1. Дорогие дети! У нас ничего не осталось, пришли русские солдаты и у нас все забрали. Нечего есть. Не знаем, доживем как-либо до зимы или нет…

2. Гитлер и Геббельс в одном оказались действительно правы, это в отношении русских коммунистов. Даже наши немецкие коммунисты досыта насмотрелись на своих русских собратьев и начинают ненавидеть их.

3. Дорогой сын! Мы здоровы, но надолго ли — не знаем. Все сейчас у нас очень плохо. Русские офицеры спаивают наших девушек водкой, спиртом, увозят их к себе на машинах и устраивают с ними оргии. Вечером просто невозможно выйти на улицу, хотя часто грабят и днем, прямо на улице. За нами следят и продают наши же люди, и не верится, чтобы мы, немцы, которых еще не так давно уважал весь мир, так низко пали сейчас и были так презираемы. Многие наши молодые люди не видят никакого выхода и кончают жизнь самоубийством.

И так все в этом духе. Жутко читать эти документы людей, которых Гитлер привел к катастрофе и которые не могут быть сейчас не только в завтрашнем дне, но и в сегодняшнем.

После этого письма Жукова начинает работать прокуратура. Чуть ли не каждый день по войскам объявляются приказы с приговорами военного трибунала. То там изнасиловали немецких женщин офицеры или солдаты, или какой-то лейтенант шел по автостраде, остановил немецкую машину и, убив шофера, скрылся. За два месяца не менее тридцати подобных приказов, но это случайно попавшиеся люди. Издается специальный приказ, требующий лучшей работы прокурора и других органов, выявляющих аморальное отношение к немецкому населению.

Но все это тщетно! Напрасно! Ибо офицерский состав разложен, в войсках много уголовных элементов, с полным знанием своей уголовной профессии использующих форму оккупационной армии.

Безудержный разврат охватил русские оккупационные войска. Командование обеспокоено неслыханным ростом венерических заболеваний и ежемесячно от трех до пяти приказов посвящает этому вопросу…

Росту проституции среди немецкого населения содействует чрезвычайно трудное положение с продовольствием, ибо снабжение немецкого населения поставлено чрезвычайно плохо. Как правило, карточки почти не отовариваются в той норме, на которую они выписаны. Это главным образом относится к жирам, мясу, мармеладу, сахару.

Пресыщенные же развратники уже не довольствуются немецкими женщинами и девушками; начинает расти детская проституция.

Вот перед вами шофер легковой машины начальника отделения заготовок. Этот начальник — коммунист; в прошлом — работник НКВД, и сейчас, нажившись на войне, добился демобилизации.

Его шофер хвастается перед своими товарищами и даже перед некоторыми офицерами тем, что сейчас у него в каждом городе по девочке 12–13 лет. Этот выродок с упоением, закатывая от удовольствия глаза, хрюкает:

— Вы поймите, друзья, ни одной волосинки!

А до войны этот мерзавец был режиссером сельских клубов на Украине».

Словом, картина была примерно одинаковой во всех советских фронтах, вторгшихся в Германию, будь то на 3-м Белорусском в Восточной Пруссии, на 2-м Белорусском в Восточной Пруссии и в Померании, на 1-м Белорусском в Бранденбурге или на 1-м Белорусском в Силезии.

Конечно, и грабежи, и изнасилования, и убийства совершали в Германии и войска западных союзников. Согласно немецким свидетельствам, особенно отличались по этой части французы. Но масштаб грабежей и насилий с Красной армией был не сопоставим. Вот что пишет С. Вогулов, которому в первые послевоенные недели пришлось по служебным делам побывать на занятой американцами территории Германии, которая должна была быть передана в советскую оккупационную зону:

«Там, где прошла Красная Армия, вы ни в одной квартире не увидите целой двери, целого гардероба, целого письменного стола. Они все вскрыты, взломаны штыком, ломом и каблуком…

Экстренное задание. Союзники освобождают территорию, которая должна быть оккупирована советскими войсками. Нужно в течение суток выявить, что нам оставляют наши союзники».

В местной комендатуре, только что оставленной американцами, С. Вогулова встретила «целая очередь жалобщиков из числа жителей города. Большинство из них пришли с заявлением о том, что у них отобрали русские офицеры автомашины и велосипеды. Пришли уже заплаканные девушки с жалобами на бесчинства. У многих уже кое-что стащили и кое-кого уже изнасиловали…

Мне рассказывают, как один командир Н-й дивизии, узнав, что в городе есть завод хромовой кожи, немедленно устремился на этот завод и нагрузил хромом свою машину до отказа, после чего на завод поставил свою охрану, запретив владельцу завода что-либо делать из данного хрома.

Мне говорили: — Вот вы заставляете нас пускать предприятие в ход, но как же можно их пускать при методах, какие, например, применил наш генерал на заводе, изготовляющем хром. Ведь американцы делали все иначе. Если какому-нибудь американцу нужен был кожаный костюм, то представителя этого завода вызывали сюда, с офицера снималась мерка и тот через два-три дня получал костюм, какой он хотел. Мы же такими действиями только замораживаем промышленность и инициативу промышленников.

Немецкое население, увидев это, стало быстро прятать свои запасы. В эту кратковременную поездку я видел, что немецкое население, бывшее под американской оккупацией, не было разграблено, не было унижено и морально. Никто из немцев, встреченных мною, не смог назвать ни одного антиморального поступка американских войск, никто не высказал ни одной обиды на американцев. Только в больших городах жаловались на исключительный недостаток продовольствия. Меня поражало большое обилие немецких автомашин и мотоциклов в зоне американской оккупации. Во

всех квартирах у немцев я видел прекрасные радиоприемники; все это в советской зоне уже было редкостью, а вскоре стало редкостью и в этой зоне, которую для нас освободили американцы.

Через месяц после занятия этой зоны все, оставшееся от американцев, было поглощено трофейными органами, в результате чего ничего не осталось на фабриках и заводах».

Насилиями, грабежами и убийствами грешили и солдаты армий, входивших во фронт Рокоссовского. Так, согласно свидетельствам уцелевших, 19 января 1945 года советские танки 5-й гвардейской танковой армии перехватили колонну беженцев и перебили людей, направлявшихся к заливу Фришес-Хафф.

Александр Солженицын, служивший в 48-й армии 1-го Белорусского фронта командиром звукоуловительной батареи, вспоминал: «Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие; окажись они польки или наши угнанные русачки — их можно было бы во всяком случае гонять голыми по огороду и хлопать по ляжкам — забавная шутка, не больше».

А в пьесе «Пир победителей», где отразились насилия, творимые Красной армией в Восточной Пруссии, Александр Исаевич помянул и своего комфронта:

Ваш Рокоссовский не вчера ли
Еще был зэк.
Не человек,
В Сибири ж где-то на лесном повале
Не то стволы пилил, не то грузил на баржи,
Сегодня вызван, нужен, маршал, —
А завтра, может быть, опять его в тайгу?

Однако страх «вернуться в тайгу» (точнее, в «Кресты»), если он вообще существовал у маршала, не помешал Рокоссовскому предпринять меры для борьбы с эксцессами, с опасной быстротой распространившимися среди его подчиненных.

Английский публицист Энтони Бивор пишет в своей книге:

«Драматург Захар Аграненко, воевавший в Восточной Пруссии в составе подразделения морской пехоты, писал в своем дневнике, что советские солдаты не верили, будто немецкие женщины станут добровольно вступать с ними в индивидуальные интимные контакты. Поэтому красноармейцы насиловали их коллективно — на одну женщину по девять, десять, двенадцать человек. Позднее он рассказал о том, как немки сами стали предлагать себя морским пехотинцам, опасаясь за свою жизнь…

Изнасилованными могли стать даже двенадцатилетние подростки. В информации по линии НКВД из 43-й армии имелись сведения о немецких женщинах из Шпалайтена, пытавшихся совершить самоубийство. Была допрошена некая Эмма Корн, которая рассказала следующее: „Части Красной армии вошли в город 3 февраля. Когда советские солдаты спустились в подвал, где укрывались местные жители, они направили свои автоматы на меня и еще двух женщин и приказали подняться наверх. Здесь двенадцать солдат по очереди насиловали меня. Другие солдаты насиловали еще двух женщин. Ночью в подвал спустились еще шесть пьяных солдат и насиловали нас на глазах у других женщин. 5 февраля приходили три солдата, а 6 февраля восемь пьяных солдат, которые также насиловали и били нас“. Три дня спустя эта женщина предприняла попытку убить своих детей и совершить самоубийство. Попытка не удалась. Очевидно, Эмма Корн плохо знала, как это делается…

Призывы отомстить за Отчизну, подвергшуюся нападению вермахта, были поняты как разрешение проявлять жестокость. Даже молодые женщины, солдаты и медработники не выступали против. Двадцатилетняя девушка из разведотряда Аграненко говорила: „Наши солдаты ведут себя с немцами, особенно с немецкими женщинами, совершенно правильно“. Кое-кому это казалось любопытным. Так, некоторые немки вспоминают, что советские женщины наблюдали за тем, как их насилуют, и смеялись. Но некоторые были глубоко шокированы тем, что они видели в Германии.

Наталья Гессе, близкий друг ученого Андрея Сахарова, была военным корреспондентом. Позже она вспоминала: „Русские солдаты насиловали всех немок в возрасте от 8 до 80. Это была армия насильников“.

Тема массовых бесчинств Красной армии в Германии так долго была под запретом в России, что даже теперь ветераны отрицают, что они имели место. Лишь некоторые говорили об этом открыто, но без всяческих сожалений. Командир танкового подразделения вспоминал: „Они все поднимали юбки и ложились на кровать“. Он даже хвалился, что „два миллиона наших детей родились в Германии“…

Маршал Рокоссовский издал приказ № 006, в котором говорилось о том, что чувство ненависти к врагу должно проявляться только во время боя. Приказ предусматривал наказание солдат за грабежи, кражи, насилие над местным населением, бессмысленные поджоги и разрушение зданий. Однако кажется, что этот приказ не достиг должного эффекта. Предпринимались, правда, попытки навести порядок. Ходили рассказы о том, что некий командир дивизии самолично расстрелял лейтенанта, насиловавшего вместе со своими солдатами немецкую женщину. Однако в большинстве случаев начальству наводить в собственных частях порядок было очень тяжело, а среди пьяных солдат, вооруженных к тому же автоматическим оружием, — просто опасно.

Даже генерал Окороков, начальник политического управления 2-го Белорусского фронта, 6 февраля выступил против того, что он называл „отказом мстить своим врагам“. В Москве же больше заботились о том, чтобы предотвратить бессмысленные разрушения, чем насилие. 9 февраля „Красная звезда“ писала, что любое нарушение дисциплины только ослабляет победоносную Красную армию, месть не должна быть слепой, а злость — неразумной. Далее в газетной статье говорилось, что солдаты в слепом гневе могут разрушить то или иное производство, которое является очень ценным для Красной армии.

Политруки на фронте пытались применить похожий подход к проблеме изнасилований. Если правильно воспитать солдат, говорилось в документах политуправления 19-й армии (входившей во 2-й Белорусский фронт. — *Б. С.*), то они просто не захотят иметь половые связи с немецкими женщинами. Солдаты будут испытывать к ним отвращение. Однако такая софистика только осложняла дело, загоняла проблему в тупик. Даже советские женщины, находящиеся в армии, не осуждали мужчин-военнослужащих. „Поведение наших солдат в отношении немцев, особенно немецких женщин, совершенно корректное“, — говорила 21-летняя девушка из разведывательного подразделения Аграненко. А по словам Копелева, одна из его помощниц в политотделе даже как-то пошутила по поводу случаев изнасилования немок, что вызвало естественное раздражение у этого писателя.

Нет сомнения, что преступления, совершенные германскими войсками на оккупированной территории Советского Союза, а также специфическая политическая пропаганда способствовали тому, что по Восточной Пруссии прокатилась волна ужасных изнасилований женщин. Но месть — это только часть объяснения. Если солдаты были пьяными, то для них не имела значения национальность своей добычи. Лев Копелев вспоминал, что, будучи в Алленштейне, он вдруг услышал пронзительный крик. Затем увидел, как молодая девушка убегает от двух пьяных советских танкистов. Она кричала: „Я полька! Святая Мария, я полька!“…

Основным побудительным мотивом для изнасилований являлось все же пьянство. Пили всё подряд, включая различные химические препараты из лабораторий. Является фактом, что постоянное пьянство ослабляло боевые возможности Красной армии. Ситуация стала настолько критической, что органы НКВД были вынуждены донести в Москву о массовых случаях отравления алкоголем, захваченным на оккупированной территории Германии. Многие женщины, изнасилованные пьяными солдатами, оказались на всю жизнь изувеченными. Может показаться, что красноармейцам просто необходимо было напиться, чтобы изнасиловать женщину, однако порой они так напивались, что даже не могли завершить половой акт».

Дело, как представляется, было не только и не столько в пьянстве. В Красной армии много пили всегда. Разумеется, трофейные запасы спирта и алкоголя в Германии способствовали тому, что пить

стали больше. В советских políторганах даже родилась теория, что немцы, дескать, специально оставляют запасы спирта, в том числе ядовитого метилового, и алкоголя на территориях, занимаемых Красной армией, чтобы спаивать и травить красноармейцев. В действительности все обстояло гораздо проще. Немецкое командование в первую очередь эвакуировало войска, раненых и беженцев, а из складов — боеприпасы, горючее и продовольствие. До алкоголя просто руки не доходили, тем более что из-за быстрого наступления советских войск не всегда успевали вывезти даже раненых и беженцев.

Но убивали и насиловали красноармейцы все же не потому, что были пьяны. Скорее наоборот, перед совершением преступления они выпивали «для храбрости». Преступления совершались не из-за пьянства, а из чувства мести и ненависти к окружающему миру, открывшемуся советским людям в Европе, такому благополучному и устроенному, тогда как их каждый день гонят на смерть, а на родине остались сожженные города и села, где никогда не было такой сытой жизни, как в той же Восточной Пруссии.

Между прочим, так поразивший Льва Копелева эпизод в Алленштейне, когда он увидел девушку-польку, убегавшую от двух красноармейцев, запечатлен и в поэме Солженицына «Прусские ночи»:

Где-то тут же, из-за стенки,
Крик девичий слышен только:
«Я не немка! Я не немка!
Я же полька. Я же полька…»

В упомянутом Бивором приказе военного совета 2-го Белорусского фронта № 006 от 22 января 1945 года, с которым требовалось ознакомить весь командный состав до командиров взводов включительно, утверждалось, что захват крупных запасов спиртного соблазнил солдат к «чрезмерному потреблению алкоголя», и, наряду с «ограблениями, мародерством, поджогами», — об убийствах умалчивалось — теперь всюду наблюдается массовое пьянство, в котором участвуют даже офицеры. В качестве примера приводилась 290-я стрелковая дивизия, где солдаты и офицерский состав напились до такой степени, что «утратили облик бойца Красной Армии». Рокоссовский возмущался тем, что на танках перевозились винные бочки, а машины для боеприпасов были настолько загружены «всевозможными предметами домашнего обихода, захваченным продовольствием, гражданской одеждой и т. д.», что стали обузой для войск, ограничивая свободу их передвижения и уменьшая «ударную силу танковых соединений». Рокоссовский потребовал «выжечь каленым железом эти позорные для Красной Армии явления», привлечь к ответственности виновных в грабежах и пьянстве и карать их вплоть до расстрела, установить «в кратчайший срок образцовый порядок и железную дисциплину» во всех войсковых частях. Рокоссовский осудил и убийства пленных, хотя прямо их и не упомянул. Он напомнил только, что «врага нужно уничтожать в бою, а сдающихся брать в плен».

Особый упор в приказе был сделан на сохранение материальных ценностей. Начальник тыла и интендант фронта получили специальный приказ: «принять все меры к выявлению и сохранению трофейного имущества», пресечь его «расхищение и сбыт на сторону».

Во исполнение этого приказа военный прокурор 48-й армии подполковник юстиции Маляров 23 января 1945 года издал предписание военному прокурору 194-й стрелковой дивизии, в котором ясно осудил злодеяния в отношении гражданского населения и военнопленных. Маляров обратил внимание на факты применения военнослужащими оружия «к немецкому населению, в частности, к женщинам и старикам» и на «многочисленные факты расстрела военнопленных» без каких-либо поводов, просто из «озорства». Он поручил военным прокурорам совместно с политаппаратом разъяснить военнослужащим армии, что уничтожение захваченного имущества, «поджоги населенных пунктов» представляют собой антигосударственное дело и что Красная армия не должна расправляться с гражданским населением, что применять оружие по отношению к женщинам и старикам преступно и за такие действия отныне будут строго карать. Маляров подчеркивал, что немецких солдат следует брать в плен, так как это ослабит сопротивление противника. Военным прокурорам поручалось немедленно организовать несколько «показательных процессов» над

«злостными поджигателями» и мародерами (но не убийцами и не насильниками), объявив в войсках о вынесенных приговорах.

В «Пире победителей» Солженицын так пародирует приказ Рокоссовского № 006 («совсекретный Приказ по фронту. Ноль-ноль-семь»):

При выходе на территорию Восточно-Прусскую
Замечены в частях Второго Белорусского,
Как в населенных пунктах, так и при дорогах,
Происходящие при попущеньях офицерства
Отдельные пока что случаи — поджогов,
Убийств, насилий, грабежей и мародерства.
Всему начальствующему, всему командному составу
Вменяется в обязанность, дается право
В частях своих, а равно и чужих, не проводя раздела,
Для поддержанья воинской советской чести
Подобные поступки пресекать на месте
Любыми средствами вплоть до расстрела.

Дальше автор описывает недоуменную реакцию офицеров на приказ маршала:

Нержин (свистит)

Сильно! А как же быть с инструкцией Политотдела
О нашей о священной мести?
А как — посылочки? А батарейные тетради
Под заголовком «Русский счет врагу»?

Майков

Ба-батюшки! Скажите Бога ради —
Так я обоз Глафиркин вышвырнуть могу?

Нержин

Вот это здорово! Ивана заманили,
Ивану насулили, Ивана натравили,
Пока он нужен был, чтоб к Балтике протопать…
<…>
Солдат, с которым я лежал в болотах Ильмень-озера,
Солдат, с которым нас в упор клевал одномоторный «Юнкерс», —
Его — расстреливать? За то, что взял часишки «Мозера»?
И даже пусть — что затащил девчонку в бункер?
Прощаясь с жизнью там, в орловской ржи,
В паленых запахах, в дыму,
Я жал к земле его — не наша, может быть, лежи! лежи!
И на него теперь я руку подыму?
Вы перед наступлением не так ли непреложно
Приказ оправдывали противоположный?

Разумеется, с такими настроениями как среди офицеров, так, и в еще большей степени, среди рядовых красноармейцев, приказ Рокоссовского, как и аналогичные приказы других командующих фронтами, требовавшие прекратить грабежи, насилия и убийства и грозившие самыми суровыми карами, вплоть до расстрела на месте, во многом оставались на бумаге. Среди военнослужащих царила круговая порука, и командиры всячески выгораживали своих подчиненных, обвиненных в преступлениях против немцев. Но важно здесь уже само намерение. Рокоссовский первым из командующих издал приказ, требующий прекратить насилие против мирного немецкого населения. И это совсем не случайно. Константин Константинович всегда щепетильно относился к вопросам воинской чести. Ему было очень больно, что его подчиненные совершали преступления против военнопленных и мирного населения. Рокоссовский всегда стремился вести себя по-рыцарски и считал, что нельзя мстить поверженному врагу. Только вот его генералы, офицеры и солдаты очень

часто вели себя не как рыцари. Например, генерал К. Ф. Телегин, с которым они вместе прошли путь от Сталинграда до Вислы, позднее в Германии заболел «трофейной лихорадкой» и целыми вагонами гнал в СССР мебель и другое имущество. Когда его арестовали по «делу Жукова», незаконное присвоение трофейного имущества стало одним из пунктов обвинения.

Э. Бивор приводит следующий характерный эпизод: «10 апреля 1945 года Петр Митрофанович Себелев, ставший подполковником всего в двадцать два года, писал домой, что на фронте установилась необычная и поэтому пугающая тишина… А всего за два часа до того, как он взялся писать письмо, разведчики привели к нему пленного немецкого капрала. Тот сразу же спросил: „Где я нахожусь, господин офицер? В войсках Жукова или в банде Рокоссовского?“ Себелев засмеялся и сказал немцу, что он находится в войсках 1-го Белорусского фронта, которыми командует маршал Жуков. Но его очень заинтересовало, почему пленный капрал назвал части маршала Рокоссовского „бандой“. Немец ответил: „Они не соблюдают правила войны, вот почему германские солдаты называют их бандой“».

Очевидно, у армий Рокоссовского была дурная репутация в плане расправ над пленными. Однако в войсках Жукова с этим дело обстояло ничуть не лучше. Об этом свидетельствует, в частности, С. Вогулов: «…В русской армии было обыденным явлением расстрел пленных немцев конвоирами и „воинственными“ тыловиками… И после этого никакого приказа, никакого наказания. Можно привести десятки таких примеров, когда какой-нибудь разъяренный командир полка расстреливал лично сотни пленных, только потому, что какая-то шальная пуля убила его полевую жену. В этой последней операции (наступлению на Берлин. — *Б. С.)* на отношение к сдающемуся врагу тоже обратили внимание и строго запретили расстрел пленных. Но было поздно: немецкая армия сдавалась союзникам, а на нашем участке фронта она дралась насмерть».

Командир полка, лично расстреливающий сотни пленных, — несомненно, поэтическое преувеличение. Даже профессиональные ежовско-бериевские палачи, набившие, что называется, руку в своем ремесле, ежедневно расстреливали от силы несколько десятков. Например, 14,7 тысячи польских офицеров в 1940 году расстреливали на протяжении примерно 45 дней в трех местах, так что на каждый пункт расстрела в среднем в день приходилось немногим менее 100 человек — и это притом что в каждом пункте было по несколько исполнителей. Но действительно, все приказы о том, чтобы не расстреливать пленных, в Красной армии оставались пустым звуком, поскольку никто и никогда за расстрел пленных наказан не был.

Солженицын в поэме «Прусские ночи», ставшей позднее главой повести в стихах «Дороженька», описал картины эпически-безумного грабежа:

Кто-то выбил дверь в Gasthaus
И оттуда прет рояль.
В дверь не лезет. И с восторгом
Бьет лопатой по струнам:
«Ах ты, утварь! Значит, нам
Не достанешься, бойцам? —
Не оставлю военторгу,
Интендантам и штабам!»

Дальше автор описывает расстрел молодой немки, чувствуя за него и свою вину:

Оглянулась —
Поняла! —
Завизжала, в снег упала
И комочком замерла,
Как зверок недвижный, желтый…
Автомат еще не щелкал
Миг, другой.
Я — зачем махнул рукой?!
Боже мой!
«Машина, стой!

Эй, ребята!..»
Автоматы — очередь. И — по местам…

Только 20 апреля 1945 года была издана директива Ставки Верховного главнокомандования «Об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению». Она была адресована командующим 1-ым Белорусским и 1-ым Украинским фронтами, но фактически стала руководством к действию на всех фронтах. Эта директива гласила:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами».

Показательно, что данная директива касалась только той территории, которую после завершения войны предполагалось оставить в составе Германии. Получалось, что в Восточной и Западной Пруссии и в Померании, где действовали войска 2-го и 3-го Белорусского фронтов, можно было по-прежнему творить насилия в отношении мирного населения — побуждая их тем самым поскорее «очистить» территории, отходившие к Советскому Союзу и Польше.

Рокоссовский конечно же не мог совладать со стихией насилия, захлестнувшей советские войска в Европе. Но с ней не мог совладать и любой другой командующий фронтом или командарм. Это были неизбежные последствия «войны на истребление», которую вели на советско-германском фронте обе стороны. Маршал наверняка тяжело переживал то, что ему довелось увидеть в Германии в 1945-м, но он никогда не делился увиденным ни с кем из родных или друзей. Действовала очень жесткая цензура памяти.

Глава тринадцатая
СНОВА В ПОЛЬШЕ

После капитуляции Германии Сталин доверил Рокоссовскому командовать Парадом Победы. Принимал парад маршал Жуков. Этот вопрос решался на встречах Сталина с командующими фронтами 23 и 25 мая. А между этими встречами был торжественный прием 24 мая в Кремле в честь командующих войсками Красной армии, на котором Сталин произнес свой знаменитый тост о русском народе. Там было и много других интересных тостов — всего сорок один. В качестве тамады выступал Молотов. Когда дошла очередь до командующих фронтами, первый тост он предложил за Жукова, которого назвал «освободителем Варшавы», отметив его роль в обороне Москвы и Ленинграда. И под аплодисменты добавил: «Все помнят, что под руководством маршала Жукова наши войска вошли победителями в Берлин. За здоровье маршала Жукова!» Далее последовал тост Сталина: «Долой гитлеровский Берлин! Да здравствует Берлин жуковский!»

Наверное, Рокоссовскому было слышать эти здравицы немного обидно — ведь по справедливости ему во главе 1-го Белорусского фронта надо было бы освобождать Варшаву и брать Берлин. Вторым из командующих фронтами тоста удостоился Конев. Молотов отметил, что Конев «громил немцев на Украине», «освободил своими войсками чехословацкую столицу Прагу», подчеркнул, что «его войска вместе с войсками маршала Жукова брали Берлин».

Третий тост прозвучал за Рокоссовского. Молотов сказал: «Я поднимаю тост за маршала Рокоссовского, командующего 2-м Белорусским фронтом, которого мы знаем по битвам под Сталинградом, сделавшим исторический поворот в нашей войне, который освободил от немецких фашистов Данциг и взял город Штеттин — один из крупнейших городов Северной Германии».

А вот как звучал ставший знаменитым заключительный сталинский тост в стенограмме, а не в газетном отчете:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я, как представитель нашего Советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики „ура“.)

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты.)».

Вероятно, в эти минуты Рокоссовский ощущал себя русским, еще не зная, что вскоре ему придется вспомнить о своей польской национальности.

До Парада Победы произошли важные события в жизни Рокоссовского. 1 июня 1945 года Рокоссовскому «За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга и достигнутые в результате этих операций успехи» было присвоено звание дважды Героя Советского Союза. А 10 июня полевое управление 2-го Белорусского фронта было преобразовано в управление Северной группы войск, дислоцированной на территории Польши. Рокоссовский стал ее командующим и разместил свой штаб в Легнице.

Теперь у Рокоссовского было больше времени побыть с семьей. В свободное время маршал возился на грядках в огороде, видели его и на теннисном корте, и на волейбольной площадке. Еще он много и охотно ездил верхом, а вот водить машину так и не научился. И много читал по вечерам.

Рокоссовского узнал весь мир. Его портреты печатались в американских, британских, французских газетах. И у маршала появились неожиданные поклонницы. Одной из них была молодая англичанка Митци Прайс, жившая под Лондоном. В феврале 1945 года она написала Рокоссовскому письмо, в

котором призналась, что, судя по фото, он очень похож на ее погибшего на войне друга. После этого она регулярно поздравляла маршала с Рождеством, Пасхой, а также с Валентиновым днем. Митци собирала фотографии и материалы, посвященные Рокоссовскому, развешивая их в уголке своей гостиной. Константин Константинович сохранил присланные ею письма и фотографии, но ни на одно так и не ответил.

То, что Сталин назначил Рокоссовского командовать Парадом Победы, как бы ставило Константина Константиновича на второе место в советской военной иерархии после Жукова. Правда, тут надо учитывать одно обстоятельство. Третий командующий фронтом в Берлинской операции, маршал Конев, начинавший в царской армии артиллеристом, на лошади ездил плохо и командовать парадом никак не мог. Кстати сказать, после войны Жуков, Рокоссовский и Конев командовали тремя самыми мощными в Европе группами советских войск — в Германии, Польше и Австрии. А то, что тост 24 мая за Конева провозглашали вторым после Жукова, как будто даже указывало, что в военной иерархии он считался вторым. Но, во всяком случае, Рокоссовский, несомненно, оставался одним из самых заслуженных и пользующихся доверием Сталина маршалов.

Внук маршала Константин Вильевич со слов матери рассказывал:

«После войны дед стал главнокомандующим Северной группой войск и остался жить в польском городе Легнице. В Москву он приехал вместе с мамой незадолго до Парада Победы. Бабушка осталась в Польше — обустраиваться на новом месте. В день парада шел дождь. Дед не мог спрятаться под навес — он был с войсками, и когда приехал домой, с него невозможно было снять насквозь промокший парадный мундир. Маме пришлось взять ножницы и разрезать мундир по швам. А вечером пришли гости — военные друзья деда. Наша домработница все приготовила и ушла к себе в комнату. Дед пришел за ней и позвал за стол. Она до конца жизни вспоминала, как отмечала победу с генералами. Вообще дед всегда держался с каждым как равный с равным: с солдатами, с соседскими мальчишками, с шоферами».

25 июня Сталин давал в Кремле прием в честь участников Парада Победы. Здесь он произнес другой свой знаменитый тост — о людях-«винтиках»:

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают „винтиками“ великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо „винтик“ разладился — и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за „винтики“, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей».

Думаю, что Рокоссовский и другие полководцы, присутствовавшие на этом приеме, прекрасно поняли сталинский тост: они всего лишь винтики огромной государственной машины, которые при желании совсем нетрудно заменить. Рокоссовский еще прекрасно помнил это по 1937 году, когда незадолго до ареста ему и другим высокопоставленным командирам поручили подготовить себе сменщиков.

26 июня Рокоссовский последний раз в победном 1945 году был на приеме у Сталина. После этого в кремлевском кабинете вождя Константин Константинович появился только пять лет спустя, в 1950 году. Однако на самом деле маршалу и генералиссимусу доводилось встречаться и раньше, во второй половине 1940-х годов. Дело в том, что после войны Сталин чаще принимал посетителей и проводил совещания не в кремлевском кабинете, а на своей Ближней даче, где никакой регистрации посетителей не велось.

Так, почти наверняка Рокоссовский был на приеме у Сталина перед Высшим военным советом, который состоялся 1 июня 1946 года. Совет принял подготовленное Сталиным решение о снятии

маршала Жукова с поста главкома сухопутных войск и о его назначении командующим войсками Одесского военного округа. Жукова обвинили в зазанайстве и стремлении приписать себе все победы в Великой Отечественной войне.

О выступлении Рокоссовского на Высшем военном совете нам пока что известно только в изложении маршала Конева. Иван Степанович так говорил писателю Константину Симонову о выступлении Рокоссовского:

«Говорил витиевато. Мне почувствовалась в его словах обида на то, что в свое время Жуков сдвинул, заменил его на 1-м Белорусском фронте и ему пришлось перейти на второстепенный — 2-й Белорусский фронт. Хотя, конечно, с точки зрения масштабов командующих фронтами это, на мой взгляд, величины несоизмеримые, и сделано это было правильно». В собственных же мемуарах Конев утверждал, что Рокоссовский «очень дипломатично… отметил, что никак не разделяет обвинения в адрес Жукова в том, что он политически опасный человек, нечестный коммунист». Былой дружбы между Жуковым и Рокоссовским давно уже не было, чему способствовали и разница характеров, и нетерпимость Георгия Константиновича к любому, кто мог претендовать на его место «полководца номер один».

Обстановка в Польше, где располагалась Северная группа советских войск, была далеко не простой. Не все дружески относились к Красной армии и к попыткам «советизировать» страну. Сложности возникали и в связи с выселением немецкого населения с территорий рейха, отошедших к Польше, и с заселением новых польских земель выходцами из польских восточных воеводств, отошедших к Советскому Союзу. Об этом дает хорошее представление следующий документ.

15 декабря 1945 года советское консульство в Гданьске докладывало в Москву:

«К моменту прихода частей Красной Армии в Гданьск, в Гдыню и другие города воеводства поляков насчитывалось небольшое количество по сравнению с немецким населением.

Ввиду своей малочисленности поляки почти не пострадали от эксцессов, но в дальнейшем, по мере роста польского населения, увеличилось и число случаев, когда жертвами эксцессов со стороны отдельных разложившихся солдат и офицеров становились также поляки. Хотя мародеры и несут заслуженное наказание, тем не менее поляки продолжают считать ответственными за действия этих одиночек — Красную Армию.

За период с июля по декабрь месяц органами „Смерш“ зарегистрировано эксцессов 222. Из этого количества половина случаев — мародерство.

За последнее время имели место такие случаи:

1) Офицер Соловьев отобрал у поляка лошадь. 2) В Гданьском порту в ресторане английский моряк пригласил наших бойцов выпить. Когда дело дошло до поцелуев, один из солдат ухитрился вынуть из внутреннего кармана англичанина записную книжку. Поляки, наблюдавшие эту картину, сообщили англичанину. Тот был возмущен, обозвал солдат всякими непристойными словами, а затем открыл по ним стрельбу. 3) В Гдыне на вокзале произошел возмутительный случай. Один солдат украл чемодан у польки. Женщина подняла шум и потребовала чемодан обратно. На скандал собралось поляков более 100 человек. В результате чемодан был отобран, а солдата избили. 4) В Гданьском порту 4 матроса в пьяном виде ворвались на норвежский пароход и молотками разбили 2 иллюминатора, отбили краску с борта, обругали норвежцев и ушли. 5) В конце ноября Бургомистр г. Прауст возвращался домой. Три бойца, которых он догнал, попросили подвезти их. Бургомистр освободил коляску и приказал кучеру отвезти. По пути бойцы убили кучера, взяли кое-какие вещи, труп закопали. Убийца только сейчас обнаружен.

Такие случаи доходят до широких масс населения, иногда тот или другой случай преподносится ему в извращенном виде. Не нужно также забывать и о том, что иногда мародерство и хулиганство польских солдат приписывают нашим бойцам. Таким образом, на один день падает несколько эксцессов.

Наряду с тем, что на митингах, в правительственных и партийных кругах всячески подчеркивается роль СССР в освобождении Польши и значение польско-советской дружбы, существует недовольство некоторой части населения фактом пребывания частей Красной Армии на польской территории. Причинами такого положения являются:

1. Отсутствие решительной борьбы с подобными явлениями. Наоборот, часть офицерского состава склонна скрывать от Командования случаи мародерства и хулиганства со стороны своих подчиненных.

2. Наличие большого количества команд, которые находятся в подсобных хозяйствах воинских частей. Эти команды, состоящие только из рядового состава, предоставлены самим себе. Эти команды творят массу безобразий.

3. Через воеводство следует большое количество демобилизованных и отпускников, часто в одиночку. По пути следования устраивают эксцессы.

4. Дезертиры, гастролирующие по фиктивным командировочным удостоверениям.

Можно услышать заявления, что настоящая польско-советская дружба станет возможной лишь тогда, когда Красная Армия оставит Польшу. Эта часть населения к солдатам и офицерам относится недружелюбно.

Другим фактом для разжигания недовольства поляков к Советскому Союзу и Красной Армии является вывоз промышленного и портового оборудования. Особенно поляки недовольны вывозом части оборудования данцигских судостроительных верфей. Они заявляют, что целью их борьбы за Данциг являлась верфь „Шихау“ с ее эллингами и мощными кранами. Сразу же после вступления наших войск в Данциг поляки повесили свой флаг на самом мощном, 250-тонном кране верфи „Шихау“. Через некоторое время наши моряки из автоматов отстрелили всю белую часть флага, оставив только красную часть, т. е. превратив польский флаг в советский. Это вызвало сильное раздражение среди поляков».

Новые польские власти не пользовались авторитетом у населения и творили еще больше эксцессов, чем советские солдаты. В том же докладе сообщалось:

«По заявлению самих поляков, большинство членов правительства неизвестно широким слоям населения. Они не знают по прошлой деятельности Берута, Осубку-Моравского, Гомулку и др. Но зато им хорошо известен Миколайчик. Сторонники Миколайчика делают все, чтобы выставить Миколайчика в самом лучшем свете. Все правительственные реформы, доказывают они, приняты благодаря Миколайчику. Благодаря ему же мир признал польское правительство. <…>

…Часть чиновников, дорвавшись до власти, хотела бы как можно быстрее разбогатеть. Эта часть без стеснения берет взятки. Бывший Президент города Гданьск за 3 дня набрал 24 тысячи злотых взяток. Взяточничество имеет большое распространение в милиции и жилищном отделе. Милиция вместо охраны спокойствия и порядка сама занимается грабежом. Все это вместе взятое вызывает сильное недовольство населения. Население считает ответственным правительство за все пороки государственного аппарата».

Бесчинства новых властей и советских солдат толкали поляков в ряды противников коммунистов. В докладе консульства в Гданьске отмечалось: «В районах Гданьска и Гдыни концентрируется большое количество реакционных и антисоветских элементов (АКовцы и члены групп НСЗ). Концентрация реакционных сил в этих районах объясняется тем, что Гдыня и Гданьск имеют постоянные и широкие связи с другими странами и в первую очередь с Англией, где в настоящее время находится большое количество реакционных польских элементов. По имеющимся у нас сведениям, в Гдыне организован „Связной центр“, в задачу которого входит осуществление связи с бывшим эмигрантским правительством. От него они получают директивы, листовки и воззвания.

В середине сентября в Гдыне распространялась листовка антисоветского и антиправительственного содержания, с гнусной клеветой на Красную Армию и польское правительство. Листовка призывала

к убийству советских бойцов и офицеров и к взрыву памятников — бойцам Красной Армии. В листовке указывался случай взрыва памятника в Ченстохове и расценивался реакцией как пример „патриотизма“.

Несмотря на концентрацию АКовских групп в районе портов, особой активности с их стороны не заметно. Это, видимо, объясняется стремлением руководства подпольным движением сохранить силы от разгрома и подготовка этих сил для оказания помощи в случае высадки английского десанта в районах этих портов. Как ни странно, но АКовцы до сих пор живут надеждой на помощь извне, на английский десант.

Часть членов подпольных групп легализовались (по амнистии) и сейчас работают в государственных организациях, в армии и милиции. Выход их из подполья, видимо, не означал отказа от антиправительственной деятельности. Факты говорят о том, что они проводят большую антигосударственную деятельность и это им вполне удается. Так, например, отдел снабжения и финансовый отдел систематически задерживали выдачу продовольствия и зарплаты рабочим. Возмущенные рабочие решили объявить забастовку. Забастовка была намечена на 9 сентября. Она должна была охватить все предприятия Гданьска, Сопота и Гдыни. Враждебные элементы проводили работу обдуманно. Одна часть, работающая в учреждениях, своими действиями вызывала недовольство рабочих и населения, другая часть, играя на затруднениях, готовила забастовку. День 9 сентября был выбран потому, что в этот день должна была состояться торжественная передача военно-морских судов польскому правительству. Только вмешательство органов безопасности предотвратило забастовку. При проверке оказалось, что продовольствия было вполне достаточно для отоваривания карточек. Деньги для выплаты зарплаты рабочим были своевременно получены из Варшавы. <…>

…В армии и милиции служит большое количество лиц с темным прошлым (АКовцы и члены НСЗ). Эти элементы, имея оружие, часто используют его против наших бойцов и офицеров. Были факты, когда в Гданьске и Слупеке их жертвами становились наши бойцы и офицеры. Воеводское управление милиции, вместо того чтобы очиститься от всех подозрительных элементов, старается брать их под свою защиту.

Отдельные милиционеры занимаются также грабежом польских крестьян. Грабители часто выдают себя за советских бойцов.

В результате массовых грабежей крестьянства последние идут в группы АК и НСЗ. Надо полагать, что темные элементы, работающие на государственной службе, имеют задачу компрометировать органы власти, тем самым облегчая работу подпольным группам в деле вербовки крестьян в свои отряды. На днях была ликвидирована одна группа НСЗ в районе Тчева (Диршау), большинство членов которой были крестьяне, завербованные туда несколько месяцев тому назад».

Об эксцессах со стороны поляков по отношению к изгоняемому немецкому населению писал в своей книге уже знакомый нам С. Вогулов:

«В июле 1945 года в связи с одним служебным заданием я должен был объехать территорию Германии, отошедшую Польше. Вся эта территория была словно вымершей. Кругом пустынные села и города. Абсолютно никакой жизни. Поляки с исключительной жестокостью и поспешностью выгнали все немецкое население из родных и обжитых мест, причем немцы предупреждались, чтобы через двадцать минут они были готовы к уходу из своего дома и забирали с собой только то, что могут унести на себе. Ни коров, ни лошадей у уходящих немцев не было. Уложив на ручную тележку все, что можно было взять лучшего, немцы шли на западный берег Одера. Ни денег, ни хлеба. На границе все вещи снова проверялись и проверявшие забирали часы и другие драгоценности, случайно уцелевшие. Эти нахалы не гнушались взять мало-мальски сносный костюм, платье или обувь. С этим немецким населением поляки сделали то, что Гитлер сделал с евреями. Разница была только лишь в том, что поляки не расстреливали немцев, а просто зверски выгнали их и тем самым обрекли их на голодную смерть».

Впрочем, были и прямые убийства поляками изгоняемых немцев. Примеров этого можно немало найти хотя бы в книге американского историка Нормана Неймарка «Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века». Там, в частности, автор рисует яркую и трагическую картину страданий немцев, которые подверглись депортации с отошедших к Польше земель и из чешских Судет в 1945–1946 годах. Подробности этих депортаций до сих пор мало известны как российской, так и западной общественности. Как подчеркивает Неймарк, «воспользовавшись условиями войны и послевоенного перехода к миру как прикрытием, чехи и поляки поспешили свести старые счеты и изгнать немцев из своих стран».

Неймарк пишет: «Вдоль всей новой границы по Одеру и Нейсе были расставлены полицейские подразделения, в чьи обязанности входило обеспечение миграции немцев только в одном направлении — на запад, в советскую оккупационную зону Германии. „Что касается тех немцев, которые еще не уехали, — писал Гомулка, — для них нужно создать такие условия, чтобы они сами не захотели остаться". В деле изгнания немцев польский коммунист Владислав Гомулка был вполне солидарен с антикоммунистом Станиславом Миколайчиком».

В данном случае Гомулка просто повторил слова Сталина, когда на Потсдамской конференции генералиссимус заявил западным союзникам, что поляки не изгоняют немцев, а просто создают им невыносимые условия для жизни. Разумеется, большую роль здесь играла месть за то, что полякам пришлось перенести в годы немецкой оккупации. В свою очередь, Сталину важно было направить ненависть поляков прежде всего против немцев, а не против Советского Союза, аннексировавшего восточные польские земли и силой насаждавшего в Польше коммунистический режим.

Рокоссовский в то время был в Польше. Маршал не мог не знать о проводившихся широкомасштабных «этнических чистках» немецкого населения. Неизвестно, как он к этому относился. Считал это «законным проявлением» мести? Или в душе осуждал, считал подобную политику бесчеловечной, но ничего не мог сделать? Боюсь, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос.

Довольно скоро польские коммунисты при поддержке советских войск и органов безопасности смогли взять ситуацию под контроль. Популярность Миколайчика и его Крестьянской партии была нейтрализована. На первых послевоенных выборах в январе 1947 года, на которых наблюдались массовые фальсификации, коммунисты и их союзники получили более 80 процентов голосов. В стране была установлена однопартийная диктатура Польской объединенной рабочей партии. Антикоммунистическое подполье было подавлено, причем против крупных отрядов антикоммунистических партизан, скрывавшихся в лесах, использовались советские войска. Постепенно прекратились нападения на советских солдат. И в Северной группе войск Рокоссовскому суровыми мерами удалось укрепить дисциплину и свести к минимуму эксцессы против местного населения.

Четыре с лишним года пробыл маршал во главе Северной группы войск. А затем его судьба сделала новый крутой поворот. Генерал армии П. И. Батов писал в своей биографии Рокоссовского:

«Союзнические отношения с западными странами очень скоро сменились „холодной войной". Маршал Рокоссовский попал в самый ее водоворот. В 1945 г. он возглавил Северную группу советских войск, дислоцировавшуюся на территории Польши. Так продолжалось до октября 1949 г., когда его вызвал к себе Сталин.

— Обстановка такова, — сказал он, — что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтобы вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело — вернетесь на свое место.

Вождь оказался отличным психологом. Хотя Рокоссовского обуревали смешанные чувства, он ответил: „Я солдат и коммунист! Я готов поехать"».

И 6 ноября 1949 года на совместном заседании Государственного совета и Совета министров президент Польши Болеслав Берут сделал следующее заявление:

«Принимая во внимание, что маршал Рокоссовский является поляком по национальности и пользуется популярностью в польском народе, мы обратились к советскому правительству с просьбой, если это возможно, направить маршала Рокоссовского в распоряжение польского правительства, для прохождения службы в рядах Войска польского. Советское правительство, учитывая дружественные отношения, которые связывают СССР и Польшу… выразило согласие удовлетворить просьбу…»

Все было обставлено так, будто Рокоссовский был приглашен на пост министра национальной обороны Польши по инициативе поляков. Польские биографы Рокоссовского Тадеуш Конецки и Иренеуш Рушкевич в книге «Маршал двух народов», вышедшей еще в коммунистической Польше, в полном соответствии с официальной версией утверждали:

«В октябре 1949 года после короткого пребывания в санатории Лёндек-Здруй, где находилась на лечении его сестра, Рокоссовский выехал в Москву, намереваясь провести там остальную часть отпуска. Однако долго отдыхать не пришлось. Через несколько дней он был неожиданно вызван к Сталину. Этот вызов удивил его. Когда Константин Константинович уезжал из Польши, в Северной группе войск, которой он командовал, все было в порядке. Успешно складывались также отношения и сотрудничество с польскими властями…

Сталин сообщил маршалу, что польское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой направить его для прохождения службы в Войске Польском на посту министра национальной обороны.

„Я солдат и коммунист! — ответил, как свидетельствует Батов, удивленный Рокоссовский… — Я готов поехать“.

Только это известно нам о беседе маршала Рокоссовского со Сталиным. Никто, даже генерал Батов, пользовавшийся особым расположением маршала, ни в одной из своих работ, посвященных жизни и деятельности Константина Константиновича, не пишет больше ничего на эту тему. Неизвестно, что чувствовал и переживал маршал в тот момент…»

На самом деле Батов ясно дает понять, что инициатива назначения Рокоссовского министром национальной обороны Польши исходила от Сталина, который опасался потерять Польшу. И на этот счет есть еще одно авторитетное свидетельство.

Поэт Феликс Чуев, основываясь на своих беседах с главным маршалом авиации А. Е. Головановым, утверждал со слов Александра Евгеньевича:

«Много кривотолков ходит о назначении Рокоссовского в Польшу после войны. Некоторые историки считают, что Сталин решил избавиться от таких народных героев, как Жуков и Рокоссовский, потому, что вроде бы видел в них конкурентов себе. Одного назначил командующим округом, а другого отправил в Польшу. Эта версия явно не соответствует действительности.

После войны Рокоссовский был главнокомандующим Северной группой войск. В 1949 году его вызвали в Москву. Сталин пригласил на дачу.

Рокоссовский приехал на „Ближнюю“, прошел на веранду — никого. Сел в недоумении, ожидая. Из сада появился Сталин с букетом белых роз, и видно было, что он их не резал, а ломал: руки были в царапинах.

— Константин Константинович, — обратился Сталин, — ваши заслуги перед Отечеством оценить невозможно. Вы награждены всеми нашими наградами, но примите от меня лично этот скромный букет!

…Мне этот эпизод напомнил встречу императора с генералом Ермоловым, у которого царь спросил:

— Чем тебя еще наградить, мужественный старик?

— Присвойте мне звание немца, — ответил Ермолов.

Рокоссовский ничего подобного не пожелал, но ему было присвоено звание поляка.

— Константин Константиновичу меня к вам большая личная просьба, — сказал Сталин. — Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию Народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем Председателя Совета Министров, членом Политбюро и Маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтобы вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело — вернетесь на свое место.

Сам Рокоссовский говорил, что его не очень-то прельщала такая перспектива, тем более что польский язык он почти не знал, но просьба Сталина — не простая просьба… Пришлось ехать».

Разумеется, у любого, кто знаком с особенностями принятия решений Сталиным, и так не было сомнений, что именно Иосиф Виссарионович предложил польским товарищам пригласить Рокоссовского на пост министра национальной обороны. И это было такое предложение, от которого Берут и компания не могли отказаться. Естественно, формально все это было обставлено как нижайшая просьба польских товарищей, на которую Сталин не мог не откликнуться, проявляя истинную солидарность и интернационализм. Но польские коммунисты прекрасно понимали, что Рокоссовским им командовать не дадут, что Константин Константинович будет делать только то, что прикажут из Москвы. А заодно у Сталина появятся лишние глаза и уши в польском политбюро.

Несомненно, Берут и его соратники знали, что назначение Рокоссовского вызвано недавними событиями в Югославии, которая в 1948 году после ссоры Сталина и Тито отпала от советского блока. Иосиф Виссарионович считал главной причиной того, что Тито удалось уйти от навязчивой советской опеки, то обстоятельство, что югославская армия контролировалась Тито. Сталин больше всего подозревал в национал-коммунизме титовского образца Владислава Гомулку, который после войны был генеральным секретарем ЦК ПОРП. В 1948 году он был смещен со своего поста, а позднее даже посажен под домашний арест. Однако Сталин не доверял до конца ни одному из польских коммунистических лидеров, даже Болеславу Беруту, не исключая, что при определенных обстоятельствах и он может последовать примеру Тито.

Вот Рокоссовский и должен был исключить возможность развития событий в Польше по югославскому образцу, обеспечив с помощью советских офицеров надежный контроль над Войском польским.

Теперь Константин Константинович оказался в Польше примерно в том же положении, в каком пребывал в 1815–1830 годах его тезка — великий князь Константин Павлович. Являясь главнокомандующим польской армией, он фактически определял всю русскую политику в Польше, хотя формально в Варшаве имелся еще и императорский наместник. При Сталине роль советского наместника выполнял Берут, но Рокоссовский ему не подчинялся. Более того, было понятно, что в случае возникновения военного конфликта со странами НАТО Рокоссовскому будут подчинены не только Войско польское, но и Северная группа войск, которая, кстати сказать, по численности и вооружению превосходила польскую армию. Вероятно, создание НАТО в апреле и образование двух германских государств в сентябре — октябре 1949 года также послужили одним из побудительных мотивов назначения Рокоссовского главнокомандующим польской армии.

Кроме контроля над Войском польским Рокоссовский также обеспечивал Сталину дополнительный канал информации о положении в польской партийно-государственной верхушке. Это Константин Константинович освещал как в совершенно секретных донесениях, так и при личных встречах со Сталиным. После назначения министром национальной обороны Польши Рокоссовский был на приеме у Сталина в Кремле трижды — 16 и 17 марта 1950 года и 5 сентября 1952 года. Но встреч с генералиссимусом наверняка было больше, поскольку можно быть уверенным, что маршал навещал Сталина и на Ближней даче, где Сталин в свое время и объявил о его назначении в Польшу.

Уже упоминавшийся В. В. Рачинский, родившийся в Польше и только в 1925 году приехавший к родителям в СССР, после 1945 года получил возможность вернуться на родину, но так ей и не воспользовался. Владимир Вацлавович вспоминал:

«Передо мной часто всплывал образ К. К. Рокоссовского. По просьбе польского правительства он вернулся в Польшу. Занимал высокий мост министра обороны ПНР. Он тоже знал хорошо польский язык. Любил свою родину. Был польским патриотом. Но, как можно понять его историю, здесь, в России, он среди русских был поляком, а там, в Польше, среди поляков он был русским, советским. Может, некоторым это и трудно понять, понять эту двойственность положения. Такая двойственность возникает у людей, потерявших при тех или иных условиях свою родину. В сущности, это тяжелая психологическая драма многих миллионов различных эмигрантов. Разные обстоятельства разбрасывают людей. Сколько поляков, как и людей многих других национальностей, вынуждены были по разным причинам покинуть родину! А сколько русских живут вдали от своей родины! Все, все они тоскуют по своей отчизне. Не все могут вернуться на свою родную землю, землю своих предков».

В своем первом приказе по Войску польскому от 7 ноября 1949 года Рокоссовский, только что произведенный в маршалы Польши, писал: «Мне выпало на долю в течение многих лет служить делу трудящегося народа в рядах героической Советской Армии. Волею военной судьбы я был командующим тем фронтом, в составе которого героически сражались на славном пути от Ленино через Варшаву, Гданьск, Гдыню, Колобжег, Поморский Вал, вплоть до Берлина солдаты вновь возникшего Войска Польского, солдаты 1-й дивизии, а поздней и 1-й армии… Во исполнение обязанностей, возложенных на меня Страной и Президентом, во исполнение обязанностей перед польскими трудящимися и польским народом, среди которого я вырос и с которым всегда чувствовал себя связанным всем своим сердцем, а также перед братским советским народом, который воспитал меня как солдата и полководца, я принимаю доверенный мне пост, чтобы все свои силы посвятить дальнейшему развитию и укреплению нашего Войска Польского и обороны Речи Посполитой…»

В. И. Кардашов писал в своей биографии маршала:

«С ноября 1949 года Рокоссовский занимает пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета Министров ПНР. Всю свою энергию он обращает на преобразование Войска Польского, на создание современной армии. В ходе демобилизации польской армии в первые послевоенные годы ее численность сократилась с 400 до 200 тысяч. В 1949–1955 годах произошло некоторое ее увеличение — до 280 тысяч человек. Но главные изменения происходили в Войске Польском в связи с его перевооружением и реорганизацией. В эти годы в стране была создана военная промышленность, построены новые предприятия по выпуску артиллерийской, танковой, авиационной и другой техники, не существовавшие ранее или же слабо развитые. Это позволило вооружить польских солдат новой военной техникой. Сила огня польской пехотной дивизии возросла многократно по сравнению с силой огня предвоенной дивизии. Войско Польское располагало теперь танковыми и моторизованными соединениями, способными к быстрому маневру и хорошо обученными для ведения военных действий в новых условиях — в условиях ядерной войны».

Следует отметить, что советские офицеры в Войске польском имелись в значительном количестве еще до назначения Рокоссовского министром национальной обороны. Так, при подготовке так и не состоявшегося судебного процесса по делу бывшего министра национальной обороны, близкого к Гомулке генерала Мариана Спыхальского, тезис о его «враждебности» к советским офицерам и о стремлении к их вытеснению из польской армии был одним из главных пунктов обвинения. Однако до назначения Рокоссовского присутствие советских офицеров в польской армии и динамика изменения их численности были следствием конкретных советско-польских договоренностей. До 1949 года число советских офицеров и генералов в Войске польском неуклонно сокращалось. Так, в беседе с И. В. Сталиным 24 мая 1946 года маршал Михал Роля-Жимерский информировал, что из Войска польского уже откомандированы 11 400 советских офицеров и что численность оставшихся (4600 человек) польское правительство хотело бы сократить до 1500 человек, главным образом поляков по национальности. Советское руководство не сопротивлялось этим намерениям польской

стороны. В 1946–1948 годах численность советских генералов в Войске польском сократилась с 44 до 21. Сталина особенно тревожило, что должности, остававшиеся вакантными после отъезда советских офицеров, замещались вернувшимися в страну кадровыми польскими офицерами, ранее воевавшими в армии Андерса вместе с западными союзниками.

При Рокоссовском в 1949–1952 годах доля советских офицеров в польском офицерском корпусе уменьшилась с 6 до 2 процентов. Это произошло прежде всего за счет увеличения численности офицерского корпуса Войска польского. При этом советские генералы занимали все ключевые посты в руководстве польской армии. Всего в Войске польском в разное время служили более 50 советских генералов и более 12 тысяч советских офицеров.

10 мая 1950 года Рокоссовского избрали в политбюро ПОРП, а осенью 1952 года он стал еще и вице-премьером польского правительства.

Маршал А. Е. Голованов говорил Ф. Чуеву, будто впоследствии Рокоссовский рассказывал родным и друзьям, как поляки сразу по приезде дали ему красавицу секретаршу, которая утром пришла в кабинет с бумагами: «А там все по-польски написано, и я пытаюсь говорить по-польски — беру русский корень слова и приделываю к нему шипяшее окончание: „Разобрамшись, докладайте!“ — дескать, разберись, а потом докладывай». Секретарша почему-то покраснела и спросила, хорошо ли пан Рокоссовский знает «польску мову». Оказалось, что маршал сказал ей: «Раздевайтесь и ложитесь!» На самом деле это — типичный лингвистический анекдот, построенный на различном значении одних и тех же слов в русском и польском языках. Молва просто связала его с именем Рокоссовского. Хотя польский язык Константин Константинович к тому времени действительно знал плохо, но только по причине многолетнего отсутствия практики. Приехав в Польшу, он сразу попросил своего адъютанта найти ему хрестоматию польской литературы, по которой школьники изучали родной язык. И очень скоро маршал восстановил навыки польского языка, который для него был родным, и стал вполне свободно говорить по-польски. Причем современники отмечали, что говор у него был тот, который был характерен для Варшавы начала XX века, времен его детства.

Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский вспоминал:

«В Варшаве ему выделили половину небольшого особняка, он жил там с бабушкой — мама поступила в институт и уехала учиться в Москву. Там она вышла замуж, родился я. К польскому периоду относятся мои первые воспоминания о деде. В 1956 году мы с родителями приехали к нему погостить и жили на даче под Варшавой. Мы ездили за грибами в открытом экипаже, гуляли. Я привлекал к себе всеобщее внимание — офицеры трепали меня по голове, шутили, что перед ними будущий маршал».

Бывший президент Польши генерал Войцех Ярузельский в 2005 году в интервью русской версии журнала «Ньюсуик», в ответ на приведенный корреспондентом анекдот о том, как Сталин говорит Рокоссовскому: «Мне проще одного тебя переодеть в польский мундир, чем все Войско Польское переодевать в советские», заметил: «Назначение Рокоссовского — трудная проблема. Его польское происхождение было широко известно; я, например, знал его сестру — она вообще всю жизнь прожила в Варшаве. Но он стал министром с должности командующего советской группой войск в Польше и на многие посты назначал советских генералов, которые не знали ни нашего языка, ни страны. Уже начиналась холодная война, и Польшу сделали частью противостояния между Востоком и Западом. Войско Польское при Рокоссовском, конечно, усилилось, но и очень увеличилось, и большая армия стоила стране колоссальных средств». И в том же интервью Ярузельский в ответ на вопрос, что ему было известно о расстреле польских офицеров в Катыни, утверждал: «Я был в советском военном училище, когда напечатали заявление ТАСС: мол, распространена немецкая провокация — фашисты утверждают, что советские органы расстреляли поляков, но это ложь, это сделали сами немцы. И была комиссия академика Бурденко, она подтвердила: да, расстреляли немцы. И от всех польских частей были собраны представители, их возили в Катынь, и они нам с полным убеждением рассказывали: да, наших расстреляли немцы».

Первые сомнения, по словам Ярузельского, возникли у него еще тогда, когда советский обвинитель Р. А. Руденко на Нюрнбергском процессе «поднял тему Катыни, а потом, когда потребовались

доказательства, он этот вопрос снял. А после на Западе много писали о советском расстреле в Катыни, и в Польше это было известно. Я обращался за объяснениями по поводу Катыни к маршалу Гречко, но всегда получал один ответ: это империалистическая пропаганда. Ну что было делать в тех условиях? Единственное, что я сумел добиться — с 1970-х годов нам позволили возлагать в Катыни венки. И только Горбачев передал мне документы о расстреле».

Думаю, здесь генерал немного покривил душой. Опубликованные на Западе документы и материалы, в том числе показания вернувшихся из плена польских офицеров, не оставляли сомнений в советской вине уже к концу 1940-х годов. Но генералу Ярузельскому стыдно было признаться себе и миру в том, что он, не сомневаясь, что за катынское преступление ответствен Советский Союз, верой и правдой служил установленному СССР в Польше коммунистическому режиму.

Рокоссовский никогда и ни с кем не говорил о Катыни. И не только потому, что в СССР на катынское дело было наложено табу. Боюсь, что Константин Константинович делал все, чтобы убедить себя в том, что польские офицеры были классовыми врагами, мешавшими будущей советизации Польши, и поэтому их надо было уничтожить. Во всяком случае, маршал Польши искренне рыдал над гробом Сталина. А ведь он, сам два с половиной года проведший в «Крестах», достигший вершин военной карьеры, должен был хорошо знать, что решения такого уровня, как расстрел 22 тысяч польских военных и гражданских пленных, не могли быть осуществлены без ведома и санкции вождя.

Советский Союз давал Польше большие кредиты для развития тяжелой промышленности, имевшей прежде всего военное значение (в том числе и для советского атомного проекта). Как пишет польский историк Анджей Скшипек, «увеличения военных обязательств Польши Кремль достиг, создав систему персональной зависимости Войска Польского от Советской Армии путем назначения маршала К. К. Рокоссовского главнокомандующим *in spe.* Так как Рокоссовского окружали многочисленные советские офицеры, можно говорить о советизации / русификации армии. Армии, впрочем, прекрасно оснащенной и обученной, небывалой по своим размерам — насчитывающей 400 тыс. военнослужащих. Содержание такой большой армии в мирное время не могло не повлиять на уровень жизни населения. Эта огромная армия была следствием реализации военной доктрины массового использования наземных войск, наилучшим образом оснащенных танками, артиллерийскими орудиями и другим оружием этого типа».

Численность польской армии, по сравнению с довоенными временами, возросла почти вдвое, и руководили ею советские офицеры и генералы во главе с Рокоссовским. Константин Константинович немало сделал для увеличения численности Войска польского и оснащения его более современным вооружением и боевой техникой. Однако это вызывало далеко не однозначную реакцию в польском обществе. Милитаризация страны тяжким бременем ложилась на польский народ, еще не оправившийся от последствий войны. Кроме того, большинство поляков были убеждены, что советские офицеры готовят Войско польское для того, чтобы воевать прежде всего за советские, а не за собственно польские интересы. Среди поляков не было враждебности против вчерашних союзников — Англии и США, и воевать с ними поляки не хотели. Наоборот, многие связывали возможность освобождения Польши от советского господства с мифическим британским или американским десантом (те же настроения были распространены и в Прибалтике).

Польша все в большей мере попадала под контроль спецслужб, создаваемых при активном советском участии. Как пишут российские историки А. Ф. Носкова и Г. П. Мурашко, «развитие ситуации внутри правящей элиты в нужном советскому руководству направлении было одной из главных задач советников МГБ СССР в каждой из стран их пребывания. Донесения советника С. П. Давыдова и его заместителя Климашева из Варшавы на рубеже 1949–1950 гг. о ходе „оттеснения“ летом — осенью 1949 г. Роля-Жимерского с поста министра национальной обороны Польши и подготовка этого места для маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского подтверждают это со всей очевидностью».

В 1950 году штатных сотрудников и агентов Министерства общественной безопасности насчитывалось 410 тысяч человек. Таким образом, один сотрудник или агент приходился на 64 поляка, а если брать только население старше 15 лет, то на 46. В Войске польском функции

политической полиции и военной контрразведки выполняла Войсковая информация, во главе которой стоял полковник МГБ Дмитрий Петрович Вознесенский. В конце 1952 года она располагала более чем 24 тысячами секретных агентов, так что на 15 солдат приходился один агент. В 1944–1956 годах органы Войсковой информации арестовали по политическим мотивам 16 932 военнослужащих. С 1 января 1948-го по 1 октября 1952 года число политических узников в Польше возросло с 26,4 до 49,5 тысячи человек. До 1955 года было вынесено около пяти тысяч смертных приговоров (из них половину привели в исполнение). В 1945–1956 годах в тюрьмах умерло более 20 тысяч заключенных — как уголовных, так и политических. В 1944–1956 годах в Польше подверглись аресту около тысячи католических священников — каждый десятый. В 1953 году был интернирован примас-кардинал Стефан Вышинский и появился декрет о назначении на духовные церковные области лишь с одобрения государства.

С Д. П. Вознесенским у Рокоссовского не раз бывали столкновения. Однажды Константин Константинович во время беседы схватил полковника за руку, на которой были часы, дернул ее вверх, так что стало видно, что от часов идут провода, и в таком виде вывел Вознесенского в приемную. Не осталось сомнений, что глава Войсковой информации записывал все беседы с Рокоссовским, чтобы затем докладывать о них в Москву. Рокоссовский, в частности, настоял, чтобы контрразведка не производила аресты офицеров, не получив его санкции как министра обороны.

Правнучка маршала А. К. Рокоссовская полагает:

«Поляки вообще взвалили на Рокоссовского вину чуть ли не за все трагические события в период его работы министром обороны Польши. Мне приходилось слышать, что он несет ответственность за аресты польских офицеров. Я готова с этим согласиться, если мне предъявят хотя бы один приказ об аресте, подписанный Рокоссовским. Но таких документов нет. Потому что он был министром обороны, в его обязанности входило формирование польской армии, повышение боеспособности, обеспечение современным вооружением. А чистки в армии — это, надо думать, входило в обязанности военного прокурора. Рокоссовский не был политиком и мало что понимал в этом. И все же он не оставался равнодушен. Делал все, что было в его силах.

Вот пример. По словам польского заместителя Рокоссовского Франтишка Цимбаревича, маршал подписал приказ, согласно которому спецслужбы не имели права арестовывать офицера без письменного согласия его командира. Один раз за таким согласием пришли и к Цимбаревичу. Тот отказался подписывать приказ об аресте своего подчиненного. Пошел к Рокоссовскому. И маршал его поддержал. Сказал: „Если ты уверен в этом человеке и уверен в том, что он ни в чем не виноват, то ты поступил абсолютно правильно. Я на своем опыте убедился, как дорого обходится ни в чем не повинному человеку такая ошибка“».

Стоит заметить, что Ада Константиновна сама себе противоречит. Раз был издан приказ о том, что аресты офицеров должны согласовываться с вышестоящими командирами, значит, какие-то из них, когда речь шла о лицах в высоких чинах, должны были согласовываться и с министром обороны. К тому же Рокоссовский был членом политбюро ПОРП и заместителем главы правительства, а решения о проведении репрессий и чисток принимались на политбюро. Хотя, подчеркну, часто его заседания проходили без участия Рокоссовского.

Реакция на назначение Рокоссовского была далеко не однозначной и скорее негативной также и среди польской партийной верхушки. В большей мере к Рокоссовскому тяготели Якуб Берман, Хиларий Минц и другие члены так называемой «просоветской» группировки — ярые оппоненты Владислава Гомулки. Они стремились сделать имя Рокоссовского популярным в Польше.

20 января 1950 года советский посол в Польше В. З. Лебедев в записи беседы с членом политбюро ЦК ПОРП Якубом Берманом отметил:

«Берман сказал, что в связи с назначением Рокоссовского к нему поступает некоторое количество писем польских граждан, в которых содержатся просьбы о благожелательном рассмотрении вопросов о репатриации их родственников, некоторые из которых находятся под арестом, из СССР в

Польшу. Берман сказал, что в интересах популяризации Рокоссовского вполне было бы желательно рассмотреть подобные просьбы и те, которые возможно, удовлетворить.

Я ответив Берману, что такой вопрос можно поставить перед советскими органами, по-моему мнению, при том условии, если польские органы госбезопасности предварительно изучат социальное положение и политические устремления самих просителей. Это относится не только к заявлениям, поданным на имя Рокоссовского, но и вообще к тем просьбам, которые поступают в посольство по вопросам освобождения польских граждан, находящихся в заключении в СССР, или по вопросам репатриации польских граждан из СССР, не успевших воспользоваться правом на репатриацию в свое время.

Берман обещал, что он организует через органы безопасности проверку целесообразности поддержания ходатайств польских граждан, обращающихся с просьбами о пересмотре дел их родственников, находящихся в заключении в СССР».

Но очень скоро группа Бермана стала опасаться, что Рокоссовский может получить слишком большую власть, и начала ставить ему палки в колеса. Уже в феврале 1950 года посол СССР в Варшаве В. З. Лебедев сообщал в Москву в письме на имя И. В. Сталина о противодействии планам Рокоссовского относительно армии со стороны «руководящей партийной четверки (Берута, Минца, Бермана, Замбровского)». Они затягивали утверждение сметы министерства обороны и увеличение окладов офицерскому составу Войска польского. В письме Лебедева подчеркивалось:

«Смета была подготовлена в основном еще до Рокоссовского и согласована с Минцем, а вопрос об окладах Рокоссовский поставил из-за крайне плохого материального положения офицеров, которое он увидел. Берут на этом заседании (военной комиссии политбюро. — *Б. С.)* в повышенном тоне возражал против увеличения расходов на армию. Во время его речи было видно, что он недоволен не только сметой, но и чем-то еще и что он отражал недовольство и других трех членов руководящего ядра партии (Минца, Бермана и Замбровского), которые отмалчивались, ограничиваясь отдельными замечаниями. Рокоссовский понял, что ему устроили „баню“ не из-за соображений экономии средств, а по другим мотивам. После заседания он остался у Берута один на один. Берут постепенно перешел на дружеский тон и затем сказал: „Нам (т. е. ему, Минцу и др.) показалось, что Вы хотите забрать в свои руки слишком много власти“.

Рокоссовский считает, что в руководстве партии есть тесно спевшаяся группа в составе Минца, Бермана и Замбровского, которая фактически решает все дела и которая руководит Берутом. Но Берут не видит опасности такого положения. Именно эта группа, а не Берут, вдруг испугалась, что Рокоссовский возьмет слишком много власти в свои руки, и именно она решила „осадить“ Рокоссовского, сделав это руками Берута на упомянутом заседании комиссии. Рокоссовский считает, что эта группа никого не пропускает в состав руководства партии, к Беруту, хотя здесь в партии, конечно, есть достаточно людей развитых и честных.

Из бесед с отдельными видными деятелями партии Рокоссовский увидел, что сложившееся в руководстве партии положение эти люди видят, угнетены им и ждут его изменения. Александр Завадский в таком именно духе говорил с Рокоссовским. Тот же Завадский сказал Рокоссовскому, что член Политбюро Юзвяк (Витольд) находится в состоянии отчаяния из-за такого положения в руководстве партии».

Рокоссовский с самого начала понимал, что далеко не все в Польше ему рады. Полковнику Ф. Д. Свердлову он позднее рассказывал: «Нельзя сказать, что весь офицерский корпус Вооруженных сил Польши тепло принял меня. Часто во время приездов в дивизии из глубины построенных на плацах для встречи войск слышались одиночные, а иногда и групповые выкрики: „Уезжайте в Россию!“, „Долой красного маршала!“».

Свердлову Рокоссовский также рассказал, что «в январе 1950 года при посещении артиллерийских частей в Люблине в меня стреляли из пистолета. Выстрел был произведен с большого расстояния, и пуля пролетела мимо. Стрелявшего не нашли. Через три месяца в Познани по моей машине дали автоматную очередь. Оказался раненым сопровождавший офицер, было разбито вдребезги заднее

стекло, но я не пострадал. И на этот раз стрелявших не нашли. Выступали против меня в основном бывшие участники Армии Крайовой и формирований „Национальных Вооруженных Сил“. Поэтому работать в Польше было трудно».

В августе 1952 года Рокоссовский занял резкую позицию в связи с невыполнением военных заказов польской промышленностью, что вызвало недовольство Берута. Рокоссовский выступал также за ускорение рассмотрения «дел» Владислава Гомулки и Мариана Спыхальского, что также раздражало Берута. В январе 1953 года, по информации полковника Д. П. Вознесенского, произошло новое резкое столкновение Рокоссовского и Берута в связи с очередной попыткой маршала добиться повышения денежного содержания офицерского состава. Противостояние достигло такой остроты, что Рокоссовский открыто заявил о невозможности «оставаться на посту министра обороны». По некоторым сведениям, в феврале 1953 года польское руководство предприняло попытку через Вознесенского «проконсультироваться в Москве» в связи с «ухудшением личных и деловых отношений между Берутом и Рокоссовским». Однако смерть Сталина и отзыв Вознесенского из Польши резко изменили ситуацию.

Когда Сталин умер, Рокоссовский приехал на похороны. Поэт Алексей Сурков в стихотворении на смерть вождя писал:

Вот перед гробом плачет маршал Польши —
Твой никогда не плакавший солдат.

Константин Вильевич Рокоссовский свидетельствует:

«Если о 1937 годе у нас в семье еще иногда вспоминали (откуда я и знаю некоторые подробности того дела), то о Сталине я не слышал ни одного слова (во всяком случае в связи с дедом, это уж точно). Сталин умер и ушел для нашей семьи в историю, только не семейную, а всемирную. Блуждающий по Интернету рассказ о том, как Рокоссовский якобы заявил Хрущеву, что „товарищ Сталин для меня святой“ — не более чем анекдот, порожденный экзальтированным воображением одного известного литератора. А то, что Рокоссовский не выступал с разоблачениями, не клял Сталина по поводу и без, еще не доказывает, что он его обожал».

Для Рокоссовского Сталин был прежде всего Верховным главнокомандующим, и, по мнению маршала, он лучше любого другого человека в стране в то время подходил для этой должности. Быть может, Константин Константинович думал, что лучше уж пусть будет такой руководитель, как Сталин, со всеми его жестокостями и несправедливыми репрессиями, чем у власти окажутся Каганович или Молотов, не обладавшие качествами вождя и все время привыкшие быть в тени Сталина, а то и, не дай бог, Жуков, с его беспощадностью к собственным солдатам и отсутствием каких-либо дипломатических способностей. И он совершенно искренне плакал на похоронах Сталина, хотя это не означает, что он одобрял все, что делал Сталин, и верил в то, что большинство репрессированных врагов народа действительно виновны.

Рокоссовский считал также непорядочным выступать с критикой Сталина после его смерти. Ему вряд ли было приятно видеть, как пинают покойного вождя Хрущев и другие более мелкие «вожди», при жизни генералиссимуса трепетавшие от одного его имени.

После смерти Сталина в советском руководстве началась борьба за власть. В июне 1953 года был арестован, а позже расстрелян Л. П. Берия. В связи с этим Д. П. Вознесенского отозвали из Польши и вскоре арестовали. В советском руководстве началась борьба сторонников сохранения сталинских принципов жесткой централизации и приверженцев более либерального подхода к восточноевропейским союзникам.

В этих условиях коммунистические руководители стран Восточной Европы, в том числе и Польши, стремились обрести большую политическую самостоятельность. Так, в июне 1953 года Б. Берут в письме Г. М. Маленкову, отметив своевременность и целесообразность «перехода на систему военных советников на тех же основаниях, как и в других странах народной демократии», высказал просьбу о командировании в Польшу 308 военных советников (269 в армию и 34 в органы безопасности). Из названного числа 93 офицера должны были прибыть в страну к концу 1953 года.

Прибытие советников должно было не увеличить, а уменьшить зависимость Войска польского от Советской армии, поскольку подразумевалось значительное сокращение присутствия советских офицеров на командных должностях в польской армии.

В начале 1955 года в Войске польском работали 154 советских советника. В 1957–1958 годах почти все военные советники были отозваны.

После смерти Сталина положение Рокоссовского в Польше, и без того непростое, еще более осложнилось. Вот только один очень красноречивый документ — запись беседы советника посольства СССР в Варшаве Д. И. Заикина с Рокоссовским, состоявшейся 1 октября 1953 года. 20 октября советский посол в Польше Г. М. Попов направил ее В. М. Молотову, являвшемуся в тот момент министром иностранных дел. А Молотов 31 октября разослал текст беседы Маленкову, Хрущеву и Булганину:

«Во время приема, устроенного Послом КНР в Варшаве по случаю Национального праздника Китайской Народной Республики, имел краткую беседу с тов. РОКОССОВСКИМ. Говоря о военных советниках, советских специалистах, командируемых в Польскую армию Правительством СССР по просьбе Правительства Польской Народной Республики, т. РОКОССОВСКИЙ шутя заявил, что он сам бы хотел быть главным военным советником, так как это определило бы срок его пребывания в Польше.

Свое желание уехать из Польши маршал РОКОССОВСКИЙ мотивирует длительным пребыванием в этой стране и теми трудностями, которые создаются ему в работе. Маршал РОКОССОВСКИЙ заявил, что в Польше умеют создавать такие условия, при которых трудно работать.

Причину этого он объясняет тем, что в свое время он поставил в ЦК Польской объединенной рабочей партии вопрос о необходимости произвести в Войске Польском некоторые замены и перестановки, в частности, в политуправлении Польской армии и других ее важных инстанциях, где в нарушение партийного подхода к подбору кадров, таковые были укомплектованы по национальному и семейному признаку из лиц еврейской национальности. Такой неправильный подбор кадров мешал укреплению Польской армии. Хотя оздоровление личного состава политуправления и других инстанций Польской армии, заявил т. РОКОССОВСКИЙ, проводилось с одобрения ЦК ПОРП, некоторые руководящие партийные работники, оказывающие влияние на тов. БЕРУТА, резко изменили свое отношение к тов. РОКОССОВСКОМУ.

В беседе тов. РОКОССОВСКИЙ сказал, что тов. БЕРУТ хороший человек, но является весьма податливым и в определенной степени отражает мысли тех лиц, которые относятся к тов. РОКОССОВСКОМУ недоброжелательно. К этим лицам тов. РОКОССОВСКИЙ относит БЕРМАНА, МИНЦА, ЗАМБРОВСКОГО.

Тов. РОКОССОВСКИЙ считает, что именно в связи с недоброжелательным отношением к нему у польских товарищей возникла идея пригласить снова в Польшу бывшего генерал-полковника КОРЧЕЦ (Владислава Корчица, бывшего начальника Генштаба и вице-министра национальной обороны. — *Б. С.*), находящегося в настоящее время в СССР. Это объясняется, по мнению тов. РОКОССОВСКОГО, тем, что его в Польше некоторые лица считают представителем Москвы, а КОРЧЕЦА считают своим лицом, которое, в первую очередь, заботится об интересах Польши. О КОРЧЕЦЕ тов. РОКОССОВСКИЙ отзывался весьма отрицательно».

Посол СССР в Польше Г. М. Попов и заведующий IV Европейским отделом МИДа М. В. Зимянин 26 декабря 1953 года писали В. М. Молотову:

«В работе ЦК ПОРП и местных руководящих партийных органов допускаются грубые нарушения принципа коллективности партийного руководства. Политбюро ЦК ПОРП собирается редко, обычно раз в месяц. Практическое руководство деятельностью партии и государства сосредоточено в руках узкого круга лиц — т.т. Берута, Бермана, Минца, Охаба, Замбровского. Остальные члены политбюро, в том числе и т. Рокоссовский, мало привлекаются к работе политбюро.

Тов. Берут переоценивает качества некоторых членов политбюро, особенно т.т. Бермана и Минца, в руках которых сосредоточены важнейшие участки партийного и государственного руководства. Тов. Берман, который является фактически заместителем т. Берута по партии, а также ведет вопросы внешней политики и общественной безопасности, допускает в работе крупные политические провалы и ошибки. Тов. Берман несет значительную часть ответственности за нарушения норм партийной жизни в ПОРП, запущенность идеологической работы, за извращения партийных принципов в подборе кадров партийного и государственного аппарата. За последние годы имел место ряд фактов побегов за границу и невозвращения оттуда польских дипломатов. Недавно сбежал в Западную Германию крупный работник аппарата общественной безопасности — Святло. Следует отметить, что брат самого т. Бермана — крупный сионист — эмигрировал в Израиль в 1947 г.

В серьезных недостатках в экономической политике в значительной степени повинен т. Минц, являющийся первым заместителем т. Берута в Совете министров и руководителем Госплана. Наличие диспропорций в развитии промышленности и сельского хозяйства, значительное понижение реальной зарплаты рабочих и служащих, неудовлетворительное решение задач подъема сельского хозяйства во многом определяется ошибками, допущенными т. Минцем в планировании народного хозяйства. Тов. Минц также допустил засорение аппарата Госплана чуждыми элементами, лицами, связанными с заграницей».

Фактически Берут, Охаб, Берман, Минц и другие члены политбюро часто проводили узкие совещания, на которые Рокоссовского не приглашали. Своим среди членов польского политбюро он не стал. В Польше Константин Константинович оставался «чужаком». Дружеские, человеческие отношения у него сохранялись только с некоторыми офицерами и генералами Войска польского, с которыми он познакомился еще на войне.

Тут Рокоссовский получил еще один неожиданный удар. 5 апреля 1955 года бывший командующий 1-й польской армией генерал Зигмунт Берлинг направил министру вооруженных сил СССР Н. А. Булганину письмо с резкой критикой Рокоссовского. Он мстил за несправедливое, как он считал, отстранение от командования 1-й армией Войска польского осенью 1944 года, к которому был причастен и Рокоссовский. Утверждая, что «у Войска Польского нет души, дорога к сердцу солдата закрыта», Берлинг подчеркивал, что министр обороны «должен иметь политический ум, знать психологию народа и войска». Генерал обвинил маршала в том, что тот «относится к делу с пренебрежением к своим обязанностям, презирает чувства народа, очень в этом отношении чувствительного». Берлинг писал: «Я уверен в том, что тов. Р. не в состоянии выполнить свои настоящую и будущую задачи. Мне он представляется как беспомощный, блуждающий и бросающийся в потемках человек». Берлинг прямо ставил в письме вопрос о снятии Рокоссовского с должности министра национальной обороны, подчеркивая, что этот пост «мог бы занять один из членов политбюро ЦК ПОРП». По всей вероятности, письмо Берлинга было написано по инициативе польских лидеров, стремившихся побудить Москву заменить Рокоссовского во главе польской армии.

В том же 1955 году с Рокоссовским произошел забавный случай. Как вспоминал польский генерал бригады Томаш Пюро, «когда на одном из наблюдательных пунктов на больших маневрах в Закарпатском военном округе собрались приглашенные министры обороны социалистических стран и десятки советских генералов, начальник заграничной службы советского генерального штаба (не помню его фамилии) объявил через мегафон: „Сейчас приедут маршалы Булганин, Жуков и Василевский“ (Булганин тогда был министром обороны СССР, а Жуков и Василевский его заместителями). И продолжил: „Все генералы Советской армии — становитесь справа! Все министры — слева!“

Генералы молча встали, как им было сказано. Среди министров же произошло легкое замешательство: ведь они представляли независимые государства и по отношению к советскому министру военные уставы их ни к чему не обязывали. Однако, помешкав, все-таки встали в шеренгу слева. Рокоссовскому это не понравилось. Да, конечно, он тоже встал слева, но на команду „Смирно!“, поданную бравым опекуном иностранных гостей в момент появления Булганина, не отреагировал. А после приветствий подошел к Жукову и что-то прошептал ему на ухо. Через пару минут несчастный распорядитель стоял навытяжку перед Жуковым; услышал я только его последние

слова: „Вон отсюда, дурак!“ — и больше того генерала не видели. После этого случая министры при появлении руководства МО СССР располагались кто как хотел».

Развязка наступила через год. Конфликт между властью и обществом вылился в массовые волнения в Познани 28 мая 1956 года, сопровождавшиеся столкновениями их участников с подразделениями госбезопасности и армии, что привело к гибели более семидесяти человек. Наряду с другими должностными лицами ответственность за это, по крайней мере моральную, возложили и на Рокоссовского.

Правнучка маршала Ада Константиновна в этой связи подчеркивает: «В Польше сейчас идет следствие по событиям 56-го года в Познани. Я прочитала интервью с прокурором, который ведет это дело. На вопрос журналиста, кто виноват в трагедии, не Рокоссовский ли, прокурор ответил, что никаких документов и приказов о введении войск или открытии огня с подписью Рокоссовского нет. Приказы подписаны другими людьми».

Готовясь к VIII пленуму ЦК ПОРП в октябре 1956 года, сторонники Гомулки подчеркнуто, в нарушение многолетнего порядка, не стали согласовывать состав обновленных руководящих органов с советским руководством. Особенно вызывающим был предрешенный вывод маршала Рокоссовского из польского политбюро.

В СССР были осведомлены, что 10 октября в Варшаве состоялось заседание политбюро ЦК ПОРП, на котором обсуждалась политическая ситуация в стране и партии. Первый секретарь ЦК Эдвард Охаб, преемник Берута в качестве лидера польских коммунистов и Польского государства, указал на необходимость увольнения из Войска польского советских офицеров, занимавших командные посты, соглашаясь оставить лишь тех из них, кто примет польское гражданство. Ему резко возразил Рокоссовский. Константин Константинович так писал об этом в Москву: «Возмутившись таким заявлением, я прямо сказал товарищу Охабу, что это неправильная линия и она направлена на отрыв Польши от Советского Союза, что такая поспешность ничем не вызывается и что существует соглашение между правительствами СССР и Польской Народной Республики о постепенной замене советских офицеров и сокращении советских офицеров и сокращении советников, которое и следует проводить в жизнь. Я сказал… что в Войске Польском находятся советские офицеры, прошедшие с польской армией из СССР через всю Польшу до Берлина. Это честные, преданные и заслуженные офицеры, они сыграли решающую роль в организации и строительстве Войска Польского».

Интересно, что эта стычка вообще не была отражена в официальном протоколе заседания 10 октября. По словам Рокоссовского, его позицию поддержали Зенон Новак, Франтишек Юзьвяк, Александр Завадский и «частично поддержали» будущий первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Терек и Роман Новак, тогда как позицию Охаба безоговорочно поддержали только Роман Замбровский и Юзеф Циранкевич. Не попало в протокол и заявление Охаба о том, что визит в Польшу Н. С. Хрущева (в марте) и Н. А. Булганина (в июне) «носил в себе элементы вмешательства в дела Польши».

Следующее заседание политбюро ЦК ПОРП 12 октября проходило уже при активном участии Владислава Гомулки, который при жизни Сталина оставался под домашним арестом. Об его итогах 13 октября Охаб, Циранкевич и Завадский информировали советского посла в Польше П. К. Пономаренко, бывшего члена военного совета Центрального фронта в ту пору, когда им командовал Рокоссовский. Стало известно, что пленум ЦК ПОРП намечен на 17 октября, что на нем предполагается сделать членом политбюро Гомулку, вывести из состава политбюро и правительства одного из наиболее просоветски настроенных коммунистических лидеров Хилария Минца и заслушать покаянную речь Якуба Бермана, уже выведенного из политбюро другого сторонника безоговорочного подчинения советскому диктату. Охаб говорил также об «угольных репарациях», утверждая, что «в Польше очень широко распространены разговоры, задаются вопросы и имеют место выступления по поводу неравноправных экономических отношений, неэквивалентных поставок и т. д.».

18 октября Хрущев распорядился привести в боевую готовность Северную группу войск, Балтийский флот и Прибалтийский военный округ. По приказу Г. К. Жукова две советские танковые дивизии двинулись к Варшаве. Одновременно туда же по приказу Рокоссовского, несомненно

согласованному с Москвой, двинулся танковый корпус Войска польского. В этих условиях Хрущев добился переноса открытия пленума ЦК ПОРП на 19 октября, и утром этого дня в ходе блицвизита в Варшаву Никита Сергеевич сумел договориться с польским руководством о пересмотре цен на поставляемый в СССР польский уголь и согласился на то, что польские коммунисты будут решать свои кадровые вопросы без санкции КПСС, Рокоссовский и другие советские офицеры будут отозваны из Войска польского, а советские танки вернутся в места постоянной дислокации. Фактически Хрущев дал добро на возвращение к власти Гомулки, который и был избран на пленуме первым секретарем ЦК ПОРП.

Чтобы сохранить былую степень влияния на польское руководство, в Варшаву выехала делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым. 19 октября состоялись нелегкие переговоры, результат которых отразила следующая рабочая запись заседания Президиума ЦК КПСС, заслушавшего информацию о поездке в Варшаву: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть». Иначе говоря, московские руководители на первых порах планировали «покончить» с польскими реформаторами силой, в чем маршалу отводилась немалая роль.

В Варшаве заговорили о подготовке государственного переворота. Возможно, не без основания. По приказу Рокоссовского некоторые части Войска польского начали выдвижение к столице, 19 октября на совещание были собраны офицеры Варшавского округа. В соответствии с приказом министра обороны СССР Г. К. Жукова Северная группа войск и Балтийский флот были приведены в повышенную степень боевой готовности. Во второй день работы VIII пленума, 20 октября, на Варшаву из Западной Польши начала выдвижение советская танковая дивизия (по польским источникам — две дивизии). Делегатам пленума, потребовавшим от министра национальной обороны объяснений, Рокоссовский заявил, что это — «плановые маневры» советских войск, дислоцированных на территории страны. Подобное объяснение не удовлетворило участников пленума, и по их требованию танковая колонна была сначала остановлена, а позднее возвращена к месту постоянной дислокации.

В Москве, по мере обсуждения ситуации в Польше, в политбюро ЦК КПСС настроения становились все более миролюбивыми. Существенную роль здесь сыграла позиция Китая: председатель КНР Лю Шаоци и партийный руководитель Дэн Сяопин, посетившие Хрущева по его возвращении из Варшавы, резко возразили против силового вмешательства в польские дела. В конце концов от применения силы в Польше было решено отказаться. Как раз в это время готовилось советское вторжение в Венгрию для подавления антикоммунистической революции. Предпринимать военную интервенцию сразу в две страны Восточной Европы было рискованно, тем более что была опасность встретить вооруженное сопротивление не только в Венгрии, но и в Польше, где против советской интервенции могла выступить часть Войска польского во главе с младшими офицерами-поляками. Кроме того, была опасность развертывания в стране партизанской войны, традициями которой Польша была так богата. Поэтому Хрущев в конечном счете удовлетворился гарантиями, что новое польское руководство не будет отступать от курса социалистического строительства и будет продолжать дружить с СССР.

22 октября в письме, направленном в ЦК ПОРП и подписанном Хрущевым, советская сторона выразила согласие на отзыв из Войска польского офицеров и генералов советских вооруженных сил, включая Рокоссовского. 13 ноября состоялись выборы политбюро ЦК ПОРП. Из 75 участников пленума за Рокоссовского проголосовали только 23 человека. В тот же день Константин Константинович подал в отставку со всех государственных постов ПНР и через два дня возвратился в Москву.

Советский историк-диссидент Н. Г. Обрушенков, побывавший в Польше осенью 1956 года, вспоминал:

«Я наблюдал обстановку накануне октябрьских событий. В маленьком курортном городке, где я отдыхал, в экскурсионном автобусе нас очень часто возили вместе с министрами польского правительства, которые находились там в отпуске. Это были представители консервативного крыла из группы Рокоссовского и Новака. Они были возмущены напором ревизионизма. Очень обиженные,

рассказывали о том, что их уже практически выставили, что они только формально являются министрами и заместителями министров и после отпуска уже не вернутся в свои кресла в правительстве, откуда их вытеснили сторонники Гомулки. А сам Гомулка был тогда едва реабилитирован.

Позднее я был в курсе всего, что происходило на октябрьском пленуме ЦК ПОРП. То, что было непонятно из советских сообщений, например, почему все воеводские собрания, только что сменившие свои партийные руководства, посылают приветственные телеграммы в ЦК ПОРП, — комментировали чуть позднее знакомые поляки, с которыми мы все тогда особенно искали контактов. Мы знали из газет о броске танков Рокоссовского и о рейде кораблей Балтийского флота к Гдыне. Варшавский комитет польской партии оказался на высоте событий настолько, что призвал людей выйти на улицы строить баррикады…»

Феликс Чуев так передает рассказ о последних днях пребывания Рокоссовского в Польше со слов А. Е. Голованова:

«В Польской Народной Республике на ее высоких постах он пробыл семь лет. В 1956 году там начались волнения, выступления против власти коммунистов. „Польское Политбюро не знает, что делать. День и ночь заседают и пьют ‘каву’, — говорил Константин Константинович. — А в стране сложная обстановка, убивают коммунистов… Я слушал-слушал, пошел к себе в кабинет и вызвал танковый корпус…“ В ту пору Польше не удалось порвать с социализмом. Но Рокоссовский был вынужден улететь в Москву — навсегда. Говорят, всего с одним чемоданчиком. Как обычно».

Тут следует заметить, что вряд ли Рокоссовский мог решиться на выдвижение танкового корпуса к столице без санкции из Москвы.

Когда маршала осенью 1956 года фактически изгнали из Польши, он поклялся больше туда никогда не возвращаться. И свое слово сдержал. Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский свидетельствует:

«Он семь лет потратил на то, чтобы сделать Войско польское современной армией, вложил в это душу. Он был солдатом, ничего не понимал в политике. И то, как с ним поступили, очень его обидело, тем более что это была его родина. Когда он уезжал оттуда, сказал бабушке: „Ноги моей здесь больше не будет“. И кто бы его ни приглашал, он неизменно отвечал отказом. В Польше, кроме как проездом, он больше не был никогда».

Адъютант маршала Борис Николаевич Захацкий вспоминал:

«У К. К. Рокоссовского были неважные отношения с Владиславом Гомулкой, который и выжил его из Польши. Однажды Рокоссовский сказал мне вскользь, что в СССР прибывает с визитом Гомулка, и, к сожалению, придется быть на приеме в его честь. Действительно, через несколько дней по „кремлевке“ позвонил Н. С. Хрущев и спросил, где Рокоссовский. Я находился в это время в кабинете и сказал, что он будет через полчаса. Хрущев приказал передать Рокоссовскому, чтобы тот обязательно был на приеме в честь Гомулки. До сих пор не могу объяснить, почему этот приказ я Рокоссовскому не передал, и он на этом приеме не присутствовал. На следующий день ему позвонил Хрущев и резко спросил, почему Рокоссовский не был на приеме. Он ответил, что его не приглашали. Хрущев сказал, что приглашение он передал по телефону через адъютанта. Рокоссовский ответил, что ему никто ничего не передавал. Хрущев потребовал „выгнать такого адъютанта“. Рокоссовский пообещал „разобраться с адъютантом“. Положив трубку, он подошел ко мне, пожал руку и сказал: „Вам привет от Хрущева“. И поблагодарил меня за то, что я его выручил».

Глава четырнадцатая
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

По возвращении в СССР Рокоссовского в ноябре 1956 года назначили заместителем министра обороны. Вернувшись в СССР, который действительно стал для него второй родиной, Константин Константинович испытал большое облегчение. Теперь он был избавлен от политических интриг, от

необходимости играть роль политика, к которой он никогда не готовился и которая была ему в тягость.

В июне 1957 года Рокоссовский, оставаясь заместителем министра обороны, был назначен на должность главного военного инспектора. В октябре 1957 года в период обострения обстановки на Ближнем Востоке маршала на короткое время назначили командующим Закавказским военным округом, чтобы продемонстрировать решимость СССР предпринять самые твердые меры (имя одного из крупнейших полководцев было хорошо известно в мире). Это был несколько запоздалый ответ на провозглашенную в марте 1957 года «доктрину Эйзенхауэра», согласно которой США гарантировали военную помощь государствам Ближнего Востока в случае угрозы коммунизма. Выступая 23 октября 1957 года на собрании партийного актива центрального аппарата Министерства обороны и Московского военного округа, Хрущев заявил: «…Сегодня я уже вам могу сказать, что противник, мы получили сведения, отступает. (Аплодисменты.) Американцы начинают заметать следы, начинают отказываться, начинают объяснять, что это русские выдумали, мы никогда не толкали турок на войну. И сегодня, когда мы опубликовали, что маршала Рокоссовского назначили командующим Закавказским военным округом, это тоже имеет значение. (Бурные аплодисменты.)». Но уже в январе 1958 года Рокоссовский был возвращен из Тбилиси в Москву на прежнюю должность главного инспектора. Его назначение командующим Закавказским военным округом было не более чем демонстрацией. Решив, что потенциальный противник отреагировал на это назначение должным образом, Хрущев вернул Рокоссовского в Москву.

Об отношении Рокоссовского к XX съезду КПСС и проводимой Хрущевым политике десталинизации свидетельствует внук маршала Константин Вильевич:

«Если о Сталине у нас в семье не говорили, то вот о XX съезде я слышал от матери неоднократно, и именно в связи с отношением к нему деда. Рокоссовский считал, что разоблачение культа и всех связанных с ним обстоятельств было необходимо и рано или поздно должно было произойти. Но вот как это было сделано, он считал абсолютно неправильным. Он считал, что расставаться с наследием сталинизма нужно постепенно и обдуманно, без шума и крика, подготавливая каждый шаг и разъясняя его необходимость. А то, как это было сделано на XX, а потом на XXII съездах, он считал глупостью и авантюризмом. Думаю, что у него были веские основания так рассуждать. Ведь, будучи с 1950 года членом Политбюро ЦК ПОРП, он участвовал в обсуждениях международных проблем, выезжая в составе правительственных делегаций ПНР в другие соцстраны, вел переговоры с их руководителями, да и в кулуарных беседах тоже участвовал. И он не мог не понимать, что, в принципе, вся тогдашняя система держалась на Сталине. Кто-то его любил, кто-то его уважал, а кто-то (может быть, и большинство) боялся. Сталин был стержнем тогдашней социалистической системы и, даже будучи мертвым, продолжал стабилизировать ее. И когда в 1956 году этот стержень выбили, система посыпалась. Рокоссовский же был сторонником постепенного демонтажа сталинизма. А то, что пришло ему на смену, было, с его точки зрения, настолько мелким и плюгавым, что невольно он, наверное, мысленно обращался к образу вождя и убеждался, что равных ему нет и не будет. Я как-то спросил мать, как дед относился к Хрущеву. Ответ был такой: он считал, что Хрущев — просто дурак».

Открыто своего отношения к Хрущеву Рокоссовский, разумеется, не высказывал. На пленуме ЦК КПСС 28–29 октября 1957 года, на котором маршал Жуков был снят с поста министра обороны и выведен из состава Президиума ЦК за «бонапартизм», Рокоссовский критиковал Георгия Константиновича довольно жестко:

«Мне второй раз приходится присутствовать при разборе дела, касающегося товарища Жукова: первый раз после окончания войны, еще при жизни Сталина, и сейчас второй раз. Первый раз мы выступали все, в том числе и я, давая совершенно объективную оценку товарищу Жукову, указывая его положительные и отрицательные стороны… Его выступление тогда было несколько лучше, чем сейчас, оно было короче, но он тогда прямо признал, что да, действительно, за мной были такие ошибки. Я зазнался, у меня есть известная доля тщеславия и честолюбия, и дал слово, что исправит эти ошибки… Говоря о правильности решения партии в отношении человека, который не выполнил волю партии, нарушил указания партии… я скажу, что и я считаю себя в известной степени виновным. И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту

вину. Товарищ Жуков проводил неправильную линию… и нашей обязанностью было, как членов партии, своевременно обратить на это внимание… Я краснею, мне стыдно и больно за то, что своевременно этого не сделал и я…»

Рокоссовский также указал на грубость как отличительную черту жуковского стиля работы и вспомнил свое столкновение с Георгием Константиновичем во время битвы за Москву, прямо противопоставив Жукову Сталина:

«Основным недостатком тов. Жукова во время войны… была грубость, заключающаяся не только в том, что он мог оскорбить человека, нанести ему оскорбление, унизить. Управление Западного фронта в то время иначе и не называли, как матерным управлением. Вместо того, чтобы старший начальник в разговоре с подчиненными спокойным, уверенным голосом подбодрил, поддержал, мы слышали сплошной мат и ругань с угрозой расстрела. Такой эпизод был под Москвой, когда я находился непосредственно на фронте, где свистели пули и рвались снаряды. В это время вызвал меня к ВЧ Жуков и начал ругать самой отборной бранью, почему войска отошли на один километр, угрожал мне расстрелом. Я ответил, что нахожусь непосредственно на фронте, свистят пули, рвутся снаряды, смерти не боюсь, может быть, через час я буду убит, поэтому я прошу разобраться объективно. Совершенно иной разговор у меня был с товарищем Сталиным. Я предполагал, что меня, как командующего 16-й армией, будут ругать и считал, что со стороны Сталина будет такая же брань, немедленно снимут с работы и расстреляют. Но до сих пор у меня сохранилось теплое, хорошее воспоминание об этом разговоре. Товарищ Сталин спокойно, не торопясь, просил доложить обстановку. Я начал рассказывать детально, но он меня оборвал и сказал — не нужно, вы командующий фронтом, и я вам верю. Тяжело вам, мы поможем. Это был разговор полководца, человека, который сам учитывает обстановку, в которой мы находились».

Как главному инспектору, Рокоссовскому приходилось много ездить по стране. Приходилось бывать и на местах былой службы. Полковник Александр Захарович Лебединцев встречался с Рокоссовским в штабе Закавказского военного округа, когда Рокоссовский короткое время был его командующим. На первом же партсобрании штаба округа, посвященном экономии государственных средств, Рокоссовский рассказал о недавней поездке в штаб Дальневосточного военного округа. Лебединцев вспоминал:

«Будучи главным инспектором — заместителем министра обороны СССР, Рокоссовский прибыл в Дальневосточный военный округ и решил отправиться в Благовещенск, где когда-то дислоцировалась кавалерийская дивизия, которой он командовал. Прилетевшего на вертолете маршала встретил командир механизированной дивизии, теперь размешавшейся в хорошо знакомом Константину Константиновичу военном городке.

Рокоссовского как магнитом потянуло прежде всего в здание бывшей конюшни, в которой много лет тому назад содержались его „персональные“ лошади — конь Громобой и кобылица Ласточка. Далее привожу рассказ военачальника почти дословно:

„Я направился прямо к знакомой конюшне. Мне открыли дверь в створке широких ворот. Но весь проход внутри теперь представлял из себя коридор, справа и слева возвышались фанерные стены с такими же фанерными дверьми. Пол был по-прежнему земляной. Несмотря на прошедшие годы, в помещении сохранялся устойчивый запах мочи, пота и лошадиной сбруи.

Меня сразу же окружили жены лейтенантов, сержантов и старшин сверхсрочной службы с грудными младенцами на руках и просили заглянуть в их каморки, где супруги спали на солдатских односпальных железных кроватях, а дети постарше — на топчанах. Потолков не было, окнами служили узкие прорези в стенах, которые специально проделывались в конюшнях, чтобы свет не бил в глаза животным.

Я выслушивал жалобы молоденьких жен, связавших свою жизнь с ‘романтикой’ гарнизонной службы мужей. Командование дивизии, потупив очи, повторяло, что на все их заявки из округа отвечали одно: средств и материалов на переоборудование конюшен в человеческое жилье нет, и тут

же показывали документы с перепиской по данному вопросу. Я извинился перед всеми обитательницами и покинул эту конюшню-общежитие.

Меня сопроводили в ‘номерок’ при штабе, предназначенный для приезжего начальства, где для успокоения я стал читать газеты. Через непродолжительное время слышу: завизжали мотопилы, с шумом и треском начали валиться вековые сосны на территории военного городка, заработала пилорама саперного батальона, а из конюшни донесся стук топоров и молотков.

К обеду следующего дня командир дивизии доложил мне о настилке полов, о том, что в общежитии скоро обязательно будут и потолки, и нормальные окна. Но командира соединения тревожила больше всего проблема вырубленного леса без наряда свыше, хоть и выращенного на территории самого военного городка. Пришлось заверить комдива, что никаких взысканий он не получит…“».

Рассказал Рокоссовский коллегам по Закавказскому округу и другую поучительную историю. Однажды его вызвали в Кремль на очередное заседание Секретариата ЦК КПСС. Рассматривался вопрос о невыполнении плановых показателей рядом отраслей. Обсуждали, у кого из министерств можно что-то отнять, дабы помочь отстающим.

Министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева предложила «пощипать» военных, так как у них и зарплаты повыше, и пенсии побольше, чем у прочих граждан, да еще и льготы имеются. Все молчали. Хрущев объявил перерыв на обед.

«По чистой случайности, — вспоминал маршал, — я оказался за столом между Хрущевым и Фурцевой. Никита Сергеевич обратился ко мне с просьбой рассказать о положении в войсках, и я доложил вышеприведенный случай из моей последней командировки на Дальний Восток. В наступившей тишине Фурцева вдруг поднялась, вышла из-за стола и удалилась. Никита Сергеевич крикнул ей вслед: „Ну что, Екатерина Алексеевна, донял тебя Рокоссовский. Не будешь больше ‘щипать’ военных“».

Маршал рассказал также о том, как министр обороны Малиновский попросил его лично побывать в полку охраны Минобороны и выяснить, кем там укомплектованы офицерские должности, хотя и так наверняка знал, что там служат почти исключительно сыновья генералов и маршалов.

«Прибыл я в полк без уведомления, — вспоминал Рокоссовский, — и не в штаб, а в одну из рот. Дневальный подал команду „Смирно, старшина на выход!“ Старшина-сверхсрочник четко доложил мне о том, что рота на стрельбище, и попросил пройти в канцелярию роты. Я пожал ему руку и дневальному. В канцелярии вдруг замечаю, как бравый служака смахнул слезу. Спрашиваю: „Что, старшина, соринка попала в глаз?“ Он смутился и ответил так: „Товарищ маршал, я десять лет в этой роте старшиной, и за эти годы мне даже ни один взводный лейтенант не подал руку после моих докладов, а вот от вас сподобился рукопожатия. И дневальный теперь расскажет всей роте, что и он того же был удостоен…“ Мне после этих слов сразу стало ясно, что из себя представляет офицерский состав полка. Министр обороны приказал: всех заменить!»

«А нас Рокоссовский тогда призвал не кичиться своими погонами, — вспоминает А. З. Лебединцев, — особенно на проверках, пожать каждому солдату руку, если он на отлично выполнил норматив, справился с поставленной задачей».

А вот еще одна история, относящаяся к деятельности Рокоссовского на посту главного инспектора Министерства обороны. Генерал армии М. А. Гареев вспоминал: «После войны, на командно-штабное учение в Белорусском округе, ночью на запасной командный пункт прибыл заместитель министра обороны Рокоссовский. Под сильным дождем мы шли с ним в палатку. По пути, в темноте, Константин Константинович зацепился за небрежно проложенный телефонный провод и упал прямо в лужу. Помогая маршалу подняться, мы ожидали самого худшего. Но он быстро встал, засмеялся и невозмутимо сказал: „А мы во время войны обычно закапывали телефонные провода“. Наверное, по-другому среагировал бы Жуков да и многие рангом гораздо ниже… В этом эпизоде весь Рокоссовский. Обладание такими качествами — это своеобразный и довольно редкий среди больших руководителей талант».

В апреле 1962 года Рокоссовский был отправлен в почетную отставку — в группу генеральных инспекторов Министерства обороны. Распространились слухи, будто отставка была вызвана тем, что маршал отказался участвовать в кампании по разоблачению культа личности Сталина. Константин Константинович действительно ни разу не выступил с публичным осуждением Сталина. Однако, по мнению внука маршала Константина Вильевича, причина отставки заключалась в другом. Незадолго до этого маршал инспектировал Балтийский флот и выявил грубые нарушения в правилах приемки боевых кораблей у судостроителей. Оказалось, что моряки принимали на заводах недоделанные корабли, чтобы рабочие могли отчитаться о досрочной сдаче и получить премии. После подписания акта приемки корабли тотчас ставили в док и еще в течение нескольких месяцев устраняли недоделки. Такой порядок приемки кораблей существовал еще с довоенных времен с молчаливого согласия проверяющих инстанций. Благодаря подобному очковтирательству рабочие получали дополнительные материальные стимулы в виде премий. Однако Рокоссовский не без основания подозревал, что значительная часть премиальных денег делилась между флотскими начальниками, директорами заводов и крупными чиновниками из Министерства судостроения. Не исключено, что Рокоссовского уволили, чтобы не поднимать шума и не выносить сор из избы, поскольку знали, что Константин Константинович не согласится замять это дело.

Но вполне можно допустить, что никаких конкретных поводов к отставке Рокоссовского не было, а его просто уволили по возрасту, потому, что из руководства вооруженных сил ушло его поколение военачальников. Вспомним, что к 1962 году из 14 маршалов Советского Союза, командовавших фронтами в годы Великой Отечественной войны (Тимошенко, Ворошилов, Буденный, Мерецков, Жуков, Конев, Рокоссовский, Василевский, Малиновский, Толбухин, Говоров, Еременко, Баграмян, Голиков), на действительной военной службе осталось только трое — Малиновский, Мерецков и Баграмян. Кстати сказать, одновременно с Рокоссовским в группу генеральных инспекторов в апреле 1962 года был отправлен и маршал Конев, который никогда не подозревался в отказе критиковать Сталина. Вскоре в инспекторы перешел и маршал Филипп Иванович Голиков, очень близкий к Хрущеву военачальник. А Еременко, которого с Хрущевым связывала настоящая дружба, был отправлен в группу генеральных инспекторов еще в 1958 году. Думаю, что это был естественный процесс, связанный, в том числе, с техническим перевооружением армии и флота, которые стали ракетно-ядерными, и опыт прошедшей войны уже не подходил им.

Теперь Константин Константинович жил размеренной жизнью пенсионера, больше времени проводил с семьей и внуками, чаще бывал на природе и работал над мемуарами. По утверждению бывшего адъютанта маршала Б. Н. Захацкого, «Рокоссовский и в мемуарах, и в жизни любил краткость». Но закончить мемуары помешала тяжелая болезнь. Последние главы мемуаров жена и дочь смогли скомпоновать из черновиков и ранее написанных статей Константина Константиновича для «Военно-исторического журнала» и различных сборников, посвященных отдельным битвам. Книга мемуаров под названием «Солдатский долг» вышла в свет через несколько месяцев после кончины маршала.

Другие советские полководцы и при жизни и после его смерти очень высоко ценили военное искусство и человеческие качества Рокоссовского. Так, главный маршал авиации А. Е. Голованов писал в рецензии на биографию Рокоссовского в серии ЖЗЛ:

«Если бы меня спросили, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского, я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает еще своего исследователя. Редкие качества характера К. К. Рокоссовского настолько запоминались каждому, кто хоть раз видел его или говорил с ним, что нередко занимают в воспоминаниях современников больше места, чем анализ полководческого искусства Константина Константиновича…

Пожалуй, Рокоссовский — это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время Великой Отечественной войны.

Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской

операции снискали ему не только славу великого полководца в нашей стране, у нашего советского народа, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другую фамилию полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны.

Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждая их, и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что, когда это произойдет, К. К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев…»

П. И. Батов приводит такую характеристику Рокоссовского, данную Г. К. Жуковым:

«Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой, умел оценить и развить инициативу. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у подчиненных. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием… И нет ничего удивительного, что Константин Константинович вырос до маршала, стал выдающимся военачальником. Более обстоятельного, работоспособного, трудолюбивого и по большому счету одаренного человека мне трудно припомнить».

Среди солдат-фронтовиков сохранилось убеждение, что Рокоссовский был гораздо человечнее Жукова и зря людей не гробил. О нем в войну пели: «И не его ли обнял Рокоссовский, срывая орден со своей груди». О Жукове же солдатских песен не было.

«Нет худшего в Красной Армии преступления, кроме отказа от службы, как рукоприкладство, т. е. уменьшения достоинства человека», — утверждал Рокоссовский в мемуарах. В отличие от Жукова и многих других советских военачальников Константин Константинович в грехе рукоприкладства никогда замечен не был.

Если сравнивать Рокоссовского с двумя другими «маршалами Победы», которые чаще всего упоминаются вместе с ним, то придется признать, что, по крайней мере, с формальной точки зрения, Константин Константинович воевал успешнее. У него за войну не было ни одного поражения, только успехи. Жуков же, как начальник Генштаба в начале войны, несомненно, несет свою долю ответственности за поражения Красной армии в приграничных сражениях. Кроме того, у него была неудачная операция «Марс» — безуспешная атака на Ржевско-Вяземский плацдарм в ноябре 1942 года — январе 1943 года. Конев, будучи командующим Западным фронтом, был одним из виновников Вяземской катастрофы октября 1941-го. Затем, командуя Западным фронтом осенью — зимой 1942 года, Иван Степанович потерпел неудачу в осуществлении операции «Марс», а затем проморгал плановую эвакуацию немцами Ржевско-Вяземского плацдарма, за что был снят с должности. Будучи тотчас назначен командующим Северо-Западным фронтом, Конев не смог ликвидировать Демянскую группировку немцев. Подобных громких неудач Рокоссовский в своей карьере не знал.

А каков был Константин Константинович в частной жизни? Его дочь Ариадна вспоминала: «Вся его жизнь была постоянной деятельностью, он не умел находиться в покое, не любил бездельников, считая праздность одним из самых больших пороков. Я часто думаю о том, что питало его неистребимую жизненную энергию. Прежде всего, природная увлеченность — он просто не умел ничего делать равнодушно, без этой самой увлеченности: играл ли он в шахматы с внуками, работал ли над военными трудами, пел или спорил с товарищами. И еще, пожалуй, спорт, физические упражнения, без которых он не начинал день. Отец страстно любил природу, но не созерцательной любовью. Он мог часами бродить по лесу в поисках грибов, терпеливо объяснять нам лечебные свойства различных трав, ягод, обожал охоту и рыбалку, на которые брал меня с удовольствием, лишь бы у меня хватало терпения дождаться, когда начнется клев. Уважение к природе он сумел передать и внукам, особенно младшему, в общении с которым проводил в последние годы очень много времени».

Ариадна Константиновна Рокоссовская умерла в 1978 году от инсульта. Распространившиеся позднее слухи, будто она застрелилась из трофейного пистолета Паулюса, не имеют под собой никаких оснований.

Внебрачная дочь Рокоссовского Надежда — доцент МГИМО. Выйдя замуж за журналиста Александра Урбана, она сменила фамилию, но затем вновь стала Рокоссовской. Сохранили фамилию маршала и его внуки Константин и Павел — дети Ариадны Константиновны. Родившийся в 1952 году внук Константин, полковник запаса, работает в институте военной медицины. Другой внук, Павел — адвокат. Правнучка Ариадна — журналист, правнук Роман — студент. А правнучка Дарья еще маленькая.

В последние годы появились и самозваные дети Рокоссовского, о которых я здесь не хочу и писать. Слишком уж очевидно, что мы имеем дело с мошенниками, которые стремятся нажиться на добром имени маршала.

Внук Рокоссовского Константин Вильевич вспоминает:

«Военным я стал, глядя на деда. Служил в Институте авиакосмической медицины. Уволившись в запас, остался там старшим научным сотрудником. Моделирую на компьютере физические процессы. Дед не хотел, чтобы я был военным, а мама страстно этого желала. Она была очень боевая. В годы войны стремилась на фронт и прорвалась. Она окончила школу партизанских радистов, и ее, единственную дочь маршала, должны были отправить в тыл врага. Но… не решились. Думаю, из-за дедушки. Помните ситуацию с сыном Сталина, попавшим в плен в начале войны? Немцы пытались шантажировать им Сталина. Думаю, дед не хотел, чтобы похожая история повторилась с ним. Мама работала на центральном партизанском узле, потом ее перевели на подвижной узел при Центральном фронте — рядом с дедом. Но не под его присмотром — штаб был отдельно, радиоузел — отдельно.

Он с нами часто играл в разведчиков. Играли по выходным на даче (у нас был большой участок к северу от Москвы). Мы с соседом-приятелем, с одной стороны, дед — с другой. Задача — устроить засаду, найти и обезвредить противника. У нас были игрушечные ружья. Однажды ищем мы деда, смотрим: его кепка в кустах. Ползем к ней. Крадемся, крадемся, и вдруг позади нас появляется дед: „Бах-бах, вы убиты!“ Перехитрил нас, повесил кепку на куст, а сам зашел с тыла. Потом смеялся над нами. Так, говорил, ползли замечательно — жалко останавливать!..

Он был одним из тех людей, которых знала вся страна, и, конечно, отблеск его славы падал и на нас — его родных. Я видел его на трибуне Мавзолея во время парадов — в парадной форме и при орденах, и моя душа наполнялась гордостью — это мой дед! Благодаря ему я мог прокатиться на дачу на „чайке“. Дед всегда садился на переднее сиденье, и водители встречных машин узнавали его и приветствовали. Школа, где я учился, находилась по соседству с Генеральным штабом, и иногда мама просила дедушку отвести меня в школу. Мы шли по улице, он держал меня за руку, и я был горд, что иду с ним, потому что прохожие улыбались нам, говорили: „Здравствуйте, Константин Константинович!“ — и он улыбался и здоровался в ответ. Ребята в школе подходили и спрашивали с восхищением и завистью: „А правда, что у тебя дед — маршал?“ Но, поскольку мы всегда жили вместе, он был для меня и моего младшего брата Павлика не великим человеком, а любящим дедом, какой был, наверное, у каждого из нас. Он гулял со мной на даче по аллеям, объяснял, где растет какое дерево, какие птицы живут в нашем лесу. Он читал мне книжки, играл со мной и моими друзьями в войну, с ним можно было сыграть в шахматы, пойти за грибами. Он сам держался настолько скромно, не выпячивая ни своих званий, ни славы, что, проникшись этим настроем, члены семьи не обращали внимания на его регалии. Обычный дед, только маршал».

«Дед любил спорт, — вспоминает Константин Вильевич. — Но болельщиком себя не считал, соревнования по телевизору не любил, хотел участия. Он вообще любил активный отдых, занимался спортом. Любил играть в волейбол и теннис, хорошо плавал, играл на бильярде и никогда не понимал, как можно смотреть спортивные соревнования, „болеть“. Футбол его мало волновал. Я этому удивлялся, а он относился с юмором. Мы с отцом смотрим матч, а он подойдет сзади: „Э-э, Башашкина опять смотрят“».

Про футболиста Башашкина — отдельная история. У игрока был третий номер. И вместо мужского вопроса: «Будешь третьим?» — тогда спрашивали: «Башашкиным будешь?» Маршал знал его с другой стороны. Во время поездки в Польшу футболист попал в какую-то скандальную историю, и выручал его сам Рокоссовский.

А вот что сообщает Константин Вильевич по поводу того, как дед отдыхал:

«В отпуск он любил ездить на курорт. Эта традиция у них с бабушкой осталась еще со времен его службы на Дальнем Востоке. Тогда, чтобы сменить обстановку, им приходилось проделать долгий путь. И в более поздние годы мы всей семьей ездили в Сочи, в Ялту. Даже когда дедушка уже был болен и ему запретили отдыхать на юге, они с бабушкой нарушали запрет, просто ездили не в разгар лета, а осенью. Что касается свободного времени, то его он проводил на даче. Не чурался никакой работы: помогал ремонтировать забор, очень любил косить траву. Когда случался большой урожай яблок, мы с ним выпиливали подпорки и устанавливали их под ветви яблонь (которые он же и посадил). У него был маленький собственный огородик, на котором росли редиска, морковка, разная зелень, он сам поливал все это из лейки и безумно гордился урожаем.

Про дачу ходит много легенд. Рассказывали, что был такой анекдотический случай — кто-то из местных жителей пожаловался, что Рокоссовский строит дворец. Стали проверять, для этого даже была создана специальная комиссия во главе с Н. А. Булганиным. Когда эта комиссия приехала на место, Булганин посмотрел на нашу дачу, отвел деда в сторону и сказал: „Костя, что это за изба? Давай построим тебе нормальный каменный дом!“ Дед отказался. Он считал, что на его век ему хватит».

А история этой дачи такова: генерал Н. Е. Субботин — член военного совета 2-го Белорусского фронта, которым дед командовал в конце войны, уговорил деда, а также командующего 4-й воздушной армией К. А. Вершинина, начальника штаба фронта А. Н. Боголюбова, члена военного совета А. Г. Русских и бывшего командующего фронтом Г. Ф. Захарова построить вместе дачи. Им выделили землю недалеко от подмосковной Тарасовки. А чтобы не тратить на это много времени и средств, ведь строили-то они за свой счет, туда просто перевезли несколько одинаковых бревенчатых домов из комплекса зданий штаба 2-го Белорусского фронта. В Германии эти дома разобрали, перевезли в Подмосковье, а там пленные немцы довольно быстро их собрали. Когда дача была построена, советское правительство ее деду подарило, а именно — возместило расходы на перевозку и сборку. К сожалению, в 1993 году эту дачу сожгли местные хулиганы.

Константин Вильевич признается:

«У нас в семье не принято пользоваться фамилией. У меня привилегий по службе не было. И дед этого не любил. Он был очень скромным человеком. Во время парадов стоял на трибуне во втором ряду. На работу ходил пешком. Генштаб — на улице Фрунзе, а мы жили рядом, на Грановского. Иногда я ходил с ним. Он доводил меня до школы, она была по дороге, потом шел на службу. Люди его узнавали, улыбались. Он со всеми здоровался, как со старыми знакомыми. Был вежлив. Один военный историк, теперь знаменитый, мне рассказывал, что они студентами, зная, что Рокоссовский ходит по этому переулку, специально сбегали с занятий, чтобы попасться ему навстречу. Мимо проходим: „Здравствуйте, Константин Константинович!“ Он всегда отвечает: „Здравствуйте“…

Да, дед демократично относился к людям. На передовой мог подойти к солдату, спросить, как живет, какие трудности. Его любили в войсках и не боялись, как других, не старались избегать. Отношения „я — начальник, ты — дурак“ у него не было никогда.

Семья наша жила в доме, где после войны поселились многие известные военачальники. Мама рассказывала, что в то время дед очень редко бывал дома, только в отпуске и по праздникам. Он любил бывать на даче, и первые мои воспоминания о деде относятся к дачному периоду. Мне было тогда года четыре. Очень хорошо помню, как мы ходили с ним за грибами…

Настоящий был грибник. Я тогда никак не мог понять, как дед находит грибы под кучкой листьев или хвои. Он буквально чувствовал, где должны расти грибы. Обычно в лес дед надевал какой-нибудь старенький пиджачок, простенькие холщовые брюки и обязательно кепку В таком

обличье в нем вряд ли можно было узнать знаменитого полководца. Меня в наших путешествиях по лесу больше всего удивляло умение деда ориентироваться. Помню, забредем далеко в лес, и мне становилось страшно. Я тогда теребил его за полы пиджака и, дрожа всем телом, спрашивал: „Деда, а мы не заблудимся?“ А он прижмет меня к себе и, улыбаясь, говорит: „Не бойся, я знаю, куда идти…“ И действительно, через 10 минут мы уже выходили к какой-нибудь тропинке или просеке.

Дед пытался научить меня ориентироваться, но я так и не усвоил эту науку. А вот в грибах он таки научил меня разбираться. Я ведь поначалу собирал те, что покрасивее и поярче: мухомор какой-нибудь, поганочку зелененькую. Бывало, наберу корзинку этой „красоты“, а дед смеется: „Не те это грибочки, Костя, не те“. И давай мне рассказывать, какие грибы брать можно. Правда, меня еще долго тянуло к ярким мухоморам.

У него вообще был свой, особый принцип невмешательства в процесс воспитания внуков. Он никогда меня не наказывал, но обо всех моих проступках сообщал матери. А вот свое недовольство моим поведением или обиду дед выражал молчанием. Однажды, когда мне уже лет 14 исполнилось, произошел такой случай. У деда была редкая по тем временам энциклопедия Брокгауза и Ефрона — все 82 основных тома и четыре дополнительных. Он ею часто пользовался, любил полистать. И вот как-то я просматривал один из томов, а потом оставил где-то на видном месте. Книгу стащил мой младший брат, которому года четыре тогда было, и, играясь, разрисовал какую-то карту в энциклопедии цветными карандашами. Дед, увидев эти художества (а знал, что этот том читал я), перестал со мной разговаривать, а маму попросил провести со мной воспитательную беседу. Но я настаивал на том, что невиновен. Эпопея эта длилась дней пять (все это время дед со мной не разговаривал), пока, наконец, братик не признался, что это он нашкодил. Тогда дед — тут надо отдать ему должное — при всех сказал: „Я был не прав! Прости, Костя, не разобрался“. Мы оба были очень рады этому примирению.

Несмотря на свою занятость, дед каждую свободную минуту пытался уделить нам, внукам. Больше всего мы любили, конечно, играть в войну. Несмотря на возраст, дед, как подросток, лазил с нами по кустам, прятался в засадах, бегал по лесу. Он сам вырезал для нас из дерева автоматы и пистолеты. У меня на даче был товарищ, вместе с которым мы обычно воевали против деда. Помню, однажды был черед деда сидеть в засаде.

И вот мы с другом пошли его искать. Смотрим — в кустах кепка торчит. А-а, думаем, попался. Легли на живот и ползем тихонько, подкрадываемся. Вдруг слышим сзади: „Бах-бах, вы убиты!“ Оказалось, дед нас обманул: он повесил кепку в одном месте, а сам спрятался в соседних кустах. Потом посмеивался: „Эх, разве-е-едчики…“ Но не зло, а по-доброму. Дед любил нас и не позволял себе никаких грубостей в наш адрес. Если с нами что-то случалось, очень переживал.

Однажды из-за него пострадал мой младший брат. Дело было на даче. Как обычно в начале лета, когда сад зарастал молодой травой, дед ее косил. Косить он очень любил. Тут кто-то позвал его в дом. Косу он оставил в траве. И надо же такому случиться: пятилетний братишка напоролся на острие косы. Он здорово распорол себе ногу. Крови было много. Поначалу даже думали, что повреждены связки. Дед первым прибежал на плач ребенка. Я помню эту картину: он идет весь бледный и несет на руках моего рыдающего брата с окровавленной ножкой. Врачи, приехавшие по вызову, обработали рану, которая оказалась глубокой, но неопасной, и прописали постельный режим. Дед, чувствуя свою вину, все свободное время посвящал брату. Он сидел у его кроватки, ухаживал за ним, книжки читал, играл с ним в солдатики…

В свободную минуту дед был не прочь покопаться в земле на маленьком огороде на даче. Во время летнего отпуска он разводил там бурную деятельность: сажал редиску, лучок, укроп, петрушку. Сам все пропалывал, удобрял, поливал, не любил, когда ему кто-то помогал. Соглашался разве что на то, чтобы ему помогли весной вскопать грядку, а так ни-ни. Только мы, внуки, могли подсобить деду, да и то по мелочам.

Еще любил ухаживать за большим старым садом. В урожайный год бывало, что ветки до земли гнулись от плодов. И дед, щедрой души человек, раздавал их всем знакомым, отсыпая по ведру, а то и по мешку яблок. Мы ведь из яблок варенья не варили, его в нашей семье не любили. Но зато

вишневого и малинового у нас всегда было много. Малиновое дед очень любил, и мама специально для него покупала малину и варила варенье…»

Нужно сказать, что Рокоссовский был страстным охотником. На охоту чаще всего ездил с фронтовым другом — генералом Константином Федоровичем Телегиным. К этому занятию он приучил и внука:

«Никогда не забуду, как дед готовился к охоте. Это был целый ритуал. Самое интересное, патроны для охоты дед всегда делал сам. Конечно, пользовался он и покупными, но говорил, что так поступали все старые охотники. В принципе, это дело несложное, правда, нужна чрезвычайная точность и усидчивость. Дед покупал гильзы, капсули, порох, дробь — у него был целый набор специальных устройств, чтобы отвешивать порох, вставлять капсуль, зажимать гильзу. Я деду нередко в этом помогал и безумно гордился доверием, оказанным мне. Правда, меня надолго не хватало — уж очень мудреное это занятие. А главное, ошибиться нельзя: всыпешь две порции пороха — ружье разорвет. Но у деда таких случаев никогда не происходило, и корпеть над патронами он мог часами.

Делал штук пятьдесят-шестьдесят, чтобы на сезон хватило. Ему ведь много не надо было — он стрелял очень хорошо! Отец, который часто ходил с дедом на охоту, рассказывал мне об одном любопытном случае. Пошли они как-то на уток. А у деда был свой принцип: никогда не стрелять по неподвижной мишени. Для охоты на уток на озере обычно ставили специально замаскированные бочки, в которых прятались охотники и через небольшие отверстия наблюдали за дичью. Засели они в бочки, вспоминал отец, ждут. И тут он видит, что перед бочкой, где прятался дед, сел огромный селезень. Отец думает: сейчас он его тут и прихлопнет. Но дед не стреляет. Прошло пару минут, дед вылез из бочки, снял кепку и давай пугать селезня. В ту же секунду птица сорвалась с поверхности воды. Тут дед выстрелил и конечно же попал.

Но на уток он ходил только в последние годы жизни, когда уже старый стал. А до этого ходил на волков, лосей, кабанов. Однажды, когда он на кабана ходил, с ним произошла забавная история, которую он сам мне рассказал.

Была охота загоном: стрелки стояли в засаде, а егеря гнали зверя. И вдруг прямо перед дедом выскочил огромный кабан. Хорошо, что дед не растерялся и в ту же секунду выстрелил в зверя почти в упор. Правда, никакой реакции не последовало — кабан оставался стоять. Времени на перезарядку у деда не было — животное двинулось на него. Дед быстренько сориентировался и, несмотря на годы, в мгновение ока влез на дерево. Кабан подскочил к дереву, остановился, замер на несколько минут, а потом рухнул замертво. Как впоследствии выяснилось, дед все-таки попал в зверя, но из-за очень прочной лобовой кости кабана, от которой иногда и пули отскакивают, смерть от ранения у животного наступила не сразу. Вот он и загнал деда на дерево.

Что-что, а настоящие охотничьи ружья он ценил. Любимых и, что называется, боевых, у него было два: немецкая горизонтальная двустволка „Зауэр“, привезенная им из Германии после войны, и английская „Голланд-голд“ — чей-то подарок. Ему ведь много ружей дарили. У деда был даже для них специальный шкаф, одно ружье краше другого: с серебряной и золотой чеканкой, резьбой и инкрустацией. Но насколько я знаю, он не любил эти дорогие ружья, специально их не собирал и никогда ими не пользовался на охоте. Кстати, не любил он и ружья с вертикальным расположением стволов, отдавая предпочтение классическим горизонталкам. А что касается дорогого оружия, так он его дарил. Я знаю, что он подарил своему адъютанту дорогое инкрустированное ружье, которое ему в знак уважения преподнес министр обороны Венгрии. Он не считал эти ружья ценностью, к тому же знал, что никогда ими пользоваться не будет».

По свидетельству Константина Вильевича, друзьями Рокоссовского в последние 12 лет его жизни, которые он провел в СССР, оставались его боевые соратники — генерал-лейтенант Константин Телегин, генерал армии Павел Батов, генерал армии Михаил Малинин, маршал артиллерии Василий Казаков, с которыми он вместе прошел почти всю войну. Наверное, он уже считал себя русским. Но, как вспоминал один польский генерал — сослуживец Рокоссовского, когда он приехал в составе польской делегации в Москву на празднование двадцатилетия победы в Великой Отечественной

войне, то на приеме в Кремле ко всем русским он обращался по-русски. Когда дошла очередь представляться Рокоссовскому, то тот воскликнул в присутствии членов политбюро: «Я же поляк! Что же ты со мной говоришь по-русски! Говори со мной по-польски!» Но навряд ли он в тот момент ощущал себя поляком. Просто ему захотелось в очередной раз подчеркнуть свою независимость.

Внук маршала Константин Рокоссовский вспоминает о деде:

«Он любил делать подарки. В начале шестидесятых, когда в моде были „Битлз“, дед подарил мне гитару. Обычная отечественная шестиструнная гитарка, но для меня, тринадцатилетнего подростка, она была пределом мечтаний! Чуть позже дед подарил пневматическое ружье, решив приобщить меня к охоте. А на четырнадцатилетие (17 июня 1966 года. — *Б. С.)* вручил мне свою саблю, с которой принимал Парад Победы в 1945 году. Помню, тогда был накрыт большой стол, гостей собралось немало. И вот когда все уже раздали подарки, в комнату вошел дедушка, держа саблю на вытянутых руках, и торжественно ее вручил. Для меня тогда это был поистине роскошный подарок! Правда, потом я чуть не лишился его: с соседскими парнями, которых просто распирало от зависти, мы бросились рубить этой парадной саблей крапиву. Дед заметил, что мы безобразничаем, и строго сказал: „Если еще раз увижу, заберу“».

Вручая саблю внуку, Константин Константинович сказал: «Ну, Костя, ты теперь большой, бери ее и храни. Дай бог, чтобы тебе никогда не пришлось ее обнажать!» Это был его последний подарок внуку. Свою саблю Константин Константинович подарил внуку менее чем за год до смерти, когда был уже тяжело болен и понимал, что ему недолго осталось жить.

Как отмечает Константин Вильевич,

«деду была присуща изысканность во всем. Знаю, что он любил хорошие коньяки и даже в старости не мог отказать себе в рюмочке этого напитка. А вот чего он терпеть не мог, так это пива. И, насколько я могу судить, дед не был склонен к дурным привычкам. Он и пил мало, и курил немного (в основном отечественные папиросы „Казбек“). А в последние годы, когда стало шалить здоровье, пользовался мундштуком… Дед был очень привязан к семье и дому. Когда он вернулся из Польши и перешел на работу в Министерство обороны СССР, то всегда на обед приезжал домой. А потом стал ходить пешком, ведь мы недалеко жили. Мать рассказывала, что, вернувшись из Польши, дед говорил: „Как хорошо дома, я здесь отдыхаю, потому что могу спокойно один пройти по улице“. За границей у деда была очень мощная охрана. Там даже в туалет не сходишь без сопровождения. А в Советском Союзе охрана деду полагалась чисто символическая. И часто, отправляясь на работу, дедушка провожал меня в школу. Я держал его за руку и безумно гордился этим».

Тут надо заметить, что, как мы помним, охрана для Рокоссовского в Польше была отнюдь не лишней предосторожностью. Отнюдь не все поляки относились к нему с симпатией, и на Константина Константиновича в Польше было несколько покушений.

Константин Вильевич опровергает ряд легенд, бытующих о маршале. Например, утверждения, будто «Рокоссовский возил с собой икону, молился на нее». Внук маршала категорически заявляет: «Я знаю, что к религии дед был абсолютно равнодушен — сын своего времени, атеист. Но невоинствующий. Скажем, на Пасху у нас куличи пекли, яйца красили. Он с юмором к этому относился, хотя куличи любил, как и пирожки».

Интересно, что точно такая же легенда про икону бытует и насчет маршала Жукова. Думаю, что она столь же недостоверна, как и аналогичная легенда о Рокоссовском, ничего общего с действительностью не имеет. Жуков был точно таким же сыном своего времени и атеистом — во всяком случае, до старости, когда многим людям приходят в голову мысли о смерти и посмертной участи.

Константин Вильевич признается:

«Меня воспитывали в строгости, кичиться фамилией у нас не было принято. Хотя помню, как во втором классе произошел занимательный случай. Как-то наш класс участвовал в уборке школьного двора, мы копали, сажали деревья, и я, конечно, тоже вместе со всеми возился во дворе. А тут за

кем-то из детей пришли родители, и я услышал, как они сказали: „Смотрите, внук маршала, а с лопатой и тоже копает…“ В их понимании внук маршала должен был быть белоручкой. А нас ведь воспитывали по-другому, приучали к труду и порядку. К примеру, я знал, что дедушка очень не любит, когда без разрешения брали его вещи. И когда дед сам предлагал что-то посмотреть или надеть, то это воспринималось мной как подарок.

Помню, захожу однажды в спальню, смотрю: висит мундир деда с орденами — он на парад собирался. Дед, улыбаясь, спросил: „Хочешь надеть его?“ Ну, я, конечно же, согласился. Мне тогда лет восемь-девять было. Дед надел на меня мундир с орденами, и… я едва устоял на ногах — такой он был тяжелый. Потом долго еще удивлялся, как же дед его носит».

Рокоссовский был награжден двумя Звездами Героя Советского Союза, семью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Победы, орденом Октябрьской Революции, орденами Суворова и Кутузова 1-й степени, польскими орденом «Виртути милитари» со звездой и крестом Грюнвальда 1-й степени, польским орденом «Строителей народной Польши», французским орденом Почетного легиона, французским Военным крестом, американским орденом Легиона чести степени главнокомандующего, монгольскими орденами Сухэ-Батора и Боевого Красного Знамени. Единственный из советских полководцев он был удостоен Рыцарского креста британского ордена Бани. Кроме того, маршал был награжден многими медалями. Среди его наград числится и Почетное оружие с золотым изображением Государственного герба СССР.

Константин Вильевич вспоминал:

«Однажды дед решил научить меня стрелять из малокалиберного спортивного пистолета „Вальтер“, подаренного ему артиллеристами Войска Польского. Нечего и говорить, как я ждал этого дня.

И вот мы изучили этот пистолет вдоль и поперек, я прошел инструктаж — как держать, как прицеливаться, что можно и чего нельзя делать, и клятвенно обещал деду не баловаться и соблюдать осторожность. При этом он мне сказал: „Если будет осечка или вообще какая-то заминка — держи пистолет стволом вверх и не суетись — вместе разберемся“. Мы закрепили на заборе мишень, отошли метров на тридцать. Дед зарядил обойму и сделал несколько пробных выстрелов: убедившись, что с пистолетом все в порядке, передал его мне. Я целюсь, как он сказал, стреляю раз, другой, и тут, решив, что пора бы сходить и посмотреть, каков результат, опускаю пистолет вниз. А спуск у него был очень мягким — пистолет все-таки спортивный. Раздался выстрел, и пуля вошла в землю рядом с моей ногой. Я растерялся, понимая, что совершил непростительную ошибку, и еще неизвестно, чем бы кончилась вся эта история — ведь пистолет-то был самозарядный, и следующий патрон оказался уже в патроннике. Дед, не говоря ни слова, очень спокойно, но твердо вынул пистолет из моей руки и только тогда сказал ледяным тоном: „Все. На сегодня твоя стрельба закончена! Я же говорил тебе, чего нельзя делать ни в коем случае. В следующий раз будешь внимательнее слушать деда“. Не могу описать, как я был расстроен этим конфузом.

Сейчас, вспоминая этот случай, невольно сравниваю поведение деда с поведением в аналогичных ситуациях некоторых офицеров. Мне кажется, именно за эту способность в критической ситуации без суеты, спокойно и рассудительно принять решение и тактично и мягко, не унижая человека криком и бранью, помочь ему выйти из затруднительного положения, и любили деда его подчиненные, от рядового до генерала».

По словам внука маршала, у Рокоссовского в свое время был трофейный полноприводный «штейр», на котором когда-то ездил фельдмаршал Паулюс:

«По рассказам самого деда, это была роскошная машина. Потом американцы подарили ему не менее шикарный „бьюик“. Машина была у нас до 1962 года, после чего дед сдал ее в АХО Министерства обороны и получил новенький ЗИМ. Дед был равнодушен к подобным вещам. Едва ли не единственная реликвия, оставшаяся после него, — военный „виллис“. Я ее отреставрировал. Коллекционеры предлагали мне продать его, сулили немалые деньги, но эту машину я никогда не продам.

Как ни удивительно, дед не водил, хотя пробовал научиться. Но это произошло лишь однажды. Дед рассказывал, что, когда он был в Забайкалье, вместе с товарищами поехал на охоту в степь. Едешь-едешь по степи, как по ровной дороге, почва твердая. И вот кто-то предложил ему поучиться управлять машиной. Сел дед за руль и погнал, врезаться-то никуда нельзя. И все складывалось хорошо, пока каким-то невероятным образом дед не въехал в небольшую балку, наверное, одну на всю степь. А въехал так, что сломал переднюю ось автомобиля. С тех пор за руль он больше никогда не садился».

Интересна судьба еще одного автомобиля, на котором маршалу довелось ездить почти всю войну. Это «шевроле-дивизион-корреспондент-флип-мастер», 1937 года выпуска, доставленный в Советский Союз в ноябре 1941 года из США по ленд-лизу. В 1941–1947 годах «шевроле» был личным автомобилем Рокоссовского, а потом маршал подарил его своему бывшему водителю. Этот автомобиль был специально создан для армейских нужд. Часть его кузова и днище бронированы. «Шевроле» до сих пор на ходу и может развивать скорость до 215 километров в час. Автомобиль Рокоссовского арендовали для съемок советские киностудии. В частности, он появился на экране в культовом телефильме «Семнадцать мгновений весны». Там на нем ездит американский разведчик Аллен Даллес.

Константин Вильевич вспоминал:

«Его любили. Любили все — от членов Политбюро и маршалов до адъютантов, шоферов и егерей. Для нашей семьи он был центром, притягивавшим к себе и родственников, и друзей моих родителей, и даже мои приятели — дети были втянуты в его орбиту. У него была необыкновенная улыбка. Когда что-то не удавалось, он мог повернуться ко мне и сказать с такой детской, обескураживающе застенчивой улыбкой: „Ну вот, брат, видишь, обмишулился дед“. Много лет спустя я смотрел кадры кинохроники, снятые во время битвы под Москвой, на которых он, сурово насупленный, на фоне грозных батальных декораций рассказывает о наступлении наших войск. Вдруг поднимает голову, и я вижу эту застенчивую улыбку: „Ну вот, мол, наговорил тут черт-те чего…“ И только теперь я понимаю, как сложно было через долгую жизнь, казармы, войны, аресты пронести эту улыбку. Несмотря на почести и славу, он так и остался до самой смерти человеком застенчивым и скромным. Когда мы всей семьей смотрели по телевизору парады, то с трудом находили деда — замминистра обороны — где-то на самом краю, а нередко и во втором ряду трибуны для военных. Иногда я слышал, как он говорил бабушке, которая просила его о чем-то: „Но, Люлю, это же неудобно!“

Наша семья ничем не отличалась от любой другой советской семьи. Ну и что, что дед — маршал? У нас в доме всегда была очень демократичная атмосфера. Он ужасно не любил, когда кто-нибудь из гостей, выпивший лишнего, начинал провозглашать тосты за Рокоссовского, за отвагу и полководческий гений. Немедленно напоминал, по какому случаю собрались. В семье вообще был культ скромности. Выделяться чем-либо было стыдно, хотя не скрою, такая возможность была».

У маршала было больное сердце. Но умер он от рака простаты. Сгорел за полгода.

3 марта 1968 года, за пять месяцев до смерти, наверное, уже чувствуя, что жить осталось недолго, Рокоссовский писал внукам:

«Здравствуйте дорогие внуки Павлик и Котя! Дед уже из больницы драпанул и сижу дома, пока еще на больничном режиме. Получил почетное оружие типа кирасирской сабли, красиво отделанной, с большим защитным эфесом и с гербом, напоминающим собой шинельную пуговицу. Вчера собравшимся на празднование у нас нашим представлялся, салютуя по всем правилам кавалерийского искусства. Сейчас мы с бабушкой опять сидим вдвоем и молча ощущаем наше одиночество. По коридорам никто шайбу не гоняет и царит давящая тишина. Но вот пока и все. Крепко вас целуем, а также маму и папу. Пишите, не забывайте старичков.

Дедушка».

«Последние его дни я не застал — мы жили в Новосибирске, я сдавал экзамены в школе, мне было 16, — вспоминает Константин Вильевич. — Приехали к самому концу. Его положили в больницу — родители меня туда не брали. Тяжело это было. Особенно — процедура похорон. Тягостная

обстановка… Я видел, как плакали люди, стоявшие в очереди, чтобы попрощаться с ним. Брежнев тоже плакал, совершенно искренне. Дед у всех вызывал симпатию…

Когда в 1968 году он в очередной раз попал в больницу, в семье уже знали, что дни его сочтены. Помню, за неделю до кончины деда мама привела меня в Кремлевскую больницу, где он лежал. Дедушка едва разговаривал. Но я помню его последние слова: „Береги родителей, учись, чтобы в жизни никому не быть обузой“. Вскоре его не стало.

Прощание проходило в Доме Советской армии — сейчас Дом Российской армии. Там ритуал был отработан: выставлялся гроб, заступал почетный караул… Все время, пока шла церемония прощания, моя бабушка, мать с отцом сидели в зале. Я тоже был вместе с семьей, хотя не так долго. В первый день с дедом прощались члены правительства, военные и, как тогда говорили, другие официальные лица. Я помню, что из всего тогдашнего руководства один Брежнев откровенно плакал. Он вообще, как говорят, был человеком чувствительным. Леонид Ильич подошел к нам, каждого крепко обнял.

На второй день тело деда кремировали, и попрощаться с его прахом могли простые люди. Народу было так много, что члены правительства ставили вопрос о продлении церемонии прощания еще на один день. Но потом все же решили не нарушать традиций, и урна с прахом была захоронена в Кремлевской стене. Я вспоминаю, что, когда все уже закончилось, к нам подошел Алексей Николаевич Косыгин и спросил бабушку: а где внук Рокоссовского? Когда меня показали ему, Косыгин обнял меня за плечи и сказал: „Держись, сынок. И будь таким, как твой дед“. До сих пор не могу понять, почему он обратился именно ко мне…»

Один из ближайших друзей Рокоссовского генерал армии Павел Иванович Батов писал:

«С Константином Константиновичем Рокоссовским мне позже довелось работать долгие годы. Ныне его уже нет среди нас. Писать об этом трудно. Склоняю голову перед его светлой памятью. Бесконечно признателен ему за все, чем обогатила меня боевая служба под его руководством.

Вспоминаю последнюю нашу встречу в госпитале за несколько дней до его кончины. Мы оба знали, что больше друг друга не увидим. Из Воениздата как раз принесли верстку его книги „Солдатский долг“, над которой он работал уже тяжело больным. Константин Константинович подписал книгу в печать и сказал мне:

— Авторский экземпляр я уже тебе не смогу прислать. Но считай, что ты получил его, — и добавил: — Очень хотелось написать воспоминания о гражданской войне, сожалею, что не успел… Ничего мне так не хотелось, как написать о гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!

Да, он сам был солдатом революции…»

Константин Константинович умер в кремлевской больнице 3 августа 1968 года. Его похоронили в Кремлевской стене. Сам Рокоссовский возражал против этого, но никаких распоряжений насчет своих похорон при жизни не оставил.

В сегодняшней Польше его почти забыли, а вот россияне помнят и до сих пор испытывают чувство благодарности к одному из спасителей Москвы в 1941-м и победителей нацистской Германии в 1945-м. И, безусловно, Рокоссовский остался в памяти народной как самый по-человечески симпатичный из советских маршалов. Константину Константиновичу пришлось существовать в условиях тоталитарной системы — суровой, подозрительной, невысоко ценившей людскую жизнь. Но он сумел так встроиться в эту систему, что, достигнув высоких чинов и наград, совершив великие ратные дела, не потерял чувство чести и собственного достоинства. Вечная ему память!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Начальник Секретариата министра национальной обороны Польской Народной Республики — Заместителю председателя Совета Министров и министру национальной обороны Польской Народной Республики маршалу тов. Рокоссовскому Константину Константиновичу.

Варшава 6.7. 1953 г.

Докладная записка

Выполняя Ваше поручение по вопросу выяснения даты, места рождения и смерти ваших родителей, путем выезда на место, удалось установить следующее:

1. Ваш дед, Винценты Рокоссовский, проживал в 1853 году в деревне Зёмки, волость Бараново, Пшаснышского уезда быв. Ломжинской губ., ныне Варшавского воеводства. В 1853 году ему было 26 лет, следовательно, родился он в 1827 году. Место рождения деда установить не представилось возможным. В дер. Зёмки дед проживал, по всей вероятности, до 1856–1857 гг. С 1858 по 1871 год попеременно проживал в дер. Стоки и Попелярня, работал он в качестве подлесничего в лесах помещика Комарова, а после их национализации работал в государственных лесах. Год и место смерти деда также не представилось возможным установить. Жена Винценты Рокоссовского, а Ваша бабка — Констанция Рокоссовская, из дома Холевицких, проживала вместе с Вашим дедом в местах, упомянутых выше, до 1871 года и была, по всей вероятности, домохозяйкой.

2. Семья Вашего деда — Винцентия Рокоссовского, как следует из прилагаемых документов, состояла из следующих лиц:

1) Рокоссовский Ксавери-Юзеф, родившийся 19-го марта 1853 года (в приложенной к докладной записке метрической записи Ксаверия Юзефа Рокоссовского отмечалось, что он был крещен 8/20 марта 1853 года. — *Б. С.*) в дер. Зёмки, волости Бараново, Пшаснышского у. б. Ломжинской губ., ныне Варшавского воеводства.

2) Рокоссовская Владислава Юанна, родившаяся 27-го декабря 1858 г. в дер. Зёмки.

3) Рокоссовский Александр-Аполлинарий, родившийся 23-го июля 1858 г. в дер. Стока (здесь, несомненно, какая-то путаница в датах, так как Владислава и Александр никак не могли родиться в одном и том же году. Возможно, Владислава родилась в 1856 году. — *Б. С.).*

4) Рокоссовский Константин-Винценты, родившийся 4 февраля 1860 г. в дер. Попелярни.

5) Рокоссовский Михаил-Петр, родившийся 18-го октября 1861 г. в дер. Попелярни.

6) Рокоссовский Францишек-Ян, родившийся 2-го апреля 1863 г. в дер. Попелярни.

7) Рокоссовская Мария Констанция, родившаяся 19-го июля 1864 года в дер. Попелярни.

8) Рокоссовская София-Хелена, родившаяся 29-го декабря 1866 года в дер. Попелярни.

9) Рокоссовский Станислав Ян, родившийся 23-го июня 1871 г. в дер. Стоки.

На этом обрываются какие-либо сведения о дальнейшей судьбе деда и его семьи в упомянутых выше местностях (в списке детей Винцентия Рокоссовского отсутствует Стефания Рокоссовская, которая, очевидно, родилась после 1871 года в какой-то другой деревне или городе. — *Б. С.).*

2. Ваш отец, Рокоссовский Ксавери-Юзеф, родился 19-го марта 1853 года в дер. Зёмки, волости Бараново, Пшаснышского уезда, быв. Ломжинской губ., ныне Варшавского воеводства. Умер 17 октября 1902 года, в Варшаве, в Пражской больнице, и погребен на Брудновском кладбище (дата погребения — 20 октября 1902 года, согласно справке, выданной канцелярией Брудновского кладбища. — *Б. С.*). Все документы, связанные со смертью Рокоссовского Ксаверия, хранятся в канцелярии Брудновского кладбища и в костеле Святого Флориана на Праге (в свидетельстве о смерти Ксаверий Юзеф Рокоссовский был назван «частным официалистом». Обычно так называли управляющих имениями, дворецких, мажордомов и т. п. — *Б.* С). Ваш отец перед смертью проживал в гор. Варшава, по ул. Сталова, 5. Каких-либо сведений о семье Вашего отца за это время получить

не представилось возможным, ввиду того, что эти данные были уничтожены в период немецкой оккупации. После своей смерти отец оставил жену, Вашу мать — РОКОССОВСКУЮ Атониду (Антонину), девичья фамилия которой была ОВСЯННИКОВА.

При выезде в Великие Луки за получением метрической выписи на Вас, а также собрать какие-либо сведения о семье Вашего отца не представилось возможным, так как данные за 1896 год по Великим Лукам не сохранились. По заявлению начальника Областного Управления милиции по Великолукской области полковника милиции КОРШУНОВА и из рассказов некоторых стариков, ранее работавших в железнодорожных мастерских гор. Великие Луки, Ваш отец действительно работал в этот период в названных мастерских в качестве рабочего.

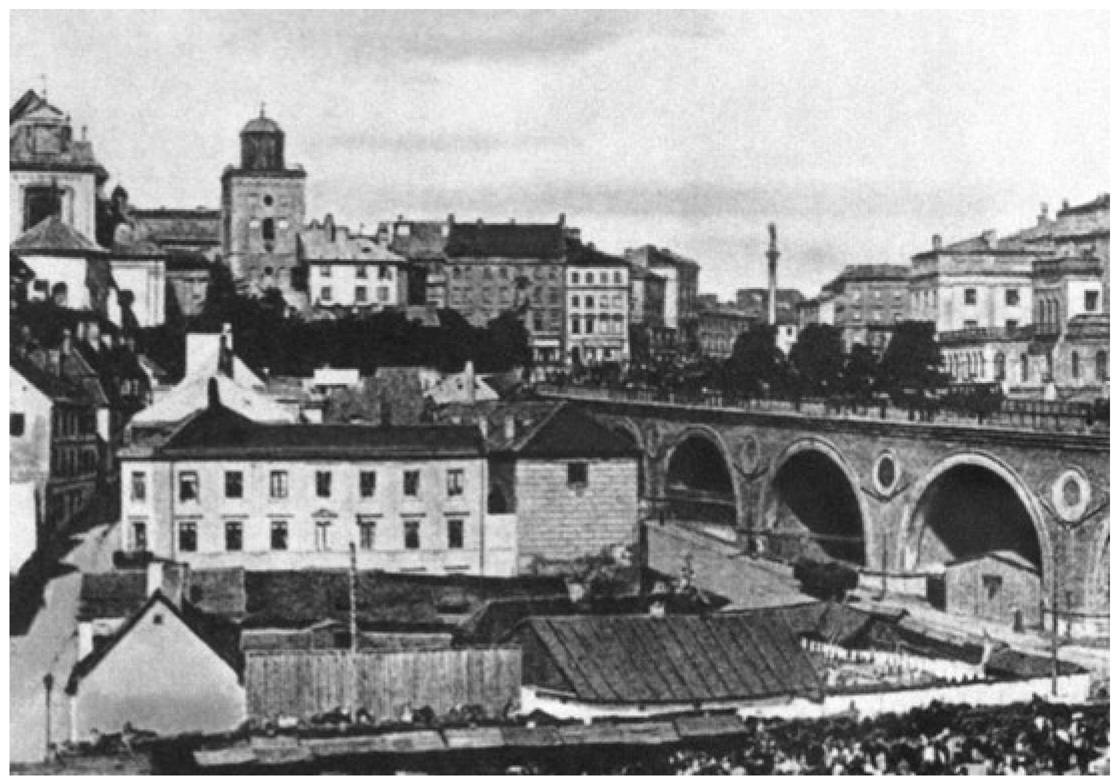
Как заявил полковник Коршунов, метрическую выпись по Вашему отцу можно будет получить в Центральном Управлении милиции (там Рокоссовского ждала неудача. Согласно справке от 24 июня 1953 года, выданной К. К. Рокоссовскому управлением милиции Великолукской области, «актовой записи о рождении по г. В. Луки за 1895–96 гг. не имеется. Проверено за 7 лет». — *Б. С.)*.

В гор. Великие Луки установлен Ваш бюст на площади против городского театра. Фотоснимок бюста на мраморном постаменте прилагаю. Скульптор бюста Агузур. Бюст отлит из бронзы в гор. Ленинграде.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое по тексту на 13-ти листах.

Полковник С. Гудович (подпись).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Варшава времен детства Кости Рокоссовского

Константин в 18 лет

Могила сестры Рокоссовского Хелены с измененной датой рождения

Фотография похорон Хелены. Из таблички на гробе следует, что покойная родилась в 1896 году

Рокоссовский (в центре) с дядей Константином (первый слева) и двумя его сыновьями — Павлом и Винценты

Каменотесная мастерская на улице Стшелецкой, где работал будущий маршал

***Последние части русской армии покидают Варшаву.* 1915 г.**

Драгун Константин Рокоссовский. **1916 г.**

Командир 35-го кавалерийского полка Рокоссовский (второй слева во втором ряду) со своими бойцами. **1921 г.**

С женой Юлией. **1926 г.**

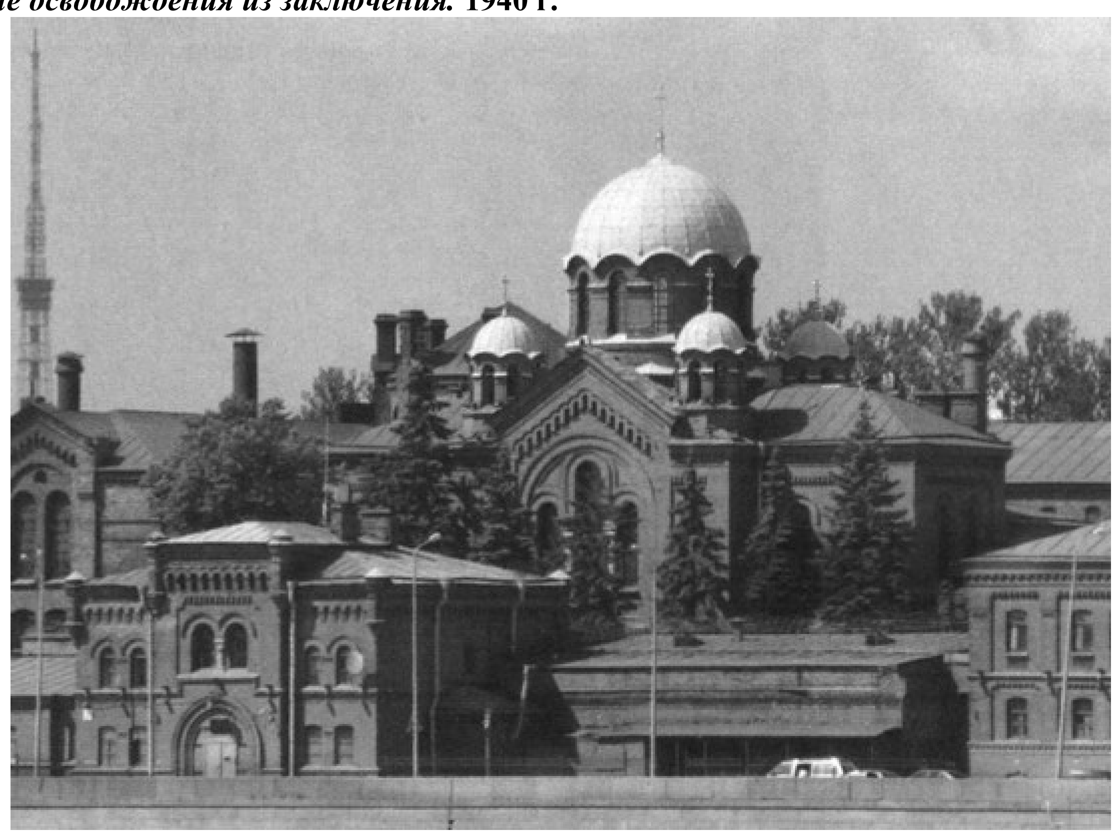
***Рокоссовский в Забайкалье.* 1931 г.**

***На курсах красных командиров в Москве.* 1929 г.**

***После освобождения из заключения.* 1940 г.**

В знаменитой тюрьме «Кресты» Рокоссовский провел почти три года

Командир 16-й армии Рокоссовский и его подчиненные во время боев под Волоколамском

Немецкая техника, брошенная при отступлении от Москвы

Г. К. Жуков

И. С. Конев

Л. А. Говоров

Р. Я. Малиновский

Рокоссовский с группой московских артистов, прибывших на фронт с выступлениями

С боевыми товарищами — генералами М. С. Малининым и А. А. Лобачевым

В госпитале после ранения. **Май 1942 г.**

С командным составом 16-й армии. **Лето 1942 г.**

Эрих фон Манштейн

Гейнц Гудериан

Ганс фон Клюге

Федор фон Бок

Рокоссовский и генерал Н. Н. Воронов допрашивают взятого в плен под Сталинградом фельдмаршала Паулюса

Уличные бои в Сталинграде

После Сталинградской битвы Рокоссовский стал известен далеко за пределами СССР. Весной 1943 года его портрет появился на обложке американского журнала «Тайм»

Парадное фото «маршала Победы»

Рокоссовский и его друг — генерал П. И. Батов

В заснеженной донской степи

Рокоссовский поднимается на аэростате, чтобы осмотреть театр военных действий

С генералами И. Г. Захаркиным и К. Ф. Телегиным

С женой Юлией Петровной и дочерью Ариадной

Фронтовая подруга Рокоссовского — Галина Таланова

Рокоссовский и Батов в расположении 65-й армии в дни операции «Багратион»

Победный май 1945-го. Рокоссовский с бойцами 2-го Белорусского фронта

Встреча с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери

Рокоссовский перед Парадом Победы в Москве

Жуков и Рокоссовский принимают Парад Победы

Начало мирной жизни. Маршалы Говоров, Рокоссовский, Конев и Мерецков с народным артистом СССР Р. Н. Симоновым

Рокоссовский с боевыми товарищами — генералом Н. С. Осликовским…

…и генералом А. Н. Боголюбовым

LEGITYMACJA Nr 54

tow. Rokossowski
Konstanty

jest członkiem
KOMITETU CENTRALNEGO
POLSKIEJ ZJEDNOCZONEJ
PARTII ROBOTNICZEJ

Warszawa 13 listopada 1949 r.

Przewodniczący
K.C.P.Z.P.R.

własnoręczny podpis

Удостоверение, выданное Рокоссовскому после его назначения министром обороны Польши

На приеме у президента Польши Болеслава Берута

Единственный в истории маршал двух армий — советской и польской

***Рокоссовский с семьей в Польше.* 1948 г.**

На маневрах Войска польского

Жуков и Рокоссовский в 1956 году. Отношения двух «маршалов Победы» всегда были непростыми

***Главный военный инспектор Министерства обороны Рокоссовский на Северном флоте.* 1962 г.**

Маршал с внуками

С дочерью Ариадной в Крыму

Рокоссовский во время работы над книгой воспоминаний «Солдатский долг»

Похороны Рокоссовского. **Москва, 5 августа 1968 г.**

Памятник маршалу в подмосковном Зеленограде

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. К. РОКОССОВСКОГО

1894 (или 1896), 8/20 декабря — в Варшаве в семье железнодорожного ревизора Ксаверия Юзефа Рокоссовского и его жены Антонины (Атониды), урожденной Овсянниковой, родился сын Константин, крещенный в православии.

1909–1914 — работал в каменотесной мастерской своего дяди Стефана Высоцкого в Варшаве, а потом в местечке Груец в 35 километрах юго-западнее Варшавы.

1914, 2 августа — поступает охотником (добровольцем) в 5-й Каргопольский драгунский полк.

8 августа — отличился во время проведения разведки у деревни Ястржем, за что 28 октября награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в ефрейторы.

1915, 20 июля — награжден Георгиевской медалью 4-й степени за отличие в боях у местечка Трашкуны.

1916, 25 мая — вторично награжден Георгиевской медалью 4-й степени за отличие во время разведывательного поиска. Во изменение приказа, согласно существующему порядку, вручена медаль 3-й степени.

Октябрь — направлен в полковую учебную команду.

1917, 29 марта — по окончании учебной команды произведен в младшие унтер-офицеры.

26 сентября — за успешную разведку у местечка Кроненберг представлен к Георгиевской медали 2-й степени, которой и был награжден 21 ноября.

15 декабря — вступил в Каргопольский красногвардейский отряд.

1918, 21 марта — приказом по 5-му Каргопольскому драгунскому полку исключен с 18 марта из списков полка в числе драгун, «переведенных в Вологодский военный отдел и зачисленных в Красную Армию».

1 октября — назначен помощником начальника Каргопольского кавалерийского отряда и командиром эскадрона 15-го кавалерийского полка.

1919, 7 марта — стал членом РКП(б), партийный билет № 5239.

1 апреля — назначен помощником командира сводного Уральского имени Володарского полка.

1 мая — назначен командиром 2-го Уральского отдельного дивизиона имени Володарского.

4 ноября — за захват в бою под селом Вакоринское неприятельской батареи представлен к ордену Красного Знамени, которым был награжден 4 апреля 1920 года.

7 ноября — ранен в правое плечо в бою у деревни Караульная Ишимского уезда Тобольской губернии.

1920, 23 января — назначен командиром 30-го конного полка 30-й стрелковой дивизии.

8 августа — назначен командиром 35-го кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии.

1921, февраль — 35-й кавполк переформирован в 35-й отдельный кавдивизион.

2 июня — тяжело ранен в ногу в бою с бригадой Азиатской дивизии под командованием генерала Б. П. Резухина у станицы Желтуринской на подступах к Троицкосавску. В этом бою Рокоссовский контратакой спас от гибели пехотный батальон, за что был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Октябрь — назначен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

1922, октябрь — в связи с переформированием 5-й Кубанской кавдивизии в отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду назначен командиром 27-го кавполка этой бригады.

1923, 30 апреля — вступил в брак с Юлией Петровной Барминой.

1924, сентябрь — откомандирован в Ленинград в Высшую кавалерийскую школу, вскоре преобразованную в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС).

1925, 17 июня — рождение дочери Ариадны (Ады).

6 сентября — после окончания ККУКС назначен командиром 75-го кавполка (бывшего 27-го кавполка) 5-й отдельной Кубанской кавбригады.

1926, 1 июля — назначен инструктором отдельной Монгольской кавдивизии в Улан-Баторе.

1927, 18 ноября — «за успешное выполнение особых заданий во время нахождения в командировке» награжден золотыми часами с надписью «От Революционного военного совета Сибирского военного округа».

1928, июль — возвращение из Монголии. Назначен командиром-комиссаром 5-й отдельной Кубанской кавбригады, дислоцировавшейся в Даурии.

1929, январь — апрель — командирован в Москву на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС).

Октябрь — ноябрь — во главе 5-й отдельной Кубанской кавбригады участвует в советско-китайском конфликте вокруг КВЖД.

1930, январь — назначен командиром и комиссаром 7-й Самарской им. Английского пролетариата кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа.

13 февраля — за отличия в боях на КВЖД награжден третьим орденом Красного Знамени.

1932, февраль — назначен командиром и комиссаром 15-й отдельной Кубанской кавалерийской дивизия (в нее была развернута 5-я отдельная Кубанская кавбригада).

1933, осень — за успехи в боевой подготовке награжден орденом Ленина.

1935, 26 ноября — присвоено персональное военное звание «комдив».

1936, февраль — назначен командиром и комиссаром 5-го кавалерийского корпуса Ленинградского военного округа.

1937,13 июня — отстранен от командования 5-м кавалерийским корпусом и направлен в распоряжение Наркомата обороны.

27 июня — дивизионной парторганизацией исключен из партии «за потерю политической бдительности».

17 августа — арестован НКВД и помещен во внутреннюю тюрьму Ленинградского УГБ НКВД «Кресты».

1940, 22 марта — освобожден из заключения с восстановлением в партии и полной реабилитацией.

Апрель — июль — находился в распоряжении Управления начальствующего состава Красной армии.

Май — присвоено звание «генерал-майор».

Июль — назначен командиром 5-го кавалерийского корпуса.

Ноябрь — назначен командиром 9-го механизированного округа, Киевский особый военный округ.

1941, 11 июля — назначен командующим 4-й армией.

17 июля — назначен командующим оперативной группой войск Западного фронта в районе Ярцево.

23 июля — за умелое руководство боевыми действиями 9-го механизированного корпуса награжден четвертым орденом Красного Знамени.

8 августа — назначен командующим 16-й армией Западного фронта.

11 сентября — присвоено звание генерал-лейтенанта.

1942, 8 марта — тяжело ранен осколком снаряда в Сухиничах.

9 марта — 22 мая — находился на излечении в госпитале в здании Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

13 июля — назначен командующим Брянским фронтом.

28 сентября — назначен командующим Донским фронтом.

1943, 15 января — присвоено воинское звание генерал-полковника.

5 февраля — награжден за победу под Сталинградом орденом Суворова 1-й степени. В тот же день назначен командующим войсками Центрального фронта.

28 апреля — присвоено звание генерала армии.

20 октября — назначен командующим войсками Белорусского фронта, в который переименован бывший Центральный фронт.

1944, 17 февраля — Белорусский фронт преобразован в 1-й Белорусский фронт.

29 июня — за успешные действия в операции «Багратион» присвоено звание Маршала Советского Союза.

29 июля — «за образцовое выполнение боевых заданий по руководству операциями фронтов» присвоено звание Героя Советского Союза.

12 ноября — назначен командующим войсками 2-го Белорусского фронта.

1945, 22 января — военный совет 2-го Белорусского фронта издал приказ № 006, в котором потребовал установить «в кратчайший срок образцовый порядок и железную дисциплину» во всех войсковых частях и прекратить насилия против мирного немецкого населения и убийства пленных.

31 марта — «за искусное руководство крупными операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск», награжден орденом Победы.

1 июня — «за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга и достигнутые в результате этих операций успехи» присвоено звание дважды Героя Советского Союза.

10 июня — назначен командующим Северной группой советских войск в Польше. Управление группы создано на базе полевого управления 2-го Белорусского фронта.

24 июня — командовал Парадом Победы в Москве.

1946, 1 июня — участвовал в Высшем военном совете, на котором выступил с критикой маршала Г. К. Жукова.

1949, 7 ноября — назначен министром национальной обороны Польской Народной Республики с присвоением звания маршала Польши.

1950, 10 мая — избран членом политбюро ЦК ПОРП.

1951, декабрь — за выдающиеся заслуги в боях за освобождение Польши и укрепление обороноспособности Войска польского награжден орденом «Строителей народной Польши».

1952, октябрь — после избрания депутатом сейма назначен заместителем премьер-министра.

1956, 13 ноября — не избран в состав политбюро ЦК ПОРП и подал в отставку со всех государственных и партийных постов в Польше.

Ноябрь — назначен заместителем министра обороны и членом коллегии Министерства обороны СССР.

1957, июнь — назначен главным военным инспектором и заместителем министра обороны.

Октябрь — назначен командующим войсками Закавказского военного округа.

28–29 октября — участвовал в работе пленума ЦК КПСС, посвященного разбору обвинений министра обороны Г. К. Жукова в «бонапартизме». Выступил с критикой в адрес Жукова.

1958, январь — вновь назначен главным военным инспектором и заместителем министра обороны.

1962, апрель — назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

***1968, 3 августа* —** скончался в Москве от рака простаты.

5 августа — государственные похороны К. К. Рокоссовского. Урна с прахом захоронена в Кремлевской стене.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Антипенко Н. А. На главном направлении. М., 1967.

Батов П. И. В походах и боях. 2-е изд. М., 1966.

Батов П. И. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1970.

Батов П. И. Человек, коммунист, командир. М., 1971.

Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне 1939–1945 / Пер. с нем. М., 2004.

Белобородов А. П. Всегда в бою. М., 1984.

Бивор Э. Падение Берлина. 1945 / Пер. с англ. М., 2004.

Битва за Москву. М., 1966.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1–2. М., 2002.

Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., 1993.

Брейтвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне. М., 2006.

Верт А. Россия в войне 1941–1945 / Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2003.

Вклад Польши и поляков в победу союзников во II мировой войне. 1939–1945. Варшава, 2005.

Вогулов С. В побежденной Германии. (Б. м.), 1947.

Волкогонов Д. А. Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия. 1993. 8 мая.

Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., 1994.

Геббельс Й. Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1993.

Гейко Ю. Чего нам стоила победа под Москвой? // Комсомольская правда. 1995. 27 декабря.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989.

Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры. Документы. М., 2002.

Гот Г. Танковые операции. М., 1961.

Гофман И. Сталинская война на уничтожение / Пер. с нем. М., 2006.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск, 1998.

Гуров А. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 8.

Дайнес В. О. Рокоссовский. Гений маневра. М., 2008.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1–3. М., 1995.

Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-померанская наступательная операция советских войск. Февраль — март 1945 г. М., 1960.

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Из семейных архивов полководцев. М., 2006.

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. М., 2008.

Кальтенэггер Р. Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. Пер. с нем. М., 2007.

Кардашов В. И. Рокоссовский. 3-е изд. М., 1980.

Киселев В. Н. Висла — Арденны, 1944–1945//Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

Клавинг В. Западный фронт: Германия в войне 1939–1945. М., 2005.

Коломиец М., Свирин М. Курская дуга. М., 1999.

Конецки Т., Рушкевич И. Маршал двух народов / Пер. с польск. Варшава, 1980.

Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. М., 2007.

Лебединцев А. 3. Самый человечный полководец СССР. Незабываемые выступления маршала Рокоссовского // Независимое военное обозрение. 2006. 22 декабря.

Лобачев А. А. Трудными дорогами. М., 1960.

Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2007.

Лопуховский Л. Н. Прохоровка без грифа секретности. М., 2005.

Махрин Ю. Фронтовая любовь маршала Рокоссовского // Труд. 2005. 8 сентября.

Митчем С. В., Мюллер Дж. Командиры Третьего Рейха / Пер. с англ. Смоленск, 1995.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы / Пер. с англ. Смоленск, 1998.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. М., 2003.

На приеме у Сталина. М., 2008.

Невежин В. А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.

Неймарк Н. М. Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века / Пер. с англ. М.; СПб., 2005.

Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894. Памятная книжка Варшавской губернии на 1896 г. Варшава, 1896. Памятная книжка Варшавской губернии. 1911 г. Варшава, 1911.

Польц А. Женщина и война // Нева. 2004. № 2.

Польша — СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Под ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахарова. М., 2005.

Пономаренко Р. О. 10-я танковая дивизия «Фрундсберг». М., 2009.

Пронин А. В. «Окопная правда» маршала Еременко. Она страшнее и трагичнее правды рядового бойца // Независимое военное обозрение. 2000. 28 апреля.

Рабичев Л. Н. Война все спишет. М., 2008.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой / Пер. с нем. М., 1980.

Рачинский В. В. Моя жизнь: Автобиогр. очерк. М., 1992.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968; 5-е изд. М., 1988. Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.

Рубцов Ю. В. «Советский Багратион»: Маршал К. К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6.

Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин. Т. 15 (4–5). М., 1995.

Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Т. 15 (4–4). М., 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14 (3–1). М., 1994.

СандаловЛ. М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Свердлов Ф. Д. Неизвестное о советских полководцах. М., 1995.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Симонов К. М. 100 суток войны. Смоленск, 1999.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

Смирнов Е. И. Война и военная медицина. 2-е изд. М., 1979.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2 т. Документы / Т. 2. 1949–1953 гг. / Под ред. Т. В. Волокитиной. М., 2002.

Соколов Б. В. Жуков: триумфы и падения. М., 2004.

Соколов Б. В. Красный колосс. Почему победила Красная Армия. М., 2007.

Соколов Б. В. Разведка. Тайны Второй мировой войны. М., 2001.

Солженицын А. И. Дороженька. М., 2004.

Солженицын А. И. Пьесы. М., 1990.

Сталинград. События. Воздействие. Символ / Пер. с нем. М., 1994.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1–2. М., 2002.

Танковые войска в обороне Курского плацдарма (Сборник материалов по изучению опыта войны. Вып. 11, март — апрель 1944 г.). М., 1944.

Телегин К. Ф. Войны несчитанные версты. М., 1988.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр» / Пер. с нем. М., 2006.

Ходаренок М. Поклонение «кулачной тактике» // Независимое военное обозрение. 2003. № 9.

Ходаренок М. Черный октябрь 41-го // Независимое военное обозрение. 2002. № 20.

Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. М., 2005.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.

Erickson J. The Road to Berlin. Boulder (Colorado), 1983.

GlantzD. M., House J. M. The Battle of Kursk. Lawrence (Kansas), 1999.

White O. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge, 2003 (перевод фрагментов на русский язык: ***Уайт О.*** Глазами военного корреспондента http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html).

Примечания

1

РГВИА. Ф. 3557. Оп. 1. Д. 44.

2

РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1571. Л. 11 и об.

3

РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1.Д. 58. Л. 135.

4

РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1.Д. 429. Л. 113–114.

5

РГВИА. Ф. 3557. Оп. 1. Д. 173. Л. 135.

6

РГВИА. Ф. 3557. Оп. 1. Д. 102. Л. 171.

7

РГВИА. Ф. 3557. Оп. 1. Д. 102. Л. 172.

8

РГВИА. Ф. 3557. Оп. 1. Д. 38. Л. 61, 407.

9

РГАСПИ.Ф.83 Оп. 1. Д. 29. Л. 94–98.

10

РГАСПИ.Ф.83 Оп. 1. Д. 29. Л. 99–107.